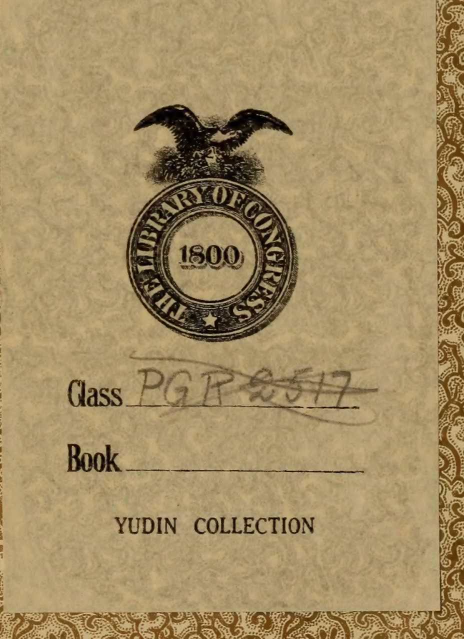

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

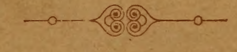

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

А. Е. Ващенко-Захарченко.

МЕМУАРЫ
О
ДЯДЮШКАХЪ
И
ТЕТУШКАХЪ.

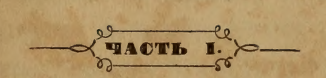

МОСКВА.

МЕМУАРЫ
О
ДЯДЮШКАХЪ
И
ТЕТУШКАХЪ.

А. Е. ВАЩЕНКО-ЗАХАРЧЕНКО.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.

Qu'on vante avec transport les vertus de sa nation, mais qu'on ne soit pas aveugle sur ses vices. M. Helvetius.

Kannst du nicht Allen gefallen durch deine That und dein Kunstwerk,
Mach es Einigen recht; Vielen gefallen ist schlimm. Schiller.

Tout âme qui lira ce livre en deviendra meilleure, et pourra dire: J'ai senti entrer en moi une vertu. Eugène Pallaton.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 16 дня, 1860 года.

Цензоръ *А. Драшусовъ.*

ГЛАВА I.

Сѣрое небо свѣтлѣетъ, въ безпредѣльной вышинѣ слышенъ крикъ журавлей. Солнце еще не показывается, только что начало разсвѣтать. На отдаленномъ горизонтѣ засинѣлъ лѣсъ. Дѣйствіе происходитъ въ благословенной Малороссіи, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

У ногъ вашихъ открывается дремлющая перспектива глубокой балки. Въ концѣ ея, какъ блюдо полированной стали, видѣнъ прудъ, роскошной зеленью густыхъ деревъ окаймленный. Въ этой зелени группируются беленькія крестьянскія избушки и, скромно выглядывая съ своими соломенными кровлями и закопченными дымарями, тянутся впередъ, ломаной линіей минуютъ господскій дворъ, примыкающій къ липовой рощѣ, и скрываются въ глубинѣ долины.

Направо отъ васъ старое кладбище и деревянная церковь на самомъ шпилѣ, такъ смѣло стоитъ, что въ первую бурю, не рѣдкую въ степяхъ Ма-

лороссіи, деревянныя истлѣвшія стѣны церкви врядъ ли воспротивятся порывамъ вѣтра, который при этомъ случаѣ жалобно застонетъ въ щеляхъ и зазвенитъ въ высокомъ куполѣ выгорѣвшими стеклами, готовъ будетъ сокрушить полусогнившія рамы, задѣланныя ржавой рѣшеткой.

Мимо убогой, почернѣвшей церкви, сѣрой змѣйкой извивается пыльная дорога, бѣжитъ она въ самый низъ, прячется въ ольховой заросли, чтобы подняться на высокую плотину, обсаженную кудрявыми вербами. Надъ вашей головой съ шумомъ пронеслось стадо дикихъ утокъ; описавъ овалъ въ воздухѣ, опустилось оно среди пруда, встряхнуло крыльями, вытянуло рѣзвыя шейки; поплыло и скрылось въ свѣтло-зеленыхъ побѣгахъ тростника и осоки. Пониже гребли въ кустахъ дикаго орѣшника, господствующаго надъ высокой луговой травой, хоръ птичекъ привѣтствуютъ пылающій востокъ. Мѣстами картина начинаетъ драпироваться тонкой пеленой пара, который, поднявшись надъ водой, потянулся въ глубину балки.

Среди плотины бревенчатый мостикъ съ кривыми перилами. Возлѣ мостика двѣ низенькія, рубленыя изъ бревенъ мельницы; стѣны ихъ мѣстами поросли зеленымъ мхомъ, крыши кое гдѣ продырявѣли, фасады же ихъ вошли въ сырую землю до половины. Чистая вода журчитъ сквозь щели досчатыхъ лотоковъ, разсыпается серебряными прядями на свѣжемъ дернѣ, обрамливающемъ по-

дошву ската. За плотиной, на противоположной сторонѣ деревни, высокая вѣтреная мельница смѣло раскинула сѣрыя свои крылья въ голубомъ пространствѣ.

За мельницей стелется степь, якъ дымъ. Въ дали синѣютъ горы, желтѣютъ пески и сверкаетъ старикъ Днѣпръ.

Господскій дворъ обнесенъ барканомъ, садъ тыномъ, частоколомъ и мѣстами рвомъ. На сплошной массѣ зелени бѣлѣютъ панскія свѣтлицы. Широкое крыльцо съ низенькимъ досчатымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ колонками, четырехугольными и рѣзными, прилѣпилось между шестью узкими окнами передняго фасада. Другое крылечко, безъ навѣса, просто рундукъ, выглядываетъ съ лѣвой стороны поперечнаго фасада и выходитъ въ огородчикъ. Домъ довольно старъ, съ высокой тростниковой кровлей и двумя кирпичными трубами. Узкія окна, съ позеленѣвшими и загорѣлыми стеклами, до половины закрываются вѣтвями сирени, боярышнику, розъ, черемухи и акаціи. Налѣво отъ подъѣзднаго крыльца тянется рядъ кладовыхъ, на чердакѣ ихъ устроено лѣтнее помѣщеніе. Направо господская пекарня, высокая голубятня, катрага надъ землянымъ погребомъ, ледникъ; въ концѣ двора большая шопа *) и досчатая конюшня.

---

*) Сарай.

За конюшней открывается другой міръ. Цѣлыя горы навозу, наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго, занимаютъ большую часть мѣста возлѣ конюшни.

Людская кухня, огромная изба съ двумя дверями, выходитъ на улицу. Это мѣсто во время обѣда и ужина бываетъ очень воодушевленно и шумно. Господскій дворъ пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ дорожки, босыми ногами протоптанныя. За чернымъ дворомъ ряды загоновъ, клѣвовъ, сараевъ, повитокъ занимаютъ не малое пространство. Въ концѣ всѣхъ службъ, помѣстилась птичня, мимо задней стѣны которой идетъ улица съ крестьянскими избами, расположенными огородами къ пруду. Деревня эта называется Раковой Балкой; почему она такъ, а не иначе называется, никто не скажетъ, а всѣмъ извѣстно, что въ прудахъ, на протяженіи всей долины, раковъ никто не ловилъ и не видалъ,—что все-таки не мѣшало деревнѣ, которая передъ вами, Раковой-Балкой называться. Съ разцвѣтшимъ утромъ пробудилась отдыхавшая дѣятельность. Изъ плетневыхъ трубъ показался кое-гдѣ дымъ, у колодцевъ на выгонѣ заскрипѣлъ журавель. Корыта наполнились свѣжей водой; летучимъ эскадрономъ промчался къ нимъ табунъ степныхъ коней. Испуганное стадо индѣекъ спряталось въ густой бурьянъ; гуси съ крикомъ бросились въ сторону съ дороги. Утки однѣ спокойно полоскались въ грязной копанкѣ,

не обращая вниманія на то, что̀ вокругъ ихъ происходило.

Изъ дверей птични выползла старуха, лицо ея въ частыхъ складкахъ, усѣянныхъ веснушками, имѣло птичье выраженіе, да и весь корпусъ ея похожъ былъ на индѣйку съ выщипаннымъ хвостомъ. Старуха вынесла плетеную изъ соломы коробку, наполненную зернами; разсыпала ихъ на расчищенномъ точку и дребезжащимъ голосомъ начала сзывать птицъ. На знакомый голосъ откликнулись дружно стада птицъ; гуси были дальше всѣхъ и первыя закричали радостно, захлопали бѣлыми крыльями и явились прежде, оставя кургузыхъ индѣекъ далеко назади. Встревоженныя куры показались на крышахъ и рѣшились летѣть; но не хватило у нихъ способовъ на это предпріятіе; съ половины пути опустились онѣ на землю и мелкой рысью прибѣжали на точокъ. Утки, длинной, качающейся нитью, явились послѣднія и вмѣшались въ пеструю толпу.

Быстро и жадно клевали птицы кормъ, передавая въ тихихъ и короткихъ звукахъ своего голоса пріятныя ощущенія. Мальчикъ, въ соломенной шляпѣ, съ подкоченными колошами бѣлыхъ штановъ, въ кобенякѣ, съ герлыгой на плечѣ, и съ кускомъ хлѣба за пазухой, гналъ на пастбище коровъ, проклиная во все горло аспидску скотыну и тѣхъ, кому она принадлежитъ. Въ концѣ болота острилась коса; на равнинѣ плуги пахали

новь. Погоничи дикими и печальными голосами ободряли воловъ, которые отъ жару шатали крутыми боками. На другой сторонѣ пруда, на зеленой лужайкѣ, раздавались громкія пѣсни.

Черный котелъ бѣлыми клубами кипѣлъ на огнѣ; синій дымъ при тихой погодѣ плылъ тонкими слоями по-надъ болотомъ. Дивчата въ запаскахъ, плотно обхватывающихъ ихъ округлости, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубахахъ, съ зашитыми заполочью руковами, длинными полосами разстилали холсты на косогорѣ.

Изъ полурастворенныхъ дверей мельницы звучно несся однообразный стукъ оскарда, наковывавшаго камень. Низенькій человѣчекъ, согнутый временемъ и засыпанный мучною пылью, стоя однимъ колѣномъ на камнѣ, прилежно работалъ. Позади мельника притаился сосѣдскій рябко (не страшившійся ни одной вѣдьмы) и, поджавъ сбившійся въ тилтупья хвостъ, лакомился обмекоцей, поглядывая изрѣдка на дверь — спасительный выходъ въ случаѣ нападенія со стороны мельника. Двѣ молодыя крысы любопытно высматривали изъ норы и, шевеля усами, размышляли, куда бы имъ пробраться безопаснѣе въ мѣшокъ, наполненный пшеничною мукой. Деревня кипѣла движеніемъ; въ господскомъ домѣ открыли ставки.

Отъ конюшни къ кухнѣ пробѣжалъ мальчишка, потрясывая уздой и курныкая санжаривку. Двери, ведущія въ домъ, разстворились; въ нихъ показа-

лась круглая, румяная, какъ ржаной хлѣбъ, дѣвушка. Волосы на ея головѣ были въ безпорядкѣ разметаны; она остановилась на порогѣ и, прижмуря плутовскіе и заспанные глаза, бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ. На ступеняхъ крыльца она сбила съ ногъ лакея, натягивавшаго холстинную куртку на свои плеча. Слѣдствіемъ этого было то, что лакей произнесъ любезное: тю! и поторопился схватить дѣвушку за талію. Дѣвушка съ хохотомъ вырвалась отъ кавалера и бросилась бѣжать по направленію къ кухнѣ. Натянувъ куртку, лакей счелъ нужнымъ заняться на крыльцѣ чисткой столовыхъ ножей и поэтому преисправно поплевывалъ на нихъ и теръ суконкой, на которой рыжелъ тертый кирпичъ.

У первой ступеньки крыльца лежалъ мельничный камень, по немъ и по четыремъ ступенькамъ вы всходите на крыльцо. Широкая дверь ведетъ васъ въ сѣни; остановясь среди сѣней, спиной ко входнымъ дверямъ, вы увидите дверь налѣво въ переднюю, направо въ дѣвичью, а прямо въ залъ. Взойдемъ въ переднюю и изъ ней остановимся на дверяхъ, ведущихъ въ гостиную. Противоположная двери стѣна, съ тремя окнами, занята вся диваномъ, низенькимъ, обитымъ домашней шерстяной тканью. Въ лѣвомъ углу, почти подъ потолкомъ, образа съ висящей лампадой. На стѣнѣ между двухъ оконъ, отъ васъ налѣво, затѣйливое зеркало въ липовой рѣзной рамѣ, окра-

шенной бѣлой клеевой краской. Подъ зеркаломъ столъ грушеваго дерева на львиныхъ лапахъ. Дюжины полторы берестовыхъ стульевъ, съ кожаными вылакировавшимися временемъ подушками, стоятъ у стѣнъ. Двѣ дубовыя канапки, съ плетеными изъ корня сосны спинками, съ набитыми пухомъ кожаными матрасами, занимаютъ широкіе простѣнки. Кресла такого же рода, какъ и диваны, занимающіе простѣнки, стоятъ въ углу на самомъ видномъ мѣстѣ. Въ правомъ углу столъ съ вытершейся шахматной доской. Что замѣчательнѣе всего въ гостиной, такъ это портретъ надъ длиннымъ диваномъ. Портретъ этотъ представляетъ усатаго сотника въ рогатой шапкѣ и въ красномъ съ разрѣзными рукавами жупанѣ. Сотникъ представленъ человѣкомъ лѣтъ тридцати, худощавымъ, съ тонкими чертами лица, орлинымъ носомъ и ястребинымъ взоромъ. Подпоясанъ панъ сотникъ шелковымъ поясомъ; дорогую турецкую саблю прижимаетъ онъ къ лѣвому бедру, правой рукой крутитъ онъ длинные, какъ у днѣпровскаго сома, усы. Взглядъ его выражаетъ хитрость и какое-то неподдѣльное самодовольство. Въ гостиной на стѣнахъ виситъ еще нѣсколько картинъ съ разбитыми стеклами, самой простой живописи. Надъ дверями, ведущими въ другой покой, виситъ довольно большая картина въ позолоченныхъ старыхъ рамахъ. На ней подъ слоемъ пыли видѣнъ Блудный сынъ на первомъ планѣ,

далѣе пасутся свиньи въ-трое больше пастуха. Портретъ одинъ въ гостиной нарисованъ, хотя грубой, но довольно смѣлой кистью. Это былъ никто другой, какъ отецъ нынѣшняго хозяина дома: покойный сотникъ Иванъ Ивановичъ Довбня Бродницкій. Молодымъ и буйнымъ запорожцемъ явился въ Малороссію Довбня Бродницкій прямо на лубенскую ярмарку. Иные говорили, что онъ бѣжалъ изъ запорожской сѣчи; другіе положительно знали, что Довбня привезъ отъ кошевого письмо къ лубенскому протоіерею. Это кажется было вѣрно, потому что Довбня все время квартировалъ у отца протоіерея и каждый день ярмарки являлся въ панскихъ рядахъ щеголять дорогой саблей и малиноваго атласа шароварами. Въ день Преображенія познакомился Довбня съ рѣшетиловскимъ сотникомъ Черногузкою, пріѣхавшимъ покупать для дочери приданое; былъ принятъ имъ, обласканъ у него въ квартирѣ, и того же дня, накинувъ окомъ сидѣвшую въ другой свѣтлицѣ, дочь Черногузки (сосватанную уже давно за богатаго войсковаго товарища) при выходѣ изъ церкви, схватилъ ее и исчезъ вмѣстѣ съ нею, къ ужасу Черногузки, полетѣвшаго ту же ночь домой сообщить это несчастіе своей женѣ.

Черезъ мѣсяцъ Довбня былъ обвѣнчанъ съ Анной Акимовной и первое его дѣло было отправиться въ Рѣшетиловку. Явясь какъ ни въ чемъ не бывало къ Черногузкѣ, плакавшему о по-

терѣ дочери и вслѣдствіе этого о смерти любимой имъ жены, Довбня началъ утѣшать стараго сотника, выпилъ съ нимъ чайникъ варенухи и, видя, что старикъ неутѣшно плачетъ, выбѣжалъ изъ его комнаты и чрезъ нѣсколько минутъ предсталъ вмѣстѣ съ Анной Акимовной.

У старика мигомъ хмѣль вылетѣлъ изъ головы. Онъ обнималъ дочь и зятя, радовался до слезъ изрекъ имъ прощеніе и тутъ же передалъ удалому запорожцу свою сотню—объявя, что онъ самъ на это испроситъ согласія начальства, равно и утвержденіе Довбни рѣшетиловскимъ сотникомъ. Черезъ годъ командыванія сотней, Довбня очень ловко подобралъ своихъ помощниковъ на самые короткіе поводья. Лѣтъ пять командовалъ сотней Довбня; и въ это короткое время устроилъ онъ судьбу свою очень прочно.

Не удивительно, что Довбня разбогатѣлъ. Время тогдашнее было отличное, воспѣтое позднѣйшими геніями. Сильный угнеталъ слабаго и жаловаться на обиды было трудно; страшное разореніе грозило тому, кто бы осмѣлился съ богатымъ бороться. Грамотныхъ людей было мало, да и тѣ топили всѣ свои познанія въ дуливкахъ, варенухахъ, аракахъ и кизлярскихъ водкахъ.

Иванъ Ивановичъ былъ хлѣбосолъ и панъ на всю губу. Варенухи и наливки у него пѣнились въ мидняхъ для званныхъ и незванныхъ. Пріятелей у него было множество. Всѣ они звали его добродіемъ,

ѣли у него свѣжую осетрину, пили наливки и кланялись въ поясъ. Изъ особенной расположенности къ этимъ пріятелямъ и по духу тогдашняго времени, Иванъ Ивановичъ отбиралъ почти задаромъ у нихъ поля, лѣса, грунты и передавалъ все это въ другія руки за чистыя деньги. Накопивъ порядочную сумму, Долбня началъ пріобрѣтать на свое имя съ формами законности цѣлыя степи въ отдаленномъ уѣздѣ. Прежде всего заселилъ онъ подсусѣдними Раковую-Балку; послѣ началъ селить людей въ другихъ деревняхъ. Жену свою Анну Акимовну, послѣ смерти Черногузки, Довбня сталъ держать въ ежевыхъ рукавицахъ, Она была довольно красивая женщина, не смотря на то, что участь ея была вовсе незавидна. Бѣдная женщина въ эти прекрасныя времена, при одномъ взглядѣ суроваго мужа, дрожала, какъ осиновый листъ. Славное было то время! Только моргнетъ панъ сотникъ усомъ, только топнетъ по глиняному полу ногой, обутой въ жолтые сапоги, только нахмуритъ нависшія брови—жена вздрогнетъ, прислуга затрепещетъ и всѣ ожидаютъ молча его приказаній. Казалось, что еслибы въ эту минуту явился передъ паномъ сотникомъ самъ сатана, то и тотъ бы отъ страху провалился сквозь землю. Жена блѣдная, какъ полотно, ни жива, ни мертва, бѣжитъ по одному инстинкту въ кладовую, оттуда спустится въ глубокій лехъ, достаетъ изъ печурокъ заповѣдныя напитки и трепещущи всѣмъ су-

ществомъ своимъ, ставитъ ихъ на столѣ передъ этакимъ чортомъ, боясь дышать. Не выпилъ панъ сотникъ и половины того, что стояло передъ нимъ, а лицо его подергиваетъ неукротимая злость. Жена и тутъ торопится отгадать мысль мужа. Сломя голову летитъ она въ пекарню готовить квасокъ или любимые вареники съ урдой. По тогдашнимъ милымъ обычаямъ это супружество считалось еще довольно счастливымъ. Панъ сотникъ бывало засидится дома: у паніи всегда подбиты глаза, высмыкнуты клочки волосъ и платокъ на бокъ. Поправлять прическу или платокъ не смѣла бѣдная женщина и, какъ раба, корчила самую непринужденную улыбку. Анна Акимовна несла тяжелый крестъ супружества, молча безъ малѣйшаго ропота во имя словъ: жена да боится своего мужа.

Преданія оставили намъ объ этомъ времени самыя блѣдныя, самыя смутныя воспоминанія. Представьте этакого чорта? Одинъ, многихъ заставлялъ трепетать. Еще при жизни старика Черногузки, первые четыре года супружества Довбни съ Анной Акимовной, Господь благословилъ четырьмя здоровыми мальчиками. Первый годъ родился у нихъ сынъ Лука; на второй годъ Господь послалъ имъ Максима; на третій годъ явился на свѣтъ Божій Кириллъ; а на четвертый знайшовся Трофимъ. Рожденіе послѣдняго сына было не благопріятно, во первыхъ потому, что онъ родился съ замотанной вокругъ шейки пуповиной, что у простаго наро-

да означаетъ обреченнаго судьбой висѣлицѣ; во вторыхъ, Анна Акимовна, узнавши объ этомъ, встревожилась и черезъ девять дней отправилась ad patres. Иванъ Ивановичъ былъ пораженъ смертью несчастной жены своей. Отпоминавъ ее, какъ и слѣдовало, обѣдами и нанявъ въ десяти церквахъ сорокоусты, Довбня принялся устраивать совершенно новые порядки въ домѣ. Въ воспоминаніе добродѣтелей рано умершей жены, Иванъ Ивановичъ занялся физическимъ воспитаніемъ дѣтей, оставшихся ему въ утѣшеніе.

Вмѣсто двухъ старыхъ и ни къ чему не годныхъ бабъ, няньчившихъ четырехъ мальчишекъ, Довбня пріискалъ къ каждому ребенку двухъ нянюшекъ и позаботился, чтобъ онѣ были самаго строгаго поведенія и привлекательной наружности. Самъ, до того времени мрачный и унылый, воодушевился. Домъ его наполнился веселенькими: Явдохами, Парасками, Оленами, Мартохами и всѣми возможными удовольствіями.

Характеръ Ивана Ивановича примѣтно смягчился; живя en Pacha, онъ не находилъ времени сердится, и на лицѣ его иногда проглядывала добродушная улыбка. Справедливо, что сближеніе съ женщинами и ихъ пріятнымъ обществомъ всегда смягчало самые свирѣпые и дикіе характеры. Дѣти провели нѣсколько лѣтъ въ женскомъ обществѣ, которое мѣнялось въ исполненіи новыхъ прихотей пана сотника. Лукасѣ минуло двѣнадцать лѣтъ и его

отправилъ Иванъ Ивановичъ въ переяславскую семинарію продолжать науки.

Максюту, тупаго отъ природы, училъ дьячекъ читать три года и не успѣлъ въ этомъ дѣлѣ. Довбня съ досадой видѣлъ, что сынъ не оказываетъ способностей къ грамотѣ, а къ женскому полу оказываетъ видимое влеченіе, послалъ его на годъ въ Сотенную канцелярію и, удостовѣрившись, что и тамъ знанія его въ наукахъ и письмѣ не подвинулись, на семнадцатомъ году рѣшился женить его на дочери протоіерея. Женатъ былъ Максюта три года и, въ послѣдній годъ своей женатой жизни, Господь послалъ ему свое благословеніе въ сынѣ Павлѣ. Иванъ Ивановичъ былъ очень обрадованъ рожденіемъ внука; пировалъ съ пріятелями цѣлую недѣлю, пировалъ бы онъ больше, но Максюта по первой порошѣ поѣхалъ въ поле съ борзыми собаками на неукротимомъ калмыцкомъ скакунѣ и, летя за быстрымъ зайцомъ, попалъ сторчака съ лошадью въ колодецъ, занесенный снѣгомъ среди степи. Вынутый изъ колодца, Максюта чуть дышалъ,—мертваго, съ переломленной, спиной, привезли сына въ домъ Ивана Ивановича. Было отъ чего бѣдному Довбнѣ протверезиться.

Плакалъ горько Иванъ Ивановичъ, обнимая невѣстку и внука. Постигшая его скорбь выразилась въ томъ, что онъ, усадивъ съ собой въ простую кибитку плачущую вдову, отвезъ ее въ Кіевъ, уговоривъ постричься въ монахини, что̀ та и

сдѣлала безъ ропота и сожалѣнія. Сотникъ полагалъ, что чистая душа вдовы будетъ очистительной жертвой за его и предковъ его согрѣшенія и вымолитъ у Господа оставленіе безъ наказанія всѣхъ его темныхъ дѣяній. Разлученная съ груднымъ ребенкомъ, мать не долго плакала и молилась. Съ вскрытіемъ весеннихъ водъ она умерла съ чахотки. Эта новая горесть вызвала Ивана Ивановича изъ Рѣшетиловки. Онъ явился въ Кіевъ, плакалъ на могилѣ бѣдной вдовы, сдѣлалъ вкладъ въ лавру и, записавъ себя заживо въ субботникъ, просилъ поминать его при жизни и послѣ смерти. Передъ этимъ еще сотникъ отослалъ въ Петербургъ двухъ меньшихъ сыновей, Кирилку и Трофимця, на попеченіе одной важной особы, которая шесть лѣтъ тому назадъ скидала съ Ивана Ивановича сапоги и чистила его черкеску, но, забравшись въ столицу, такъ пошла въ гору, что многіе ретивые служаки должны были посторониться и уступить для этакой выскочки дорогу. Многіе слышали, какъ бывало Довбня разговарится съ отцомъ протоіереемъ и какъ пойдетъ у нихъ на откровенность, сотникъ прямо и рѣжетъ: а чы чулы? чины ему, ордена ему, гроши ему, уваженье ему? А какъ былъ онъ при моей сотнѣ, попадется было подъ гнивъ, дамъ по потылици! Разумѣется, своеручно.... продолжалъ сотникъ, а какъ разсердитъ меня очень, велю кіями отлупить; не то въ гапу на ночь посадить. Это былъ покидекъ, смитья, но пошло въ ходъ.

Пусть идетъ, продолжаетъ бывало сотникъ, улыбаясь, я ему не мѣшаю и позволяю, чтобы только дѣтей моихъ высмукнувъ. Оставшись съ однимъ внукомъ дома, Иванъ Ивановичъ вздумалъ каяться. Первое дѣло его было то, что онъ Евдохъ, Парасокъ и Мартошекъ отпустилъ съ наградой домой, взялъ другихъ. которыя были помоложе и покрасивѣй, распредѣлилъ имъ всѣмъ хозяйственныя занятія. Той погребъ, другой кладовыя, третьей домашніе ключи, четвертой бѣлье и самой лучшей — смотрѣніе за всѣми. Объ отправленныхъ въ Петербургъ дѣтяхъ былъ слухъ, что они въ какомъ то шляхетномъ училищѣ живы, здоровы, хорошо учатся и растутъ, какъ изъ воды идутъ.

Ивану Ивановичу пріятнѣйшаго извѣстія и не желалось. Павлыкъ четырехъ лѣтъ спалъ въ колыскѣ, качаемой хорошенькой и смугленькой дѣвушкой, обвѣшанной дорогими кораллами и серебреными дукачами. Просыпаясь, Павлыкъ звалъ дѣдушку, и радовалъ его своимъ невиннымъ лепетомъ. Лукася, проходя семинарію, посѣщалъ родителя при всякой возможности и неминуемо являлся на каникулярное время. Пріѣхавъ послѣдній разъ въ Рѣшетиловку, Лукася удивился, что Иванъ Ивановичъ уѣхалъ въ Раковую-Балку. По распросамъ оказалось, что у Довбни отняли сотню; что его самого тягали по генеральнымъ судамъ и, вытрусивши его туго набитый капшукъ, насилу выпустили на свѣтъ Божій. Нанявъ ло-

шадей у рѣшетиловскаго чинбаря, Лукася отправился въ Раковую-Балку и достигъ ее благополучно, заставъ исхудавшаго батюшку не совсѣмъ здоровымъ. Хозяйство Довбни шло исполинскими шагами. Зная напередъ, что сотней ему не долго командовать, онъ приготовилъ себѣ покойное мѣсто въ Раковой-Балкѣ. Кромѣ этой деревни, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, заселилъ Довбня еще три деревеньки: Стогища, Капустлику и Штихохановку. Хуторамъ его не было счету. Познакомясь съ личностью сотника, представленною на портретѣ въ гостиной, взойдемъ мы изъ нея въ диванную.

Четверть диванной комнаты занимала огромная, изразцовая, калужскихъ кафель печь. У стѣны между оконъ стоялъ турецкій пунцовый съ голубой бахрамой диванъ. Выше дивана отличалась на стѣнѣ темная полоса, вылощенная головами тѣхъ, кто на немъ садился. Нѣсколько стульевъ изъ чистаго дерева стояли у стѣнъ. Въ углу помѣщался ломберный съ аспидной доской столъ. Крашеная масленой краской дверь съ испорченнымъ мѣднымъ замкомъ вела въ самую большую комнату, въ залу, какъ и всѣ ее называли. Въ самомъ темномъ уголку этой комнаты чокали и по временамъ хрипѣли заржавленными колесами часы съ кукушкой. Кукушка еще въ Рѣшетиловкѣ перестала отзываться, къ общему сожалѣнію, но не было мастера, который осмѣлился бы узнать при-

чину ея молчанія и покусился бы заставить ее опять кукувать. Въ залѣ стоялъ среди комнаты довольно большой столъ; у стѣнъ часто разставлены были крашенные деревянные съ кожаными подушками стулья. По тремъ простѣнкамъ висѣли узенькія, потускнѣвшія зеркала, опираясь нижней частью рамы на подзеркальные столички, на самыхъ тонкихъ ножкахъ стоявшіе. Темное окно съ узкими стеклами, прорубленное въ одной изъ капитальныхъ стѣнъ, выходило въ буфетъ, уставленный липоваго дерева шахвами, съ широкими и глубокими шухлядами. Изъ буфета слышенъ былъ запахъ вчерашнихъ пирожковъ, уксусу и жаренаго мяса. Пятая комната была резиденціей хозяевъ. Цѣлые дни и вечера просиживали они въ ней; ночью же, на основаніи существовавшихъ и нынѣ кое-гдѣ существующихъ обычаевъ, ложились спать вдвоемъ на коротенькой и широчайшей двухспальней кровати. Въ этой комнатѣ между двухъ оконъ, выходившихъ въ густой садъ, стоялъ товалетъ съ разбитымъ зеркаломъ и множествомъ ящиковъ съ испорченными замками. Возлѣ двери стояло рядомъ два ольховыхъ комода. Бюро безъ книгъ, бумаги, безъ чернильницы съ перьями, стояло заваленное клубками пряжи, нитками, торбинками, съ сѣменами, моташками и крашеной шерстью для ковровъ. Въ самомъ уютномъ уголку виднѣлась покрытая новымъ коцемъ лежанка. Два старыя кресла и столичекъ съ изломанной ножкой, тщательно

связанной веревочкой, довершали комплектъ мебели въ спальнѣ.

Полъ въ этомъ покоѣ бѣлъ чистъ и жолтъ, какъ новый воскъ. Возлѣ кровати разостланъ былъ коверъ и по направленію въ дѣвичью прослана была пестрая шерстяная дорожка. Коверъ занималъ половину комнаты и считался образцовымъ произведеніемъ домашняго искусства. Нельзя было не удивляться, какимъ образомъ подъ грубыми руками деревенскихъ коверницъ, безъ составленнаго прежде узора, выростали цвѣты и животныя, ни на одной планетѣ не существующіе. По сѣрому фону выведены были коренья въ родѣ инбирю; тутъ же выросталъ побѣгъ молодой бузины; синіе листья пестрѣли розовыми жилками; желтая піонія разцвѣтала сверху растенія съ зеленымъ чорнобривцемъ вмѣстѣ на одномъ стебелькѣ. Со стороны этого букета цѣплялась какая-то птица; когти ея были голубые, хвостъ коричневой, (изумительно торчалъ вверхъ), крылья пунцовыя и клювъ малиновый. Самый ученый зоологъ не назвалъ бы ее. Хозяйка, управлявшая фабрикой такихъ издѣлій, съ гордостію показывала ковры гостямъ и они въ простотѣ своей чистосердечно ахали и удивлялись къ неописанному восторгу хозяйки. Въ этой комнатѣ, за кроватью въ углу, стоялъ большой зеленый сундукъ, лакомившій тѣмъ, что было въ немъ спрятано, не только дѣтей, но и взрослыхъ. Это былъ магазинъ лакомствъ. Отъ самаго лучшаго медоваго варенья,

до яблочной постилы, сушеныхъ грушъ и ягодъ, можно было вдоволь всего накушаться. За сундукомъ чернѣла сосновая дверь въ комнату, гдѣ въ двухъ застекленныхъ шкапахъ блестѣла стеклянная посуда съ вензелями и нѣсколько полокъ уставлено было столовымъ серебромъ. Изъ этой комнаты была дверь въ широкій длинный корридоръ съ глинянымъ поломъ. Корридоръ велъ прямо въ дѣвичью, гдѣ между дюжинами сундуковъ, баульчиковъ, скамеекъ и ослипчиковъ, помѣщалась дюжина дѣвушекъ, плотныхъ, румяныхъ, черноволосыхъ, рѣзвыхъ и готовыхъ во всякое время пожартовать съ охотниками, если время и случай позволитъ. Однѣ изъ дѣвокъ пряли съ кужиля пудовой ленъ; другія сучили тонкія нитки; остальныя работали за ковромъ. Всѣ онѣ попеременно бѣгали въ кухню, служили господамъ и бодрствовали цѣлый день. Приходилъ очаровательный вечеръ, любимѣйшее время молодежи. Полное блаженство дворовыхъ людей начинается тогда, когда господъ дома нѣтъ;— при нихъ же только и душа отведется тогда, когда зайдетъ солнце и позовутъ прислугу ужинать въ людскую. Лѣтомъ, цѣлая гурьба молодежи суетится возлѣ людской пекарни; кухарка съ помощію пастуховъ выноситъ ваганы гречневыхъ галушекъ съ саломъ; всѣ вооружаются ложками, садятся тѣсно возлѣ ночовокъ и начинаютъ ѣсть. Молодые наѣдятся скорѣе старыхъ—ихъ оставятъ доѣдать щербу, а сами нач-

нутъ крутиться, жартовать и плясать подъ сопилку или даже собственныя пѣсни.

Повеселившись съ часъ, дѣвушки торопятся въ комнаты и съ пѣснями, въ полголоса напѣваемыми входятъ въ дѣвичью, зажигаютъ каганецъ (лампу скиѳскаго изобрѣтенія), принимаются за работу, сопровождая ее пѣснями, въ которыхъ большею частію слышится дикій, островатскій мотивъ, чрезвычайно грустный по своей простотѣ и грубости. Мотивы малороссійскихъ пѣсенъ, обработанные новѣйшими композиторами съ прибавкой ретурнелей ихъ собственной фантазіи, могутъ ласкать мягкостію чувства, самое образованное ухо и самый изящный вкусъ; но послушать, какъ ихъ поетъ народъ, такъ я могу сказать, что эти самыя пѣсни далеки до того, чтобы-кому нибудь понравиться, или возбудить эстетическое чувство. Словомъ сказать: пѣсни малороссійскія въ первобытномъ своемъ состояніи страшная дичь и гевальщина, какъ по мотиву, такъ и по словесному складу. Вотъ за это вооружатся на меня любители первообраза малороссійской пѣсни и скажутъ, что пѣсня объясняетъ иногда историческіе факты. Быть-можетъ, но все-таки не чѣмъ тутъ восхищаться, да и научиться нечѣму. Ой бувъ Савва, то ивъ сало.... это изволите видѣть, пѣсня историческая! Важный фактъ: Савва ѣлъ сало. Такія и подобныя имъ пѣсни ярко выказываютъ грубость и невѣжество того времени; нечеловѣческія дѣянія людей, сложившихъ пѣсню

равно образецъ тогдашняго вкуса, которому никто подражать не будетъ.—Въ буфетѣ замолкъ стукъ тарелокъ, въ дѣвичьей догораетъ каганецъ,—стелются постели. Дѣвушки ложатся покотомъ спать, и скоро тишина воцаряется въ домѣ. На дворѣ полусонный сторожъ колотитъ въ клепало. Въ концѣ деревни лѣниво отзываются собаки. Такая деревенька, какъ Раковая-Балка, лѣтомъ могла еще быть пріятнымъ убѣжищемъ и воодушевить кисть пейзажиста, давъ его картинѣ мѣстный колоритъ; но зимой, когда полночный вѣтеръ обнажитъ старое кладбище, нанесетъ въ Балку сугробы снѣга, когда всѣ дорожки и тропинки исчезнутъ подъ бѣлой пеленой пушистаго покрывала, когда обнаженныя деревья стѣснятся уединенными группами подъ горой, а избушки чуть выглядываютъ изъ заметовъ; тогда Раковая-Балка представляетъ самый печальный и пустынный видъ. Сотникъ любилъ Раковую-Балку, какъ свое пріобрѣтеніе, и проживалъ въ ней съ женой своей Рожественскіе праздники, а къ новому году поспѣшалъ въ Рѣшетиловку. Пріѣздъ Лукаси въ Раковую-Балку обрадовалъ Ивана Ивановича такъ, что онъ изъявилъ сыну свое желаніе съ нимъ не разставаться. Павликъ уже бѣгалъ и былъ живой и острой мальчуганъ. Петербургскіе паничи писали къ Ивану Ивановичу одинъ разъ въ годъ. Въ тогдашнее время письма дѣтей родителямъ были гораздо пріятнѣе, хотя получались они рѣже нынѣшнихъ. Не пускались дѣти въ

краснорѣчивыя изъявленія своей любви и преданности, хотя и чувствовали много, не просили же за то они и денегъ, столь необходимыхъ нынѣшнимъ дѣточкамъ. Учусь такъ и такъ; любимъ начальствомъ и товарищами, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю.

Коротко, истинно и ясно.

Лукасѣ наступилъ двадцат третій годикъ; отставной сотникъ увидѣлъ, что дитя стало совершенныхъ лѣтъ и что время пришло опредѣлять его на службу и призадумался. Лѣтъ пять тому назадъ, Лукася былъ зачисленъ на службу въ какіе-то стрѣлки и, припомня это обстостельство, Иванъ Ивановичъ грустилъ, не желая везть сына въ полкъ. Семинарское ученіе мало образовало умъ Лукаси; его, какъ богатаго студента, переводили безостановочно изъ курса въ курсъ — да и не возможно было сдѣлать иначе; онъ квартировалъ все время у инспектора семинаріи, отца Архимандрита. Изъ философіи Лукася вышелъ такимъ же точно образованнымъ, какъ былъ въ инфимѣ. Усвоилъ Лукася себѣ пороки общества, которымъ былъ окруженъ. Онъ сдѣлался хитрымъ, скрытнымъ, мстительнымъ и грубымъ.

Живя постоянно въ монастырской келіи, онъ не видалъ свѣтскаго общества. Развлеченіе его было изрѣдка полѣзть на монастырскую колокольню и бесѣдовать съ звонорями, нюхавшими табакъ по

секрету. Уединенная жизнь дѣлала Лукасю робкимъ и застѣнчивымъ до крайней степени.

Отдохнувъ отъ занятій годикъ дома, Лука Ивановичъ началъ обнаруживать не малую склонность къ наливкамъ и запеканкамъ и когда отецъ объявилъ ему, что онъ уже давно состоитъ на службѣ въ полку, то Лукася такъ обрадовался, что двѣ недѣли еженощно напивался до полусмерти. Сидя вѣчно въ уголку залы, онъ смотрѣлъ на часы, отворачивался отъ женщинъ и, желая поскорѣе вступить въ число воиновъ, дулся и сопѣлъ, не смѣя просить отца отвезть его на службу.

ГЛАВА II.

—

Ожидая напрасно нѣсколько мѣсяцевъ приказанія отца отправляться въ полкъ, Лукася началъ свирѣпствовать. Какъ скоро онъ чувствовалъ, что никто его не увидитъ, схватывался со стула и широкими шагами ходилъ по комнатамъ. Мухамъ камарамъ — грозная смерть отъ ого приближенія. Здоровыя руки Лукаси вооружались исполинской хлопушкой и подъ ней падали жертвы неумолимой смерти десятками, сотнями. Лукася произносилъ при этомъ мухоистребленіи командныя слова, слышанныя имъ съ колокольни отъ инвалиднаго маіора. Маіоръ этотъ былъ лицомъ, извѣстнымъ въ Переяславѣ. Всѣ семинаристы знали, что у него были единственные, узчайшіе сѣрые брюки, денщикъ-чухонецъ и единственный темно-зеленый съ жолтымъ воротникомъ и бѣлыми эполетами мундиръ, вытертый, какъ шалаповый фартушекъ дочери почтмейстера. Маіоръ съ своей инвалидной

командой чрезвычайно занималъ Луку Ивановича, когда онъ смотрѣлъ съ высокой колокольни на инвалидный строй. Узнавъ, что онъ состоитъ на службѣ въ полку, Лукася представлялъ себя въ такомъ же точномъ мундирѣ и дергалъ за лацканы свой нанковый сюртукъ до того, что бѣдное облаченіе трещало. Довбня засталъ одинъ разъ сына въ минуту его воинственныхъ упражненій съ хлопушкой въ рукахъ. Возрадовался старый запорожецъ.

— Пора, закричалъ онъ самъ себѣ, пора на службу! Видно казацкую кровь! Запорожецъ—вотъ запорожецъ! и старикъ поцѣловалъ угрюмаго сына первый разъ въ жизни. Времена варваровъ отличались тѣмъ, что тогдашніе люди радовались, видя торжество смерти.

— Пожалуйте, Лука Ивановичъ ко мнѣ въ комнату,—сказалъ Довбня Лукасѣ. Лукася, понурясь, поплелся за отцомъ. Нужно было видить эту семинарію, представшую, опустя глаза, предъ строгаго родителя.

— Не пора ли вамъ, примѣрно сказать (любимое выраженіе Довбни), на царскую службу? Ступайте, Лука Ивановичъ!

— Могу пойдти! отвѣчалъ шопотомъ Лукася, покраснѣвъ до глазъ, и съ трудомъ скрывая свою радость.

— Э! брате мой! примѣрно сказать, ты и въ самомъ дѣлѣ хочешь меня старика покинуть? Да не

будетъ тако! Ржищевъ далеко; 90 верстъ не пальцемъ перекиваешь. Погуляй-ка еще въ отеческомъ домѣ, а я, примѣрно сказать, подумаю, что съ тобой дѣлать.

Послѣ этого вступленія Лукася твердо рѣшился пристать къ отцу и объявить прямо, что онъ спитъ и видитъ одну военную службу; подошелъ даже Лукася съ этими мыслями къ двери отцовской комнаты, но не достало у него духу исполнить это,—въ особенности, когда онъ стороной узналъ, что Довбня загулялъ, запершись въ своемъ покоѣ. Три дня не выходилъ родитель изъ своей комнаты; на четвертый день очень рано вышелъ и послалъ за священникомъ. Священникъ не замедлилъ явиться, отслужилъ напутственный молебенъ; присутствовавшіе всѣ подошли къ кресту, — выпили святой воды, а родитель съ отцомъ Петромъ подошли къ закускѣ, которая приготовлена была въ той же комнатѣ.

Завтракъ начался обыкновенно: выпили по одной. По первой не закусываютъ: выпили по другой. Богъ любитъ тройцу — и во славу ея выпили по третьей: хорошій конь бываетъ о четырехъ ногахъ—нужно было выпить по четвертой. Священникъ ушелъ. Довбня одинъ кончилъ оба грифинчика и заставилъ Лукасю облизываться, видя какъ смашно батюшка пьетъ и закусываетъ. Коней самыхъ ретивыхъ запрегли въ старый рыдванъ (вымѣнянный у отца игумена на три бочки водки); по-

дали экипажъ къ крыльцу. Иванъ Ивановичъ помолился Богу, перекрестилъ внука, доѣдавшаго кусокъ пирога, схватилъ за руку Лукасю и втолкнулъ его впередъ себя въ рыдванъ, велѣлъ погоняйлу ѣхать.

— Куды ѣхать? спросилъ Остапъ, подбирая возжи.

— По дорози, дураче! сказалъ весело сотникъ своему любимцу Остапу, ровеснику по лѣтамъ и самому вѣрному слугѣ.

— По дорози — такъ и подорози, проворчалъ Остапъ; лошади двинули тяжелый экипажъ, который выѣхавъ со двора, покатился по ровной степной дорогѣ. Лукася, притаясь въ углу рыдвана, мечталъ, какимъ молодцомъ онъ будетъ въ сѣрыхъ брюкахъ и жолтомъ воротникѣ. Проѣхавши все степью, должны были попасувать на Черешинскаго степу. Тамъ же отдохнули и закусили порядкомъ и ровно въ полдень двинулись дальше все по степной дорогѣ.

Проѣхали они уже верстъ пятьдесятъ и вдали показалось большое село. Сотникъ велѣлъ Остапу спыныть коней, а самъ при помощи казака въ синей курткѣ и высокой шапкѣ, трясшагося на запяткахъ экипажа, вылѣзъ изъ рыдвана. Солнце заходило и воздухъ былъ напоенъ ароматомъ только что скошеннаго сѣна.

Постоявъ нѣсколько секундъ позади экипажа, Довбня подошелъ къ Остапу и, оправляя на себѣ

бѣ платье, спросилъ: какое это село впереди видно?

— Хм.... отозвался Остапъ, хыба вы не знаете? Порешыбепци.

— А кто тамъ, Остапе, жыветъ? съ панивъ? спросилъ опять Довбня.

— Гм.... та естъ ихъ тамъ до бисоваго батька.

— Кажы всѣхъ по порядку!

— Заразъ: Вырвыкышка, Деры-Грай, Сомотужка, Печарычныкъ, Колохватенко, Ковбасыха есть....

— Тю! на чорта мени та Ковбасыха? сказалъ съ досадой сотникъ.

— А джежъ вы казали усихъ по порядку.

— Ну, нехай ей бисъ! Шкурка есть; Плюгавенко, Зозулястый одинъ; подумавъ еще, Остапъ продолжалъ, и другой и третій и его братъ Мызерный, той що съ Грузіи пріихавъ.

— Пяныця.... проворчалъ сотникъ и полѣзъ въ экипажъ.—Ну, пошелъ, держи прямо въ дворъ къ Вырвыпышкѣ.

Лошади пошли быстрой рысью и, когда экипажъ въѣхалъ въ село, повстрѣчавшееся стадо овецъ обдало ѣхавшихъ густымъ облакомъ пыли. Ночевалъ Довбня въ домѣ Вырвыкышки; обѣдалъ у Дери-Грая; пилъ кофе и спынавъ ведмедя и Зозулястаго; ужиналъ и ночевалъ у богатаго Шкурки и, вставши рано утромъ, отправился обѣдать къ Мызерному. Въ тѣхъ домахъ, гдѣ были дѣвицы-невѣсты—Довбня по своему вкусу выбиралъ одну

въ жены для Лукаси и, не спросясь его желанія, дѣлалъ предложеніе. Отъ такого жениха родители были въ восторгѣ; что же касалось до ихъ дочерей, то каждая, какъ нарочно, отказывалась отъ такого молодчины. Были даже такія, которыя осмѣливались торжественно произнесть: не хочу за такого. Дери-Грая старшая дочь сказала прямо: утоплюсь, удавлюсь, а за такого не желаю!

— Угумм.... ворчалъ Довбня, садясь въ экипажъ, примѣрно сказать, Лука Ивановичъ, вы вѣрно не всѣмъ такіе хорошіе кажетесь, какъ мнѣ! то какъ я вижу, продолжалъ Довбня, видимо сердитый, повѣтъ нашъ весь препоганый. Поворачивай Остапе, закричалъ сотникъ, прямо въ Голтву. Проклятые полупанки, съ чѣмъ меня отправили! Село осталось уже довольно далеко позади. Довбня, хлебнувшій изъ дорожной фляжки, засмѣялся и оборотился къ Лукасѣ.

— Что, Лука Ивановичъ! скажи же мнѣ, какую ты изъ видѣнныхъ тобою панночекъ уподобалъ?

Сынъ молчалъ, только покраснѣлъ и, спрятавъ лицо свое въ уголъ рыдвана, продолжалъ сопѣть.

— Скажи же, дурню, чего ты молчишь? продолжалъ родитель.

Лукася молчалъ, какъ рыба.

— Да отвѣчай, когда спрашиваетъ тебя родитель, ворчалъ сотникъ, скрежеща зубами, бо такъ тебе ляпну, що сто коганцивъ тоби вздрыться!

— Всѣ, началъ Лукася, видѣннные мною юни-

цы суть прекрасны, и при этомъ спряталъ свое лицо въ картузъ, слетѣвшій съ его головы отъ страху на колѣни раньше его отвѣта.

— А у Дери-Грая? Вотъ та чорненькая, полненькая, какъ нѣженскій огурчикъ? какою тебѣ показалась?

— Сія мнѣ очень понравилась!

— Ну! продолжай—какъ!

— Да такъ, началъ Лука Ивановичъ, потирая руки что я съ этою готовъ былъ бы во единой бракъ совокупленіе учинить и на всю жизнь остаться въ супружествѣ заключеннымъ.

— Да! сія точно хорошенькая панночка! старостію моею да и понравилъ я ее, проговорилъ съ веселымъ настроеніемъ духа Довбня, и въ это только время замѣтилъ, что Остапъ стоитъ на мѣстѣ.

— Чего ты, дураче, сталъ? закричалъ онъ Остапу.

— То ажъ въ самисеньку Голтву ѣхать? спросилъ Остапъ, приподнявшись на козлахъ.

— Эге! чего же ты испугался? Въ Голтву....

— Да я тамъ зъ роду не бувъ, проговорилъ лѣниво погоняйло.

— Побываемъ, ну пошелъ. Вотъ поза отыми курганами, перекрестный шляхъ; а ты возмешь въ право такъ, чтобы хуторець, гдѣ два колодца, былъ съ лѣвой стороны.

— Чую. Остапъ двинулся, понукая и приговаривая: въ Голтви не бувалы.... треба туды....

— Вы, Лука Ивановичъ, началъ Довбня, закуривая трубку, пожалуйста, будьте посмѣлѣе съ женскимъ поломъ; въ особенности, когда дѣло доходитъ до сватовства. И подойдите къ ней, и заговорите, а когда нѣтъ никого лишняго, просто запоперекъ да и поцѣловать можно. Старайтесь при всемъ этомъ показать ваше превосходство предъ другими,—мнѣ извѣстно, что у васъ есть такое качество, которому каждый мужчина позавидуетъ

— Гуум.... проворчалъ Лука Ивановичъ.

— Въ компаніи пріятельской съ панночками, въ играхъ и забавахъ, старайтесь ту, которая вамъ болѣе другихъ понравится, привлечь къ себѣ и посадить на колѣни, ласково обнявъ ей станъ....

— Сіе могу учинить послѣ неоднократныхъ свиданій; а качествъ моихъ никогда не осмѣлюсь представить публично.

— Годи, Лука Ивановичъ! Униженіе паче гордости.

Черезъ два дни самой однообразной и скучной ѣзды съ попосаваньемъ, ночлегами и другими удовольствіями, не избѣжными въ странахъ, гдѣ дороги пустынны и мѣста мало заселены Иванъ Ивановичъ съ Лукасей, уже не много выдресированнымъ въ дорогѣ сосѣдствомъ отца, въѣхали въ самую заставу. Въ Голтвѣ доживалъ вѣку сынъ Компанійскаго полковника, наказный атаманъ въ отставкѣ, Осипъ Павловичъ Головешка. Головешка, служа съ самаго начала подъ командой Довбни, продалъ ему

очень дешево урочище Липовые Гаи и вслѣдствіе этого заслужилъ покровительство высшаго начальства, не смотря на его непріятный образъ жизни. Головешка, радуясь расположенью высшаго начальства, ежегодно продавалъ часть изъ своего значительнаго имѣнія; наконецъ допродавался такъ, что у него остался въ Голтвѣ предковскій грунтъ съ строеніемъ, однимъ одинъ. Начальство узнало, что Головешка, достигшій чрезъ это уже наказнаго атамана, роспился, розледащивъ, а посему приказано было учтивымъ ордеромъ его уволить изъ службы—поелику, разумѣло начальство, отъ него уже попользоваться будетъ нечѣмъ. Головешка, пріѣхавши въ Голтву, занялъ свѣтлицы, извѣстныя въ околодкѣ тѣмъ, что въ одной комнатѣ былъ позолоченный сволокъ, на которомъ вязанными слованскими буквами вырѣзаны были слова, годъ, мѣсяцъ и число, довольно некрасиво и неразборчиво. У Головешки была единственная дочь Уліана Осиповна, воспитанная покойною матерью своей въ страхѣ Божіемъ, и въ предупрежденіе покушенія на ея взаимность отъ молодыхъ повѣсъ, матушка запретила учить дочку грамотѣ и она, бѣдная, сдѣлавшись взрослой дѣвушкой, о грамотѣ не имѣла никакого понятія, бывъ скромна, религіозна, кротка и послушна. Дворъ Головешки, разстилался своимъ пустыремъ у подошвы глинистой голтвянской горы. Одна половина досчатыхъ воротъ лежала изломанной среди выгона; другая полови-

на двигалась по волѣ вѣтровъ на ржавыхъ петляхъ дубовыхъ воротъ. Заборъ, почернѣвшій и сгнившій мѣстами, въ двухъ концахъ былъ уже разтасканъ, а съ одной стороны торчали подгнившіе столбы. Въ саду паслись чужія тощія лошади, съ набившимися имъ въ гриву и хвостъ репяхами, колючками и скомканными такъ, что ихъ нужно было отрѣзать. Лошади видно были сосѣдскія. Дворъ широкій заросъ почти весь саженной крапивой и коровьяками. На довольно длинныхъ амбарахъ остались слѣды ветхой крыши; двери же были открыты и пустота кладовыхъ видна была издали. Въ такомъ большомъ строеніи не было ни одной мыши—всѣ онѣ разбѣжались, страшась голодной смерти. Свѣтлицы обдранныя, полуразрушившіяся, съ выбитыми стеклами въ окнахъ, съ обнаженными отъ глиняной замазки стѣнами, изъ которыхъ сыпалась порохня; съ тремя трубами, только что не распавшимися, стояли среди глубины двора. На дворѣ не было признаковъ жизни, будто бы онъ былъ необитаемъ и совершенно запустѣлъ.

— Примѣрно сказать, ворчалъ Иванъ Ивановичъ, въѣхавъ во дворъ, пріятель мой дорогой, видно, въ конецъ разорился. Жаль мнѣ его, бѣднаго, а больше его жаль дочери, если она такъ же хороша, какъ ребенкомъ была; то я тебя, сынъ мой, напередъ поздравляю, ты женишься на этакой красавицѣ, что всѣ эти Дери-Граевны одной ея изношенной юбки не стоютъ.

— Но если, паче чаянія, ворчалъ Лукася, отказъ воспослѣдуетъ?

— О! нѣтъ, Лука Ивановичъ! ты богатъ, она бѣдна; будь только смѣлѣе.

Пріятели свидѣлись, расцѣловались и отъ восторга напились пьяны. Хитрый Довбня очень хорошо помнилъ, за чѣмъ онъ пріѣхалъ, и поэтому, отозвавъ сына въ уголокъ комнаты, шепталъ ему: смотри же, какъ только войдетъ панночка, подойди къ ней, поцѣлуйся хорошенько, да прямо и начинай.....

— Въ женскомъ обществѣ никогда не упражнялся въ разговорахъ и въ дѣйствіяхъ, какихъ бы то ни было, не есмъ опытенъ....

— Смотри.... зашипѣлъ Довбня, право, трѣсну тебя такъ, что и зубы вылетятъ.... только, пусть эта панночка тебя гарбузомъ попотчуетъ. Уліана Осиповна, въ старенькомъ эдамашковомъ платьѣ, въ кофтѣ, плотно обхватывавшей ее талію и полный бюстъ, робко подошла къ Ивану Ивановичу и поцѣловалась съ нимъ въ губы.

— На рукахъ васъ носилъ, произнесъ сотникъ, поцѣловавъ панночку въ лобъ, а вотъ теперь, продолжалъ онъ, подводя Луку Ивановича къ Уліанѣ Осиповнѣ, привезъ вамъ сына, прошу его любить и жаловать, онъ не много робѣетъ, а стыдно ему робѣть, прапорщикъ уже два года.

— Что же онъ, въ отставкѣ? спросилъ наказный.

— Нѣтъ, числится на службѣ въ полку на лицо, а до сихъ поръ тамъ не былъ. Не хочу, чтобы съ офицерами выучился мотать, да тратить отцовскія денежки.

— Это добре! отозвался хозяинъ.

— Хочу его женить да хозяиномъ сдѣлать.

— Ну, когда такъ, то дѣло.... дѣло, отозвался бывшій наказный. Лука Ивановичъ, тревожимый молніеноснымъ взглядомъ своего родителя, забылъ все на свѣтѣ; склонился къ робкой барышнѣ и дотронулся кончиками губъ своихъ къ ея коралловому, смѣющемуся ротику. Вслѣдствіе этого подвига, перваго въ его семинарско-монастырской жизни — оробѣлъ, чуть не упалъ на мѣстѣ и, зажмуривъ глаза, простоялъ нѣсколько секундъ противъ смѣшавшейся барышни.

— Не такъ надо дѣйствовать, сказалъ отецъ панночки, оставимъ ихъ здѣсь; а сами пойдемъ на другую половину.

— Найлучше! произнесъ довольный Довбня и, взявши хозяина подъ руку, вышелъ съ нимъ въ другую комнату, затворивъ за собой крѣпко дубовую дверь. Цѣлый вечеръ сидѣлъ прапорщикъ въ углу, отворатясь отъ хорошенькой панночки. Онъ молчалъ, и она ничего не говорила. Тихо шло время; догадливая же барышня знала, что дѣло о ея замужествѣ рѣшено своенравными родителями еще раньше того, какъ она вошла въ

комнату. На другой день послѣ короткихъ сборовъ, въ 10 часовъ по полуночи, Лука Ивановичъ былъ обвѣнчанъ приходскимъ священникомъ съ Уліаной Осиповной, къ невыразимому удовольствію обоихъ отцовъ. По возвращеніи изъ церкви, Иванъ Ивановичъ съ большою осторожностію предложилъ Головешкѣ ѣхать съ нимъ и дѣтьми въ Раковую-Балку: отгулять свадьбу, да и остаться при молодыхъ супругахъ, жить и утѣшаться ихъ счастіемъ; но упрямый Головешка гордо отринулъ ласковое предложеніе Довбни и въ замѣнъ этого, не устыдился попросить прислать ему кухву горѣлки; увѣряя, что ее одной станетъ ему, старику, на все время, какое Господь сподобитъ его промыкаться на семъ свѣтѣ. Послѣ скромнаго семейнаго обѣда, Иванъ Ивановичъ увезъ молодую чету въ Раковую-Балку, пославъ заранѣе своего козака, чтобы распорядились встрѣтить молодыхъ и приготовили свадебный пиръ, не жалѣя никакихъ расходовъ. Вопреки страсти своей заѣзжать по дорогѣ къ знакомымъ и не знакомымъ, гдѣ надбность указывала попасовать или ночевать, Довбня спѣшилъ и, остановясь, выкормя лошадей, продолжалъ путь. Такимъ образомъ, на третій день поздно, молодые съ отцомъ пріѣхали домой. На дворѣ Довбни суетились люди; возлѣ конюшни и на черномъ дворѣ стояли ряды экипажей, большею частію открытыхъ. Люди обоего пола и всѣхъ возрастовъ тол-

пились у воротъ и по обѣимъ сторонамъ дороги, которая вела къ крыльцу. Секундъ-маіоръ Ларіонъ Карповичъ Дрышпанъ съ своей супругой, разбитной паніей, самые близкіе сосѣди Довбни, по его просьбѣ распорядились и печенымъ и вареныиъ. У крыльца, молодцомъ выпрыгнулъ старикъ Довбня изъ экипажа, взлетѣлъ на крыльцо и встрѣтилъ молодыхъ съ хлѣбомъ и солью, возвышавшимися на серебреномъ блюдѣ. Послѣ принятыхъ при пріѣздѣ супруговъ обычаевъ, исполненныхъ по церемоніалу, молодыхъ среди толпы (самой пестрой) гостей, ввели въ залъ; посадили и начали потчивать. Послѣ сытнаго и продолжительнаго ужина, молодыхъ благословили. Молодая перешла въ руки одной веселенькой госпожи, которая потащила ее съ улыбочками въ спальню пошептывая ей что-то интересное на ушко, разоблачила ее и, покивавши головой, погрозя пальцемъ съ такими же точно улыбочками, уложила въ постель, укрыла тяжелымъ шелковымъ одѣяломъ и, выпорхнула въ дверь, смѣшалась въ залѣ съ веселыми гостями. Уже съ полчаса на дворѣ у самыхъ оконъ жарили зъ музчиривъ. Довбня припомнилъ буйную свою молодость, запорожщину. Разгорѣлся онъ, какъ жаръ, заходилъ пѣтухомъ между толпой гостей и закричалъ на всю комнату.

— Станемъ, любезные гости, пить да гулять! Примѣрно сказать: послѣ насъ, да не будетъ насъ! Давай выморозковъ! музыка играй! Пали зъ муз-

чиривъ всю ночь! Нехай, далеко чуютъ, какъ старый Довбня веселится на свадьбѣ сына.

Радостная суета и бѣготня продолжались въ домѣ. Стукъ серебряныхъ чарочекъ не умолкалъ, ароматъ вареной и пуншу ласкалъ пріятно обоняніе любящихъ выпивку. Множество лицъ раскраснѣлось отъ духоты, удовольствія и смѣлыхъ разговоровъ. Три скрыпки, цымбалы и рѣшето хватили на первой разъ: ходыть горбузъ по вгороду.

— До танцивъ! до танцивъ! закричалъ музыкантамъ хозяинъ, и они заиграли метелыцю. Дамы, при первыхъ аккордахъ, взятыхъ быстро искуснымъ цымбалистомъ, разсѣлись у стѣнъ залы и сидѣли очень скромно, наслаждаясь такимъ рѣдкимъ удовольствіемъ, какое могла произвесть городская музыка, въ первый разъ ими услышанная. Нѣкоторыя изъ нихъ, электризированныя звуками знакомой пѣсенки, робко пристукивали въ тактъ домашними черевичками подъ прикрытіемъ своихъ узкихъ платьевъ. Кто сказалъ бы, что Довбнѣ семьдесятъ лѣтъ? Гоголемъ вошелъ онъ въ залъ, взглянулъ направо и налѣво; мелкимъ бѣсомъ подлетѣлъ къ ряду дамъ и дѣвицъ и съ жестами началъ съ ними разговаривать. Всѣ дамы уважали старика и поэтому поднялись съ мѣстъ, схватили одна другую за руку и составили среди залы кругъ. Взглянувъ одна на другую, пристукнули черевичками и пошли шена. Хозяинъ, обрадованный началомъ танцевъ, хлопалъ въ

ладоши и, сидя на креслѣ, изрѣдка приподымался, крутилъ усы и, какъ видно, жалѣлъ о своей молодости. Грудь его высоко подымалась, кулаки были сжаты; приподнявшись съ кресла, онъ не могъ долѣе удержать своего порыва и въ два прыжка очутился среди круга танцовавшихъ. Раздвинувъ быстро и осторожно встрѣтившихся съ нимъ въ середкѣ круга, онъ началъ танцовать такъ отчаянно, что всѣ изумились крѣпости его желѣзныхъ ногъ. Перекружась съ одной дамой, онъ схватывалъ въ объятія другую.

— Отъ такои! ой нужъ! нужъ! и продолжалъ садить запорожскаго трепака, воодушевя собой все общество.

На дворѣ, при свѣтѣ смоляныхъ бочекъ, разставленныхъ на выгонѣ, кипѣло неподдѣльное веселье еще шумнѣе, еще задушевнѣе. Это была вакханалія и оргія, невиданная въ сельскомъ быту и устроенная старымъ Довбней, для полнаго удовольствія черни. Четыре сороковыхъ бочки вина были выкачены изъ леху, поставлены на попа, отоднены и толпа людей хлынула черпать чѣмъ кто могъ. Широкіе ушаты тянулись по двору съ вишневкой, медомъ, сливянкой, пивомъ, брагой, спотыкачемъ и вымоченными въ винѣ фруктами. Печеныхъ барановъ, котловъ локшины, зризкивъ, холодцю и другихъ стравъ, любимыхъ простымъ народомъ, было наготовлено такое количество, что баталіонъ, голодовавшій на бивуакѣ три дня, могъ

бы насытиться. Два сельскіе скрипача, сидя на толстомъ бревнѣ, играли на лубочныхъ скрыпкахъ. Молодычки, уже довольно навеселѣ, плясали, стуча подковами, и изъявляли свое полное удовольствіе припѣвами и выхиляніемъ (канканированіемъ). Довбня отдохнулъ съ полчаса послѣ трудовъ, понесенныхъ имъ въ общемъ танцѣ, выпилъ крѣпкій пуншъ съ аракомъ, и запорожская, неугомонная кровь забушевала въ его крѣпкомъ тѣлѣ.

— Отъ такой! отъ якой! ревѣлъ онъ, пустясь въ бѣшеной танецъ и выдѣлывая ногами и всѣми частями тѣла такія отчаянныя штуки, что двѣ малоденькія панночки, танцовавшія съ нимъ vis-a-vis, присѣли и опустили взоры внизъ.

Ни одинъ garçon perruquier новѣйшаго времени, танцуя въ Chatau-Rouge съ лореткой, не могъ бы подражать подвижному запорожцу.

— Довольно! довольно, Иванъ Ивановичъ, шептала Дрышпаныха, дернувъ плясавшаго Довбню за рукавъ черкески, — есть до васъ крайняя надобность. . . .

— Що тамъ такое? примѣрно сказать, возразилъ Довбня, задыхаясь отъ усталости, не дали мнѣ кончить танецъ. . . .

— Ось пожалуйте сюда, я вамъ скажу что-то такое, шептала Дрышпаныха, маня за собою недовольнаго хозяина.

— Чего она захотѣла? Лубья старое, шепталъ

Довбня, утирая лицо свое шелковымъ платкомъ. Дрышпаныха таинственно продолжала идти впередъ и манить Довбню указательнымъ пальцемъ правой руки.

— Да, на якаго биса, шепталъ хозяинъ Дрышпаныхѣ, вы меня въ спальню мою завете?

— А лежъ! проворчала Дрышпаныха, сѣвъ на двухспальной широкой кроватѣ и приглашая сѣсть возлѣ себя Довбню.

— Да говорите же! сказалъ съ досадой Довбня, посматривая на дверь и неохотно садясь рядомъ съ Дрышпаныхой.

— Сынъ вашъ, Лука Ивановичъ, до сихъ поръ сидятъ въ гостиной, а въ диванную, гдѣ ихъ ожидаютъ Уліана Осиповна, нейдутъ и только отворачиваются да киваютъ головою.

Довбня такъ быстро соскочилъ съ кровати, словно кто-нибудь укололъ его швайкою въ самое мягкое мѣсто; въ два прыжка перелетѣлъ онъ залъ, и дверьми, выходившими изъ залы въ сѣни, пробрался чрезъ переднюю въ гостиную. Лукася дѣйствительно сидѣлъ у окна, возлѣ нагорѣвшей свѣчи, и все его вниманіе обращено было на веселье, происходившее на дворѣ.

— Что ты вздумалъ? филозопъ.... сидишь? Почему ты, примѣрно сказать, до сихъ поръ не идешь? шепталъ Довбня, возвѣрясь на сына.

— Размышляю, что....

Отецъ сжалъ кулакъ и топнулъ ногой; сынъ, зная, что до затрещинъ близко, приподнялся съ мѣста и, робко подойдя къ отцу, произнесъ: батюшка! какъ рѣшиться на сіе? Женщина одна.... званіе ея высоко есть.... я никогда съ женскимъ родомъ близкихъ отношеній не имѣлъ и вслѣдствіе сего есмь робостію обремененъ....

— Отъ дурень, такъ дурень, ворчалъ родитель, съ трудомъ удерживая гнѣвъ свой,—его, бецмана этакого женили, а онъ, чертовске опудало, надувся та й сидитъ! Что ты за прапорщикъ? Ступай же мнѣ сію минуту, да чтобы ты мнѣ исправился; не то, я не посмотрю, что ты князь.... ляпну такъ.... такъ ляпну.... Съ этими словами Довбня, погрозивъ сыну кулакомъ, черезъ сѣни возвратился въ залъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Чы вы такы сыдете? спросила Луку Ивановича Дрышпаныха, войдя послѣ ухода Довбни въ гостиную.

— Какая ваша надобность? спросилъ тихо Лука Ивановичъ у Дрышпаныхи, не понимаю, что означаетъ выраженіе вашихъ впалыхъ глазъ; не знаю, что предпринять, и вижу, что въ брачную комнату, противъ моего желанія и смѣлости, нынѣ долженъ буду послѣдовать. Перекрестясь, Лука Ивановичъ пошелъ къ двери въ диванную и, полуотворя ее, бросился назадъ, какъ укушенный потайной собакой.

— Чего вы, чего вы такъ скочылы? спросила удивленная Дрышпаныха.

— Свѣща брачное ложе освѣщаетъ!

— Ну, потушите сами.

— При Уліанѣ Осиповнѣ силъ моихъ не достанетъ.... онѣ увидятъ.

— Ну, стойте здѣсь, я сама пойду потушу; сказала Дрышпаныха и рысью отправилась въ диванную.

— А ты до сихъ поръ еще церемонишься, сказалъ нежданно вошедшій родитель и началъ съ двумя кулаками быстро подходить къ смущенному Лукѣ Ивановичу. Сынъ легко отскочилъ отъ жилистыхъ кулаковъ родителя и началъ пробираться по направленію къ дверямъ диванной. Иванъ Ивановичъ, догнавъ сына въ дверяхъ, толкнулъ его колѣнкомъ такъ сильно, что Лука Ивановичъ, влетѣвъ въ комнату, наткнулся на возвращавшуюся Дрышпаныху, уронилъ ее на полъ и заставилъ, поднявшись, выбѣжать въ гостиную.

— А чортъ бы васъ побралъ съ вашей свадьбой! ворчала Марья Савична, повязывая нанаво свалившійся съ головы гранитуровый съ золотыми цвѣтами платокъ. Не выпущу васъ до разсвѣта, твердила она, запирая комнату и, несмотря на это непріятное столкновеніе, вошла въ залъ очень довольная собой.

— Выморозокъ! Выморозокъ! Давайте тѣхъ, что куплены у Дончихи! Полынныхъ! Музыка.... грай до танцивъ! полонезу! полонезу.... Ходдыть гоа-арбузъ по вгороду; пытается свооого рооду.... заревѣлъ сотникъ громкимъ басомъ и, подхвативъ Марью Савичну, улыбавшуюся отъ радости, повелъ польскій. Почти всѣ увлеклись примѣромъ хозяйна и, подхвативши дамъ, начали сновать по комнатамъ, корридорамъ и сѣнямъ съ громкимъ хохотомъ, выкрутасами и вывертами.

Возвратясь черезъ спальню Довбни въ залъ, составили опять любимый шенъ. Довбня разохотился и подхватилъ хорошенькую попадью, сталъ съ ней въ пару и ожидалъ очереди танцовать.

— Та годи вамъ скакаты.... шептала Марья Савична на ухо Довбнѣ, дергая его за рукавъ.

— Примѣрно сказать, отозвался Довбня, оборотясь къ Марьѣ Савичнѣ, настоящая мара, шепталъ сотникъ, чего бы я, продолжалъ онъ громко, приставалъ?

— Говоритежь вы! отвѣчала озабоченная сваха, идишь сюда.... очень нужное дѣло.... важное дѣло.

— Беда! ей-же-ей! Беда! ворчалъ хозяинъ, не охотно выпуская теплую и мягкую ручку молоденькой попадьи. Что тамъ за оказія, въ такое рѣдкое время погулять мнѣ старику не дадите.

— Подлинная оказія! шептала Дрышпаныха, сію минуту, только что водой отлили....

— Кого?—спросилъ испугавшійся Иванъ Ивановичъ.

— Молодую, отвѣчала таинственно Марья Савична,—совсѣмъ было умерла, продолжала она, изъ роду, и изъ вику такого случая не знали! Страхъ, сказанно страхъ!

— Брехня! ворчалъ хозяинъ, да еще и московска!

— Когда бы вы сами видѣли....

— Но вѣдь она теперь.... здорова?

— Чуть дышетъ.

— А не смѣется?

— Сквозь слезы.... немножко....

— Молодецъ Лука!—закричалъ хозяинъ, прохлопавъ въ ладоши. Примѣрно сказать, видно у него батьковскій нравъ, обычай и вся поведенція.... Гдѣ же онъ?

— Отъ переляку бѣжалъ и неизвѣстно гдѣ спрятался.

— Что же онъ сказалъ.... какъ уходилъ?

— Я чувствовалъ, тихо сказалъ мнѣ Лука Ивановичъ, что сіе дѣло худо кончено быть можетъ....

— Уже и худо! дурень онъ! съ этого умереть? пустое! Сыскать Луку Ивановича! заревѣлъ Довбня, обратясь къ своему вѣрному слугѣ Семену, котораго призвали люди Бугайковатымъ.

— Ну, какъ вы полагаете, Марья Савична, здо-

ровая должна быть каналія?... вѣдь и посмотрѣть на Луку Ивановича, такъ ужь сейчасъ увидишь, что онъ отъ добраго корня произошелъ!

— Богъ съ вами, Иванъ Ивановичъ, шептала Дрышпаныха, лѣта мои прошли; мнѣ не до того...

— Ну, покуда что, любезная сосѣдка, прошу васъ, идите въ дворъ, да прикажите молодицамъ спивать: Темного лугу калина.—Чрезъ нѣсколько минутъ приказанное, хоромъ было исполнено.— Пѣснь Темного лугу калина слышалась не только подъ окнами дома, но и по всей деревнѣ.—Началось царство пьяныхъ бабъ, противнѣйшихъ мнѣ сто разъ, нежели безпросыпный пьяница мужикъ. Какъ по мановенью невидимаго волшебника, дѣвицы и кавалеры удалились изъ залы; журавель вступилъ въ свои права.—Въ спальнѣ плясали деревенскія бабы; въ комнатахъ дрожалъ полъ отъ стука полупьяныхъ гостей, носившихся по столамъ, стульямъ, диванамъ и кроватямъ. Въ углу залы разстилали персидскій коверъ; Луку Ивановича, съ трудомъ вывели въ залъ съ невѣстой для поклоновъ отцу и посаженной матери. Трепещущая Уліана Осиповна чуть ступала по мягкому ковру. Красныя выморазки запѣнились въ бакалахъ и начались поздравленія при возобновившейся пальбѣ изъ мущирей. Цѣлую недѣлю продолжалось убійственное веселье и кончились потому, что Довбня старый видимо усталъ. Гости разъѣхались по домамъ, прислали подарки молодымъ, и

въ домѣ Довбни все приняло прежній видъ. Иванъ Ивановичъ не забылъ послать своему пріятелю свату кухву горѣлки. Головешка принялъ подарокъ и велѣлъ благодарить Довбню и дѣтей. Бывшій наказный, какъ истинный козакъ, устоялъ на данномъ словѣ. Чрезъ мѣсяцъ кухва была пуста, и Головешка въ своей рубахѣ и чужихъ китаевыхъ шароварахъ лежалъ мертвый на голомъ столѣ. Самойло далъ знать о случившемся въ Раковую-Балку. На другую ночь пріѣхала неожиданно съ Лукой Ивановичемъ Уліана Осиповна и, увидѣвъ отца мертвымъ въ нищенскомъ положеніи, залилась самыми горячими слезами. При одной восковой свѣчѣ читалъ псалтиръ старый дьячекъ; склонясь надъ ногами умершаго лицомъ, рыдалъ единственный слуга Головешки Самойло.

Съ пріѣздомъ дочери, явился и священникъ, и сосѣди; а къ утру Головешка уже лежалъ укрытый парчей. Два ставника горѣли ясно и діаконъ читалъ Евангеліе. Народу была толпа.

Добрая дочь не жалѣла денегъ, подареннымъ ей тестемъ; она сыпала ими щедро, и вся Голтва удивилась богатымъ похоронамъ и щедрымъ поминкамъ. Лука Ивановичъ игралъ самую скромную роль, и все шепталъ Уліанѣ Осиповнѣ, что пора ѣхать домой. Послѣ девятинъ уѣхали молодые въ Раковую-Балку. И въ Раковой-Балкѣ суждено было имъ застать горе, нечаянно ворвавшееся въ домъ, еще недавно гремѣвшій бѣшенымъ весельемъ.

Иванъ Ивановичъ, въ отсутствіе дѣтей, поскользнулся, сходя съ садоваго рундука, упалъ и ушибъ себѣ затылокъ; въ эту несчастную минуту глупѣйшій параличъ прихлопнулъ сильнаго Довбню; его на рукахъ внесли люди въ комнату и положили на постель.

Началась суматоха. Двухъ верховыхъ послали за Лукой Ивановичемъ, третьяго за Дришпаныхой. По несчастью, ея не было дома и Орышка, самая умная въ дворѣ баба, признала необходимымъ созвать цѣлый медицинскій факультетъ бабъ и знахарекъ. Свои ту же минуту явились всѣ; чужія по первому приглашенію начали стекаться, и набралось ихъ до пятнадцати. Окруживъ больнаго со всѣхъ сторонъ, онѣ шептались, качали головами, вздыхали, прижавъ четыри согнутыхъ пальца лѣвой руки къ своимъ же лѣвымъ щекамъ, рѣшили единодушно поставить пану на животъ горшокъ, вымазать ему спину и грудь свяченымъ саломъ, подкурить его воскомъ страстной свѣчи, умыть лицо и руки непочатой водой и обсыпать кроват свяченымъ перцемъ. Довбня былъ безъ чувствъ, и его переворачивали на постели, какъ колоду.

Къ радости бабъ, не отходившихъ отъ постели и тутъ же пившихъ горѣлку въ ожиданіи поминокъ, больной передъ свѣтомъ открылъ глаза и зѣвнулъ.

Бабы встрепенулись.

— Что дѣти? пріѣхали?—спросилъ Довбня тихо

и такъ связно, что его съ трудомъ можно было понять.

— Ни.... не прiихалы... отвѣчала одна баба, поправляя на Довбнѣ лисье одѣяло.

— Прiихалы, произнесъ громко Бугайковатый, утирая слезы.

Прiѣздъ дѣтей обрадовалъ Довбню, но языкъ его дѣлался часъ отъ часу непослушнѣе; хочетъ сказать одно, а выговоритъ совсѣмъ другое и съ досады махнетъ только рукой.

Въ полномъ сознанiи исполнилъ религiозный обрядъ Иванъ Ивановичъ и, завѣщавъ сыну своему слушаться жены, какъ умнѣйшей его, довесть Павлына до разуму, тихо умеръ. Какъ было при жизни Довбни въ домѣ, такъ все осталось и перешло во владѣнiе Луки Ивановича, или лучше сказать Улiаны Осиповны.

Прошло два года и Улiана Осиповна воспользовалась своими правами и завѣщанiемъ родителя. Бывъ безъ малѣйшаго понятiя объ образованiи, она девятнадцатилѣтняя женщинка, подобрала къ рукамъ Луку Ивановича такъ исправно, какъ не удалось бы ни одной воспитанной. Дядюшка, такъ я буду называть Луку Ивановича, отъ природы былъ кротокъ, какъ шленскiй баранъ. Семинарское образованiе дало ему кое-какiя выходки, но Довбня и Улiана Осиповна или тетушка, такъ я стану называть ее, скоро дядюшку преобразовала и сдѣлала его очень способнымъ къ семейной жизни. Послѣ сме-

рти Довбни, тетушка подала за дядюшку прошеніе объ отставкѣ и принялись хозяйничать во всѣхъ деревняхъ очень горячо и неутомимо. Молодые супруги проводили дни и ночи въ тихомъ удовольствіи. Капризовъ, ссоръ и перебранокъ никогда не было слышно между ними,—хотя они, къ несчастію нашему, такъ часты и неизбѣжны, даже въ самомъ хорошемъ супружествѣ.

Иногда случались между ними крупныя переговорки, но на нѣсколько мгновеній; дядюшка всегда умолкалъ первый и поле оставалось за храброй тетушкой. Умная тетушка торжествовала свою побѣду, а скромный дядюшка униженно цѣловалъ ея руку, извинялся сто разъ въ одномъ и томъ же преступленіи. Въ силу духовнаго завѣщанія покойника Довбни, Раковая-Балка назначена была Лукѣ Ивановичу, Стогища Павлу Максимовичу, Капустенка Кириллу Ивановичу, и Штихованoвка Трофиму Ивановичу. По истеченіи годичнаго времени, петербургскіе паничи распорядились принять во свое владѣніе принадлежащія имъ части.

Кириллъ Ивановичъ, Капустянку поручилъ доставшемуся ему прикащику Дзюбанкѣ. Ни дядюшка, ни тетушка, сдавъ Дзюбанкѣ имѣніе брата, не находили, чтобы это было хорошо, и вслѣдствіе передачи имѣнія, ихъ переписка съ Кирилломъ Ивановичемъ охладѣла, прекратилась; а съ Трофимомъ Ивановичемъ, даже начата не была, потому что онъ ни одного разу не позаботился отвѣчать на

письма Луки Ивановича, два раза извѣщавшія Трофима Ивановича о смерти одного и того же родителя.

Раковая-Балка и Стогища составляли какъ бы одно имѣніе и доставляли тетушкѣ самое пріятное препровожденіе времени. На Павла Максимовича содержаніе выходило очень мало; а доходы съ Стогищъ поступали прямо въ руки тетушки, а не дядюшки. У дядюшки со всякимъ днемъ обнаруживались разныя склонности, отвлекавшія его отъ хозяйственныхъ занятій. Главнѣйшею слабостію дядюшки можно было почесть страсть философствовать. Вы подумаете, что дядюшка человѣкъ очень обыкновенный, окружилъ себя томами: Гобеса, Локка, Спинозы, Фихте, Гегеля или Милбранша, Кондильяка и другихъ, поэтому удивитесь, какъ я рѣшился назвать такія похвальныя занятія слабостями. Философствовать, по понятіямъ дядюшки, значило напиться пьянымъ на ночь и пролежать безъ чувствъ и сознанія до разсвѣта. Дядюшка полюбилъ это упражненіе и рѣдко когда безъ него обходился. Дядюшка носилъ (даже въ комнатѣ не скидалъ съ головы своей) наслѣдственную рогатую бархатную шапку, привезенную изъ Бердичева жидами, покупавшими смушки;— халатъ изъ шелковой темной матеріи служилъ ему каждодневнымъ костюмомъ. Бывало пріѣдутъ гости, такіе какъ Дрышпанъ, Порховянтка съ мужемъ, дядюшка не скинетъ, увидя ихъ, ни шапки, ни ха-

лата, а только поздоровается, дотронувшись до шапки правой рукой.

Наконецъ износился и шлафрокъ, обветшала шапка и Уліана Осиповна сто разъ обѣщала сдѣлать Лукѣ Ивановичу новую, гораздо превосходнѣйшую.

— Пора, пора имѣть мнѣ новую, шепталъ Лука Ивановичъ своей женѣ, только необходимо нужно наблюдать, прибавлялъ дядюшка очень серьезно, чтобы новая шапка была таковая же рогатая, мягкая и зеленая.

— Только дайте мнѣ оказію, случай пусть представится, отвѣчала тетушка, я куплю или закажу привесть.

— Когда бы то Богъ далъ.

Тетушка, осмотрѣвшись, что она попала въ богатый домъ, начала одѣваться довольно щеголевато и ежедневно носила она левантиновый капотъ и хорошій платокъ. Пріятно было взглянуть на тетушку, румяную и полненькую, когда она, засучивъ до локтей рукава своего капота, принимается наливать чай, а иногда кроитъ себѣ или горничнымъ дѣвушкамъ платье. Было время, что тетушкѣ надоѣдало равнодушіе дядюшки, и она тихонько вздыхала, въ особенности, если онъ занятъ былъ философствованіемъ. Видя, что Лука Ивановичъ совершенно ни во что не входитъ, тетушка еще болѣе удвоила свои труды надъ хозяйствомъ. Ни свѣтъ, ни зоря, а она уже на ногахъ, и пріят-

ный ея голосокъ звенитъ отъ чердака до подвала, какъ коммиссарскій колокольчикъ.

Эта счастливая своимъ невѣжествомъ и простотой чета проводила время по своимъ ограниченнымъ понятіямъ довольно весело. Дочь Головешки, вступивъ въ семейство Бродницкихъ, не сдѣлала никому визитовъ, даже послѣ свадьбы не благодарила лично гостей, у нихъ пировавшихъ. Прослыла она гордой до крайности и отвѣчала тѣмъ, кто ей сплетничалъ: мнѣ все равно; мнѣ никого не нужно; у меня есть мужъ, котораго я люблю; онъ мое сокровище неоцѣненное.

Уліана Осиповна не видѣла или не хотѣла видѣть, что ея неоцѣненное сокровище ежедневно скучаетъ, ежели нѣтъ случая пофилософствовать и, при всей власти надъ нимъ, дозволяла предаваться губительнымъ порывамъ самой пагубной страсти—пьянству..

— Хотя и бѣдная, твердили сосѣди, говоря объ Уліанѣ Осиповнѣ, а все видно, что муха у неи въ носи есть. Еще и не осмотрѣлась, а какъ губу копылить; а какъ разузнаетъ все свое настоящее богатство и достатокъ, тогда къ ней и не подходи.

Что больше всего заставляло чесаться языкамъ сосѣдокъ, такъ это красота тетушки. Дядюшка холодно цѣнилъ красоту тетушки и заставлялъ ее улыбаться иронически, когда онъ предлагалъ ей вопросъ: каково почивала она сію ночь?

— Уже вы наговорите, отвѣтитъ бывало тетушка и отвернется въ сторону, покраснѣвъ слегка.

Кто бывалъ у Бродницкихъ, тотъ вѣрно восхищался ихъ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было быть счастливѣе ихъ? Они были молоды, здоровы, съ хорошимъ состояніемъ. Головы ихъ никогда ни очемъ важномъ не размышляли. О Байронѣ помину не было. Занятія ихъ и труды самые серіезные состояли въ жеваніи и проглатываніи всего того, что приготовлялось для нихъ въ кухнѣ, буфетѣ, кладовыхъ, ледникѣ и пекарнѣ. Ротъ ихъ въ продолженіи цѣлаго дня не закрывался, зубы, цѣлые и ровные, работали преисправно. Отъ сна возставъ, по умовеніи лица и рукъ, молились они съ часъ. Окончивъ это, желали одинъ другому добраго дня, кушали и пили. Приходилъ часъ, нужно было обѣдать; передъ обѣдомъ подавалась закуска, за ней слѣдовалъ продолжительный и сытный обѣдъ; послѣ обѣда являлись варенья, маковники, орѣхи; кофе съ кренделями и сухариками, при этомъ дядюшка спынавъ ведмѣдя т. е. пилъ кофе съ спиртомъ пополамъ. Спынаніе ведмѣдя есть не что иное, какъ злоупотребленіе извѣстнаго Gloria, которымъ за наличныя деньги такъ щедро угощалъ Тортони своихъ посѣтителей въ Парижѣ на Италіанскомъ бульварѣ.

Послѣ кофе, нужно было полдничать; послѣ полдника пили чай; кушали уварюванку. Передъ ужиномъ пидвичирковали. Ужинъ оканчивалъ по-

сильные труды. Антракты занятій были хотя коротки, но во время ихъ поѣдалось множество бубликовъ, пирожковъ, орѣховъ и сѣмячекъ. За обѣдомъ бывало дядюшка съ тетушкой такъ наѣдятся, что сопятъ да покручиваютъ головами.

— У гумм.... заворчитъ дядюшка, ковыляя во рту огромнымъ кускомъ чего нибудь вкуснаго.

— Эхмм..... пробормочетъ тетушка, встанутъ оба изъ-за стола, перекрестятся и, взявшись за руки, поддерживая одинъ другаго, входятъ въ спальню и ложатся отдыхать послѣ трудовъ.

Ложась спать, поужинавъ и не находя о чемъ во время долгихъ часовъ безсонницы поговорить, они требовали слѣпаго Семена, который, за старостію лѣтъ и неспособностію къ работѣ, толкъ цѣлый день въ кухнѣ просо; а цѣлую ночь для господскаго развлеченія долженъ былъ говорить сказки. Слѣпой Семенъ входилъ въ спальню, когда господа были въ постели и свѣча потушена. Сказочникъ садился на корточки возлѣ лежанки и однозвучнымъ, монотоннымъ голосомъ начиналъ одну и ту же сказку: Якъ бувъ соби швецъ та кравецъ, та пишлы въ плавли ракивъ ловыть. Господа, не дослушавъ и до половины сказки, засыпали; Семенъ замолкалъ и, удостовѣрившись, что паны спятъ тихо, какъ тѣнь, выползалъ изъ комнаты и добирался въ кухню на солому, подъ припечекъ.

Святая старина! Патріархальные обычаи! Тогда-то была жизнь! восклицаютъ многіе, а я думаю со

вершенно иначе и прихожу въ содроганіе, припоминая дѣянія людей, которыя порождаютъ во мнѣ самыя грустныя размышленія.

Дядюшка съ тетушкой проводили время въ животной жизни. Сказалъ бы я гораздо больше, но помню, что de mortuis aut bene, aut nihil; притомъ я имъ человѣкъ совершенно чужой, то и долженъ быть безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ.

И то сказать правду, что не одни они жили такъ въ Малороссіи. Лучъ образованія не только не проникалъ въ эти заглохшія трущобы; но былъ еще очень далеко, чтобы скоро достигнуть въ пропасть невѣжества, варварскихъ обычаевъ и безсмысленнаго упрямства.

Смеркалось, свѣчей еще не подавали, и въ это полумрачное время въ спальнѣ, между дядюшкой и тетушкой завязался самый интимный разговоръ.

— Неужели, Лука Ивановичъ, сказала тихо тетушка, такъ у насъ и будетъ.

— Что такъ будетъ, отозвался дрожащимъ голосомъ дядюшка.

— Да вотъ такъ.... тихо отвѣчала тетушка.

— Какъ? Сіе мнѣ не удобовразумительно.

— Тое.... начала нерѣшительно тетушка и умолкла.

— Какое? спросилъ дядюшка, подымаясь съ кровати, на которой лежалъ.

— Да опять на счетъ дѣтей....

— Какихъ дѣтей, спросилъ дядюшка, ровно ничего не понимая.

— Да нашихъ же.... продолжала тетушка рѣшительно и сердито, — будемъ ли мы ихъ когда-нибудь имѣть или такъ все будетъ, какъ теперь....

— А, нетерпѣніе, ворчалъ дядюшка, какое нетерпѣніе! Дайте срокъ, будетъ еще время, будемъ еще имѣть не одно, а многажды.... Вотъ только укрѣплюсь и возмужаю въ здоровьи и въ силахъ.

Это многажды Уліана Осиповна слышала въ продолженіи пяти лѣтъ; лучшія лѣта молодости уходили, а надежда быть матерью тетушку совершенно покинула. Такое безнадежное положеніе заставило тетушку обратить всю свою нѣжность на сиротку Павлика, который прозябалъ безъ присмотра, ростя, какъ одичалый теленокъ, одной силой матери-природы.

Дядюшка былъ отмѣнно доволенъ, что тетушка полюбила Павлушу, и восхищался тѣмъ вниманіемъ, какое она ему оказывала.

Домъ Бродницкихъ былъ поставленъ на хорошей ногѣ, какъ говорятъ: просто да товство. Старую прислугу, служившую покойнику Ивану Ивановичу, распустили всю по домамъ. Дворовая же прислуга молодыхъ господъ состояла вопервыхъ: изъ ключницы Ярмолыхи, называемой всѣми дворовыми паниматкой; вовторыхъ изъ высокаго лакея Степана Кабаки, мужчины лѣтъ 30; въ-тре-

тьихъ изъ Савки и Кузьмы, тоже двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ послѣднему было лѣтъ десять. Ярмолыха командывала кучерами, кухарками, плугаторами, коровницами и пастухами; держала въ порядкѣ кладовые и погреба, принимала въ кладовыя продукты для жизненныхъ потребностей и отпускала ихъ съ разрѣшенія тетушки. Степанъ Кабака былъ камердинеръ дядюшки, буфетчикъ и пикёръ, когда нужно было ѣхать съ борзыми на охоту. Дядюшка любилъ иногда это удовольствіе и не пропускалъ никогда пороши, въ особенности первой. Кабака бывало ѣдетъ на бѣлой кобылкѣ, а дядюшка въ саночкахъ за нимъ слѣдуетъ; охота ихъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока видна была Раковая-Балка; а какъ скоро ея не становилось видно, Лука Ивановичъ добирался до первой скирды или могилы и тутъ дѣлалъ съ Кабакою привалъ. Съ привала они возвращались прямо домой, пикёръ насилу могъ слѣзть съ лошади и устоять на ногахъ, а дядюшку обыкновенно снимали съ саночекъ такого пьянаго, что онъ объ охотѣ ровно ничего не могъ объяснить, кромѣ: слава Богу, все благополучно есть; подъ скирдою закусывали.... Скирда эта по прямому направленію была въ полу-верстѣ отъ Раковой-Балки.

— Проклятая Кабака, ворчала въ этакомъ случаѣ тетушка, такъ его чертъ и подбиваетъ звать пана на охоту.... постой, доберусь я до тебя... на охоту?

— Да пусть... проговоритъ дядюшка, ласково взглянувъ на Уліану Осиповну, тебѣ рудый (Степан азвали тоже иногда рудымъ—рыжимъ) разскажетъ.... какъ мы слѣдили.... тутъ.... вотъ....

— Ложитесь спать, Лука Ивановичъ, скажетъ бывало тетушка, и послушный мужъ спѣшитъ исполнить приказаніе жены.

Савка малый лѣтъ 22, ресторировалъ всю обувь для дворовыхъ; изрѣдко шилъ новые сопоги господину и башмаки тетушкѣ; ловилъ вятерями рыбу въ прудѣ, а въ остальное время услуживалъ господамъ. Не проходило ни одного дня, чтобы онъ чего-нибудь не разбилъ.

Кузьма былъ взятъ дядюшкой собственно для компаніи Павлушѣ. Этотъ мальчикъ никогда не умывался и не чесалъ своихъ волосъ, торчавшихъ какъ щетина: куртка у него и панталоны были сдѣланы изъ холстинной набойки и выпачканы, какъ юбка сластенницы. Кузьма почти ничего не дѣлалъ въ комнатахъ, хотя на дворѣ лѣтомъ производилъ для Павлуши млинки, а замою замораживалъ громаки. Это былъ единственный другъ и товарищъ Павлуши; дѣлилъ Павлуша съ нимъ свои радости и горести, и всѣ невинныя дѣтскія шалости.

Павлушѣ уже было лѣтъ восемь и ближайшее къ нему существо была деревенская баба, женщина лѣтъ семидесяти пяти. Восьми-лѣтняго мальчика, довольно плотненькаго, эта старушка таскала ежеминутно на своихъ жолтыхъ и исхудавшихъ ру-

кахъ. Любимое препровожденіе времени Павлуши состояло въ бѣганьи по двору или по комнатѣ.

— Не бѣгайте, паниченьку, скажетъ бывало баба своему пестуну, нижечьки у васъ малесеньки, заболятъ и будетъ вавочка.

Павлуша не хотѣлъ слышать о вавочкѣ, брыкался ногами, моталъ курчавой русой головой и, соскоча съ рукъ бабы, убѣгалъ въ прыжкахъ, какъ дикій козленокъ убѣгаетъ отъ преслѣдованія охотника. Главная обязанность бабы состояла въ томъ, чтобы дитя ни подъ какимъ видомъ не голодало. Вслѣдствіе этого распоряженія, баба должна была ежечасно пихать въ ротъ Павлуши все то, что оставалось отъ сытнаго обѣда господъ, хотя бы Павлуша и отказывался.

— Не хочу! не хочу! кричитъ бывало Павлуша и, отворотясь, надуетъ губы, наморщитъ брови и, сидя на столѣ, начнетъ пихать бабу въ животъ ногами.

— Кушайте паныченку! проговоритъ старуха неугомонному Павлушѣ: хлибъ на хлибъ не вадитъ, кій на кій вадитъ.

Выслушавъ терпѣливо эту поговорку, Павлуша ѣлъ насильно все, что ни предлагала ему усердная нянюшка. Послѣ ужина, желудокъ Павлуши походилъ на чемоданъ Московской тяжелой почты; дитя чувствовало себя нездоровымъ и съ трудомъ могло дышать. Старуха, притащивъ его къ кровати, раздѣнетъ, уложитъ въ мягкую постель, укрывъ

смушевымъ тулупчикомъ; не спитъ дитя, а мечется въ постели и болѣзненно охаетъ. Вотъ скоро пѣтухи закричатъ; поздно, въ домѣ всѣ спятъ, тихо, мышъ пробѣжитъ слышно; отъ чего же, думаетъ старуха, бѣдное дитя мое не спитъ?

— Ой! бабко! бабко! пропищитъ Павлуша.

— Чого вы матинко? шепчетъ баба, раскрывъ смѣжившіяся вѣки и, схвативъ подушку за уголъ, начнетъ качать Павлушу, шепча себѣ подъ-носъ какія-то невнятныя слова.

— Бабко казки! проворчитъ ребенокъ, поворотясь лицомъ къ старухѣ.

— Спить! уси уже сплять.

— Кажы бабко казки!

Павлуша начнетъ хныкать.

— Противъ ночи страшно, шепчетъ старуха.

— А противъ дня? спроситъ, приподнимаясь Павлуша.

— Противь дня — брехня. Ну спить, продолжаетъ старушка, бо васъ куряча вова изъисть!

— Кого?

— А ужежъ не меня.

— Якъ?

— Годи роспытувать, спить!

— Буду плакать, какъ не раскажешь, и Павлуши начинаетъ плакать, а плачъ шелъ у него crescendo.

Испуганная баба прошепчетъ: цытьте! раскажу вамъ такое, что еще никогда не разсказывала, не

плачьте только. Павлуша быстро приподымается на кровати, придвигается къ бабѣ и молча слушаетъ.

— Ляжьте! проворчитъ старушка, укладывая сызнова своего баловня, укрывая его одѣяломъ и спрашивая, не желаетъ ли онъ чего покушать

— Не хочу, отвѣтитъ сурово Павлуша, казки хочу.

— Горенько мени тяжкое! ворчитъ нянюшка, не спыть дытына. Ну, слушайте. Знаете вы тотъ портретъ, что виситъ въ гостиной надъ диваномъ, зъ усами и зъ шаблюкою? Знаете? Отто вашъ дидусь рѣшетиловской сотни, сотникъ Довбня, прозванный на запорожьѣ Довбнею за то, что ударомъ своего кулака сваливалъ съ ногъ не только человѣка, коня, даже самаго здороваго вола.

— Що воно, бабо, за сотникъ? Чы воно було дуже страшне? спроситъ любознательный Павлуша.

— Крый Боже! при этомъ старуха покачаетъ своей сѣдой головой и продолжаетъ: сотникъ колысь бувъ велыкій чоловикъ!

— Панъ?

— А ужежъ! теперь такихъ панивъ, якъ погляжу, со всѣмъ нѣтъ. И слава Богу, что нѣтъ. Сотникъ былъ важнѣе теперешняго маршала, отъ того що возлѣ насъ живетъ; а коммиссаръ передъ сотникомъ былъ бы совсѣмъ не коммиссаромъ, а такъ себѣ поганенькимъ панкомъ. Боялись сотника Довбни, покуда онъ сотней правилъ, а какъ сотни-

ковъ схвасовали, то онъ первый пріѣхалъ въ Раковую-Балку и съ сосѣдями сдѣлался ласковымъ и очень добрымъ. Люди звали его паномъ, а полупанки добродіемъ. Раковая-Балка была не то что теперь, то тамъ, то тамъ стырчалы хатки. Якъ похозяйничалъ Довбня годъ-другой, да увидали, что онъ панъ милостивый, то гдѣ и взялись тѣ люди, полѣзли со всѣхъ сторонъ и Раковая-Балка заселилась. Бывало, на его имянины съѣдутся сосѣди, начнутъ пить да гулять, да зъ мужчиривъ стрѣлять такъ, що земля дрожитъ, а въ хаткахъ ажъ шыбки вылетаютъ. Чы вы не спите?

— Ни.... ажъ шыбки вылетаютъ.

— Прійшлось пану строить будынки; тутъ, гдѣ теперь домъ, стояла хата черезъ сины. Нашъ народъ былъ простота ни до лука, ни до дрюка; куда было такимъ вахлакамъ будовить хоромы? Нужно было нанимать кацаповъ.

— Страшныхъ? спроситъ бывало Павлуша.

— Всякихъ. Може вы заснете?

— Дали.... бабко.... дали.... скажетъ дитя и начнетъ стучать кулаками по кровати.

— Нагнали ихъ до пропасти. Народъ пыкатый, мордатый, головатый, куцый, довгій, бородатый, волохатый, рудый та здоровый, въ лычакахъ и въ червоныхъ сорочкахъ. Було ихъ болѣе пятнадцати душъ; одинъ въ одного всѣ мастера такіе, что любо посмотрѣть. Домъ такъ и росъ подъ ихъ топорами. А ѣли, ѣли, такъ ужь подавай только....

— Много ѣли?

— Что не подай, все съѣдятъ! Наробыли себѣ квасовъ, то начали пить тіи квасы, ажъ сумно смотрѣть стало. Я была у нихъ куховаркою.

— Пили?

— Еще бы имъ не пить. Это Москва. Работали, и до Покровы домъ и анбары поставили на дивовизну! всему сосѣдству. Довбня сдѣлалъ обѣдъ, созвалъ сосѣдей, поповъ, освятилъ постройки и сталъ ихъ занимать изъ Рѣшетиловки, пріѣзжая пожить съ женою недѣльки на двѣ, иногда и праздники встрѣчалъ тутъ же.

— А гдѣ же дѣвались кацапы!

— Пошли въ Россію. Послѣ нихъ винницу Довбня выстроилъ; то не шутка была: каждый день девять пудовъ настоящаго борошна затирали, воду изъ рѣки въ цебрахъ носили, да въ кадку наливали, а изъ кадки черпаками опять въ тѣ же цебры, да въ мидный казанъ; по сажню дровъ палили, та дымъ былъ такой, что глаза людямъ выѣдалъ.

— Выѣдалъ?

— Извѣстно, туда бывало за провинность людей въ работу наряжаютъ. За то хоть и трудно было работать, но горѣлка была на славу, тутъ баба начнетъ глотать слюнки.

— Смашна?

— А тожъ? Бывало лѣтомъ провезутъ полное барило, а зимой въ мѣшкахъ возятъ.

— А вытечетъ?

— Чего ей вытекать? Вона замерзнетъ; возьмуть сокиру, нарублютъ того леду полный мѣшокъ; человѣкъ заплатитъ пивъ копы, возьметъ на плечи, донесетъ домой въ хату; поставитъ тотъ ледъ въ ваганочкахъ на печь; ледъ растаетъ и сдѣлается вода водкой. Пей сколько душѣ твоей угодно! Панъ былъ добрый, позволялъ людямъ погулять, попить, повеселиться и никогда ихъ не обижалъ.

— А богатый бувъ?

— Крый Боже! якій богатый!

— А коней! коней! Раскажи бабко, какіе кони у него были?

— Коней у него было чуть ли не въ десять разъ больше, какъ у вашего дядюшки. Пріѣзжаютъ бывало изъ-за Аршавы череватые Ляхи, въ жупанахъ, та въ червоныхъ шапкахъ и за всякаго коня платятъ по червинцю. Павлуша наконецъ ложился и старуха, думая, что онъ заснулъ, притаивъ дыханіе опускалась у кровати на рядно и, подложивъ правую руку подъ голову, собиралась заснуть.

— Замовкла? спроситъ Павлуша, гдѣ ты дѣвалась?

— Тутъ, матинко! скажетъ старушка, быстро привставъ и, склонивъ свое лицо надъ личикомъ Павлуши, ожидаетъ его приказаній.

— Доскизывай.... буду слушать до разсвѣта.

— Мой Остапъ, царство ему небесное, былъ

у Довбни погоняйломъ и разсказывалъ мнѣ, какъ одинъ разъ возвращались они съ паномъ изъ Бѣлозерья, холодной, темной, зимней ночью и были застигнуты завырюхой.

— Ну, ну, разсказывай, этого я до сихъ поръ не слышалъ.

— Среди широкаго и пустаго поля, продолжала старуха, ни съ того, ни съ другаго, засвистѣлъ вѣтеръ, подымая цѣлыя облака снѣга, крутя ихъ и засыпая узенькую дорожку. Лошади, тройка буланыхъ, около часу бились по груди въ снѣгу, попадая изъ качугуры въ качугуру; наконецъ влѣзли въ такой глубокій заметъ, что завязли, въ силу выкарабкались и должны были стать на мѣстѣ. Сотникъ былъ не трусливаго десятка, боялся одного Бога; однакожь, почувствовавъ, что кровь застываетъ въ его жилахъ и ноги начинаютъ костенѣть, перелякався не на шутку. Нужно было ему, какъ истинному христіанину, приготовиться къ смерти и, онъ, перечитавъ мысленно всѣ молитвы, какія зналъ, во второй разъ принялся за Царю Небесный и не успѣвъ его окончить, примѣтилъ, что вѣтеръ стихъ, свинцовыя тучи разсѣялись и проглянула луна. Страхъ близкой смерти не покидалъ проѣзжихъ. Степь — ни кургана, ни деревца; пусто и пусто, куда не взглянешь. Сотнику сдѣлалось очень сумно; и моему Остапу тоже. Среди ихъ отчаяннаго молчанія, шапки, бывшія насунутыми имъ на самыя брови, начали сами собой поды-

маться вверхъ и задержались только на затылкахъ. Въ такомъ состоянiи путники пробыли нѣсколько минутъ, предавшись вполнѣ неизвѣстности и безотчетному страху, который не покидалъ ихъ, а ежеминутно усиливался.

Сдѣлалось имъ душно.

«— Пропалы мы, Остапе, проговорилъ не своимъ голосомъ старый Довбня.

«— Мооже й пропалы, пане! отвѣчалъ равнодушно Остапъ, сдвинувъ плечами,—у него была такая привычка или носомъ сморкнетъ, или плечами сдвинетъ.

— Какая привычка?

— А лежъ! недопитуйтесь.... лучше спите.

Павлуша хныкалъ и шепталъ: сядь бабо... возлѣ меня.... я боюсь.... не ложись на полу.... стой возлѣ меня....

— Щобъ ты каменемъ сило! прошипитъ баба и выпрямится возлѣ кровати Павлуши.

— Кого ты бабко, лаешь?

— Кота, матинко—а дбзусъ! Стало имъ жарко, и слышатъ они, позади ихъ идетъ что-то очень хутко. Только снѣгъ скрыпитъ подъ его частыми шагами; видятъ, ровняется съ ними молодычка, высокая, въ черной юбкѣ, въ бѣлой намиткѣ и красной сподницѣ. Идетъ мимо ихъ и не только не здравствуется съ ними, но даже отворачивается отъ нихъ, закрывъ лицо руками. Панъ и его Остапъ, удивленные появленiемъ молодой

женщины, замолчали; когда же замѣтили, что прохожая начала ихъ миновать, Довбня спохватился первый, зашевелилъ усами, загорѣлись его глаза, какъ уголья, и онъ проворно закричалъ: эй! голубко! хороша молодычко! (панъ бувъ дуже охочій до дивчатокъ и молодычокъ, не хай надъ нымъ земля перомъ, прибавила отъ себя баба). Пойды сюда! чы вы, паныченку, чуете?

— Пойды сюда! проговорилъ Павлуша, — а чы нема, бабко, въ тебе чого нибудь попоисты? Щось у животику тиспо.

— Есть, матинко! Въ одно мгновеніе баба была въ буфетѣ: изъ шухлядки доставала глубокую тарелку, горой наполненную варениками, картофелемъ, мнышками и жаркимъ.

— Кушайте на здоровье, шепчетъ баба, подставляя подъ носъ Павлуши этотъ венегретъ.

— Кушаю, отвѣтитъ Павликъ, а ты бабко, все таки разсказывай.

«— Та не рушьте, пане, аспыдскои молодыци, отозвался Остапъ довольно грубо Довбнѣ, это вѣрно Мара.

«— Нехай буде й Мара, а все-таки нужно ее спросить задорогу. Гдѣ мы? Ты не знаешь и я то же не знаю.

—Женщина возвратилась и остановилась въ двухъ шагахъ отъ саней, притопывая отъ холоду желтыми сапогами и пристукивая изрѣдка подковами.

—Скажи намъ, будь ласкова, началъ сотникъ, куда эта дорога идетъ—прослѣдокъ знать.

«— Въ Ольшанку,—отозвалась какимъ то глухимъ голосомъ женщина.

«—А далеко? спросилъ панъ, нагибаясь изъ саней и желая разсмотрѣть лицо женщины, которое она продолжала старательно закрывать.

«— Верстовъ шисть буде.

«— Такъ прямо и держать?

«— Держить за мною! по этому прослѣдку. Я васъ доведу, куды нужно.

«— Садись же лучше съ нами, сказалъ ласково сотникъ, отодвигаясь въ уголъ саней.

«— Та нехай вона тямиться, ворчалъ Остапъ, чы то воно можно? Побачылы середь дороги молодычку, забулы холодъ, такъ хоть уже еи и тащить съ собою; до чого воно? не подобне и не довидоме.

«— Не бійсь, чоловиче, съ какимъ-то смѣхомъ произнесла молодычка; я зъ вами не сяду ни за що въ свити; спѣшу къ моему мужу въ Ольшанку; онъ тамъ мельникомъ и шесть недѣль меня дожидаетъ. Когда есть у васъ охота, то держите за мной! Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ и полетѣла, какъ дикая коза, впереди лошадей. Страшно захрапѣли кони, рванули съ мѣста, взмахнули косматыми гривами и, какъ опеченные, понеслись за мельничихой, которая не шла, а неслась, не дотрогиваясь до земли, какимъ то вих-

ремъ. Прошло нѣсколько минутъ необыкновенной ѣзды, погоняйло вдругъ закричалъ не своимъ голосомъ: тпррррр... Съ этимъ междометіемъ окончилась ѣзда сотника съ Остапомъ. Они почувствовали, что летятъ въ санахъ съ лошадьми въ глубокую пропасть. Стукъ, страхъ и внезапный толчекъ отняли на время память у пана и у кучера. Послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія, сотникъ началъ шевелиться, открылъ глаза и чуть слышно заговорилъ:

«— Остапе! будь ласковъ! злизь зъ мене! будетъ уже съ часъ, какъ ты лежишь на мнѣ. Важкый ни въ року, никакъ вылѣзть съ подъ-тебя не могу.

«— Я, пане, отвѣчалъ робко Остапъ, знаю давно, что лежу на васъ, та думаю, що мы уже на тимъ свити и що такъ воно слидуе, то й мовчу; думаю: мертвому ничого болакать, а треба уже лежаты, колы его тамъ положено.

«— Ну, слѣзай, ты очень придушилъ меня, рукъ поднять не могу.

«— Чы й справди не можете, спросилъ лукаво Остапъ, значитъ и бить меня не будете?

«— Богъ съ тобою, дураче! гдѣ уже мнѣ тебя бить, да и за что?

«— Ну такъ и добре! сказалъ Остапъ, слѣзая съ своего господина, очунявъ я со всѣмъ и бачу греблю, вербы, млынъ водяный, тынъ, хату и въ хати свитло.

«— Чортовска молодычка! ворчалъ сотникъ, и

отряхивая снѣгъ съ медвѣжьей шубы силился встать,—какъ насъ она обманула! будь она неладна.

«— Пане! закричалъ радостно Остапъ.

«— Що ты, дураче!

«— Ось и кони наши стоятъ; я думалъ, что ужь и костей ихъ не увижу!—Живисеньки, здоровисеньки.

«— Молчи, дураче! сядемъ въ сани и подъѣдемъ къ хатѣ.

Сѣвши въ сани, подъѣхали они къ самымъ дверямъ избы, ярко освѣщенной. Изъ открытой кватирки окна, несло запахомъ ладона.

«— Добрій-вічиръ! кричалъ Остапъ, стуча въ окно, противъ печи; будьте ласковы, видчинить погриться, спытать дороги. Швыдче бо панъ сотныкъ изъ Раковои буде сердится. Мы блукалы, насъ обмарило. Одчинить бо проподемо! Скрипнули протяжно хатни двери, замоскотивъ засовъ сѣнныхъ; босая старуха въ одной рубахѣ и запаскѣ подбѣжала къ санямъ, держась правой рукой за дверной колочекъ.

«— А какое это, примѣрно сказать, село? спросилъ важно Довбня.

«— Ольшанка, паночку, отвѣчала старуха, подымая то одну, то другую ногу отъ холоду, затрудняясь устоять на двухъ, покуда панъ распроситъ все, что ему угодно.

«— Гм... примѣрно сказать, хата чья?

«— Мельникова.

«— Гм... заразъ, повелѣваю тебѣ: вызвать самого хозяина, сказалъ грозно Довбня и, нагнувшись къ Остапу, продолжалъ: кáкъ только онъ выйдетъ, схвати его, посади на сани и гони коней; пусть онъ насъ доведетъ въ Раковую, бо щось дуже насъ обмарило; ночь глупа, а мы сами домой не втрапимо.

«— Богъ съ вами, паночку, отозвались, стуча остатками зубовъ, старуха, сего ни якъ не можно зробыты.

«— Де й его честы! Якъ примѣрно? заревѣлъ разсердившійся Довбня, ища вокругъ себя какого нибудь оружія.

«— Не можно, та й годи!

«— Якъ, примѣрно, ты мени смѣешь.... закричалъ Довбня, стараясь вытащить свои ноги изъ волчьяго одѣяла. Дай мнѣ, Остапе, пугу; я самъ пойду... слышишь, приказую!..

«— Шкода, пане, винъ то теперь вашего приказу да не послушаетъ, бо съ пивъ ночи лежить мертвый на лави....

«— Мертвый... сказалъ Довбня, невольно перекрестясь, умеръ?... Ну, царство его души... а жинка... жинка его гдѣ?

«— Жинка? спросила старуха, ставъ въ отворенныхъ дверяхъ сѣней, Богъ съ вами, добродію, на что вы ее згадуете? Семь лѣтъ, какъ она умерла... то ничого; но вотъ бѣда: какъ настанетъ ночь,

вана въ походеньки, шляется по за селамъ и часто видятъ ее вотъ тутъ, возлѣ самаго провалья.

Панъ и Остапъ молчали.

«—Кажуть, продолжала старуха, довно бы пора ее откопать, да осиновымъ колкомъ межь плечи пробить....

«— Свѣтаетъ, Остапе, торопясь произнесъ Довбня, держи черезъ плотину, тамъ распросимъ домой дорогу.

Послѣ этой исторіи, Павлуша, удовлетворенный, поворачивался на другой бокъ, закутывалъ голову и засыпалъ самымъ тяжелымъ сномъ.—Грезились ему усатые сотники, паны, мельничиха и страшное провалье. Заснувъ позже дядюшки и тетушки, не угомонный Павлуша долженъ былъ вставать гораздо позже, что онъ аккуратно и исполнялъ.

Кузьма давно уже раздувалъ въ сѣняхъ самоваръ красной мѣди съ длиннымъ носикомъ; дядюшка совершилъ уже нѣсколько путешествій вокругъ дома; тетушка давно гремѣла связкой ключей, а Павлуша все еще почивалъ. Дядюшка съ тетушкой садились пить чай и депутація дѣвокъ отправлялась въ комнату паныча будить его. Одна половина бросалась на дворъ отворять ставни; другая тянула съ паныча одѣяло.—Павлуша просыпался, ревѣлъ и брыкался ногами, кутаясь въ одѣяло. Являлись тетушка съ розгой, дядюшка съ стаканомъ холодной воды; грозили они Павлушѣ вмѣстѣ, и тотъ долженъ былъ по неволѣ вставать.

Церемонія одѣванія и умыванія длилась съ полъ-часа, и наконецъ Павлуша въ одной рукѣ съ пирожкомъ, въ другой съ кускомъ жаренаго, являлся пить чай и говорить, цѣлуя руки своихъ воспитателей: добрый день!

Сѣвъ за чай, Павлуша начиналъ прихотничать. Не хотѣлъ онъ пить чаю съ сахаромъ—давали ему съ медомъ. Не хотѣлъ съ медомъ—давали ему съ родзынками. Не хотѣлъ кренделей, ѣлъ перепички; не хотѣлъ перепичекъ, ѣлъ бублики и, однимъ словомъ, вередовавъ къ утѣшенью своихъ воспитателей. Послѣ чаю слѣдовалъ легонькій завтракъ: молочная кашка, яичница, сушеные карасики, коржики съ саломъ или вареныки съ сметаной, плавающіе въ океанѣ масла.—Завтракъ запивался грушевымъ квасомъ, который искрился и пѣнился какъ шампанское. Не успѣвало дитя погулять, садились обѣдать. Ѣлъ Павлуша все, что ни подавали—иначе терялъ бы право лакомиться: медовымъ вареньемъ, орѣхами, шишечьками и маковиками, которые смѣняли обѣдъ. Послѣ обѣда Павлуша занятъ былъ въ ледникѣ пожираніемъ вершковъ сметаны и питіемъ густыхъ сливокъ.—Плачетъ бывало бѣдный мальчикъ, а ѣстъ. Лѣтомъ Павлуша изъ ледника отправлялся на баштанъ съ Кузьмой вмѣстѣ; выбравъ съ нимъ полъ-дюжины самыхъ лучшихъ арбузовъ и сколько же дынь, Павлуша своеручно рѣзалъ ихъ и пробовалъ. Выбравъ одинъ арбузъ и дыню, онъ ихъ съѣдалъ, отдавая

остальныя любимцу Кузьмѣ, который надѣлялъ ими дворовыхъ ребятишекъ и всѣхъ своихъ пріятелей: коровниковъ, погоничей и пастуховъ. По приходѣ домой нужно было пить кофе, полдничить, подвичирковать, пить чай да еще и ужинать. На все это доставало аппетита у бѣднаго мальчика и онъ дѣлалъ все это съ удовольствіемъ, чтобы не огорчить добрыхъ своихъ родственниковъ.

Такъ текли для Павлуши дни, часы и ночи.— Онъ былъ здоровъ, веселъ и счастливъ; не подозрѣвая, что олицетворялъ Гергентуа и былъ на него совершенно похожъ; не было только талантливаго Рабле, который бы нарисовалъ его широкой кистію на память потомству; не для подражанія, а для того, чтобы другіе не такъ воспитывали дѣтей, ввѣренныхъ имъ слѣпой судьбой.

ГЛАВА III.

—

Въ началѣ іюля дядюшка съ тетушкой, въ каждый хорошій вечеръ, выходили на крыльцо, гдѣ ожидалъ ихъ самоваръ на столѣ, накрытомъ бумажной сѣрой скатертью съ изображеніями на ней фантастическихъ башенъ и летающихъ утокъ. Господамъ служилъ Степанъ; Савка тоже готовъ былъ служить, но его не требовали;—беззаботно сидя въ буфетѣ, онъ ловилъ очень искусно мышей.— Столъ, за которымъ усѣлись хозяева, красовался всевозможными печеньями, булками и кренделями. Павлуша около получаса находился въ ледникѣ, лакомясь свѣжей бринзой. Отдавая свои недоѣдки Кузьмѣ, Павлуша увидѣлъ остановившуюся у воротъ повозку и изъ нее выпрыгнувшаго человѣка необыкновеннаго роста. Незнакомый пріѣзжій снялъ картузъ съ головы, началъ взъерошивать свои пыльные волосы и отягивать полы измятаго сюртука. Обмахнувши носовымъ платкомъ свое лицо,

понталоны и сапоги, пріѣзжій розмашистыми шагами началъ подходить къ крыльцу. Повозка уѣхала на черный дворъ. Случалось ли вамъ, въ дѣвственныхъ степяхъ Малароссіи, видѣть, какъ выскакиваютъ изъ норъ оврашки? Точно такъ же неожиданно, передъ Павлушей показался только, что ушедшій Кузьма. Искривясь, какъ высѣченный школьникъ, Кузьма быстро и тихо произнесъ надъ ухомъ паныча:

— А знаете, кто пріѣхалъ?

Павлуша грустно молчалъ.

— А я знаю, знаю, знаю! продолжалъ Кузьма, напѣвая на одинъ и тотъ же голосъ одни и тѣ же слова.

Ребенокъ глубоко вздохнулъ, на глазахъ его показались слезы,—сердце его догадалось.

— Учитель! Учитель! напѣвалъ Кузьма, доѣдая куски брынзы.—Мучитель! Мучитель, запѣлъ Кузьма, а я его не боюся! вскрикнулъ рѣзвый мальчишка и съ этими словами, перепрыгнувъ высокій заборъ, скрылся въ густой зелени такъ быстро, какъ скрывается молодой зайчикъ въ высокую рожь.

Возлѣ ледника продолжалъ стоять Павлуша въ какомъ-то безсознательномъ состояніи. Идти ли ему въ домъ? оставаться ли здѣсь—онъ не зналъ. Чрезъ нѣсколько минутъ прислана была за Павлушей полдюжина дѣвокъ.

— Пожалуйте, тетушка васъ кличатъ! сказала одна дѣвушка и хотѣла взять его за руку. Пав-

луша легонько оттолкнулъ отъ себя дѣвочку; закрывъ пылавшее лицо обѣими руками, онъ подался было впередъ, хотѣлъ идти, но поблѣднѣлъ и покачнулся на мѣстѣ; чрезъ минуту Павлуша, проливая потоки горькихъ слезъ, бросился на мягкій шпорышъ. Было отъ чего терзаться Павлушѣ; дѣвушка шепнула ему о пріѣздѣ учителя. Это былъ студентъ переяславской семинаріи, котораго, по просьбѣ Луки Ивановича, выслалъ отецъ протоіерей къ нему на должность учителя.

Дѣтская радость и горесть не бываютъ продолжительны; поэтому Павлушу подняли съ мягкой травы и отвели въ его комнату чрезъ корридоръ. Павлуша, войдя въ свою спальню, снова заплакалъ и бросился цѣловать грустную бабу, повѣряя ей свое безатрадное положеніе. Семинаристъ давно уже подошелъ къ крыльцу, осторожно осматриваясь, нѣтъ ли гдѣ собакъ, или чего другаго, стоющаго вниманія. Взбираясь на ступеньки крыльца, онъ началъ взъерошивать опять свои волосы и откашливаться.

Дядюшка и тетушка, увидя, что онъ приближается, въ торопяхъ чуть не опрокинули стола и удрали безъ оглядки въ комнаты. Сконфузясь на нѣсколько минутъ, они притаились у себя въ покояхъ. Семинаристъ замѣтилъ, какъ при его появленіи господа засуетились и исчезли; не находя никого на крыльцѣ, онъ замѣтилъ Савку, выносившаго съ

сѣней подносъ съ чашками и зѣвавшаго на него, остановясь на порогѣ.

— Famulus! это твои господа суть, которые убѣжали?

— Ни не сцуть, а чай будутъ пыть! отвѣчалъ гордо Савка, — сдѣлалъ одинъ шагъ въ сторону, пошелъ по направленію къ столу, споткнулся; все, что̀ было на подносѣ, запрыгало по полу и разлетѣлось въ дребезги.

— Проклятый козусъ! ворчалъ Савка, подбирая черепки, будь не онъ, я сегодня ничогисенько бы не розбилъ! Пойдите прежде умыться, шепталъ Савка семинаристу,–а такъ въ комнаты къ панамъ идти не годится.

— Famulus! шепталъ съ видимымъ презрѣніемъ пріѣзжій, лакуза мерзѣйшая! Обувь мнѣ станешь чистить!

Новое лицо продолжало ходить по крыльцу; наконецъ остановилось, попятилось назадъ и чуть не слетѣло съ ступенекъ внизъ. Передъ семинаристомъ стоялъ дядюшка безъ шапки, въ длиннополомъ гороховомъ сюртукѣ, изъ-за дядюшки высматривала тетушка, мѣряя пріѣзжаго глазами съ головы до ногъ.

— Не подобаетъ вамъ, Уліана Осиповна, шепталъ дядюшка, отталкивая жену въ сторону, вылазить на показъ молодому человѣку....

— Ну такъ что жь? шептала тетушка, ни мало не думая уходить.

Нѣсколько секундъ стоялъ гость противъ хозяевъ; казалось, онъ страшно удивленъ былъ внезапнымъ ихъ выходомъ.

— Вы есть.... началъ дядюшка, подходя еще ближе къ пріѣзжему.

— Студентъ переяславской семинаріи, присланный отцомъ протоіереемъ.

— Ну, такъ здравствуйте, domine! произнесъ дядюшка, кланяясь очень неловко и принужденно.

— Здравствуйте, отвѣчалъ domine, низко кланяясь.

— Уйдите, Уліана Осиповна, шепталъ дядюшка, дайте domine ободриться и почиститься; пусть Савка проведетъ его въ диванную комнату.

Тетушка проворно убѣжала въ свою спальню, не забывъ раза два оборотиться и взглянуть на красиваго семинариста; — студентъ послѣдовалъ за Савкой въ диванную. Чрезъ нѣсколько минутъ явилась тетушка и заняла свое мѣсто за чайнымъ столомъ. Чашки замѣнились другими, новыми, и благодаря пріѣзду семинариста, Савка, виновный въ ихъ истребленіи, отъ господъ не слышалъ брани. Двухъ пощечинъ и трехъ подзатыльниковъ, полученныхъ Савкой отъ панлматки, онъ не считалъ обидой, ключница была ему родственницей.

— А что, Уліана Осиповна, спросилъ дядюшка тетушку, придвигаясь къ ней со стуломъ, каковъ показался вамъ domine?

— Что за domine такое?

— Ну, коль хотите: семинаристъ.

— Не умѣла его разглядѣть хорошенько; впрочемъ, онъ не поганый. Вотъ о чемъ я хотѣла поговорить съ вами, Лука Ивановичъ, начала тихо тетушка. При одной мысли, что Павлушу начпутъ учить, у меня навертываются слезы; что же если вздумаетъ учитель занять дитя латинью, то безъ березовой киши имъ не обойдтись.

— Развѣ меня не сѣкли? спросилъ тетушку съ какой-то досадой дядюшка.

— Ну васъ, другое дѣло; а Павлуша къ этому не привыкъ. Начнетъ его учитель товкты и затовчетъ, а дитя и безъ этого слабо здоровьемъ. Дядюшка вслушивался во все, что говорила Уліана Осиповна, наконецъ, поднявъ плеча свои вверхъ, моргнулъ густыми бровями и началъ:

— Вы ошибаетесь, Уліана Осиповна, товкты его хоть и будетъ, но не ежечасно, а раза по три въ день. Это вовсе не много. Касательно же березовой каши, то оную Павлуша будетъ получать только по субботамъ.

— Какъ по субботамъ?

— Субботки даютъ въ воспоминаніе храненія заповѣдей (помни день субботній), и за погрѣшности, учиненныя учащимся, въ протеченіи недѣльнаго времени.

— Знаю, это выдумки дьячковъ.

— Ну и прекрасно, если знаете.

— Какъ же именно давали въ ваше время суботки?

— Послѣ обѣда въ субботу, дьячекъ доставалъ изъ ящика каталогъ погрѣшностей, вызывалъ виновнаго, клалъ его на сосновую скамейку, скинувъ прежде сподніе платье, и по мѣрѣ вины сѣкъ лозами.

— Ага!... вотъ какъ оно дѣлалось.

— Да. Въ продолженіи седмицы, за маловажныя погрѣшности виновныхъ ставили ѳлекты (голыми колѣнами на сухую гречиху), давали имъ: скубокъ, висковъ, щелчковъ, клесачекъ ы цыбуленъ.

— Я бы васъ попросила чего-то, проговорила робко тетушка, да боюсь.

— Чего меня бояться, развѣ я васъ изъимъ.

— Да не хочется сказать.

— Когда вы намекнули, то должны продолжать начатую матерію разговора.

— Оставимъ Павлушу до двадцати лѣтъ погулять. Онъ у насъ одинъ. Пусть погуляетъ и укрѣпитъ свое здоровье, тогда будетъ въ силахъ защитить себя отъ этихъ проклятыхъ клесачекъ и скубокъ.

— У ум.... заворчалъ дядюшка, иронически улыбнувшись.

— Не понимаю, есть ли у васъ чувство жалости, этакое дитя отдать учителю.... право у меня въ животѣ холодно дѣлается при одной мысли, что его будутъ сѣчь....

— Повѣрьте, Уліана Осиповна, что меня, вашего нынѣшняго супруга, во все время пребыванія въ семинаріи и исключительно въ низшихъ отдѣленіяхъ оной, т. е. въ ѳаррѣ, инфимѣ и граматикѣ, почти черезъ день сѣкли розгами, ѳлекты я стоялъ каждодневно; палямъ и скубкамъ не было счету. Вышелъ же изъ горнила премудрости и сподобилъ меня Господь получить офицерскій рангъ, подать въ отставку, получить оную и сдѣлаться помѣщикомъ. Да будетъ такъ и съ Павлушей. О себѣ же, сказалъ, значительно взглянувъ на Уліану Осиповну дядюшка, могу выразиться, что во всѣхъ отношеніяхъ homo sum! т. е. есмь человѣкъ.

— Слышала я это hommmo не одинъ разъ отъ васъ; да все безполезно и никакого толку въ нашей жизни нѣтъ.

— Какъ толку нѣтъ? объяснитесь короче, Уліана Осиповна.

— Человѣкъ-то вы человѣкъ, вполнѣ homo, да то худо, что до сего времени Господь не сподобилъ васъ быть отцомъ, а меня матерью, не смотря на то, что вы учились, и по-латыни разумѣете.

— Что жь дѣлать? возразилъ слегка покраснѣвшій дядюшка, время еще не ушло. Проговоривъ это, онъ почувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и обратилъ вниманіе на явившагося Павлушу, который все это время простоялъ въ сѣняхъ за дверями и съ ужасомъ слушалъ о березовой кашѣ

и субботкахъ. Спрятавъ свою голову подъ большой платокъ тетушки, Павлуша терся головой подъ ея рукой, толкая ее подъ бокъ кулакомъ, и шепталъ: нельзя ли такъ, чтобы со всѣмъ мнѣ не учиться? Безъ азбуки гораздо веселѣе; а какъ засадятъ меня за книжку, да еще станутъ чѣмъ попало бить, то ей-Богу животъ мой заболитъ не на шутку; тогда, тетушка, давайте не только маковниковъ, не только варенья, хоть поставьте передо мной цѣлую миску сцѣльниковъ, не встану, буду лежать день и ночь, да смотрите, чтобы часомъ и не умеръ я.

— Сохрани тебя Господь отъ смерти, шептала Уліана Осиповна, крестя Павлушу. Знаете о чемъ онъ шепталъ мнѣ? спросила тетушка Луку Ивановича.

— Не знаю.

— Не хочетъ учиться, бѣдный мальчикъ!

— Подойди ко мнѣ stultus, выразился дядюшка, таща къ себѣ Павлушу отъ тетушки. Корень ученія горекъ, сказалъ дядюшка, держа Павлушу возлѣ себя, но плоды его сладки! Говоря о горькомъ корнѣ, Лука Ивановичъ указалъ на стоявшую возлѣ крыльца березовую метлу; сладость же плодовъ, при всемъ его желаніи, не могъ ни съ чѣмъ сравнить и поэтому началъ говорить къ Павлушѣ, что ему не удобно будетъ, бывъ не просвѣщеннымъ, поступить на службу, владѣть имѣ-

ніемъ. оставшись невѣждой въ родѣ Евтуха, пасшаго теленковъ.

— Это послѣднее сравненіе съ пастухомъ (прибитымъ изъ-за угла мѣшкомъ), надъ глупостію котораго вся дворня потѣшалась, заставило Павлушу громко произнесть:

— Когда уже такъ скверно вышло, что учиться нужно, то я готовъ учиться, только бы спекторъ не дралъ меня розгами. О спекторахъ и не раздѣльныхъ съ ними розгахъ, Павлуша слышалъ отъ словоохотной Орышки.

— Странный ты мальчикъ, можетъ ли быть doctrina безъ сѣканки? Что тутъ чрезвычайнаго, если разикъ въ недѣлю высѣкутъ? Вѣдь тогда только и боль чувствуется, когда производятъ наказаніе, а оное кончено и боль утихаетъ!

— Да, утихаетъ.... возразилъ, лукаво улыбаясь, Павлуша.

— Конечно, еще почувствуешь во всемъ строеніи твоего тѣла невыразимо сладкое сочувствіе и какое-то щекотаніе.

— Да, щекотаніе, нехай ему.... сказалъ Павлуша.

— Не пугайте заранѣе дитя, прибавила тихо тетушка, вотъ уже спекторъ идетъ. Ну, Лука Ивановичъ, я прежде не разсмотрѣла, а теперь вижу, что онъ настоящій молодчина. Вотъ у такого то должно быть....

— Уже молодчина, сказалъ искривясь дядюшка,

ничего особеннаго, здоровый человѣкъ, больше ничего. Ну, domine, продолжалъ хозяинъ, оборотяс къ появившемуся семинаристу, что вы намъ хорошаго скажете?

— Прежде благоволите прочесть письмо, врученное мнѣ отцомъ протоіереемъ при выѣздѣ моемъ къ вамъ изъ города Переяславля. При этомъ учитель вручилъ Лукѣ Ивановичу большое письмо и отошелъ въ сторону.

— Прошу васъ сѣсть, проговорила тетушка, наливая чай и глазами указывая пустой стулъ. Вы, Лука Ивановичъ, читайте въ слухъ, чтобы и я слышала.

— Поспѣемъ съ козами на торгъ, возразилъ значительно Лука Ивановичъ и распечаталъ письмо. Уліана Осиповна покраснѣла и закусила нижнюю губу. Послѣднее обстоятельство значило, что она разсердилась серьёзно. Семинаристъ, сидя за столомъ, бросалъ быстрые взгляды на некрасиваго дядюшку, а на хорошенькую тетушку, и такъ занялся послѣдней, что поперхнулся, обжогъ горячимъ чаемъ языкъ и по нѣскольку разъ ронялъ на полъ ложечку.

— Вы бы, domine, покушали чаю на свободѣ, въ диванной; возьмите себѣ бубликовъ и булки, и тамъ закусите. А послѣ, сказалъ торопясь дядюшка, мы выпьемъ съ вами чего-то другаго.

Domine поспѣшно удалился, запасшись всѣмъ, что ему показалось аппетитнымъ.

— Читайте! читайте! ворчала Уліана Осиповна, вертясь на стулѣ отъ любопытства, столь свойственнаго молоденькой женщинѣ, проживающей въ тихой, удаленной отъ свѣта деревушкѣ.

— Да дайте, пожалуста, выпроводить студента; вѣрно здѣсь о нёмъ пишутъ. Такъ и есть! воскликнулъ дядюшка, всматриваясь въ письмо, написанное четко и большими буквами. Ну, Уліана Осиповна! слушайте, только не знаю, хватитъ ли у васъ терпѣнія дослушать до конца.

— Почему жь не станетъ?

— Вы не терпячи и горячи. Закричите давай! дывай! какъ вамъ сейчасъ удовлетворенія не представишь — вы уже и не довольны. Я васъ очень хорошо, можно сказать, вполнѣ постигаю. Слушайте! Гм.... гм.... гмм.... гмъ.... мъ....ъ и прочее.

— Что же это за прочее?

— Дайте срокъ! я говорилъ, что васъ закортитъ.

— Уже... проговорила тетушка и начала стучатъ чашками на подносѣ.

« — Каникулярное время, преимущественно, есть время жатвы. Земледѣлецъ въ это время наполняетъ житницы изобиліемъ, враны питаемы суть отъ избытка класовъ, остающихся на нивахъ. Ученый, воспользовавшись каникулярнымъ временемъ, спѣшитъ изъ города въ село, дабы при отдохновеніи умственныхъ занятій, упражнять члены, дарованные ему природой, для жизненныхъ удобствъ, гораздо съ меньшими со стороны своей пожертво-

ваніями. Domine Солопіевскій, одинъ изъ таковыхъ, договоренъ мною по десяти руб. въ мѣсяцъ. Онъ вполнѣ надѣется на вашу щедрость и во всемъ поручаетъ себя вашей умственной логикѣ».

Дядюшка съ трудомъ перевелъ духъ отъ такого письма; потъ выступилъ у него на лбу и дядюшка въ восторгѣ произнесъ: голова у отца протоіерея такъ необыкновенна, что даже въ краткомъ письмѣ, а столько краснорѣчія излила на бумагу!

— Нуте его! произнесла тетушка, стуча ногой объ полъ и выражая тѣмъ свое нетерпѣніе.

«— Касательно нравственныхъ качествъ, началъ дядюшка сызнова читать письмо, скажу, что характеръ Солопіевскаго равенъ характеру юной отроковицы, которая ни въ какихъ аллегоріяхъ замѣчена не была».

— Что это за аллегоріи? спросила тетушка у Луки Ивановича.

— Аллегоріи суть нѣкоторыя качества, которыя для приличія выражаются такъ, чтобы не назвать иначе, и тѣмъ не поступить противъ благозвучія слова.... Дядюшка видимо кривлялся и былъ въ затрудненіи растолковать тетушкѣ то, чего она не понимала или не хотѣла показать, что разумѣетъ.

«— Сколько крѣпко его тѣло, читалъ дядюшка, столько здоровъ его умъ, и родись Солопіевскій во времена свирѣпствованія древнихъ ораторовъ,

то сравнился бы съ ними въ краснорѣчіи, къ удивленію своихъ соотечественниковъ.

— Вотъ какое у насъ domine! прервала тетушка, а вы, Лука Ивановичъ, продолжайте!

— Да здѣсь уже ничего такого не осталось.... гм.... гммм.... поручаю себя.... гм.... ммм.... добродѣтели ваши столь.... пшеничной муки.... и.... есмь.... боголюбецъ...!

— Что вы скажете теперь, Лука Ивановичъ?

— Скажу, что я при первомъ взглядѣ на исписанный листъ подумалъ, что голова у отца протоіерея необыяна. Этакъ кватить письмо!

— Homo eruditus! ворчалъ Солопіевскій, подоспѣвшій къ окончанію разговора.

— Эге! Точно eruditus.... eruditus.... ворчалъ дядюшка, да этакаго человѣка, я думаю, ежели бы заставили сказать рѣчь, вѣрио ни одинъ изъ присутствовавшихъ не понялъ бы; тѣмъ болѣе не возмогъ бы отвѣтствовать.

— Истинно такъ есть! прошепталъ domine.

— У него настоящая, умная, совершенная caput, голова.

— Не одинъ не могъ бы отвѣтствовать, произнесъ въ раздумьи domine.

— Тѣмъ болѣе по-латини, прибавилъ дядюшка. думая, что его сочтутъ за знающаго этотъ языкъ.

— Всеконечно! произнесъ domine и началъ ерошить свой чубъ. Лука Ивановичъ, вложивъ письмо въ конвертъ, осторожно понесъ его въ гости-

ную и спряталъ за зеркаломъ, гдѣ уже давно торчали: повѣстка изъ Нижняго суда, письма частныхъ лицъ и тетрадки, въ которыхъ записывалась прибыль и убыль, какъ рогатаго скота, такъ и лошадей.

Domine до этого времени имѣлъ маленькое влеченіе къ прекрасному полу, носившему спидницы и фартуки, но оное очень скрывалъ. Видя въ недальнемъ отъ себя разстояніи, хорошенькую, бѣлую и румяную тетушку, Солопіевскій, пользуясь отсутствіемъ мужа, вздумалъ приглядѣться къ Уліанѣ Осиповнѣ. Созерцая тетушку, лукавый domine далеко былъ отъ земли — воображеніе его парило подъ небесами, очи выражали что-то мысленное и необыкновенное.

— Domine! произнесъ возвратившійся дядюшка, садясь на свое мѣсто, подвиньтесь еще ближе ко мнѣ.

Студентъ молча повиновался, боясь взглянуть на тетушку.

— Давно я жаждалъ, началъ говорить дядюшка, найдти достойнаго наставника для Павлуши; и когда вы рокомендованы мнѣ уважаемымъ мною лицомъ,—воскликнулъ отъ полноты души, онъ это все есть bene! Не только bene, даже optime! Солопіевскій приподнялся съ своего стула и, краснѣя, отвѣсилъ поклонъ Лукѣ Ивановичу.

— Покуда что, началъ Лука Ивановичъ, обратясь къ учителю, я приказалъ очистить для васъ

квартиру въ птичнѣ. Не красна изба углами, а красна пирогами.

— До угловъ мнѣ нѣтъ дѣла, проговорилъ скромно Солопіевскій, а что касается до пироговъ, то пироги вещь хорошая и отчасти необходимая.

— Prestantissime! сказалъ довольный дядюшка, только прошу васъ заняться хорошенько съ Павлушей, чтобы его за три мѣсяца приготовить по крайней мѣрѣ въ инфиму; не то можно и въ ѳарру. При нынѣшней строгости училищныхъ начальствъ, я думаю не возможно подняться на фу! фу!

— Отчасти можно, отчасти не возможно.

— Я, коснулся себя дядюшка, началъ съ ѳарры, шелъ прекрасно, но въ инфимѣ зацѣпился и съ трудомъ перешелъ въ граматику. Дальше меня переводили безостановочно изъ курса вь курсъ.

Подумавъ нѣсколько секундъ, Лука Ивановичъ спросилъ domine, чѣмъ онъ думаетъ начать приготовленіе племянника въ семинарію?

— Еще на пути къ вамъ, началъ Солопіевскій, имѣя на попасованьяхъ много свободнаго времени, я составилъ конспектное обозрѣніе предметовъ, какими думаю начать приготовленіе вашего питомца.

Дядюшка видѣлъ солидность domine и потиралъ свои руки отъ восторга ,улыбался и говорилъ нѣсколько разъ любимое ему bene —Не умолчу предъ вами, domine, сказалъ тихо учителю дядюшка, что изъ всего того, о чемъ вы предполагаете начать

со мной разговоръ, я мало упомню. Въ ѳаррѣ я учился изрядно; въ инфимѣ показалось мнѣ гораздо труднѣе; дошелъ до граматики, совершенно потерялся, и еслибы не покойникъ батюшка и дружба его съ архимандритомъ—до сихъ поръ я ползъ бы по классамъ. Меня, тутъ Лука Ивановичъ осмотрѣлся кругомъ и прибавилъ шопотомъ: переводили даже чрезъ классъ, пока не достигъ философіи. Изъ философіи, на первомъ курсѣ оной, въ первое полугодіе взятъ былъ домой. Познанія, какія я пріобрѣлъ, давно уже исчезли, поелику голова моя занята долго была военной службой, а нынѣ, больщею частію, бродитъ въ философскихъ разсужденіяхъ. Учитель вытащилъ изъ боковаго кармана листъ бумаги, сложенной очень опрятно. Поправивъ воротникъ своего длиннаго сюртука, онъ началъ читать: Дворянину необходимо изучить для пользы отечества и для образованія себя слѣдующія науки: Законъ Божій, латинскую граматику, словянскую граматику, греческую граматику, еврейскую граматику, россійскую граматику, нѣмецкую граматику и французскую граматику.

— Это.... это.... ворчала тетушка, чертъ знаетъ что такое! Когда бѣдное дитя успѣетъ всѣмъ этимъ заняться? Тетушка заперла сахарницу и торопилась уйдти; но дядюшка, улыбнувшись, схватилъ Уліану Осиповну за руку и произнесъ, усаживая ее за столъ: повремените, Уліана Осиповна, domine пугаетъ насъ своею ученостію. Ска-

зать же сущую правду, то всѣ эти науки, исключая Закона Божія, создадутъ въ головѣ ученика вавилонское столпотвореніе и суть больше ничего, какъ тьфу!

Лука Ивановичъ отвернулся и тихо плюнулъ.

— Жидовская граматика, ворчала тетушка,—на что она Павлушѣ? Сказавъ это, тетушка высказала свое неудовольствіе и вторично покушалась улизнуть.

— Позвольте, Уліана Осиповна! сказалъ тихо и учтиво дядюшка, всѣ эти науки возродятъ въ юной головѣ ученика какой-то хаосъ и вслѣдствіе этого у него въ памяти ничего изъ нихъ не останется. Я это знаю по себѣ.

— Забивайте голову ребенка, сказала тетушка, усаживаясь на свое мѣсто. Обратясь къ женѣ, дядюшка сказалъ:

— Я дѣйствую согласно желаніямъ моей жены, поэтому прошу васъ, domine,—вычеркните Евреевъ; они надоѣли намъ своими откупами и шахрами.

Солопіевскій, молча, повиновался.

— А Грековъ? спросилъ учитель, ожидая съ нетерпѣніемъ отвѣта.

— И Грековъ туда же.

Domine жалко улыбнулся; откашлянувшись тихо, онъ началъ: Грековъ вонъ? Но они были народъ воинственный, храбрый, науки и художества процвѣтали въ ихъ странѣ; даже религія почерпнута нами отъ Грековъ.

— Згадала баба дивера, що добрый бувъ! Это було давно! Теперь же, продолжалъ Лука Ивановичъ, Греки ваши солятъ огурцы въ Нѣжинѣ, дѣлаютъ скверныя колбасы, да продаютъ сухія маслины! Не нужно изучать ихней граматики Павлушѣ.

— Что же вы скажете, началъ сконфуженный domine, о Франкахъ, народѣ гальскаго происхожденія? О Тевтонахъ.... вѣроятно вы пожелаете....

Дядюшка имѣлъ какое-то пристрастіе къ Французамъ, и потому, не медля ни секунды, произнесъ: какая нужда! Французовъ изучить стоитъ, народъ извѣстный; у этого народа кое-чему и поучиться можно. На счетъ же Тевтоновъ раздумываю и скажу, что нужно ихъ по-боку....

— Какъ, Нѣмцевъ по-боку? вскричалъ Солопіевскій, подразумѣвая, что Лука Ивановичъ не зналъ, кого онъ называлъ Тевтонами.

— Къ черту Нѣмцевъ.... этотъ народъ мнѣ не-нравится.

— Но ихніе мыслители?

— Не припомню хорошенько, что̀ ими было произведено хорошаго и за что терпѣло ихъ человѣчество. Вычеркните Тевтоновъ! Евреевъ тоже!

Учитель съ негодованіемъ черкнулъ карандашемъ и придавилъ имъ такъ сильно, что бумага во многихъ мѣстахъ продырявѣла; не безъ явной досады domine смялъ листъ бумаги и пихнулъ его въ глубокій, какъ пропасть, задній карманъ.

Опасаясь, что онъ можетъ на первый разъ внушить о характерѣ своемъ невыгодное мнѣніе, Солоніевскій тихо и съ разстановкой произнесъ: предполагаю, что племянникъ вашъ, имѣя повидимому около десяти лѣтъ, изученъ уже хотя началамъ наукъ, мною было ему предложенныхъ.

Молчаніе хозяевъ; пауза domine.

— Въ какихъ именно предметахъ племянникъ вашъ оказалъ наибольшіе успѣхи?

— Въ какихъ? спросилъ дядюшка, конфузясь, и посмотрѣлъ на свою сожительницу, желая, чтобы она за него отвѣтила въ столь затруднительномъ случаѣ.

Тетушка улыбалась, смотрѣла весело на семинариста и рѣзко сказала: въ какихъ? Не безпокойтесь, ажъ ни въ якихъ!

— Вѣроятно, племянникъ вашъ умѣетъ читать и писать, хотя на одномъ отечественномъ языкѣ?

— Нѣтъ, сказала пасмурно, сконфуженная тетушка, не умѣетъ.

Дядюшка набожно вздохнулъ и поднялъ глаза въ потолокъ.

— Puer pessime educatus! проворчалъ Солóніевскій и началъ взъерошивать свои волосы.

— О чемъ тутъ толковать стать? Племяннику моему ученымъ не бывать, въ лекаря ему тоже идти не приходится, русскихъ лекарей мало употребляютъ въ болѣзняхъ; на это есть Нѣмцы, они-то суть люди, наиболѣе способные обращаться съ тою

даже вещью, какая привезена, по желанію батюшки, жидами изъ Бердичева.

— Какая же это вещь? спросила тетушка Луку Ивановича

— Развѣ вы не видѣли ее? Она виситъ въ крайней коморѣ, на гвоздикѣ....

— Не знаю, гдѣ тамъ эта вещь....

— Продолговатая, круглая, изъ блестящаго свинца и съ роговой штучкой, торчащей въ концѣ. Однимъ словомъ, лекарскій инструментъ... но не знаемъ какъ съ нимъ обращаться?

— Вотъ ужъ и лекарскій, возразила сомнительно тетушка.

— А какой же?

— Поварской. Деригравскій поваръ, когда ихъ старшая дочь выходила замужъ за Вертипороха, заѣзжалъ нарочно изъ города и бралъ эту штучку, для сдѣланія какого-то заварнаго въ шмальцѣ тѣста.

— Ну, положимъ, что такъ; не о тѣстѣ теперь говорить надо, а о Павлушѣ, котораго, покорнѣйше прошу васъ, начать, благословясь, прямо учить россійской азбукѣ, съ русскаго новѣйшаго букваря.

— Bone Deus, quid faciam? воскликнулъ domine, не удерживаясь въ важныхъ разговорахъ употреблять латинь.

— Подумайте, domine! онъ у насъ одинъ. Въ отроческихъ лѣтахъ невозможно ребенка мучить·

— Puer, шепталъ Солопіевскій, nimia indulgentia offrenus.

— Не приходите въ отчаяніе, domine! началъ ласково дядюшка, вы будете довольны нами. За обѣдомъ и ужиномъ вамъ позволяется ѣсть до пресыщенія. Кромѣ всего этого, вы можете пользоваться частію тѣхъ земныхъ благъ, каковыми насъ надѣлило помѣщичье и дворянское званіе. Водочки вы вѣроятно не употребляете?

— Если нѣтъ, то и не употребляю; впрочемъ, умственныя занятія требуютъ подкрѣпленія силъ тѣлесныхъ.

— Конечно.

— Въ особенности, ежели путь мой на поприщѣ учителя будетъ difficultate plenus!

— Истинная правда, проговорилъ Лука Ивановичъ и, взглянувъ на свою жену, прибавилъ: послѣ этакихъ высоко-ученыхъ разговоровъ, необходимо подкрѣпить себя чѣмъ-нибудь этакимъ въ родѣ пунша. Не правда ли, domin.... а какъ васъ зовутъ?

— Семеонъ Виссаріоновичъ.

— Необходимо для меня и Семеона Виссаріоновича, для прозрѣнія чистой истины, выпить по одному стакану; объ этомъ искреннѣйше прошу васъ Уліана Осиповна!

Тетушка что-то закрывалась платкомъ и чистосердечно хохотала. Видя, что супруга продолжаетъ хохотать, дядюшка подошелъ къ ней, нагнулся и

спросилъ шопотомъ: что ее такъ смѣшитъ и радуетъ?

— У domine такое чудное отчество, что безъ комедіи у насъ не обойдется.

— Ну, вотъ еще выдумали!

— Я, знаете ли? дворянка столбовая!

— Ну, вамъ и почетъ за это всякій отдаетъ.

— Нѣтъ, не то. Какимъ образомъ я выговорю это висъ.... аръ... іонъ.... вичъ....

— Ну, выучитесь.

— Хорошо я; но какъ станетъ выговаривать прислуга? да еще и при гостяхъ и когда придется... и тетушка на силу удерживала свой смѣхъ.

— Ну, станемъ звать его просто domine!

— Развѣ что такъ.

Тетушка ушла въ спальню и вторично принялись поправлять свои курчавые волосы. Съ какимъ намѣреніемъ она дѣлала это, неизвѣстно; однакожъ нужно замѣтить, что при пріѣздѣ другихъ лицъ, она никогда своей наружностію такъ не занималась. Въ отсутствіе жены, дядюшка подсѣлъ поближе къ учителю и, обративъ вниманіе, не подслушиваетъ ли кто ихъ, спросилъ: имѣете ли вы, domine, въ чистотѣ вашего сердца, нѣкое поползновеніе, такъ сказать, секретное чувство, стремленіемъ называемое, къ прекрасному полу, женщинами именуемому?

Солопіевскій покраснѣлъ, какъ ракъ, вынутый

изъ кастрюли, и прошепталъ, опустя глаза внизъ: raro accidit.

— Не доведи васъ Господь, чтобы я или жена моя объ этомъ узнала. Будетъ вамъ худо, если вы не побережете себя. Во-первыхъ, не получите жалованья, во-вторыхъ, придется призвать на помощь власть, дарованную всѣмъ помѣщикамъ, въ третьихъ я долженъ буду выгнать васъ изъ дому и въ-четвертыхъ, безъ вѣдома жены, воспроизведу надъ вами и тѣломъ вашимъ такое, что вамъ и во снѣ не пригрезится.

Солопіевскій, слушая все это, конфузился, вертѣлся на мѣстѣ, наконецъ, пробудивъ въ душѣ своей высшую элоквенцію, съ разстановкой произнесъ:

— На этотъ счетъ, могу сказать: Non dubito fore plerosque, Лука Ивановичъ! Вѣдомо вамъ изъ давнаго времени, что въ семинаріяхъ о женщинахъ мало мыслятъ, прикосновенія къ нимъ не имѣютъ, занимаясь, большею частію, духовными науками, оставляя гражданскія совершенно въ сторонѣ.

— Правда, правда. Одно меня тревожитъ.

— Что такое?

— Прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ я оставилъ науки, пройденныя въ семинаріи; теперь желалъ бы я знать, какія вы разумѣете подъ именемъ наукъ гражданскихъ? О нихъ осталось въ умѣ моемъ какое-то неясное понятіе, даже не могу вамъ сказать о чемъ онѣ толкуютъ?

— Гражданскія науки суть: математика, исторія, землеописаніе, физика, философія съ частію логики; живые и мертвые языки.

— Satis! довольно, закричалъ радостно дядюшка, теперь я припомнилъ, хотя ими довольно поверхностно занимался. Свѣдѣнія ваши, domine, должны быть не ограниченны; поэтому я угощу васъ такимъ пуншемъ, вкусъ котораго я не нахожу средствъ ни съ чѣмъ сравнить.... это.... это... такое.... какъ....

— Амброзія, отозвался domine.

— Точно, точно. Вотъ это словцо на умѣ вертѣлось, но не могъ вспомнить. Скажите же, domine, что такое именно? Должно быть очень крѣпкое и не безъ сладости и стрѣлянія въ носъ? Въ родѣ донскихъ выморозокъ.... или еще....

— Нѣтъ.

— Вы развѣ пили?

— Не то, чтобы пилъ, отвѣчалъ семинаристъ, я не былъ на Олимпѣ, но есмь увѣренъ, что питіе это было очень сладко, поелику служило прохлажденіемъ богамъ.

— Bene. Свѣдѣнія ваши часъ отъ часу меня удивляютъ. Отдамъ Павлушу въ семинарію, вы живой примѣръ обширности свѣдѣній, тамъ проливающихся, кромѣ же сего, я имѣю и другую причину....

— Какую же?

— Я учился самъ въ семинаріи, ergo знаю, что

дворянину трудно будетъ тамъ чему-нибудь выучиться. Его оставятъ на произволъ, заниматься ли, гулять ли; учащимъ будетъ все равно — духовное начальство мало блюдетъ надъ науками, озаряющими разумъ свѣтомъ премудрости; но что хорошо для дворянина, такъ это то, что онъ въ семинаріи вполнѣ познаетъ страхъ Божій; а онъ то и есть начало разума.

— Конечно.

— Правду сказать, я отдалъ бы племянника въ гражданскія училища, начавъ народнымъ; но боюсь, что въ три года онъ сдѣлается ученѣй своего дяди! Неужели яйца станутъ куръ учить? Вѣдь я его дядюшка. Пусть онъ получитъ равное со мною образованіе.

— Точно такъ; но и въ семинаріяхъ встрѣчались изрѣдка люди, которые, раздравъ завѣсу познаній, проникнули за оную и явились міру свѣтильниками наукъ.

— Это вѣрно академики?

— Всеконечно. Окончивъ богословіе съ успѣхами высокими, они пошли въ духовныя академіи продолжать науки и въ оныхъ, получивъ значительныя степени познаній, были не рѣдко профессорами и бакалаврами и даже....

— Я знаю! знаю! сказалъ утвердительно дядюшка, но сіи еще изъ колебели и съ млекомъ матери....

— Возсосали и получили, продолжалъ учитель,

даръ геніальности; чудеснымъ образомъ бывали взяты на....

— На неб.... хотѣлъ было окончить дядюшка, но domine подхватилъ,—на мѣсто преподавателей, даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства.

— Сіи то.... сіи.... ворчалъ тихо дядюшка, поникъ главой и предался важному размышленію.

— Сіи разсѣваютъ блага учености на видимый міръ и на человѣчество, лучшее украшеніе тварей Божіихъ.... вы....

— Satis! Satis! закричалъ дядюшка и началъ тереть свой лобъ ладонью лѣвой руки, покуда не всталъ съ мѣста и не заходилъ широкими шагами по крыльцу.

— Вижу, продолжалъ ворча Лука Ивановичъ, глядя на domine, что вы не только учились съ тщаніемъ, но и краснорѣчія не лишены. Въ томъ краснорѣчіи столь высказывается вашъ умъ что я, слушая васъ, участвуя съ вами въ диступахъ и разговорахъ, невольно чувствую какое-то усиленіе своихъ умственныхъ способностей и не безъ основанія опасаюсь, чтобы излишекъ того матеріала (много котораго имѣть очень скучно), не занесъ меня въ хмару! Лука Ивановичъ и domine молчали. Дядюшка смотрѣлъ разсѣянно по сторонамъ, учитель барабанилъ пальцами по столу. Въ это время, ключница, здоровая, черноволосая женщина, съ связкой ключей за поясомъ, отправилась къ кла-

довымъ, открыла одну изъ нихъ, взяла на полкѣ зеленоватаго стекла сулію и передала ее осторожно лакею. Лакей обнялъ сосудъ обѣими руками, по-медвѣжьи, придавилъ къ своей груди и осторожно сошелъ съ ступенекъ, подвигаясь медленно къ крыльцу.

— Несетъ! несетъ! воскликнулъ въ восторгѣ Лука Ивановичъ, собственно потому, что ко всему спиртуозному имѣлъ наслѣдственную, малороссійскую слабость.

— Давай сюда, кричалъ дядюшка, задыхаясь отъ радости, я самъ ее одиткту!

У самаго крыльца, лакей споткнулся; сулія вылетѣла изъ его задрожавшихъ рукъ и, попавъ на камень, разлетѣлась въ дребезги. Ароматъ пролитой жидкости разнесся, благоухая, по двору.

Минута та была торжественна своимъ мертвымъ молчаніемъ.

— А.... на... ѳе.... ма! произнесъ дядюшка, толкнувъ Савку подъ бокъ кулакомъ, да будешь ты проклятъ отъ нынѣ и до вѣку!

— Аминь! не удержался окончить domine и тихо, въ размышленіи, поглядывалъ за уходившимъ хозяиномъ дома, который съ отчаянными жестами, спѣшилъ сообщить случившееся своей дорогой сожительницѣ.

Хорошее расположеніе дядюшки возвратилось не раньше того, какъ онъ выпилъ съ учителемъ по три чашки пуншу съ персиковой водкой. Domine

тоже сдѣлался смѣлѣй: подпригивалъ, цѣплялся за мебель, спотыкался на коврахъ и дорожкахъ, хватился разъ пять лбомъ о притолоку, наступя тетушкѣ на платье, оторвалъ его сзади до лифа, опрокинулъ суповую чашку съ вареньемъ; однимъ словомъ, былъ весьма ловокъ, предупредителенъ и любезенъ.

Пришла пора ужинать. Всѣ въ молчаніи сѣли за столъ и порядкомъ кушали, запивая кушанье кто чемъ хотѣлъ. Domine улыбался, прихлебывая часто сливянку и малиновку. Въ пріятномъ настроеніи духа, всталъ семинаристъ изъ-за ужина, раскланялся съ хозяевами, поцѣловалъ Павлушу и, въ сопровожденіи Савки и Кузьмы, отправился на свою квартиру, оглядываясь по сторонамъ и тихо напѣвая: сыдыть заяцъ пидъ липкою, сіе муку калыткою!

Какъ только ушелъ domine, тетушка не могла скрыть впечатлѣнія, произведеннаго надъ нею молодымъ и красивымъ учителемъ.

— Ваше domine, Лука Ивановичъ, довольно хорошая мужчина! Одно худо, что онъ немного хамловатъ — смотрите, чего ни подѣлывалъ, говорила тетушка, присутствуя при собираніи съ полу варенья и остатковъ сыроба.

— Какое оно мое domino? ворчалъ дядюшка раздѣваясь, чертъ его знаетъ чіе вино? Что же касается хамлаватости, то сіе происходитъ отъ качества, застѣнчивостію называемаго.

— Повѣрьте, Лука Ивановичъ, если я за него возьмусь, то эту застѣнчивость мигомъ вытру.

— Лучше, Уліана Осиповна, не беритесь: посмотрите, что онъ самъ собою вытрется.

— Я знаю, но долго нужно будетъ этого ждать.

— На что же ему проворство?

— Живетъ въ благородномъ домѣ; для этого и нужно.

— Нужно, такъ и нужно. Ложитесь со мною спать, мнѣ одному скучно и холодно. Дядюшка, дождавшись тетушки, поворотился къ стѣнѣ, потянулся, закутался въ одѣяло и началъ храпѣть на всевозможные тоны.

ГЛАВА IV.

—

Квартира, назначенная дядюшкой учителю, дѣйствительно не красна была углами; но domine мало обращалъ вниманія на это обстоятельство.

Поужинавъ хорошенько въ домѣ, онъ увѣрился, что въ пирогахъ ему недостатка не будетъ и предстоящее житье представлялось ему въ самой пріятной картинѣ. Не возможно было ему, дикому питомцу семинаріи, не обрадоваться, видя, что богатые паны его ласкаютъ, кормятъ и поятъ до пресыщенія,—удостоивая его—человѣка неизвѣстнаго, своими разговорами.

Убѣжище не благовонное показалось учителю болѣе удобнымъ и роскошнымъ, нежели узенькая, объ одномъ окошечкѣ, комнатка, съ землянымъ поломъ и желтыми стѣнами, которую онъ еще недавно занималъ въ Переяславлѣ, не одинъ, но съ товарищами: Лозинскимъ, Кабаренковичемъ и Кавардакою. Послѣдній былъ въ богословіи, имѣлъ

кондицію изъ четырехъ инфимистовъ и одного граматика, пріютившуюся въ уголкѣ той же комнаты, какъ мышиное гнѣздо. Лозинскій былъ философъ и курилъ, въ величайшемъ секретѣ отъ начальства, виргинскій табакъ; Кабаренковичъ, сидѣвшій три года въ риторикѣ, подавалъ надежду еще просидѣть столько же потому, что большую часть времени употреблялъ на свой туалетъ и на переписываніе нескромныхъ произведеній русской писаной поэзіи. Кавардака былъ довольно солидный богословъ, но всѣ знали что онъ мытыкуватъ. Нечего было скучать съ такими товарищами Солопіевскому. Теперешняя квартира его была просторна и довольно опрятна; въ ней жила одна старуха птичница. Не успѣлъ domine перешагнуть порога дверей, какъ едва теплившійся каганецъ съ трескомъ вспыхнулъ, освѣтилъ всю избу и разбудилъ мухъ, которыя роями сидѣли на заткнутыхъ за сволокъ василькахъ, гвоздикахъ и крокоссахъ. Савка указалъ Солопіевскому крашеную кровать съ приготовленной мягкой постелью, ситцевымъ одѣяломъ и другими принадлежностями.

Солопіевскій, не взглянувъ на старуху, приказалъ тушить каганецъ. Domine въ темнотѣ сталъ передъ образами, прочитавъ обычныя вечернія молитвы, сѣлъ на свое ложе, скинувъ платье и принялся стягивать тѣсные сапоги.

Промучась нѣсколько времени съ этой непріятной работой, Солопіевскій развлекалъ себя тѣмъ,

что ругалъ не только сапожника, шившаго эти сапоги, но его жену, тещу, дѣтей и внуковъ; кожевника, продавшаго товаръ; то животное, которое доставило кожевнику случай выдѣлать кожу, и многихъ другихъ лицъ, участвовавшихъ въ воспроизведеніи тѣсныхъ сапогъ.

— Та годи вамъ лыхословить! произнесла съ печи баба, такимъ голосомъ, будто бы дверь въ хижинѣ сама собою растворилась.

Domine замолчалъ; но это не отъ вмѣшательства бабы, а оттого, что сапоги уже были сняты и брошены подъ кровать. Надѣвъ на свои широкія плеча старенькій мухаяровый халатъ, Солопіевскій зѣвнулъ протяжно, прилегъ на кровать и, зажмуря глаза, началъ припоминать, что съ нимъ въ этотъ день происходило. Поразмысливъ нѣсколько минутъ, учитель вывелъ для будущаго своего пребыванія самыя лестныя надежды; онъ даже невольно улыбнулся и не удержался произнесть: сей домъ (т. е. Луки Ивановича) будетъ для меня эдемомъ удовольствій!

Было тихо, только трещанье сверчковъ подъ печкой раздавалось среди просторной избы. Съ полчаса domine ворочился на мягкой постели; призывалъ онъ не однократно Морфея; но упрямый богъ какъ-то не расположенъ былъ спуститься надъ его скромнымъ ложемъ.

Еще прошло нѣсколько минутъ глубокой тишины, и на улицѣ, почти подъ самымъ окномъ, у

котораго ворочился domine, не могшій сомкнуть глазъ, задребезжала веселенькая балалайка.

Смѣшанный говоръ нѣсколькихъ голосовъ явственно послышался; тутъ же кто-то отдыравъ тропака. Мало-по-малу шумъ началъ отдаляться, затихать, будто бы для того чтобы слушавшій былъ пораженъ въ одно мгновеніе заунывной громкой пѣснію, которая свободно неслась подъ самый сводъ небесный. Первые такты знакомаго Солопіевскому инструмента потрясли domine, какъ электрическій ударъ. Всѣ жилки его прочнаго тѣла дрогнули. Domine въ сладкомъ восторгѣ приподнялся на постели,—сѣлъ, превратился въ слухъ и боялся пошевелиться.

Давно уже замолкли звуки пѣсни, а Солопіевскій, отсунувъ кватырку окна, приложивъ ухо, продолжалъ слушать; ночная тишина ни чѣмъ не нарушалась, а domine весь погруженъ былъ въ слухъ. Тяжкій вздохъ вырвался внезапно изъ его груди, онъ задвинулъ окно, поднялъ надъ своей головой руки съ сжатыми кулаками, чуть не досталъ до потолка и въ такомъ положеніи остался нѣсколько секундъ. Сердце Солопіевскаго силилось выпрыгнуть; онъ, взволнованный, соскочилъ съ постели, одѣлся, дрожа какъ въ лихорадкѣ, растворилъ двери душнаго жилища и въ нѣсколько прыжковъ очутился среди улицы. Тихо, ни легкаго вздоха вѣтра; свѣтло, и на синемъ небѣ плыветъ ясный мѣсяцъ. Полюбовавшись ночью,

чудно совершающейся въ природѣ, Солопіевскій хотѣлъ было возвратиться въ свою квартиру, но какъ нарочно паробки въ концѣ деревнѣ начали гукать.

— Тамъ-то они гуляютъ! произнесъ самъ себѣ domine и, закутавъ грудь широкими полами халата, пустился бѣжать по улицѣ. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, встрѣчавшихся на пути domine, отзывались лѣниво, собаки, разбуженныя быстрыми шагами учителя, но онъ не обращалъ на ихъ лаянье никакаго вниманія и быстро подвигался, минуя плетни, повитки и загоны. Дошелъ онъ до царыны съ куринемъ и воротами. Передъ нимъ открылся выгонъ съ полдюжиной мельницъ-паучковъ. Возлѣ мельницъ виднѣлись кучки гуляющихъ. Domine почувствовалъ невыразимую робость, поспѣшно возвратился въ темную улицу, постоялъ на ней нѣсколько минутъ и началъ подкрадываться по той же самой дорогѣ, съ которой-было возвратился, съ осторожностію, словно волкъ къ стаду. Domine сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ, постоитъ, своротитъ въ сторону, посмотритъ назадъ, взглянетъ то на одну сторону то на другую, потомъ опять подвинется ближе. Лавируя такимъ образомъ, онъ надвинулъ на брови картузъ съ огромнымъ донышкомъ, запахнулся еще одинъ разъ полами своего халата и тѣнью, подъ прикрытіемъ длинной повитки, подошелъ такъ близко, что счелъ за необходимое пріостановиться и прислушаться

къ разговорамъ молодежи, обратить вниманіе на жарты, достигшіе своего maximum. Духъ domine пробудился; быстрѣе оленя пробѣжалъ онъ пространство, отдѣлявшее его отъ выгона, и облокотясь на колья плетня, сталъ на самомъ видномъ для гуляющихъ мѣстѣ.

— Чы ты бачишъ? сказалъ довольно громко одинъ парубокъ другому, що вано таке? При этомъ парубокъ, вынувъ трубку изъ рта, показалъ на domine коротенькимъ чубучкомъ.

— Бачу! отвѣчалъ другой, яке воно здорове!

— Знаешъ що?

— А що?

— Попобьемъ его! сказалъ первый, продолжая сосать трубку.

— Не займайте, хлопци! проворчалъ плечистый здоровило, можетъ быть, се вовкулака, нехай ему хринъ!—При этомъ онъ отставилъ лѣвую ногу назадъ и поправилъ на плечахъ черный кобенякъ.

— Вовкулака! произнесъ злобно и вмѣстѣ насмѣшливо преземистый парубокъ, схватываясь съ земли, на которой онъ полулежалъ у ногъ хорошенькой смугляночки, вовкулака, продолжалъ храбрецъ, скинувъ съ плечъ сирякъ, засучивъ широкіе рукава бѣлой, какъ снѣгъ, рубахи до локтей, поплевавъ въ свои кулаки и, не могши отъ удальства устоять на мѣстѣ, подпрыгнулъ и закричалъ: отъ я ему дамъ!

— А ну побачымо?—спросилъ тоненькимъ голоскомъ кто-то.

— Ось побачыте, отвѣтилъ смѣльчакъ. Эй ты!— Чуешъ? началъ опять тотъ же парубокъ, обратясь къ безмолвному domine, що ты таке?

Domine молчалъ и не шевелился.

— Чого ты насупылось тай мовчишъ? А що, хлопци, посмотрите, что я съ нимъ сдѣлаю, продолжалъ тотъ же самый парубокъ, не хай винъ хоть и вовкулака. Ну те-жь! Кто со мной, я одинъ боюсь!

Послѣ этихъ словъ, окружавшіе храбреца дружно захохотали. Хохотъ былъ такъ чистосердеченъ, что и самъ вызывавшійся идти на domine разсмѣялся.

Изъ самаго большаго кружка дѣвокъ, сидѣвшихъ па землѣ возлѣ бендюги мельницы, одна, постарше лѣтами другихъ, съ толстой косой, украшенной пучкомъ длинныхъ лѣтъ, затянула пѣсню. Первый стихъ всѣ слушали безмолвно; ко второму присоединились нѣсколько голосовъ; ко третьему еще нѣсколько, и мало-по-малу эта самая пѣсня дѣлалась громче и громче. Слившись въ цѣлую, хотя не гармоническую (пѣтую унисомомъ), по одушевленную крикомъ пѣсню, она имѣла то достоинство, что далеко раздавалась въ тихомъ пространствѣ, и эхо повторяло ея отголоски далеко за прудомъ. Два парубка, здоровые, какъ забродники, кормившіеся осятриной во время ловли, пожиравши пшенную кашу съ ворванью и вслѣд-

ствіе этого раскормившіеся такъ, что возлѣ ихъ шей можно было гнуть берестовые ободья, закутавшись въ длинные сѣряки, поправивъ на головахъ смушевыя шапки, покуривая коротенькія люлечки, быстрыми шагами отдѣлились отъ толпы и подошли къ самому domine, не измѣнившему ни мало своего положенія на занятомъ имъ мѣстѣ.

— Чы спытаты его, чы прямо зацыдить по уху? спросилъ шопотомъ одинъ у другаго.

— Спытай прежде, отвѣчалъ низкимъ и густымъ басомъ другой, що воно за сатыряка?

— Що ты такэ? Напялось тай стоишъ мовчкы? неначе горохова коныця!

— Есмь наставникъ племянника вашего господина и владѣльца! Прывезенъ на пароконной подводѣ изъ града Переяславля, при письмѣ отца протоіерея. Послѣднія слова Солопіевскій произнесъ съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ.

— Эге! прошепталъ одинъ изъ подошедшихъ къ domine, добре, що й незаймалы! это тотъ поповычъ, що Хома привезъ изъ Переяслава.

— Ага! мабуть спектаръ.

— Винъ самый. Пойдемъ къ нему, онъ насъ не укуситъ.

— Панычу! можетъ быть и вы заживаете люлечку? спросилъ одинъ изъ хлопцевъ.

— Для чего? можно! отвѣчалъ domine, и съ этими словами быстро выхватилъ трубку изъ зубъ того, который ему ее предлагалъ. Domine такъ от-

лично тянулъ бакунъ, что дымъ изъ его рта въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ не показывался.

— Ну, смалыте вы добре! не упустилъ замѣтить услужливый парубокъ.

— А какъ до горилочки доведеться, началъ другой, обратясь ласково къ Солопіевскому, то якъ буде?

— И то можно! произнесъ съ улыбкой domine, отдавая парубку выкуренную до дна носогрѣйку.

— Чы вы купите намъ? Чы може мы вамъ купимъ? спросилъ басомъ солидный парубокъ. Стоило только напомнить domine о любимомъ имъ національнымъ напиткѣ, онъ ту же минуту запустилъ руку въ карманъ шароваръ и, вытащивъ оттуда мелкую серебреную монету, отправилъ одного изъ парубковъ въ кабачекъ.

Вино было принесено, выпито по приглашенію Солопіевскаго парубками, и знакомству съ деревенской молодежью положено прочное основаніе.

Парубки за третьей чаркой, порѣшили: принять семинариста въ свою компанію, познакомить его со всѣми удовольствіями сельской жизни, которыми они пользовались, и дѣлить съ нимъ все пополамъ. Ватага парубковъ, вмѣстѣ съ новымъ пріятелемъ domine, взялись подъ-руки, и валкой, горланя дикую пѣсню, тихими шагами приближались къ кругу дѣвушекъ.

Domine тутъ же разсмотрѣлъ, хотя не вполнѣ, всѣхъ сельскихъ красавицъ и не упустилъ рас-

просить гдѣ онѣ живутъ? какъ имена этихъ полевыхъ цвѣтковъ? строги ли ихъ родители? и не суть ли нѣкоторыя изъ нихъ уже засватаны? Отвѣты, которые получилъ Солопіевскій, радовали его очень, но робкій domine, видя тутъ же свободное обращеніе парубковъ съ дивчатами, только поцмакивалъ губами и, на приглашеніе хлопцивъ жартовать съ дивчитами, отвѣчалъ: нынѣ не могу сего предпринять; я до сего времени былъ чуждъ женскимъ обществамъ.

— Ну, якъ соби знаете! отвѣчалъ ему надъ ухомъ одинъ изъ парубковъ.

Дивчатки большею частію отличались черными бровями и густыми волосами, заплетенными въ частыя дробушки. Domine, въ продолженіи всего времени, созерцалъ двухъ молоденькихъ, стройненкихъ и свѣжихъ, какъ персики, дѣвушекъ. Которую изъ двухъ избрать себѣ въ предметъ страсти, Солопіевскій терялся и, отворотясь назадъ, потирая отъ удовольствія свои колѣни, произнесъ: и сія, и оная, возлѣ сидящія, обѣ суть единственно прекрасны; поэтому должно воскликнуть: чудны дѣла твоя Господи! все премудростію сотворилъ еси!

Мѣсяцъ, съ набѣжавшимъ облачкомъ, утонулъ за горой; въ концѣ села послышался крикъ пѣтуховъ. Пронзительный голосъ одного смѣнялся голосами другихъ; по горищамъ, клунямъ и клѣвамъ слышалось хлопанье крыльевъ и пѣніе, заставлявшее скрываться не только упырей, вѣдьмъ и вов-

кулакъ, но даже чертей и выходцевъ съ того свѣта. Настало царство тихой ночи; пѣніе парубковъ съ дивчатами замерло; они начали расходиться.

Вотъ похылывъ впереди всѣхъ одинъ; тамъ понеслось трое; вотъ куча дѣвушекъ скрылась въ темной улицѣ. Вотъ приближаются группы, составившіяся изъ нѣсколькихъ лицъ; двое идутъ обнявшись; вотъ одинъ ведетъ свою возлюбленную, бережно накрывши ее кобенякомъ, спустившимся невольно съ его праваго плеча. Вотъ тоже парочка проходитъ; какъ шелестъ листьевъ, разнесся шепотъ ихъ сладкихъ и страстныхъ словъ.

Разбрелись всѣ, безмолвная любовь вступила въ свои права; но не для всѣхъ!

Было много счастливцевъ, но большая часть удалилась въ нѣмомъ и грустномъ неудовольствіи. Къ числу послѣднихъ можно было причислить domine, и если онъ не пошелъ за нами, то собственно потому, что остался одинъ среди выгона и предался размышленіямъ. Посидѣвъ нѣсколько времени на бендюгѣ мельницы, domine вспрыгнулъ, запахнулся халатомъ и быстро пробѣжалъ разстояніе, которое отдѣляло его жилище отъ выгона. Задыхаясь, будто кто его преслѣдовалъ, вбѣжалъ Солопіевскій въ избу, раздѣлся совершенно, упалъ на кроватъ и только до колѣнъ прикрылъ себя одѣяломъ. Полежавъ нѣсколько минутъ и видя, что сонъ не смыкаетъ его глазъ, domine принялся за мечтанія.

Завидывалъ Солопіевскій бойкому парубку, который лежалъ на землѣ, облокотясь на свою руку, и не сводя глазъ съ дѣвушки, очень похожей на персикъ, любовался ею молча и ничѣмъ другимъ не развлекалъ себя, кромѣ какъ полуфразами и отвѣтами на нихъ любимой дѣвушки. Конечно, эти разговоры понятны были только разговаривающимъ, другой же въ нихъ ни слова не понялъ бы.

«Проклятый садило, думалъ domine, вспоминая парубка,—по освященіи воды или еще и ранѣе, по уборкѣ хлѣбовъ съ полей, женится на любимой имъ красавицѣ. Будетъ, вѣрно, счастливъ. Сестра сей дѣвицы тоже можетъ счесться за прекраснѣйшее произведеніе изъ тварей; кажется ее зовутъ Христиной; сія тоже не совсѣмъ далеко отъ своей сестры. Ласкаетъ мой взоръ ея невинное, покрытое пухомъ юности личико; дѣвственныя перси, своею округлостію, обѣщаютъ тьму удовольствій тому, кто ее возможетъ принять въ свои объятія.

«Что за кудрявые, нѣжные волосы? domine вздыхалъ.

«Простота нравовъ, сихъ, такъ сказать, варваровъ, дозволяетъ имъ не только лобызаться, но и проводить часы уединенія въ самыхъ секретныхъ мѣстопребываніяхъ, подобныхъ ожередамъ соломы, горищямъ, хижкамъ и т. п. Не стыдятся они, какъ невинные голуби, зная, что объ ихъ нравственности, со стороны подозрѣвающихъ ихъ любовь, не произойдетъ ни малаго колебанія, хотя

они въ продолженіи нѣсколькихъ годовъ будутъ супражняться въ истинныхъ ощущеніяхъ, откладывая, на неопредѣленное время, надѣвать на себя цѣпи Гимменея.»

Domine вздыхалъ такъ глубоко, какъ позволяло его атлетическое сложеніе.

«О несносное неравенство званія! восклицалъ мысленно учитель, о горестный санъ наставника! Чувствую, что вознесенъ познаніями гораздо выше простыхъ людей. Къ чему же все это?

«Могу ли я воспользоваться дарами, которыми щедро наградила меня природа?

«Какъ я здравъ! какъ я силенъ! продолжалъ размышлять domine, и несчастная кровать трещала отъ вытянувшагося на ней во всю длину Солопіевскаго.»

«Съ кѣмъ соединю жизнь свою? Кого подарю высокимъ благомъ супружества? Не суждено ли быть сіею дочери отца Стефана?

«Не даромъ она на меня жадно посматривала изъ запечнаго мѣста, въ то время, какъ отецъ ея, видя мою скромность, улыбался и поглаживалъ своюココребристую бороду. Отецъ Стефанъ, конечно, прекрасный священникъ, съ состояніемъ и бѣднымъ подаетъ не только благословеніе, но и матеріальную помощь; ему честь и похвала. Дай Богъ такихъ пастырей побольше; что же касается до его единственной дочери, то она косноязычна, непросвѣщена; власы ея неопредѣленнаго цвѣта, лицо плоско, какъ ковганка, выраженіе онаго нелѣпо и вяло;

застѣнчивость ея больше гораздо моей. Я не прячусь при появленіи женщинъ, она скрывается въ запечекъ, при столкновеніи съ мужчиной.

«Къ чему послужитъ сія дѣва тому, кто на ней женится? Соединиться съ нею долженъ тотъ, кто желаетъ поскорѣй быть священникомъ и получить богатую парахвію. Нужно знать, что дядя ея секретаремъ консисторіи; а съ такой рукой, чего невозможно достигнуть?

«Конечно, званіе іерея почтенно; не только возвышаетъ оно человѣка передъ другими людьми, но и питаетъ на счетъ живыхъ и мертвыхъ. Превосходно было бы человѣку не богатому и не ученому жениться на дочери отца Стефана. Они были бы однимъ миромъ мазаны, жили бы дружно, согласно и счастливо. Выйди же она хоть за меня, имѣющаго неограниченныя свѣдѣнія и желающаго распространить оныя далѣе и далѣе, болѣе и болѣе. Выйди! ну, выйди! Послѣ этого, возобновились вздохи и потягиванія съ скрипомъ кровати.

«Я повѣствую ей битву при Ѳермопилахъ, масагетскую царицу разскажу, какъ она велѣла царю персидскому Киру отрубить главу и, положа въ бочку, наполненную кровью, возгласила: напійся крови, которой ты столь много и долго жаждалъ. Что на сіе станетъ отвѣтствовать мнѣ супруга?»

Молчаніе и размышленіе.

«Хорошо, если она промолчитъ, или начнетъ перебивать мою рѣчь напоминаніемъ купить сосудъ

для кормленія птенцовъ, поросятками именуемыхъ; все это будетъ хорошо, но если вздумаетъ она подбивать меня на выпрашиванія, стязанія? Если заговоритъ она объ роковомъ ольнованьи?

«Не снесу я сего!»

Domine протяжно вздохнулъ.

«Не желаю брать себѣ супругу изъ семейства Левитовъ.

У бѣднаго Солопіевскаго навернулись слезы, — онъ утеръ ихъ рукой и продолжалъ самъ съ собой говорить довольно громко: «Плачу, что есмь духовнаго званія человѣкъ, по породѣ! Передѣлать сего невозможно. Не смотря на мое званіе, не соединить ли судьбу свою съ дѣвицей, рожденной въ первобытномъ званіи, званіи, въ которомъ родился, утвердился и возмужалъ родъ человѣческій; званіи почтенномъ, которое держитъ на своихъ гигантскихъ плечахъ все, все самое высокое и самое великое, званіи, которое не подозрѣваетъ, что оно одно есть всему сила и всему вѣнецъ, своей численностію и своей массой превосходящее всѣ высшія званія, словомъ, дѣвицей изъ самаго простаго званія, Христиной именуемой; съ той самой, которая при взглядѣ на меня потупляла свои взоры. Не погано было бы сіе.» Domine началъ подъ носъ напѣвать какую-то швыденьку-пѣсню и, замѣтивъ, что баба начала стонать и охать, пересталъ пѣть, и принялся опять молчать. «Я съ Христиной сочетаюсь законнымъ бракомъ, она прехорошенькая,

имя ея напоминаетъ нѣчто шведское.» Domine поворотился на другой бокъ и, прижавъ свой пылающій лобъ къ холодной глиняной стѣнѣ, продолжалъ: «Женясь на Христинѣ, пріймусь просвѣщать ее, чтобы она сдѣлалась пріятной собесѣдницей. Прежде образую ея хорошенько, и супружескія дѣла могу отложить. Доксы (страшнаго волокиты и любителя женскаго пола, товарища Солопіевскаго) со мною не будетъ; сей мужъ очень падокъ ко всему женственному. Если онъ и пріѣдетъ ко мнѣ, не покажу ему жены; не для него я женился, а для себя. Пусть и онъ женится, но вѣрно не сыщетъ другой Христины. У ней вьются на затылкѣ тонкіе волосы; сіе мнѣ очень нравится; я ихъ захвачу тремя перстами и поиграю ими очень нѣжно. Не смотря на то, что я ее перевоспитаю —останется она такою же скромной и такою же тихой. Я ее хорошенько.... Не лучше ль мнѣ идти въ медецину? Медикъ лечитъ человѣчество, отправляетъ многихъ ad patres, но все его званіе благородно. Женюсь на Христинѣ и пойду въ медицинскую академію. Христину возьму съ собой, буду оставлять ее на квартирѣ и не принимать къ себѣ товарищей, чтобы не подать имъ случая забывать лекціи академіи. Если чертъ дернетъ туда тоже поступить Доксу? Погибнетъ моя Христина и ее онъ у меня похититъ! Оставшись дома во время моихъ занятій въ академіи, она робко подойдетъ къ окну, взглянетъ на улицу; по улицѣ

пройдетъ капитанъ съ пикой и барабаномъ. У капитана усы торчатъ вверхъ, глазами онъ водитъ по сторонамъ; замѣтитъ Христину въ окнѣ; моргнетъ бровями, покрутитъ усы свои и спроситъ: чья сія такая? Можетъ быть, самъ въ окно шмыгнетъ? Нѣтъ, чертъ съ ней съ этой академіей. Женюсь просто.... выкуплю Христину изъ крестьянскаго званія, во діаконы, во священники; выхлопочу приходъ въ богатомъ селѣ. Меня скоро повысятъ.... Протоіереемъ сдѣлаютъ, преподобіе.... Во время рукоположенія возгласятъ: axios! axios! axios! послѣ позову кое-кого къ себѣ на закуску. Отблагодарю, и къ Христинѣ, которую прихожане станутъ называть матушкой.

«Протекутъ годы мірской жизни. Мы на парѣ лошадей возвращаемся изъ гостей. Зима, холодъ, сбиваемся съ дороги и среди ночи попадаемъ на свой дворъ. Въ окнахъ у насъ свѣтло; заведенъ порядокъ ждать хозяевъ. Борода у меня будетъ широкая.... дѣти учатся въ семинаріи. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ.... у меня въ дворѣ рядъ кладовыхъ; я уже года три благочиннымъ.... Докса является на поклонъ, привозитъ мнѣ хобарей; не беру я ихъ и прощаю его проказы. Человѣкъ бо есть, какъ и всѣ людіе. Единъ Богъ безъ грѣха. Пожурю его и заставлю раскаяться. Не раскается.... ну пусть его Господь проститъ!

«Слава Богу, старшій сынъ мой богословъ; второй, хотя выключенъ изъ семинаріи, но служитъ по-

мощникомъ столоначальника въ консисторіи, голова сахару, цѣлехонькая, ему въ подарокъ не фигура! Третій сынъ изъ граматики пожелалъ въ военную службу, я ему позволилъ идти въ артиллерію. Его преосвященство вчера изволилъ отъ меня выѣхать, а нынѣ съ первой станціи черезъ Доксу посылаетъ мнѣ свое архипастырское благословеніе. Дѣла мои идутъ хорошо. Меньшій сынъ отлично ракетки пускаетъ.... съ трескомъ и шумомъ летятъ онѣ подъ самое небо; въ высотѣ лопаются.... вотъ эта ракета съ длиннымъ хвостомъ.... постой, я схвачусь за хвостъ, а ты, сынъ мой, зажигай, хочу пролетѣть надъ этими зданіями, которыя подпираютъ сводъ небесный.... не дурно было бы прогуляться надъ Крымскимъ полуостровомъ; увидѣть соленыя озера.... въ тѣхъ озерахъ, говорятъ, будто бы вода есть тоже соленаго вкуса.... Въ соленой водѣ не можетъ жить осетръ...» Domine въ такихъ мечтахъ заснулъ и спалъ такъ крѣпко, что и не шевелился.

Въ семь часовъ утра, Кузьма принесъ ведро холодной воды, и оловяннную миску и такой же кувшинъ. Чистое полотенце перекинуто было чрезъ его плечо, въ корманѣ торчало мыло и гребешекъ. Domine проснулся, мигомъ всталъ, умылся, одѣлся и послѣ утренней молитвы принялся завтракать. Савка принесъ ему сушенаго карася, занявшаго всю тарелку, горячую пшеничную перепичку и пол-графина водки. Завтракъ былъ очень скоро

истребленъ; водка выпита. Domine хлебнулъ еще изъ деревянной коновки порядочную порцію воды и плавно, какъ подобаетъ ученому, отправился въ домъ, гдѣ его попросили выпить стаканъ чаю, чашку кофе и приняться за Павлушу. Первая лекція началась съ русской азбуки, и бѣдному ученику показалось нестерпимо скучно. Указка, сдѣланная довольно красиво Солопіевскимъ изъ липоваго дерева, выпадала часто изъ рукъ Павлуши; большею частію, онъ ковырялъ ею у себя въ носу и почесывалъ въ головѣ.

Непрывычные къ буквамъ глаза Павлуши часто жмурились, и онъ погружался въ сонъ .Грезилась ему та свобода, во время которой онъ, какъ вихрь, леталъ по полю, взбирался на крутыя горы, спускался въ обрывы и очень часто забѣгалъ въ такіе густые кусты, что цѣлая дворня, розыскивая его и не могши найдти, приходила въ страхъ и отчаяніе.

Не смотря на все это, отличныя дарованія Павлуши взяли верхъ. Солопіевскій, подмѣтивъ способности ученика, схватилъ ихъ въ свои руки, и въ двѣ недѣли Павлуша подвинулся впередъ значительно. Онъ разсказывалъ на память уроки священной исторіи; склады давно уже прошелъ и бойко выводилъ палочки на черной деревянной доскѣ мѣломъ разведеннымъ въ синей глиняной помадной банкѣ. Въ играхъ, которыми развлекалъ

его domine, Павлуша сдѣлалъ тоже огромные успѣхи и привелъ Солопіевскаго въ удивленіе.

Опуку Павлуша ловко билъ гилкой; въ свайку заставлялъ искуснаго Солопіевскаго не рѣдко кушать пироги; бѣгалъ такъ быстро, что никто его догнать не могъ, не исключая и прыткаго domine.

Въ куреніи виргинскаго табаку, молодой Бродницкій, не имѣя собственной трубки, далеко оставилъ за собою учителя. Domine курилъ обыкновенно, какъ Нѣмцы курятъ; Павлуша же курилъ съ разными варіяціями: пускалъ клубы дыма не только изъ рта вносъ, но и обратно. Павлуша бывало похититъ трубку и табакъ у своего наставника и спрячется въ садъ, на чердакъ или въ пригрубникъ и тамъ въ уединеніи предается изученію искусства. Domine, заставъ его разъ за этимъ упражненіемъ, строго запретилъ курить гдѣ бы то ни было, исключая классной комнаты, подтвердивъ, чтобы и въ этой остерегался Павлуша своихъ воспитателей, а его нимало не боялся.

Павлуша былъ такъ доволенъ своимъ domine, что вздумалъ подражать ему во всѣхъ его продѣлкахъ. Молодой Бродницкій до того обожалъ своего учителя, что не рѣдко ночью слѣдовалъ ни кѣмъ не виданный за учителемъ и любовался всѣми его тайными похожденіями. Въ двѣ недѣли, Солопіевскій успѣлъ освоиться съ женскимъ народонаселеніемъ Раковой-Балки, исключая тетушки. Молодыя дѣвушки были отъ него въ восторгѣ.

Это послѣднее обстоятельство нисколько не удивительно потому что domine всѣ привилегіи имъ нравиться заключалъ въ своей особѣ. Domine игралъ превосходно на балалайкѣ, въ танцахъ не находилъ себѣ соперниковъ.

Для него было все равно, танцовать ли обыкновеннымъ образомъ или совершенно иначе. Поза, приводившая всѣхъ въ удивленіе, состояла въ ловкости: стоять на головѣ, вытянуть ноги вверхъ, а срединой корпуса производить самые отчаянныя и смѣлыя эволюціи. Послѣ этой продѣки учитель быстро вскакивалъ на ноги и оканчивалъ танецъ въ прысядку, кидая ногами направо и налѣво.

По части вокальной, онъ пѣлъ басомъ, теноромъ, альтомъ и дискантомъ; по части народной поэзіи, domine зналъ столько пѣсенъ, да такихъ рѣдкихъ, что ни въ одномъ новѣйшемъ собраніи пѣсенъ не возможно отыскать. Время тогда было глухое и не было охотниковъ издавать подобныя вещи, а онѣ тоже доставили бы не меньшее наслажденіе, какъ и пѣсни нынѣшнихъ сборниковъ.

Полюбивъ женскій полъ больше мужскаго, domine не былъ такъ вѣтренъ, чтобы раскидать свои пламенныя чувства при первой возможности. Онъ весь принадлежалъ Христинѣ, она одна рисовалась ежеминутно въ его пламенныхъ мысляхъ. Дочь вдовы, уже довольно старенькой, Христина, не говоря ни слова съ domine, отгадала, что онъ ее любитъ и поэтому полюбила его всей сво-

бодой сердца, никогда еще не любившаго и затрепетавшаго въ первую минуту чувства, въ него закравшагося.

— Чого ты, доню, спроситъ бывало дочку мать, смотришь все въ виконце?

— Такъ мамо, отвѣтитъ со вздохомъ дочка и продолжаетъ глядѣть на широкое крыльцо господскаго дома. Такъ, мамо! скажетъ она и при этомъ вдохнетъ глубоко, бѣлая сорочка заколеблется на дѣвственныхъ, только что развившихся грудяхъ. Глаза ея подернутся влагой и она, затворя окошечко, примется вышивать рукава рубахи или сядетъ на завалинкѣ прясть шерсть, обратя и взоръ, и мысли на господскій домъ. Отъ однаго желанія увидѣть domine, бѣгущаго черезъ дворъ, по ней пробѣгалъ трепетъ и Христина однимъ ожиданіемъ была счастлива и довольна.

Мазуренко, сынъ богатаго мужика, еще прошлый годъ присватывался за Христиной; но мать отказала, подъ предлогомъ, что у ея дочери нѣтъ кожуха. Неправда, кожухъ былъ, и не простой, а крытый китайкой, да вся штука состояла въ томъ, что Мазуренко не понравился дочкѣ. Одинъ разъ возвращалась Христина изъ господскаго двора домой и повстрѣчалась съ domine, который шелъ въ комнаты. Нужно было видѣть, какъ это невинное, робкое созданіе было поражено нежданною встрѣчей! — Руки Христины сами собой опустились, ноги не повиновались ей; стояла она на мѣстѣ,

какъ вкопаная. Domine, днемъ, показался ей сто разъ доступнѣе, чѣмъ ночью. Солопіевскій тоже очень смѣшался; пробѣжавъ мимо Христины, не только не сказалъ ни слова, но даже не взглянулъ на нее, такъ и удалился. Опомнился онъ тогда, когда Христина осталась далеко за нимъ.

— Есмь нынѣ asinus!—ни одной буквы не могъ произнесть, а удобное время было. Христина! вскричалъ domine какимъ-то замирающимъ голосомъ и оборотился назадъ.

— А нуте! отвѣтила, остановясь Христина, боясь оборотиться, и ждала, что скажетъ ей domine.

— Ничего, это я такъ.... произнесъ domine и, довольный началомъ разговора, въ прыжкахъ убѣжалъ подальше, собираясь при другой встрѣчѣ поговорить еще болѣе.

Мазуренко видѣлъ, какъ повстрѣчался domine съ его любимымъ предметомъ; видѣлъ, сваливая съ воза мѣшки возлѣ кладовой, и тутъ же готовъ былъ разорвать счастливаго соперника на мелкія части; но, чувствуя свое крѣпостное званіе, не смѣлъ явно обнаружить ненависти и ревности, которыя бушевали въ немъ съ перваго появленія domine на улицѣ. Въ то время въ православномъ русскомъ царствѣ не было много поэтовъ, которые за неимѣніемъ куда тратить время, пишутъ стихи; тѣмъ болѣе, не существовала пѣсня, гдѣ тайно и злобно оружія ищетъ рука, однакожъ Мазуренко все это перечувствовалъ и, замѣтя какую роль

возлѣ Христины думаетъ играть учитель, закипѣлъ мщеніемъ. Солопіевскій попалъ какъ-то въ избу досвитчаной матери и, къ неописанному восторгу, засталъ тамъ Христину, чухравшую шерсть. Было поздно; это самое обстоятельство сдѣлало domine гораздо смѣлѣе; онъ, проговоря съ полъ часа, добился, что Христина обѣщала прійдти завтра вечеромъ въ условленное мѣсто и наединѣ поговорить съ красивымъ domine. Солопіевскій, въ ожиданіи этого счастья, почти не ужиналъ, не спалъ ночь и бродилъ, какъ угорѣлый, цѣлый день, ожидая вечера, на которой такъ давно и такъ безнадежно расчитывалъ. Прекрасный день, какіе бываютъ въ началѣ августа въ Малороссіи, показался Солопіевскому безконечнымъ. Надоѣлъ онъ ему своей безконечностью такъ, что хитрый domine потихоньку передвигалъ стрѣлки на часахъ, но упрямое солнце, какъ нарочно, медлило опускаться за высокую гору.

Задыхаясь отъ нетерпѣнія, domine готовъ былъ отказаться отъ своей блестящей будущности, какъ день уступилъ блѣднымъ сумеркамъ и тѣмъ утѣшилъ тревожнаго учителя. Въ долинѣ сдѣлалось прохладно; съ горы спускались стада овецъ и съ веселымъ блеяніемъ бѣжали подъ гору, подымая цѣлыя облака густой пыли. Молодой пастухъ игралъ на свистилкѣ, старый подгонялъ отставшихъ овецъ, хлопая длиннымъ батогомъ.

Въ концѣ гребли, стояли дѣвки и женщины, го-

товыя вылучить своихъ овецъ и съ крикомъ загонять ихъ въ свои кошары. Вотъ прошло стадо господскихъ коровъ; пробѣжалъ, гонимый косячнымъ жеребцомъ, табунъ къ господскимъ постройкамъ и мало-по-малу движеніе утихло, пыль сѣла и въ тишинѣ свистали овчарики да повремени отзывался въ тростникѣ бугай.

Domine, хитрѣе старой лисицы, давно уже пробрался сухими бурьянами и сталъ въ назначенномъ ему мѣстѣ. Нечего говорить о сердцѣ domine. Трепетало ли оно, выпрыгнуло ли совсѣмъ изъ груди или тамъ замерло, онъ не зналъ. Позади Солопіевскаго захрустѣлъ бурьянъ; послышался легкій шорохъ; казалось, что кто-то раздвигаетъ руками сухія растенія. За этимъ легкій вздохъ послышался возлѣ самаго уха domine. Солопіевскій затрепеталъ, кровь бросилась ему въ голову; языкъ, послушный нѣмымъ чувствамъ, лепеталъ несвязныя слова страсти.

Христина представилась ему съ распростертыми объятіями; domine безотчотно брасается впередъ и отсланивается назадъ, прошибенный холоднымъ потомъ. Передъ нимъ торчитъ худая и высокая старуха въ бѣлой длинной рубахѣ и съ распущенными по плечамъ волосами. Протянувъ впередъ стальныя, жилистыя руки, она схватила ими, какъ обценьками, шею учителя и начала его душить, не произнося ни одного слова.

Domine, на первый разъ, не могъ прійдти въ се-

бя; когда же почувствовалъ, что дыханіе его замираетъ, то встрепенулся, оттолкнулъ отъ себя женщину, пустился бѣжать, какъ волкъ, прорвавшій тенета и, не осматриваясь назадъ, перепригивалъ плетни и широкіе загаты, до тѣхъ поръ, пока не попалъ въ глубокую пашенную яму.

Всякій изъ насъ знаетъ, что попасть въ пашенную яму гораздо легче, нежели изъ нея выбраться.

Domine въ неожиданномъ паденіи переворотился раза три и, ударясь макушкой головы объ дно ямы, потерялъ сознаніе. Прошло нѣсколько минутъ и domine показалось, что изъ глазъ его вылетаютъ искры, превращаются въ какіе-то огненные кружки и танцуютъ возлѣ самаго его носа. Въ ушахъ его раздавался звонъ большаго лаврского колокола и въ спинѣ трясся позвоночный столбъ. Не раньше какъ чрезъ полчаса domine пошевелилъ губами, на которыхъ запеклась кровь и проведя лѣвой рукой по глазамъ и раскрывъ ротъ, потянулъ въ себя струю сыраго и затхлаго воздуха. Глаза Солопіевскаго были закрыты; лицо выражало страданіе, которому онъ покорился безъ ропота.

— Гдѣ я нахожусь? спросилъ себя мысленно domine, когда чувства начали возвращаться. Онъ пришелъ въ сознаніе, но еще не полное.

Чрезъ нѣсколько минутъ его посѣтила горестная мысль: не попался ли онъ въ когти лютой смерти? Но похороненъ ли онъ живымъ въ холодную могилу?—Это самое непріятное изъ непріят-

нѣйшихъ обстоятельствъ принудило domine сотворить крестное знаменіе. Руки его ни за что не цѣплялись и онъ понялъ, что находится не въ гробу, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, которое вѣроятно хуже гроба быть не можетъ. Раскрывъ усталые глаза, Солопіевскій увидѣлъ вверху сѣрѣвшую точку; въ ту же самую минуту улыбнулся, протеръ глаза и слабымъ голосомъ произнесъ: не есть ли это decipula ad capiendos lupos? Если я не ошибаюсь, думалъ domine, то я изъ этой проклятой волчьей ямы, безъ помощи посторонняго лица, выбраться не могу. Разсуждая такимъ образомъ, учитель началъ кричать такъ громко, какъ позволяли ему силы. Никто не отзываяся на его крикъ.

Съ маленькими разстановками кричалъ онъ около часу; наконецъ, увидѣвъ, что голосъ его слабѣетъ, domine заплакалъ такъ сильно, какъ плачетъ бѣдный инфимистъ подъ розгами, которыми его велитъ драть инспекторъ за отлучку изъ церкви на базаръ или возвращеніе въ оную съ буханцами и горохвяниками.

Проплакавъ горько, Солопіевскій изнемогъ и долженъ былъ вздремнуть на сырой и гнилой соломѣ. Затхлый воздухъ душилъ бѣдняка, не знавшаго чѣмъ рѣшится его плачевная участь.

Отсутствіе учителя, не явившагося на утренній урокъ, подняло суету въ домѣ, на дворѣ и въ цѣлой деревнѣ.

— Куда онъ запропастился? кричалъ Лука Ива-

новичъ, подымая весь дворъ и всю свою прислугу на ноги; идите и ищите его, и найдите, гдѣ бы онъ ни скрылся!

Поиски продолжались очень старательно въ продолженіи цѣлаго дня; но бѣдный учитель, какъ въ воду потонулъ. Одна Соломониха, родъ ходячаго журнала, пришла въ дворъ, явилась къ господамъ и, стоя возлѣ порога дѣвичьей, говорила внимательно слушавшей тетушкѣ: такъ и такъ, видѣли его учителя послѣ захода солнца; шелъ онъ мимо ихъ хаты; поворотилъ по зарвомъ; вскочилъ въ ровъ и его не стало видно; въ концѣ рову показалась одна голова и то безъ шапки; дальше Вискрякъ видѣлъ, какъ domine прошелъ мимо глубокой крыницы. Сказавъ это, газета остановилась и прибавила отъ себя, что ежели бы учитель и въ крыницу попалъ, то никто ему въ этомъ дѣлѣ не воспрепятствовалъ бы. За послѣднее заключеніе тетушка нахмуряла свои бровки и полушутливо сказала Соломашкѣ: Тю! ты дуря!

Розыски отложены были до слѣдующаго утра.

На третій день часовъ въ одиннадцать по полуночи, Солимашиха возвращалась съ деревни, имѣя порядочный запасъ новостей. Дорогой напала на нее чужая собака; Соломишиха, уходя, выпустила изъ рукъ курицу, которая съ кудахтаньемъ убѣжала на чужой огородъ. Деревенская газета, пораженная этимъ несчастіемъ, бросилась за курицей чрезъ чужой огородъ, перелѣзла нѣсколько

плетней и, въ дворѣ сосѣда Пижмурки, поймала быструю курицу и, связавъ ей ноги, поторопилась пройдти черезъ Пижмуркинъ токъ домой. Проходя мимо ямы, Солимашихѣ показалась, что кто то тамъ, какъ будто бы стоналъ. Послѣднее обстоятельство она таинственно сказала своему сыну и поручила ему идти ту же минуту узнать, що воно таке и чого воно стога?

Ей бѣдной и въ умъ не приходило, что это есть то несчастное domine, котораго уже третій день безнадежно розыскиваютъ.

Сынъ пришелъ съ панщины и прежде всего пообѣдалъ; послѣ этого послалъ за дядькомъ Пархомомъ; Пархомъ съ племянникомъ зашли по дорогѣ къ сосѣду Вертякѣ, у Вертяки случились, гости; дядя и племянникъ, выпивши порядочно, рѣшились идти, но Пархомъ потерялъ рожокъ съ табакомъ,

Поиски рожка съ табакомъ продолжались до захода солнечнаго; отыскавъ такую необходимую для любителя вещь, должны уже были поспѣшить къ пашенной ямѣ и, доходя къ ней, повстрѣчали летящую противъ нихъ Соломашиху:

— Я думала що винъ! закричала Соломашиха и, какъ самая быстрая почта, понесла новое извѣстіе господамъ. Покуда Соломашиха разсказывала интересную новость господамъ, измучившагося domine вытащили на верхъ, положили въ рядно и, взваливъ его обезсиленнаго и изнуреннаго на

валовойвозъ, бабы потащили драгоцѣнное domine самотужки къ господскому крыльцу.

Встревоженный и блѣдный Лука Ивановичъ, въ халатѣ и туфляхъ, безъ шапки и всего другаго, бѣжалъ навстрѣчу и ужаснулся, увидѣвъ одну тѣнь исхудавшаго, со впалыми щеками, учителя.

— Скажите мнѣ, о domine! возгласилъ дядюшка, какимъ образомъ вы, при всей вашей учености, попали въ яму и пробыли въ оной три дня и три нощи?

— Въ послѣдствіи, чуть слышно отозвался domine, объясню, что со мною было; нынѣ же хочу очень пить и болѣе всего меня мучитъ жажда.

— Снесите domine съ рядномъ прямо въ диванную, кричалъ дядюшка, помогая бабамъ снимать учителя съ воза и поддерживать его подъ руки. Скорѣй ему дайте закуску и водки!

— Воод... ки глоточекъ! шепталъ Солопіевскій, лежа на диванѣ безъ движенія и съ закрытыми глазами.

ГЛАВА V.

—

Солопіевскій имѣлъ много свободнаго времени, сидя въ ямѣ, обдумать, какимъ образомъ объяснить Лукѣ Ивановичу случившееся съ нимъ паденіе. На другое утро лежанія въ ямѣ, domine припомнилъ, что назначенное Христиной свиданіе было прервано появленіемъ какой-то женщины. Domine догадался, что въ этомъ появленіи не было ничего сверхъ-естественнаго и что она чрезвычайно походила на Евдоху досвитчану матиръ, о которой поговаривали, что она баба не проста, а путана.

Лука Ивановичъ уже двое сутокъ не отходилъ отъ domine и засматривалъ ему въ ротъ, приглашая кушать и какъ можно больше жевать.

Солопіевскій немного оправился и былъ уже въ силахъ удовлетворить деревенское любопытство дядюшки.

Уліана Осиповна изъ другой комнаты приложи-

ла ухо къ замочной скважинѣ и начала прислушиваться къ разговору дядюшки съ выздоравливавшимъ учителемъ.

— При закатѣ солнечномъ, началъ domine, охая узрѣлъ я стадо утокъ, которое поднялось съ просовищъ, прилетѣло и сѣло пониже крестьянскихъ огородовъ. Вооруживъ себя прилично, я заранѣе туда отправился.

— Bene! сказалъ дядюшка, шевелясь отъ нетерпѣнія на стулѣ.

— Наблюдая за движеніями утокъ на водѣ, я все подавался впередъ и не видѣлъ у ногъ своихъ ямы, въ которую и низвергся.

— Вотъ какъ.... такъ это охота!

— Охота есть страсть моя; о ней даже Овидій сказалъ: venandi studium cole.

— Желалъ бы я знать, началъ Лука Ивановичъ, какимъ образомъ вы хотѣли умудриться, выстрѣлить изъ ружья, которое давно уже не палитъ. Восемь лѣтъ тому назадъ, при батюшкѣ, Лазарь потерялъ огниво; послѣ я потерялъ верхнюю губку съ курка; однакожъ Лазарь билъ драхвъ, припаливая сѣрникомъ. Ну, вы какъ выпалить хотѣли изъ того самаго ружья? Вѣрно сѣрникомъ или губкой?

— Нѣтъ! отвѣчалъ тихо domine, я безъ ружья охотился, съ колкомъ!

— Ну! можно ли съ колкомъ производить охоту?

— Почему же нѣтъ? Новые опыты доказали,

что колъ въ добрыхъ рукахъ есть найлучшее оружіе, стоитъ только съ онымъ подойдти поближе —добыча можетъ быть пріобрѣтена!

— Можетъ быть и такъ! сказалъ Лука Ивановичъ, выпивая вмѣсто domine рюмку деревіевки. О tempora, o mores! воскликнулъ Лука Ивановичъ, закусывая; какъ все измѣнилось послѣ моего тамъ пребыванія. Возможное ли дѣло? Утокъ бьютъ кольями! дядюшка имѣлъ слабость вѣрить domine во все, что онъ скажетъ. По прошествіи двухъ дней, domine отпросился къ себѣ на квартиру, чтобы радикально вылечиться. Дядюшка, отпуская учителя, совѣтывалъ ему тереть все тѣло мурашковымъ спиртомъ, а внутрь принимать бабовниковую настойку. Учитель буквально исполнялъ совѣтъ дядюшки и иногда только разнообразилъ употребленіе лекарствъ, и бабовниковой настойкой теръ спину, а мурашковую принималъ внутрь.

Въ то время, когда учитель занятъ былъ излечиваніемъ своихъ недуговъ въ пшичнѣ на печи, когда Павлуша постоянно бѣгалъ по саду и горамъ, тетушка получала ежедневно свѣдѣнія отъ ходячей газеты. Изъ новостей, какія передавала Соломашиха Уліанѣ Осиповнѣ, была одна, довольно интересная, а именно: Солопіевскій влюбленъ въ Христину, Христина въ Солопіевскаго.

Въ тотъ же день, когда узнала тетушка эту новость, Христина была отправлена учиться вышивать въ женскій монастырь, а domine отъ Соло-

машихи узналъ эту печальную новость. Бѣдный учитель загрустилъ; ежедневно, передъ наступленіемъ сумерекъ, лежалъ онъ, охая, на печи или выходилъ на воздухъ и садился на завалинкѣ, обративъ взоръ свой на опустѣвшую хату, гдѣ жила его Христина. Domine плакалъ въ продолженіи сумерекъ и пѣлъ какое-то грустно-любовное словословіе. Трудно было ему забыть первую любовь, еще труднѣе вспомнить, что она не увѣнчалась успѣхомъ, а довела несчастную дѣвушку до изгнанія и разлуки съ старушкой матерью. Это самое долго не позволяло ему выздоравливать. Увидѣвши, что дѣлать нечего, Солопіевскій явился въ домѣ и принялся за обычныя занятія съ Павлушей, который безъ него предался прежнимъ занятіямъ, играмъ и бѣганью, такъ что domine опасался: не забылъ ли его воспитанникъ всего того, что онъ съ нимъ прошелъ.

Проэкзаменовавъ Павлушу, учитель разувѣрился; дитя ничего не позабыло и съ большой охотой принялось за ученье. Уліана Осиповна узнала похожденія domine на улицахъ, знакомство, заведенное имъ съ парубками и вслѣдствіе этого захотѣла укротить domine, чтобы его поведеніе не послужило вредомъ для юнаго ученика. Тетушка рѣшилась перевесть учителя изъ птични въ диванную и водворить его тамъ на постоянномъ жилищѣ вмѣстѣ съ Павлушей.

Дядюшка было воспротивился такому желанію;

но тетушка сказала, что она хочетъ этого и напомнила завѣщаніе покойника Ивана Ивановича, который велѣлъ Лукѣ Ивановичу слушаться жены, какъ умнѣйшей и расторопнѣйшей, нежели самъ Лука Ивановичъ. Желаніе тетушки было исполнено. Domine перешелъ въ домъ съ пуховиками, замасленными лексиконами, физикой Фусса, мухояровымъ халатомъ и узелкомъ бѣлья. Грустно было Солопіевскому постоянно сидѣть въ комнатахъ и встрѣчать одни и тѣ же лица. Безъ любви, жизнь казалась ему томительной. Отъ скуки онъ разглядывалъ иногда проходившую мимо горничную и все не могъ забыть Христины. Хотя бы подобіе оной встрѣтилъ я, думалъ domine, утѣшался бы, поелику время утѣшенія должно уже явиться для разсѣянія моего непріятнаго состоянія духа.

Самое тяжкое для учителя время было, когда онъ утромъ начнетъ учить Павлушу, а тетушка, увидя, что Лука Ивановичъ отправился на гумно, явится въ классную комнату и сядетъ съ чулочкомъ противъ domine.

— Хорошо ли учится Павлуша? спроситъ тетушка семинариста, облокотясь на столъ бѣлыми, обнаженными до локтей, руками.

— Достаточно изрядно, отвѣтитъ учитель и покраснѣетъ до бѣлковъ глазъ.

— Что значитъ достаточно? спроситъ тетушка и засмѣется.

— Началъ складывать многосложныя слова, а нынѣ начнетъ на дскѣ писать цифры.

— Ого! уже и цифры будетъ писать! скажетъ тетушка и погладитъ Павлушу по головѣ. Довольно уже его учить сегодня; скоро подадутъ обѣдъ. Отпустите его, domine, погулять!

— Satis! прошепчетъ domine и закроетъ передъ Павлушей букварь.

Рѣзвый мальчикъ не дожидался повторенія приказанія и въ два прыжка вылеталъ на крыльцо.

Съ крыльца перепригивалъ онъ низенькій заборъ, и съ довольной физіогноміей, съ растрепанными волосами, швырялъ камешками въ стадо воробьевъ, чиликавшихъ въ кустахъ густой сирени.

Оставшись наединѣ съ domine, тетушка измѣняла свой гордый и неприступный видъ, дѣлаясь разговорчивой, веселой, рѣзвой хохотушкой; никто ее не осудитъ за это, потому что цѣль обращенія ея съ domine была собственно на первомъ планѣ тетушки: вытереть domine.

— А какъ васъ зовутъ, domine, по батюшкѣ.

— Семенъ Виссаріоновичъ, отвѣтитъ учитель и начнетъ тереть свои колѣни ладоньми рукъ.

— Такъ таки и зовутъ?

— Точно такъ зовутъ.

— Кто далъ вашему батюшкѣ такое чудное имя?

— Сіе имя воспріято имъ было при святомъ крещеніи.

— Вѣдь васъ тогда, domine, я думаю еще не было на свѣтѣ?

— Конечно.

Продолжительное молчаніе слѣдовало за этимъ разговоромъ.

— А волосы у васъ, domine, какъ лѣсъ, густые должны быть?

— Хмм.... густые.

— Должны быть жестки, скажетъ тетушка и запуститъ свои кругленькіе розовенькіе пальчики въ чубъ domine и начнетъ ихъ взъерошивать.

Глупѣйшій въ своей простотѣ domine потѣетъ, краснѣетъ, перемѣняется въ лицѣ и трепещетъ, боясь пошевелиться или произвесть какое-нибудь подозрительное движеніе.

Расшевеля учителя такъ, что онъ вздрагивалъ, тетушка спрашивала его о разныхъ предметахъ и вставляла такіе, напримѣръ, вопросы: отчего у васъ, domine, платье узкое?

— Сіе есть ошибка портнаго.

— Всегда ли оно бываетъ тѣсно или иногда только? спроситъ тетушка, моргнувъ сама себѣ бровями и улыбнувшись такъ, чтобы учитель не замѣтилъ.

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ только....

Тетушка мазнетъ domine бѣлой ручкой по лицу, зацѣпитъ его за носъ и, отпрыгнувъ въ сторону, бросится на красный диванъ, хохоча отъ всего сердца самымъ звучнымъ и пріятнымъ смѣхомъ.

— Встаньте съ мѣста, скажетъ тетушка учителю, какъ оно вамъ не надоѣло? Да походите по комнатѣ, разомнитесь; вы право настоящій тухлякъ!

Тетушка тоже поднимется съ дивана и начнетъ ходить съ domine по комнатѣ. Вы гнетесь напередъ, скажетъ тетушка domine; вы болтаете руками; вы боитесь взглянуть на меня. Domine! прошу васъ быть посмѣлѣе, вы живете въ благородномъ домѣ.

— Попривыкну прежде, ворчитъ Солопіевскій, и тогда покажу, что я много чувствовалъ, но мало могъ дѣлать за недостаткомъ смѣлости.

— Пойдемъ со мною, скажетъ тетушка domine, я вамъ покажу всѣ наши покои, вы еще не во всѣхъ комнатахъ были. Солопіевскій робко слѣдуетъ за Уліаной Осиповной, словно собака на веревкѣ за незнакомымъ ей человѣкомъ.

— Вотъ это наша спальня; мы съ Лукой Ивановичемъ здѣсь спимъ, вотъ на этой кровати. Здѣсь очень мягко, скажетъ тетушка и сядетъ сама съ ногами на кровать,—рѣзвая уже такая себѣ была. Domine стоитъ тутъ же и не смѣетъ глазъ поднять, все какъ-будто разсматриваетъ чудные узоры домашняго ковра.

— Садитесь, domine! скажетъ тетушка, дергая Солопіевскаго за рукавъ сюртука. Семинаристъ пятится назадъ; тетушка схватываетъ его за полу сюртука и тащитъ къ себѣ, хохоча во все горло.

— Вы сильны, удержать васъ, domine, я не въ

силахъ! — Тетушка продолжала тянуть domine къ себѣ; тотъ силится вырваться, но боится разорвать полу, уже начавшую въ иныхъ мѣстахъ трещатъ.

— Слыхали ли вы нѣкую исторію о Пентефреѣ?

— Что за Принтифей? воскликнетъ тетушка, стыдно вамъ будетъ, какъ молодая женщина васъ поборетъ! Все происходитъ отъ вашей неловкости, неотесанности, необразованности.... вотъ-вотъ притяну....

— Слыхали вы, можетъ быть, вѣщаетъ опять семинаристъ, о Финеѣ, женѣ медіамской, и о нѣкоемъ Израильтянинѣ?

— Ничего не знаю....

— Объяснить вамъ сего, продолжалъ domine, не дерзну, искусно вырываясь отъ уставшей и раскраснѣвшейся тетушки.

— Постой, постой, ворчала тетушка, задыхаясь отъ жару и усталости, я тебя вымну; станешь ты половчѣе и посмѣлѣе еще, нежели самъ Лука Ивановичъ, который тоже съ начала былъ ужасный евтухъ!

Лука Ивановичъ до обѣда обходилъ всѣ строенія и посѣщалъ работы, если онѣ производились на дворѣ. Уставши порядкомъ, онъ приходилъ въ домъ, выпивалъ за закуской вмѣстѣ съ domine по три рюмки водки и садился обѣдать. Такъ проходили дни: кушали, пили, принимали и провожали гостей, выѣзжая со двора очень рѣдко.

Замѣтно было, что тетушка дулась на domine, и когда онъ проходилъ мимо оконъ дѣвичьей, то тетушка давала ему въ затылокъ шишъ и называла его тихо козусомъ; первому дѣвушки смѣялись втораго не понимали и оставались равнодушными.— Domine, находившагося постоянно въ господскомъ домѣ, начала томить скука. Въ задумчивости онъ просиживалъ у окна цѣлые часы: молчалъ, какъ рыба, вздыхалъ какъ лакомотивъ, и въ этихъ вздохахъ слышались жажды любви, свободы; любви идеальной, безусловной, безъ запряжки, безъ попечительства: такой прекрасной и чистой любви, какую внушилъ Богъ первосозданному человѣку, ничѣмъ не разстлѣнному и не испорченному. Солопіевскій долженъ былъ дать жизнь своимъ чувствамъ и дѣйствіямъ. Случай на это не представлялся, — domine вынышпорилъ всѣ закоулки, какіе были на дворѣ, и мутный взоръ его вдругъ прояснился, поступь сдѣлалось живѣе, движенія быстрѣе и онъ радостно смотрѣлъ на восходившее солнце, въ дворѣ. На людской кухнѣ страдала въ тяжкой и грязной работѣ, прехорошенькая дѣвушка. Не смотря на вѣчное тасканье воды на исхудалыхъ плечахъ своихъ, она не перестала быть красавицей, смуглянкой съ вздернутымъ носикомъ, каралловымъ и самымъ крошечнымъ ротикомъ. Domine давно не случалось ее встрѣтить, собственно потому, что Уліана Осиповна строжайше запретила ей выходить на улицу, да она и времени

для этого не имѣла, готовя въ людской для огромной дворни. Парасочка попала въ немилость тетушки за то, что пренебрегла женихомъ, котораго подослала къ ней Уліана Осиповна.

— Не хочу за такого телепня!—говорила смѣло Парасочка своей госпожѣ.

— А я велю! кричала тетушка.

— Воля ваша; а я все-таки не пиду!

— А свиней годоваты?

— Приступаю.

— А кухнянкой буты?

— Хоть и заразъ.

— Скидай же платье и ступай на кухню.

— Чую.

— И чтобы ты, ни мнѣ, ни Лукѣ Ивановичу не показывалась! Слышишь?

— Чую. Такъ и будетъ.

Парасочка взята была изъ Голтвы заброшенной сироткой. Лѣтъ десяти осталась она, отъ покойника Самойла, не пережившаго своего господина. Служа постоянно Уліанѣ Осиповнѣ, въ семнадцать лѣтъ разцвѣла она такъ пышно, что холодный Лука Ивановичъ о ея красотѣ выражался довольно смѣло, будто бы Парасочка вовсе не походитъ на мужичку, а получше любой панночки.

Молодая и красивая тетушка, не слыхавши этого, уже ненавидѣла сиротку такъ, какъ ненавидитъ женщина другую, которая затемняетъ ея красоту; нужно же было Лукѣ Ивановичу бол-

тнуть, и тетушка предположила ее выдать замужъ за вдовца чабана, рябаго какъ рѣшето, и съ губами чрезвычайно отвислыми. Противъ ея предположеложеній, угнетенная раба воспротивилась и судьба ея была кончена изгнаніемъ. Лука Ивановичъ сколько былъ огорченъ, столько и рѣшился защитить сиротку.

— Полно вамъ, Уліана Осиповна, лютовать! Дѣвченка бѣдная, ваша крѣпостная, сиротка, ее нужно пожалѣть. Отецъ ея служилъ вѣрно вашему батюшкѣ; умеръ на его могилѣ; нужно ей оказать все попеченіе!

— Попеченіе! закричала тетушка, знаю я это попеченіе! — Молчите, не то я промѣняю ее Порховнячкѣ на коверъ или на крашеную вовну. Вотъ вамъ что скажу.

Услышавши это, Лука Ивановичъ смирялся и тихо выходилъ отъ разгнѣванной супруги.

Парховнячка была одна изъ такъ - называемыхъ хорошихъ хозяекъ, у которыхъ стадо крѣпостныхъ дѣвушекъ работаетъ отъ чахотки до слѣпоты, не только цѣлые дни, но и большую половину зимнихъ ночей.

Этого еще было мало для достиженія строгихъ порядковъ экономіи. Спать запирала она ихъ въ холодный чуланъ, не позволяла никогда не только погулять, но даже взглянуть на свѣтъ Божій, заплаканными глазами. Пища ихъ была такъ ужасна, какъ и лохмотья, покрывавшія изну-

репные остовы несчастныхъ тварей. Ея собственные крестьяне большею частію уходили цѣлыми семействами въ благословенную гостепріимнымъ кровомъ Херсонскую губернію. Нужно было принимать въ науку чужихъ; на нихъ-то она и выѣзжала. На эту отличную хозяйку подвластые ей люди не могли глядѣть безъ трепета и ея тихой голосъ потрясалъ ихъ, какъ болѣзненное электричество.

Domine, вглядѣвшись въ нѣжные глаза Парасочки, растаялъ, какъ весенній снѣгъ; обмѣнявшись съ нею нѣсколькими незначительными словами, полюбилъ ее внезапно.

— Или сія будетъ моею; или я останусь вѣчно въ безбрачномъ состояніи. Въ восторгѣ отъ своей находки, domine повстрѣчалъ на дорогѣ Пархованяка, который услышалъ громкія размышленія восторженнаго domine. Прежде Пархованякъ нападалъ на Солопіевскаго, называя его ко́зусомъ и всегда любилъ посмѣяться надъ нимъ; теперь же захохоталъ и, схвативши domine за лацканъ сюртука, козлинымъ голосомъ произнесъ: Что? что? Reverendissime?

Солопіевскій, застигнутый въ расплохъ, покраснѣлъ и опустилъ взоры долу,—остановился среди дороги, опустя руки.

— Ничего, проворчалъ учитель. А вамъ, какая потребность?—проговорилъ Солопіевскій, стараясь уйдти.

— Сія.... ну далѣе?—Задумалъ жениться? Кто за тебя пойдетъ? Ты хочешь микикетку себѣ отрастить? Отчего происходитъ названіе козусъ? Поговоримъ по-латинѣ: ножикусъ, вилкусъ.... Фу! какое! щегольство! сюртукъ до пятъ и талія на четверть отъ плисоваго воротника.—При этомъ здоровый Парховнякъ поворачивалъ передъ собою сконфуженнаго domine и любовался имъ.

— Неприлично вамъ, какъ отставному драгунскому офицеру, замѣчать покрой платья; вамъ бы слѣдовало родиться портнымъ.... поелику....

— Эге! да мы уже просвѣтились, скажетъ Парховнякъ съ хохотомъ и, увидя Луку Ивановича, спроситъ: откуда набрался умъ у вашего учителя? У кого онъ его занялъ.

Лука Ивановичъ только пожметъ плечами въ знакъ своего незнанія; а учитель смѣло отвѣтитъ: не у васъ; ибо вы въ умѣ сами имѣете большой недостатокъ.

— Какой же ты смѣльчакъ сдѣлался, скажетъ Порховнякъ и, обратясь снова къ Лукѣ Ивановичу, прибавитъ: вы бы послали его къ моей женѣ; она бы ему всю эту гриву выщипала.

— Жена твоя есть фурія; а ты пріймачь и ежеминутно дома испытываешь то надъ своими волосами, чего моимъ желаешь; у тебя уже и выщипывать нечего, поелику есть ты лысъ! Domine, проговоря все это, съ семинарской улыбкой скры-

вался въ садъ и не показывался въ домѣ, покуда Пархѡвнякъ не уѣзжалъ къ себѣ домой.

Солопіевскій завелъ тѣсную дружбу съ старужкой, жившей въ людской, Пыстиною. Нѣсколько разъ увѣрялъ онъ ее въ своемъ почтеньи и любви, собственно по ея разительному сходству съ тетушкой domine, вдовой діакона. Солопіевскій посѣщалъ часто людскую съ намѣреніемъ закурить трубку.

— Та нехай и такъ буде! ворчала похожая на тетушку старуха и ту же минуту руками, какъ щипцами, доставала уголь и зажигала имъ трубку domine.

Раскуря трубочку, Солопіевской сядетъ на чистой сосновой лавѣ и заговоритъ съ Порасочкой, которая весело ему отвѣчаетъ, не смотря на изодранное свое платье, съ трудомъ закрывающее изнуренное, но все еще прекрасное тѣло.

Domine, познакомившемуся съ Парасочкой, людская показалась самымъ пріятнымъ мѣстомъ. Дядюшка давно уже снабдилъ учителя юхтовымъ кисетомъ и всѣми принадлежностями куренья; но Солопіевскій предпочиталъ закуривать трубку въ людской и очень часто туда ходилъ. Днемъ онъ курилъ мало; за то ночью смоктавъ какъ истинный музульманинъ. Захочется ему покурить ночью, онъ встанетъ, одѣнется наскоро и тихо прокрадется изъ комнаты прямо въ кухню.

Пусть на дворѣ ливень, греми громъ, лейся по-

токами молнія, domine въ сюртучкѣ летитъ въ кухню, все для того, чтобы, закуря березовымъ уголькомъ трубку, промолвить съ Парасочкой одно слово или хотя взглянуть на нее спящую и прислушаться къ ея сладкому и теплому дыханію.

Лука Ивановичъ въ дѣтствѣ былъ напуганъ пожаромъ, поэтому страшился огня не менѣе Уліаны Осиповны. Онъ страшно преслѣдовалъ ночныя сборища и гулянья въ избахъ. Являться на нихъ внезапно дядюшки считалъ для себя верхомъ благополучія и подозрѣвалъ себя способнымъ къ отправленію полицейскихъ должностей.

Лука Ивановичъ, съ цѣлью блюсти надъ Парасочкой, посѣщалъ иногда ночью людскую, единственно изъ состраданія къ бѣдняжкѣ, о которой онъ часто думалъ, и выискивалъ средство доказать своей супругѣ, что изгнанная ею сиротка не перестала быть чистой и непорочной душой, хотя по волѣ судьбы попалась въ такой водоворотъ, какъ людская кухня, куда стекается вся своя и чужая молодежь, не смотря на отчаянные крики старухи, похожей на тетку учителя. Дядюшка уже давно задумалъ извлечь несчастную изъ кухни, выдать замужъ и невинностію Парасочки доказать, что тетушка въ ней ошибалась. Лука Ивановичъ страшился за Парасочку, окруженную большую часть времени молодежью. Не сдобровать несчастой сиротѣ, если она еще годъ останется въ кухнѣ. Погибнетъ она, какъ гибнутъ многія

въ ея лѣтахъ. На душу Уліаны Осиповны падетъ грѣхъ, который никакимъ пожертвованіемъ не искупится.

Ревизію ночную производилъ дядюшка въ страхѣ и трепетѣ. Узнай это его супруга, неизвѣстно какъ бы разыгралась такая продѣлка жившаго подъ тетушкиной пятой дядюшки!

Одинъ разъ дядюшка воспользовался крѣпкимъ сномъ тетушки и, какъ тѣнь, проскользнулъ изъ дома на дворъ. Темнота была такая, что хоть глазъ выколи, не увидѣлъ бы кто и чѣмъ сдѣлалъ тебѣ такую непріятность.

Луки Ивоновича не было видно; но палка, стучавшая по утоптанной дорожкѣ, указывала направленіе шаговъ дядюшки. Миновавъ конюшню, дядюшка ахнулъ.

Въ людской чуть брезжилъ слабый огонекъ.

Дядюшка, не переводя духу, поспѣшилъ туда. Какъ ни ловко и ни тихо старался дядюшка отворить сѣнныя двери, однакожь кто-то услышалъ и въ минуту каганецъ въ хатѣ потухъ. Лука Ивановичъ поторопился отворить дверь, ведущую въ самую кухню, но она была завязана.

— Худо есть! подумалъ дядюшка, видно здѣсь собирается ночное гулянье. За сіе, продолжалъ Лука Ивановичъ, отдамъ Пестыну жидамъ въ наймычки, хотя она и похожа на тетушку domine.

Раздосадованный дядюшка присѣлъ въ уголку на кадушку съ водой, накрытую дубовымъ кружкомъ.

Какъ хитрый полисменъ, онъ захотѣлъ дождаться и узнать, кто именно въ это время вздумалъ быть въ уединенной почью кухнѣ? Въ кухнѣ слышался шопотъ двухъ разговаривишихъ, но Лука Ивановичъ не могъ никакъ разобрать кто говоритъ? съ кѣмъ говоритъ? о чемъ говоритъ?

Теряясь въ догадкахъ и погрузясь во вниманіе надъ всѣмъ, что могло происходить въ людской, дядюшка притаился и сидѣлъ такъ тихо, будто бы его тамъ совершенно не было. Ждалъ онъ не долго.

Изъ кухни кто-то началъ развязывать дверную веревочку, служившую вмѣсто засова. Дядюшка ту же минуту взялъ свою суковатую палку па плечо, нахмурилъ густыя брови и приготовился ловко свиснуть того, кто въ запрещенный часъ вздумаетъ выйдти изъ кухни, чтобы убраться подальше ни кѣмъ невиданнымъ.

Дверь растворилась настежъ и въ ней ясно обрисовалась высокая и сіяющая удовольствіемъ фигура domine.

Для дядюшки было довольно!

Виргинскій табакъ, крупной крошки, ясно вспыхивалъ въ глиняной и коротенькой трубкѣ, освѣщая по временамъ раскраснѣвшееся и довольное лицо domine. Нѣсколько минутъ колебалась въ дверяхъ фигура безмолвнаго domine, который вздумалъ большимъ пальцемъ лѣвой руки придавить вздувшуюся въ трубкѣ золу. Притворивъ дверь,

Солопіевскій быстро хотѣлъ пройдти сѣни и выбѣжать на дворъ.

— Asinus! nequissime caput..... вопилъ дядюшка, догоняя Солопіевскаго.

Domine пріостановился.

Дядюшка съ трудомъ удерживался ударить учителя палкой и только ею производилъ страшный свистъ въ воздухѣ.

— Это вы, domine? спросилъ дядюшка, фехтуя палкой возлѣ самаго носа учителя и кипя гнѣвомъ.

— Ego!

— У гуммм..., ворчалъ Лука Ивановичъ, потрясая палкой надъ головой испугавшагося семинариста, остерегаясь его ударить.

— За чѣмъ вы были здѣсь?

— Жезлъ твой и палица твоя, началъ domine, та мя да утѣшаста!

— Что? сто тысячъ.... черт.... отвѣтствуй или я.... васъ....

— Отъ страха не могу слова промолвить. Бросьте сію палицу, она есть недостойна рукъ благородныхъ, тогда стану отвѣчать.

— Я никого и никогда не бью палкой.... говорите!

— Притекъ сюда, какъ обыкновенно бываетъ, возжечь отъ огня табакъ въ трубкѣ, вмѣщающійся ради ночнаго куренія, прогоняющаго духовъ тьмы и съ нимъ вмѣстѣ бѣсовское навожденіе.

— Чего вы красны? Чего духъ вашъ смятенъ и тѣло трепещетъ?

— Отъ страха лютыя смерти и свирѣпства вашего, въ сію нощь скорби и всѣхъ золъ, обратившихся на мою повинную главу.... какую и мечъ не сѣчетъ.... простите! Изъясню вамъ въ тайнѣ огнь, поражающій мою внутренность.

Domine упалъ на колѣни и зарыдалъ.

Satis! сказалъ дядюшка и, утирая кулакомъ слезы, потащился въ комнаты и пробрался никѣмъ невидимый въ спальню гдѣ покоилась безмятежнымъ сномъ тетушка. Еще въ домѣ никто не пробудился, а Лука Ивановичъ, грустно опершись на свою палку, въ рогатой шапкѣ и зеленомъ малиновомъ ваточномъ халатѣ сидѣлъ на нижней ступеньки крыльца.

Передъ нимъ стоялъ безъ шапки семинаристъ.

— Male! pessime! ворчалъ дядюшка и плевалъ довольно часто въ сторону. Вотъ плоды воспитанія семинарскаго! Вы, domine, здоровы, какъ драбовскій бугай, только и достоинства у васъ увидишь; что же касается до другихъ качествъ, то нравственность видно упала у васъ гораздо ниже, нежели была она въ мое время. Вы одинъ изъ лучшихъ студентовъ? Представляю, каковы должны быть худшіе?

Domine молчалъ, какъ убитый; на блѣдномъ его лицѣ ни одна кровинка не показывалась.

Satis! проворчалъ охлодѣвшій дядюшка, вынулъ

двѣ бѣлыя ассигнаціи и подалъ ихъ учителю. Покланясь очень дружелюбно, Лука Ивановичъ сказалъ: по сій мови будьмо здоровы, чтобы сію минуту васъ не было у меня на дворѣ! Ступайте, на всѣ четыре стороны. Дядюшка скрылся въ сѣни и затворилъ дверь. Солопіевскій судорожно сжалъ бумажки въ правой рукѣ, хотѣлъ ихъ бросить на полъ; но одумался и положилъ ихъ бережно въ карманъ своего жилета. Чрезъ полчаса, domine, собравъ все свое имущество въ узелокъ, тихо вышелъ со двора, избирая самую уединенную дорожку. Былъ онъ въ должности учителя всего полтора мѣсяца. Снявъ сюртукъ и повѣсивъ его на правое плечо, съ палочкой и парой старыхъ сапоговъ въ рукахъ, въ картузѣ, насунувшемся на влажные глаза, учитель пробирался мимо широкаго садоваго рва на проселочную дорогу. Въ домѣ въ это самое время проснулся Павлуша и, узнавъ, что domine ушелъ, началъ плакать, кататься по полу и рвать на себѣ волосы. Domine подходилъ уже къ концу садоваго рва, надъ которымъ нависла густая зелень бузины и боярышнику. Чувство какое-то непонятное, заставило его оборотиться назадъ. Густыя вѣтви бузины заколыхались, раздвинулись. Изъ нихъ выпорхнула въ горькихъ слезахъ, блѣдная, убитая горемъ Параска и повисла у domine на шеѣ. Молчала бѣдная сиротка, перестала даже дышать и, закрывъ глаза, впилась своими свѣжими устами въ его уста. Domine,

полуживой, въ совершенномъ безпамятствѣ, не зналъ, что ему дѣлать?

Солопіевскій сдѣлался какимъ-то бездушнымъ истуканомъ и окаменѣлъ на мѣстѣ.

Онъ давилъ себѣ кулаками виски, морщился до того, что правильныя черты его лица исказились, обратившись въ какія-то дикія и суровыя черты; но упрямая слеза не показывалась.

Такъ глубоко былъ онъ пораженъ нежданнымъ появленіемъ предмета любви своей.

Тихія рыданія дѣвушки достигли до того, что желѣзный domine заревѣлъ, подхватилъ теряющую сознанье Парасочку и, обнялъ ее, прижалъ крѣпко къ своему трепещущему сердцу.

Два существа, обнявшись, стояли въ такомъ положеніи, безъ свидѣтелей, подъ открытымъ, яснымъ улыбающимся небомъ! Минута забывчивости прошла, чтобы уже никогда не возвратиться. Domine первый вздохнулъ глубоко и сказалъ: не плачь! не плачь; довольно, будетъ съ тебя! — Не приведи Господь, чтобы насъ тутъ увидѣли!

— Пусть увидятъ! говорила громко Парасочка, пусть меня живую закопаютъ, скажу, что васъ любила; не долго, это правда; но станетъ съ меня этой любви на всю жизнь мою!—Сердце мое слышитъ—небачиться намъ на симъ свити! Прощай.... Парасочка подняла волосы domine, свисшіе на

его широкій и бѣлый лобъ, взяла его за подбородокъ, взглянула ему въ очи и, поцѣловавъ его въ чело, отворотилась и отошла въ сторону.

Въ глазахъ ея не блистали слезы; они, прежде ясные, смотрѣли какъ-то мертво и безжизненно. Солопіевскій ломалъ свои руки, силился что-то сказать, но не могъ точно такъ же, какъ и не рѣшился. взглянуть на любимую имъ дѣвушку. Безотчетно сошлись они вмѣстѣ и, не думавши заключили другъ друга въ тѣсныя объятія. Domine приложилъ свое блѣдное лицо къ влажной щекѣ дѣвушки, вздохнулъ и легонько оттолкнулъ ее отъ себя. Послѣ, увидѣвъ радостное, смѣющееся небо, махнулъ отчаянно рукой и, закрывъ лицо, бросился бѣжать по первой дорогѣ, стараясь бѣгомъ заглушить обильныя рыданія. Парасочка осмотрѣлась тогда кругомъ, захватила вещи domine и двѣ измятыя ассигнаціи. Въ первую минуту хотѣла она вскрикнуть, но увидѣла на далекомъ горизонтѣ удаляющагося человѣка. Это былъ domine, который скоро скрылся изъ вида. Бѣдное созданіе продолжало смотрѣть въ ту сторону, куда ушелъ любимый ею человѣкъ. Чрезъ нѣскоько минутъ Парасочка сошла съ мѣста, сорвала торопливо листокъ съ дерева, измяла его въ своихъ рукахъ и бросила. Еще чрезъ секунду взобралась она на высокую насыпь надъ рвомъ, долго глядѣла въ даль, и никого уже не увидала. Она стала на колѣни, подняла вверхъ влажные глаза и, пошатнувшись, упала безъ

чувствъ на землю. Въ тогдашнее время, точно также, какъ и въ теперешнее, господа, и въ особенности молодыя и старыя госпожи, были весьма любопытны, и имѣли приближенныхъ къ себѣ особъ, которыя разсказывали имъ всю подноготную. Деревенскому любопытству нужна была каждое утро пища. Интересъ о происходившемъ дальше нашего околодка никого не занималъ, да и въ цѣломъ повѣтѣ одинъ только маршалъ, по приказанію своей жены, умной и образованной иностранки, выписывалъ Московскія вѣдомости. Изустные разсказы съ приличными прибавленіями и украшеніями были необходимы. Для извѣстій внутреннихъ имѣла Уліана Осиповна корреспондентомъ свою наперстницу, ключницу, немолодую и здоровую женщину съ краснымъ носомъ. Для иностранныхъ извѣстій (не далѣе околодка) употреблялась Соломашиха, которая имѣла своихъ корреспондентовъ въ окружныхъ селахъ, также и въ дворовой прислугѣ другихъ господъ. За утреннимъ туалетомъ, ночное происшествіе было передано тетушкѣ ключницей и повторено во всѣхъ подробностяхъ съ своими заключеніями Соломашихой. Съ первыхъ словъ, сказанныхъ ключницей, тетушка покраснѣла и закачала головой, закусивъ малиновыя губки. Узнавъ же, что domine прогнанъ еще рано, тетушка вспрыгнула со стула, хлопнула кулакомъ по столу и три раза оборотилась на одной пяткѣ.

Время подходило кушать чай, но тутъ было не до чаю.

Тетушка, скрѣпясь молчала, только цвѣтъ ея лица показывалъ, что происходитъ въ ея внутренности. Каша заварилась; сильный огонь былъ засыпанъ пепломъ на домашнемъ очагѣ. Пошли справки, очныя ставки, допросы, снятіе показаній, явка съ повинной, улики; точно здѣсь открылось уголовное слѣдствіе по самому важному дѣлу.

Увѣрившись въ справедливости доносовъ и всего того, что происходило, Уліана Осиповна начала бѣгать по комнатамъ, аллюромъ, приличнымъ настроенію ея духа. Бросила всѣмъ что только ни попадалось ей на глаза. Доставалось въ это утро батькамъ, матерямъ, роду и племени. Лука Ивановичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ все это время подъ коморою.

Тетушка во всѣхъ своихъ движеніяхъ показывала необыкновенную энергію. Любимѣйшее свое животное, толстаго кота, Савастіана Ивановича, (какъ его всѣ величали) тетушка схватила за конецъ пушистаго хвоста и вышвырнула въ растворенное окно. Пораженный фамиліарнымъ обращеніемъ, Савастіанъ Ивановичъ жалобно мяукнулъ, съежился, поджалъ свой хвостъ и мигомъ вскарабкался на высокую грушу, согнавъ съ нее стадо чечетокъ, поднявшихся съ испугомъ и пискомъ.

Дѣло принимало серіозное направленіе и дохо-

дило до распеканціи дядюшки, который очень хорошо видѣлъ все и догадывался, что ему должно будетъ разыграть не послѣднюю роль въ происходившей драмѣ.

Желая продлить, сколько можно, взаимныя съ тетушкой объясненія, Лука Ивановичъ пробрался въ густую акаціевую бесѣдочку и прилегъ на дерновой скамьѣ. Лежа, онъ хранилъ дипломатическое молчаніе. Сопѣніе дядюшки прикрывало тяжелыя думы, которыя налегли на его спокойную до этого времени голову, покрытую рогатой шишкой. Неужели, думалъ дядюшка, жена узнала уже все происшедшее нынѣ и происходившее прежде? Отъ чего она, какъ медвѣдица, растерзавшая отроковъ, мечется во всѣ стороны, оглошая мой тихій домъ зловѣщими восклицаніями? Нѣсколько лѣтъ жили мы съ ней согласно; теперь же Господь, вѣроятно за грѣхи прародителей, раздоръ намъ посылаетъ!

«Одно средство предстоитъ мнѣ, думалъ Лука Ивановичъ, какъ самый малодушный изъ мужей, выплакаться напередъ хорошенько, а вѣдь я давно уже не плакалъ. Плакалъ только тогда, и то въ секретѣ, когда покойникъ батюшка меня толкнули кулакомъ въ шею.»

Слезы на глазахъ дядюшки, вопреки его сердечнаго желанія плакать, не показывались.

«Не текутъ проклятые! шепталъ дядюшка, стараясь сморщиться, не достоинъ есмь нарицаться вѣр-

нымъ супругомъ, подумалъ онъ, боясь прошептать послѣднее обстоятельство.

«По неволѣ долженъ буду признаться женѣ во всѣхъ моихъ дѣяніяхъ, тайно учиненныхъ. Не повиненъ на счетъ Парасочки; но за другихъ.... Господи, прости мои согрѣшенія! продолжалъ шептать Лука Ивановичъ и ломалъ себѣ руки; но слезы не освѣжали его пылавшихъ глазъ.

«Такъ тебѣ и надо! проворчалъ дядюшка, любилъ ты солоденьке, люби же и гиркеньке! Рано ли, поздно ли, а должны раскрыться всѣ твои дѣянія. Вопіетъ совѣсть моя, но на счетъ Парасочки я неповиненъ; мыслію развѣ согрѣшилъ, а дѣяніемъ нѣтъ. Все разскажу Уліанѣ Осиповнѣ, прибавлю для очищенія совѣсти всѣ мои дѣянія; дамъ клятву покаяться; бить она меня не станетъ, а признаюсь—чувство боли тѣлесной пренепріятно на меня дѣйствовало, и теперь, я думаю, также подѣйствуетъ.» Между тѣмъ Уліана Осиповна изъ дому понеслась въ людскую, и дядюшка счелъ нужнымъ перебраться въ домъ, гдѣ и сѣлъ въ спальнѣ на кресло, не снимая шапки и опершись на палку.

Лука Ивановичъ, оставивъ семинарію, бросилъ свои новенькія, незапачканныя чернилами и карандашами и лаконическима надписями книги въ прежде славную, а нынѣ грязную Альту; но теперь подумалъ онъ, нужно пріобрѣсть книги для ученія Павлуши, и рѣшился отправиться въ го-

родъ къ смотрителю народнаго училища, который имѣлъ въ училищной библіотекѣ на этотъ разъ два экземпляра правилъ учтивости и благопристойности. Старый экземпляръ ходилъ по рукамъ учениковъ съ правомъ переписки (по взнесеніи пяти копѣекъ), новый же, за довольно значительные тогда пять руб. ассигнаціями, перешелъ во владѣніе Луки Ивановича, боявшагося явиться къ женѣ безъ книги. Во всемъ раково-балкскомъ домѣ, эти правила были единственной книгой гражданской печати, исключая позднѣйшей покупки букварей и дѣтскихъ священныхъ исторій! Въ этихъ-то правилахъ озабоченный дядюшка ожидалъ найдти совѣтъ, полезный отъ набѣжавшаго злоключенія;— мысль же обмануть тетушку родилась у него въ головѣ, какъ только онъ досталъ изъ-за зеркала въ гостиной книгу.

Видѣвши, какъ въ иныхъ случаяхъ жизни гадаютъ на псалтіръ, дядюшка набожно перекрестился, положилъ книгу себѣ на голову, прошепталъ трижды: помяни Господи Царя Давида и всю кротость его! быстро раскрывъ на головѣ книгу, поднесъ ее къ глазамъ и прочиталъ: «солгавшему одинъ разъ, въ другой разъ хотя бы говорилъ онъ сущую правду—не повѣрятъ.» Нужно было видѣть, какъ дядюшка сконфузился, покраснѣлъ, пихнулъ книгу на прежнее мѣсто и сталъ разсматривать портретъ своего родителя.

— Умѣли они расправляться съ женщинами,

проговорилъ Лука Ивановичъ и, вздохнувши, сѣлъ на диванъ барабанить по столу пальцами.

Тетушка не возвращалась въ домъ; Павлуша продолжалъ оплакивать domine, дядюшка сидѣлъ въ гостиной, не сходя съ мѣста, которое занялъ.

Тетушка возвратилась, говоря ласково съ Соломашихой; дядюшка думалъ, что пасмурное облачко пролетѣло и грозы не будетъ и, какъ ни въ чемъ не виноватый, бросился на встрѣчу жены, далъ ей мѣсто идти впередъ, а самъ произнесъ тихо и вкрадчиво: пора бы уже и чайку напиться.

Тетушка молчала,—вошла въ комнату и бросилась швырять мѣшки съ бюро на полъ.

— Я, сказалъ сладко дядюшка, подойдя къ женѣ, очень люблю сей китайскій напитокъ и васъ тоже люблю и желаю добраго утра! При послѣдней фразѣ, дядюшка схватилъ Ульяну Осиповну за руку и хотѣлъ поднесть ее къ своимъ губамъ; но тетушка вырвала свою руку, отошла въ сторону и, коварно усмѣхнувшись, сказала:

— Любите? Вы меня любите? и захохотала. Не меня вы любите, продолжала тихо тетушка, мнѣ двадцать четыре года, я стара, пегана, остобисила вамъ за все время. Я знаю васъ, окончила тетушка, принимаясь опять за мотки.

Дядюшка смиренно присѣлъ на креслѣ и надулся, желая показаться сердитымъ.

— Съ васъ все лыхо встае! Вы здоровы, какъ рожокъ!

— Когда здоровъ, то мнѣ лучше.

— Я ваша жена, совѣтница, другъ, помощникъ.... начала тетушка, возвышая свой голосъ безпрестанно. Кто крестилъ дитя у Смаглійки? Какой выйшла замужъ Настя? Кто искалъ папоротниковый цвѣтъ съ Кобыльчиховной? Кто защищалъ Парасочку? Что вы дѣлали, то и я буду дѣлать, заключила тетушка и обратилась къ главному вопросу, который больше всего ее занималъ: — куда вы дѣвали учителя?

— Прогналъ.

— За что?

— Нужно было, такъ и прогналъ.

Замѣтя, что Уліана Осиповна спустилась нѣсколькими октавами пониже, дядюшка вздумалъ припугнуть ее своею смѣлостію. Положивъ ногу на ногу, онъ началъ очень высоко болтать одной верхней ногой, а сподней стучать, не забывъ надуться и сильно сопѣть.

— Безъ воли жены, какъ вы осмѣлились прогнать domine?

— Значитъ могъ и изгналъ, произнесъ Лука Ивановичь и подумалъ: я еще ее не такъ припугну!

— Дуйте ваши капици, никого не запугаете. За что вы его прогнали?

— Мало одного изгнанія, ему нужно было хлосту дать.

— Вамъ нужно хлосту, да жаль, что справить-

ся некому съ вами. Прогнать domine! Чѣмъ оно, бѣдное, провинилось? Что оно могло сдѣлать, бѣдное, несчастное domine!

— Это настоящій stultus et asinus, ворчалъ дядюшка,—но что съ вами толковать, вы по-латини не знаете.

— Но его прислалъ отецъ протоіерей?

— Что и отецъ протоіерей?

— Молчать о протоіереѣ! сказала строго тетушка, — кротость сіяетъ въ его взорахъ. Человѣкъ почтенный, имѣетъ шестнадцать душъ дѣтей.

— Синтактикъ.... не окончившій и тамъ курса. Протоіереемъ сдѣланъ по состоянію; пасѣка у него такая, какъ ни у кого нѣтъ, а медъ липецъ такой бѣлый, какъ бумага; вотъ бы у него намъ купить меду для бузиноваго варенья?

— Да вы не отвлекайте, не заговаривайте! На что прогнали учителя? Гдѣ вы достанете такого? онъ ученѣйшій....

— И я таковъ и достигъ гораздо больше, нежели онъ.... потому что въ такихъ лѣтахъ не бѣгалъ за женщинами, а по достиженіи совершеннолѣтія, да и то съ принужденіемъ....

— Она одна виновата, ваша Параска; учитель дѣло другое, въ немъ кровь играетъ....

— Поигралъ бы я его....

— Вы, Лука Ивановичъ, что-то дуже стали бойки на языкъ. Все эта проклятая книга, которую

вы купили въ городѣ, надѣлала; я ее спалю въ первой печкѣ, которую затопятъ.

— О книгахъ, Уліана Осиповна, вамъ слѣдуетъ молчать; вы въ нихъ ни одной буквы не разумѣете. Недоставало только дядюшкѣ повторить это съ заключеніемъ, и онъ навѣрно погибъ бы въ цвѣтѣ лѣтъ, подавая большія надежды.

— Я въ книгахъ не понимаю? вскричала, какъ обвареная кипяткомъ, Уліана Осиповна;—какъ вы смѣете меня такъ порочить?

— Безъ сорома казка: вы читать не умѣете.

Напоминаніемъ безграмотности тетушка страшно оскорбилась; хотѣла было она, первый разъ въ супружеской жизни, вцѣпиться въ дядюшкины волоса, но, задыхаясь отъ гнѣва, удержалась. Пробѣжавъ по комнатѣ, она опрокинула грушовую скамейку, швырнула въ уголъ ключи, переломила сосновый аршинъ и, трясясь отъ злости, побѣжала къ дядюшкѣ и надъ самымъ его ухомъ зазвенѣла, потрясая кулаками:

— Посмотрю, что̀ будетъ, а я васъ не боюсь! Не боюсь! Слышите ли? Не бо—юсь!

— Тѣмъ лучше, развѣ я вовкъ?

— Хуууже.... вы отъ жены пустились дѣлать такія штуки, что я бы ни зачто не повѣрила.

— А вамъ какое до этого дѣло?

— Мнѣ? О, Господи! Да развѣ я не жена вамъ? Развѣ я чортъ знаетъ что такое? Говорите, что̀ я такое?

Дядюшка не на шутку струсилъ, ожидая, что ему непремѣнно придется испытать болѣзненныя ощущенія.

— Отвѣчайте, сказала тетушка, подойдя предъ самый носъ Луки Ивановича, что я такое?

— Не знаю, что вы такое, проворчалъ дядюшка и, зажмуривъ глаза, приготовился къ сильнымъ ощущеніямъ.

— Вотъ, когда я погибла! Такъ ты меня бралъ на то, чтобы не знать, что я такое?

Дядюшка сидѣлъ съ зажмуренными очами.

— Ой! дайте жь мнѣ воды! завопила тетушка и, зарыдавъ, упала на кровать, погрузясь всѣмъ корпусомъ въ мягкій пуховикъ.

Услужливый Кузьма принесъ на тарелкѣ стаканъ холодной воды и подалъ его дядюшкѣ.

Дядюшка указалъ концомъ палки на рыдающую тетушку. Лакей поднесъ тарелку къ тетушкѣ и ожидалъ, что она возьметъ стаканъ съ водой.

— Геть! закричала Уліана Осиповна и толкнула въ животъ мальчика своими ногами такъ сильно, что тотъ, ошеломленный неожиданной выходкой плакавшей, полетѣлъ къ дверямъ, упалъ и, быстро поднявшись, началъ подбирать черепья тарелки и остатки стекла.

Нѣсколько времени прошло въ молчаніи, въ продолженіи котораго дядюшка собрался съ силами и наконецъ проговорилъ съ разстановкой:

— Жена, дарованная мнѣ святымъ Промысл....

Тетушка молчала, приподнялась на постели, утерла слезы платкомъ и вышла въ другую комнату, оставя дядюшку одного.

— Даетъ же Господь Богъ силу и крѣпость этакой женщинѣ! Этакъ хватить человѣка! Слава Творцу, что у нея крестьянъ всего навсего три души.

Дядюшка поплелся за тетушкой и догналъ ее въ диванной.

— Уліана Осиповна....

Молчаніе.

— Дочь наказнаго полковника, знатнаго своимъ происхожденіемъ и дѣлами.... та самая, которую я, по благости Промысла, появъ въ супруги!

— Появъ? Начто ты появъ?

— Успокойтесь, Уліана Осиповна, скажите, чего вы желаете?

— Истинно скажите: за что вы прогнали учителя?

Тутъ дядюшка что-то долго говорилъ съ тетушкой; та ахала, качала головой. Изъ всего того, что дядюшка говорилъ, можно было разслышать: я узналъ.... нужно ему.... у бабокъ полечиться.... вредъ....

— Отъ чего же бѣдное domine, проговорила тетушка, такъ всегда со мною робѣло?

— А вы думали отъ чего? Онъ въ высшей степени.... такъ.... что.

Тутъ дядюшка съ тетушкой будто бы сговори-

лись и вмѣстѣ плюнули въ разныя стороны. За этимъ слѣдовало молчаніе.

— Ваше ли дѣло было досматриваться? — Какъ вамъ входить въ такія вещи, когда вашего племянника вотъ-вотъ, смотрите, нужно будетъ женить,—проговорила переставшая сердиться тетушка.

— Выучите-ка его прежде ариѳметикѣ, тогда и жените.

— Ариѳметики то вы, я думаю, сами не урижите. Вотъ еслибы domine выздоровѣлъ; то можно бы его опять взять и онъ принялся бы съ Павлушей за ариѳметику.

— Да это не ваше дѣло, Уліана Осиповна, ворчалъ, кисло искривясь дядюшка, это наука.... наука....

— Нѣтъ ужь коли дѣло пошло до наукъ, то я горой за Павлушу; если не станете его учить, то, клянусь вамъ всѣми чудотворцами печерскими, высмычу вамъ всѣ патли по волосочку!

— А тпру-трпусъ! — замѣтилъ, коварно улыбнувшись, дядюшка, до этого у васъ не доросли еще руки; ни вы и ни чей родъ не дождетъ.

— Вы сказали: атпру-тру-ту́съ?—Развѣ вы считаете меня кошкой? Хыба я кошка?—Говорите?— Тетушка пристала къ Лукѣ Ивановичу, какъ нарывной пластырь къ тѣлу: отдѣлаться было не возможно; она дергала его за руки и за полы халата, желая вывесть изъ стоическаго терпѣнія.

— Хуже.... сто кратъ хуже! вы есть настоящая сатана!

Дядюшка и тетушка призадумались и угостили одинъ другаго свѣжими дулями. Дядюшка, какъ человѣкъ солидный, далъ тетушкѣ два шиша издалека; а тетушка, какъ молодая женщина, свернула изъ своихъ пальчиковъ четыре и не просто показала ихъ, а покрутивши, поднесла и ткнула ими подъ самый носъ Луки Ивановича.

Вошедшій Савка доложилъ, что самоваръ давно уже кипитъ и это заставило тетушку удалиться въ залъ. Чрезъ полчаса, захотѣла тетушка узнать, въ какомъ настроеніи духа находится дядюшка и потому быстро отворивши дверь изъ залы въ диванную, сказала очень внятно: идите чаю пыты! Лука Ивановичъ обрадовался, что супруга сама его приглашаетъ, съ радостію пошелъ.

— А учителя все-таки не найдете!

— Найду! сказалъ серіозно дядюшка и принялся ѣсть все, что ни попадалось въ его руки изъ съѣстнаго.

— Найдете—ни слова; но не такого. Этотъ славно училъ Павлушу.

— Я вамъ скажу, что вовсе раздумалъ брать въ домъ учителя; лучше отвезу Павлушу и опредѣлю его въ семинарію.

— Я буду скучать о немъ.

— Можете его навѣщать.

— Буду проживать тамъ по цѣлой недѣлѣ.

— Хоть и по двѣ.

— Сама поѣду опредѣлять.

— Э! уже этого не дѣлайте, Уліана Осиповна! прошу васъ....

— Поѣду и опредѣлю.

— Нѣтъ, ворчалъ испугавшійся дядюшка, вы женщина молодая, тамъ такихъ сто, какъ domine; это семинарія; могутъ васъ лякать; тамъ такіе у нихъ студіозы; могутъ иногда вамъ прямо показать такую штуку.... поразить васъ неожиданнымъ поступкомъ.

— Не на такую наскочатъ. Я ничего не боюсь и въ особенности штукъ.

— Лучше послѣ поѣдете, когда дитя одно попривыкнетъ.

— Ну, хорошо. А не пора ли намъ обѣдать?

— Истинно пора. Передъ обѣдомъ въ сумотохѣ я забылъ часы завесть!—велите-ка скорѣй борщъ подавать!

— Подождите, выпейте рюмку мятной или хоть и двѣ; мнѣ нужно еще кое-что исполнить. Эй! дивчата! котора тамъ? Шолудыви!

Довольный водворившейся тишиной, Лука Ивановичъ, желая поспѣшить на зовъ тетушки, полетѣлъ съ часами въ рукахъ на полъ и, толкнувши ихъ съ досады въ уголъ, подбѣжалъ къ Уліанѣ Осиповнѣ и сказалъ, что онъ готовъ исполнить ея приказаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала ему тетушка, мнѣ нуж-

но было послать за Оныськомъ, чтобы пришелъ съ ножницами, я уже Ваську послала.

— Вѣрно вы ей хотите что-нибудь кроить?

— Отгадали, сказала шутливо тетушка.

— Юпку или сподницу?

— Не ваше дѣло. Идите себѣ, чего вы привязались. А ты ступай, сказала тетушка Марушкѣ, позови ко мнѣ сію минуту Парасочку.

— Что̀ вы хотите, Уліана Осиповна, съ нею сдѣлать? Пожалуста, не обижайте ее!

— Вамъ жаль? спросила злобно тетушка, она моя крѣпостная, а не ваша. Идите же прочь, или я вамъ просто скажу, что брошу васъ со всѣмъ вашимъ богатствомъ; брошу, хоть умирайте безъ меня! Вы мнѣ, слышите? Вы мнѣ не годитесь! Не такого мнѣ нужно!

Дядюшка вышелъ, понурясь, повторяя: можетъ быть я ей и въ самомъ дѣлѣ не гожусь! Проговоривъ это, онъ пошелъ осматривать лежавшіе въ углу залы часы.

Въ дѣвичьей, гдѣ ожидала тетушка исполненія своихъ приказаній, стояла Парасочка, позеленѣвшая отъ прошедшаго и ожидающаго ее горя. Позади Паросочки притаился возлѣ шкапа съ посудой кривой и хромой человѣчекъ съ сѣдыми подстриженными въ скобку волосами. Это былъ портной; онъ однимъ глазомъ хитро улыбался, а другимъ поглядывалъ на стоявшую впереди его дѣвушку и моргалъ.

— Ну! произнесла громко тетушка, сдѣлавъ какой-то жестъ рукой и въ ожиданіи дѣйствій портнаго, сѣла среди дѣвичьей на сосновую скамейку.

Онысько посадилъ Парасочку на полъ, собралъ въ лѣвую руку ея волосы, а правой вынулъ изъ-за длинныхъ голенищъ ножницы, какими стригутъ мужики овецъ; ножницы въ его мозолистыхъ рукахъ щелкнули и длинные курчавые волосы дѣвушки упали на полъ.

— Отъ тоби стрыжима гиря! закричала тетушка и вышла.

Ни одной теплой слезинки не выкатилось изъ глазъ несчастной дѣвушки; она была нѣма и равнодушна. Ключница завязала изуродованную голову Паросочки холстиной, очень короткой и приказала ей идти на прежнее мѣсто. Несчастная повиновалась и, кажется, не грустила, что ее лишили лучшаго украшенія,—украшенія, дарованнаго доброй природой и теперь, въ минуту злости барыни, такъ публично и безчестно у нея отнятаго.

— На что вы это, Уліана Осиповна, сдѣлали? спросилъ тихо дядюшка свою супругу, провожая украдкой глазами уходившую Паросочку.

— Попався! крикнула тетушка, я давно слѣдила за вами. Вы ее любите, ее одну, а меня несчастную повирьте ни милійши!

— Отъ такои! крикнулъ дядюшка, подпрыгнувъ чуть ли не до потолка.

— Идите себѣ, кричала тетушка, выталкивая

Луку Ивановича, чтобъ я васъ больше никогда не видала.

Дядюшка робко подавался впередъ; тетушка храбро на него наступала. Съ крыльца Лука Ивановичъ соскочилъ и, не оглядываясь, побѣжалъ въ садъ.

Тетушка возвратилась и съ головной болью легла въ постель, приказавъ закрыть ставни. Такъ пролежала она до поздняго вечера и, вставши, послала за Омелькомъ, котораго провели прямо въ спальню тетушки.

— Затвори за собой двери! сказала тетушка, подходя къ кучеру; тотъ затворилъ двери.

— Запреги сію минуту въ биду самаго быстраго коня, посади съ собой Параску и отвези ее въ Сметанчинъ-Бридъ.

— Въ Сметанчинъ—Бридъ? вопросительно произнесъ поблѣднѣвшій Омелько. Да кого жъ? спросилъ онъ, подумавъ.

— Алежъ! До самой Парховнянчки; Параску я давно уже промѣняла на жовтый кылымъ.

— Якъ завгодно, чую, отвѣчалъ Омелько пожимаясь.

— Да смотри мнѣ! чтобы ты ни пары зъ рота не пустывъ! Спроситъ кто: куда везешь? Куда отвезъ? Молчи! Да привезы мнѣ кылымъ и чтобы ты къ свѣту возвратился. Ступай!

— Чую. Омелько хотѣлъ уйдти.

— Постой! Еще нужно, чтобы панъ не зналъ.

— Чую.—Омелько быстро вышелъ.

До Сметанчина-Брида было добрыхъ пятнадцать верстъ. Омелько запрягъ самаго лучшаго коня въ пароколесницу и приготовился исполнить строгое приказаніе барыни. Позвавши Парасочку изъ кухни, Омелько повелъ ее будто бы къ барынѣ, а между тѣмъ, подошедши близко къ пароколесницѣ, схватилъ легонькую дѣвушку, бросилъ на подостланную въ глубокомъ ящикѣ солому, вскочилъ самъ на передокъ и, ударивъ лошадь кнутомъ, вылетѣлъ на проселочную дорогу, продолжая гнать лошадь въ скачь. Лошадь, галопируя, выбивалась уже изъ остальныхъ силъ и Омелько, спустясь съ горки, пріостановился. За рѣкой луна свѣтила сквозь жидкія деревья, неподвижно стоя на мѣстѣ. Налѣво чернѣли верхушки деревъ безмолвнаго лѣса; вблизи шумѣли колеса водяной мельницы. Обсаженная вербами плотина чернѣла какъ глубокая яма, пересѣкая рѣчку узкой полосой земляной насыпи.

— Гдѣ мы, дядечку? спросила продрогнувшая Параска; на ней была ветхая рубашечка и двѣ шерстяныя изодранныя запаски.

— Въ Сметанчиномъ-Бридѣ, небого, отвѣчалъ шепотомъ Омелько.

— Такъ я и знала! вскрикнула шутливо дѣвушка, ну, дядечку, везите меня поскорѣй.

— Пострывай.

Омелько боялся, чтобы ѣхавши въ темнотѣ, по высокой и узенькой плотинѣ, не свалиться съ лошадью въ воду и повелъ лошадь подъ уздцы. Когда телѣжка взъѣхала на самое высокое мѣсто, внизу котораго пѣнилась крутившаяся вода, Парасочка просила Омелька остановиться.

— Тутъ страшно и такъ, а вона просыть стать. Чего тоби треба?

— Знаете що дядьку?

— А що?

— Я хочу утопыться.

— Та добре й зробышъ, небого.

— Такъ прощайте, дядечку! Отдайте вотъ этотъ мѣдный крестикъ учителю, когда его увидите; скажите, что его Параска все ему возвращаетъ.

— Чы отдать, той отдать, ворчалъ Омелько, схвативъ Параску за руку и не позволяя ей выскакивать изъ ящика телѣжки.

— Пустите же, шептала дѣвушка, освобождая лѣвую руку, а правою крестясь.

— Подожды, пожалуйста, небого! Я отдамъ тебя Порховнячкѣ; значитъ свое дѣло исполню и получу отъ нея коверъ; а ты тогда съ Божiю помощiю топись. Теперь же, подумай: я тебя долженъ въ цѣлости представить; какъ же позволю тебѣ загубить душу. Садись, поѣдемъ?

Пароколесница заскрипѣла, тронулась скоро; Омелько съ Параской втащились на широкiй дворъ, обнесенный глубокимъ рвомъ, обросшимъ сплош-

ной массой лиціи. Прямо видѣнъ былъ не штукатуренный длинный домъ. Влѣвъ чернѣлъ большой флигель. Среди двора возвышалась каменица безъ оконъ съ высокой конусообразной желѣзной крышей. Направо тѣснились какія-то службы. Мимо ихъ проѣхалъ Омелько; бросивъ уставшую до изнеможенія лошадь возлѣ конюшень и держа за руку молчавшую Параску, онъ потащился съ несчастной жертвой господской власти, отыскивать дворецкаго.

Было уже давно за полночь. Омелько стучалъ въ дверь людской; на каменицѣ однообразно и печально скрипѣлъ флюгеръ.

ГЛАВА VI.

—

Всякій позавидывалъ бы аппетиту Павлуши, видя съ какимъ удовольствіемъ онъ обгрызывалъ остатки мяса на гусиной шейкѣ. Весело смотрѣлъ этотъ мальчикъ на свѣтъ Божій. Беззаботныя мысли быстро смѣнялись одна другой въ его дѣтской головѣ. Окончивъ самое важное изъ дневныхъ занятій, Павлуша подбѣжалъ къ окну и мигомъ растворилъ его. Свѣжій сентябрскій воздухъ потекъ въ комнату и свѣтлое утро манило мальчика въ садъ любоваться темною зеленью вишневыхъ листьевъ, готовившихся измѣнить цвѣтъ свой и въ непродолжительное время усыпать собой поблекшій дернъ и отсырѣвшія садовыя дорожки. Устремя любопытные глаза въ глубину чернаго двора, Павлуша вздрогнулъ, быстро затворилъ окно и нахмурясь, медленными шагами побрелъ въ свою комнату, упалъ на постель и тихо началъ плакать.

Причина слезъ его была очевидна.

На заднемъ дворѣ примѣтилъ Павлуша выкаченную изъ сарая бричку; увидѣлъ лошадей въ хомутахъ, людей готовившихся въ дальній путь и ту минуту понялъ, что всѣ эти сборы, всѣ эти приуготовленія собственно для того, чтобы везть его въ Переяславль. Не ошибался Павлуша, бричка чрезъ полчаса, запряженная четверкой лошадей, стояла уже у подъѣзда. Никогда еще не казалась она ему такою отвратительною. Павлуша не зналъ, что эта самая бричка служила вѣрно и непоколебимо его дѣду, вымѣнявшему ее у отца игумена за двѣ бочки вина, въ продолженіи многихъ лѣтъ, и такъ закалилась въ поѣздкахъ, что и время не оставило на ней слѣдовъ разрушенія. Она была похожа на противнѣйшую женскую физіономію, поднятую носомъ къ небу. Старый Довбня любилъ въ этомъ экипажѣ прокатывать свою родственницу Настасію Афанасьевну. Настасья Афанасьевна считалась ближней родственницей, бывъ только троюродной племянницей Ивану Ивановичу.

Оставила эта особа потомкамъ воспоминаніе о себѣ, въ портретѣ, снятомъ съ нея тѣмъ самымъ живописцемъ, который красилъ въ раково-балкскомъ домѣ окны и двери. Настасья Афанасьевна представлялась зрителямъ на портретѣ: во весь саженный ростъ, въ бѣломъ платьѣ, въ черномъ платкѣ, который морскимъ киверомъ торчалъ на ея головѣ, въ пунцовой съ большой каймой шали и въ красныхъ черевичкахъ. Портретъ написанъ

былъ дурно и при пріятныхъ чертахъ лица поражалъ косоглазіемъ. Правый глазъ смотрѣлъ пріятно и говорилъ просто: пожалуйте ко мнѣ, я васъ поласкаю; лѣвой же такъ и выражалъ: не подходи, а то вотъ такъ тебя и съѣмъ! При жизни Ивана Ивановича портретъ былъ въ почетѣ и висѣлъ надъ его постелью, а по смерти Ивана Ивановича, съ изломанной рамой и пробитой щекой, поступилъ въ кладовую, гдѣ ключница пригвоздила его въ длину на самомъ почетномъ мѣстѣ надъ кухвою съ водкой. Бывало эта родственница пріѣдетъ къ старому Довбнѣ и распоряжается, какъ въ своемъ собственномъ домѣ. Иванъ Ивановичъ называлъ ее лучшимъ своимъ другомъ и даже не одинъ разъ ѣзжалъ съ нею вмѣстѣ въ гости.

Тогдашнія времена представляли широкій разгулъ свободному обращенію; о церемоніяхъ не было помину, ихъ гнали почти повсемѣстно. На обѣдъ, именины или какой нибудь домашній праздникъ являются всѣ тѣ, кому вздумается поѣсть и попить. Хозяева рады званымъ и незванымъ. Пріемъ для тѣхъ и другихъ одинаковъ.

Съ позаранокъ начнутъ стягиваться въ одно мѣсто жены съ мужьями, тетки съ племянницами, бабушки съ внучками и залежавшіеся кавалеры: вдовцы временъ Павла Петровича, отставные полковники, и старыя, какъ свѣтъ, барышни. Все это постепенно наполняетъ гостиную. Женскій полъ займетъ весь диванъ; мужской залу, въ ожиданіи за-

куски. Вотъ вваливается въ гостиную ловкій молодой кавалеръ, пробирается онъ, цѣпляясь за коверъ и мебель и, подойдя къ первой встрѣтившейся глазами съ нимъ дамы, холодно и учтиво цѣлуется съ нею въ губы.

Не разбираетъ онъ, знакома ли ему она, родственница ли, сосѣдка ли; ему мало до этого нужды; онъ продолжаетъ поочереди изъявлять свой решпектъ, пока не перецѣлуетъ всѣхъ. Кто совѣстился цѣловаться съ такимъ кавалеромъ, тотъ переходилъ въ рядъ цѣлованныхъ и дѣлу конецъ; кто же желалъ еще разъ облобызаться, тотъ могъ зайдти впередъ и ожидать, вытирая губы платочкомъ, вторичныхъ лобзаній.

Славное было время! Были явные поцѣлуи, были и тайные, но первыхъ больше можно было видѣть, чѣмъ послѣднихъ. Не таилась гнусная ревность подъ прикрытіемъ тоскливаго, грыжущаго, какъ червь, сердце, подозрѣнія; дѣло бурно и мгновенно развязывалось. Не рѣдко въ рядахъ Роменской ярмарки, ревнивые мужья публично сбивали модные чепцы съ головъ своихъ половинъ и толчками провожали ихъ до экипажа *).

Все это пестрое общество жило по уши въ сплетняхъ; имѣло здоровые и длинные языки, ни мало не ограниченные разсудкомъ и воспитаніемъ,

---

*) Фактъ историческій.

а болтавшіеся безостановочно въ широкихъ глоткахъ въ продолженіи цѣлаго дня. Гости пріѣдутъ въ домъ, встрѣтятъ ихъ хозяева на крыльцѣ съ восторгомъ, чуть ли еще и не со слезами радости; пойдутъ между свидѣвшимися продолжительныя лобзанія въ присоску до тошноты и торжественные пріемы. Пичкаютъ гостей хозяева цѣлый день разными яствами, заливаютъ напитками, укладываютъ послѣ ужина спать на пуховики, подобные горамъ, набитымъ мягкостію; даютъ гостямъ время вылеживаться сколько угодно въ темной комнатѣ и приказываютъ слугамъ сгонять съ кустовъ воробьевъ, чтобы они не чиликали и не разбудили покоющихся. Держатъ пріѣзжихъ, взявъ подъ замокъ лошадей и экипажи, три дня; поятъ мертвецки ихъ кучеровъ, лакеевъ и только черезъ три дня дозволяютъ уѣхать домой, снабдивъ на дорогу тридцати-верстной дистанціи всѣми возможными продуктами отъ жареной индѣйки до пирожковъ съ павидломъ.

Выплакавшись, провожая дорогихъ гостей, хозяева возвращаются съ смѣхомъ въ свои покои.

— Слава Богу, отдѣлались! говоритъ хозяйка, чертъ ихъ насилу унесъ!

— Здыхались таки, здыхались! замѣчаетъ хозяинъ.

— Вотъ несносная женщина, говоритъ хозяйка.

— Да, чертъ ее возьми, подхватываетъ мужъ.

— Думаютъ, что они важные люди!

— Подите вы! говоритъ хозяинъ, я зналъ ее мать —ей-Богу раковъ на базарѣ продавала.

— Это еще ничего, а вотъ послушайте

Тутъ пойдетъ разсказъ не только про нея, но и про ея родныхъ, близкихъ и дальнихъ сосѣдей и сосѣдокъ; словомъ, хозяева оплюютъ своихъ дорогихъ гостей, такъ, что имъ и во снѣ того не грезилось, что на нихъ взвалили.

Конечно, и наше время готово нанесть знакомымъ и пріятелямъ кое-какія удовольствія; но оно имѣетъ гораздо больше совѣсти и воспитанія. Не пристаетъ, наступя на горло, съ угощеніемъ, не запираетъ лошадей, оставляетъ ихъ безъ корма стоять у крыльца, и никогда не снабжаетъ заѣзжаго и отъѣжающую дорожной провизіей, но оно все таки лучше прежняго.

Разговоры всего женскаго общества состояли большею частію въ высчитываніи сколько у кого прядется мотковъ, дѣлается холстовъ, бьется макухъ, несетъ курица яицъ; сколько продается маслъ и сыровъ, стрижется дѣвокъ и наказывается людей. Мужскіе разговоры были совершенно противоположны женскимъ. Другія занятія, другіе и разговоры.

Постоянное занятіе мужчинъ состояло въ подачѣ и сочиненіи жалобъ; въ пріисканіи доки для написанія аппеляціи; въ подстрекнутіи мелкихъ владѣльцевъ надоѣдать богатѣйшимъ.

Дѣло заводилось объ аршиныхъ полоскахъ ого-

родовъ, луговъ и полей. Время проходило въ поѣздкахъ въ губерніи и уѣздные города по судамъ и слушаніямъ рѣшеній. Такъ текла жизнь. Вотъ въ чемъ состояло занятіе мужчинъ и на что опредѣлялась дѣятельность ихъ существованія. Разговоры такихъ господъ въ своихъ кружкахъ были о томъ, что они предприняли, сдѣлали и предпологали сдѣлать. Во время такого интереснаго препровожденія времени, подкрѣпили себя непремѣнно спиртуозными напитками. Въ городахъ угощали работающихъ за красными и черными столами, нарѣзывались сами гораздо прежде, нежели тѣ, которыхъ старались удовольствовать. Часы тихаго, неоцѣненнаго времени съ книгой, газетой или хорошимъ журналомъ имъ были неизвѣстны; не было даже такихъ, которые бы углубились въ размышленіе; такихъ, которые обратили бы вниманіе на то, что духъ ихъ погрязъ и тонулъ въ грязной заплеснѣвшей безднѣ. Великіе своей простотой и безотчетной жизнію не могли думать, что найдутся въ позднѣйшее время геніи, которые воспоютъ ихъ бражничество, ихъ животную жизнь и, прославя былое время, изъ глубины души вздохнутъ о немъ.

Минуло это время! и я благодарю Творца, минуло раньше нашего рожденія и увѣренъ, что оно уже не возвратится.

На дворѣ Лука Ивановича продолжались шумъ и движеніе. Прислуга бѣгала изъ кладовыхъ въ

домъ и обратно, съ полдюжины людей нагружали экипажъ горшечками, боченками, подушками, баульчиками и желтыми суздальскими ящиками. Пихали въ бричку боклажки, боченки и бутылки. Въ боковые, корявой кожи карманы, прицѣпленные къ широкимъ козламъ, ключница пихала живыхъ съ связанными ногами куръ. Въ мѣшкѣ притащили поросенка, который, не подозрѣвая къ чему его туда запрятали, тихо и пріятно хрюкалъ. Узелки и салфетки, набитые биткомъ пирожками и коржиками, навалены были кучей. Ковры, ветчина, мѣдный чайникъ, сундучекъ Павлуши и три куля съ овсомъ еще оставили въ бездонной бричкѣ столько простора, что дядюшка съ племянникомъ могли принимать разныя правильныя и неправильныя положенія. Было гдѣ и Савкѣ помѣститься съ его платьемъ и мѣшкомъ, сдѣланнымъ изъ старой шерстяной попоны. Предъ выѣздомъ господа и всѣ домачадцы собрались въ залѣ; священникъ отслужилъ напутственный молебенъ; въ строгомъ порядкѣ господа и домочадцы цѣловали животворящій крестъ и были окроплены святой водой. Священникъ снялъ облаченіе и эпитрахиль, завернулъ бережно въ нея крестъ и требникъ, поклонился и вышелъ, пожелавъ ѣдущимъ благополучнаго пути. Тетушка со слезами на глазахъ благословила на все доброе Павлушу, поцѣловала его въ голову, перекрестила своими руками его лицо и положила въ карманъ его жилета

три новыхъ гривенника, завернутыхъ въ тонкую бумажку. Сдѣлавъ все это, она сконфузилась и, побѣжавъ въ спальню, достала, растворя кіотъ, ладанку съ частицами ризъ свв. Антонія и Феодосія печерскихъ чудотворцевъ, вымѣнянную у проходившаго съ Аѳонской горы чернеца, на серебренники. Надѣвъ на голую грудь ладанку, тетушка въ молчаніи поцѣловала Луку Ивановича и проводила его въ дорогу. Лука Ивановичъ, молча и не оглядывась, влѣзъ за Павлушей въ бричку, усѣлся, приказалъ трогать, и кучеръ, перекрестясь, надѣлъ шапку, схватилъ веревочныя возжи, дернулъ ими, прицмокнувъ губами; лошади пошли рысью, бричка застучала по сухой дорогѣ, подымая легкую пыль вслѣдъ за колесами. Двѣ первыя версты показались Павлушѣ безконечными. Онъ сидѣлъ въ глубинѣ брички съ закрытыми глазами; онъ боялся увидѣть все то, съ чѣмъ онъ сроднился и съ чѣмъ ему было такъ больно разставаться. Живому мальчику, запрятанному въ глубину обширной брички, было невыносимо смутно и онъ рѣшился вылѣзть на передокъ съ цѣлью осмотрѣться назадъ. Вылѣзши, онъ приподнялся на ноги и, схватившись рученками за верхъ экипажа, не удержался громко закричать: не видно нашей Раковой-Балки; не видно высокихъ бѣлыхъ трубъ нашего дома; одно крыло мельницы показываетъ, въ какомъ мѣстѣ она лежитъ! А впереди, сказалъ Павлуша, оборотясь лицомъ къ лошадямъ, синѣ-

ютъ лѣса, желтѣютъ пески и лежитъ безконечная дорога, обсаженная вербами. Дядюшка, сказалъ Павлуша, садясь на свое мѣсто: скоро ли придется опять увидѣть Раковую-Балку?

— Къ празднику Рождества Христовая возьму тебя домой, только преуспѣвай въ наукахъ.

— А скоро ли это будетъ?

Тутъ Лука Ивановичъ началъ расчитывать по пальцамъ и, сбившись нѣсколько разъ, наугадъ сказалъ: да недѣль черезъ десять.

— Всѣ десять недѣль я буду учиться bene, сказалъ Павлуша, доставая изъ салфетки сладкій пирожокъ.

Лошади бѣжали ровно и быстро.

Обѣденное время подошло нашимъ путешественникамъ на первой станціи. Возлѣ ободраннаго, съ разбитыми стеклами, трактира, въ которомъ ни однѣ двери не притворялись плотно и навозу было выше колѣнъ, пріютились дорожные. Угостивъ лошадей подножнымъ кормомъ и запаснымъ овсомъ, пріѣзжіе принялись сами обѣдать. Покуда поросенокъ жарился на сковородѣ въ трактирной печкѣ, дядюшка ворчалъ. Жарили его очень долго, за то съѣли скоро. Нипоивъ изъ грязной лужи лошадей, запрягли ихъ снова и поѣхали дальше. Не раньше захода солнечнаго доплыли наши вояжеры до большаго села, стоявшаго какъ разъ на половинѣ пути. По дорогѣ догоняли они рогожаныя будки, крытыя и открытыя повозки. Въ каждой

изъ нихъ сидѣло не менѣе полдюжины молодыхъ людей всякаго возраста. Изъ глубины кибитокъ нерѣдко выглядывали почтенныя лица съ бородками и безъ бородъ, съ торчащею на затылкѣ косой, съ ногами въ шерстяныхъ чулкахъ, высунутыми наружу ради тѣсноты экипажа.

По обѣимъ сторонамъ столбовой дороги шло пѣшкомъ довольно много молодыхъ людей. Они одѣты были въ пестрединые халаты, нанковые сюртуки и часто въ одинъ чекменчикъ желто-зеленоватаго фризу. Бо̀льшая часть изъ этихъ господъ была безъ сапогъ, и имѣла ихъ въ рукахъ ради сбереженія ногъ и сапогъ вмѣстѣ.

— Все это суть будущіе твои товарищи, говорилъ Лука Ивановичъ Павлушѣ.

— Да какъ ихъ много! Вотъ одинъ такой точно, какъ нашъ domine.

— Невидаль твой domine! много такихъ встрѣтишь. Это еще не всѣ; это тѣ, которые опоздали, загулялись на каникулахъ. Вотъ въ семинаріи посмотришь сколько ихъ въ наличности окажется.

Лука Ивановичъ, оставивъ настигнутую имъ компанію студентовъ, въѣхалъ въ село. Среди площади, гдѣ собиралась три раза въ годъ ярмарка, стояла корчма въ родѣ огромной клуни съ зіяющими воротами. Въ узенькихъ, закопченныхъ окнахъ мрачнаго зданія желтѣло освѣщеніе; на очагѣ въ широкихъ сѣняхъ пылали березовыя дрова. Корчма занята была вся проѣзжими семинари-

стами; крикъ, хохотъ, шумъ и пѣсни долетали до Луки Ивановича изъ растворявшихся и затворявшихся поминутно дверей.

— Господи, твоя воля! ворчалъ дядюшка, крестясь,—Содомъ и Гоморра! Омельку, не ходи! но Омелько давно уже отправился въ корчму.

Высокій и тонкій, какъ сѣрная спичка, жидъ, съ скудоволосой бородой, въ пантуфляхъ и опустившихся грязныхъ бумажныхъ чулкахъ, полосатыхъ лапсиндрикахъ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукахъ, обвѣшивалъ и обмѣривалъ погоняйловъ. Работница-Малороссіянка, въ грязной рубахѣ и пестрединной забрызганной мѣломъ исподницѣ доила тощую корову въ углу. Старая жидовка, очень похожая на мерзлое яблоко, въ жемчугахъ, калинкоровой рубахѣ, красномъ нагрудникѣ, отороченномъ галунами, и головномъ жемчужномъ нарядѣ, спустя съ плеча шелковый капотъ, изъ котораго волоклась подкладка и торчали куски старой ваты, тащила въ избу остовы двухъ гусей; съ нихъ снятъ былъ не только жиръ, но и кожа. Штукъ пять жиденковъ, съ нечесанными съ самаго ихъ появленія на свѣтъ волосами, шныряли подъ ногами скотовъ и людей, ища съ плачемъ тателе и мамеле, которымъ было не до нихъ. Дочь хозяевъ, въ чистомъ шелковомъ платьѣ, свѣженькая молодая и кругленькая дѣвушка лѣтъ 17, служила проѣзжающимъ, усердно подавая: славянку, вишневку, водку, соленые съ чеснокомъ огурцы и пше-

ничные вареники. Восточный огонь блисталъ въ ея черныхъ бархатныхъ глазахъ; густые вьющіеся волосы (шейне морейне *) падали правильно по плечамъ, схваченные на лбу серебрянымъ обручикомъ. Она ласково улыбалась, проходя между толпами семинаристовъ. Значительные возгласы при взглядѣ на свѣженькую жидовку не прерывались: ох.... х.... мъ! Ух.... х.... мъ! не умолкали. Къ благонравію и скромности добрыхъ юношей можно было отнести то, что ни одинъ изъ нихъ не оказывалъ военныхъ наклонностей и не дотрогивался до соблазнительнаго бюста хорошенькой Риѳки, дочери некрасивыхъ Бороха и Малки.

Семинарія изрѣдка позволяла себѣ еще болѣе возгласовъ, такъ напр. поцмокиваніе губами, морганье бровями; даже слова: ой вей! шкода наша! иногда произносились. Въ корчмѣ было шумно; хохотъ и громкій говоръ шли все въ гору. Омелько напрасно хлопоталъ о помѣщеніи для барина и лошадей; наймитъ сказалъ ему, что мѣста нѣтъ, а Борохъ выбранилъ работника, водилъ цѣлый часъ Омелько по корчмѣ, лазилъ съ нимъ чертъ знаетъ за чѣмъ на чердакъ и, приведя его къ колодцу, вырытому за дворомъ, сказалъ: лошадей можно привязать возлѣ корыта съ водой; на корыто можно положить сѣно. Пусть ваши кони ѣдятъ

---

*) Намазанные пивомъ съ медомъ,

и пьютъ, а барина съ бричкой можно закатить въ стойло. Тамъ тихо и темно. Вотъ и будетъ хорошо, добавилъ Еврей, а ты выпей чарку водки. При этомъ Борохъ началъ тащить упиравшагося Омелько за собой въ шинокъ, спрятавши прежде его шапку.

— Отдай же мнѣ шапку, ворчалъ Омелько.

— На что тебѣ шапка? спрашивалъ Еврей:—заѣзжай съ паномъ ночевать, то я и отдамъ тебѣ шапку; развѣ человѣку нужна шапка? шапка.... тьпфу!

— Э! а якъ же такы буть безъ шапки? говорилъ Омелько,—дурнымъ чоловикомъ назовутъ.

— Ну нехай назовутъ, отвѣчалъ Борохъ, таща опять Омелько въ хату,—не одинъ ты дуракъ будешь на свѣтѣ; а ты все-таки заѣзжай.....

Тутъ Савка пришелъ на помощь къ Омельку и шапка была возвращена.

— Пожалуйте жь! кричалъ на порогѣ корчмы неотвязчивый Борохъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ дядюшка и приказалъ кучеру ѣхать дальше. Въ то время, какъ Омелько возился съ Борохомъ, дядюшка припомнилъ, что въ этомъ самомъ селѣ живетъ отецъ Родіонъ, одинъ изъ бывшихъ его товарищей въ философіи.

— Поѣзжай, Омельку! сказалъ дядюшка кучеру, —да поровнявшись съ церковью, повороти въ первую улицу налѣво. Возлѣ досчатыхъ воротъ ос-

тановись, пусть Савка ихъ отворитъ, да и заѣзжай прямо на дворъ къ отцу Родіону. Въ темнотѣ кучеръ долго взгромазживался на высокія козлы и наконецъ, усѣвшись твердо, поѣхалъ, по указанію дядюшки.

Отецъ Родіонъ лѣтъ шесть былъ уже приходскимъ священникомъ. Христіански и понимая всю важность своего призванія, онъ какъ добрый пастырь блюлъ свое стадо.

Отецъ Родіонъ имѣлъ собственныхъ крестьянъ и значительное количество земли. Сдѣлался онъ священникомъ по желанію своего отца. Происходя изъ столбовыхъ дворянъ, онъ посвятилъ себя на служеніе Церкви и паствѣ, по тому славному обычаю (выведшемуся къ сожалѣнію у насъ въ Малороссіи), по которому люди хорошихъ фамилій малоросскаго дворянства охотно посвящали дѣтей своихъ въ пастыри, дабы и передъ самимъ Господомъ Богомъ имѣть достойныхъ представителей. Тогдашнее человѣчество много отъ этого выигрывало и не рѣдко находило крѣпкую помощь въ пастыряхъ духовныхъ. Теперь одно духовное званіе стремится пополнять убылыя мѣста своимъ потомствомъ; прочія же званія думаютъ только о чинахъ, должностяхъ, теплыхъ мѣстечкахъ на службѣ и пріобрѣтеніи капиталовъ. Пусть бы дворянское сословіе, большею частію испорченное въ своихъ началахъ, стремилось на службу, искало чиновъ и почестей; не нуждаясь въ матеріальныхъ

средствахъ, оно съ честію возвысило бы мѣсто, имъ порученное, блюло бы за строгимъ исполненіемъ своего долга; но за чѣмъ лѣзутъ на службу сыновья москательщиковъ, мелкихъ торгашей, кожевниковъ, столяровъ, даже цѣловальниковъ? Не знаютъ они, распивая ханскіе чаи и закусывая икрами и балыками, что и безъ ихъ сословія размножилось чиновничество гораздо больше, нежели сколько надобно для блага отечества. Снимаю шляпу и кланяюсь почтительно тому, кто кончивъ образованіе, гордо садится за прилавокъ и не стыдится занятія отца, собравшаго тысячи.

Отецъ Родіонъ привѣтливо встрѣтилъ дядюшку и просилъ его расположиться какъ у себя дома. Самъ отецъ Родіонъ извинился, что долженъ отлучиться изъ дому, и поручилъ своей женѣ заняться дорогимъ гостемъ. Надѣвъ старенькую рясу и взявъ эпитрахиль, крестъ и требникъ, отправился отецъ Родіонъ напутствовать бѣдную умирающую старуху. Помѣстясь въ уютной комнаткѣ у стола, покрытаго клеенкой, съ нарисованными на ней тарелками съ рыбой, ножами съ вилками и желтыми ложками, Лука Ивановичъ осмотрѣлся кругомъ и не безъ удовольствія услышалъ самоварныя варіаціи, доходившія до его тонкаго слуха изъ-за досчатой перегородки другой комнаты. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ хозяйка явилась съ подносомъ, на которомъ стояли чашки съ чаемъ и бутылка съ фруктовой водкой.

— Благо есть, воскликнулъ дядюшка, пріятно улыбнувшись.

— Прошу покорно, сказала ласково хозяйка, подавъ Лукѣ Ивановичу принесенное ею.

Дядюшка ловко схватилъ чашку, отлилъ въ блюдечко не много чаю и долилъ водкой. Не успѣла повернуться хозяйка, какъ Лука Ивановичъ выпилъ чашку.

— Получайте, произнесла хозяйка, подавая ему другую чашку.

Дядюшка улыбнулся и молча сдѣлалъ, какъ и прежде, отлитіе и дополненіе. Вторую чашку Лука Ивановичъ началъ пить съ толкомъ и вдыханіемъ аромата, паромъ поднимавшагося надъ чашкой. Перевротивъ чашку на блюдечкѣ, дядюшка поставилъ ее на столъ; но радушная хозяйка молча принесла третью и просила дядюшку еще кушать. Дядюшка не отказывался, пока не запахло пуншемъ на весь домъ. Нельзя было узнать Луку Ивановича, такъ онъ развязался. Походка его сдѣлалась веселая, съ подпрыгиваніемъ и выкрутасами, чубъ самъ собой поднялся вверхъ. Дядюшка началъ даже напѣвать себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, но слова произносилъ ясно только въ началѣ и концѣ. Разобрать смыслъ пѣсни было не возможно; тутъ слышались: журавли и дрофы, и оканчивались: тамъ воны подохлы! Пѣсня дядюшки мгновенно прекратилась оттого, что возлѣ самаго крыльца застучали колеса экипажа и загремѣлъ

глухарь-бубеньчикъ. Кони остановились, фыркнули и высокая узкая кибитка, обитая кожей, затемнила окно. Въ кибиткѣ кто-то барахтался въ подушкахъ, желая выкарабкаться и не могъ вылѣзть, не смотря на всѣ усилія. Пріѣхало на дворъ еще нѣсколько повозокъ; но остановившійся у крыльца все еще ворочался, ныряя въ подушкахъ и произнося мычаніе, довольно невнятное.

— Это, сказала торопливо хозяйка,—самъ Карпъ Карповичь Крестителевскій. Бѣги, продолжала она женщинѣ, раздувавшей самоваръ,—скажи отцу Родіону, что они пріѣхали. Пусть идутъ домой! Женщина, накинувши на плеча суконную юбку, галопируя, побѣжала съ двора за отцомъ Родіономъ. Съ помощью постороннихъ лицъ, пріѣхавшая особа выбралась изъ экипажа и влѣзла въ комнату, продолжая мычать и оплевываться. Особа эта была почтенныхъ лѣтъ, толстая и съ сѣдыми волосами. Грубо и дерзко она вошла и сѣла противъ Луки Ивановича. Жмурясь и сдѣлавъ изъ руки подобіе козырька, особа эта принялась разсматривать дядюшку, который гордо смотрѣлъ на пріѣхавшаго и чмыхалъ носомъ.

— Кажется, Лука Ивановичъ или не Лука Ивановичъ, замычала пріѣхавшая особа.

— Азъ есмь, произнесъ дядюшка и бросился цѣловаться съ пріѣхавшимъ. Послѣ этого воцарилось между двумя гостями генеральное молчаніе.

На дворѣ же продолжался шумъ; тамъ распре-

гали лошадей и заводили ихъ въ конюшню. Когда лошадей поставили, въ комнату вошли: Кочубановъ, въ синей короткой курткѣ, изъ-подъ которой высовывалась толстая рубаха, въ шароварахъ безцвѣтныхъ, заткнутыхъ въ юхтовые сапоги, съ смушевой шапкой въ лѣвой рукѣ и съ кнутомъ въ правой; Скубкевичъ въ одномъ легонькомъ халатѣ изъ нанки, подпоясанномъ полотенцемъ; Колупаевъ, въ старой сѣро-нѣмецкаго сукна шинели, видимо чужой, съ плисовымъ воротникомъ и капишономъ, спускавшимся ниже колѣнъ; Кавардака былъ въ такомъ костюмѣ, который не похожъ ни на сюртукъ, ни на куртку, а на что-то среднее между женской кофтой и старыми солдатскими пѣхотными панталонами. Гости тихо заняли мѣста. Въ кухнѣ, отдѣленной сѣнями отъ занимаемой ими комнаты, на сковородкѣ шипѣла свѣжая рыба. Женская прислуга быстро бѣгала изъ кухни въ кладовыя и обратно. Въ двухъ исполинскихъ кувшинахъ, герметически залѣпленныхъ тѣстомъ, прѣла водка, налитая на сухія груши, сливы, яблоки и вишни.

Гости почти всѣ знали Луку Ивановича, и поэтому онъ почувствовалъ себя въ пріятной и любезной компаніи. Савкѣ приказалъ дядюшка достать изъ брички нѣсколько бутылокъ ратафіи и тутъ же принялся угощать бывшихъ его товарищей и тѣхъ, которые съ ними находились. Угощая знакомыхъ, Лука Ивановичъ такъ нализался,

что порывался спѣть любимую имъ пѣсню; но ни голосъ, ни слова не вырывались изъ его глотки. Оставшіеся на дворѣ семинаристы разбрелись по соломамъ спать, перекликаясь и стараясь, какъ можно громче басить.

Гости исправно выпивали то, чѣмъ угощалъ ихъ дядюшка, и подобострастно улыбаясь, предоставляли ему полную свободу дурачиться сколько заблагоразсудится.

Слова у пріѣхавшихъ позже дядюшки просились наружу, но самый почтенный гость хранилъ молчаніе, и когда онъ пожелалъ уйдти спать въ свою бричку, то его повели подъ руки Скубкевичъ и Кочубановъ.

Уложивъ старика спать, они возвратились, и Кочубановъ первый заговорилъ козлинымъ голосомъ съ Лукой Ивановичемъ: Да не возмутится сердце ваше, достойнѣйшій Лука Ивановичъ, зря наше общество поверженнымъ въ пьяное веселіе, аки чрезъ посредство лютыхъ бѣсовъ между нами, невидимо сущихъ и радующихся нашему нетрезвому состоянію; при этомъ Кочубановъ ожидалъ отвѣта дядюшки и, вытянувъ въ длину, сколько можно было, свое блѣдное и безъ того длинное лицо, сталъ надъ Лукою Ивановичемъ вопросительнымъ знакомъ.

Лука Ивановичъ молчалъ, куняя.

— Ѣдемъ на ярмарку въ Вивчаривку; довлѣетъ веселиться въ дорогѣ, дабы торговлей получить

приращеніе денегъ на наши скудныя потребности, проговорилъ Колупаевъ и вздохнулъ тяжко.

— Я же готовъ повеселиться, поелику имѣю порученіе отъ отца благочиннаго Умнинскаго доставить его сыновей въ семинарію и не отъ тѣхъ грошей, чтобы погулять, зная, что везомые мною студенты въ вожделенномъ здравіи пребываютъ, проговорилъ тихо и внятно Скубкевичъ.

— Что тутъ толковать? началъ Кавардака,—вино веселитъ сердце человѣка, поэтому сто́итъ его употреблять.

— Bene, проворчалъ дядюшка чуть слышно,—порядки эти мнѣ знакомы.

— Пей, да ума не пропей: in vino veritas...!

— Истинно такъ! вскричали гости и подобострастно засмѣялись.

Скубневичъ, похаживая по комнатѣ, замѣтилъ въ запичку Павлушу, который прислушивался къ разговорамъ веселыхъ гостей и со смѣхомъ смотрѣлъ на ихъ продѣлки и странные костюмы. Нецеремонный Скубкевичъ протянулъ было дерзкую свою руку и норовилъ схватить Павлушу за ухо; но тотъ спрятался въ самый уголъ, продолжая хохотать.

— Кто сей дерзкій отрокъ? спросилъ Скубкевичъ, засучивая рукава своего платья и сожалѣя, что ему невозможно пробраться въ узкій запичекъ. Кавардака движеніями показалъ на Луку Ивановича, продолжавшаго жмуриться, и Скубкевичъ

вдругъ перемѣнилъ свой сердитый голосъ, и подойдя къ Лукѣ Ивановичу сказалъ.

— Сидяй въ запечку есть сынъ вашъ возлюбленный, о немъ же благо....

— Племянникъ это есть, а не сынъ.... отвѣчалъ Лука Ивановичъ и, взглянувши сонными глазами на Скубкевича, продолжалъ:—что же касается до сына, то мы съ женою располагаемъ имѣть не только одного, но и нѣсколькихъ; покуда они будутъ, везу племянника въ семинарію.

— Пошли Господь! сказалъ набожно Качубановъ,—племянникъ тоже едина кровь и едина плоть; сіи вещества суть сходны; поэтому соблаговолите, Лука Ивановичъ, дозволитъ намъ выпить за преуспѣяніе въ наукахъ грядущаго въ семинарію племянника.

— Bene! ворчалъ дядюшка, опуская тяжелую голову свою на грудь.

Кавардака именемъ дядюшки распорядился достать изъ брички еще нѣсколько бутылокъ. Савка принесъ ихъ и поставилъ на столѣ. Кочубановъ ловко налилъ, а Скубкевичъ превозгласилъ тостъ.

Стаканы за стаканами скоро опоражнивались. Дядюшкѣ тоже поднесли стаканъ и онъ, бѣдный, съ помощію Кочубанова и Скубкевича, выпилъ его до половины; больше не могъ и, повалясь на узкій диванчикъ, покрытый желтымъ коврикомъ, закричалъ: вотъ когда уже male! истинно male! Проговоря это, Лука Ивановичъ задралъ ноги вверхъ,

отвернулся къ стѣнѣ и заснулъ. Одинъ по одному бывшіе товарищи дядюшки по семинаріи, тихо уходили, оставя его самого спать при нагорѣвшей сильно свѣчѣ. Отецъ Родіонъ еще не возвращался; гости перешли въ кухню и тамъ продолжали пить, пока сѣли среди полу ужинать.

Отужинавъ, легли они всѣ спать среди комнаты на соломѣ и тихо заснули. Отецъ Родіонъ передъ свѣтомъ возвратился и тутъ же, позвавъ церковнаго старосту, приказалъ ему распорядиться похоронами старухи, снабдивъ его всѣмъ, что требовалась на отданіе послѣдняго долга умершему.

На зарѣ всѣ гости, исключая Луки Ивановича, поднялись и принялись кушать капусту, соленую рыбу и огурцы; запили все это водкой и, поблагодаря отца Родіона за ночлегъ и угощеніе, отправились. Одни поѣхали на ярмарку, другіе въ Переяславль. Добрый отецъ Родіонъ заботился о здоровьи дядюшки и приказалъ Савкѣ навѣстить спящаго. Лошади Луки Ивановича давно уже стояли у крыльца; вещи всѣ вынесены и Павлуша въ экипажѣ занялъ свое прежнее мѣсто.

Савка, войдя на цыпочкахъ, тронулъ барина за ногу.

— Ну! крикнулъ дядюшка, не шевелясь и не открывая глазъ.

— Пора ѣхать! Вставайте! прошепталъ робко лакей.

— Ѣхать? Куда ѣхать? ворчалъ дядюшка, не открывая глазъ и почесывая у себя подъ носомъ.

— Въ Переяславль. Мы жь въ дорози.

— Ага.... ворчалъ Лука Ивановичъ, зашевелился и хотѣлъ встать, но не могъ. Покрутя головой, все съ закрытыми глазами, онъ началъ сопѣть и засыпать, но наконецъ, открывъ глаза, произнесъ: есмь одинъ изъ гостей? Гдѣ же мои любезнѣйшіе соученики? Желалъ бы въ ихъ обществѣ доѣхать до града Переяславля.

— Добрый день, Лука Ивановичъ! отозвался ласково отецъ Родіонъ:—товарищи ваши давно уже уѣхали.

— Здравы и невредимы?

— Господь поддерживаетъ ихъ, отвѣчалъ, вздыхая отецъ Родіонъ,—всему время и всему часъ.

— Ну, здоровые они люди! Столько выпить и не чувствовать ослабленія силъ тѣлесныхъ Я, совсѣмъ другое: душею бодръ, тѣломъ немощенъ. Прикажите, достопочтеннѣйшій отецъ Родіонъ, и моихъ коней запрягать. Хочу догнать уѣхавшихъ ранѣе меня, дабы они не смѣялись.

— Лошади наши, сказалъ робко Савка,—давно насъ ожидаютъ у крыльца.

— А Павлуша?

— Сидятъ въ бричкѣ.

— А вещи уложены? Вѣрно еще ты не успѣлъ, вѣрно пьянъ былъ всю ночь; вотъ постой,

возвращусь въ Раковую-Балку, ей-Богу дамъ хлосту!

— Вещей и не вынимали, кромѣ бутылокъ и одного сундука, еще до свѣта все я вынесъ въ бричку. А пить? Чортъ его й бачивъ!

— Ой! смотри, не брешешь ли ты? ворчалъ дядюшка, лѣнясь подняться съ кровати.

— Чого бъ я брехавъ?

— Вамъ бы все пьянствовать, да трескать господское добро.... ворчалъ Лука Ивановичъ. Еще побывъ въ полудремлющемъ состояніи нѣсколько минутъ, дядя оборотился къ хозяину и, смотря на него ласково, сказалъ: худо иногда быть дворининомъ; вотъ хоть бы и теперь. Что вы думаете? Вѣдь такая спѣсь набилась въ голову, что ноги лѣнятся встать; кажется, пошелъ бы, а онѣ, проклятые, твердятъ: лежи! ты помѣщикъ! Что будешь дѣлать? Нужно послушаться. Прикажите, отче Родіоне, и меня съ ковромъ вынесть и уложить въ экипажъ, кажется, это вѣрнѣе будетъ. Дядюшку съ честію, подобающею дворянскому званію вытащили, съ ковромъ на дворъ и бережно, какъ какую-нибудь ломкую вещь, уложили въ бричку.

— Прескверное состояніе моего рта отъ нощнаго бдѣнія и философскихъ разговоровъ, говорилъ самъ себѣ дядюшка, расправляясь во всю длину брички. Прощайте, отецъ Родіонъ! Если приведетъ васъ Богъ быть въ Вамурзинцахъ, не оставьте своимъ посѣщеніемъ!

— Добрый путь! Да благословитъ васъ Господь! отвѣчалъ хозяинъ.

— Bene! рявкнулъ басомъ дядюшка и, оборотясь къ кучеру, продолжалъ: а ты, Омельку! погоняй!

Не успѣли выѣхать изъ воротъ, какъ дядюшка заснулъ и самымъ покойнымъ образомъ продолжалъ предаваться Морфею во всю дорогу. Съ приближеніемъ къ городу чаще стали встрѣчаться грязные шинки, стоявшіе возлѣ дороги безъ плетней и сараевъ, охватываемые со всѣхъ сторонъ вѣтрами и непогодами, во время зимы и поздней осени. Въ этихъ убогихъ пріютахъ для путниковъ обитали семейства жидовъ, рожденныхъ для торговли виномъ и содержавшихъ шинки почти повсемѣстно въ богатой винокурнями и еще болѣе богатой потребителями вина Малороссіи.

Во время странствія дядюшки возлѣ каждаго шинка стояли брички и повозки на основаніи древней поговорки: кто шинкъ мына, тому счастія нема! Лука Ивановичъ съ бричкой и рѣзвыми лошадьми быстро подвигались впередъ и уже давно оставили за собой валъ. (Борозду, пропаханную змѣей, запряженной хитрымъ кузнецомъ въ плугъ и влекомой за языкъ раскаленными щипцами.)

Впереди нашихъ путниковъ, на отдаленномъ горизонтѣ свѣтлаго неба, зазеленѣли два высокіе купола съ позолочеными главами. Омелько остановилъ лошадей, снялъ шляпу, набожно перекрес-

тился раза три и, оборотясь къ Павлушѣ, шепотомъ сказалъ:

— Панычу! Онъ и Переславъ видно! Слава Всевышнему, таки доѣхали, и кучеръ, подобравъ возжи, тронулся впередъ. Павлуша гораздо прежде Омелька устремилъ свои глаза въ синѣющую даль и давно уже видѣлъ выроставшіе изъ глубокой долины куполы церквей, но молчалъ, продолжая глядѣть на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ и размышленіемъ.

Молчаніе панычa не прерывалось, пока, проѣхавъ долгій мостъ и нѣсколько узкихъ улицъ, бричка остановилась среди базарной площади. День былъ торговый.

— Оттакой Переяславъ! воскликнулъ Павлуша, вылѣзая изъ брички на передокъ. На большой улицѣ возлѣ досчатыхъ сѣренькихъ лавченокъ стояли бочки съ дегтемъ, кучи мѣшковъ съ хлѣбомъ, ободья, дуги и березовыя оглобли.

На отдашкахъ между колонками висѣли веревки, хомуты, жестяная посуда и метелки. Тутъ же болтался почернѣвшій одеревянѣлый балыкъ, висѣла ржавая тарань на веревочкахъ изъ рогожи и двѣ обертки сахарныхъ головъ, набитыя соломой. На площади возвышались возы съ горшками, съ дровами и съ сѣномъ; на землѣ лоснились кучи арбузовъ, сложенныя такъ, какъ складываютъ бомбы подъ стѣнами кіевскаго арсенала. Далѣе тянулись

два ряда столиковъ и скамеекъ, на которыхъ помѣщались сотни яблокъ и грушъ.

Торговки предлагали всѣмъ проходившимъ протухлыхъ раковъ, жареныхъ и расползшихся чебаковъ, отвареную тарань и куски прокислой баранины. Еще дальше возвышались на столикахъ пирамиды бубликовъ, булокъ, буханцевъ, гороховниковъ и столбцовъ. Рундуки съ холстинными навѣсами смѣняли торговлю съѣстнымъ. Старыя жидовки, за прилавками рундуковъ и съ выпачканными въ калію пальцами, сидѣли продавали заполночь, соломьякъ, иголки, кресала, гаплички, сѣру, ладонъ, трутъ, пуговки, намисто, снурки, синій камень, декоктъ, скапидоръ и другія мелочи. Куски пестрыхъ шпалеръ развѣвались въ воздухѣ, ущемленные въ расколотый тесъ.

— Ну, Переяславъ вскрикивалъ Павлуша, осматриваясь на всѣ стороны,—сколько здѣсь пряниковъ, бубликовъ, грушъ и яблокъ! Я думаю, Савка, ты бы всего этого за годъ не поѣлъ?

— Куды его изъисты за годъ? До и за два не поивъ бы!

Множество лавочекъ и продуктовъ, толпа народу и безпрестанное прибытіе на площадь возовъ и повозокъ заняли Павлушу такъ, что его любимая Раковая-Балка въ это время для и его не существовала. — Человѣчество, состоящее илъ жидовъ, мѣщанъ, инвалидныхъ солдатъ и лицъ духовнаго и гражданскаго званія, дружно мѣсило густую грязь.

Омелько съ самаго пріѣзда на площадь слѣзъ съ козелъ и съ кнутомъ отправился розыскивать квартиру. Ныкалъ онъ почти по всѣмъ дворамъ и обошелъ большую часть улицъ, примыкавшимъ къ площади.

Возвратясь назадъ, погоняйло съ большимъ трудомъ пробрался между толпой разнаго народа и насилу могъ отыскать свою бричку, окруженную со всѣхъ сторонъ новоприбывшими возами.—Омелько еще издали грозилъ кнутомъ и ругался уже неизвѣстно съ кѣмъ.

— Ажъ ось де вы! вскрикнулъ онъ радостно, подходя къ экипажу,—а я було думавъ що васъ и не знайду.

— Найшовъ кватыру? спросилъ кучера Савка.

— Такъ швыдко и знайдешъ! выразился недовольный Омелько,—куды не поткнешься, проклятый народъ норовыть зодрать, або копу въ сутки за постой, або и рубъ! — Собака на собакѣ, да все почти жидова аспидска!

— Такъ-то ты и искалъ, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ сказалъ Савка.

— Аужежъ! Посмотри, вотъ домъ съ орломъ надъ окошкомъ; я и тамъ былъ: что ты думаешь? Проводили меня въ потылицу, говорятъ почта.

Съ большой досадой Омелько вынулъ буханецъ изъ-за пазухи, разломилъ его на двѣ равныя части, подалъ одну часть Савкѣ, а другую принялся самъ уписывать, выкраивая здоровыми и бѣлыми зубами

полукруги и присмакивая чухонячьей головкой, оставшейся отъ вчерашняго ужина. Павлуша видѣлъ съ какимъ аппетитомъ кушаютъ люди и самого его взманило опуститься подъ фартукъ и приняться за пирожки и коржики съ саломъ.—Павлуша уже былъ сытъ, но не хотѣлъ оставлять половины сладкаго пирожка и лѣниво доѣдалъ его.

— Омельку? Омельку? послышился Павлушѣ совсѣмъ не чужой, а знакомый голосъ.

— Чего вы тутъ стоите? говорилъ кто-то уже гораздо ближе и заставилъ Павлушу прислушаться.—Можетъ быть, бричку вывезли продавать?

— Ни, не брычку, отвѣчалъ серьезно Омелько,—а привызлы паныча въ ученье то въ клацы... Послѣднія слова кучеръ могъ только съ большимъ трудомъ проговорить; ротъ его былъ совершенно наполненъ.

— Гдѣ же самъ Лука Ивановичъ?

— Панъ? — Воны тутъ.

— Куда же они пошли?

— Та воны идоси изъ брычкы не вылазылы; спочиваютъ послѣ дальней дороги; восемдесятъ верстъ, вчера изъ дому выѣхали. Это не шутка! Domine Солопіевскій, это былъ онъ, забывъ все происзшедшее между нимъ и дядюшкой, откинулъ въ минуту фартукъ и увидѣлъ мужа спяща и тѣломъ недвижима.

Отошелъ бы онъ въ сторону, но Павлуша, съ радостными слезами, повисъ у него на шеѣ и гром-

ко вскрикнулъ: Это вы, мой domine распрекрасный!

Дядюшка сквозь сладкую дремоту слышалъ голосъ domine и несказанно обрадовался, что Господь, въ дальней сторонѣ, надъ нимъ умилосердился и посылаетъ въ столь критическій часъ знакомаго человѣка, который ему, не выѣзжавшему изъ деревни нѣсколько лѣтъ, будетъ весьма полезенъ.

— Вы здѣсь, reverendissime! вскричалъ дядюшка, проворно привставъ и выскочивъ изъ брички.

— Персонально! отвѣчалъ Солопіевскій, приподнявъ картузъ съ своей головы и оставя его въ такомъ положеніи въ правой рукѣ, какъ оставляютъ тѣ, которые, произнося быстро: чай, сахаръ, перчатки, помада.... надѣваютъ и отворачиваются отъ прохожаго, мелькнувшаго мимо ихъ лавки.

— Optime! Prestantissime! ворчалъ дядюшка, снявъ свою рогатую шапку и поздоровавшись съ domine, который ни мало не дичился и не кокфузился передъ Лукой Ивановичемъ.

— Обоймемъ другъ друга и тако возопіемъ.... да будетъ между нами миръ и согласіе, да простите вы мнѣ обиду, сдѣланную вамъ, такъ же точно, какъ и я вамъ прощаю, произнесъ дядя, цѣлуя Солопіевскаго. Domine пустился было въ изъявленіе своихъ чувствъ къ дядюшкѣ, но Лука Ивановичь прервалъ его словами: Satis! Поусердствуйте мнѣ, domine! Достаньте мнѣ питія искусствомъ людей, кацапами называемыхъ, приготовляемаго,

ими изобрѣтеннаго и квасомъ въ просторѣчіи именуемаго! Стрѣлой полетѣлъ domine и чрезъ секунду явился съ цѣлой ряжкой холоднаго квасу.

Задрожалъ Лука Ивановичь, схватилъ въ свои нетвердыя руки ряжку съ квасомъ, приставилъ ее къ губамъ и чуть не всю осушилъ.

— Аминь глаголю вамъ, сказалъ Лука Ивановичь, утирая ротъ бумажнымъ синимъ платкомъ, —питіе сіе отвратительно, но въ нѣкоторые скорбные часы нашихъ тѣлесныхъ страданій, дивно врачуетъ недугъ.

— Пане, отозвался Омелько,—нужно квартиру...

— Стой! вскричалъ повелительно Лука Ивановичь,—еще будетъ время.

Дядюшка съ любопытствомъ поворачивалъ передъ собою domine и удивлялся его костюму.

— Скажите мнѣ, Семеонъ Виссарьеновичъ, гдѣ вы достали себѣ такое платье?

На Солопіевскомъ былъ новенькій, бутылочнаго цвѣта сюртучекъ, сшитый очень чистенько; шелковой тармаламы жилетъ, съ висящими красивыми бронзовыми пуговками; шелковой галстукъ изъ цвѣта, называвшагося фантазіей, и изумительно узкіе, короткіе бѣлые фланелевые штанишки.

— Господь, вѣроятно въ утѣшенье мнѣ и за скорбь, понесенную въ вашемъ домѣ, при удаленіи моемъ, наградилъ счастіемъ выше моего ожиданія.

— Какъ такъ?

— А вотъ я вамъ разскажу. По рекомендаціи одного достойннаго священника, къ которому я зашелъ дорогой, попалось мнѣ мѣсто въ домѣ генеральши Карпоушиной, учить ея двухъ дѣтей латини. Побывъ тамъ около двухъ недѣль, узналъ сколь счастливъ можетъ быть человѣкъ въ благородномъ домѣ, не желалъ уже возвращаться въ философію, какъ вдругъ, внезапно пріѣзжаетъ изъ самаго С.-Петербурга мужъ генеральши, самъ генералъ. Пробывъ дома два дня, беретъ свою жену и дѣтей съ собой въ столицу, а меня отправляетъ сюда! Чуть было не пропалъ я отъ внезапнаго, душу потрясшаго происшествія, нѣкое время оставаясь недвижимъ. Добрый генералъ далъ мнѣ сто руб., выкупилъ сюртукъ въ самой Прилукѣ, куда я его отдавалъ шить, панталоны тоже — суть.... тутъ domine замялся. Дядюшка, любопытствуя знать, спросилъ:

— Неужели сіи, которые вы носите нынѣ, подарены генераломъ?

— Нѣтъ произнесъ озадаченный domine, — тѣ были одного цвѣта съ сюртукомъ, но утрачены мною въ дорогѣ вслѣдствіе быстраго оставленія неблагопріятнаго ночлега.

— А сіи гдѣ вы обрѣли? спросилъ дядюшка, не давая одуматься смѣшавшемуся domine.

— Сіи... ну ужь, такъ и быть, открою: подарены мнѣ самой генеральшей въ знакъ воспоминанія пребыванія моего въ ея домѣ. Солопіевскій, ловко

поворотившись, поклонился дядюшкѣ и, потрепавъ его по упругому животу, произнесъ: такъ-то, любезнѣйшій Лука Ивановичъ! Такъ то!

Дядюшка отъ такого свободнаго съ нимъ обращенія пришелъ въ немалое замѣшательство и подумалъ, какъ даже самое малое пребываніе въ генеральскомъ домѣ облагороживаетъ дикаго человѣка.

— Ну, domine, перемѣнились вы, сдѣлались гораздо смѣлѣе, а самъ подумалъ: теперь съ тобой нужно быть осторожнымъ.

— Узналъ, что есть свѣтъ, и что есть тьма; и даже, что есть свѣтъ, который въ тьмѣ свѣтится! Вотъ какъ!

— Ого! bene, domine! Знаете что? мнѣ какъ-то стыдно идти розыскивить квартиру; городскіе жители замѣтятъ, что я новое лицо, прибывшее въ городъ и станутъ мнѣ, какъ помѣщику, оказывать знаки уваженія: кланяться, уступать дорогу, прислуживаться; я этого не люблю, поелику высоко не несусь. Укажите вы мнѣ, domine, приличную квартиру дня на два или на три.

— Почему нѣтъ? сказалъ самоувѣренно domine,—я могу даже уважить васъ въ этомъ случаѣ своею услугою и уступить вамъ занимаемую мною квартиру.

— Прекрасно! Ну Ом. ..

— Садитесь, Лука Ивановичъ, на свое мѣсто, а я сяду со стороны.

Всѣ усѣлись; domine ловко помѣстился противъ дядюшки и сказалъ ему, чтобы Омелько трогалъ.

— Ну, Омелько, поѣзжай, да не зацѣпи воза съ горшками, говорилъ дядюшка, высунувшись изъ экипажа,—держи мимо большихъ терезъ, объѣдешь ихъ, держи направо, да не попади въ горшечный рядъ; до несчастнаго случая въ этомъ хрупкомъ ряду не далеко. Ей, Омельку! Гляды, ей-ей, перекынешь! Ну, смотри тилько перекынешъ!

— Поды! Поды! Поады! кричалъ Омелько, вызвѣрясь на прохожихъ.

— Да держи ты, Омельку, началъ domine, поворотясь къ кучеру,—прямо въ лужу! Начнешь ѣхать лѣвѣй, увязнешь въ грязи. Да не задави кого-нибудь. Народу на улицѣ пропасть.

— Отто! ворчалъ Омелько,—хиба намъ першина?

— Ей, Омелько! Не перекинь, ворчалъ дядюшка, схватываясь за карманъ экипажа, попавшійся ему подъ руку,—тутъ щось дуже набоковито!

— Хиба намъ першин.... хотѣлъ повторить кучеръ, но бричка была уже на боку.

Въ то время, когда экипажъ опрокидывало, domine ловко выскочилъ и сталъ на ноги; дядюшка же попалъ прежде руками въ грязь по локти, а ногами по самыя колѣни послѣ. Шапка его отлетѣла въ сторону; изъ брички выпало на Луку Ивановича все, что тамъ ни находилось. Павлуша съ кулемъ овса вылетѣлъ вмѣстѣ.—Ну, Омель-

ко! ворчалъ дядюшка, вылѣзая изъ грязи, дай только мнѣ доѣхать домой, хлосту задамъ тебѣ и Савкѣ. Савкѣ за пьянство, а тебѣ за ѣзду.... Подымайте бричку!

Всѣ бросились подымать экипажъ и скоро его подняли, начали укладывать вещи, не смотря на толпу любопытныхъ, отъ нечего дѣлать окруживншихъ экипажъ. Всѣ сѣли на тѣ мѣста, какія занимали, и domine велѣлъ ѣхать къ Кіевской башнтѣ. Лука Ивановичъ отсталъ совершенно отъ общества, не выѣзжая никуда изъ своей деревни. Подъѣхавъ къ двору, указанному Солопіевскимъ Омельку, Лука Ивановичъ былъ озадаченъ множествомъ семинаристовъ, кучками двигавшихся по двору и такъ засоромывся, что не рѣшался выйдти изъ экипажа. На дворѣ было четыре отдѣльные домика и всѣ заняты семинаристами. Омелько, мигомъ окинувъ широкій дворъ глазами, выбралъ для брички прекрасное мѣсто въ самомъ углу двора, возлѣ плетня, черезъ который густой массой нависли вѣтви шелковицъ, липъ и клена, затемняя собою совершенно этотъ уголокъ двора. Лошадей выпрягли. Domine увелъ съ собою Павлушу, а Лука Ивановичъ, вопреки просьбамъ учителя, остался въ экипажѣ и подъ прикрытіемъ кожанаго фартука отправлялъ трапезу съ приличнымъ запиваніемъ и закусками. Послѣ кушанья, показавшагося ему подъ фартукомъ очень вкуснымъ, Лука Ивановичъ хотѣлъ было заснуть, но

зашедшее солнце ему покровительствовало и заставило рѣшиться вылѣзть изъ брички. Лука Ивановичъ, вышедши изъ экипажа, робко осмотрѣлся вокругъ себя; увидѣвъ, что на дворѣ никого нѣтъ, онъ приказалъ Савкѣ разложить огонь подъ нависшими вѣтвями и возлѣ огня разостлать коверъ. Лакей исполнилъ барскій приказъ, а дядюшка прилегъ на бокъ и, опершись на правую руку, призадумался не на шутку. Савка мигомъ разложилъ веселенькій огонекъ, и Павлуша, присѣвъ на корточки, ужь пекъ картофель въ горячей золѣ, даже пробовалъ вкусенъ ли онъ, но дядюшка продолжалъ все думать и не говорилъ ни слова.

— Какъ я явлюсь къ ректору? шепталъ Лука Ивановичъ, нахмуривъ брови,—вѣдь ректоръ тотъ самый протоіерей, который былъ при моемъ нахожденіи въ инфимѣ и граматикѣ. Если спроситъ онъ меня: зачѣмъ я пріѣхалъ? Скажу: такъ и такъ, привезъ племянника въ низшія отдѣленія семинаріи опредѣлить. Хорошо. Ну если взбредетъ ему на умъ спросить, почему я своего сына не привезъ? Ты, скажетъ, женатъ уже лѣтъ около девяти, а возишься съ племянникомъ, не подумая о своихъ дѣтяхъ? Что я ему отвѣчать буду? Своего сына, скажу, у меня нѣтъ. Хорошо. А если спроситъ: почему нѣтъ? Ты, вѣрно, до сихъ поръ живешь въ праздности и не остепенилъ себя женой? Женатъ, я скажу. Но почему нѣтъ у тебя дѣтей.... вотъ это-то одно обстоятельство хуже

всѣхъ другихъ тревожитъ меня. Не пойду къ ректору, хотя пусть меня тянутъ силой. Привставши съ ковра отъ мрачныхъ мыслей, наполнявшихъ его озабоченную голову, дядюшка зашатался и для успокоенія себя полѣзъ опять въ бричку.

Савка повѣсилъ на треножникѣ надъ огнемъ мѣдный чайникъ, который скоро закипѣлъ; тутъ же приставилъ расторопный лакей широкую и глубокую мѣдную сковороду, наполненную кусками жареныхъ утокъ. Запахъ жаренаго мяса долеталъ до дядюшки, который подъ прикрытіемъ темноты вторично вылѣзъ изъ брички.

— Не соблаговолите ли вы, Лука Ивановичъ, войдти въ мою убогую хижину? сказалъ ласково domine, помогая дядюшкѣ стать на землю.

— Нѣтъ, любезнѣйшій domine, отвѣчалъ Лука Ивановичъ, — природное и натуральное жилище я предпочитаю искусственному. Когда сдѣлается холоднѣе, тогда только отправлюсь въ вашу комнату.

— Очень хорошо, сказалъ domine, садясь на коврѣ противъ дядюшки.

Савка принялся наливать чай.

— Не хватимъ ли мы, domine, по пуншу? спросилъ у Солопіевскаго Лука Ивановичъ: — на дворѣ что-то дѣлается холодновато.

— Отчего же,—хватимъ.

— Наливай, Савка, намъ прямо съ персиковки.

Лакей подалъ господамъ два стакана, изъ которыхъ разносился пріятный ароматъ на весь дворъ.

Павлуша давно уже пилъ чай съ сдобными кренделями.

Сидя спиной къ плетню, дядюшка не могъ видѣть любопытныхъ инфимистовъ и граматиковъ, которые десятками смотрѣли черезъ плетень и въ жадномъ молчаніи глотали слюнки, видя крендели и шкварчащее жаркое.

Иванъ Докса, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ проказниковъ по части ночныхъ похожденій, силачъ, съ огромнымъ носомъ и ртомъ до ушей, показывавшимъ врожденное сластолюбіе, ходилъ уже давно вокругъ брички; но не осмѣливался подойдти и довольствовался, пожирая глазами провизію и шевеля ноздрями, чтобы хоть нанюхаться пуншу и жаркого, снятаго уже съ сковородки. Его, бѣднаго, никто не видѣлъ, пока онъ не подошелъ и не оперся о колесо экипажа, откашлянулся и вздохнулъ.

Дядюшка было потревожился, увидя здороваго незнакомца, но domine увѣрилъ Луку Ивановича, что Вуковскій (Доксой по любви къ нему всѣхъ именуемый) есть одинъ изъ достойнѣйшихъ семинаристовъ, только по одному обстоятельству не хорошъ: любитъ больше всего женскій полъ и за это преслѣдуемъ строгимъ начальствомъ.

Дядюшка подумалъ, что и онъ не совсѣмъ презираетъ женщинъ и готовъ простить эту слабость

другому, шепнулъ Солопіевскому, чтобы тотъ пригласилъ робкаго Доксу выпить пунша.

— Пожалуйте сюда, Иванъ Докса! сказалъ громко Солопіевскій,—вотъ Лука Ивановичъ желаютъ угостить васъ пуншемъ.

Проворный Докса не заставилъ себя упрашивать и, приблизившись, молча сѣлъ орликомъ возлѣ ковра. Савка подалъ ему горячій пуншъ, и нужно было видѣть съ какой любовью Иванъ Докса держалъ дорогой напитокъ въ своихъ ручищахъ. Онъ нюхалъ его, прихлебывалъ и ласкалъ стаканъ руками, славно, схватилъ свою душу, которая, оставя тѣло, вылетѣла на свѣтъ Божій и осталась на часокъ въ рукахъ своего хозяина прогуляться.

Синтактикъ, возвращавшійся прямой дорогой изъ бурсы, перелѣзъ черезъ плетень и, проходя мимо пившихъ пуншъ, улыбнулся, и поспѣшилъ сообщить это извѣстіе двумъ молоденькимъ риторамъ, которые, не повѣривъ, что пріѣзжій помѣщикъ угощаетъ Ивана Доксу, побѣжали сами удостовѣриться въ справедливости слышаннаго и, поглядѣвъ издали только сдвинули плечами.

Желая поговорить объ этомъ и вывесть заключеніе, какія могутъ произойдти слѣдствія отъ того, что Докса пьетъ пуншъ, сообщили двуъ высокимъ философамъ; философы, молча выслушали и передали это тремъ здоровымъ, какъ чумацкіе волы, богословамъ. Богословы допивавшіе въ тихомолку штофъ водки, прогнали философовъ и,

осушивъ сосудъ, сообщили двумъ ставленникамъ, которые, оставя семинарію, уже два года были женаты и поэтому понимали свѣтскіе обычаи. Ставленники отправились прямо къ Лукѣ Ивановичу, поздравляли его съ пріѣздомъ, распросили зачѣмъ и на долго ли онъ пріѣхалъ; объявили, что сами изъ Рѣшетиловки и помнятъ стараго сотника Довбню. Этого было довольно, чтобы Лука Ивановичъ пригласилъ новоприбывшихъ сѣсть и пить пуншъ.

Прибывшіе усѣлись и скоро взяли въ руки по другому стакану, какъ волчею поступью подошли богословы и молча сѣли возлѣ нихъ; за богословами пришли, широко ступая, философы и сѣли возлѣ богослововъ; за философами подбѣжали, подпрыгивая, молоденькіе риторы и сѣли уже гораздо дальше философовъ.

На лицо было все высшее отдѣленіе семинаріи въ образчикахъ и даже два представителя семинарскаго ученія, окончившихъ воспитаніе. Третій разъ доливался чайникъ, но не всѣ еще напились вдоволь. Дядюшка радушно просилъ прибывшихъ пить пуншъ, водку, ратафіи, наливки и кушать провизію, наваленную на коверъ въ трехъ мѣстахъ.

Гости и дядюшка находились въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Стаканы переходили изъ рукъ въ руки и нецеремонные студенты угощали другъ друга, желая дядюшкѣ всѣхъ благъ и дол-

гой жизни. Низшія отдѣленія семинаріи отрывками толпой подвигались и тихо заходили со всѣхъ сторонъ, боясь приблизиться и быть прогнанными философами, грозой низшихъ отдѣленій.

Попойка подходила уже къ концу и дядюшка языкомъ, сдѣланнымъ словно изъ сукна, выразился, что нужно бы еще заключить угощеніе пуншемъ, но воды въ чайникѣ не было.

— Догадливъ есмь, проворчалъ молодой эпитемикъ,—и знаю, что предпринять! съ этими словами онъ исчезъ изъ толпы сидѣвшихъ возлѣ ковра семинаристовъ. Тогда только замѣтилъ дядюшка это интересное, съ жиденькой рыжеватой бородкой лицо.

— Кто есть сей? спросилъ Лука Ивановичъ, указывая пальцемъ на убѣжавшаго эпитемика.

— Сей есть Коноплянка.... сказалъ одинъ изъ ставленниковъ.

— Дѣла его темны суть, подхватилъ другой;—но единъ Богъ безъ грѣха, окончилъ онъ скромно.

— Не осуждай, да не осужденъ будеши.... сказалъ первый.

— И да не осудятъ тя.... окончилъ второй.

Эпитимистъ притащилъ огромный кипящій самоваръ, выпрошенный имъ для Луки Ивановича на время у хозяина двора, поставилъ его на мѣсто чайника и, поклонясь Лукѣ Ивановичу, присѣлъ поближе, потирая отъ удовольствія руки.

— Bene! воскликнулъ дядюшка и просилъ Солопіевскаго угощать всѣхъ. Савка вытащилъ изъ брички послѣдній запасъ—ведерный боченокъ спирту и всю остальную закуску, какая еще укрывалась въ желтыхъ точеныхъ ящикахъ.

Попойка скоро перешла въ самую задушевную, откровенную. Семинаристы гудѣли, разсказывали анекдоты и такія продѣлки, которыя ими были тутъ же выдуманы. Дядюшка прилегъ и заснулъ. Семинаристы, съ ковромъ, потащили Луку Ивановича въ комнату Солопіевскаго. Провизія осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ коверъ, коверъ осажденъ былъ низшими отдѣленіями семинаріи. Провизія видимо исчезала.

Толстый граматикъ лазилъ по головамъ инфимистовъ выбиралъ лучшіе куски и кричалъ:—съ терпѣніемъ всего человѣкъ достигнетъ! Малеча прочь! ревѣлъ онъ, напихивая карманы пирожками, коржиками и кренделями. Когда на коврѣ потѣшались низшія отдѣленія, дядюшку унесли въ комнату, положили его на сосновой кровати, которая стояла возлѣ кирпичной, почернѣвшей отъ дыму, еще въ прошломъ году, печи. Комнатка была низка и съ глинянымъ поломъ. Въ ней пахло брагой, соленой рыбой и виргинскимъ табакомъ. На потолкѣ сидѣли кучи мухъ, свѣтъ встревожилъ ихъ, и онѣ расползлись и жалобно зажужжали. Книги и тетрадки въ этой комнатѣ валялись на столѣ, кроватяхъ и скамейкахъ. Двѣ кро-

вати другихъ студентовъ были въ безпорядкѣ; на нихъ подушки имѣли цвѣтъ димарнаго заткала. Носильное платье и орѣховая скорлупа лежали кучами на постеляхъ. Подъ кроватями было еще гаже, нежели на кроватяхъ. Тамъ лежали остатки истасканной обуви, сапоги безъ подошвъ, подошвы безъ голенищъ, грязное бѣлье, связки тетрадей, покрытые густой пылью, куриныя перья и кучи сору. Подъ узкимъ ложемъ Луки Ивановича не было ни тетрадей, ни сапоговъ, а въ лукошкѣ ворковали голуби да выглядывали стоптанныя валенки; эта-то кровать съ набойчатымъ одѣяломъ приняла дядюшку въ свои объятія. Студенты не разбудили Луки Ивановича и бережно положили на кровать. Докса, будучи въ душѣ благодаренъ дядюшкѣ за его ласковый пріемъ, предложилъ семинаристамъ пропѣть Лукѣ Ивановичу троекратное многолѣтіе, что и было исполнено съ удовольствіемъ. Семинарія поетъ охотно, пѣнію и предпочитаетъ одно только бражничанье.

Громкое до хрипоты crescendo не разбудило дядюшку; онъ лежалъ не шевелясь и только по временамъ измѣнялъ сопѣніе, которое вѣроятно безъ его желанія дѣлалось то громче, то тише. Солопіевскій съ своими товарищами, уступившими комнату дядюшкѣ, отправился спать въ бурсу, которая была отъ его квартиры очень близка и часто на ночь имѣла вакантныя кровати, потому что хозяева ихъ отлучились по разнымъ секретнымъ

дѣламъ ночью и должны были вмѣсто себя укладывать подъ казенное одѣяло другихъ на случай визитаціи, производившейся изрѣдка отцомъ архимандритомъ купно съ г. инспекторомъ высшихъ отдѣленій семинаріи. Цѣль этихъ ночныхъ удостовѣреній состояла въ дознаніи на дѣлѣ: такъ ли благонравны казенные воспитанники ночью, какъ они кажутся днемъ?

Луку Ивановича оставили одного покоиться въ комнатѣ. Павлуша же давно уже спалъ въ квартирѣ, отдѣленной отъ комнаты Луки Ивановича одними узенькими сѣнцами. До разсвѣта царствовала гробовая тишина на дворѣ и квартирахъ, занимаемыхъ семинаристами всѣхъ классовъ и возрастовъ. Съ восходомъ солнца дворъ обратился въ настоящій ярмарокъ. Малеча, разбуженная инспекторами, выползла изъ своихъ конурокъ съ книгами и тетрадями. Эта же самая малеча, расползлась по всему двору и скоро унизала крыши низенькихъ домиковъ, и къ нимъ прислоненныя лѣстницы. Эта же самая малеча взобралась на чердаки сараевъ, на стоги сѣна, стоявшаго въ левадѣ, на верхушки высокихъ деревъ и, глядя въ книги, лепетала на всѣ возможные дѣтскому горлу голоса. Ѳарристъ, очень похожій на рыжаго мышенка, бойко читалъ псалтирь, сидя на верхнемъ щаблѣ драбины, брошенной на кучу изломанныхъ телѣгъ и колесъ. Два инфимиста заглушали его козлиными голосами и трещали, какъ трещетки,

которыми выгоняютъ изъ садовъ скворцовъ. Изъ слуховаго окна деревянной кладовой вылѣзъ до половины наружу худощавый граматикъ и твердилъ болѣзненнымъ голосомъ: aquilo, evrus, avra, aquilo, evrus, avra; послѣднiй есть рода женскаго. Изъ окна фундамента, той же самой кладовой, широкоплечiй и приземистый синтактикъ басомъ твердилъ: бонъ, бонъ, бонъ, Ли-са-бонъ, городъ португальскiй; Ли-са-бонъ, бонъ, бонъ, бонъ, городъ португальскiй Лиса-бонъ. Взобравшись на высокую кучу навоза, граматикъ, лежа на животѣ, училъ церковный уставъ и давно вертѣлся: на стихири воскресны, гласъ 5-й и нынѣ богородиченъ. Трудно было понять то, что онъ училъ. Повторялъ онъ всего чаще, закрывъ буряковаго цвѣта тетрадь: На Господи воззвахъ, по Отче нашъ сливались въ что-то неудобно перевариваемое даже такою памятью, какою обладалъ покойникъ Мецофанти. Другой граматикъ сидѣлъ подъ старыми воловыми санями и пѣлъ по обиходу: Всемiрную славу, къ видимой досадѣ учившаго церковный уставъ. Среди разносившагося крику, превосходящаго майскiй крикъ лягушекъ въ тинистомъ болотѣ, появились риторы причесанные, съ примазанными свѣчнымъ саломъ висками и умытые.

— Молчать, поросята! завизжалъ высокiй и сутоловатый риторъ, вынимая изъ кармана замасленную тетрадь поэзiи. Ступайте въ классы! продолжалъ онъ, взглянувъ на инфимистовъ.

Кричавшіе умолкли, зашевелились и кучками потянулись въ семинарію. Сутуловатый риторъ шопотомъ читалъ свою тетрадь и, прочитавши раза два, заложилъ ее за спину, поднялъ глаза къ небу и въ полголоса, съ маленькими припоминаніями и остановками, повторилъ весь урокъ. Возрадовавшись знанію лекціи, риторъ подпрыгнулъ и закричалъ: Порфирію Андреевичу будетъ дуля! Послѣ этихъ словъ, тотъ который приготовлялъ Порфирію Андреевичу шишъ, бросился въ свою комнату и, надѣвши желтоватый сюртукъ, съ четырьмя другими риторами отправился въ семинарію. Угрюмые философы чуть слышно прочитывали лекціи изъ логики и, сохраняя серьезный, приличный наукѣ видъ, увязала свои книги въ бумажные платки и поплелись вслѣдъ за риторами; богословы, похожіе на чумацкихъ воловъ, занимались порознь въ своихъ комнатахъ; одинъ водилъ глазами по страницамъ разложенной предъ нимъ книги и боялся сдвинуться съ мѣста; другой выписывалъ еврейскими литерами какой-то текстъ изъ тетрадки себѣ на лѣвую ладонь и дулъ на нее, чтобы скорѣе просохла.

— Не собьюсь теперь! произнесъ онъ, написано четко. Иванъ Федоровичъ, закричалъ хитрый богословъ изъ своего окна товарищу, тоже богослову, который вышелъ на крыльцо,—пора уже и намъ на лекцію; малеча вся отправилась.

— Для чего? пойдемъ и мы, отвѣчалъ тотъ. Чрезъ

нѣсколько минутъ богословы, надѣвъ широчайшія шинели, вышли со двора молча, важно шествуя широкими шагами.

Дворъ опустѣлъ совершенно; Омелько одинъ возился возлѣ лошадей, приведенныхъ имъ съ водопоя. Савка спалъ превосходно въ бричкѣ, опорожненной до того, что она стала похожа на пустой курятникъ. Изъ провизіи ничего не осталось; пустыя торбинки лежали въ углу брички, а боченки и бутылки валялись подъ бричкой возлѣ упряжи, прикрытой попонами. Проснулся и дядюшка; онъ не въ состояніи былъ сообразить гдѣ находится. Дядюшкѣ представилось, что онъ дома, и Лука Ивановичъ собирался звать человѣка.

— Рудый! а Рудый, шепталъ дядюшка, ворочаясь въ глубокой постелѣ и, примѣтя, что онъ не дома, началъ безпокоиться и метаться на расшатаной и скрипучей кровати.

— Что за чертъ? Гдѣ я? Ни Уліаны Осипов... ни Рудаго... Да! воскликнулъ вдругъ, обрадовавшись, дядюшка, я во градѣ Переяславлѣ; припомнилъ! Да чертъ его знаетъ, продолжалъ Лука Ивановичъ, куда меня это запрятали? Савка! а Савка? Да отвѣчай же ты мнѣ, человѣче! Господь съ тобою! Неужели и сегодня ты пьянствуешь? Тутъ дядюшка всталъ съ постели и, пробираясь вдоль стѣнъ, старался найдти дверь. Проискавъ дверей нѣсколько минутъ и обходя печь довольно долго, Лука Ивановичъ успѣлъ наконецъ поймать за щеколду

и закричалъ, громко стуча: отворите! пропаду! ей-ей пропаду: кто тамъ? Я въ погребѣ, за что не возьмусь, такъ и кажется, что въ погребѣ.

Двери отворились и эпитемистъ предсталъ предъ сердитымъ дядюшкой.

— Есмь готовъ служить вамъ, сказалъ эпитемистъ, скромно и тихо поклонившись.

— Вотъ за что благодарю васъ, произнесъ спокойно дядюшка,—только ради Создателя, отыщите вы мнѣ моего лакея.

— Я ихъ разбужу, проговорилъ услужливый эпитемистъ и побѣжалъ къ бричкѣ, растолкалъ Савку, бросившагося на громкій зовъ своего господина.

— Еще не выспался? Давай скорѣй халатъ, да выведи меня на рундукъ; еслибъ не этотъ благородный человѣкъ, я черезъ часъ вѣрно задохнулся бы.

Дядюшка одѣвался, морщился, чмыхалъ носомъ и плевалъ.

Савка съ помощію эпитемиста вывелъ дядюшку на рундукъ и посадилъ на крашеномъ стулѣ. Свѣжій воздухъ возымѣлъ надъ Лукой Ивановичемъ спасительное дѣйствіе. Онъ протеръ руками свои глаза, надѣлъ рогатую шапку и началъ разсматривать дворъ съ его домашними и мастерской, въ которой человѣкъ десять тачали сапоги. Хозяинъ двора былъ очень богатый кожевникъ.

— Гдѣ reverenderissime domine Солопіевскій?

Гдѣ племянникъ мой Павлуша? Не ушелъ ли онъ съ нимъ?

— Племянникъ вашъ уже давно гуляютъ въ саду и забавляются пуганьемъ птицъ небесныхъ, а domine ушелъ въ семинарію, отвѣчалъ эпитемистъ.

— А вы кто такой? спросилъ отвѣчавшаго дядюшка и пристально на него взглянулъ.

— Есмь ничтожная Коноплянка; духовнаго званія членъ. Около года проживаю въ городѣ Переяславлѣ, какъ вамъ сказать? За грѣхи вольные и невольные, яже содѣяхъ лютѣ, нахожусь на эпитиміи.

— Хм.... сказалъ Лука Ивановичъ и осмотрѣлъ Коноплянку съ ногъ до головы.

— Есмь бѣденъ и въ силу этого судьбой гонимъ.... начальствомъ тѣснимъ; проворчалъ Коноплянка и слезы показались на его глазахъ.

— Бѣдность не порокъ, проворчалъ дядюшка и, порывшись въ своемъ бумажникѣ, вынулъ синюю ассигнацію, которую въ сжатомъ кулакѣ подалъ эпитемисту.

— Десница моя давно не ощущала такого прикосновенія,—произнесъ съ восторгомъ Коноплянка и, какъ вихрь, опираясь па палку, вышмыгнулъ изъ калитки.

Дядюшка располагалъ уже скучать, какъ изъ растворенныхъ дверей кладовой вышелъ человѣкъ въ ваточномъ халатѣ и красныхъ подтяжкахъ. Постоявъ съ секунду на порогѣ, онъ зѣвнулъ и по-

тягнулся. Увидѣвъ сидящаго на рундукѣ дядюшку, незнакомецъ смѣло подошелъ къ Лукѣ Ивановичу.

— А вы, спросилъ дядюшка,—кто?

— Имѣлъ честь еще вчера сообщить вамъ, что есмь студентъ Арфаксадскій, готовящійся въ медицину, со втораго курса философскихъ наукъ, уже около семи лѣтъ.

— Bene! такъ вы вчера.... со мною....

— Точно; я имѣлъ удовольствіе воспользоваться радушіемъ; даже заспалъ по этому случаю. Вчера, признаться вамъ, гулялъ на сватаньи у Солодничихи и все время въ пляскѣ провелъ.

— Скажите, пожалуйста, domine Арфаксадскій! легко ли мнѣ будетъ помѣстить племянника въ граматику безъ экзамена?

— Для богатаго все возможно. Но племянникъ вашъ, я думаю, хорошо приготовленъ?

— Плоховато. Не лучше ли начать съ ѳарры?

— Для прочнаго зданія нуженъ фундаментъ. Начинайте снизу. Я началъ свысока съ граматики, да вотъ и въ семь лѣтъ не могу достаточно приготовиться въ медицину.

— Правда. Я тоже началъ съ ѳарры и кое чего достигъ.... тутъ Лука Ивановичъ откашлялся и гордо взглянулъ на Арфаксадскаго, который, готовясь въ медицину, болѣе всего хотѣлъ щегольнуть красными подтяжками.

— Къ ректору низшихъ отдѣленій нужно мнѣ

будетъ явиться? спросилъ, невольно робѣя, дядюшка.

— Необходимо. Sine qua non..... Я семь лѣтъ не вижу начальниковъ.

— Худо. А кто ректоромъ?

— Тотъ самый, который давно былъ.

— Онъ на меня золъ, сказалъ дядюшка.

— За что?

— За то, что я, бывши инфимистомъ, принесъ въ классъ, въ заднемъ карманѣ моего сюртука, трехъ воробьевъ; берегъ ихъ къ окончанію класса; но каналья Козодравскій, сынъ покровскаго пономаря, перочиннымъ ножичкомъ прорѣзалъ мой карманъ; воробьи пурххх.... вылетѣли изъ-подъ скамьи, а учителя какъ нарочно звали всѣ Горобцомъ....

— Какая исторія! ворчалъ, покачивая головою Арфаксадскій.

— Можете представить: учитель закричалъ, что онъ оскорбленъ вѣчно и потомственно! и я вслѣдствіе жалобы, по приказанію ректора, сколько ни хлопотало высшее начальство, былъ изрядно высѣченъ.

— Ай! ой! ой! жалко. Ректоръ, вѣрно, помнитъ это; но съ хорошимъ гостинцемъ можно вамъ къ нему явиться: manus manum lavit.

— Все какъ-то совѣстно....

— Хорошій гостинецъ обратитъ всѣ ваши начинанія къ должному успѣху. До свиданія, достостопочтеннѣйшій Лука Ивановичъ! я иду къ то-

варищу моему Оксамитову, мы съ нимъ вмѣстѣ приготовляемся въ медицину. Оксамитовъ уже 15 лѣтъ приготовляется, и я его въ семь лѣтъ обогналъ.

— Да поможетъ вамъ Богъ, сказалъ дядюшка и велѣлъ звать Павлушу.

МЕМУАРЫ
О
ДЯДЮШКАХЪ
И
ТЕТУШКАХЪ.

—⸙—

А. Е. Ващенко-Захарченко.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.

Контрагентство по торговлѣ произведеніями
печати на станц. ж. д.

Qu'on vante avec transport les vertus de sa nation, mais qu'on ne soit pas aveugle sur ses vices. **M. Helvetius.**

Kannst du nicht Allen gefallen durch deine That und dein Kunstwerk,
Mach es Einigen recht; Vielen gefallen ist schlimm. **Schiller.**

Tout âme qui lira ce livre en deviendra meilleure, et pourra dire: J'ai senti entrer en moi une vertu. **Eugène Pallaton.**

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 16 дня, 1860 года.

Ценсоръ *А. Драшусовъ.*

ГЛАВА VII.

—

Лука Ивановичъ, посидѣвъ на свѣжемъ воздухѣ, могъ зрѣло обсудить, что къ ректору ему необходимо явиться. Отправившись въ бричку съ помощію Савки, дядюшка довольно скоро одѣлся и вылѣзъ оттуда, принарядившись. Пріѣзжаго господина никто не узналъ бы: такъ его измѣнилъ костюмъ, что повстрѣчавшійся въ веселомъ расположеніи духа Коноплянка, выронилъ свой посохъ, разинулъ ротъ и снялъ шляпу.

Уступя всю ширину дороги Лукѣ Ивановичу, самъ эпитемистъ посторонился, покуда дядюшка важно отправился въ комнату Солопіевскаго.

Эпитемистъ шопотомъ спросилъ у Омельки, кто пошелъ въ комнату Солопіевскаго и Омелько ему отвѣтилъ, что это панъ нашъ! Коноплянка раскрылъ пасть свою отъ удивленія и быстро послѣдовалъ въ слѣдъ за дядюшкой.

— Не подобаетъ мужу, началъ онъ, войдя въ

комнату и ставъ возлѣ порога,—такое поколѣніе имѣющему, одѣтому по первой модѣ, обитать въ такой грязной комнатѣ, какъ сія; поэтому, продолжалъ раболѣпно тотъ же самый Коноплянка, —я вошелъ въ сношеніе съ хозяиномъ всего сего двора и онъ съ радостію удѣляетъ изъ своего жилища одинъ лучшій покой, въ каковой, буде вамъ угодно, можете сей же часъ перебраться.

— Bene! сказалъ дядюшка и велѣлъ туда несть чайникъ красной мѣди, чемоданъ, пустые ящики и погребецъ, обитый тюленьею кожей. Чайникъ закипѣлъ на хозяйскомъ очагѣ въ просторныхъ сѣняхъ; дядюшка, ожидая чаю, скучалъ. Въ двѣнадцать часовъ явился domine и привелъ съ собою бѣгавшаго въ саду Павлушу.

Domine не сводилъ глазъ съ Луки Ивановича, на которомъ, какъ на гвоздѣ, висѣлъ камзолъ темнозеленаго цвѣта съ перламутовыми пуговками; казимировый жилетъ закрывалъ половину брюха, а бархатные въ полоскахъ гороховые штаны были такъ узки, что Лука Ивановичъ съ большимъ трудомъ ходилъ. Сѣсть ему въ такихъ панталонахъ было невозможно.

— Ну и одѣты вы, сказалъ дядюшкѣ Солопіевскій,—какъ подобаетъ одѣтымъ быть извѣстному помѣщику и дворянину.

— Смѣялись въ семинаріи, промолвилъ Коноплянка, принимаясь послѣ дядюшки за стаканъ чаю, —что ваши сподніи, Семенъ Виссаріоновичъ, суть

очень узки; вотъ пусть у кого посмотрятъ? Приклеены, пришиты къ тѣлу!

— Знаютъ ли мои товарищи толкъ въ одѣяніи? возразилъ громко domine, допивая стаканъ пуншу,—я могу судить объ этомъ, поелику живалъ въ генеральскомъ домѣ.

— Одѣяніе сіе, началъ важно Лука Ивановичъ, —было приготовлено для меня покойникомъ батюшкой и дано надѣть первый разъ въ тотъ день, когда я вмѣстѣ съ батюшкой привезъ Уліяну Осиповну изъ Голтвы въ Раковую-Балку. Ночь брачнаго торжества была ужасомъ преисполнена, но послѣ я примирился со страхомъ; теперь же, при одной мысли увидѣться съ ректоромъ, прихожу въ гораздо большую робость, хотя онъ и не женщина. Что если ему пріидетъ на мысль....

— Когда такъ, прервалъ дядю domine,—то отправьте къ ректору прежде вашего человѣка съ осетромъ, пусть онъ представитъ его отъ вашего имени. Голова сахару тоже не будетъ лишнею при осетрѣ; послѣ такихъ подарковъ, смѣю васъ увѣрить, что ректоръ, не смотря на свою суровость, смягчится и приметъ васъ, охотно обѣщая исполнить вашу просьбу объ опредѣленіи Павлуши.

— Bene, вскричалъ дядюшка, потирая руки отъ удовольствія.—Ступай ты, Савка! промолвилъ Лука Ивановичъ, доставая изъ бумажника три красныхъ; —купи въ лавкахъ осетра и отнеси его ректору

— Смотри, чтобы былъ свѣжепросольный, замѣтилъ Солопіевскій.

— Скажи ты ему, что помѣщикъ Довбня Бродницкій... дядюшка замялся, не зная что сказать дальше.

— Приказалъ свидѣтельствовать, мовъ, вамъ свое нижайшее....

— Не нужно нижайшее, замѣтилъ дядюшка и надулся.

— Ну искреннѣйшее почтеніе, окончилъ domine.

— И велѣлъ, скажи, кланятся.

— И что будетъ, мовъ, къ вамъ въ два часа; нѣтъ въ два часа не ловко.

— Отчего не ловко? спросилъ дядя.

— Они спятъ отъ 2-хъ до 5 часовъ.

— Ну въ пять часовъ, скажи, будетъ. Анъ, все-таки страшно, пусть онъ лучше не говоритъ, что я буду. Можетъ еще и такъ обойдусь.

— Гдѣ покупать того осетра? началъ робко Савка,—куда его несть? кому отдать и что сказать? Ей-Богу боюсь, щобъ не перебрехать всего того, что вы мнѣ сказать приказали.

— Ну, взялъ же я съ собой эдакого дурня! ворчалъ дядюшка. Что ты станешь дѣлать? Вотъ когда вижу, что безъ Уліяны Осиповны я никуда не гожусь.

— Позвольте мнѣ руководить вашимъ личардой и

указать ему, какъ въ подобномъ случаѣ дѣйствовать подобаетъ, отозвался Коноплянка.

— Для чего нѣтъ? Покорно васъ прошу, отвѣтилъ дядюшка,—побывайте у ректора и сообразите, можно ли мнѣ къ нему явиться? До вашего возвращенія не стану переодѣваться, нѣтъ, мнѣ довольно тяжело быть такъ сжатымъ.

— Смотрите же, Коноплянка, не перемошен....

— Ей же ей исполню все! Эпитимистъ схватилъ лакея за сѣрую куртку и повлекъ его съ собой. Коноплянка съ взоромъ, въ которомъ свѣтилъ лучъ пріятной надежды, бѣжалъ впереди Савки; жиденькая его бородка развивалась и онъ ускорялъ шаги, оглядываясь на Савку, который не могъ догнать быстраго Коноплянку.

Прошло немного времени, и Савка съ головой сахару робко стоялъ въ пріемной комнатѣ ректора. Колоплянка же повѣсилъ себѣ осетра на шею и, прикрывъ его полами широкаго платья, ходилъ, стуча грязными сапогами по комнатѣ; откашливаясь, онъ расправлялъ свою жиденькую, рыжую, китайскую бороду, приглаживалъ скомковшіеся и давно не видѣвшіеся съ гребнемъ волосы, все для того, чтобы приличнѣе показаться ректору. Не смотря на то, что Коноплянка стучалъ и кашлялъ, никто не показывался; наконецъ въ другой комнатѣ послышались тихіе шаги, раздалось продолжительное гмммммм....

Коноплянка противъ своего желанія вздрогнулъ

отпрыгнулъ назадъ и сталъ наровнѣ съ лакеемъ, державшимъ голову сахару.

Въ ваточномъ, синяго цвѣта подрясникѣ, искусно выстеганномъ, показался почтенный старикъ, съ окладистою бородою и лицомъ умнымъ и солиднымъ. Это былъ ректоръ низшихъ училищъ семинаріи; человѣкъ, уважаемый не только всѣми, но даже и его преосвященствомъ.

Не успѣлъ остановиться ректоръ, какъ Коноплянка подбѣжалъ къ нему и предсталъ молча, раскинувши полы своего платья.

— Кланяюсь униженно вашему высокопревелебію и приношу сіе водяное произрастеніе въ даръ.

— Изрядная рыбка! сказалъ улыбаясь ректоръ, —ну что же вы еще скажете?

— Молю исходатайствовать мнѣ оставленіе согрѣшеній, яже содѣлахъ лютѣ... гдѣ слѣдуетъ.

— Послѣ сего? спросилъ ректоръ.

— Дозволить возвратиться вспять. Обѣщаюсь исправиться и жить съ сожительницей моею законной, какъ подобаетъ.

— Удовлетворительно, сказалъ ректоръ.—Марія! Марія! закричалъ онъ показавшейся женщинѣ, —возьми сію рыбу и отнеси къ прочимъ.

Женщина ловко отвязала съ шеи нагнувшагося эпитемика осетра и унесла его, переваливши черезъ свое плечо, въ кухню.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ ректоръ эпитемика.

— Кононлянка, ваше высокопревелебіе.

— Удовлетворительно. Подите съ миромъ, проворчалъ ректоръ, благословилъ Коноплянку и далъ ему поцѣловать свою руку.

Коноплянка почтительно поцѣловалъ благословившую его руку и, взявъ у Савки голову сахару, положилъ ее у ногъ ректора.

— Что это такое? спросилъ ректоръ, улыбнувшись пріятно.

— Есть еще просьба, но никакъ не смѣю.

— Ничто же сумняйся... выразился одобрительно ректоръ.

— Помѣщикъ Довбня Бродницкій присылаетъ вамъ, при почтеніи, сей сахаръ, какъ бы въ предувѣдомленіе, что осмѣлится къ вамъ явиться и просить о пріемѣ его племянника въ граматику; онъ просилъ также дозволенія, можно ли ему сегодня вамъ представиться?

— Удовлетворительно. Просите его пожаловать сегодня.

Поцѣловавъ еще разъ благословлявшую руку протоіерея, Коноплянка выбѣжалъ изъ комнаты и мотылькомъ порхалъ до самой квартиры дядюшки.

Лакей, задыхаясь, спѣшилъ за нимъ и боялся отстать, чтобы въ переулкахъ не сбиться съ дороги.

Передавъ ожиданіе ректора, Коноплянка присо-

вѣтовалъ дядюшкѣ не являться съ пустыми руками и спѣшить къ ожидающему его лицу.

Дядюшка поторопилъ Омелька запречь пару лошадей въ экипажъ и, сѣвши въ него, велѣлъ ѣхать и остановиться только возлѣ лавокъ. Изъ экипажа дядюшка вылѣзъ у самой лавки москательныхъ товаровъ. Купивъ все, что ему нужно было, дядюшка завернулъ въ погребъ, гдѣ нѣсколько человѣкъ, прохлаждавшихся виномъ, перепугались отъ его появленія и спрятались кто гдѣ могъ. Садясь въ экипажъ, Лука Ивановичь велѣлъ Савкѣ положить туда же два большихъ кулька, вынесенныхъ купеческими работниками изъ съѣстной лавки.

Дядюшка не замедлилъ явиться въ домъ ректора, съ Савкой, державшимъ два объемистые кулька.

Ректоръ ту же минуту вышелъ и учтиво спросилъ замявшагося дядюшку: вы господинъ Довбня Бродницкій?

— Я точно Довбня Бродницкій.

— Прошу васъ пожаловать сюда, и протоіерей ласково отворилъ передъ дядюшкой дверь въ комнату, гдѣ было свѣтло, чисто и просторно.

— Прошу садиться, сказалъ ректоръ, указывая Лукѣ Ивановичу кресло.

Дядюшка не могъ никакъ рѣшиться сѣсть и только учтиво поклонился.

— Не вы ли тотъ Бродницкій, который воспитывался въ семинаріи, квартируя у отца архиман-

дрита, не окончилъ высшаго курса заведенія и удалился съ отцомъ своимъ въ деревню Рак... Раковой-Балкой именуемую?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тихо дядюшка на силу скрывая свое замѣшательство,—тотъ былъ мой однофамилецъ.

Совравъ на первый разъ, дядюшка остался доволенъ и далъ себѣ слово обманывать при каждой возможности Уліану Осиповну, — въ особенности же, когда будетъ нужно.

— И того помню; онъ учился очень слабо; его баловалъ отецъ. Изъ уваженія къ отцу архимандриту, Довбню Бродницкаго держали въ семинаріи впрочемъ онъ былъ ужасный asinus!

— Даже stultus! проворчалъ дядюшка, думая: какъ онъ меня ловко отдѣлалъ, — а все же лучше, что я не признался—были бы вѣрно воробьи припомнены.

— Что же вамъ угодно? спросилъ ректоръ, поднявшись съ мѣста.

— Прошу принять моего племянника въ граматику безъ экзамена.

— Можно, можно, отвѣчалъ ректоръ, — онъ пріуготовленъ?

— Немного.

— Съ помощью Божьею достигнетъ, достигнетъ. Господь пошлетъ ему разумъ, если онъ имѣетъ оный отъ природы. По доброй волѣ разовьются

сами собой его малыя дѣтскія понятія. — Сколько лѣтъ вашему племяннику?

— Около десяти.

— Удовлетворительно. Пришлите его завтра въ сѣни, отдѣляющіе граматику отъ риторики, часовъ въ десять утра. — Я его заведу.

Видя, что Лука Ивановичъ молчитъ, ректоръ благословилъ его, но руки поцѣловать не далъ, а облобызался съ нимъ въ губы троекратно.

Отъ прикосновенья важнаго лица, дядюшка вылетѣлъ и насилу попалъ въ дверь. — Схвативъ чужую шинель, висѣвшую на стѣнкѣ, Лука Ивановичъ накинулъ ее навыворотъ и хотѣлъ такъ удрать домой, если бы лакей не остановилъ его, и, не снявши чужой, не надѣлъ его собственной, кофейной съ серебряными застежками.

Не слыша подъ собой земли отъ радости, дядюшка влетѣлъ къ Солопіевскому, засталъ его только что вставшимъ изъ-за скромнаго обѣда и закричалъ:

— Слава Богу! кончено; племянникъ мой принятъ, завтра нужно его весть въ сѣни, отдѣляющіе граматику отъ риторики, въ 10 часовъ утра.

— Какъ разъ на перемѣну, сказалъ domine.

Послѣ этого дядюшка пошелъ въ свою комнату. За нимъ послѣдовалъ и domine съ Павлушей.

— Савка! закричалъ дядюшка,—давай сюда ящики съ закусками.

— Они всѣ вчера были израсходованы симинаристами, коихъ вы пригласили кушать чай.

— Совершенно все съѣстное истреблено?

— Все.

— Такъ точно, какъ и въ мое время было; но питейное вѣрно осталось?

— И того нѣтъ.

— Въ мое время такъ не пили, какъ теперь: вѣрно люди еще умнѣе дѣлаются ,—они пьютъ горько.

— Конечно, сказалъ важно domine.

— Ну, нельзя ли спросить у хозяина хоть чего-нибудь мнѣ поѣсть?

— Можно, сказалъ domine и вышелъ.

— А ты Савка, сказалъ дядюшка, ступай въ тотъ погребъ, куда мы ходили; спроси тамъ штофъ французской водки. — Дядюшка подалъ лакею ассигнацію и не хотѣлъ ѣсть вкуснаго борщу изъ жареной говядины, пока не возвратился Савка.

Штофъ былъ откупоренъ и водка оказалась очень хорошею, что̀ и domine послѣ третьей рюмки подтвердилъ.

— Господи! Ну и хлопотъ перенесъ я, пока добился до опредѣленія племянника, проговорилъ дядюшка, запивая обѣдъ еще рюмочкой,—но наконецъ достигъ цѣли: племянникъ мой поступаетъ прямо въ граматику.

— Вамъ, сказалъ вкрадчиво domine,—необходимо

избрать инспектора, у котораго вы оставите Павлушу на кондиціи.

— Это главное... главное! Точно. — Не знаете ли domine, у кого бы? Солопіевскій наивно потиралъ рукой бороду, къ которой не касалось еще лезвіе бритвы.

— Не знаю, проговорилъ domine.

— Вотъ хлопоты! вскричалъ Лука Ивановичъ, выпивъ съ досады рюмку: — что предпринять? У васъ есть кондиція?

— У меня нынѣ нѣтъ; но прежде даже съ курса риторики имѣлъ я постоянно оную.

— Возьмите къ себѣ Павлушу! вскричалъ дядюшка, подойдя къ domine.

— Взять-то я возьму, но если, паче всякаго чаянія вы вздумаете, употребить надъ мной власть, дворянству дарованную и въ нѣкоихъ случаяхъ... какъ и произошло... при нѣкоемъ...

—Ага! припоминаю, вскричалъ весело дядюшка:— повѣрьте, что этого никогда не будетъ, ведите только себя скромно и благородно.

— Знаю, какъ себя весть, отвѣчалъ domine,—въ генеральскомъ домѣ жилъ, сама генеральша... бывъ яко лоза плодовита... domine чуть на задыхался отъ восторга; захвативъ такую богатую кондицію, онъ былъ самъ не свой.

— Квартиру я выберу лучшую, началъ domine, взявъ за руку Павлушу,—она будетъ стоить съ кухней и отопленіемъ 15 руб. асс. въ мѣсяцъ.

— Ну пусть и пятнадцать, повторилъ дядюшка, записавъ это число на стѣнкѣ уголькомъ.

— На харчи для насъ двоихъ 9 руб.

— Ну и 9 рублей.—Довольно кажется.

— Гусей въ мѣсяцъ пять, утокъ... ну хоть тоже пять.

— Ну хорошо, сказалъ дядюшка, замѣтивъ на стѣнкѣ.

— Индюковъ пять.

Дядюшка подумавъ, сообразивъ, выщитавъ на пальцахъ всѣ составы, вскричалъ... пять.

— Курей? — Ну положимъ пятнадцать.

— Положимъ пятнадцать куръ, достаточно для двоихъ при другой птицѣ, сказалъ дядюшка и проворчалъ: довольно.

— Еще кое-чего нужно, сказалъ domine дядюшкѣ.

— Чего же это?

— Кое-чего; то-есть въ мѣсяцъ масла полъпуда, сала пудъ; олеи ведро, меду пудъ, соли десять фунтовъ.

— Ну кажется довольно, ворчалъ дядюшка, исписавши половину стѣны.

— Еще не все! воскликнулъ domine.

— Что же вамъ нужно еще?

— Да теперь осталось по четверти хлѣба различнаго.

— Да какого именно?

— Какой-нибудь пшеничной муки четверть,

гречневой тоже четверть, ржаной четверть; крупъ разныхъ пополчетверти. Вотъ и все.

— Ну это гораздо больше, нежели въ мое время.

— Наука юношей питаетъ, сказалъ domine, — значитъ, что юноши въ свою очередь должны же быть благодарны и питать науку, какъ слѣдуетъ.

— Не спорю, сказалъ Лука Ивановичъ, нагибаясь писать пониже скамейки.

— Вотъ еще нужно: гороху, фасоли, маку и чечевичнаго растенія. Всего этого по четверику.

— Ну, пусть будетъ по вашему.

— Мнѣ жалованья по семи рублей въ мѣсяцъ иначе... я... какъ хотите... впрочемъ, сказалъ domine, опасаясь, чтобы дядюшка не раздумалъ,—я готовъ и по пяти руб., только дайте намъ кухарку и портомойку.

— Чертъ знаетъ, что выдумали, ворчалъ дядюшка: — кухарку и портомойку! Я, учась, не зналъ никакихъ кухарокъ!

— Кто же намъ будетъ варить обѣдать? Бѣлье стирать? Вѣдь Павлуша племянникъ богатаго господина; подумайте! Пришлите какую-нибудь.... старой намъ не нужно.... я готовъ принять и дѣвицу, если женщинъ у васъ нѣтъ.

— Ну такъ и быть, пришлю вамъ старуху, у меня ихъ до пропасти.

— Нѣтъ, Лука Ивановичъ; нельзя ли такъ, лѣтъ

среднихъ.... до тридцати лѣтъ, можно даже моложе...

— А, domine, это не по моей части; Ульяна Осиповна сама будетъ знать, кого вамъ прислать.

Дядюшка подумалъ: да онъ и въ самомъ дѣлѣ хочетъ меня разорить; не смотря на такую провизію, еще лишиться работницъ; подавай ему среднихъ лѣтъ женщину.... въ отношеніи этого въ мое время не такъ было!

— Еще прошу васъ и Кузьму прислать, прибавилъ domine.

— Эге! чего захотѣли! Кузьма назначенъ мною въ ковали.

— Есть ли то дворянинъ, у котораго нѣтъ слуги? Famulus долженъ быть у Павлуши, и я прошу Кузьму прислать. Даже въ домѣ генеральши Карпоушкиной....

— Ну, вотъ вамъ, domine, деньги, сказалъ дядюшка, подавая Солопіевскому пучокъ мелкихъ ассигнацій,—оставляю себѣ одну красную на дорогу, я ѣду сію же минуту. Омелько запрягать, Савка укладываться!

— Вы хотите сегодня ѣхать?

— Непремѣнно. Главное дѣло сдѣлалъ. Городъ для меня вреденъ.

Люди уложили вещи и запрягли лошадей; дядюшка, простясь съ domine, передалъ Павлушу на его руки, вмѣстѣ съ зеленымъ сундучкомъ, въ которомъ уложено было бѣлье и платье Павлуши.

— Прощай, Павлуша, говорилъ Лука Ивановичъ, крестя племянника и цѣлуя его въ голову. Слушайся domine, будешь человѣкъ,—не хуже меня.

Учитель съ учиникомъ проводили дядюшкину бричку до воротъ и молча смотрѣли на нея, пока она скрылась совершенно изъ виду, поворотя въ узенькую улицу.

Павлуша все стоялъ на одномъ мѣстѣ и неутѣшно заплакалъ, смотря въ ту сторону, куда уѣхалъ дядюшка.

— О! фе! фе! произнесъ domine, видя что Павлуша не унимается и что слезы текутъ ручьемъ изъ его глазъ: — не плачьте, Павлуша, скоро пришлютъ намъ провизію, станемъ кушать хорошенько, а тамъ приблизятся праздники Рождества Христова и мы поѣдемъ въ Раковую-Балку.

Слова ласковаго domine осушили крупныя слезы Павлуши и онъ пошелъ въ квартиру domine принять на свои руки вещи, оставленныя ему дядюшкой въ зеленомъ крашеномъ сундукѣ. Разсмотрѣвъ все, что было тамъ уложено, Павлуша невольно вглядѣлся въ окружавшіе его предметы и въ тотъ же самый вечеръ познакомился съ нѣсколькими изъ будущихъ его товарищей по 3 классу низшаго отдѣленій граматики. Знакомство съ мальчиками равныхъ лѣтъ не нравилось Павлушѣ. Юные воспитанники семинаріи съ бѣленькимъ мальчикомъ, ласковымъ и добрымъ отъ природы, обращались грубо, дерзко и дико. Смѣялись они надъ

его новенькимъ платьицемъ, показывали ему языки и грозили кулаками. Печальный вечеръ, по отъѣздѣ дядюшки, для Павлуши тянулся очень долго. Радъ былъ бѣдный мальчикъ, когда domine его усадилъ ужинать съ товарищами своими вокругъ глиняной миски, вооруживъ крошечную руку Павлуши, огрызенной крашеной ложкой, которая съ трудомъ помѣщалась между его дѣтскими зубами, и вертѣлась отъ легкости въ рукахъ. Павлуша, раздѣвшись, легъ на постель и тихо плакалъ, пока благодѣтельный сонъ не прогналъ его грусти и не послалъ ему крѣпкаго сна.

Передъ разсвѣтомъ грезилась ему обросшая волосами незнакомая личность; съ суровымъ взглядомъ схватила эта личность трепещущаго Павлушу, поднялась съ нимъ на воздухъ и бросила его на цѣлую гору изорванныхъ книгъ, покрытыхъ пылью и паутиной въ которой страшные пауки гнѣздились и перебѣгали съ одного конца на другой.

Дитя стонало и кидалось на новой для него постели подъ гнетомъ непріятныхъ впечатлѣній. На разсвѣтѣ сонъ измѣнился: Павлуша видѣлъ себя въ далекой Раковой-Балкѣ; въ своей диванной комнатѣ. Кувшины съ сметаной на тоненькихъ ножкахъ, покрытые липовыми кружками, подходили къ нему и кланялись низко; дыни засматривали въ окно; варенье лукаво косилось въ черной глу-

бинѣ шкапа и просило отвѣдать, каковъ въ немъ вкусъ.

Къ довершенію пріятностей сна, представился Кузьма; знаками манилъ онъ Павлушу въ темный садъ; увлекъ его насильно и показалъ ему высокое дерево, на которомъ качалось огромное гнѣздо.

Не переводя духу, съ сложенными руками, слѣдилъ Павлуша за въ биравшимся на дерево Кузьмой.

— Не влѣзетъ Кузьма! говорилъ милый Павлуша,—вотъ хрупнетъ сухой сучекъ и Кузьма слетитъ на землю; но Кузьма, схватясь одной рукой за молодую вѣтвь, другую запустилъ глубоко въ гнѣздо, упершись правой ногой о раздвоившуюся вѣтвь. Павлуша улыбнулся, притаилъ дыханіе и ожидалъ, чѣмъ кончатся труды Кузьмы, сопряженные съ опасностію.

Изъ гнѣзда вытащилъ Кузьма большую книгу; на книгѣ сидѣла старая ворона и держала въ клювѣ березовую розгу.

Послѣднее потрясло всѣ нервы Павлуши; онъ чуть не слетѣлъ съ кровати и мигомъ проснулся.

Было уже свѣтло; у дверей стоялъ сбитенщикъ въ замасленномъ полушубкѣ и подавалъ domine сбитень.

— Вставайте, Павлуша! проговорилъ учитель и нынѣ, вмѣсто чаю выпейте сбитню.

Одѣвшись и умывшись наскоро, Павлуша принялся за сбитень, который показался ему такъ вкусенъ, что на время изгладилъ непріятныя впе-

чатлѣнія, пролетѣвшіе надъ нимъ въ тревожномъ снѣ.

— Вы не голодны? спросилъ Павлушу внимательный domine.

— Нѣтъ.

— И такъ съ помощію Божію, надѣвайте шинельку и мы пойдемъ въ семинарію.

Безъ сознанія, что̀ его ожидаетъ, натянулъ Павлуша въ рукава хорошенькую шинельку и, надѣвъ картузъ, пошелъ съ domine вслѣдъ за отправившимися гораздо прежде учениками. Избѣгая грязныхъ улицъ, domine провелъ Павлушу чрезъ огороды, дворы жителей и вывелъ своего ученика прямо на знакомую уже ему прежде базарную площадь. Подошли они зъ задней стороны тѣхъ лавченокъ, въ которыхъ продавалось соль, сало, табакъ, мука и деготь. За этими лавками сложенъ былъ въ ярусы плитовый лѣсъ. Солопіевскій посадилъ Павлушу на сосновой колодкѣ, а самъ, какъ молнія, мелькнулъ между проходами старыхъ лавочекъ и скоро исчезъ изъ слѣдившихъ за нимъ глазъ робкаго Павлуши. Domine подошелъ къ ряду торговокъ и завелъ съ ними презанимательные для любителя разговоры. Отвѣдывалъ, у наиболѣе превѣтствовавшихъ его, кушанье, покачивалъ головою, моталъ руками и подходилъ къ другимъ. Попробывавъ изъ всѣхъ горшковъ, Солопіевскій возвращался въ сопровожденіи толстой, краснорожей торговки, одѣтой въ заячью шубку, съ замасле-

нымъ нанковымъ верхомъ. Подъ правой полой этой женщины сохранялись блины величиной въ тарелку; подъ лѣвой находилась глиняная рыночка съ сметаной.

— Вамъ ожидать нужно будетъ, сказалъ domine Павлушѣ,—ровно до выхода изъ классовъ, поэтому не мѣшаетъ закусить на воздухѣ, и я вамъ предлагаю дѣлать по моему примѣру.

Ловкій учитель, схвативши двумя пальцами изъ подъ полы торговки горячій блинъ, окунулъ его быстро въ сметану и мигомъ проглотилъ. Павлуша не могъ съѣсть больше одной трети блина, и по этому остальные блины поѣлъ Солопіевскій, облизывая свои пальцы по-персидски.

— Нужно всѣ блины докушать, ворчалъ domine, доѣдая послѣдній, онѣ, обратился учитель къ торговкѣ,—полученныхъ денегъ не возвратятъ. Не такъ ли, Марина Степановна?

—А ужежъ!—проговорила торговка, утирая свой носъ рукою.

Позавтракавъ хорошенько, domine повелъ Павлушу мимо каменной ограды и остановился въ калиткѣ, называемой келейнымъ ходомъ. Тутъ, за калиткой начинался узкій коридоръ, прерываемый открытыми двориками, сѣнцами, чуланчиками, крылечками, и оканчивавшійся палисадникомъ, гдѣ чахло нѣсколько застарѣвшихъ кустовъ и деревьевъ безъ листьевъ. Оставя влѣвѣ флигель, гдѣ ревѣли, спѣваясь, архіерейскіе

пѣвчіи, Павлуша съ domine вышелъ на пространный монастырскій дворъ. Въ глубинѣ этого двора возвышалось сѣрое мрачное и длинное зданіе. — Нижній этажъ зданія былъ каменный, верхній деревянный. — Влѣво отъ этого строенія, на четырехъ сосновыхъ столбикахъ, возвышался высокій пирамидальный шпицъ, крытый желѣзомъ. Въ верхнемъ окошечкѣ шпица висѣлъ колоколъ; отъ колокола, падала на землю полусгнившая веревка и болталась по волѣ вѣтровъ. Передній же фасадъ семинаріи обнесенъ рѣшетчатымъ низенькимъ полу-оваломъ. Съ трехъ сторонъ этой загородки пущены входы. Въ эти входы поминутно прибывало несмѣтное множество учениковъ низшихъ классовъ; они сливались съ толпой и общество это шевелилось какъ разрытый муравейникъ. — Овчинныя шапки, пестрединные халаты, суконные сюртуки и картузы мѣшались съ фризовыми чуйками и набойчатыми панталонами. — Между этими дѣтьми проходили изрѣдка философы и даже мрачные богословы. Не измятыя, вѣчно сѣрѣющія шинели съ длинными воротниками, носимые этими господами, внушали страхъ и почтеніе, малечи, которая, снявъ шапки, очищала имъ дорогу и лишь только проходили эти шинели, хитрая малеча посылала за ними вслѣдъ кривлянья, высовывала языки и чуть не кидала въ нихъ грязью.

Казенные воспитанники одѣвались однообразно;

изъ своекоштныхъ большая половина одѣвалась очень бѣдно. — Изъ низшихъ отдѣленій не рѣдко можно было видѣть ученика безъ сапогъ лѣтомъ, безъ шубы зимой. Бѣдные питомцы Минервы, смѣясь, переносили голодъ, нужду и бѣдность. Толпа двигалась массами и дѣйствовала. Одинъ говорилъ урокъ своему авдитору, другой повторялъ свой, поглядывая на товарища, ѣвшаго эгоистически пирогъ; тамъ двое дрались; кучка кричали и хохотала, съ этой стороны долбешка твердилъ урокъ, который вчера зналъ, а сегодня изъ него не припомнитъ ни одного слова. Вотъ стоитъ одинъ возлѣ рѣшетки, прижимаетъ подъ лѣвой рукой изодранныя книги, а правой подноситъ къ своему рту орѣхи; тутъ разнимаютъ двухъ схватившихся за плечи и готовыхъ растерзать одинъ другаго; тамъ цѣлый кружокъ играетъ въ свайку. Толпа двинуласъ въ уголъ подъ заборъ глядѣть на инфимиста, уличеннаго въ переводѣ мѣдныхъ денегъ изъ кармана товарищескаго въ свой. Вотъ осматриваютъ ловкаго граматика: изъ вывороченныхъ кармановъ его падаютъ мѣдныя пуговки, ножики, ремешки, куски засохшаго мяса и хлѣбныхъ крохъ. Визгъ, пискъ, шиканье, хохотъ и ругательства, чуть ли не заглушаютъ страшнаго крику повторяющихъ и учащихъ уроки.

Зазвенѣлъ колокольчикъ; толпа остановилась, умолкла и двинуласъ къ тремъ дверямъ. — Надъ средними дверями чуть виднѣлся размы-

тый дождями двухглавый орелъ съ надписью вокругъ его: Полтавская семинарія.—Въ нѣсколько минутъ изъ говорливой и шумной толпы не осталось ни одной души; какъ пчелы при внезапномъ дождѣ укрываютъ собой летикъ, торопясь въ улей, такъ и семинаристы отъ звуковъ колокольчика укрыли собой крыльцо, полѣзли, толкаясь въ двери, и стали занимать мѣста въ огромный зданіи, пока не показались учителя и профессора; изъ зданія несся кой-то смѣшанный шумъ, покрываемый иногда тонкими взвизгиваніями. Трепещущаго Павлушу, не покинутаго ни на одно мгновеніе Солопіевскимъ, среди безобразной толпы, ввелъ domine по грязной лѣстницѣ въ сѣни, раздѣлявшіе граматику съ риторикой. — Сѣни были очень просторны, освѣщались однимъ окномъ и вмѣщали въ одномъ углу досчатый чуланчикъ, изъ котораго какъ-то непривѣтливо выглядывали сухія березовыя, съ отбитыми кончиками, розги. Предметы, попавшіеся на первый разъ Павлушѣ въ сѣняхъ граматики, очень не показались алкавшему просвѣщенія. При взглядѣ на нихъ, Павлуша припомнилъ свой сонъ и тутъ же вцѣпился пальцами въ полу domine, объявя, что онъ одинъ здѣсь ни за что въ свѣтѣ не останется.

— Не бойтесь, Павлуша! говорилъ Солопіевскій, стараясь освободиться:— бить васъ никто здѣсь не осмѣлится. Помните, что вы есть никто другой, какъ дворянинъ. Дворянинъ уваженъ

подобающею его честью и безъ суда не накажется!

— Да, ворчалъ ободренный Павлуша,—а на что тамъ куча розогъ?

— Это не для дворянъ; это все для учениковъ духовнаго званія: для сыновей священническихъ, діаконскихъ, дьячковскихъ, понамарскихъ и т. п., это для тѣхъ, которые дурно учатся, шалятъ, повѣсничаютъ, не ходятъ въ классъ и ведутъ себя нехорошо.

— Да, нехорошо, а какъ и возлѣ меня заходются? да разложутъ?

— Нѣтъ. Безъ васъ найдутъ кого сѣчь.—Въ граматикѣ, правда, учениковъ много; но вы ихъ не бойтесь; они противъ васъ чушъ.

— Да, чушъ, ворчалъ Павлуша, недовѣрчиво посматривая вокругъ себя.

— Тутъ вы встрѣтите и дворянъ; но они васъ не тронутъ потому, что у нихъ есть въ природѣ великодушіе, а что они поступаютъ худо—это отъ дурнаго воспитанія.

— Да, великодушіе, ворчалъ Павлуша, выпуская полу сюртука domine,—я видѣлъ, какъ они одинъ другаго покалачиваютъ.

— Это не дворяне, это сыновья дьячковъ, пономаревъ; они имѣютъ привычку приставать въ особенности къ новичку, но вы ихъ не пугайтесь! Если подойдетъ къ вамъ такой, съ которымъ вы спра-

вигесь; палите его прямо въ ухо,—не то за чубъ да черезъ ножку бросьте его на полъ.

— А, если онъ здоровѣй меня?

— Плюньте ему въ лицо, чтобы и свѣта онъ не увидѣлъ; не то пескомъ, пылью засыпать ему глаза.—Въ это время по лѣстницѣ кто-то бѣжалъ, скрыпя и рыпя сапогами. Взбиравшійся готовъ уже былъ показаться, какъ domine быстро отскочилъ въ сторону, спрятался въ чуланъ и заперъ досчатую дверь. Молодой человѣкъ, съ черными кудрявыми волосами, вь синемъ съ золотыми пуговками фракѣ, въ брюкахъ кирпичнаго цвѣта, въ круглой шляпѣ, вбѣжалъ въ сѣни. Въ рукѣ у него была камышевая съ костянымъ набалдашникомъ трость, которую онъ пропускалъ надъ своей головой такъ ловко, что и любой карабинеръ, дѣлающій пикой отбей направо, обороти два раза впередъ! ему позавидывалъ бы.—Молодой человѣкъ хотѣлъ взять за скобку двери, но она передъ нимъ распахнулась, пропустила его и затворилась невидимой рукой.

— Тс! шепнулъ domine, выкрадываясь изъ чуланчика,—профессоръ прошелъ.—Съ этими словами Солопіевскій быстро сбѣжалъ внизъ, оставя Павлушу одного въ сѣняхъ. Въ одиночествѣ стоялъ новичекъ на томъ же самомъ мѣстѣ около полутора часа. Дверь изъ граматики быстро растворилась, и учитель низенькаго роста, въ гороховой шинели, со многими воротниками и въ

смушевомъ картузѣ, съ большимъ донышкомъ, прошелъ мимо Павлуша и началъ осторожно спускаться съ лѣстницы. Въ граматикѣ, по выходѣ учителя, поднялся шумъ, но чрезъ нѣсколько минутъ умолкъ такъ, какъ будто бы всѣ кричавшіе набрали воды въ рты. Причина быстрой тишины объяснилась; кто-то тяжелый, съ сухимъ кашлемъ, подымался по лѣстницѣ, стуча по ступенькамъ металическимъ концомъ своей палки!

— Вѣрно онъ... подумалъ Павлуша и поблѣднѣлъ, какъ стѣна. На первой площадкѣ лѣстницы показалась фіолетовая камилавка, дальше видвинулось лицо съ большой бородой; за лицомъ выставилась широкая грудь, на которой висѣлъ бронзовый крестъ. Не ошиблось чувство робости Павлуши; это былъ самъ ректоръ низшихъ отдѣленій семинаріи.

— Ты Довбня Бродницкій? спросилъ Павлушу ректоръ, погладивъ его по головѣ, благословивъ и давъ поцѣловать свою руку.

— Я! отвѣчалъ чуть слышно Павлуша.

—[По вступленіи въ классъ, — учись прилежно, веди себя цѣлую жизнь честно и благородно; молись Богу; размышляй, какъ Ему служить должно; остальное все придетъ въ свое время и ты будешь счастливъ и доволенъ. Проговоривъ это, ректоръ взялъ Павлушу за руку и сказавъ ему: слѣдуй за мной! повелъ его въ растворившуюся дверь граматики.—Появившись на порогѣ, ректоръ пріостановился. Уче-

ники давно уже встали съ своихъ мѣстъ и вытянувшись боялись мигнуть вѣками. Тихими шагами, опираясь на трость, прошелъ ректоръ до каѳедры, надъ которой висѣлъ на стѣнкѣ образъ св. Архангела Гаврiила и, взглянувъ на изображенiе святаго, началъ креститься. Ученики единогласно запѣли: Царю небесный! Въ продолженiе молитвы ректоръ набожно молился и когда ее пропѣли, то онъ взялъ Бродницкаго за руку и громко произнесъ: вотъ вамъ еще одинъ новый товарищъ, который жаждетъ просвѣщенiя. Онъ дворянинъ; посадите его на скамью разночинцевъ! Полуживаго Павлушу схватили два помощника цензора и пихнули его на стоявшую отдѣльно скамейку, между двухъ раздвинувшихся учениковъ.—Среди гробовой тишины ректоръ вышелъ въ растворенную ему высокимъ граматикомъ дверь. По уходѣ ректора, оглушительный для непривычнаго уха шумъ возобновился и росъ съ минуту на минуту шире и громче. Ожидали прихода учителя на вторые часы.

Павлуша совершенно растерялся, не бывъ никогда въ такомъ многолюдномъ и пестромъ обществѣ. Шумъ этотъ покрывалъ пискливый голосъ, визжавшiй: Господа! тише! Тише, господа!

На скамьѣ, гдѣ посадили Павлушу, помѣщалось пятнадцать душъ разночинцевъ. Не считая дворянскихъ дѣтей, сидѣли здѣсь дѣти мѣщанъ, мелкихъ торгашей, вольноотпущенныхъ, канцелярскихъ служителей и помѣщичьихъ крестьянъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ классѣ, Павлуша замѣтилъ, что все классное общество питалось самой грубой пищей. Кислый запахъ капусты, острый луку, чесноку и горькой—сластеновъ и тому подобныхъ масляныхъ издѣлій, напоялъ воздухъ обширной граматики какимъ-то удушливымъ газомъ.—Рамы въ этомъ классѣ были наглухо заколочены гвоздями; стекла заплеснѣвѣли и покрылись желтоватой пылью, очень слабо пропускавшей сѣрый свѣтъ. Непривычному мальчику сдѣлалось тошно и досадно, такъ грязна, отвратительна и нечиста была граматика. Полъ покрывала густымъ слоемъ высохшая грязь; стѣны съ оплывшимъ мѣстами побѣломъ заволоклись паутиной; въ иныхъ мѣстахъ остались на нихъ слѣды струившейся съ потолка воды. Некрашенныя скамейки, источенныя шашелемъ, изрѣзанныя ножичками, казались изгрызенными зубами плотоядныхъ животныхъ. Ученики большею частію щеголяли большими карманами и наполняли ихъ всѣмъ, что̀-ни попалось имъ подъ руки. У одного вылѣзшаго изъ подъ скамьи выглядывала щетина, выдернутая у повстрѣчавшейся на дорогѣ въ классъ свиньи, перемѣшенная съ солеными огурцами. У другаго болтались сухіе бублики; у третьего выглядывали тряпки, кусочки сукна, онъ вытаскивалъ изъ-подъ нихъ вареный картофель, ѣлъ его съ большимъ аппетитомъ. Рядомъ съ Бродницкимъ сидѣлъ ученикъ строгаго и по-

чтеннаго вида. Одѣтъ онъ былъ въ синій казакинъ и широкіе китайчатые шировары. Мужественное лицо этого господина украшалось большими усафи и бакенбардами, доходившими до усовъ,—à la фельдьфебель.

Часто подымалъ онъ свои нависшія брови вверхъ, поглаживалъ усы и, поглядывая въ избитую до круглоты книгу, густымъ басомъ читалъ: Grammatica latina est ars bene... и видя, что память не удержала окончанія фразы, сердился, морщился и ругался ужасными словами. Взглянувъ опять въ книгу, онъ повторялъ: Grammatica est, и гораздо громче продолжалъ: ars bene dic...

— Есть, проговорилъ онъ, закрывъ книгу, есть, а что такое есть?—есть ars, да еще и bene... ну такъ пусть будетъ себѣ и bene, а чертъ его знаетъ, отчего эта проклятая дрянь не лѣзетъ мнѣ въ голову? Поступившіе въ этомъ годѣ, разсуждалъ самъ съ собой мужественный юноша,—давно уже дошли до 4-го спряж., а я твержу семь лѣтъ: Grammatica est... Говорилъ сто разъ батюшкѣ, чтобы опредѣлилъ меня въ военную службу, нѣтъ же: будешь попомъ, говоритъ.—А какой изъ меня выйдетъ попъ? Ни Богу свичка, ни черту кочережка! Когда бы батюшка женилъ меня на прекрасной Настасіи!—Нѣтъ, говоритъ: женись на Сенчихиной дочери! А я Сенчиху не люблю... запѣлъ басомъ юноша и, развернувъ книгу, опять началъ читать, почесывая отъ досады голову: Grammatica est bene... ars

bene... Когда бы Сенчихина дочь была хоть немножко похожа на Настасью!—И бривоньки, и ниженьки, и оченьки, и рученьки, запѣлъ басомъ тотъ же самый юноша.

Проходившій мимо юноши, тощій и желтый какъ воскъ, ученикъ, прервалъ его пѣніе и онъ началъ опять, смотря въ книгу, лепетать: bene dicendi et scribendi.... bendi.... Спалю проклятую книгу; куплю новую, не лучше ли пойдетъ въ умъ проклятая латинь! Съ этими словами онъ швырнулъ книгу на полъ; послѣ, одумавшись, опустился подъ скамью, поднялъ съ полу листы книги и, бережно стряхнувъ съ нихъ пыль, положилъ на скамью и самъ сѣлъ скромно на мѣсто.

— Ты дворянинъ? спросилъ тотъ самый юноша у Павлуши.

— Ну? отвѣчалъ смѣло Бродницкій.

— И я тоже, отвѣчалъ въ свою очередь басистъ, —только лыкомъ шитый! Нѣтъ ли у тебя денегъ?

— Есть отвѣчалъ Павлуша, шаря рукой въ карманѣ.

— Дай ихъ мнѣ, я тебѣ возвращу; украду у батюшки, у скупяги, у прасола, и тебѣ отдамъ. Онъ мнѣ изъ чести никогда не даетъ, а твердитъ: учись самъ добыть деньги! Развѣ я воровать стану? Нѣтъ.... а за наставленіе я у него самого подбираю!

Павлуша подалъ ему два послѣднихъ гривенника.

— Молодецъ! Ей-Богу молодецъ! закричалъ ба-

систъ, звеня деньгами. —Вотъ мы съ тобой и друзья теперь... А я Сеньчиху... запѣлъ юноша, звеня въ тактъ гривенниками. Ты еще юнъ; ну, дастъ Богъ, выростешь! Тутъ басистъ грозно вытаращилъ глаза и повелъ ими вокругъ себя.

— Ага! закричалъ онъ,—испугались, костогрызы и блинохваты проклятые! Завидно стало, что я потряхиваю серебренниками? Слушай Бродницкій, сказалъ Павлушѣ ласково его должникъ: всѣ они, вотъ эти господа, которые сидятъ на скамьяхъ, меня боятся. какъ огня. Зовутъ меня:—чтобы ты зналъ—Кузьмой Ивановичемъ, прозываютъ меня Лошакою-Лошакомъ-Конькомъ, все отъ страха; я имъ почти всѣмъ даю кабачковъ.

— Кабачковъ? спросилъ Павлуша.

— Ну! да, кабачковъ. Знаешь ли ты, что такое кабачки?

— Сѣмячки, отвѣчалъ Бродницкій.

— То да не то! возразилъ съ громкимъ смѣхомъ Лошакъ,—кабачки значитъ: схватить правой рукой за честную гриву и потрясти оную, повергзть встряхнутаго на землю, попрать его сапогами. Вотъ что!

— Ну! Ну! проворчалъ Павлуша, невольно сканфузившись.

— Э! какъ видно, сказалъ съ усмѣшкой Лошакъ, ты далеко була, мало бачила.

— Господа, тише! кричалъ безпрерывно отчаянный голосъ, —господа, трястця вамъ.... тише, го-

спода! Сто тысячь чертей вашему ба.... тише! Господа, тише! На записку всѣхъ запишу! Цытьте! Кривозубъ? Антонъ Кривозубъ? Постой!

— Кто это такъ немилосердно кричитъ и ругается? спросилъ наконецъ Бродницкій у Конька.

— Это цензоръ.

— А что оно за птица?

— Это птица перепылица. Цензоръ есть смотритель тишины и порядка въ классѣ; правый глазъ учителя и лѣвая рука его; первѣйшій нашникъ, подлыза и переношикъ всѣхъ кляузовъ, какіе между нами родятся, созрѣваютъ и расходятся. Изъ сего слѣдуетъ, что цензоръ есть... Grammatica est bene... ars bene... продолжалъ Конекъ, толкая въ бокъ рукой Павлушу.

Бродницкій не понималъ къ чему новой его другъ такъ осторожно толкаетъ рукой.

— Что ты толкаешь? спросилъ Бродницкій Конька, весело засмѣявшись.

— Ага! закричалъ надъ самымъ ухомъ Павлуши желтый и худощавый цензоръ, тихо подкравшійся, —еще недавно заведенъ въ классъ, а уже шумишь? Вотъ я тебя этакаго шалуна, закричалъ цензоръ, желая схватить Павлушу за ухо,—поставлю на колѣни флекты. Флекты! шепталъ цензоръ, тоща изъ-за скамьи Павлушу.

— Ну! нѣтъ.... ворчалъ Павлуша, отодвигаясь

къ стѣнкѣ.—Я и тебѣ такое, такое знаешь.... мнѣ domine говорилъ.... я дворянинъ.... подите себѣ вонъ.... вѣдь я знаю, и ты себѣ....

— Э! да ты и дерзость въ своихъ рѣчахъ возносишь! Запишу тебя! Цензоръ ушелъ, оставя, не испугавшагося, но озадаченнаго Павлушу раздумывать, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Я же тебя толкалъ въ бокъ, чтобы ты умолкъ! сказалъ, обратясь къ Бродницкому, Лошакъ,—я видѣлъ, какъ эта сушеная змѣя къ намъ подкрадывалась.

— А вы, Кузьма Ивановичъ, тоже испугались? спросилъ Павлуша.

— Знаешь, прошлый годъ я былъ во 2-мъ разрядѣ послѣднимъ и перелѣзъ бы въ синтаксисъ; но эта анаѳема вытерла, таки вытерла. Писалъ онъ на-чисто списки; ну, и учителю наговорилъ: недостоинъ, говоритъ, перевода; негодяй, говоритъ. Вотъ поэтому я его черта и не трогаю. Что мнѣ съ эдакимъ сухопарымъ связываться.

— Идетъ! Идетъ! закричалъ стоявшій на окнѣ ученикъ, соскоча съ наблюдательнаго поста и сѣвъ на мѣсто.

Въ классѣ шумъ началъ утихать и, утихая постепенно, дошелъ до такой тишины, что полетъ мухи, не только бѣганье мыши съ привязанной къ хвосту бумажкой, былъ слышенъ.

Всѣ чего-то ожидали.

Суровый педагогъ, щупленькій, съ страждущей наружностію, съ оловянными, безжизненными глазами, въ смушевомъ картузѣ, ботфортахъ съ кисточками и длинномъ съ высокой таліей сюртукѣ вошелъ въ классъ.

Подойдя къ каѳедрѣ, сколоченной гвоздями изъ сосновыхъ, топоромъ вытесанныхъ, досокъ и осмотрѣвшись кругомъ, учитель запустилъ костлявые пальцы свои въ задній карманъ сюртука и, вытащивъ оттуда бумажный синій платокъ, протяжно и неоднократно высморкался. Физіономія его была до того суха и кисла, что всякій могъ подумать: не понюхалъ ли онъ дорогой барды, вытащенной изъ самаго темнаго угла барднаго колодца въ іюльскій жаркій день. Подошедши къ каѳедрѣ, учитель смелъ густую пыль со стула и осторожно сѣлъ на него, опустя глаза въ землю.

— Боится, чтобы не попасть ему на цыганскую иголку, которую я прошлой классъ ему въ стулъ застрамилъ, ворчалъ Конекъ,—то-то смѣху было! Высѣкли меня, да не публично, а келейно, въ семинарскомъ правленіи.

Цензоръ съ низкимъ поклономъ подалъ учителю книгу, на которой бѣлѣлся лоскутокъ исписанной бумажки.

Учитель глухимъ, какой издаетъ разбитый горшокъ, голосомъ прочиталъ: шумѣли!

— Антонъ Кривозубъ. Не первый разъ замѣчаютъ тебя въ шалостяхъ, проговорилъ учитель.

— Лука Саранчаковскій. Эге!

— Агапій Лапка. Ого! И вы туда же?

— Степанъ Выргуняка. Это что?

— Иванъ Млинцовъ.

— Родіонъ Шмачковскій. Какъ, вы Выргуняка, avditor horrum discipulorum, и съ ними шумѣли? Срамъ! Ступайте на ваше мѣсто. Отецъ вашъ почтеннѣйшій протоіерей, кажется чуть ли и не благочинный.

— Василій Кап-ло-уховъ. Какой скотина выдумываетъ этакія фамиліи, съ трудомъ произносимъ! Сюда! Сюда! Ну же! Нуу!... Поди вонъ! Благодари странную фамилію, которую носишь отъ рожденія до днесь. — Побаранцовъ? Что я вижу? Ваше сестра сговоренна за богослова, а вы шумите? Подити прочь!

— Павелъ Довбня.... Довбня? Гдѣ Довбня и еще Бродницкій! Это кто? Ну же, ну!

Всѣ, кого только вызывалъ учитель, должны были поспѣшно вставать съ своихъ мѣстъ и предстать предъ каѳедрой. Добрые товарищи всегда почти толчками помогали быстрѣе являться предъ лицомъ учителя.

Сидѣвшіе на заднихъ партіяхъ и соглашались лѣзть подъ скамейками, и избѣгать ударовъ кулаками, предпочитая имъ легкій толчокъ ногами.

Какъ осужденные на жестокую муку, стояли вызванные ученики кучей передъ суровымъ педагогомъ, который презрительно и злобно на нихъ

поглядывалъ. Нѣкоторые изъ вызванныхъ хныкали, другіе морщились; были и такіе, которымъ вся кровь бросилась въ лицо, и такіе, у которыхъ вся она ушла въ пятки. Каждая физіономія имѣла ей одной свойственное въ подобномъ положеніи выраженіе.

Не долго длилась минута неизвѣстности. Цензоръ, съ радостнымъ лицомъ, съ глазами, желающими излиться во все существо учителя, даже въ его платье и сальный картузъ, вынулъ изъ-подъ полы своего казакина пукъ свѣжихъ розокъ. Соблюдая строгую постепенность, растянули прежде Антона Кривозуба и дали ему двадцать и пять. Онъ рычалъ, извивался, вытягивался, морщилъ лицо, ни одной слезы не уронилъ и всталъ очень скоро. За нимъ положили Луку Сранчиковскаго и дали ему тоже двадцать и пять. Этотъ уже визжалъ и вертѣлся, какъ вьюнъ на раскаленномъ черини. Агапія Лапку съ трудомъ растянули; онъ все вырывался, вертѣлся, закрывалъ руками то мѣсто, по которому нужно было сѣчь и велъ себя не совсѣмъ прилично; но не смотря на это дали и ему двадцать и пять. Иванъ Млинцовъ гордо легъ самъ; не только не плакалъ, а еще смѣялся и, вставши съ полу, показалъ учителю изъ кармана что-то такое, что заставило всю граматику захохотать. Шмачковскій долго отпрашивался; величалъ онъ учителя domine и reverenderissime, prestantissime, eminenterqae и превилебіе и высокопревилебіе.

Величаніе духовными чинами имѣло мало успѣха. Догадливый Шмачковскій перебралъ военные чины отъ прапорщика до маіора. Кричалъ такъ, какъ никто, однакожь выдержалъ тоже двадцать и пять.

— Sequens, сказалъ учитель, когда Шмачковскій всталъ.—Sequens! повторилъ строго учитель, и на Павлушу бросились три граматика, торопясь повалить его на полъ.

— Это изъ дворянъ, шепталъ цензоръ, ухмыляясь.

— Его отецъ въ бричкѣ пріѣзжалъ сюда.

— Бричку везла четверня рыжихъ лошадей, прибавилъ старшій помощникъ цензора.

— Съ его отцомъ былъ и лакей, котораго зовутъ Савкой, прибавилъ молодой помощникъ цензора.

— Постойте! закричалъ учитель бросившимся на Бродницкаго ученикамъ.

Тѣ отступили отъ Павлуши.

— Подойди сюда! сказалъ педагогъ Бродницкому, который медленно подвинулся къ каѳедрѣ.

— Дворянство, началъ съ разстановкой учитель, —окончивъ науки, заслуживъ чины, получивъ ордена и другія за службу привилегіи, есть почтенно. Ты же въ отроческомъ состояніи не разнишься отъ другихъ человѣковъ ни чѣмъ; вслѣдствіе этого, воспользуемся симъ удобнымъ для сѣченія временемъ и накажемъ тебя, дабы ты изъ отрочества зналъ, что всѣ людіе суть ровны и всѣ

суть твари одного Отца. Для внушенія же тебѣ кротости съ тѣми, которые достанутся тебѣ по наслѣдственному праву владѣнія отъ отца, усугублю наказаніе; дайте ему пятьдесять и пять! Не смущайся! Я тебя высѣку по дворянскому обычаю, подославъ подъ тебя, ну хотя чужой халатъ. Вторично бросились на Павлушу помощники цензора, уронили его, почти бездыханнаго, на полъ, и привычная отъ частой практики рука цензора взвилась въ воздухѣ, готовясь нанесть ударъ.

— Satis! закричалъ влетѣвшій domine Солопіевскій, выхвативъ у цензора не достигшую своего назначенія розгу. Поднявъ на свои руки Бродницкаго, Солопіевскій швурнулъ учителю записку. Учитель, прочитавъ быстро записку, хотѣлъ что-то сказать Солопіевскому; но domine, усадивъ Павлушу на мѣсто, какъ тигръ, вырвавшійся изъ клѣтки, явился у каѳедры и, быстро махнувъ рукой, вѣщалъ: Satis! Prout erat inter nos conventum!

— Mihi displicet! проворчалъ учитель и медленно положилъ записку въ свой карманъ.

Солопіевскій восторжествовалъ, чмыхнулъ носомъ, заложилъ руки въ фланелевыя панталоны, поворотился на каблукахъ и, окинувъ взоромъ презрѣнія Лозинскаго, важно вышелъ. Что проходили въ классѣ, Павлуша не зналъ и даже нѣсколько минутъ послѣ испуга, не понималъ, гдѣ онъ находится. Въ его ушахъ звучало до сихъ поръ

серьезная рѣчь Лозинскаго, и лицо цензора язвительно улыбалось въ его воображеніи, такъ неожиданно потрясенномъ.

— Недаромъ я видѣлъ страшный сонъ, мыслилъ Павлуша, выведенный изъ непріятнаго положенія уходомъ учителя и страшнымъ гамомъ, поднявшимся вокругъ его съ всѣхъ сторонъ. На этотъ разъ дверь за учителемъ не затворилась и осталась открытою. Ученики вскочили съ своихъ мѣстъ, закричали, какъ кричатъ Евреи въ синагогахъ во время судныхъ дней, и при оглушительномъ шумѣ увязывали свои книги, тетради и тетрадки, кто въ платки, кто просто въ тряпку. Въ толпѣ, взволнованной выходомъ учителя, раздавался опять любимый пискъ, крикъ, шумъ, гамъ и свистъ.

Цензоръ, безмолствуя среди всеобщей суеты, ускользнулъ почти вслѣдъ за учителемъ. Въ высокой остроконечной смушовой шапкѣ, косой и оборванный граматикъ, получившій видно въ домѣ родителей хорошія начала, съ хитрой улыбкой подобрался къ Павлушѣ и, пользуясь суматохой, далъ ему подъ лѣвое ребро такого кулака, что несчастный мальчикъ пошатнулся, опустилъ руки и, прислонясь къ партіи, готовъ былъ упасть на полъ. Косой не далъ ему грянутся на грязный полъ. Обхвативши Павлушу лѣвою рукой, прижалъ его сильно къ себѣ и въ это же время, правой своей рукой, обыскалъ всѣ карманы Бродницкаго.

Въ карманахъ жертвы лукаваго, оборваннаго косаго былъ всего одинъ носовой плотокъ. Обманутый въ своихъ предположеніемъ, граматикъ съ однимъ носовымъ плоткомъ, тщательно заткнутымъ подъ полу нанковаго сюртука, бросивъ пріостановившагося дышать Павлушу, пробирался уже дефилеями къ двери; но Лошакъ загородилъ ему дорогу

— Постойте panыченьку! закричалъ Конекъ,—не туда попали.—Шапка косаго, въ родѣ сахарной обертки, давно уже упала на полъ. Кузьма Ивановичъ, сбивъ это украшеніе кулакомъ съ испугавшагося ученика, схватилъ его своими руками за густые волосы и началъ нѣжно и сердобольно дѣйствовать. Косой, блѣдный, какъ известь, выворачивалъ свои карманы и оттуда выпадали кукуруза, оловянныя пуговки, два ножичка въ роговыхъ черенкахъ, женская серьга, платокъ Павлуши и три куска конской сѣры! Косой въ страхѣ очищалъ свои тайные карманы, въ доказательство пустоты ихъ, но Кузьма Ивановичъ продолжалъ чувствительно потресывать его за длинныя космы. Видя, что закаленный въ чувствахъ, граматикъ молчитъ и остается равнодушнымъ, сердитый Лошакъ одной рукой поднялъ его вверхъ и громко произнесъ: кто осмѣлится, хотя однимъ щелчкомъ, тронуть Бродницкаго, тотъ получитъ отъ меня на кабачки вотъ какъ. Проговоривъ это, Кузьма Ивановичъ далъ млынка Косому, подбро-

силъ его выше себя и, не давъ упасть, поддержалъ его очень сердобольно носкомъ сапога подъ ребро. Окружавшіе эту сцену видѣли окончаніе ея и въ страхѣ вздрогнули и побѣжали,—посматривая съ уваженіемъ на здороваго Кузьму Ивановича.

Лошакъ выходилъ изъ класса вмѣстѣ съ Павлушей, который, не оставляя его руки, боязливо всматривался въ коварную и неугомонную толпу.

— Не бойся, ворчалъ Лошакъ,—я твой защитникъ; въ обиду тебя никому не дамъ.

— Чуть было не выдрали меня сегодня, проговорилъ Павлуша,—да доброй domine помѣшалъ, вырвалъ меня изъ рукъ цензорскихъ помощниковъ.

— Помѣшалъ бы онъ, возразилъ Кузьма Ивановичъ,—ежели бы не я.

— Какъ?

— Да такъ: я зналъ, что ты записанъ цензоромъ и ожидалъ—подастъ ли онъ записку учителю или не подастъ?—Вижу сунулъ ее въ свою книгу, вынулъ, скомкалъ въ рукѣ, пожевалъ во рту и бросилъ на полъ.—Не подастъ, думаю, и пересталъ было слѣдить за нимъ, какъ вдругъ вижу, какой каналья и мошенникъ, достаетъ изъ тетрадки новую записку, переписываетъ ее своимъ красивымъ почеркомъ!—Ну, подумалъ я, дѣлать нечего, и какъ прошелъ учитель, я изъ класса, да къ дверямъ философіи.

— Тукъ, тукъ, тукъ!--Тукъ тукъ тукъ!

— Какой тамъ чертъ стучитъ? сказалъ вызвѣрясь и оглядывая меня съ ногъ головы, раздосадованный философъ, отворивъ дверь и высунувъ голову узнать, кого вызываютъ?

— Domine Солопіевскаго, сказалъ я.

— Ну? спросилъ грубо меня Солопіевскій, вышедши въ сѣни.

— Цензоръ записалъ Бродницкаго.....

— Ну?—Такъ что изъ сего слѣдуетъ?

— А на вторые часы явится Лозинскій, онъ ненавидитъ дворянъ и его высѣчетъ....ей-Богу выдеретъ. Дворянъ сѣчь онъ любитъ....

— Черта съ два, сказалъ Солопіевскій и мигомъ отправился къ ректору, который былъ въ семинарскомъ правленіи.

— Зачѣмъ къ ректору?

— Какъ зачѣмъ? ректоръ снабдилъ его запиской, освобождающей тебя отъ тѣлеснаго наказанія во все время твоего нахожденія въ семинаріи.—Вотъ что!

Не нужно говорить, какъ послѣднее извѣстіе обрадовало Павлушу онъ тутъ же, увидѣвъ domine, поблагодарилъ его и охотно шелъ съ нимъ на квартиру. — Бродницкій не хотѣлъ огорчить учителя и скрылъ передъ нимъ случившееся происшествіе потому, что злой граматикъ былъ достойно наказанъ здоровымъ Лошакомъ.

На столѣ въ квартирѣ Солопіевскаго уже стояли оловянная миска борщу; сырой кислый паръ

подымался надъ нею, приглашая отвѣдать хотя не вкуснаго, но горячаго кушанья. Горшокъ каши тутъ же былъ поставленъ рядомъ съ буряками, обжаренными въ постномъ маслѣ и ржаной мукѣ. Двѣ глиняныя тарелки и двѣ деревянныя жолтыя ложки тутъ же находились. Павлуша сѣлъ за столъ и долго конфузился сервировкой стола; но по примѣру domine, имѣя здоровый дѣтскій желудокъ, принялся кушать, и грубое стряпаніе показалось ему очень вкуснымъ. Ни салфетокъ, ни ножей здѣсь не было; хлѣбъ, нарѣзанный ломтями, лежалъ на столѣ—a discretion.

Увидѣвъ замѣшательство Павлуши, domine повторилъ, что Лука Ивановичъ какъ только доѣдетъ домой, ту самую минуту пришлетъ имъ все то, что нужно для стола такихъ людей, какъ они.

— Мы благородно будемъ обѣдать, продолжалъ domine, вставая изъ-за стола.

— Благородно, повторилъ Павлуша, затрудняясь утереться и вытаскивая носовой платокъ, который засунулъ ему въ правый карманъ Кузьма Ивановичъ. Для Павлуши довольно было утренняго урока; въ классъ онъ не пошелъ уже послѣ обѣда, да дворянскіе дѣти не ходили на церковный уставъ, славянскую граматику, греческую граматику и нотное пѣніе и преподаваемое по обиходу, способное оглушить непривычнаго. Раза три въ недѣлю Бродницкій ходилъ въ классъ и этого было довольно, чтобы ознакомиться съ классною жизнію и съ

разными занятіями соучениковъ. Ученики, сидѣвшіе на ближайшихъ партіяхъ къ каѳедрѣ, считались прилежными и благонравными; слѣдовавшіе за ними почитаемы были за старательныхъ, добропорядочнаго поведенія; сидѣвшіе дальше были подъ сомнѣніемъ въ стараніи и прилежаніи; предпослѣднія двѣ скамейки заняты были 3-мъ разрядомъ. Въ этомъ же разрядѣ были лентяи, сидѣвшіе по четыре года въ одномъ классѣ; нечаявшіе быть переведенными въ другой классъ; отъявленые повѣсы, шалуны, неряхи и мальчики самаго сомнительнаго поведенія. На нихъ постояною гремѣлъ строгій голосъ учителя въ выраженіяхъ, которыхъ нѣтъ въ печати и которыми такъ богаты всѣ славяскія нарѣчія. У самой стѣны, въ концѣ всѣхъ партій, стояло еще двѣ скамейки; эти двѣ послѣднія назывались: камчаткой.

Тутъ сидѣли безпечныя дѣтища, ужасно лѣнивыя забубенныя головы, отверженные товарищами, учителями и всѣмъ начальствомъ. Томились они въ душномъ классѣ послѣдній годъ, чтобы торжественно быть прочитанными на публичномъ актѣ въ числѣ исключенныхъ и по исполненіи надъ ними келейно экзекуцій, быть прогнанными на всѣ четыре стороны для избранія рода жизни. Большая часть этихъ молодыхъ людей занималась постоянно свободными ремеслами. Сидѣть въ классѣ безъ книгъ, безъ тетрадей, опершись на руку, имъ надоѣло; поэтому они упражнялись въ дѣланіи цѣ-

почекъ изъ вырѣзанныхъ у товарищей подтяжечныхъ жилокъ; шили картузы, подгалстучники, жилеты; да такъ успѣшно, что на перемѣнѣ отрѣзали у Бродницкаго полу шинели и послѣ вторыхъ часовъ показали ему жилетъ, проданный одному граматику и сшитый очень хорошо. Смѣялся Бродницкій, что новенькая его шинелька превратилась въ куртку, но жаловаться не было въ духѣ скромнаго Павлуши, да и было бы безполезно. Господа эти готовы были всякому положить въ карманъ чертъ знаетъ что такое, облить сюртукъ острой водкой и приставить сонному пятку (намазавъ кусочикъ бумаги свѣчнымъ саломъ, прилѣпливали его къ пяткѣ спящаго и зажигали). Попадись имъ только тотъ, кто на нихъ донесъ или пожаловался, ужь они такъ не оставятъ, а отмстятъ и нерѣдко самымъ гнуснымъ образомъ. Поэтому никто на нихъ не жаловался, оставляя имъ свободу предаваться въ тишинѣ ремесламъ, игрѣ не только въ орлянку, но и въ сальныя карты (въ трилистикъ.) Кто изъ камчатцевъ не умѣлъ работать, тотъ исполнялъ разныя коммиссіи: достать матеріаловъ, купить иголокъ, нитокъ; сбѣгать на базаръ, промыслить лоскутковъ, щетины; купить буханцевъ, бубликовъ, пироговъ,—на все это употреблялись тѣ изъ нихъ, которые, сидя праздно, ѣли кабачки. На партіяхъ камчатцевъ лежала обязанность: ежесубботно вымѣтать классъ; камчатцы, исполняя это, выбрасывали изъ окна класса, выхо-

дившаго на улицу, цѣлыя горы всякой нечистоты къ досадѣ полиціи и блюстителей опрятности улицъ.

Бродницкій послѣ обѣда очень рѣдко ходилъ въ семинарію и предпочиталъ оставаться дома или бродить по пустыннымъ улицамъ нашего городишка.

Солопіевскій занимался съ Павлушей по вечерамъ, училъ его читать и писать, но не надоѣдалъ ему долговременными скучными занятіями, а большею частію занималъ его разсказами о томъ, какъ они поѣдутъ въ Раковую-Балку, да что тамъ будутъ дѣлать, да какъ Павлуша выучитъ всѣ науки, необходимыя дворянину, да какъ его за это сдѣлаютъ судьею или засѣдателемъ, да какъ ему всѣ просители будутъ давать деньги. Domine не изнурялъ ученика, не надоѣдалъ ему и привязалъ его къ себѣ очень прочно. Учителя въ классѣ ни одного раза не вызвали Павлушу, не смотря на то, что его авдиторъ, сынъ городскаго набойщика, въ errates писалъ всегда противъ его фамиліи: scit. Все это дѣлалось за галду *), надѣляемую Бродницкимъ очень щедро нѣкоторымъ товарищамъ и въ особенности авдитору. Хожденіе въ семинарію скоро надоѣло Павлушѣ; онъ выставлялъ причины не бывать въ классѣ. Domine не принуждалъ Бродниц-

*) Лакомство.

каго ходить туда и задавалъ ему уроки чтенія изъ священной исторіи, которые Павлуша училъ съ охотой.

Скоро Лука Ивановичъ прислалъ съ избыткомъ всего того, что требовалось domine, и Павлуша былъ очень доволенъ, имѣя постоянно вкусный и хорошій обѣдъ. Наступила холодная погода и приходящихъ въ классъ поубавилось. У одного не было платья, у другаго сапогъ, тотъ былъ боленъ, другой чинилъ свои заплаты и въ ерратахъ отмѣчалось: безъ одеждъ, безъ сапогъ, боленъ, починяетъ и проч.

Начальство слѣдило, чтобы дѣти духовнаго званія безъ всякой причины не оставались дома и какъ можно чаще посѣщали семинарію и назначенную имъ церковь.

Павлуша свелъ знакомство съ уличными мальчишками; но въ швайку играть было холодно, а въ булку не ловко, потому что не было еще морозовъ. Шатаніе по улицамъ и одиночество заставило Павлушу искать развлеченія въ то время, когда дворъ пустѣлъ и domine слушалъ философію. Если domine задавалъ Бродницкому писаніе по доскѣ, то это было исполняемо за три гроша инфимистомъ, который, съ вывороченной ногой, но съ здоровыми руками, охотно писалъ за Павлушу. Изобиліе благъ земныхъ (провизіи) заставило всѣхъ полюбить Бродницкаго; онъ не отказывалъ никому ни въ провизіи, ни въ лакомствахъ. Квартировав-

шіе въ одномъ дворѣ съ Павлушей, живились всѣ его щедростію. Не одна малеча лакомилась; риторы, философы, даже солидные богословы выказывали свои родовыя склонности къ чужой провизіи и жестоко ее истребляли. Нѣкоторые изъ нихъ мало того, что наѣдались въ плотную, уносили остальное въ свои кануры и тамъ эгоистически ихъ пожирали. Ласкали они всѣ Павлушу, уважали domine и оказывали и тому, и другому видимое предпочтеніе. Необразованный мальчикъ Бродницкій чувствовалъ себя неловко въ обществѣ ему чуждомъ, и молодая душа его инстинктивно разумѣла, что онъ здѣсь лишній и что не здѣсь ей развиться и получить данныя быть порядочнымъ человѣкомъ. Павлуша бродилъ, какъ въ туманѣ, и нѣсколько вечеровъ безотчетно плакалъ, сидя въ уголку своей комнаты. Грустное расположеніе духа Павлуши не укрылось отъ зоркихъ глазъ domine. Солопіевскій, хотя испорченъ былъ давленіемъ семинарскаго образованія, но въ душѣ своей былъ человѣкомъ и имѣлъ человѣческія чувства.

— Вѣрно васъ, Павлуша, кто-нибудь обидѣлъ? Говорите: я разорву того на части!

— Нѣтъ, меня никто не обидѣлъ.

— Быть не можетъ! отчего вы плачете?

— Я скучаю о дядюшкѣ и тетушкѣ.

— Мы ихъ скоро увидимъ, сказалъ успокоенный domine,—а знаете ли что? продолжалъ онъ, —не по веселить ли мнѣ васъ?

— Какъ повеселить?

— А вотъ какъ, сказалъ domine, скидая свой сюртукъ и ложась на постель:—заговѣнье на носу, провизіи у насъ гибель; не сдѣлать намъ пирушку?

— Почему же и не сдѣлать?

— Ѣдимъ мы сами прекрасно; но не угостили еще нѣкоторыхъ изъ моихъ пріятелей. Не такъ надобно жить!

— А какъ же?

— Вотъ какъ: ежемѣсячно однажды нужно приглашать намъ товарищей на вечеринку. Потолковать съ ними о суэтахъ суэтствій міра сего и угостить ихъ прилично, какъ слѣдуетъ яствой и питіемъ.

— Я согласенъ и буду доволенъ.

— Видно, что хлѣбосольство въ родѣ Бродницкихъ наслѣдственное, и я душевно радъ. Угостимъ мы товарищей наславу: того, сего, другаго, третьяго и прочаго. Я умѣю распорядиться; будутъ ѣсть такъ, что и за ушами у нихъ залящитъ. Въ заключеніе угощенія купимъ три козы.

— Отчего же и не купить, сказалъ Павлуша, поворачиваясь на своей постели.—Студенты, ваши товарищи, продолжалъ лежа Павлуша, люди добрые, меня любятъ и ласкаютъ. Бродницкій согласился на покупку козъ, но ужасно затруднялся, какъ они будутъ ѣсть такихъ животныхъ, которыхъ въ Раковой-Балкѣ убивали для сала?

— Ну, domine, отозвался снова Павлуша,—сзывайте всѣхъ на вечеринку, посмотрю я какая-то тамъ будетъ вечеринка.

— Всѣхъ не возможно, но избранныхъ—такъ сказать, цвѣтъ и красу семинарскаго общества. Если всѣхъ созвать, то козъ, какія есть въ Переяславлѣ, для нихъ будетъ мало; а провизіи не станетъ имъ даже понюхать! Это семинарія!

— Ну, ну, однихъ избранныхъ.

— Хорошо. Не потушить ли намъ свѣчу? сказалъ domine, подымаясь съ кровати и затушивши ее двумя перстами. Мы полежимъ или даже соснемъ въ сей субботній вечеръ.

Павлуша молчалъ и скоро въ темной комнатѣ сдѣлалось тихо.

ГЛАВА VIII.

—

Прошло часа два. Сонъ спящихъ никѣмъ не прерывался. Наконецъ кухарка медленно отворила въ ихъ комнату двери и прислушалась. Паничи спали. Кухарка возвратилась въ кухню и оттуда уже, закрывая свѣчу рукой, осторожно вышла, поставила свѣчу на карнизъ печи, накрыла столъ и скоро появились на немъ приборы и кушанье. Domine носомъ услышалъ сытный ужинъ и въ ту минуту пробудился, поднялъ съ постели соннаго Павлушу и усадилъ его ужинать. Залитые масломъ вареники, чашка супу съ гусиными потрохами, возбудили аппетитъ и насытили паничей такъ, что поданнаго поросенка они не тронули, а велѣли оставить его на завтракъ. Послѣ ужина Павлуша легъ спать, и Солопіевскій, чтобы не безпокоить ученика, вышелъ въ другую комнату, призвалъ кухарку и началъ дѣлать на завтрашній день нижеслѣдующее распоряженіе:

— Вы, Евфимія, такъ звалъ domine рябую, старую и толстую кухарку, выбранную тетушкой по испытаніи въ поваренномъ искусствѣ и присланную ею въ Переяславль,—вы, Евфимія, завтра, возставъ отъ сна, сходите на базаръ купить того, что мною будетъ вамъ позже сего приказано! Возвратясь съ базара, займитесь приготовленіемъ обѣда, самаго легкаго, т. е. приготовьте борщъ съ поросятиной и сметаной.

— Пироги, продолжала баба.

— Постой.... прервалъ ее domine.

— Завтра недилля.

— Ничего, къ обѣду пироговъ не нужно, есть на это причина, которую послѣ вамъ сообщу. Гречневую кашу изъ бѣлыхъ крупъ до смальцу; гусь жареный съ кислыми яблоками.

— Той годи? може що що? Завтра праздникъ, недилля свята.

— Ничего не нужно,а случится уварованка *) на базарѣ, подадите до сахару.

— Добре.

— На обѣдъ, хорошо.... то хорошо, но на вечеръ? Вотъ чѣмъ вамъ заняться нужно: пріуготовленіемъ къ вечеру достойныхъ снѣдій.

— Хыба гости....

— Буду... дутъ.... Постойте, Евфимія! завтра у насъ вечеринка.

*) Варенецъ.

— Охъ моя матинко! проворчала кухарка, приложа два пальца къ лѣвой сторонѣ рта и закачавъ своей головой. Мабуть менины?

— Тмх.... тмх.... нѣтъ.... такъ, для товарищей.

— Зварить супъ.... сжарить....

— Нѣтъ, варить ничего не нужно, а вы изжарьте шесть гусей, бараній задокъ; испеките пироговъ съ печенкой, сыромъ, говядиной и медовымъ вареньемъ. Послѣднихъ сладкихъ, пожалуйста, побольше. Всякому захочется солоденькаго.

— Можно, можно. Я позову себѣ на помощь Непытайлыху.

— Тмх.... можно, отчего же и не позвать? Я ей дамъ гривенникъ. А индюковъ уже нѣтъ?

— Только три осталось.

— Туда же ихъ изжарить. А колбасы есть?

— Вчера панычь изкушали послѣднюю.

— Ну, одной для всѣхъ было бы мало; а ты, пожалуйста купи, хоть съ полдесятка колбасъ; нето и десятокъ можно.

— Той годи?

— Satis.... довольно.

— Можей блинцивъ пшоняныхъ напекты?

— Прекрасно! Вы, Евфимія, достойнѣйшая изъ женщинъ, вашу должность носящихъ. И въ Римѣ, я думаю не было столь достойныхъ кухарокъ.

Domine такъ былъ обрадованъ видимымъ усердіемъ Евфиміи, что будь она не много помоложе и не такъ безобразна, вѣрно прижалъ бы ее къ

своему сердцу; но тутъ ограничился тѣмъ, что три раза плюнулъ и проворчалъ кое-что на счетъ Ульяны Осиповны.

— Вотъ вамъ, Евфимія, деньги, сказалъ domine, подавая кухаркѣ десять рублей,—смотрите же не переплатите; да свѣчей купите фунта три.

— Чую, проворчала кухарка и, бережно сложа бумажку, вышла въ свою комнатку, притворя тихо дверь. Довольный своимъ распоряженіемъ, domine ходилъ еще съ часъ по комнатѣ, выкурилъ три трубки; представлялъ руками какія-то будущія дѣйствія и перестановку мебели. Задыхаясь отъ волненія въ ожиданіи завтрашняго дня, Солопіевскій упалъ на постель и заснулъ сладко, подъ ваточнымъ халатомъ.

На другой день Павлуша всталъ послѣ domine, надѣлъ чистое бѣлье, новый сюртучекъ, тулубчикъ на сѣрыхъ смушкахъ, крытый вишневымъ сукномъ и съ domine Арфаксадскимъ отправился въ теплую церковь, гдѣ служилъ его преосвященство и присутствовала вся городская знать: городничій съ женой, судья съ своей тетушкой, городовой врачъ, стряпчій и почтмейстеръ съ тремя дочерьми дѣвицами, въ которыхъ безнадежно была влюблена чуть ли не бо́льшая половина семинаристовъ. Простоявъ въ душной толпѣ около трехъ часовъ да еще въ такомъ уголкѣ, откуда ровно ничего не-нельзя было видѣть и слышать, наши богомольцы проголодались и на рысяхъ возвратились до-

мой. Арфаксадскій приглашенъ былъ обѣдать по этому случаю; Докса самъ усѣлся, и они-то помомогли Солопіевскому и Павлушѣ очистить всѣ блюда, какія ни подавались за столомъ.

— У насъ сегодня вечеринка, сказалъ Солопіевскій, вставая изъ-за обѣда, помогите намъ, господа, убрать немного эту комнату.

— Съ охотою, отвѣчалъ Арфаксадскій, и началъ подавать совѣты, что вынесть, и что куда поставить.

Докса и случившійся Скубковичъ бросились и мигомъ вытащили на дворъ кровати, сундуки и начали возиться возлѣ одного шкапа, который занималъ почти треть комнаты и былъ такъ тяжелъ, что даже втроемъ вынесть его было очень трудно. Докса могъ бы вышвырнуть его безъ помощи; но не могъ обхватить руками и потому, выбѣжавъ на крыльцо, пригласилъ на помощь бѣднаго Коноплянку, который, вылѣзши изъ темнаго чуланчика, изучалъ обиходъ и пѣлъ: Прейде сѣнь законная, пользуясь блѣднымъ осеннимъ свѣтомъ.

— Полно вамъ пѣть, идите сюда помочь вытащить шкапъ.—У Солопіевскаго имѣетъ быть вечеринка!

— Вечеринка будетъ? спросилъ, эпитимистъ шрырнувъ свой обиходъ.

— Будетъ, отвѣтили ему. Эпитимистъ, скинувъ верхнее платье для показанія усердія, быстро явился къ Солопіевскому и принялся суетливо по-

могать. Шкапъ былъ вытащенъ. Явились и другіе семинаристы; соквартиранты очистили комнату такъ, что она оказалась гораздо просторнѣе. Вокругъ стѣнъ поставили узкія скамейки; въ углу канапку; среди комнаты составили три стола, подымавшіеся одинъ выше другаго.

— Коноплянка! сказалъ Солопіевскій,—есть у меня къ вамъ просьба: сходите къ Матяшкѣ за брагой!

— А много ли ее нужно будетъ брать?

— Ведра два, ну хоть и три.

— О! я такое количество въ состояніи принесть; но вотъ бѣда, я знаю, у хозяина есть бочонокъ, но проклятый кожемяка не дастъ мнѣ ни зачто!—Занялъ у него кухоль; кто-то разбилъ эту вещь; вотъ съ этого времени я весь кредитъ у него потерялъ.

— Я выпрошу, сказалъ Докса и готовъ уже былъ идти, но его остановилъ Коноплянка.

— Нужно, кромѣ боченка, мѣшокъ, въ который могъ бы влѣзть боченокъ.

— И то достану. Докса исчезъ и явился съ мѣшкомъ и двухъ-ведернымъ боченкомъ.

— Нѣтъ, я самъ готовъ, сказалъ Коноплянка.

— Вотъ же вамъ и деньги, сказалъ ему Солопіевскій, подавая Коноплянкѣ нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ.—Да смотрите мнѣ, продолжалъ Солопіевскій недовѣрчиво:— я васъ посылаю,

какъ человѣка, знающаго толкъ въ брагѣ, не ошахрайте насъ.

— Не пойдти ли и мнѣ съ нимъ? отозвался недовѣрчиво Докса,—онъ не знаетъ окольныхъ дорогъ; не попался бы инспектору, или одному изъ благочинныхъ на встрѣчу?

— Нѣтъ! возразилъ Domine, для васъ есть у меня важнѣйшее порученье. При этомъ Солопіевскій далъ Доксѣ денегъ, шепнулъ что-то на ухо, и тотъ вмѣстѣ съ Коноплянкою отправился черезъ плетни огородовъ, такъ шибко, что и догнать ихъ было трудно. Самыми скрытными мѣстами пробирались два посланные для исполненія важныхъ порученій. Осенній день коротокъ. Начало вечерѣть; но ни Докса, ни инфитимистъ еще не возвращался; Солопіевскій видимо безпокоился, не охотно обѣдалъ и все время не могъ усидѣть на мѣстѣ, то и дѣло подходилъ къ окну и посматривалъ. Неудовлетворивъ ожиданіямъ своимъ, онъ хотѣлъ идти самъ навстрѣчу посланнымъ, но два инфимиста, подслушивавшіе у дверей, предложили свои услуги и побѣжали по указанію domine въ разныя стороны.

— Нѣтъ ихъ и нѣтъ! продолжалъ громко Солопіевскій, шагая въ размышленіяхъ по комнатѣ.

— Зналъ я кого послать! Одинъ вовсе ненадежный. Докса?.. Докса готовъ тоже иногда напакостить. Чертъ его знаетъ, что онъ вздумаетъ сдѣлать, имѣя въ рукахъ деньги? Не угостилъ ли онъ себя

блюдомъ плодовъ гесперидскихъ? Стемнѣло. Въ комнатѣ ломились столы подъ пирогами и жаренымъ мясомъ; въ дворѣ начали показываться приглашенные, но, не видя освѣщенія въ квартирѣ domine, заходили къ товарищамъ и тамъ ожидали вторичнаго зова. Солопіевскій ругалъ посланныхъ, грозился выдрать за уши инфимистовъ; но ни тѣхъ, ни другихъ не было, и domine ломалъ въ отчаяніи свои руки.

— Идетъ Коноплянка, вскричалъ запыхавшійся инфимистъ, вбѣгая въ комнату и отирая струи пота съ своего лица старой смушевой шапкой.

— Гдѣ онъ? Гдѣ? шепталъ Солопіевскій, растворяя дверь и помогая втащить боченокъ уставшему Коноплянкѣ.

— И они идутъ.... прошепталъ, упавъ на скамью усталый инфимистъ.

— Чего такъ долго проходили? сказалъ domine, подходя къ эпитемисту.

— Охъ! сказалъ измученный тяжелой ношей Коноплянка.

— Что случилось? спросилъ у него Солопіевскій. Докса увидѣлъ, увидѣлъ женщину?—Проклятая Букса!

— Аминь глаголю вамъ; невыразимое несчастіе.

— Повстрѣчали благочиннаго?—Самого инспектора? Кого-нибудь изъ профессоровъ?

— О нѣтъ! я шелъ по такимъ дорогамъ, гдѣ и мышь съ трудомъ пролѣзетъ.

— Что же такое съ вами произошло?

— Несчастіе. Перелѣзая чрезъ плетень, когда бы плетень былъ высокій, а то такъ себѣ плетень чертъ знаетъ что, аршина въ три,—ну совсѣмъ было перелѣзъ, да зацѣпился полой, поверженъ былъ головой внизъ. Боченокъ въ такихъ обстоятельствахъ гнететъ мою выю. Молчу и терплю.—Гдѣ взялись злые псы! Искусали ноги мои; сосудъ отъ сотрясенія возмутихся, одоткнеся; а брага до половины вытекохъ!—Вотъ что!

— Врете! брешете! заревѣлъ разсерженный Солопіевскій.—Не такъ дѣло происходило! Probus nequam, oculi inpudici, ворчалъ domine.—Говори правду! ex carcere emissus! Самъ вѣрно выпилъ и не лопнулъ, окаянный! Великій Боже! Почто посылаешь такую кару!—Вы брешете!

— Не лгу, ей же Богу не лгу! Напрасно поруганіе терплю за мое усердіе и желаніе услужить, оправдывался Коноплянка и чуть не плакалъ, толкая ногой боченокъ, поставленный имъ на полъ.

— Великій Боже! сказалъ трагически Солопіевскій,—какъ гнусны бываютъ тѣ люди, которые, взявшись охотно исполнить порученіе, перепакостятъ оное!

— Сего я на свой счетъ не принимаю, отвѣчалъ, смотря прямо въ глаза Солопіевскому, Коноплянка,—ибо во всѣхъ важныхъ дѣлахъ служу вамъ полезными совѣтами, что̀ доказывается и нынѣ.

— Что нынѣ? вскричалъ domine, горько улыбнувшись,—вы даже браги не могли доставить обществу въ цѣлости.

— Что брага? возразилъ Солопіевскому Коноплянка съ ироніей,—вы дали Доксѣ денегъ на покупку ведра водки въ питейной конторѣ. — Что такое ведро?—Помочить губы было бы не во что!— Я распорядился совершенно иначе.

— Какъ же?

— Вмѣсто одного, Докса принесетъ четыре, отвѣчалъ эпитемистъ, стараясь басить.

— Не понимаю, вскричалъ озабоченный Солопіевскій,—какъ вы Доксѣ присовѣтовали дѣйствовать?

— Я сказалъ ему: собрать надлежащее количество учениковъ съ бутылками и штофами и весть ихъ въ Гаяровщину, якобы для собранія сухихъ дубовыхъ листьевъ, годныхъ въ лѣкарственныя пріуготовленія.

— Ну!

— Вотъ Гаяровщиной дойдутъ они до Забаровки и тамъ, наполня штофы и другіе сосуды вольнымъ виномъ, возвратятся съ онымъ и его будетъ достаточно для богатой вечеринки.

— Что ты учинилъ? закричалъ разгнѣванный domine, подбѣгая къ Коноплянкѣ съ кулаками, caput stupidum! Возможно ли мнѣ угощать пріятелей вольной водкой? Попадутся тобою посланные; моя фамилія, равно дворянское происхожденіе

моего питомца посрамлено быть может на неопредѣленное время. Не дай Богъ, если схватятъ ихъ хитрые объѣздчики!—Что ты надѣлалъ? Nequissim....

— Опоздаютъ поймать, поелику я, слѣдя издалека за приближеніемъ Доксы, совершившаго уже съ посланными подвигъ, бросился къ самому оберъ-объѣздчику. Такъ и такъ говорю, дайте, говорю, восемь гривенъ, скажу вамъ кто хочетъ провезть водку.—Оберъ-объѣзчикъ мнѣ рубль въ руки; а я ему и понесъ, что рѣзникъ, на своей бѣлой кобылѣ, везетъ мимо жидовскаго кладбища боченокъ вина.....

— Такъ объѣзчики? спросилъ интересовавшійся знать въ чемъ состоитъ дѣло Солопіевскій.

— Устремились подъ начальствомъ своего обера туда.

— А Докса? гдѣ же Докса?

Эпитемистъ взглянулъ въ окно и, подбѣжавъ къ domine, важно сказалъ:

— Грядетъ съ учениками въ твою комнату; пойду отверзу ему двери!

— Стой, закричалъ domine,—amicus intimus! Прости меня! при этомъ Солопіевскій пожалъ крѣпко руку Коноплянки и чуть не обнялъ его.

— Господь Богъ тебя да проститъ, отвѣчалъ скромно Коноплянка, отправляясь на встрѣчу Доксы.

Принесенное въ комнату вино было ту же минуту припрятано.

Ученикамъ дано въ кухнѣ покушать и, въ поощреніе на будущіе подвиги, Арфаксадскій далъ имъ полтину мѣди, что̀ и доставило храбрецамъ общую радость.—Два бурсака, по внесеніи въ квартиру вина, поставлены оберегать входы въ дворъ; третій бурсакъ полетѣлъ приглашать гостей. Свѣчи, вправленныя въ деревянные и глиняные подсвѣчники, начали зажигать, и съ освѣщеніемъ квартиры domine, гости молча входили и скромно садились. Солопіевскій суетился; приглашенные ежесекундно прибывали и гудѣли въ комнатѣ, какъ пчелы въ ульѣ.

Съ закусками на столахъ проявилась водка, нѣсколько стакановъ и рюмокъ. Не доставало козъ, и это самое безпокоило Павлушу.

— Козы, козы, что же ихъ не подаютъ? шепталъ на ухо Солопіевскому Бродницкій.

— Ахъ! я и забылъ! отвѣчалъ ему domine и тотъ часъ же, доставъ въ сундучкѣ денегъ, отдалъ ихъ двумъ бурсакамъ, оставившимъ охотно свои обсерваціонные посты, улетѣвшимъ и исчезнувшимъ въ темнотѣ ночной.

Бѣдные воспитанники! въ свѣжій вечеръ бѣжали въ однихъ суконныхъ сюртучкахъ; но ихъ грѣла надежда урвать, хотя частицу, денежекъ, имъ данныхъ на покупку козъ.

Сѣроватая брага шипѣла и пѣнилась въ широ-

кой лохани; штофы и бутылки розошлись по рукамъ. Въ караульныхъ не было надобности; они охотно принялись пить и закусывать.—Явились на пирушку два ставленика и еще три лица почтеннѣе и старѣе всѣхъ собравшихся. Изъ находившихся гостей тотъ, кто считалъ себя важнѣе, старѣе, образованнѣе, тотъ пилъ чаще, выбиралъ лучшіе куски и со вкусомъ ихъ поглощалъ.

Первые позывы аппетита были скоро удовлетворены, говоръ сдѣлался задушевнѣе. Пили брагу и водку, кто сколько хотѣлъ и всѣ почти въ одно время сдѣлались навеселѣ. Языки развязались; пришло время желать хозяевамъ пирушки всѣхъ возможныхъ благъ и поэтому нужно было хоромъ пѣть чарочку въ честь хозяевъ и каждаго гостя съ имерекомъ. Тотъ, чье имя упоминалось въ пѣснѣ, бралъ стаканъ и выпивалъ его; другіе же въ знакъ благодарности наполняли стаканы и залпомъ ихъ опоражнивали. Чрезъ четверть часа въ уголкахъ слышались въ полголоса пѣсни и пѣсенки. Чрезъ полчаса оказалась потребность въ музыкѣ. Музыканты были на лицо; за инструментами послали двухъ бурсаковъ; чрезъ нѣсколько минутъ услужливые бурсаки принесли инструменты. Музыканты взяли ихъ въ руки при общемъ крикѣ радости. Нѣсколько человѣкъ подкатывали голоши, чтобы пуститься въ плясъ,— больше всего преслѣдуемый строгимъ начальствомъ.

—Мусикійскія орудія суть въ рукахъ искусныхъ, сказалъ солидный богословъ.—Господа, продолжалъ онъ, обратясь къ своимъ товарищамъ,—просите domine Криковицю, возыграть намъ кое-что Флейту, согрѣвшуюся въ жаркой комнатѣ, поднесъ къ свѣчи тоненькій риторъ и вытеръ ее бумажнымъ платкомъ. Приложивъ къ губамъ инструментъ, онъ подулъ, сжимая свои губы, и флейта издала протяжную и дрожащую высокую ноту. Віолончель между колѣнами приземистаго философа загудѣлъ; скрыпки тоже построились въ ладъ и Криковица, смуглый сутуловатый человѣкъ, съ черными блестящими глазами, уже наигрывалъ какую-то прелюдію. Въ то время, когда музыканты строились общество умолкло и боялось пошевелиться.—Четыре музыканта сѣли рядомъ на скамейкѣ. Криковица проигралъ тихо два такта какой-то плясовой штучки, кивнулъ головой товарищамъ и они дружно начали. Стройные такты музыки, взятые съ огнемъ и энергіей, зашевелили все общество; приготовившіеся тутъ же вскочили съ своихъ мѣстъ и начали танцовать. Движенья ихъ не были граціозны, но кипучая жизнь проглядывала сквозь неподдѣльное удовольствіе во всѣхъ поворотахъ пляшущихъ семинаристовъ.

Нетанцовавшіе не спускали глазъ съ носившихся по тѣсной комнатѣ. Одинъ изъ нетанцовавшихъ нѣсколько разъ приподымался на стулѣ, даже пристукивалъ ногами и видно было какъ

ему желалось поплясать, но порывъ этотъ оканчивался одними жестами. Подымался онъ съ мѣста но раздумавши, откладывалъ подвигъ и равнодушно опускался на скамейку. Танцоры смѣнялись танцорами; пыль затемняла блѣдное мерцанье нагорѣвшихъ свѣчей, многіе изъ танцовавшихъ, задыхаясь отъ жару, бѣжали на дворъ освѣжиться, а музыка играла все такъ же стройно и такъ же прекрасно. Скрипачи плавно и широко тянули быстрыми смычками; басъ ровно и гордо ревѣлъ; флейта покрывали всѣхъ своими высокими трелями.

— Почто смятенъ духъ, отозвался въ углу дебелый философъ, котораго звали всѣ Мармуляре, — нашего стараго весельчака Серапіона Очкуровскаго?

О чемъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ!

проговорилъ басомъ Мормуляре, потрепавъ по плечу грустнаго Очкуровскаго.

Очкуровскій, явившись въ квартиру domine, съ нимъ однимъ сказалъ нѣсколько словъ, а съ другими раскланялся. Видный и красивый мужчина, Очкуровскій, съ волосами только что отпущенными рости свободно, тянулъ все время коновкою брагу, посматривая съ принужденнымъ равнодушіемъ на группу танцующихъ, такъ не давно бывшихъ ему товарищами по семинаріи.

— Есмь нынѣ знаешь кто? проговорилъ тихо Очкуровскій, обращаясь къ Мормуляре — мнѣ, продолжалъ онъ, нынѣ не подобаетъ!

— Не подобаетъ! огозвался со смѣхомъ здоровый ставленикъ, вскакивая съ своего мѣста.—Хватите-ка послѣ, domine, Криковица, нѣчто въ родѣ: o virgine turtur!

— Ну, сказалъ ставленникъ, дергая Очкуровскаго за рукавъ,—начнемъ вдвоемъ!

— Неравно батюшка узнаетъ, шепталъ Очкуровскій,—онъ мнѣ строго запретилъ пляски, игрища и разныя пѣсни свѣтскаго смысла.

— Ну, батюшка въ Калебердѣ, продолжалъ приставшій, подхватывая подъ руку Очкуровскаго.

— Дерзай! заревѣлъ, какъ цѣпной медвѣдь, Мормуляре.

— Дерзай, и я такожде дерзаю, прокричалъ кто-то, подбирая въ руки широкія полы платья и выходя на средину комнаты.

— Играйте, господа: прошу васъ позабавить дорогихъ товарищей нашихъ, проговорилъ учтиво Солопіевскій, присѣвъ рядомъ съ Криковицей. Криковица въ это время, поднявъ глаза вверхъ, исполнялъ на своей скрыпкѣ какую-то трудную гамму; переходилъ онъ изъ гаммы въ аккорды и все это окончилъ пиччи. Исполняя просьбу Солопіевскаго, Криковица потеръ смычекъ кускомъ бутылочной канифоли, придавилъ подбородкомъ скрип-

ку, взглянулъ на товарищей и тѣ, воодушевлясь, опять заиграли.

— Горе мнѣ! произнесъ Очкуровскій,—чувствую, что не въ силахъ удержаться отъ искушенія, произведеннаго надо мной музыкой. Батюшка! Прости, если я не исполню твоихъ приказаній... не властенъ есмь нынѣ надъ самимъ собою... душа моя не желаетъ... ноги такъ и несутъ меня въ проклятый танецъ...

— Зри! проговорилъ очень скоро тотъ же самый, который дожидался Очкуровскаго, и подобралъ давно полы платья,—начинаю...

Очкуровскій, какъ обваренный кипяткомъ, очутился среди комнаты, поднялъ свои широкія полы и пошла писать съ кондачками и безъ оныхъ. Всѣ присутствовавшіе дали мѣсто двумъ славившимся издавна танцорамъ и стали любоваться ихъ быстрыми тѣлодвиженіями. Очкуровскій скоро выбилъ изъ силъ своего товарища; тотъ упалъ на первую скамейку и, хватя себя за бока, тяжело дышалъ. Очкуровскій же продолжалъ танцовать и оставилъ свой танецъ не позже, какъ обошелъ въ присядку всю комнату раза три. Какъ нарочно, музыканты къ концу вечеринки выбирали лучшіе піесы своего ограниченнаго репертуара. Играли они шумку, саижаривку, купузучку, такъ энергически дѣйствовавшую на всѣхъ семинаристовъ.

—Satis! Satis! закричалъ Солопіевскій,—отдохните господа! Дайте выпить нашимъ дорогимъ му-

зыкантамъ и товарищамъ, такъ славно веселящимъ насъ своими орудіями.

— Козы... прошепталъ задыхавшимся голосомъ бурсакъ, отворяя дверь изъ сѣней въ комнату.

— Зовите ихъ сюда! закричалъ domine. Павлуша выскочилъ изъ-за двери глядѣть на козъ.

Въ комнату ввалились два здоровыхъ сбитеньщика; у каждаго изъ нихъ было по двѣ баклажки за плечами, обтянутыя холстомъ; по три вязанки бубликовъ на длинныхъ ремняхъ и по полъ-дюжины стакановъ въ лубочныхъ мѣстахъ у пояса. Семинаристы мигомъ окружили сбитенщиковъ.

—Господа! закричалъ domine,—прошу получать и довольствоваться. Стаканы съ своихъ лубочныхъ мѣстъ были вытасканы, налиты сбитнемъ; бублики расхватаны, перечницы опорожнены и сбитень весь выпитъ. Облегченны козы, молча вышли, радуясь, что ихъ скоро отпустили. Не смотря на дружественную, почти равную, компанію, вспышки легкой ссоры являлись; даже не одинъ уже разъ темное облачко недоразумѣнія готово было разразиться дракой, но Солопіевскій своей политикой и тѣмъ болѣе, что пробылъ въ домѣ генеральши Карпоушкиной нѣсколько времени, заслужилъ уваженіе товарищей, успѣвалъ примирить ссорившихся, и неудовольствіе, такъ сказать, въ самомъ своемъ зародышѣ прекращалось.

Не смотря на все это, Очкуровскій замѣтилъ, что рыжый ставленикъ, разгоряченный еще больше

виномъ, нежели онъ самъ, глядѣлъ на него съ какой-то ироньей и, усмѣхаясь, сказалъ ему нѣсколько незначительныхъ словъ. Очкуровскій, видя, что это относится прямо къ нему, всталъ съ мѣста и, какъ будто бы нечаянно, задѣлъ ставленика локтемъ по носу.

Всчочить съ мѣста и вцѣпиться въ густые волосы Очкуровскаго для ставленика было дѣломъ одного мгновенія. Къ несчастію, Солопіевскій раньше этого вышелъ въ кухню. Здоровый Очкуровскій не былъ въ состояніи освободить свои волосы изъ рукъ ставленика и остановился, боясь пошевельнуться.

— Господа! вскричалъ вбѣжавшій Солопіевскій, —ради Бога, оставьте сору! Ради благороднаго питомца, ввѣреннаго моему смотрѣнію! Не подайте ему случай зрѣть образецъ памятозлобія.

— Ну его... закричалъ кто-то.

Нѣсколько человѣкъ бросились было разнять схватившихся.

— Нѣтъ, нѣтъ, не троньте, закричала бо́льшая часть гостей.

— Не мѣшайте! это послѣдствія исторіи, бывшей на второмъ курсѣ философіи.

— Дѣло о похищеніи кисета!

— Оставьте! Пусть они представятъ намъ двухъ гладіаторовъ.

— Двое бьются, третій не мѣшайся.

Долго простояли среди комнаты схватившіеся

силачи; наконецъ раскачались, вцѣпились одинъ дрогому въ волосы еще крѣпче и засовали ногами по глиняному полу, проводя борозды каблуками сапогъ, какъ раломъ.

Начало битвы показалось имъ не удовлитворительно.—Страшно засопѣли они и, какъ будтобы сговорясь, начали драться такъ, что половина ихъ одеждъ разлетѣлась лохмотьями. Одинъ другому не уступалъ. Присутствовавшіе безмолвствовали и жадно на это смотрѣли.

— Иванъ Докса! Ради Бога, разнимите этихъ сумасшедшихъ, проговорилъ на ухо Доксѣ, чуть ли не сквозь слезы, Солопіевскій.

Докса пріятно улыбаясь, бросился; схватилъ одного правой рукой за горло, другаго лѣвой за грудь и развелъ ихъ чуть ли не на сажень:—да будетъ между вами миръ! провизжалъ онъ, продолжая улыбаться.

— Вонъ, вонъ Иванъ Докса! закричали зрители.

Докса продолжалъ держать двухъ рознятыхъ и глядѣлъ имъ очень привѣтливо въ глаза.

—Схватите самого Ивана Доксу! закричалъ Арфаксадскій,—зацѣпите за руки Доксы два полотенца.

— Возьмемъ мы, закричалъ Мормуляре, за сіи концы и вытащимъ Ивана Доксу вонъ изъ комты.—Всѣ уцѣпились за полотенца и среди отчаяннаго крику domine, плача Павлуши, Ивана Доксу потащили изъ комнаты вмѣстѣ съ двумя ссорив-

шимися, которые рады давно были отъ него вырваться.—Крикъ возвисился до того, что одни другихъ не слышали. Дѣйствіе перенеслось въ другую комнату и схватка началась общая.—Докса положилъ всѣхъ, кто ни попадался ему подъ руку; на Доксу бросились многіе. — Музыканты хотѣли унести свои инструменты и насилу успѣли, пожертвовавъ басомъ, который подъ ногами дравшихся разлетѣлся въ мелкія щепки. — Навастривали зубы уже дорогіе и пьяные гости на domine, упрекали его, что онъ пригласилъ ихъ для водворенія всеобщей вражды, для отмщенія имъ за прошлое; но распахнулись двери и въ нихъ показалась высокая и блѣдная фигура въ пуховой шляпѣ и черной шинели.

Воцарилось гробовое молчаніе. Человѣкъ въ шляпѣ и шинели былъ инспекторъ. Въ минуту его появленія, свѣчи потухли и гости бросились вонъ.—Одни выпрыгнули изъ оконъ другой комнаты; бо̀льшая часть бросилась на проломъ въ двери и сшибла съ ногъ г. инспектора. Гости же спасались кто куда успѣлъ.

— Свѣтильникъ! Свѣщу! кричалъ г. инспекторъ, —кто освѣтитъ сію тьму, тотъ будетъ мною прощенъ за всѣ шалости, здѣ мною обрѣтенныя.

Коноплянка выросъ какъ изъ земли и подалъ инспектору зажженную свѣчу, обернувъ ее своимъ платкомъ.

Оглоданныя кости, объѣдки пироговъ, слѣды бра-

ги, запахъ вина, остатки разсыпаннаго на столѣ табаку и много табачной золы, вотъ что̀ могъ найдти г. инспекторъ.

Въ двухъ комнатахъ не было ни души, окна были полуотворены. Г. инспекторъ съ благочинными обшарилъ всѣ углы, осмотрѣлъ всѣ мышьи норы и кромѣ пустыхъ бутылокъ, корокъ хлѣба и костей изъ жаркаго ничего не нашелъ.

— Domine Запухлевичъ, сказалъ тихо г. инспекторъ одутловатому, съ плутовскимъ взглядомъ, богослову,—я съ domine Шпарковскимъ возвращусь домой, а вы запишите тѣхъ отъ мало до велика, кто квартируетъ въ семъ дворѣ и завтра доставате списокъ въ семинарское правленіе.

— Исполню приказаніе ваше, Аполлонъ Феофиловичъ, отвѣчалъ Запухлевичъ и, проводя г. инспектора за ворота, возвратился записывать квартирующихъ, съ помощію разбуженнаго тревогой и шумомъ хозяина.

Въ чуланчикѣ, пристроенномъ къ кладовой, происходила совсѣмъ другая сцена. — Докса, прижавъ къ столу трепещущаго эпитемиста, заливалъ его водкой.

— Не могу, ей же ей, не могу, Иванъ Докса, отпустите меня...... я....

— Пей, Іуда предатель, паушникъ! донесъ инспектору.

— И донесъ, отвѣчалъ, глотая водку, Коноплянка.

— Для чего донесъ?

— Чувствуя себя обиженнымъ, не бывъ приглашенъ въ компанію вашу, рѣшился на сей низкій поступокъ....

— Пей же, пей!

— Не могу.

Докса насильно вливалъ въ ротъ Коноплянки водку и тотъ уже началъ шататься, произнося невнятные звуки.

— Допивай, можетъ быть, завтра меня исключатъ изъ семинаріи, можетъ быть, прогонятъ. Что скажетъ на это моя несчастная мать?—Мать, которая руками своими питаетъ меня въ семинаріи! Осталось мнѣ быть въ классахъ три года и меня выгонятъ, меня—перворазряднаго ученика!

Коноплянка, какъ трупъ, упалъ среди чуланчика, дышалъ тяжело и былъ безъ всякаго сознанія.

— Ты знаешь, читалъ надъ нимъ Иванъ Докса, —можетъ быть, я пошелъ бы въ медицину, былъ бы славнымъ лекаремъ, можетъ еще штабъ-лекаремъ, а ты..... Нѣтъ, напрасно я съ тобой трачу свое краснорѣчіе.—Пойдемъ въ проходку!

Съ этими словами Докса схватилъ Коноплянку руками поперекъ и взвалилъ его къ себѣ на плечо.

Вышедши на дворъ и прислушавшись, что тамъ все тихо, побрелъ онъ съ своей ношей за ворота и, скоро взобравшись на валъ, исчезъ между рядами домиковъ, выходившихъ на большую улицу.—

Дошелъ Иванъ Докса до первой полицейской будки и толкнулъ колѣнкомъ въ дверь. На порогѣ показался раздѣтый до рубахи будочникъ, произнося не совсѣмъ ласковыя слова.—Не успѣлъ онъ раскрыть своихъ глазъ, какъ Докса бросилъ на него Коноплянку и обоихъ втолкнулъ въ будку. Притворя дверь, Иванъ Докса вырвалъ старый фонарный столбъ и, припершн имъ двери, поспѣшно удалился.—Еще никто изъ учащихся не прошелъ въ семинарію, а въ правленіи были собраны всѣ соквартиранты domine Солопіевскаго, и онъ самъ былъ на лицо.

— Ваша квартира, domine Солопіевскій, сказалъ г. инспекторъ, уставя свои безжизненные оловянные глаза на хозяина бывшей пирушки,—по какому случаю была явнымъ позорищемъ питья, плясокъ, игрищъ и непозволительныхъ дракъ?

— Non possum, non possum ворчалъ domine, оробѣвъ и не зная, что̀ ему дѣлать.

— Отвѣчайте, не то отберу у васъ кондицію, исключу васъ изъ симинаріи, не смотря на то, что вы одинъ изъ лучшихъ учениковъ оной.

— Находясь подъ вліяніемъ вчерашняго страха, затрудняюсь отвѣтствовать.—Виновенъ нахожусь во всемъ одинъ; приглашалъ я всѣхъ тѣхъ, кто квартировалъ на одномъ дворѣ, поэтому....

— Пойдете въ карцеръ на трое сутокъ; а если откроется вслѣдствіе вашей пирушки что-либо въ высшихъ отдѣленіяхъ симинаріи, то увѣряю васъ

—пострадаете!—Domine отправился въ карцеръ, другимъ тоже велѣно идти туда, и они пошли, повѣсивъ головы.—Малечу всѣ отправили къ инспектору низшихъ отдѣленій.—Не разбирали кто зналъ изъ нихъ о пирушкѣ, кто спалъ въ то время, когда другіе бѣсились, а всѣхъ ихъ положили и выдрали порядочно.

Шмарковскій каждый часъ во время симинарскихъ лекцій приводилъ изъ карцера къ г. инспектору одного изъ посаженныхъ.—Инспекторъ сидѣлъ въ комнатѣ, съ затворенными ставнями, свѣча тускло отвѣщала его убѣжище, окруженное сѣнцами, корридорами и чуланами.

— Какое сборище, спросилъ тихо г. инспекторъ введеннаго къ нему съ завязанными глазами Доксу, —созрѣло въ высшихъ отдѣленіяхъ и готово осуществиться?—Съ какимъ намѣреніемъ и для какой цѣли оно секретно продолжаетъ таить свое бытіе?

— Не знаю, не вѣдаю, неповиненъ есмь, говорилъ Иванъ Докса, всхлипывая довольно громко хотя и притворно.

— Отвѣтствуй, находишься предъ лицомъ одного главнаго изъ слѣдователей! Скажи цѣль вашу? Освобожу тебя; а отъ другаго развѣдаю.

— Не знаю, шепталъ Докса.

— Будешь жестоко здѣсь же наказанъ!

— Готовъ выдержать истязаніе; но клеветы не возглаголю.

— Ступайте на лекцію и о допросѣ никому ни слова.

Докса поднялся съ полу, выбѣжалъ изъ инспекторской и, прошмыгнувъ въ двери риторики, сѣлъ на свое мѣсто.

Переспросилъ г. инспекторъ хотя всѣхъ семенаристовъ, однакожь ничего открыть не могъ.— Солопіевскій изъ переспрашеваемыхъ былъ послѣднимъ. Когда распросы кончились, инспекторъ вызвалъ соглядатая Запухлевича, таившагося съ бумажкой и карандашамъ за кроватью, и тихо сказалъ: я погибъ, если не открою сего. Ради Бога, domine Запухлевичъ, откройте, если жалѣете меня!—Запухлевичъ побожился, что всѣ свои способности знанія приведетъ въ дѣло. Запухлевичъ ожидалъ, что начальство его достойно возблагодаритъ, сохранивъ въ спискахъ имя Запухлевича, вовсе до этого времени неизвѣстное.

ГЛАВА VII.

—

Замерзаніе рѣкъ въ Малороссіи, равно и возстановленіе зимнаго пути начинается не раньше 6-го декабря. Павлуша рѣдко ходилъ въ семинарію, а полюбилъ въ саду круглое озеро, покрывшееся зеркальнымъ льдомъ; тутъ онъ съ утра и до ночи гонялъ кубари разныхъ видовъ и величинъ. Domine занимался очень по вечерамъ, стараясь читать въ слухъ по-французски и слова: вьюнъ оммъ, юнь фамь, воля, ле бребе, ланкръ,—анціель, гужурдгувы и проч. повторялъ онъ безпрырывно; сидя у стола и опершись кулаками объ лавку, покачивался, какъ часовой маятникъ. Уже Павлушѣ грезилась Раковая-Балка, уже онъ былъ заранѣе веселъ, ожидая 22 декабря.

Праздники Рождества и Воскресенія для учениковъ низшихъ отдѣленій представлялись въ самой пріятной перспективѣ. Они жили и дышали однѣми надеждами провесть дни отдохновенья, пресы-

щенья и свободы. Перспектива домашнихъ удобствъ не выходила изъ головы имѣвшихъ состоятельныхъ родныхъ и занимала въ ней первое мѣсто.— На переднемъ планѣ фантастической картины, созданой воображенiемъ инфимистовъ, граматиковъ и даже нѣкоторыхъ синтактиковъ красовались жирные смаленые кабаны, съ торчащими, полузажарившимися ушами; за кабанами слѣдовали подсвинки, поросенки, колбасы, за ними пироги, пасхи, бабы и красныя яицы оканчивали восхитительную въ гастрономическомъ отношенiи картину. Для студентовъ все это тоже видѣлось, но въ туманѣ, среди котораго явственно обрисовывались призраки милыхъ существъ, окруженныя тонкимъ розовымъ цвѣтомъ.—Всѣ эти существа были съ полными дѣвственными персями и опущенными долу взорами. Всѣ, или почти большая часть взрослыхъ семинаристовъ, видѣла часто въ грезахъ подобныя картины; но ни одинъ изъ нихъ не дѣлился ими съ товарищами. Прятать ихъ, какъ тайну души, не знавшей еще страданiй высокаго блаженства любви, въ глубину сердечную, было для счастливцевъ наслажденiемъ. Своекошные семинаристы всѣ безъ изъятiя ѣдутъ домой хотя бы за двѣсти верстъ. Представьте двухъ дебелыхъ философовъ: они расположились въ длинныхъ и низенькихъ саняхъ; не знаютъ куда дѣвать ноги и свѣшиваютъ ихъ на стороны. Любовь есть, брате мой, химера! говоритъ одинъ братъ другому.

— Дѣйствительно химера, но не гора Ѳригіи!— Тощая тройка лошадей, съ колокольчикомъ захваченнымъ въ пономарнѣ, съ трудомъ тащитъ двухъ здоровяковъ,—и третьего пономаря.—Съ пятидесятью копѣйками они должны проѣхать 200 верстъ и чрезъ недѣлю возвратиться,—можетъ быть, не больше какъ съ десятью рублями мѣдныхъ денегъ, мѣшками муки и другою провизіей.—Ихъ не пугаетъ трудность пути; охотно ѣдутъ они домой и, молча, всю дорогу мечтаютъ, какъ и что будутъ дома ѣсть? Куда въ гости поѣдутъ? Что будутъ тамъ пить? Подросла ли двадцати-трехъ лѣтняя дочь протоіерея?—Оба они обо всемъ этомъ думаютъ; но ни за что на свѣтѣ не сообщатъ одинъ другому своихъ мыслей, тѣмъ болѣе сокровеннѣйшихъ чувствъ.—Сопятъ да ѣдутъ шашкомъ, закутавшись въ бумажные багдатскіе платки и воротники шинелей два родные брата.

Передъ заходомъ солнца въѣзжаютъ въ отцовскій дворъ; почтенный старичекъ іерей встрѣчаетъ ихъ благословеніемъ на порогѣ своей небогатой хижины и торопитъ дѣтей обнять матушку.

Матушка съ обильными слезами бросается въъ объятія дѣтей, щеголяющихъ силой, ростомъ и съ большимъ трудомъ можетъ достать нагнувшихъ выи сынковъ, чтобы облобызать ихъ дѣвственныя уста.—Философы поздоровались, сѣли и продолжали молчать; матушка не перестаетъ заглядывать въ печь, гдѣ шкварчатъ сковороды и кипятъ горшки.

— Проголодались дитенята! хотите покушать? спрашиваетъ философовъ старушка, поглаживая имъ головки. Каждый изъ этихъ дитенятъ могъ бы однимъ кулакомъ своимъ убить лошадь. Съ утра держа строгій постъ, дитенята проголодались дѣйствительно и старшій молчитъ и глотаетъ слюнки, а меньшій нетерпѣливо посматриваетъ въ окно.

— Чего вы, Петруша, смотрите въ окно? спрашиваетъ мать младшаго сына.

— Гляжу, отвѣчаетъ сынокъ, скоро ли покажется звѣзда, которую вольфы видѣли предъ обрѣтеніемъ Христа во яслѣхъ.

— Нынѣ святъ-вечеръ, отозвался старшій братъ, —и не подобаетъ вечерять, пока звѣзда не засіяетъ.

— Вотъ, вотъ, скоро покажется, говоритъ радостно и выходитъ собирать на столъ. Наблюдавшій вдругъ вскакиваетъ съ мѣста и кричитъ: показалась ясно звѣзда!

— Возжечь свѣщу, распоряжается другой братъ, и оба съ огнемъ входятъ къ батюшкѣ, который только что окончилъ молитву и сѣлъ за столъ въ комнатѣ, накуренной ладономъ. Принимаются они за вечерю. Соленая чечужина, щука до бурякового квасу, жареный чобакъ, отварная тарань; все это кушается съ пирогами, начиненными капустой, кашей и горохомъ. Отъ этихъ простыхъ и грубыхъ блюдъ со стола работница уноситъ однѣ кости. Семейство еще не пресытилось и оставило просторное мѣсто для взвару и кутьи. Въ кра-

сномъ винѣ и наливкахъ недостатка не было за вечерю. Матушка все это приготовила для дитенятъ заранѣе и щедро имъ наливала. Бѣдныя дѣти чуть-чуть встали изъ-за стола и поплелись спать въ пекарню. И тамъ попеченіе нѣжной матери не оставило ихъ скучать, пока дѣти заснутъ. Матушка предоставляетъ въ распоряженіе ихъ тыкву варенухи на фигахъ и родзинкахъ.

— Федюша. скажетъ мать меньшему сыну,—отчего это вы все волосами своими закрываете лѣвый глазъ? Не обидѣлъ ли васъ кто?

— Обидѣть то меня, никто не обидѣлъ, а есть нѣкое пятно сине-багроваго цвѣта, явившееся вслѣдствіе полученнаго мною удара въ глазъ на послѣднихъ кулачкахъ.

— Такъ и есть, скажетъ мать,—я догадалась отчего вы скрывали лѣвую сторону вашего лица отъ батюшки. Ничего—оно пройдетъ; по пыкамъ можно; это не сдѣлаетъ вреда. Вотъ ежели зубокъ или два зубка выбьютъ—худо! Ну, можетъ, кто васъ ударилъ... вы, какъ.... какъ? и старуха дѣлаетъ грозные жесты.

— Ему, братецъ, своротили щелепы немножко въ сторону и перебили носовый хрящикъ; уже давно вѣрно срослось у него.

— Ну и дило ваше прекрасне, скажетъ мать, попробуетъ сама варенои и проситъ дѣтей выпить, тайкомъ, чтобы батюшка не довидався.

— О! мы матушка до свѣта все это выпьемъ!

— Вы намъ и къ новому году приготовите такую же точно тыкву, говоритъ старшій, облизываясь.

— И къ Крещенью, говоритъ Федюша.

— И на дорогу, матушка, прибавляетъ первый.

— Хорошо, хорошо, вы у меня два сына, якъ два сокола! Выпейте по троху та й спать! Добраничь!

— Мы все это выпьемъ.

— Добраничь, матушка!

Старуха цѣлуетъ дѣтей и оставляетъ ихъ на свободѣ, тайно отъ мужа, пьянствовать!

Кулачный бой, гдѣ проявлялась во всей силѣ славянская удаль, почти выводится и не столько полицейскими мѣрами, сколько наступающей цивилизаціей. Это невинное удовольствіе, въ которомъ не рѣдко можно было видѣть свороченныя на сторону челюсти, развивало физическія силы народа, питало его бодрость, пріучало его къ стойкости, мужеству, ловкости и храбрости. Кромѣ всего этого, кулачный бой былъ нашей національной гимнастикой, и мы не тратили денегъ на жалованье сухопарымъ гимнастерамъ.

Солопіевскій не давалъ больше вечеринокъ, хотя охотно принималъ къ себѣ товарищей и угощалъ ихъ изрѣдка обѣдомъ, а чаще ужиномъ. Завтракали у него товарищи часто. Въ воскресный день послѣ обѣда собрались нѣкоторые семенаристы въ квартирѣ domine и изъявили сердечное желаніе идти

хотя взглянуть на кулачный бой. Въ самой же сущности имъ хотѣлась самымъ подраться; но обнаружить это хотѣніе было опасно, чтобы еще раньше не дошло оно до начальства чрезъ посредство добрыхъ товарищей и тѣмъ самымъ осталось въ одномъ предположеніи. Павлуша давно уже отправился бродить по переяславскимъ закоулочкамъ, которые кажутся пусты; но попрубуйте, хотя въ полночь, закричать тамъ: стой! стой! стой! и со всѣхъ сторонъ налетятъ на васъ пивпарубки, словно груши съ встряхнутаго сильными руками дерева. Павлуша тоже хотѣлъ посмотрѣть на кулачки и взобрался на высокій валъ, унизанный семинаристами и солидными мѣщанами. По обѣимъ сторонамъ Альты пестрѣли группы мальчишекъ, ожидавшихъ когда пошлютъ ихъ зарывать. Всѣмъ присутствовавшимъ было давно уже извѣстно, что горожане въ этотъ разъ намѣрены жестоко поколотить заильтичныхъ и отмстить имъ за прошедшее посрамленіе и побіеніе. Толпы на валу густѣли и ждали съ нетерпѣніемъ завязки дѣла.

Этотъ валъ отъ Кіевской башты темнѣлъ отъ однихъ семинаристовъ, медленно и гордо расхаживавшихъ въ шинеляхъ съ спрятанными въ воротники лицами. Нѣкоторые неожидали большаго количества людей, готовыхъ участвовать въ бою; и оттого грустно смотрѣли на предстоящую свалку, какъ мелочную и не достойную ихъ участія. Душевно рады бы они были возстановить павшую славу горожанъ,

славу, уже померкнувшую въ нѣсколькихъ бояхъ и этой и прошедшей зимы.

— Не туда вы устремили взоръ свой, заворчалъ Круподерскій, толкая локтемъ своего товарища, —взгляните за хату Закатистаго!

— О! го! го! заревѣлъ Мурмуляре,—сколько ихъ тамъ! это тьма!

— Достаточное количество къ побіенію и посрамленію, отозвался кто-то въ нагольной курткѣ и бараньей шапкѣ, похлопывая накоржнями, въ которыхъ большіе пальцы налиты были шевской смолой,—мы имъ, продолжало это лицо, поддадимъ солоду! Кружокъ семинаристовъ расхохотался, узнавъ Ивану Доксу, переодѣтаго и такъ красноречиво выразившагося.

— Вы здѣсь, Иванъ Докса, сказалъ Горбузовскій, подходя къ Доксѣ и охорашиваясь въ чужомъ армякѣ и шляпѣ безъ полей и донышка.

— Персонально, пробормоталъ Докса и быстро сбѣжалъ внизъ.

Чоботари, съ ихъ подмастерьями и учениками, работники золотыхъ дѣлъ мастеровъ, лавочники, (которыхъ хозяева зовутъ: молодецъ! а покупатели: любезный! подь сюда!) колесники, кузнецы, выступаютъ противъ торгашей ременемъ, кожемякъ, чынбарей, шкурниковъ, мельниковъ, свинарей и мясниковъ. Первые всегда бились за городъ; вторые за Заильтыцю. Горожане выставили всѣ свои силы. Заилтычане хитрятъ; ихъ и половины не

видно; но взгляните, сколько ихъ притаилось подъ сараями, повитками, плетнями и барканами. Сила! Обѣ стороны, не смотря на наружное спокойствіе, удерживаютъ въ груди лаву, которая воспламенится, заклокочетъ и разольетъ свой огненный потокъ, готовый превратить въ прахъ все, что ни попадется ему навстрѣчу. Заильтычане молчатъ; переяславцы выказываютъ энергію въ рѣдкихъ, но сильныхъ кликахъ и вызовахъ. Семинаристы большею частію появлялись, переодѣвшись въ чужія платья. Никто не узналъ бы domine въ сирякѣ, Скубкевича въ нанковомъ халатѣ и Арфаксадскаго въ синей чумаркѣ.

Были и такіе удальцы, которые, оставивъ сюртукъ и даже жилетъ, явились въ однѣхъ шенелишкахъ, подбитыхъ воздухомъ. На нихъ холодъ не дѣйствовалъ; теплота разливалась по ихъ жиламъ отъ одной мысли побить Заильтычанъ.

— Стой! стой! стой! зашумѣли съ обѣихъ сторонъ, и толпы начали шевелиться и сходиться. Горожане лавой двигались впередъ; Заильтичане медленно приближались какимъ-то треугольникомъ.

— А ну! й! наши не робей! стой! стой! Заильтичане раздвинули треугольникъ и начали съ горожанами зарывать. Удары слышались очень рѣдко. Пары тры сбитыхъ съ рукъ руковицъ полетѣло въ сторону.

— Ну! ну! наша! Наааша!

На нѣсколькихъ пунктахъ завязалась драка; уже

мальчишки оборотили тылъ и уступили поле битвы пахолкамъ и пивпарубкамъ. Удары сыплются чаще, кулаки мелькаютъ въ воздухѣ надъ головами двухъ сторонъ. Главныя силы не выказываются; при колебаніи сторонъ, онѣ подадутъ помощь, но теперь дрожатъ отъ нетерпѣнія, а не двигаются съ мѣста.

— Бій! бій! бій! Роззява! Я сейчасъ на подмогу! Ну, наша! валы! валы!

— Эге! ге! ге! Отъ якъ! кричитъ высокій горожанинъ, скидая быстро свой нагольный кожухъ, за мною хлопцы! Ай! да не выдай же! стооой!

Живая драка съ обѣихъ сторонъ завязывается и длится она съ равнымъ успѣхомъ нѣсколько секундъ. Глядите, уже и семинаристы бросились въ пылъ битвы.—Какъ ловко и какъ славно дерутся! — Докса давно уже окруженъ лежащими и бьетъ всякаго, кто къ нему приближается. Рукавицы его наносятъ сильные удары.—На него налетѣлъ Галопятый, и Докса двумя ударами повалилъ его и, ставъ, ногой ему на вязы, продолжаетъ работать, не двигаясь съ мѣста.—Еще все идетъ просто, ожесточенія между враждующими нѣтъ; сильные удары принимаются съ улыбкой, которая старается маскировать вопіющую боль; но вотъ изъ толпы выбѣгаетъ нѣсколько человѣкъ; пришлось имъ жутко; уходятъ они съ окровавленными лицами, съ расплюснутыми носами.

Кровь, кровь нужна, для озлобленія и воспламенѣнія толпы.

— Эге! ге! вотъ такъ!

— Стрывайте, дядюшка! ось и мы!

— Ой! бьютъ! бьютъ! бьютъ нашихъ!

Среди Альты раздавался ревъ ожесточенныхъ бойцовъ. Сотни рукъ мелькали поверхъ головъ и удары, какъ градъ, сыпались на овчинные тулупы. Полуживаго Голопятка вытащили изъ-подъ ногъ Доксы; за руки потянули его по снѣгу и бросили на ледъ. Лежитъ здоровый Голопятка съ разметанными ногами и руками; широкая его грудь тяжело дышетъ. Вотъ нѣсколько человѣкъ на четверенькахъ выползаютъ изъ толпы; но ихъ давятъ бѣгущіе и немилосердо попираютъ ногами.

Самые солидные семинаристы, глядѣвшіе издали на завязавшееся дѣло, кидаютъ свои шинели дожидающимъ и летятъ въ бой.—Горожанамъ худо и эта послѣдняя помощь не опрокинетъ стойкихъ кожемякъ.—Горожане видятъ, что чрезъ секунду должно будетъ имъ уходить; но стоятъ твердо и сносятъ терпѣливо желѣзные удары Заильтычанъ.

Семена Мацапуру, Баранца и Глобчастаго, давно уже повезли на санкахъ за Ильтыцю, за то Голопятка возсталъ и поддержалъ опять кожемякъ,— ловко треснувши сзади Ивана Доксу и, схвативши руками за ноги, уронилъ его на ледъ.— Полиція съ начала любопытствовала издали; но принадлежа, больше къ городу, нежели къ Заильтыцѣ,

забыла совершенно свои обязанности.—Нѣсколько будочниковъ (изъ уваженія къ нимъ называемыхъ нынѣ кавалерами) скинули казенныя шинели и, бросившись въ толпу, начали дубасить Заильтычанъ кулачищами, привычными уже къ этому дѣлу.

Благочинные изъ семинаристовъ, подъ предводительствомъ хитраго Запухлевича, давно высматривали изъ-за угловъ съ карандашами и тетрадками, съ непоколебимымъ намѣреніемъ замѣтить (записать) тѣхъ изъ семинаристовъ, которые будутъ участвовать на кулачномъ бою; но живой духъ этихъ образцовъ трезвости, кротости и примѣрнаго поведенія встревожился. — Верхнее платье брошено на землю; въ однихъ жилетахъ, даже безъ *оныхъ*, явились благочинные наподмогу, поддерживаютъ на мгновеніе остановившихся и готовыхъ бѣжать горожанъ.—Жаль, не на долго.

Видно колебаніе въ массѣ горожанъ, умолкли ихъ крики. Они не знаютъ, на что̀ рѣшится, и послѣднимъ усиліемъ окончательно оттѣсняютъ Заильтычанъ. Половина ихъ падаетъ, другая часть бѣжитъ, прокладывая путь по лежащимъ.—Этого только не доставало для возобновленія угасшихъ силъ горожанъ.—Преслѣдуя кожемякъ, горожане издаютъ радостный крикъ и тѣснятъ противкиковъ къ оградѣ церкви Бориса и Глѣба. Улица, какъ ни была широка, сдѣлалась тѣсна для уходившихъ и преслѣдовавшихъ.

Кожемяки готовы уже были разсѣяться въ ули-

цы направо и налѣво, но съ ихъ стороны кто-то закричалъ громкимъ и звонкимъ голосомъ:

— Стой, не тикай! Съ нами Сапрыга!

— Ось, ось, ось, дядюшка Пантелеймонъ щей Мыкытовичъ! прододжалъ другой голосъ, грубо и самоувѣренно.

Этихъ возгласовъ достаточно было, чтобы Заильтычане съ кожемяками не дали горожанамъ оборотиться.—Бросились они съ дикой злостью на послѣднихъ, ударами обратили ихъ въ бѣгство и начали ихъ преслѣдовать безъ суматохи, шуму и крику.—Слышался глухой топотъ всей массы народа по грудамъ замерзшей грязи.—Издали можно было подумать, что нѣсколько батарей съ тяжелыми орудіями несутся маршъ-маршъ по торной дорогѣ на линію.

Впереди Заильтычныхъ, саженными ступнями шагалъ, подавшись корпусомъ впередъ, человѣчище огромнаго роста, атлетическаго сложенія. Безъ шапки, съ развѣвающимся чубомъ на макушкѣ головы, кривой на правый глазъ, съ изрытымъ натуральной оспой лицомъ и почти безъ носа, этотъ человѣкъ внушалъ уваженіе къ своей особѣ, самымъ сильнымъ бойцамъ.

Кромѣ всѣхъ, исчисленныхъ мною качествъ и добродѣтелей, физіономія этого молодчины носила на себѣ отпечатокъ сатанинскаго лобзанія и могла среди бѣлаго дня испугать всякаго. Ротище у этого господина проглотилъ бы въ разъ мо-

сковскую сайку, а руки у него торчали, какъ два желѣзные коромысла на площадныхъ вѣсахъ. Полы его синяго камзола развѣвались, какъ крылья, открытая рубаха обнажала грудь, обросшую щетиной.

Это былъ извѣстный кулачный боецъ Пантелеймонъ Мыкытовичъ Сапрыга, потерявшій три года тому назадъ на кулачкахъ единственное украшеніе своего лица—носъ.

Удостовѣрясь, что крикъ, возвѣщавшій появленіе знакомаго Сапрыги, справедливъ, городскіе бросились уходить; ихъ взогнали на мостъ. Уже половина бѣгущихъ, благополучно переправясь на свою сторону, готова была разсыпнымъ безпорядкомъ уходить; но со стороны кузницъ валила къ нимъ на подкрѣпленіе свѣжая толпа народу.

Стойте наши! назадъ! ей наши, самъ винъ! Каганецъ! Максимовичъ!

Крики эти мгновенно возвратили мужество горожанамъ. Они оборотились и вступили среди моста въ новый бой. Была причина возрожденія силы и храбрости бѣжавшихъ; Каганецъ предводительствовалъ ими.

Достойный соперникъ Сапрыги былъ въ противоположность ему низенькаго роста, сутуловатый и плечистый; огромная лысина на макушкѣ его большой головы окаймливалась рыжимъ и жид-

кимъ пушкомъ тонкихъ волосъ; руки его висѣли далеко ниже колѣнъ.

— А ну наши! захрипѣлъ въ носъ Сапрыга, пріостановясь среди моста, въ головѣ толпы своихъ заильтичныхъ.

— Держись, ближче! кричалъ Каганець, взлетая на мостъ съ дикимъ хохотомъ впереди улыбающейся злобно толпы горожанъ.

Знаменитые бойцы, среди двухъ враждующихъ сторонъ, безмолвныхъ и окаменѣлыхъ, вступили въ драку. Стальными руками рѣзали они холодный воздухъ, поражая одинъ другаго то глухими, то звонкими ударами. Сапрыга не расчитывалъ куда направить ударъ; а лупилъ такъ, куда попало тамъ и пристало, тамъ ему ужь и лежать должно.

Каганецъ дѣйствовалъ иначе.

Выдержавъ безъ малѣйшаго движенія нѣсколько ударовъ Сапрыги, раскачался и далъ Максимовичу всего на всего только три звонкихъ и быстрыхъ удара. Казалось бы, отчего не выдержать; но Сапрыга давно уже повалился, какъ вывороченный бурей дубъ и лежалъ безъ движенія.

Заильтычане, увидя среди моста Максимовича, закрычали и съ звѣрскимъ ревомъ окружили Каганца. Видно было, что у одного разъяреннаго кожемяки торчалъ брусъ въ кулакѣ и онъ готовился пробить лысую голову Каганца; но не тутъ то было—горожане торжествовали. Мостъ подъ

тяжестью двигавшейся массы людей, закачался, на подгнившихъ столбахъ, накренился на бокъ. Очень скоро послѣ этого раздался слабый трескъ, мостъ рухнулъ и дравшіеся, съ обломками досокъ, перилъ и подвалинъ полетѣли внизъ.

На мгновеніе воцарилась тишина; пыль поднялась надъ горой шевелившихся между обломками моста людей. Кто упалъ счастливо, тотъ со смѣхомъ спѣшилъ выкарабкаться, другіе охали; тѣ просили вытащить ихъ. Вражда была въ эту минуту забыта. Горожане вытаскивали Заильтычанъ; Заильтычане горожанъ. Одни другимъ оказывали вниманіе, соболѣзнованіе и предлагали свои услуги.

Происшествія и смертнаго случая по счастію не было; но городничій, верхомъ на лошади, прискакалъ и долго его благородіе смѣялись. Потому что они одни, подъ чужимъ именемъ, брали подряды строить мосты и другія необходимыя зданія.

— Ну, не говорилъ ли я вамъ, Зажируха! сказали городничій полицейскому офицеру, весьма похожему на кролика,—что мостъ этотъ когда-нибудь рухнетъ?

— Точно изволили говорить, отвѣчалъ тоненькимъ и льстивымъ голоскомъ офицеръ полиціи.

— Ну, какъ вы находите? Вѣдь рухнулъ?

— Точно рухнулъ.

— Ну, то-то же! и его благородіе поѣхали разсказывать это происшествіе своей супругѣ, при-

казавъ квартальному поймать хоть кого-нибудь изъ участвовавшихъ въ бою и посадить.

— Да они всѣ разбѣжались, кричалъ квартальный, схватывая себя за волосы.

— Кого-нибудь поймайте, кричалъ еще громче городничій, пріостанавливая единственнаго коня, пожарнаго,—вонъ кто-то идетъ и схватите!

— Да это Мойсей Товаренко!

Товаренку было подъ шестдесятъ лѣтъ; онъ не только драться, но даже ходить былъ не въ состояніи;—повелъ его квартальный подъ руку и посадилъ въ полицію, какъ виновнаго въ кулачномъ бою и перваго, побудившаго толпу разрушить мостъ. Тавареико ночевалъ въ полиціи и за пять рублей ассигнаціями былъ выпущенъ. О разрушившемся мостѣ дано было знать куда слѣдуетъ.

Солопіевскій передъ полугодичнымъ экзаменомъ началъ серьезно заниматься науками. Павлуша по немногу тоже учился и на начавшійся экзаменъ являлся смѣло,—зная, что его, какъ состоящаго на особыхъ правахъ, никто не спроситъ. Ошибся Павлуша. Учитель закона Божія вздумалъ строго экзаменовать разночинцевъ и началъ съ Павлуши; но тотъ прекрасно отвѣчалъ ему уроки, пройденные изъ священной исторіи Ветхаго Завѣта, который даже не читали въ граматикѣ; священникъ поставилъ Павлушу въ примѣръ старшимъ и поощрилъ его такъ, что Бродницкій гордо воз-

вратился домой и передалъ свое удовольствіе обрадовавшемуся domine.

На другіе экзамены Павлуша не пошелъ, опасаясь, чтобы его не спросили и предпочиталъ остаться дома считать дни, часы, минуты и секунды, пока за нимъ пришлютъ лошадей изъ Раковой-Балки и онъ съ domine поѣдетъ обнять дядюшку и тетушку, съ которыми такъ давно разстался. Съ окончаніемъ экзамена, низшія отдѣленія семинаріи были распущены и domine поздравилъ Павлушу, что учитель закона Божія выхлопоталъ помѣстить его по познаніямъ во 2-й разрядъ 3-мъ ученикомъ. Это извѣстіе обрадовало Павлушу очень; но радость уменьшена была обстоятельствомъ, что за другими семинаристами прислали лошадей и они уѣхали домой, а за нимъ до сихъ поръ не присылаютъ.

— Боже! Боже! Когда же я то дождусь! шепталъ грустный Павлуша, а тутъ, какъ нарочно, приходили проститься Питряковскій, Кочубановы, Кавардака, Горбузовскій и Докса. Всѣ они поѣхали на одной лошади. За Арфаксадскимъ прислали было пару коней; но коренная бурая кобыла тутъ же пала, а стрыгунъ не могъ одинъ везть и привелъ будущаго медика въ такое затрудненіе, что ему приходилось плакать. Матушка писала къ Арфаксадскому, чтобы онъ пригласилъ на праздники непремѣнно четырехъ богослововъ: у мату-

шки было три зрѣлыя дочки, да взялъ дѣтей отца протоіерея, трехъ инфимистовъ-страшныхъ ословъ.

— Гдѣ я посажу эту здоровую богсловію? этихъ инфимистовъ? Ихъ будетъ четыре, разсуждалъ въ слухъ Арфаксадскій, кусая съ дасады пальцы, да инфимиста три—значитъ семь. Ну семь. Одинъ стрыгунъ повезетъ семь душъ?—Пономарь будетъ восьмой. Ну восемь. Да гдѣ же я-то сяду? О Господи! Я девятый! Что мнѣ дѣлать? Рѣшено было: продать стрыгуна и ѣхать на наемныхъ.

Вотъ и еще малеча поѣхала на парѣ добрыхъ коней съ того самаго двора, гдѣ оставался почти одинъ Павлуша. Хромаго инфимиста взяли Лохвицкіе поповичи и посадили съ кучеромъ.

— Даже храмой ѣдетъ! ворчалъ Павлуша; а я.... и Броднидскій началъ горько плакать.

Лошадей не присылаютъ.

Прошла ночь. Насталъ день, скучный, наконецъ повечерѣло.

Около трехъ дней; тихо было на дворѣ и въ опустѣвшихъ квартирахъ, а за Павлушей все еще не пріѣзжали.

— Не плачьте, Павлуша! Если завтра не пришлютъ за нами, нанимаю извощика и мы выѣдемъ въ Раковую-Балку изъ сего несноснаго намъ Переяславля. Сказавши это, Солопіевскій ушелъ, оставя утѣшившагося, повидимому, Павлушу одного дома. Было уже темно, а Бродницкій не отходилъ ни на шагъ отъ окна. Голова Бродницкаго

горѣли, по щекамъ его текли слезы; бѣдный мальчикъ прижалъ свое пылающее лицо къ оконному холодному стеклу; ему послышалось, что кто-то колотитъ въ ворота съ улицы. При напряженномъ слухѣ Павлуши, стукъ умолкъ.

— Вѣрно мнѣ такъ показалось, шепталъ онъ, и слышитъ—калитка растворяется, тяжелыми шагами кто-то идетъ по направленію къ квартирѣ Солопіевскаго, въ которой скучаетъ однимъ одинъ Павлуша.

Боясь обмануться въ предположеніяхъ, Павлуша отошелъ отъ окна и сѣлъ на постель въ комнатѣ, гдѣ было такъ темно, какъ въ банной печи.

Вотъ заторготилъ, засовъ и двери въ сѣняхъ, завизжавъ, распахнулись, ударившись о стѣну. Видно, что непривычная рука ихъ отворила.

— Это не domine, произнесъ Павлуша и, вставши съ кровати, сталъ среди комнаты съ поднятой рукой и съ величайшимъ вниманіемъ, боясь дышать, прислушивался не подойдетъ ли кто къ сѣннымъ дверямъ? Если бы полъ, на которомъ стоялъ Бродницкій, мгновенно провалился, и тогда бы Павлуша не былъ въ состояніи перемѣнить однажды принятое положеніе. Въ лихорадочномъ жару услышалъ Павлуша грубую руку, шарящую по стѣнамъ. Наконецъ дверь растворилась, что-то тяжело одѣтое начало вваливаться. Не успѣло оно отозваться, какъ Бродницкій, инстинк-

тивно догадался. Трепещущимъ радостью голосомъ вскричалъ Павлуша, опустя руки:

— Омелько! это ты, Омелько?

— Я, панычу!

Если бы кухарка промедлила хоть мгновеніе, то Павлуша бросился бы на шею Омельку, а то она туже минуту явилась со свѣчей и проговорила: Бачь! ты пріихавъ? Живы вси? Чомъ ты въ синяхъ не озывался?

— Прислали, прислали, закричалъ Павлуша, прыгая по комнатѣ.

— Пироговъ и сундукъ на книги, та на ученіе прислалы, ворчалъ Омелько.

— Вѣдь за мною пріѣхали.

— И за вами пріихали.

— Ну слава Богу. Что же тамъ дядюшка и тетушка?

— Слава Богу, выбрыкуютъ потроху.

— На какихъ лошадяхъ ты пріѣхалъ?

— Бурымъ та гнѣдымъ, та сирою кобылою.

— Тро кою? То-то скоро доѣдемъ!

— Кто его знаетъ? Сюды ледви дрюкомъ догнавъ. Овесъ дорогый по пять шагивъ мирка.

— Не хочешь ли ѣсть, Омелько?

— Иды въ кухню, вмѣшалась кухарка, борщъ и непочатый; каша и рыба жарена.

— Нѣтъ, Омелько! подожди, я тебѣ дамъ денегъ, купи себѣ булку.

— Та.... отозвался Омелько, почесывая свои бока локтями.

Павлуша, отодвинувъ сундукъ отъ стѣны, началъ въ немъ рыться и выбросилъ все, что̀ тамъ лежало; но къ своему огорченію, не нашелъ ни одной копѣйки. Сконфузившись этой неожиданной непріятностію, Бродницкій выдернулъ столовую шухлядку.

Тетради, засаленыя перья, дробки соли, заржавѣвшая вилка и больше ничего.

Взявшись за голову, онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать и подошелъ опять къ тому же самому ящику, единственному мѣсту, подававшему ему еще слабую надежду.

Опрокинувъ на свою кроватъ ящикъ, Павлуша вывалилъ изъ него все, что̀ тамъ находилось, истертый двухгривенный покатился по полу.

Мѣшокъ золота не принесъ бы такой радости ковалерійскому старому юнкеру во время стоянки въ Варшавѣ, какъ Бродницкому, монета, можетъ-быть, забракованная торгашами.

— На, Омелько! вскричалъ Павлуша, торжественно подавая кучеру двугривенный,—на, и купи себѣ буханецъ у бацака, или у его жены. Хорошія тамъ бываютъ булки!

— Спасиби, ворчалъ Омелько,—чого шукать? я и тутъ добре пообидаю. Лучше, продолжалъ съ улыбкой Омелько, поворачивая въ своихъ гру-

быхъ рукахъ деньги,—лучше завтре куплю Любци очипокъ. Любка первая и послѣдняя привязанность Омельки, была уже лѣтъ десять его женой.

Омелько вздумалъ спрятать деньги и осторожно поднялъ полы чекменя, заворотилъ на нихъ полы тулупа, наконецъ едва могъ приподнять толстыя полы стараго чекменя и ощупать на широкихъ шороварахъ разрѣзъ кишени. Въ эту глубокую, какъ степной колодецъ, кишеню, Омелько опустилъ дорогую монету, поцѣловавъ довольнаго Павлушу въ руку, улыбнулся и вмѣстѣ съ Евфиміей ушелъ въ кухню. Раздѣвшись молча и повѣсивъ верхнее платье на жердку, Омелько вышелъ распрягать уставшихъ коней.

Тотъ, кто былъ въ нынѣшнемъ положеніи Бродницкаго, можетъ себѣ представить ту радость, съ которой онъ собирался оставить, хотя на короткое время, надоѣвшій ему Переяславль. Цѣлый вечеръ, какъ нарочно, несносно длинный, рисовалась въ воображеніи Павлуши Раковая-Балка съ ея полями, прудомъ, лѣсомъ и дворомъ, въ глубинѣ котораго стоялъ, глядя радушно, скромно и привѣтливо ихъ старый домъ съ высокими бѣлыми трубами и съ густыми кустами, закрывавшими половину узкихъ оконъ. Domine возвратился поздно. Онъ провожалъ двухъ Телепакъ, уѣхавшихъ въ Прилуку къ своему отцу, богатому протоіерею. Павлуша не захотѣлъ ужинать и легъ спать, но упрямый сонъ не смыкалъ его очей и пріятныя на-

дежды лелеяли его дѣятельное воображеніе. Онъ поворачивался нѣсколько разъ на постелѣ, не отводилъ взора отъ единственнаго окна, но безконечная ночь упрямо темнѣла и съ минуты на минуту становилась еще темнѣе.

Только при напряженномъ зрѣніи, можно было примѣтить окно, незакрытое ставней. Уже хозяйскій пѣтухъ громко закричалъ на чердакѣ, а Павлуша все еще не спалъ, удивляясь беззаботному Солопіевскому, который однимъ только сопѣніемъ подавалъ признакъ жизни. Отъ постоянно устремленныхъ глазъ на то мѣсто, гдѣ было окно, Бродницкому казалось, что небо засирѣло и начинаетъ разсвѣтать. Обрадованный этимъ, мальчикъ, соскакивалъ съ кровати, подбѣгалъ къ окну и встрѣтивъ жаднымъ взоромъ темную ночь, грустно ложился на кровать. Усталые его глаза противъ желанія слѣпились и онъ началъ дремать, но глухой голосъ Омельки долеталъ до него сквозь тонкую стѣну и невольно прервалъ его чуткую дремоту.

Омелько разговаривалъ съ кухаркой, десятый разъ интересовавшейся знать, что дѣлается въ деревнѣ, здоровъ ли ея пасынокъ Никита и есть ли у его коровы теленокъ?—Бычокъ ли тотъ теленокъ, или Господь обрадовалъ телушкой?

Передавъ кухаркѣ пріятныя извѣстія, Омелько сказалъ, что пора уже будить панычей и схватился одной рукой за колышекъ кухонныхъ дверей.

— Я не сплю, Омелько! Я здѣсь, Омелько? закричалъ Павлуша и, надѣвъ сапоги и набросивъ на себя теплое одѣяло, явился въ кухню.—Давай намъ свѣчу въ комнату, сказалъ ласково Павлуша кухаркѣ.

— А я пойду, проговорилъ Омелько,—поить коней, да хомуты надѣвать.

— Domine, а domine! вставайте! кричалъ Павлуша, дергая Солопіевскаго за ногу.

— Не есть ли еще рано предпринимать путь, отозвался, зѣвая и потягиваясь, domine.

— Нѣтъ, Омелько говоритъ, что пора.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ domine,—нужно заняться дѣломъ.

— А я пойду въ кухню, прикажу, чтобы Евфимія укладывала наше платье и бѣлье.

Солопіевскій всталъ съ постели, надѣлъ халатъ, досталъ изъ сундука книгу и вынулъ изъ нея нѣсколько листовъ почтовой съ золотымъ обрѣзомъ бумаги; положивъ ее на столъ, domine досталъ перо, очинилъ его и долго сидѣлъ, наморщивъ лобъ; чрезъ нѣсколько секундъ размышленій, рука съ перомъ забѣгала по бумагѣ. Написавъ нѣсколько строкъ, domine остановился и принялъ позу, въ нѣкоторомъ родѣ похожую на Тасса, освобождающаго Іерусалимъ, сидящаго на бронзовыхъ часахъ. Domine долго грызъ верхушку пера и, изорвавши исписанный листъ, заходилъ по комнатѣ исполинскими шагами. Вдохновеніе снова сошло на domine и онъ, оста-

новясь среди комнаты, началъ дѣлать руками отчаянные жесты.

Павлуша не на шутку встревожился, увидя своего учителя въ необыкновенномъ состояніи, размахивающаго руками.

— Вы, domine, летѣть куда-то собираетесь? сказалъ онъ тихо.

— Парю мысленно; но слова отказываются изливаться на бумагу. О! муза! снизойди и воодушеви мое воображеніе! Заставь мыслямъ улечься правильно и красно на сію почтовую бумагу.— Произнеся такое воззваніе, Солопіевскій сѣлъ опять Тассомъ и чрезъ нѣсколько времени неистово началъ писать, прерывая писаніе многоточіемъ, знаками восклицанія, вмѣщенія и препинанія. Подписавъ свою фамилію въ концѣ, закрутилъ domine однимъ почеркомъ птицу, какая въ то время помѣщалась въ новѣйшихъ прописяхъ надъ: Героевъ могли произвесть счастіе и отважность; но великихъ людей образуетъ одна добродѣтель.— Бумажка, исписанная учителемъ, была очень красиво сложена, адресъ написанъ и послѣ этого спрятана domine въ карманъ. Солопіевскій отъ радости потиралъ руки, надѣвалъ панталоны и молился Богу. Разсвѣло. Омелько запрягалъ лошадей, кухарка укладывала вещи. Domine расчесывалъ примоченные водой волосы на своей головѣ и вмѣстѣ съ этимъ кушалъ блины, только что поданные. Павлуша ничего не ѣлъ. Онъ одѣлся, выбѣжалъ на

дворъ и сѣлъ въ сани, покрытыя ковромъ, торопя Омелько возжать коней и садиться на свое мѣсто.

Голосомъ, движеніемъ головы и всего своего корпуса, Бродницкій приглашалъ domine, выглядывающаго изъ окна, съ полнымъ ртомъ, садиться въ сани; но Солопіевскій продолжалъ завтракать, медлилъ и не выходилъ.

Павлуша, ожидая domine, потерялъ терпѣніе, вылѣзъ изъ саней и вытащилъ на дворъ за руку domine, съ закутаннымъ лицомъ, и просилъ его садиться въ сани.

— Отъ и добре, що вы ѣдете, ворчалъ Омелько, видя какъ domine усаживается въ широкія сани,—а пани сказала, что ежели васъ не превезу, то мнѣ вси патли своими руками обскубе!

Солопіевскій улыбнулся и сказалъ:

— Сія знаменитая женщина знаетъ, сколь необходимо мое присутствіе для ея племянника.

Выѣхали.—Павлуша сладкимъ безмолвіемъ платилъ дань радости. Языкъ его не находилъ средствъ передать даже въ простыхъ словахъ тѣ ощущенія, которыми пропитано было все его существо.

Поровнявшись съ семинарской брашной, domine сквозь растворенныя ворота, увидѣлъ среди чернаго двора, заваленнаго дровами и щепками эпитемика, въ остроконечной черной суконной шапкѣ (вѣроятно чужой), въ изорванномъ суконномъ чекменчикѣ, подпоясаннаго простой верев-

кой.—Съ такимъ же точно бѣднякомъ, какъ и онъ самъ, несъ коноплянки огромный ушатъ воды, качавшiйся между ними на цѣпи, укрѣпленной на вылощевшемся, плечами несчастныхъ эпитемистовъ, дубовомъ бревнѣ, гнетущемъ ихъ худое изнуренное тѣло.

— Perfidus! закричалъ Солопiевскiй, грозя кулакомъ Коноплянкѣ.

ГЛАВА X.

—

Скоро Переяславль остался въ тридцати верстахъ за ѣдущими въ Раковую-Балку, и нужно было ровно на половинѣ пути кормить лошадей. Остановившись въ корчмѣ, Бродницкій съ восторгомъ увидѣлъ Степана, ожидавшаго ихъ съ подставными лошадьми, еще съ вчерашней ночи. Дождавшись пріѣзда панычей, усердный слуга ту же минуту заложилъ въ ихъ сани свѣжихъ лошадей и просилъ семинаристовъ поспѣшать ѣхать, что̀ они охотно исполнили. Впрочемъ Солопіевскій очень досадовалъ объ оставшихся въ печи пирогахъ съ капустой.

Они не успѣли, оттаять, а Степанъ давно уже выѣхалъ изъ корчмы и оглядывался назадъ, пріостановя лошадей, нейдутъ ли господа?

Павлуша вышелъ первый, за нимъ показался domine, съ трубкой и съ мерзлымъ пирогомъ въ рукахъ.

Нужно было садиться и ѣхать.

Продрогнувшіе кони быстро понесли легонькія саночки и только морозная пыль кружилась за полозьями. Вѣтеръ посвѣжѣлъ и къ счастью дулъ путникамъ въ спину; лошади мчались съ легенькимъ экипажемъ по вылощенной полозьями дорогѣ. Ѣхавшіе кутались и молчали.

Передъ заходомъ солнца, Раковая-Балка, къ радости Павлуши, показала близость свою, торчавшимъ на горизонтѣ крыломъ вѣтряной мельницы.

— Domine! вскричалъ Павлуша,—взгляните, вонъ видна уже наша мельница! Скоро доѣдемъ въ Раковую-Балку.

— Скоро! скоро! проворчалъ domine и началъ напѣвать ему одному извѣстные куплеты, спрятавъ подбородокъ свой въ широкій галстукъ.— Пришлось ѣхать напрямикъ. Торной дороги не было; одно углубленіе показывало мѣсто куда пролегала она. Мѣстами глубокій снѣгъ слегся, проваливался и ѣхать нужно было степью тѣми мѣстами, гдѣ выказывалась сухая травка. Нужно было выбирать тѣ мѣста, гдѣ снѣгу было наименьше. Степанъ зналъ, что деревня близко, но закружился, понукая усталыхъ лошадей, загнанныхъ имъ чуть ли не на первыхъ пятнадцати верстахъ. Лошади, опустя головы, плелись нога за ногой; Раковая-Балка чернѣла, и только при наступленіи совершенной темноты, сани съ Павлушей и его учителемъ тихо подъѣхали и стали

у крыльца, обставленнаго тростникомъ, съ обитыми войлокомъ дверями, занесеннаго сугробами снѣга.—Никто ихъ не встрѣтилъ. Павлуша мигомъ вылѣзъ изъ саней и былъ уже возлѣ порога, ведущаго въ сѣни. Domine быстро отворилъ дверь. Среди сѣней стояла ключница, съ свѣчой въ рукѣ; на порогѣ дверей, ведущихъ въ залъ, сидѣлъ Кузьма, на охапкѣ душистаго степоваго сѣна. Обычай въ Молороссіи, хотя и не повсемѣстный, состоитъ въ томъ, что въ сочельникъ, по заходѣ солнца, въ углу на столѣ, подъ образами (на пакути), разстилаютъ охапку душистаго сѣна и на немъ ставятъ кутью и узваръ, приготовленную въ новыхъ горшкахъ.—Тотъ, кто посланъ принесть сѣно для этой надобности, беретъ его крестясь, на сѣновалѣ, въ ледникѣ или прямо на гумнѣ цѣлую охапку (оберемокъ) и при переходѣ воротъ и дверей обязанъ бросить все сѣно на порогъ и на немъ посидѣть нѣсколько минутъ, чтобы панскія куры садились на яйцы и выводили цыплятъ. Путешествіе съ охапкой сѣна на разстояніи полутороста шаговъ, продолжалось иногда часъ. Посланный боялся, чтобы ему не пропустить одного порога. Храня заповѣданный старинной обычай, бѣднякъ, безъ шапки, въ одномъ верхнемъ платьѣ, на морозѣ, иногда въ жестокую мятель, безропотно дрожалъ отъ холода, сидя на охапкѣ сѣна, считая за счастіе принесть съ церемоніей сѣно въ панскій домъ.

— Здравствуй, Раче! вскричалъ Павлуша, перелѣзая черезъ разинувшаго ротъ Кузьму и взъерошивая ему щетину на головѣ.

— Панычъ! отозвалась ключница, уронила на полъ свѣчу и бросилась докладывать господамъ.

Не успѣлъ войдти Павлуша въ залъ, какъ тетушка бросилась къ нему на встрѣчу и обняла его какъ роднаго сына, посматривая на медленно разоблачавшуюся фигуру Солопіевскаго, ей очень памятную.

— Тотъ же самый domine! ворчалъ дядюшка,—и ни мало онъ не перемѣнился. Послѣ этого Лука Ивановичъ поцѣловался холодно съ Солопіевскимъ, подумавъ: въ семенаріи всѣ генеральскія привычки позабылъ. Раздѣвшись, domine желалъ показать тутъ же, что онъ совершенно не такой, какимъ видѣли его прежде. Молчалъ онъ долго, но часто и какъ-то особенно чмыхалъ носомъ, ворочался на каблукахъ, подпрыгивалъ, ходя по комнатамъ, часто кланялся, утиралъ свой носъ и лицо платкомъ, словомъ, хотѣлъ казаться очень воспитаннымъ и усвоившимъ себѣ навсегда манеры, учтивость и обращеніе, приличное генеральскимъ домамъ.

Дядюшка какъ-то подозрительно смотрѣлъ на Солопіевскаго и, вызвавъ Ульяну Осиповну на секреты въ другую комнату, тихо сказалъ:

— Вы, Ульяна Осиповна, остерегайтесь domine; у него, я замѣчаю, что-то вотъ тутъ не совсѣмъ

благополучно. При этомъ не совсѣмъ благополучно, дядюшка ткнулъ указательнымъ пальцемъ въ свой лобъ.

— Полно вамъ, вскричала, притворно надувъ губки, тетушка,—а у васъ-то какъ тамъ?

— О! да я, вы знаете, homo sum!

— Велите, homo, подавать ужинать, семинаристы наши что-то опоздали, задержали нашъ ужинъ; но я такъ рада пріѣзду Павлуши, что до сихъ поръ ѣсть не хочу, не смотря на то, что мы не обѣдали, а только цѣлый день закусывали.

Подали на столъ. Перекрестясь, всѣ усѣлись и принялись кушать. Дядюшка что-то дулъ свои губы, смотрѣлъ косо на domine въ противоположность тому обращенію, какое имѣлъ съ Солопіевскимъ во градѣ Переяславлѣ. —Разговоръ не клеился. Domine мало ѣлъ, но много смотрѣлъ на Ульяну Осиповну и чмыхалъ. Чмыханье у семинаристовъ имѣло многоразличное значеніе. — Отчего чума посѣтила греческій градъ Аѳины? спрашиваетъ желтолицій профессоръ ритора, испытывая его въ знаніи греческой исторіи

« Чмытмхъ..... тмх.... хм.... работаетъ носомъ риторъ; профессоръ не понимаетъ этихъ носовыхъ звуковъ, а они просто значатъ: чертъ тебя побралъ съ твоими Греками, чумой и Аѳинами! Надоѣлъ ты намъ всѣмъ страшно!

— Отчего вы, domine, спрашиваетъ тетушка Солопіевскаго за ужиномъ,—такъ мало кушаете?

— Чмытмхъ.... тмх..! хм... Эти обыкновенные у domine носовые звуки означали: теперь мнѣ не до кушаньевъ, когда глаза мои устремлены на блюдо, лакомое издали и пріятное не только во вкусѣ и потребленіи, но даже во осязаніи. Вѣроятно Солопіевскій подъ этимъ блюдомъ разумѣлъ пирожное, приготовлявшееся въ генеральскомъ домѣ.

— Вы бы, Лука Ивановичъ, налили чего-нибудь для domine.

Лука Ивановичъ медленно, неохотно, отворотясь и на видлигъ налилъ рюмочку наливки domine и продолжалъ молча кушать. Богатая вечеря была кончена поздно. Всѣ встали и наконецъ начали молиться.

Хитрый domine выбралъ это время и, набожно крестясь, приблизился къ Уліянѣ Осиповнѣ и, не глядя на нее, сунулъ тетушкѣ въ руку бумажку, проготовленную имъ въ Переяславлѣ. Лука Ивановичъ, помолившись, сухо поклонился dominə и ушелъ въ спальню. Тетушка осталась въ залѣ и сѣла на стулъ; ощупывая въ карманѣ своего капота сунутую ей Солопіевскимъ бумажку, она призадумалась, и покраснѣла. — Принимайте со стола, сказала Уліяна Осиповна лакеямъ, и тѣ начали снимать блюда, хлѣбъ, ножи, вилки, вино и тарелки съ остатками кушаньевъ. Послѣ всего сняли скатерть, и тетушка придвинулась къ нему съ своимъ стуломъ.

— Ну, Павлуша, умѣешь ли ты теперь читать? спросила тетушка племянника, притягивая его къ себѣ.

— Умѣю.

— А, подай, Савка, книгу, она тамъ у меня на верху банки съ маковниками положена; возлѣ бюре, на кругломъ столичкѣ.

Савка принесъ книжку.

— Лука Ивановичъ! закричала тетушка дядюшкѣ, собиравшемуся раздѣваться,—вѣдь эта книга есть букварь?—А уже такъ?

— Чм.... отозвался дядюшка, недовольнымъ тономъ,—такъ да не такъ; вы говорите букварь, а оно совсѣмъ не то.

— Отъ уже и не то! А что же?

— Новѣйшій букварь.

— Новѣйшій букварь, сказала покраснѣвшая тетушка,—тутъ не мудрость же какая... ежели бы онъ не былъ выпачканъ и изорванъ, я тоже назвала бы его новѣйшимъ.

— На задней его палятуркѣ есть и стихи:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ....

Я ихъ наизустъ выучилъ. Если бы вы.... умѣли.... то... а впрочемъ....

Тетушка догадалась, что хотѣлъ высказать Лука Ивановичъ, и поэтому, оборотясь къ дверямъ комнаты, гдѣ сидѣлъ дядюшка, улыбнулась и сдѣ

лала такую мину, что и нынѣшняя самая воспитанная институточка, такой гримаскѣ позавидовала бы и врядъ ли бы ее скопировала.

— Ну, Павлушка, прочитай мнѣ что-нибудь такое хорошое....

— Гмм.... отозвался въ комнатѣ полураздѣтый дядюшка,—нашли время экзаменовать; развѣ вамъ неизвѣстно, что въ нынѣшній и послѣдующіе за нимъ праздничные дни, всѣ присутственныя мѣста и всѣ учебныя заведенія суть и будутъ закрыты?

Тетушка молчала.

— Идите-ка лучше ко мнѣ спать, безъ васъ тихо въ спальнѣ, кромѣ же того, сдѣлалось какъ-то сыро и холодно.

— Не ваше дѣло, Лука Ивановичъ, отдыхайте себѣ послѣ трудовъ, а я, чтобы вамъ не мѣшать, притворю дверь. Съ этими словами тетушка быстро затворила двери и даже поворотила два раза ключомъ въ замочной скважинѣ.

— Миръ ти премудрость, отозвала дядюшка, садясь въ одномъ халатѣ на постель и, коварно улыбнувшись, отправилъ раздѣвавшаго его лакея спать; самъ же легъ на постель.

Прилегъ было дядюшка, о послѣ тихо всталъ и черезъ дѣвичью вышелъ изъ спальни, потерявшись для слуха и для зрѣнія въ длинномъ коридорѣ, какъ въ кіевской пещерѣ.

— Бо-ю-ся Бо-га, началъ Павлуша, по-чи-та-ю

па-пень-ку, люб-лю ма-мень-ку.... У-чусь по рус-ски.... выучу... свой уурокъ.... маменька дастъ ку-кол-ку; папенька ку-питъ ло-шадку....

— Хорошо! сказала улыбаясь тетушка,—вѣрно ему это давно уже знакомо.

— Повѣрьте, Ульяна Осиповна! началъ, раскланиваясь, говоритъ domine,—предложите ему какую вамъ угодно русскую книгу, клянусь вамъ, можетъ прочесть.

— А ну вотъ здѣсь.—Перевернувши листъ, тетушка указала Павлушѣ гдѣ читать.

— Идетъ му-жикъ, какой запачканный; не морайте вашего платья, и васъ назовутъ му-жи-ком.....

— Прекрасно, сказала обрадованная успѣхами Павлуши, тетушка, такъ ли онъ бойко читаетъ писанное, какъ печатное? Постой, я попробую. Если ты прочитаешь скоропись, то получишь отъ меня подарокъ.

— Было бы только не мелко писано, а то онъ прочитаетъ! Увидѣвъ до какой скорописи доходитъ дѣло, Солопіевскій ушелъ въ диванную, набилъ табакомъ трубку; не смѣя ее закурить, держалъ въ лѣвой рукѣ и приблизился къ Павлушѣ, раскрывшему передъ собой поданную тетушкой записку, написанную знакомой ему рукой Солопіевскаго. Павлуша, не давъ замѣтить тетушкѣ, что скоропись ему знакома и принадлежитъ domine, вглядѣвшись началъ: Распрекраснѣйшая изъ вавилонскихъ принцессъ! Человѣкъ, имѣяй сердце, воз-

любитъ, не имѣяй смѣлости обяснить сіе, даромъ слова да пишетъ на бумагѣ. Изъ послѣднихъ есмь первый. Дерзаю извлечь передъ вами изъ глубины сердца моего любовь мою къ вамъ; ежели вы что-нибудь подобное сему божественному чувству ощущаете, то дайте мнѣ хотя одинъ разъ....

— Годи! шепнула быстро тетушка, и зажавъ своей ручкой ротъ Павлушѣ, пріятно дышала. Восторгъ тетушки обнаружился вполнѣ, когда она рѣшилась выслушать первый разъ въ жизни любовное посланіе.

— Умѣешь ли ты, Павлуша, писать?

— Какъ же! по линейкѣ умѣю.

— Нѣтъ, не по линейкѣ, а по бумагѣ?

— Можно немножко и на бумагѣ, сказалъ domine, онъ еще не испытывалъ этого.

— Вотъ дасадно, сказала тетушка, чернилъ нѣтъ у насъ; еще прошлый годъ Лука Ивановичъ хотѣлъ было отвѣчать брату Кириллу Ивановичу въ Бухарестъ, но не отвѣчалъ—чернилъ не было; а орѣшки и купоросъ довно были для этого куплены, да гдѣ-то завалялись.

— У насъ есть все, что только нужно для письма, сказалъ domine,—я принесу сію минуту чернила и перо. — Солопіевскій хотѣлъ было идти въ диванную.

— Не нужно, domine, вскричалъ Павлуша, у меня есть карандашъ. Павлуша вытащилъ изъ жилетна-

го кармана карандашъ не больше воробьинаго носа.

— Ну пиши же, сказала тетушка.

— Что же писать?

— Можешь написать свѣча?

— Свѣча, произнесъ племянникъ, написавши сказанное тетушкой слово.

— Огонь.

— Ну, огонь.

— Морковь, пиши морковь. Тетушка заливалась смѣхомъ.

— Морковь, шепталъ Павлуша.

— Любовь! можно любовь?

— Любовь.

— Такъ и вышло?

— Вышло.

— Какъ прекрасно! Умница, Павлуша! А если написать: и я васъ люблю.... и тотъ разъ любила.... да вы.... не такъ-то начали.... Ну, какъ Павлуша это выходитъ?

— Павлуша прочиталъ.

— Прекрасно! прекрасно! сказала тетушка, цѣлуя Павлушу въ голову, вотъ будетъ кто писать, такъ будетъ писать, не нужно самого Носакыксенка, перваго въ повѣтѣ ябеды.

— А, нуте и я взгляну на почеркъ Павлуши, вскричалъ подкравшійся въ залъ дядюшка, и началъ быстро подходить къ столу. Domine поблѣднѣлъ за стуломъ Павлуши, какъ известь, и чуть

не упалъ въ обморокъ. Зная на что domine покушался, можно было придвидѣть какого наказанія удостоится. Тетушка одна ни мало не потерялась и весело вскричала:

— Умѣешь ли ты, Павлуша, запалить domine трубку?

— Еще бы не умѣлъ.... ого!

— А ну я посмотрю, шептала тетушка, зажигая на свѣчѣ уголокъ письма и подавая его Павлушѣ.

— Ого.... вотъ какъ горитъ, держите, domine, трубку.

— Постооой.... не жги, потуши, я не желаю сего.... кричалъ настигнувшій дядюшка.

Табакъ вспыхнулъ, бумажка превратилась въ свертокъ пепла и остатки его упали на полъ, и по нихъ забѣгали звѣздочки и начали потухать.

—Смотрите Лука Ивановичъ, сказала тетушка, указывая на искорки, бѣгавшія по пеплу бумажкѣ, прихожане идутъ изъ церкви, и вотъ это пономарь тушитъ свѣчки и самъ уходитъ въ темнотѣ домой.

— Ненавижу я сего! закричалъ дядюшка,—къ чему жечь письмо?

— А я тоже ненавижу, когда трубку запаливаютъ на восковой свѣчѣ; вопервыхъ грѣшно, вовторыхъ не по-хозяйски, а въ-третьихъ пчела есть твореніе Божія.... а воскъ ея трудъ.

— Пойдемте лучше спать, отозвался дядюшка,

таща за руку тетушку въ спальню и стараясь успокоиться.

— Сію минуту, только позвольте, отвѣчала тетушка, вырывая свою руку, и подходя къ domine, чмыхавшему возлѣ печи, сказала очень учтиво и ласково: благодарю васъ, domine, за успѣхи Павлуши и дарю вамъ за сіе мой красный кашемировый платокъ съ каймой и нашитыми каемками.

— Ну, ну, пожалуста.... ворчалъ Лука Ивановичъ, вертясь отъ нетерпѣнія въ дверяхъ спальни.

— Пусть вамъ, domine, Онысько, послѣ праздниковъ фатитъ отличный камзолъ.

— Награда эта, мнѣ кажется, рановременна, ворчалъ Лука Ивановичъ, но этого ворчанія никто не слыхалъ.

— Учтивость повелѣваетъ вамъ, domine, за сіе поцѣловать меня въ руку, что̀ сдѣлать вамъ я нынѣ же дозволяю.

Солопіевскій, схвативъ руку Ульяны Осиповны, жадно и продолжительно ее поцѣловалъ; дядюшка, услышавъ слова тетушки, подумалъ: какъ она объясняется? повелѣваетъ. Нынѣ, говоритъ дозволяю за сіе и проч.... Э! нужно быть осторожнымъ. Лука Ивановичъ съ Ульяной Осиповной пошли въ спальню; domine и Павлуша отправились въ диванную.

— Ужасно нужно было вамъ, ворчалъ, ложась спать, дядюшка,—давать этому свинтуху руку вашу цѣловать.

— Я не вы! нужно же чѣмъ-нибудь обласкать человѣка, котораго вы по премудрости вашей прошедшій разъ чуть-чуть не обидѣли, и опомнясь, только прогнали.

Для мира, Лука Ивановичъ готовъ былъ замолчать передъ задиравшей его тетушкой и поэтому промолчалъ.

— На другой день Ульяна Осиповна встала рано и удивилась, увидя Луку Ивановича, перелистывавшаго старое Евангеліе. Ворчала она долго на него, но тотъ, будто бы и не слышалъ. Дядюшка пресеріозно перелистывалъ закапанныя воскомъ, съ черными уголками, страницы.

— Хочу прочесть нынѣшнее Евангеліе и ищу, какое есть зачало онаго?

Тетушка молчала.

— Отецъ Петръ, началъ дядюшка,—за старостію лѣтъ читаетъ не внятно. Мы будемъ усердно молиться.

Тетушка сохраняла тишину.

— Скажите, Ульяна Осиповна! благовѣстили ли къ службѣ?

— Не знаю, сердито отозвалась тетушка.

— Можетъ-быть уже трезвонили?

— И этого не знаю, вскрикнула тетушка, продолжая дуться на мужа.

— А вѣрно будутъ звонить и трезвонить. Я очень люблю, когда фатютъ во всѣ колокола...

бымбырлымбб.... Бымберлымбб.... Очень пріятно въ концѣ молебствія это слышать.

Тетушка все молчала.

— Знаете ли отчего? А оттого, что послѣ молебствія всегда уже закусишь порядочно и выпьешь. Но вы, Ульяна Осиповна, что-то молчите, сіе мнѣ противно всегда, а нынѣ въ особенности.

— Чего вы чипляетесь?

— Не всегда же и молчаніе хранить.

— Да отъ разговоровъ вашихъ точно же столько толку, сколько и изъ чего другаго. Цѣлехонькою ночь ворочились вы на своемъ мѣстѣ, придавили меня къ холодной стѣнѣ, схватывались каждый часъ и боялись, чтобы кто меня не укралъ... Спрашиваю васъ: для чего дѣлать такое все неподобное. Спать съ вами настоящая морока. Выстворяете всегда такое.... Я давно вамъ говорю, что эта проклятая Настасія испортила васъ на вѣки! — никуда вы не способны. Если заснете, то храпите такъ, какъ волъ реветъ. Мнѣ страшно, кажется все, что васъ разбойники зарѣзали.

Лука Ивановичъ выслушавъ торпиливо выговоры тетушки, возразилъ кротко и почтительно:

— Отъ моей болѣзни есть средство излѣченія. Охримыха, знаменитая бабка изъ Грочовщины, предложила мнѣ въ великіе морозы на молодыкѣ выходить въ продолженіи недѣли, еженощно на распутье и тамъ, раздѣвшись донага, обливать себя холодной водой троекратно.

— Право, я уйду отъ васъ ночью и спрячусь такъ, что и со свѣчкой не отыщите меня.

— Этого и не дѣлайте. Законъ христіянскій повелѣваетъ лицамъ, появшимъ супружество, быть день, а тѣмъ паче ночь, вмѣстѣ. Не добро быти человѣку едину. Слова эти много значатъ. Уразумѣйте ихъ.

— Я двадцать разъ отъ васъ это слышала. Мочи моей нѣтъ!

— Отъ времени нашего бракосочетанія и донесь я не разлучался съ вами ни на одну ночь, когда бывалъ дома. Стану продолжать сей древній обычай до гроба. Я глава семейства.

— Что вы мнѣ такое? Уйду и, право, не сыщете. Такъ, вотъ нарочно, куда-нибудь запрячусь. А что не отыщите, это я навѣрно знаю. Вотъ вамъ что!

— И домъ переверну. Я вашъ супругъ. Всю деревню всполошу....

— Эге! да вы, кажется, ради праздника, вздумали сориться со мной?

— Нѣтъ, чуть слышно проговорилъ дядюшка,—я придумывалъ, для отвращенія моего храпѣнія, средство, всѣмъ извѣстное.

— Говорите же, не то поссорюсь съ вами!

— Та же самая Охримыха говоритъ, что кто ночью вскрикиваетъ, бредитъ или сильно храпитъ, то для пресѣченія сего зла, безъ вѣдома спящаго,

нужно неспящему ударить по губамъ на видлигъ рукою!

— Ну-те Бо.... съ вами!

— Сіе самое дозволяю вамъ учинить со мною. Вотъ что!

— Мати моя Владычице! ударить васъ, да еще сонныхъ? Никогда не рѣшусь.

— Почему?

— Испугаю васъ, станете жахаться!

— Такъ что жь? Пусть и жахаюсь....

— Полно. Я не хочу призывать для васъ Маліевску знахарку, къ которой, говорятъ ѣздятъ генеральши въ каретахъ и въ простяжъ.

— Ну, какъ себѣ хотите.

Послышался хриплый благовѣстъ, и тетушка съ дядюшкой взглянули другъ на друга, перекрестились и стали надѣвать шубы.

Павлуша ждалъ дядюшку съ тетушкой, уже давно сидя въ саняхъ; Солопіевскій, какъ только староста отперъ церковь, пошелъ пѣшкомъ и, увидѣвъ стихарнаго дьячка, возрадовавшагося еще до обѣдни торжеству праздника, съ позволеніемъ отца Петра, изгналъ его изъ храма и поэтому взялся исправлять дьячковскую должность, въ которой онъ былъ свѣдущъ, издѣтства посѣщая клиросъ.

Прихожане возрадовалась, что новое лицо бойко читало часы. Добрые прихожане, изъ которыхъ большая часть не понимала, что читаетъ Солопіев-

скій, навострила уши, глядѣла на чтеца и крестилась съ нимъ въ одно время. Къ концу часовъ появились на клиросѣ еще, кромѣ domine, новыя лица. Солопіевскій пѣлъ и къ его голосу присоединялись голоса другихъ, сперва тихо пѣвшія, а послѣ рискнувшія пѣть сколько могли вынести.

Одинъ изъ пѣвшихъ сопровождалъ свое пѣніе движеніемъ густыхъ черныхъ бровей и покачиваніемъ сѣдыми волосами. Прихожанамъ понравилась гортань domine.

Когда дошло до апостола, то Солопіевскій чтеніемъ восхитилъ всѣхъ. Одинъ почтенный старичекъ тутъ же объявилъ, что domine реветъ громче, нежели драбовскій бугай.

Продрогнувъ до костей въ церкви, господа послѣ молебствія возвратились въ домъ, посадивъ domine съ собой въ сани.

Тетушка жаловалась на холодъ, стучала ножками и часто глядѣла въ зеркало на свое свѣженькое личико. Подали чай, кофей. Послѣ этого явилась закуска. Колбасы, ролляды, пироги, пирожки, колбики и кишки, начиненныя рисомъ съ изюмомъ, украсили столъ.

Послѣ закуски тотчасъ же сѣли за обѣдъ. Благочестиво начатый день должно были окончить такъ же, и поэтому легли всѣ спать послѣ обѣда и проспали до вечера.

Вечеръ посвященъ былъ слушанію колядниковъ, которые у господскихъ оконъ колядовали, смѣня-

ясь одни другими. Изъ господскаго двора отправлялись они по деревнѣ, и цѣлую ночь слышались пѣсни колядниковъ до разсвѣта.

Дядюшка былъ безпокоенъ. Пилъ довольно много; но преслѣдовалъ тетушку и вполнѣ сдѣлался ея хвостомъ.

Куда она идетъ, туда и онъ.

На Солопіевскаго дядюшка косился и былъ съ нимъ строгъ и важенъ. На второй день праздника, дядюшка въ продолженіи цѣлаго обѣда не предложилъ domine ничего выпить, что̀ повидимому непріятно подѣйствовало на учителя. Онъ не узнавалъ Луку Ивановича, бывшаго съ нимъ въ Переяславлѣ на очень короткой ногѣ.

— Не стыдно ли вамъ, Лука Ивановичъ, говорила тетушка дядюшкѣ, вставъ отъ обѣда,—не поподчивать Солопіевскаго чѣмъ-нибудь хорошимъ? Вѣдь онъ тоже человѣкъ, хотя и самую низкую должность исполняетъ. Вѣдь и ему тоже вѣрно хочется того самаго, чего и вамъ. Правда, онъ учитель, а это все равно, что ничего; однакожь подчивать его слѣдуетъ тѣмъ самымъ, что и вы для себя употребляете.

— Эге! ге! ге.... Такъ вотъ ему чего надо? Подите вы съ нимъ. Чего бы онъ не захотѣлъ, то и поднесть ему подъ самый носъ? Я его когда нибудь брагой изъ винницы попотчиваю. Пусть эта семинарія покрутитъ своимъ долгимъ носомъ. На кой чертъ я его взялъ? Носатаго этакаго....

— Вы доведете меня до того, что я сама, изъ любви къ племяннику, должна буду domine подчивать.

— Ради Творца Вседержителя! Умоляю васъ! Будьте подальше отъ этой семинаріи. Подарили вы ему на жилетъ? Пусть же все ваше усердіе на этомъ кончится! Больше же этого, прошу васъ, ради любви моей къ вамъ, ему ничего не давать. Довольно съ него одного жилета. Лука Ивановичъ поцѣловалъ руку тетушки и увѣрилъ ее, что онъ самъ лучше уже займется угощеніемъ domine и просилъ тетушку положиться во всемъ на его одного, какъ мужа, готоваго исполнить ея желаніе.

Бесѣда тетушки съ Лукой Ивановичемъ очень подѣйствовала на послѣдняго. Послѣ разговора съ тетушкой, дядюшка пошелъ къ domine, сидѣвшему безмолвно возлѣ печи, и предложилъ ему медвѣдей спинать. Domine охотно согласился и весело, куря трубку, поплелся вслѣдъ за дядюшкой.

Выпивъ по двѣ чашки кофея съ аракомъ, дядюшка съ domine бросились встрѣчать гостей. Это была Порховнячка съ мужемъ. Domine, завидѣвъ Порховняка, выбѣжалъ изъ комнатъ и катался по льду съ Павлушей, пока эти гости не уѣхали.

Всѣхъ тѣхъ, кто называлъ domine козусомъ, Солопіевскій ненавидѣлъ.

Порховнячка сказала посекрету тетушкѣ, что

данная ей женщина въ замѣнъ, чрезъ три дня послѣ пріѣзда, неизвѣстно гдѣ дѣвалась.

Вслѣдствіе этого коверъ былъ ей отданъ обратно.

Послѣ ужина Порховники уѣхали, къ полному удовольствію учителя.

На третій день были еще какія-то старыя барышни, молчали, сидѣли, ѣли, обѣдали, пили кофей, варенья пожирали, вымолчались, раскланялись и уѣхали.

На четвертый день въ домѣ было очень скучно. Лука Ивановичъ что-то сердился, тетушка рылась по сундукамъ, domine, молча, курилъ трубку.

Вечеркомъ пріѣхалъ какой-то Иванъ Өедоровичъ.

Люди встрѣтили его со смѣхомъ. Этотъ господинъ, поздоровавшись, туже минуту переодѣлся бабой, пѣлъ пѣсни, танцовалъ, напился пьянъ, выругалъ довольно изрядно Луку Ивановича и, получа полтину мѣдью отъ тетушки, уѣхалъ въ другой домъ. Люди его звали: кумедіей.

На пятый день, тетушка очень рано проснулась и сѣла наливать чай.

Дядюшка, Павлуша и domine вошли и заняли мѣста возлѣ стола.

— Странное дѣло! сказала тетушка:—почти всѣ ѣздятъ по гостямъ,—вы одни, Лука Ивановичъ, сидите дома. Поѣхали бы сегодня къ маршалу, да поздравили бы его съ праздникомъ.

— Отъ такои! Съ чего это вы взяли! Дядюшка пожалъ плечами въ знакъ своего неудовольствія.

— Почему же вамъ не поѣхать?

— Зачѣмъ я къ нему потащусь? И такъ губы все дуетъ. Зачѣмъ мнѣ къ нему ѣхать? Я не мастеръ кланяться.

— А! не говорите этого. Поклониться не мѣшаетъ. Это маршалъ. Лицо важное и богатъ. Всѣ богатые люди къ нему ѣздятъ.

— Пусть и ѣздятъ, а я все-таки не поѣду. Было бы близко, а то чертъ знаетъ гдѣ, въ Жабо-крюковкѣ, верстъ 20 будетъ. Холодъ. Того и гляди подымется мятель. Зимой въ дорогѣ и замерзнуть можно. Смотрите, уже крутитъ завирюха, сказалъ Лука Ивановичъ, взглянувъ въ окно.—Добрый человѣкъ собаки не выгонитъ изъ сѣней въ такую хвырсу, продолжалъ дядюшка.—Маршалъ! Велика птица, да я когда захочу, я и самъ буду маршаломъ!

— Конечно будете. Развѣ святые горшки лѣпятъ? Ну, пейте еще одинъ пуншъ, да и собирайтесь ѣхать. Взгляните на себя, вы одѣты, выбриты, и сегодня очень похожи на хорошаго человѣка.

— Не хочу, не поѣду.

— Да хоть платье проносите, вы его со дня свадьбы не надѣвали еще, смотрите, чтобы вы изъ него не выросли.

— Камзолъ, жилетъ и сапожки я надѣвалъ,

когда являлся къ ректору опредѣлять Павлушу въ семинарію.

— Ему, вашему ректору, нужно было ужасно васъ видѣть щегольски одѣтымъ. Съ гостинцами вы могли явиться къ нему даже вотъ такъ, какъ съ нами сидите.—Пхе!

— Эге! совсѣмъ не то. Посмотрѣли бы вы, съ какимъ высокопочтеніемъ онъ меня встрѣтилъ. Ту же минуту окинулъ меня глазами съ головы до ногъ, и съ ногъ до головы, просилъ сѣсть, закусить. Отличные у него грибы бѣлые, величиною въ копѣйку.—Знаете, что я вздумалъ?

— Не знаю.

— На будущее время, прошу васъ, употребить все ваше стараніе изготовить для меня такихъ грибовъ.

— Хорошо, будутъ. А васъ, я прошу, Лука Ивановичъ, ѣхать къ маршалу.

Лука Ивановичъ старался всѣми силами отклонить рѣчь о поѣздѣ; но Ульяна Осиповна, какъ нарочно, возобновляла ее, къ досадѣ дядюшки.

— Не поѣду, и не приставайте ко мнѣ.

— Знаете ли, что мнѣ говорила Марья Прокофьевна?

— Не знаю. Вѣрно на счетъ грибовъ или, еще вѣрнѣе, рыжиковъ. Рыжики! Славное дѣло послѣ хорошей водки.

— Нѣтъ, не о рыжикахъ и грибахъ говорила

она, а о томъ, что вы одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ, да васъ нигдѣ не видно!

— Старое лубья! Да ей какое дѣло? Брехню только развозитъ.

— Нѣтъ. Маршалъ, говорила мнѣ Марья Прокофіевна, удивляется, что такой умный и богатый помѣщикъ, какъ вы, не бываетъ у него, и болѣе всего соболѣзнуетъ, что вы даже на выборы не ѣздите, когда на выборы мохъ, трава, куры и гуси лѣзутъ!

— Ну, на счетъ выборовъ правда. Ни разу не былъ, а когда-нибудь поѣду. Правду сказать: ѣхать совершенно не зачѣмъ; одинъ только расходъ лишній.

— А какой тамъ расходъ?

— Ахъ! Ульяна Осиповна, какъ вы неопытны! Мундиръ нужно, шпага, шляпа. Да мало ли еще чего другаго нужно? Ну, напримѣръ, мундиръ? кто его здѣсь сошьетъ?

— Онысько фатитъ вамъ хоть и догапликовъ.

— Не съ его кебетой взяться за такое важное дѣло. Одни жиды, хотя они и еретическаго происхожденія, а могутъ воспроизвесть это дѣло тщательно и не съ малымъ искусствомъ.

— Поѣзжайте же теперь къ маршалу: смотрите, небо прочистилось, вѣтеръ унялся, вотъ когда можно съѣздить.

— Да пусть уже послѣ.

— Когда уже говорите послѣ, то гораздо луч-

ше теперь. Маршалъ, очевидно, давно желаетъ съ вами сблизиться.

— А вы почему такъ думаете?

— Во-первыхъ, беретъ у васъ водку на свои шинки, во-вторыхъ, скоро возвращаетъ бочки исправно, не такъ, какъ Порховнячка.

— А что Порховнячка?

— Порховнячка израсходуетъ бочку водки, нальетъ ее горячей водой, сдѣлается отъ этого уксусъ, израсходуетъ она уксусъ, насѣчетъ полную бочку капусты; израсходуетъ капусту, накладетъ буряковъ; а бочку тогда уже возвратитъ, когда она ни къ черту не будетъ годиться! Вотъ какіе есть сосѣди!

— Это не важность. Брала бы почаще водку. А бочка? Что бочка?

— Вотъ, главная-то причина поѣздки вертѣлась на умѣ у меня цѣлую ночь; но теперь никакъ не вздумаю. Ахъ! Дай, Боже, память. Ага! Вспомнила.—Скажите, Лука Ивановичъ, кто вамъ прислалъ дворянскую медаль?

— Какую дворянскую медаль?

— А вотъ вы и забыли. А сами читали надпись: Не намъ не намъ, а имени Твоему. Помните? Еще говорили, что надпись эта довольно загадочна. Ну! при печатной бумагѣ....

— Что же изъ этого?

— Вѣдь это маршалъ вамъ прислалъ?

— Маршалъ.

— Слѣдуетъ же вамъ его за это одолженіе возблагодарить.

— Отъ такои! дядюшка засмѣялся.

— Какъ же? Давно бы пора вамъ принесть ему вашу благодарность. Многіе давнымъ-давно уже это сдѣлали.

Дядюшка замолчалъ, ерошилъ волосы и не зналъ, что ему отвѣчать тетушкѣ, ловко придумавшей необходимость поѣздки.

— Не собрался. ворчалъ дядюшка, а когда нибудь нужно будетъ это сдѣлать.

— Сегодня, сегодня, непремѣнно сегодня.—Не хочу, чтобы на васъ пальцами указывали.

— Нѣтъ, ужь если такъ; то не онъ мнѣ ее прислалъ.—Не поѣду.

— Ахъ, ты Мати моя, Пресвятая Владичице! Кто же, если не онъ? Я спрашивала у Ивана Ивановича Смальцоватаго; онъ же вамъ привезъ медаль. Еще вы приказали дать ему два мѣшка гречневой половы.

— Ну такъ что жь? Просилъ мѣшокъ, а я далъ ему два. Хоть бы и три? Полова.... ее вывозятъ на плотину.

— Да вы еще Ивана Ивановича и не видѣли, когда я съ нимъ говорила.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Показалъ мнѣ свою медаль, пришитую на халатѣ подъ шинелью, да и говоритъ: такую точно, какъ эта, г. маршалъ прислалъ Лукѣ Ивановичу.

Дядюшка улыбнулся простотѣ своей супруги и, подумавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Не онъ мнѣ ее прислалъ; не его стану за это благодарить.

— Святые угодники кіевскіе! Помогите мнѣ вразумить мужа. Онъ городитъ что-то неподобное. Смотрите, Лука Ивановичъ, прошлой годъ въ это время съ вами было худо... Лучше проѣздитесь къ маршалу.— Можетъ-быть, пройдетъ.... Дядюшка вопросительно взглянулъ на свою жену и, казалось, сконфузился. Она смѣло ожидала его отвѣта.

— Самъ государь, само отечество, прислали мнѣ медаль. Имъ вся моя искреннѣйшая благодарность за почетъ.

— Къ государю васъ никто не допуститъ; а отечество-то вы гдѣ будете благодарить? — Развѣ оно васъ услышитъ? Выходитъ на мое, что одного маршала должно благодарить.

Дядюшка умолкъ.

— Раче! сказала тетушка,—вели Омельку сію минуту запречь четверку въ бричку. Та живо мени! Прежде, чтобы овса далъ конямъ.

— Чую, отвѣтилъ тихо Кузьма и босой бросился вонъ изъ комнатъ.

— Ну нѣт.... началъ было дядюшка и замолчалъ.

— Не срамите себя, продолжала тетушка.— Степанъ! какъ скоро Омелько выкормитъ лоша-

дей, вели ему запрягать и подавать. Одѣвайтесь Лука Ивановичъ, нечего медлить. Домой должны вы мнѣ непремѣнно возратиться къ ночи. Не охотно пошелъ дядюшка одѣваться, моля Провидѣніе, чтобы гости помѣшали ему въ предпринимаемой противъ желанія поѣздкѣ.

Степанъ вынулъ платье, прицѣпилъ къ сапогамъ кисточки, выколотилъ съѣденную молью шубу, которая въ двадцать лѣтъ пощадила одни твердые, какъ листовое желѣзо, мѣста, а прочіе всѣ избуравила и проточила.

Приказаніе жены нужно было исполнить дядюшкѣ, а правду сказать, не хогѣлось ему очень разставаться съ теплой комнатой.

— Вотъ проклятые, говорилъ дядюшка о гостяхъ,—когда васъ не нужно, такъ и лѣзите, а теперь васъ не дождешься. — Смотри, Степанъ! не ѣдетъ никто?

— Нѣтъ, никого.

— А вотъ что-то такое?

— Это повезли солому въ винокурню.

Дядюшка натягивалъ узкіе бархатные панталоны и остерегался, чтобы они не лопнули. Неупросимая и неумолимая тетушка присутствовала при одѣваніи дядюшки и торопила его каждую секунду.

Камзолъ былъ надѣтъ, шапка тоже.

Натянулъ дядюшка медвѣжью (сторожковую)

шубу, теплые сопоги и тетушка обвязала сама его шею желтою мериносовою шалью.

Закутанный дядюшка съ трудомъ могъ дышать. Ходить же для него было почти невозможно.

— Ну, лошади поданы. Идите же съ Богомъ.

— Охъ! вскричалъ чуть слышно дядюшка, опираясь на двухъ лакеевъ, если бы вы знали, какъ мнѣ не хочется ѣхать. Когда бы вы только знали.... ворчалъ дядюшка, выходя на крыльцо.

Тетушка, накинувъ на плечи красную кацавейку на бѣлкахъ, прощалась съ дядюшкой и провожала его на крыльцо.

— Можетъ-быть, началъ мужъ, цѣлуя жену,—во уваженіе отмѣнной стужи, предположенную поѣздку отложить возможно?

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣзжайте, проговорила тетушка, крестя и цѣлуя дядюшку.

— Не лучше ли съѣздить послѣ Крещенья. Вода тогда уже будетъ освящена и можно поприличнѣй явиться къ маршалу. А не пріѣдетъ ли Чарачанка? Вотъ будетъ славно! сколько лѣтъ ждемъ— не ѣдетъ, а тутъ и явится. Вѣдь будетъ совѣстно, что ее не ожидали! — Она препочтенная женщина и ея дочери тоже этакія точно, какъ она, будутъ, какъ Богъ дастъ имъ выйдти замужъ.

— Не пріѣдетъ Чаричанка, она видно врать любитъ. Теперь холодно. У ней такой шубы, какъ у васъ, нѣтъ да и не будетъ.

— Да я бы лучше....

— Полно, полно. Смотрите, пораньше возвращайтесь, а если, чего Боже сохрани, вы опоздаете, лучше заночуйте тамъ. Я вамъ это позволю.

— Чтобы я въ чужомъ домѣ ночевалъ? Да пусть маршалъ хоть на колѣняхъ проситъ остаться, не будетъ этого.—Возвращусь хоть поздно. Теперь ночи свѣтлыя.

— Но это ничего, и въ темнотѣ можно отыскать дорогу, а вотъ что худо: говорятъ, что волки стадами бѣгаютъ.

— Пусть себѣ бѣгаютъ, на то они волки.

— Дерутъ скотъ по деревнямъ; а вчера среди бѣлаго дня разорвали свинью отца Петра.

— Эге! такъ и со мною можетъ такое несчастіе случиться, сказалъ дядюшка, стоя на крыльцѣ противъ кибитки и съ этимъ попятился назадъ.

— Ну, можно ли сравнивать себя съ такимъ животнымъ. Право, вы сдѣлались трусомъ. Отчего это? Да я женщина и куда вамъ угодно поѣду.

— Отложимъ эту поѣздку. Ей-Богу, мнѣ что-то страшно.

— Поѣзжайте скорѣй, право холодно стоять, васъ провожая. Смотрите, еще простужусь. Лука Ивановичъ вышелъ, и его почти насильно усадили въ кибитку, закутавши его ноги въ теплое одѣяло.

— Пошелъ, Омелько! сказала тетушка.

— Нууу.... отозвался возница, подбирая возжи и вертясь на узкой дощечкѣ.

— Постой! сказалъ дядюшка, толкнувъ Омелько въ спину.

Тетушка порхнула было въ комнату, но видя, что экипажъ стоитъ на мѣстѣ, возвратилась.

— Что тамъ еще? вскричала она, кутаясь въ кацавейку.

— Славно вы меня провожаете въ дорогу, отозвался дядюшка, высунувъ половину корпуса изъ кибитки. Дорога, сами знаете, не близкая, а вы не дали мнѣ никакой закуски. Захочется вдругъ среди степи? Гдѣ взять? Давайте же, да побольше.

— Изъ ума вонъ! Рудый! Бѣги скорѣй въ кухню. Возьми ты тамъ половину индѣйки, да пирожковъ съ крупами и печенкой. Подать сюда ящикъ жолтый, тотъ самый, что у меня подъ кроватью бѣгите къ ключницѣ: пусть дастъ штофъ водки, да двѣ бутылки рябиновки, да еще пару колбасъ безъ чесноку.

— Вотъ это дѣло, ворчалъ довольный дядюшка, чуть-чуть было вы меня не выпроводили насухо. А знаете, Уліяна Осиповна, что̀ я выдумалъ?

— Говорите, ужь что вы выдумаете, то вѣрно будетъ полтора-людскаго. Что тамъ такое?

— Пусть domine надѣваетъ мою калмыцкую шубу, да свою шинель сверху, да и ѣдетъ со мной къ маршалу.

— Ну, вотъ я и отгадала! Можно ли такое вы-

творить? Я вас хорошо знаю и догадывалась, что вы такое неподобное выдумаете....

— Неужели domine недостоинъ быть у маршала! Вѣдь domine нашъ учитель, философъ....

— Вотъ то-то и бѣда, что учитель! Злые люди скажутъ, что онъ васъ учитъ, что вы и говорите и дѣлаете все не своимъ умомъ, а учителевымъ.

— Да, ваша правда. Пусть лучше остается, де займется сочиненіемъ какого-то ономастика и генекліяха. Онъ обѣщалъ мнѣ сіе удовольствіе между другими сдѣлать. Нѣтъ: я domine люблю. Пусть онъ ѣдетъ со мной и все время, пока я буду у маршала, просидитъ. закрывшись въ кибиткѣ.

— Ну такъ. Не доставало бѣднаго морозить въ то время, когда вы будете объѣдаться у маршала.

— Ну, можетъ въ кухню пойдти, обогрѣться.

— Вотъ этого еще не было, чтобы сказали, возите вы domine съ собою для того, чтобы оно ходило по чужимъ кухнямъ да нюхало, чѣмъ кастрюли пахнутъ. Всѣ скажутъ, что у васъ ѣсть ему, бѣдному, не даютъ.

— И это такъ, сказалъ дяддюшка.

На лицѣ дядюшки отразилось какое-то тайное горе и сомнѣніе.

— Охъ, чувствую, сказалъ дятюшка, что произойдетъ со мною злоключеніе. На Господа упо-

ваю. Въ Немъ мое прибѣжище и сила. Прощайте! Погоняй, Омелько!

Омелько чмокнулъ губами, лошади дернули и подрѣзы завизжали по твердому снѣгу. Кибитка, заключавшая въ нѣдрахъ своихъ грустнаго дядюшку, постепенно удалялась и скоро черной точкой исчезла на безоблачномъ горизонтѣ чистаго, покрытаго снѣгомъ поля.

— Омелько, ради Создателя, погоняй, ворчалъ дядюшка,—ты знаешь ту корову, которую вчера расчахнули на льду? Она твоя, только привези меня домой къ ужину. Дорога, ажъ полыскуется! Поошоолъ!

— Було бъ на городъ ѣхать, верстъ шесть ближе.

— Почему же ты, мой Омельку, не поѣхалъ на городъ?

— Кони боси, а тамъ ледами верстъ десятокъ нужно ѣхать....

— Чтобъ было тебѣ....

— Ну, не бойтесь. Я, поровнявшись съ Мацапуровщиною, удеру степомъ въ самую Жабокрюковку.

— Ахъ! Бога ради!

Дядюшку тяготило тайное горе. Ему не весело было глядѣть на прекрасное утро, располагающее часто развѣять хоть на время непріятное построеніе нашего духа. Справа и слѣва серебрились курганы и могилы, попадающіеся въ мирныхъ и привольныхъ степяхъ Малороссіи. Молчали они тогда и теперь молчатъ, но напомина-

ють былое той страны, которая, въ тиши уединенія, можетъ почесться однимъ изъ лучшихъ уголковъ пространной Россіи.

— Скажи мнѣ, Омелько, для чего людей женятъ? спросилъ дядюшка кучера, рѣшившись хоть немного развлечь себя.

— А кто его знае,— отвѣтилъ улыбаясь Омелько.

— Скажи правду: добре жить женатому? Я не разсержусь.

— Одже погано, колы хочете; бо и женютъ нашего брата на те щобъ мыныты.

— То такъ, бо чоловикъ спарубковавши звирюкою зробыться и готовъ кынуться на всяку скотыну!

—

ГЛАВА XI.

Бррррр . . . . брррр... вотъ холодъ, такъ холодъ! вскричала тетушка, выпроводивъ Луку Ивановича и вошедши въ залъ. Тетушка стала близехонько domine, который перемѣной въ лицѣ своемъ ясно обнаруживалъ, что все его существо радости преисполнилось вслѣдствіе того, что столь красивая госпожа, не затрудняясь, избрала близь его мѣсто.

Нечаянное сближеніе тетушки съ domine пробудилоо хоту, въ послѣднемъ вступить въ разговоръ, придуманный еще заранѣе и къ сожалѣнію испарившійся отъ близости тетушки.

Кушанье было подано.

Тетушка быстро сѣла за столъ противъ domine, посадивъ Павлушу близь себя.—Самыя вкусныя наливки, ратафіи, малиновки и слащеныя сахаромъ смородиновки, съ обильнымъ количествомъ крижовниковой водицы, явились на столѣ, чтобы изнѣжить

прежде всего вкусъ Солопіевскаго, получившаго, какъ можно было догадаться, большую охоту къ такимъ предметамъ, какихъ онъ поскромности своей даже мысленно не касался.

Тетушка и domine кушали такъ скоро, будто бы кто ихъ дубиной гналъ.

Солопіевскій, не одинъ разъ обжигалъ горячимъ соусомъ языкъ и чуть не выломалъ зубы вилкой.

Павлуша одинъ ѣлъ медленно, но тетушка поторопила его, сказавъ, что остатки отъ ихъ стола позволяетъ она людямъ взять въ буфетъ и тамъ покушать. — Услыша также позволеніе, прислуга явилась въ буфетѣ и мигомъ уничтожила все, что осталось отъ обѣда господъ; посуда была убрана и спрятана въ шкапъ.—На Ульяну Осиповну навѣяли случайно милосердіе и доброта.—Она дозволила дворовымъ людямъ идти на село погулять. Савка первый отправился къ старику отцу, Степанъ къ титкѣ Пыдори. Дѣвкамъ было приказано идти ковзаться, а Кузьмѣ пришлось на долю самое лучшее удовольствіе, кататься съ горъ вмѣстѣ съ панычемъ.

— Хочешь, Павлуша, спускаться? спросила тетушка племянника, ласково взявъ его за подбородокъ.

— Еще ходя въ классъ въ Переяславлѣ, я объ этомъ думалъ, сказалъ довольный Павлуша, да вотъ бѣда: громакъ еще на первый день праздника кто-то утащилъ.

— Кузьма, сказалъ domine, легко отыщетъ сіи необходимыя при спусканьи съ высотъ вещи. При этомъ Солопіевскій, въ знакъ своего достоинства чмыхнулъ раза три носомъ.

— Ось у Припечнаго есть санки, сказалъ Кузьма, просунувъ голову изъ двери другой комнаты, у Завьюги есть, да еще лубкомъ славно обшитыя.

— Ну, сказала тетушка,—возьми у него сани. Не съѣдятъ же ихъ! дитя только поиграетъ. Ступайте же! Смотри, Кузьма, чтобы паничь хорошенько нагулялся, а то онъ дурно спитъ ночью. Гуляйте, пока солнце зайдетъ. Одѣнь же, Кузьма, дитя потеплѣе.

Павлуша поспѣшно накинулъ на плечи заячій тулубчикъ, надѣлъ теплые сапожки, выбѣжалъ съ Кузьмой на крыльцо и не больше, какъ черезъ пять минутъ, раскраснѣвшись, какъ вареный ракъ, взбирался на высокую кочугуру съ тяжелыми саночками Завьюги. Прислуга давно разбрелась, услышавъ изъ устъ госпожи, первый разъ въ жизни ласковый тонъ и съ добродушіемъ разрѣшившей на такое большое время отлучку изъ господскаго двора. Въ домѣ сдѣлалось такъ тихо, какъ бываетъ въ томъ футлярѣ испорченыхъ часовъ, въ которой около полустолѣтія никто не заглядывалъ. Осталось всего въ домѣ двѣ особы. Уліана Осиповна и Семенъ Виссаріоновичъ. Теплота и тишина волновали domine.

— Не запереть ли намъ, domine, дверей наружныхъ,

сказала тетушка, подходя на цыпочкахъ къСолопіевскому,—мы вѣдь одни остались въ домѣ.

— Тмх... тмых... тмх... Осторожность есть знакъ присутствія разсудка.

— Люди на свѣтѣ дѣлятся на злыхъ и добрыхъ, сказала тетушка,—я боюсь, чтобы кто-нибудь изъ злыхъ, не влѣзъ въ сѣни, да не укралъ чего нибудь. Правда, что тамъ, кромѣ дровъ, ничего нѣтъ дорогаго; но и дрова.... тетушка вовсе не думала о томъ что̀ говорила. Украсть изъ сѣней можно было кадушку съ водой—больше тамъ ничего не было. Да и деревня не городъ. Domine бросился въ сѣни и корридоръ, онъ заперъ обѣ наружныя двери и задвинулъ ихъ тяжелыми желѣзными засовами. Солопіевскій, возвратясь, ходилъ по залѣ взадъ и впередъ, медленно ступая, вздыхая и посматривая масляными взорами на глухо затворенную дверь спальни тетушки.

Въ спальнѣ тетушка со вздохомъ и трепетомъ надѣла самый легкій капотикъ и такъ небрежно, что онъ чуть держался на ея бѣлыхъ нѣжныхъ и матовыхъ плечахъ.

Засучивъ, по привычкѣ, рукава капота до локтей, Ульяна Осиповна долго шарила въ ольховомъ комодѣ, выдвигала и задвигала ящики, осматривалась кругомъ и наконецъ отыскала игру картъ, перевязанную накрестъ розовой тесомкой. Развязавъ тесомку, тетушка сѣла на полъ и тутъ же по мастямъ, разложила карты кучками. Удостовѣрясь

въ цѣлости таліи картъ, тетушка приподнялась съ полу и, кинувъ карты на кругленькій столичекъ, поставленный у двухспалней кровати, голосомъ, въ которымъ замѣтно было волненіе, начала звать Семена Виссаріоновича.

Domine вздрогнулъ, покраснѣлъ и потирая изрѣдка руки, что̀ онъ дѣлалъ въ необыкновенныхъ случаяхъ семинарской жизни, чуть дыша началъ подходить къ двери.

Тетушка долго прислушивалась къ мѣрнымъ шагамъ domine, ждала жадно его появленія, опустясь у круглаго стола на постель, но Солопіевскій не являлся.

Тетушка была въ необыкновенномъ состояніи и это сказалъ бы всякій, кто бы ее ни увидѣлъ. Краска выступила на ея щекахъ, грудь высоко подымалась и вздохи, самые короткіе, невольно вылетали изъ ея груди.

Природа и ея законы брали верхъ надъ разсудкомъ и другими рамами, въ которыхъ добровольно стѣсняетъ себя родъ людской.

Тетушка, дрожащими руками тасовала карты, опустя глаза. Domine продолжалъ путешествовать по залѣ; онъ чего-то ждалъ и не могъ дождаться.

— Не угодно ли вамъ, domine, послышался голосъ тетушки, заняться со мной, немножко, игрой въ карты?

— Весьма радъ, отвѣчалъ domine и, осторожно войдя въ спальню, сѣлъ противъ тетушки, боясь

не только на нея взглянуть, но и свободно дышать.

— Въ какую же игру мы прежде всего начнемъ играть, спросила тетушка domine, продолжая тасовать карты. Глаза ея искрились, закрываясь рѣсницами.

— Я готовъ во всякую игру играть и даже въ ту, въ какую вы желаніе свое наиболѣе окажете. Игра есть не что иное, какъ своего рода забава.

— Въ фофаны хотите?

— Хочу, сказалъ domine и, улыбнувшись, началъ чмыхать носомъ,—а что такое есть фофанъ? спросилъ domine довольно развязно тетушку.

— А вотъ увидите, сказала тетушка, спрятавъ одну карту подъ подушку.

— А... сія игра мнѣ знакома, ворчалъ учитель и быстро началъ выбрасывать пары.

— А послѣ этого сыграемъ въ мельника, вы эту игру знаете? спросила тетушка.

— Отчасти знаю. Она состоитъ....

— Теперь остается только сыскать карту у меня на постелѣ, сказала тетушка. Положила, прибавила она, да и сама не вспомню гдѣ! Дай Боже память!—А, фофаномъ-то вы будете!

— Хорошо, сказалъ domine, а чтоже я долженъ, буду дѣлать? спросилъ онъ у тетушки.

— Постойте, я скажу, отвѣчала Ульяна Осиповна, роясь у себя на постели. Послѣ старательныхъ поисковъ, карта была отыскана. Domine сдѣлался

фофаномъ и долго конфузился надѣть дамскій чепецъ. Тетушка же, чтобы его ободрить, предложила ему игру въ мьльники. Уліана Осиповна охотно посвятила Солопіевскаго въ таинства этой игры, и domine эта новая игра больше всѣхъ другихъ понравилась. Въ ней разговоровъ было мало, а удовольствія и смѣху пропасть. Да самаго вечера игра тетушки съ учителемъ почти не прырывалась. Тетушка съ радостію выдумывала всякія забавы и тѣмъ охотнѣе занималась ими, что со втораго года замужства, она ни съ Лукой Ивановичемъ, ни съ другими, посѣщавшими ихъ лицами, въ эти игры не играла.

Павлуша, возвращаясь съ гулянья, видѣлъ, какъ учитель торопился надѣть чепецъ и тасовать карты. Раньше же этого, Павлуша тоже видѣлъ, какъ domine пилъ холодную воду и заѣдалъ этотъ холодъ вареньемъ.

— Вотъ кому горе, подумалъ Павлуша, стуча въ дверь;—ѣстъ варенье да сидитъ цѣлый день возлѣ тетушки, поигравая съ ней въ карты. Услышавъ стукъ, domine бросился въ сѣни, отперъ дверь, ввелъ Павлушу въ диванную и помогъ ему раздѣться.

Не успѣлъ еще Павлуша раздѣться, какъ тетушка принесла сама ему полдникъ и выслала его въ залъ, гдѣ Кузьма приготовилъ на столѣ самоваръ и чашки. Domine съ Уліаной Осиповной усѣлись пить чай. Лишь только свѣтъ блеснулъ

изъ господскихъ оконъ, давая знать, что въ горницахъ подали свѣчи, дѣвушки сами возвратились къ своимъ мѣстамъ. За такую догадливость тетушка объявила имъ всѣмъ, что отпускаетъ ихъ гулять цѣлую ночь на тѣ деньги, которыя онѣ выручили, продавъ шинкаркѣ калядку.

— А чтобы досталось всѣмъ вамъ хорошо погулять, я даю еще отъ себя на вашу складку деньги, и тетушка бросила на столъ въ дѣвичьей чуть ли не цѣлую горсть мѣдныхъ денегъ. Дѣвушки бросились цѣловать благодѣтельствующую имъ руку, и невиданную доброту тетушки приписали необыкновенному случаю.

— Напеките блинцовъ пшеняныхъ, добавила тетушка,—я велѣла дать пшена, да и гуляйте себѣ до развѣта, окончила тетушка къ радости дворни.

Барыня, учитель, Павлуша и Кузьма остались одни въ цѣломъ домѣ. Дворовые гуляли всю зимнею ночь на пролетъ и пѣли пѣсни съ такимъ ожесточеніемъ, что осипли всѣ и говорили такъ тихо, что съ трудомъ можно было ихъ понять.— Ночь пронеслась быстро.

За утреннимъ чаемъ тетушка сидѣла съ Павлушей и domine. Солопіевскій съ адскимъ аппетитомъ пожиралъ кофей съ булками и сливками, густыми и жирными, какъ сметана.

— Нѣтъ Луки Ивановича, сказала тетушка со вздохомъ, гдѣ онъ теперь, бѣдный, находится? Весьма истересно было бы знать, какъ провелъ онъ

ночь и хорошо ли ему постель была постлана, тоже, не снилась ли ему чего-нибудь особеннаго?

— О! somnus est mortis imago, выразился при этомъ учитель, прихлебывая кофей съ пѣнками дернутыми янторями масла.—Или попросту сказать: сонъ есть смерти изображенiе.

— Ахъ! domine, ради Творца, не говорите о смерти, сказала сквозь слезы тетушка,—сохрани меня Господь остаться вдовой, лишась Луки Ивановича. Не перенесу его смерти, а такъ и умру; туже минуту послѣ него, пусть и меня снесутъ на кладбище..... Уже люди пришли снимать со стола чайный сервизъ, какъ на дворъ въѣхала кибитка съ дядюшкой. Дюжина слугъ и служанокъ дала знать объ этомъ барынѣ. Лука Ивановичъ, сидя внутри, съ досады разсматривалъ по линявшiе обои, когда-то служившiе украшенiемъ внутренности экипажа. Загнанная четверня лошадей, опустя головы, чуть тащила кибитку. Омелько отчаяннымъ голосомъ кричалъ, погоняя коней, покрытыхъ пѣной, коней съ взъерошенной шерстью и съ носившимся надъ ними паромъ. Кое-какъ доплелись кони до крыльца и сами собой стали.

— Панъ, панъ, панъ прiѣхалъ! закричала ключница, пробѣгая ослиной рысью черезъ дворъ.

— Панъ прiѣхалъ, ворчалъ Савка, стоя у дверей.

— Прiѣхали, доложилъ Степанъ барынѣ, которая

какъ сидѣла въ красной кацавейкѣ, такъ и вылетѣла на крыльцо, радуясь и трепеща, какъ горлица, бывшая долго въ разлукѣ съ своимъ голубкомъ.

— Здоровы? Ага! я знала, что здоровы, говорила тетушка, а разскажите, какъ тамъ было? Отчего такъ долго вы проѣздили? То-то, я думаю, радъ былъ маршалъ! Да и какъ не радоваться! Жена его, я думаю, хорошенькая, молодая и одѣта по-модному? Выходите же, выходите. То-то, я думаю, обрадовали вы ихъ своихъ пріѣздомъ! здравствуйте же, здравствуйте, кричала тетушка уже въ комнатѣ Лукѣ Ивановичу. Что же вы меня до сихъ поръ въ руку не поцѣловали? Отчего это происходитъ? Дядюшка, во все время молчалъ и, повѣся голову, медленно втащился въ комнату.

— Ну, весело, отозвался наконецъ дядюшка, —такъ ужь весело, что и разсказать не въ состояніи....

Дядюшка началъ отплевываться съ досады.

Между тѣмъ тяжелые его сапоги полетѣли въ уголъ, шапка очутилась въ другомъ углу, а шуба упала среди полу.

— Если бы зналъ, началъ дядюшка съ неудовольствіемъ,—никогда бы не поѣхалъ! Ни за что на свѣтѣ!

— Отъ такои! вскричала тетушка, всплеснувъ руками, увидѣвъ, что платье Луки Ивановича въ

безпорядкѣ.—Гдѣ это вы такъ отдѣлали свои бархатные?

Тетушка съ величайшимъ трудомъ могла удержать смѣхъ, готовый разразиться и заразить невольно весь домъ. Гдѣ? говорите же мнѣ сейчасъ? Лѣзли ли вы черезъ плетень? Слѣзали ли съ печи? Ага? Ужь не уходили ли вы отъ кого?

— Еще, вылѣзая изъ кибитки, отвѣчалъ съ сердцемъ дядюшка,—они, проклятые, лопнули. Ежели бы я поѣхалъ въ сюртукѣ, какъ и хотѣлъ, ничего бы не было, а то въ камзолѣ. Шапкой долженъ былъ закрывать прорѣху, боялся даже съ мѣста подняться. Сидѣлъ все время, какъ гвоздемъ прибитый.

— Что же маршальша? Тамъ-то, я думаю, а я вѣдь васъ знаю.... Ну, разскажите, какъ же вы съ ней?

— И не видѣлъ. Поѣздка есть не достойна труда, предпринятаго мною.

— За то же пообѣдали, я думаю, по крайности хорошо, скажите! Перекоштували однихъ соусовъ съ двадцать. Были тамъ красные, желтые и безъ бѣлыхъ не обошлось.

— Какой чертъ его и думалъ обѣдать, вскричалъ дядюшка: маршалъ женатъ въ Петербургѣ.

— Что же изъ этого, развѣ кто можетъ запретить жениться въ столицѣ?

— А! совсѣмъ не то. Тутъ дѣло въ обычаяхъ, свойственныхъ мѣсту. У насъ, напримѣръ, гость

и порога еще не переступилъ, а ты ужь какъ себѣ хочешь, а запихай его цѣлый день, чтобы онъ ни на минуту рта не закрылъ. А у нихъ? У нихъ, опоздаешь на обѣдъ, и ни одна душа изъ нихъ не спроситъ: хочешь ли обѣдать? Не подать ли тебѣ закусить?

— Scilicit litterae, отозвался тихо Солопіевскій, сіи тонкіе люди полагаютъ, что опоздавшій на ихъ обѣдъ, прежде онаго еще у себя насытился, или лучше сказать: исполнилъ сей необходимый обычай въ жизни. Лука Ивановичъ не отвѣчалъ domine ни слова, даже не оборотился и не взглянулъ на него.

— Хоть ты три дня не ѣлъ, не дадутъ, продолжалъ Лука Ивановичъ къ тетушкѣ,—хоть недѣлю живи, въ обыкновенное время не спросятъ: хочешь выпить? закусить? Не поднесутъ тебѣ ничего.

— Преглупая мода, сказала Уліана Осиповна, но чай? кофей?

— Кофіемъ, правда, пахло въ буфетѣ, гдѣ убирали чашки, когда я вошелъ; чай подали при свѣчахъ, жидкій такой, что ужасъ. Вода та, что изъ крышъ послѣ дождика каплетъ гораздо лучше.

— Пуншикъ за то хватили?

— О пуншѣ и помину не было.

— А вотъ у генеральши Карпоушкиной, тоже петербургской уроженки, примолвилъ Солопіевскій,—совсѣмъ другіе обычаи. Тамъ обѣдъ, чай, пуншъ, закуска и самое обильное хлѣбосольство.

Лука Ивановичъ опять не сказалъ учителю ни слова.

— И подали, опять началъ дядюшка, разсказывая о пребываніи въ домѣ маршала,—къ чашечкѣ чаю два сухарика больше ничего. Растаяли во рту они у меня и потекли съ чаемъ въ горло. Отъ досады опрокинулъ я чашку на блюдечко и положилъ сверху ложечку. Что значило, что я пить больше не желаю или, что все равно, чертъ васъ побери съ вашимъ чаемъ. У насъ и свой дома есть.

— Догадались же они?

— Вѣрно догадались; больше не подали.

— Ну, ужинъ? Тамъ-то, я думаю....

— Въ столицѣ ни одинъ благородный человѣкъ не ужинаетъ. Онъ, сумашедшій, вздумалъ, живя въ деревнѣ, подражать столичнымъ! Языцы.... проклятые....

— Такъ вы какъ же?

— Повертѣлся на стулѣ, прижимая шапку, все къ одному мѣсту, вымолчался да и простился съ маршаломъ, который даже не проводилъ меня до передней.

— Гордый! сказала Уліана Осиповна,—къ чему бы ему гордиться?

— Въ комнатахъ, продолжалъ дядюшка,—у него воздухъ настоящій нѣмецкій, какъ у насъ въ шопѣ, собакъ можно заморозить.

— Ну, хорошо, что вы догадались запастись

своей закуской. Покушали вы, я думаю, да еще съ большимъ аппетитомъ.

— Покушали, ворчалъ дядюшка, все что̀ вы дали,—собаки маршальскія. Омелько, расторопша, пошелъ въ кухню грѣться, а онѣ проклятыя залѣзли въ кибитку да все и повытаскали.

— Это прямое несчастіе, сказала тетушка,—что бы вамъ было посмотрѣть въ письмовникъ, вѣрно вы въ критическій день выѣхали.

— Въ письмовникъ? А вы развѣ забыли, что Порховнякъ, уже пятый годъ, взялъ его для прочтенія: наслаждается и не возвращаетъ. Вѣрно зачитать хочетъ. Если бы я предвидѣлъ это, переписалъ бы себѣ, любрикомъ, на окно критическіе дни, существующіе въ каждомъ мѣсяцѣ.

— Эти критическіе дни выдумки маговъ и астрологовъ, прибавилъ domine, желая вступить съ дядюшкой въ разговоръ.

Дядюшка даже не оборотился къ domine.

— Только водкой и наливкой вы утѣшались въ голодѣ и холодѣ, сказала ласково тетушка.

— Утѣшался, сказалъ сердито дядюшка,—посредствомъ сихъ напитковъ сложилась бѣда, какую я и пересказать не берусь. Что разсказывать?— Подумать даже страшно.

— Что тамъ такое, ворчала тетушка съ видимымъ участіемъ,—не тревожьте меня, а разскажите.

— Возвращаясь отъ маршала, началъ опять дя-

дюшка, вошедши въ спальню жены и прилегши на ея кровати,—я вздумалъ сократить путь, чтобы скорѣй доѣхать домой. Велѣлъ ѣхать черезъ городъ.

— Ну! черезъ городъ, сказала тетушка, торопясь узнать, что за бѣда случилась съ мужемъ.

— Вы, понимаете, низомъ, льдомъ и болотами, гораздо ближе. Мы и поѣхали, и темно было. Лошади бѣгутъ, а скользко, скользко. Переѣхали городскую черту. Стой! закричалъ кто-то позади насъ. Омелько дурень съ разу сталъ. Выскакиваетъ передъ нами гренадеръ съ желѣзнымъ прутомъ, моргаетъ усами и схватываетъ лошадей за поводья.

— Мати моя! Пресвятая Владычица! шепчетъ тетушка, прижимаясь къ дядюшкѣ,—какой страхъ!

— Постойте, это ничего, а вотъ что дальше будетъ.

— Ахъ! Не мучьте меня! Говорите.

— Водку, говоритъ гренадеръ, везете? И кто ему могъ это сказать? Нѣтъ, говорю, не веземъ. На что намъ водка, развѣ у насъ своей винокурни нѣтъ? Тутъ знаете, со всѣхъ сторонъ налетѣли жиды. Понимаете: откупъ. Искать, искать, закричалъ одинъ. Полѣзли въ кибитку. Я перепугался, языкомъ поворотить не могу, а все твержу одно, нѣтъ и нѣтъ.

— Ахъ, всесвятые угодники печерскіе! сказала набожно тетушка,—что то еще будетъ?

— Да чего вы пристали, бисови жиды! закричалъ Омелько,—была водка у насъ, говоритъ, да мы съ паномъ выпили, а наливка, говоритъ, одна осталась.

— Ахъ! ты Господи! А я же бы ему, тутъ же, дала так....

— Я конечно послѣ этого закричалъ объѣздчику: что вы ему, пьяницѣ, вѣрите? Нѣтъ у насъ наливки. Омельку, говорилъ я кучеру, полно брехать! Ажъ, осьдечки, говоритъ хамло проклятый, у меня пидъ ногами. Мы ее и не куштували.

— Пресвятая Богородице! съ ужасомъ прошептала тетушка.

— Я такъ и вскипѣлъ. Объѣздчики нашли три бутылки въ ногахъ Омельки.

— Отняли? Вы бы на нихъ жаловаться въ судъ.

— Ого! жаловаться! Тутъ они сами говорятъ: въ контору пожалуйте. Омелько тогда только догадался, что худо, да какъ удеретъ, по лошадямъ. Нѣтъ ходу. За каждую лошадь уцѣпились по дюжинѣ жидовъ. Омелько слетѣлъ съ козелъ; а меня въ кибиткѣ потащили въ контору.

— Безъ суда и безъ права? сказала тетушка, какъ вы позволили надъ собою такъ издѣваться? Да если бы я была съ вами, они не посмѣли бы.... Я знаете какая?

— Да! Вѣрно не посмѣли бы. Платите, говорятъ, штрафъ. Вотъ тебѣ и штука, подумалъ я. Денегъ, вы сами знаете, со мною не было. Та-

щатъ меня въ полицію. Слѣдствіе начинаютъ. Описываютъ лошадей, кибитку, чтобы продать подъ барабанъ. Дошло дѣло до того, что меня, Омельку и лошадей чуть-чуть не посадили за рѣшотку.

— Какъ же вы, мой любезный Лука Ивановичъ, выкрутились изъ бѣды?

— Шумъ пробудилъ весь городъ. Извѣстно, дворянинъ не малое лицо; а тутъ еще пронесся слухъ, что будто бы я судьѣ въ подарокъ привезъ бочку водки.

— Ахъ, не мучьте меня! Оканчивайте уже скорѣе.

— Контора была въ одномъ дворѣ съ коморникомъ.

— Афанасіемъ Дмитріевичемъ.

— Да, точно. Афанасій Дмитріевичъ узналъ и ту же секунду явился выручить меня.

— Какъ! отпросилъ? Спасибо ему.

— Какое, только поручился за меня, позвалъ къ себѣ, обогрѣлъ, напоилъ чаемъ, пуншемъ, накормилъ ужиномъ и оставилъ у себя ночевать.

— Какой онъ добрѣйшій человѣкъ.

— Да, точно добрый. А прійдется платить...

— Коморнику? За что? За угощеніе?

— Какое коморнику? Жидамъ.

— Рублей шесть не больше или можетъ-быть рублей десять?

— Десять? Когда бы десять, а то страшно выговорить: 75!

— Да нельзя ли, какъ-нибудь, отдѣлаться: по-

дать позовъ въ полицію жаловаться въ сенатъ, государю, въ губернскія мѣста, къ министрамъ?

— Я уже совѣтовался. Призывали Ивана Степановича.

— Что же онъ сказалъ?

— Говоритъ—заплатите. Такъ и сказалъ.

— Да, когда уже Иванъ Степановичъ объявилъ это, то нужно будетъ заплатить. Что жь дѣлать? заплатимъ. Омельку все-таки нужно высѣчь для порядка.

— Это будетъ въ свое время; теперь же велите давать обѣдать.

Тетушка убѣжала, a domine еще раньше исчезъ. Лука Ивановичъ принялся раздѣваться въ спальнѣ. Савка, снимая съ него брюки, разорвалъ ихъ на двѣ части и отъ испугу повѣсилъ одну половину на двери, а другую положилъ на туалетъ. Дядюшка, надѣвъ халатъ и рогатую шапку, вышелъ въ залъ, сѣлъ за обѣдъ и, выпивъ порядочно, пришелъ въ нормальное состояніе.

— Обиженъ, твердилъ онъ, запивая каждое кушанье,—вѣчно и потомственно. Что скажетъ объ этомъ маршалъ? Обѣдъ былъ конченъ. Всѣ, кромѣ дядюшки, встали изъ-за стола. Онъ одинъ остался допивать наливку.

— Такъ осрамленъ, такъ сконфуженъ, твердилъ онъ возвратившейся въ столовую тетушкѣ,—что и встать съ мѣста не въ состояніи.

— Вы бы легли отдохнуть въ нашей спальнѣ;

дѣвокъ я вышлю изъ дѣвичьей, чтобы басней не точили и шуму не заводили.

— Нѣтъ, я хочу лечь спать съ domine вмѣстѣ въ диванной. Пусть намъ на полу постелятъ синій коць, мы и возляжемъ на немъ. Domine! гдѣ вы reverenderissime!

— Я здѣсь, отвѣчалъ Солопіевскій.

— Bene. Пойдемте спать вмѣстѣ. Угодно вамъ сіе?

— Очень угодно, отвѣчалъ domine.

— Вы намъ, Уліана Осиповна, пришлите холоднаго пуншу, а мы съ нимъ выпьемъ и поговоримъ по-латини, а вамъ сего да не разумѣть.

Domine, какъ собака, взятая не знакомымъ человѣкомъ на веревку, поплелся позади дядюшки.

— Ложитесь, reverenderissime къ стѣнѣ; а я лягу съ краю.

Солопіевскій, какъ человѣкъ здоровый и молодой, нашелъ бы для себя болѣе пріятное занятіе, но долженъ былъ исполнить желаніе хозяина.

— Пока принесутъ пуншъ вы, domine, подвиньтесь къ стѣнѣ, а ты Савка будь при охраненіи дверей и ни сюда, ни отсюда никого, повелѣваю тебѣ, не пропускать!

Принесенный пуншъ былъ залпомъ выпитъ. Дядюшка, распорядясь, чтобы ни его, ни domine никто не безпокоилъ, придавилъ учителя къ стѣнѣ и скоро захрапѣлъ такъ сильно, будто-бы у него подъ носомъ пять паръ пильщиковъ пилили мерзлую

сосну. Къ великой досадѣ тетушки, Лука Ивановичъ полюбилъ такъ учителя, что не оставлялъ его одного ни на секунду. Тетушка очень боялась, чтобы отъ щедротъ угощенія дядюшки, молодой семинаристъ не распился и не сдѣлался въ послѣдствіи никуда негоднымъ человѣкомъ. Праздники Рожества окончились.

Солопіевскій съ недѣлю щеголялъ въ красномъ жилетѣ и часто призадумывался о порѣ ѣхать въ семинарію. Тетушкѣ очень не хотѣлось раставаться съ любимомъ ею племянникомъ. Долго откладывала она его поѣздку; наконецъ въ одно утро, собравшись съ силами, снабдила его всѣмъ нужнымъ и, давъ въ услуженіе Кузьму, выпроводила изъ дому въ дальнюю дорогу.

Павлуша, проливая потоки слезъ, простился съ дядюшкой и тетушкой. Благодарный domine два раза поцѣловалъ руку тетушки и почти что съ слезами на глазахъ уѣхалъ.

Уліана Осиповна долго смотрѣла въ окно и утирала слезы, тихо катившіяся изъ ея глазъ. Она тогда только отошла отъ окна, когда кибитка скрылась изъ виду.

— Охота же вамъ пришла, сказалъ надувшись дядюшка, давать семинаріи цѣловать ваши руки!

— Пусть пріучается къ приличію. Онъ молодъ, свѣтское обращеніе ему необходимо, иначе онъ будетъ такимъ чемойданомъ, какимъ и вы до женидьбы на мнѣ были!

Дядюшка умолкъ.

Пріѣхавши въ Переяславль, семинаристы наши застали классы открытыми. Въ нихъ читались уже лекціи; но безъ должнаго порядка. Инспекторъ семинаріи уѣхалъ въ Прилуку жениться, чтобы исполнивъ это пріятное дѣло, готовиться въ священники въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ. На мѣсто стараго инспектора назначили другаго и тотъ вздумалъ заводить новые порядки.

Не смотря на бдительнѣйшій надзоръ, семинаристы продолжали пировать. Солопіевскій и Павлуша если приглашались на одну вечеринку, то domine за эту одну отдѣлывался тремя, да и не такими уже, какъ прежде.

Вечеринки domine были великолѣпны и назывались въ семинаріи пиршествами Сарданапала.

О водкѣ и брагѣ совѣстно было вспоминать тамъ, гдѣ выморозки и донское уничтожались ящиками. Осетрина, икра, балыкъ, селедки и пироги считались обыкновенными произведеніями царства природы, существующими для того, чтобы въ обыденный часъ насыщать неутолимый аппетитъ пріятелей Солопіевскаго.

Солопіевскій показывался уже не такимъ, какимъ привыкли видѣть его товарищи.

Онъ принималъ раболѣпныхъ гостей въ хозяйской половинѣ, для этого нарочно нанятой. Вытянувшись на кровати, въ халатѣ изъ едамашки и желтыхъ мечтахъ, онъ важно взиралъ на своихъ

товарищей. Кузьма тѣмъ только и занимался, что подавалъ Солопіевскому трубку съ чубукомъ въ аршинъ, украшеннымъ бисернымъ чахломъ.

Вещицы тоже кое-какія появлялись у Солопіевскаго. Серебряные часы безъ стрѣлокъ, шкатулка, тонкія рубахи, кисетъ сшитый изъ двухъ кусковъ дорогаго мериноса, и удивленіе всей семинаріи: подтяжки изъ орденскихъ лентъ!

Глядя на свѣтъ Божій, сквозь дымокъ табаку Каратѣева и Богомолова, Солопіевскій почти пересталъ учиться. Онъ занялся поэзіей и къ удивленію товарищей сочинялъ треническія и еротическія стихотворенія, на первомъ планѣ которыхъ рисовалась какая-то дивная волшебница, затемнявшая мысли поэта для другихъ созданій и поглощавшая въ описаніяхъ красотъ и добродѣтелей, ей одной свойственнымъ, чуть-ли не три дести бумаги.

Павлуша скучалъ у себя на квартирѣ и по пріѣздѣ только черезъ мѣсяцъ явился въ граматику.

Бродницкій накупилъ на пять рублей орѣховъ, рожковъ, солодковаго корня, изюму и другихъ лакомствъ большой платокъ.

При входѣ въ классъ, онъ какъ-будто нечаянно развязалъ платокъ. Лакомства разсыпались на полъ, и Бродницкій чуть удержался на ногахъ отъ толпы, явившейся подбирать съ грязнаго полу все то, что выпало изъ платка. Павлуша тихо наслаждался зрѣлищемъ, представленнымъ для его забавы соучениками. Подбирая разсыпанное они, толкали

другъ друга, дрались, вырывали одинъ у другаго подобранное при крикѣ, пискотнѣ, ругательствахъ и толчкахъ.

Гвалтъ ихъ напоминалъ крикъ мишурицевъ *), собравшихся нечаянно на улицѣ въ одномъ изъ близкихъ къ австрiйской границѣ городковъ.

Напрасно старался Павлуша отыскать любимца своего, Кузьму Ивановича; его до сихъ поръ не было и носились слухи, что онъ въ семинарiю не явится.

По разспросамъ оказалось, что старый Лошакъ взялъ сына еще передъ праздниками, гораздо раньше роспуска, и Кузьма Ивановичъ съ какою-то боязнiю ѣхалъ съ суровымъ родителемъ въ домъ, гдѣ ожидали его ласки матери. Въ домѣ строгаго родителя, Лошаку было страшно и не весело. Ожидалъ онъ окончанiя праздниковъ, чтобы ѣхать опять въ семинарiю; но праздники давно кончились, а желанiе Кузьмы Ивановича не осуществлялось.

Послѣ Крещенiя, Лошакъ, грубый, мелко-помѣстный дворянинъ, вечеромъ принималъ у себя гостей (такихъ полу-панковъ, которыхъ жиды называютъ: пурицыле,) только эти господа были гораздо бѣднѣе стараго Лошака. У Ивана Кузьмича было таки довольно денегъ. Сосѣди говорили, что еженощно самъ чертъ носитъ Лошаку деньги.

---

*) Родъ дворниковъ изъ евреевъ.

Этому не всѣ вѣрили,—а были и такіе, которые не только вѣрили этому, но и завидывали полезному знакомству Лошака съ духомъ тьмы.

На другой половинѣ жилища Ивана Кузьмича, приглашенные имъ гости закусывали. Иванъ Кузьмичъ, какъ только зажгли свѣчи, принялъ гостей и продолжалъ ихъ щедро потчивать.

Мать Кузьмы Ивановича хлопотала изо всѣхъ силъ въ пекарнѣ, переговариваясь съ дытыной Кузьмочкой, который лежалъ на лавкѣ и не упускалъ случаевъ ущипнуть дебелую работницу, каждый разъ, когда она мимо его проходила.

Работница была жирная дѣвка, патлатая и красноногая.

Часовъ въ 8 вечера, когда уже гости пили пуншъ съ ромомъ, старый Лошакъ вызвалъ Кузьму въ холодную комнатку, зажегъ свѣчу и, сѣвъ самъ на мѣшкахъ съ горохомъ, устремилъ на оробѣвшаго Кузьму внимательный строгій взоръ и сказалъ ему.

— Семь лѣтъ сидишь ты въ одномъ классѣ и, если я тебя не возьму, то просидишь и еще столько, пока перетащутъ тебя въ твой проклятый свинтакцысъ *).

Кузьма стоялъ, смотрѣлъ внизъ и боялся взглянуть на строгаго отца.

— Не одинъ разъ я тебя билъ; теперь собралъ пріятелей посовѣтываться съ ними, что съ то-

---

*) Синтаксисъ.

бой дѣлать? и они навели меня на хорошій путь. Слушай, выбирай одно изъ двухъ: или иди въ попы, или отдамъ тебя въ солдаты и будешь ты кромѣ всего этого проклятъ отъ нынѣ и до вѣка.

— Въ солдаты такъ и въ солдаты, отвѣчалъ молодой Лошакъ, боязливо осмотрѣвшись.

— Рядовымъ, рядовымъ, отдамъ, велю еще и лобъ выголить, хоть ты и дворянинъ. Солдафакою будешь! Ей! Москалю! Пойды сюды! скажутъ тебѣ.

— Воля ваша. Пусть и солдафакою буду, а въ попы не желаю.

— Стало быть, ты самъ желаешь въ военную службу? Эге.... да не будетъ тако. Старосты уже здѣсь, они тебя ожидаютъ, чтобы идти съ тобою къ Сеньчихѣ. Помни, что уже три года, какъ я ее за тебя тайно просваталъ! Молодой Лошакъ молчалъ, будто бы дѣло это къ нему ни мало не касалось.

— Чрезъ недѣлю отгуляемъ свадьбу, Кастогрызъ обѣщался вамъ корову подарить; Матузыха пчелъ шестеро; Гаманецъ бочку водки. Послѣ свадьбы чрезъ двѣ недѣли поѣдемъ въ Переяславль. Тамъ въ мѣсяцъ тебя посвятятъ въ священники. Къ великому посту ты получишь приходъ и явишься туда къ самому доходному времени. Съ сегодняшняго вечера запрещаю тебѣ брить бороду и стричь волосы на безмозглой башкѣ твоей. Приходъ тебѣ готовъ въ Семихатовкѣ.

— Нѣтъ, батюшка, робко отозвался сынъ, я не

желаю быть попомъ; какой изъ меня попъ будетъ? Не готовился я въ это званіе.

— Не готовился, да будешь. Воля отца должна быть для тебя закономъ. Ты подумай, сколько мнѣ хлопотъ стоило приготовить для тебя мѣсто? Не забудь ты, что я разстроилъ бракъ Чубучковскаго съ сиротой, за которой числился приходъ.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, ни за что.... у сироты отнять.... обидить....

— Сынъ мой Кузьма! сказалъ строго Лошакъ, слушайся безпрекословно меня или я тебя сильно накажу при всей честной компаніи. Пріятели мои ждутъ твоего появленія. Одѣвайся и иди съ ними къ Сеньчихѣ. Ты молчишь? Опомнись, Кузьма! Поразмысли, Кузьма Ивановичъ, мой единственный сынъ и наслѣдникъ всего моего состоянія.

— Какъ хотите, батюшка, сказалъ смѣло сынъ, я все одно скажу: на Сеньчихиной не женюсь, въ попы не желаю. У меня не только мысли, но и руки не туда стоятъ.

— Какъ же быть мнѣ съ сватами?

— Пожалуй, уже коли такъ, то пусть сватаютъ меня на Настасіи.

— А ты развѣ желаешь жениться на ней?

— Для чего? Можно.

— Далеко була, мило бачила; такъ вотъ отчего твоя дерзость происходитъ? Дворянку, бѣдную подхватить хочешь? Не бывать по твоему.

Слѣдуй за мной, сказалъ отецъ сыну грозно, и повелъ его въ другую комнату. Изъ другой комнаты, сквозь двери, долеталъ разговоръ и смѣхъ веселыхъ гостей до отца, тащившаго за собой сына.

— Любезные мои пріятели, сказалъ плаксивымъ голосомъ хозяинъ:—единственное чадо мое не слушаетъ меня. Мало, не даетъ покою дожить вѣку, назначеннаго мнѣ Господомъ Богомъ.

—А іонъ! же іонъ? проворчалъ одинъ изъ гостей въ фризовомъ сюртукѣ, какъ можно роднаго отца да не слушать! Вѣдь родной отецъ есть тотъ самый, который тебя....

— Семенъ Семеновичъ, обратился Лошакъ къ пузатому, съ отвислыми щеками и въ нанковомъ сюртукѣ гостю, гостю съ телячьими глазами,—скажите мнѣ, что дѣлать съ сыномъ, который меня не слушается?

— Хм.... отозвался толстякъ,—сынъ вашъ, такъ и воля надъ нимъ должна быть ваша.... впрочемъ кротость, мнѣ кажется, можетъ болѣе подѣйствовать, нежели строгость.

—Наказаніе произвесть слѣдуетъ,—оно есть мать исправленія, проговорилъ кто-то козлинымъ голосомъ. Дѣти, повинуйтеся родителямъ вашимъ, сказало то же лицо, вздохнуло и умолкло.

— А мнѣ кажется, сказалъ полутрезвый гость въ нагольномъ тулупѣ: постращать его.

— Чадо единородное наказанію должно подвер-

гнуть. Въ жизни своего чада отецъ повиненъ есть, проговорилъ опять козлиный голосъ, выставя изъ угла комнаты впередъ худое и блѣдное лицо свое.

— Думаю, что такъ сдѣлать, сказалъ Иванъ Кузьмичъ, доставая изъ-за сволока мытаго потолка татарскую нагайку.—Видалъ ли ты, Кузьма? вотъ ему панниматку?

Сынъ сконфузился, покраснѣлъ и, стыдясь, проговорилъ тихо:

— Что жь что не видѣлъ! Бейте меня сію минуту, а я опять вамъ таки скажу: въ попы не желаю; на Сеньчихиной дочкѣ не женюсь. Погана!

— Слышали ли вы, любезные гости, что сказалъ мнѣ сынъ мой?

— Слышали, отвѣтили хоромъ гости подъ предводительствомъ козлинаго голоса, покрывавшаго всѣ другіе.

— Покайся, Кузьма, сказалъ отецъ, — худо тебѣ будетъ.

Бѣдный Кузьма Ивановичъ понялъ, что переговоры съ отцомъ будутъ безполезны и потому упорно молчалъ.

— Положите его, любезные гости, сказалъ старикъ, я съ нимъ самъ незорудую.

Не говоря ни слова, сынъ легъ самъ! Отецъ, увидѣвъ покорность сына, свиснулъ его хорошенько нагайкою, для перваго раза, черезъ лобъ.

Сынъ сжалъ два огромные кулачища надъ своей

головой и одна горькая слеза медленно выкатилась безъ крику и движенія съ его стороны въ то время, когда отецъ изъ всей мочи билъ его нагайкой.

Какъ трупъ лежалъ среди полу Кузьма, предоставивъ отцу волю трудиться.

Напрасно ждалъ терпѣливый Кузьма, что сердце родителя сожмется, сжалится. Нѣтъ, оно было желѣзное, такъ же точно, какъ и руки.

— Не довольно ли уже бить меня, батюшка! заворчалъ сынъ. Ему было уже не въ мочь.

— А, ты еще отзываешься? Грубишь? началъ допрашивать отецъ сына, нагибаясь къ нему.

Сынъ замолкъ.

— Подержите его, любезные пріятели, сказалъ старикъ Лошакъ, а я опять начну полосовать ледащо!

Гости шептались, посматривали другъ на друга и не охотно рѣшались исполнить просьбу хозяина.

— Да творитъ волю хозяина гость, вызвался козлиный голосъ, аще сподобился неоднократно вкушать отъ щедротъ его ястія и питія. Съ этими словами, это лицо сѣло на ноги Кузьмы Ивановича, знаками приглашая другихъ гостей сѣсть на руки Кузьмы. Отецъ палачомъ прошелся по комнатѣ, закусилъ нижнюю губу и, взмахнувъ высоко плетью, хотѣлъ вспахать упругое тѣло сына.

Терпѣніе молодаго человѣка лопнуло.

— Будетъ вамъ, батюшка, уже меня мучить! заревѣлъ сынъ, довольно съ меня!

Съ этимъ вмѣстѣ молодой Лошакъ вспрыгнулъ съ пола и быстро растолкалъ руками и ногами оробѣвшихъ гостей. Козлиному голосу досталось больше всѣхъ.

— Господи! отъ стенанія моего кость моя прилипнула къ плоти моей! визжалъ козлиный голосъ, ногами бѣ попранъ въ самое сердце живота моего.

Сынъ, взглянувъ презрительно на всѣхъ, оправился и быстро вышелъ. Чрезъ сѣни пробрался онъ въ огородъ и, покровительствуемый темнотою вечера, скрылся неизвѣстно куда.

Грозному родителю осталось опомниться и опустить тяжелую руку, готовившуюся еще нанесть тяжкіе удары сыну. Мать Кузьмы Ивановича плакала въ кухнѣ. Отецъ тоже готовъ былъ плакать, но вмѣсто того, ругательства и проклятія громко вылетали изъ его широкаго, до ушей доходившаго, рта и раздавались по всему дому.

Гости, позабывъ даже шапки, поспѣшили домой, потирая тѣ мѣста, до которыхъ дотронулись крѣпкія руки хозяйскаго сына. Спустя нѣсколько дней, старый Лашакъ бросился разыскивать сына, но и слѣдъ его простылъ. Пропалъ Кузьма Ивановичъ, какъ сквозь землю провалился или попалъ въ прорубь.

Лошакъ, потерявъ сына, утѣшалъ себя свидані-

емъ съ пріятелями. Въ жизни этихъ пурыцыле (такъ жиды называютъ панковъ мелкопомѣстныхъ), кромѣ варварскихъ обычаевъ, воспѣтыхъ великими поэтами, ничего хорошаго не было. Закоренѣлые въ преданіяхъ о жизни буйнаго козачества, эти полу-человѣки были бичами семьи своей; а если глупѣйшій рокъ, по волѣ судебъ своихъ, ввѣрялъ имъ горсть людей, то эти творенія были истинными мучениками. Проводя въ терновомъ вѣнцѣ страданій всю жизнь, они имѣли право на царство небесное въ другомъ мірѣ. Кротость несчастливцевъ этихъ, терпѣніе и непамятозлобіе, ручались за ихъ блаженство въ будущей жизни. Тяжкое это время можно назвать царствомъ дегтярныхъ сапогъ, горилокъ, вишнивокъ, дуливикъ и варенухъ; также вѣкомъ самаго грубаго невѣжества.

Пьянство не одинъ разъ забывало памороки, тому у кого подъ рукой находились запеканки. Быть въ гостяхъ и возвратиться не пьянымъ считалось невниманіемъ хозяина къ гостю, отпустившему отъ себя пріятеля трезвымъ.

Въ такомъ полу-сумашедшемъ состояніи пѣлись пѣсни и вѣрно даже сочинялись подобныя этой:

И по сей бикъ гора; По за горою гора;
И по той бикъ гора; По надъ горою гора;
И на гори гора;
И коло горы гора. —

Я знаю одного почтеннаго человѣка, который приходилъ въ восторгъ отъ этой пѣсни и называлъ ее національною. У каждаго свой вкусъ и свое понятіе.—Спорить ни съ кѣмъ и никогда за пѣсню не буду.

Истинный Христіанинъ и честный гражданинъ, пока бьется въ его груди сердце, долженъ съ ужасомъ оглянуться назадъ и вздрогнуть отъ смутныхъ эпизодовъ былаго.

Прошли эти сѣрыя времена и никогда не возвратятся. Еще кое-гдѣ толстая серьмяга и въ наше время покрываетъ сердца людей, стоящихъ во главѣ толпы. Не замѣчаютъ они, какъ эта одежда, отъ дуновенія благодѣтельнаго вѣтра, распадается прахомъ на плечахъ ихъ, не видятъ они, что человѣкъ дѣлается существомъ осмысленнымъ и хотя не много доходитъ до того творенія, какимъ въ мірѣ желалъ узрѣть его Самъ Искупитель!

—

Конецъ второй части.

МЕМУАРЫ
О
ДЯДЮШКАХЪ
И
ТЕТУШКАХЪ.

А. Е. ВАЩЕНКО-ЗАХАРЧЕНКО.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.

Контрагентство по торговлѣ произведеніями
печати на станц. ж. д.

Qu'on vante avec transport les vertus de sa nation, mais qu'on ne soit pas aveugle sur ses vices. M. Helvetius.

Kannst du nicht Allen gefallen durch deine That und dein Kunstwerk,
Mach es Einigen recht; Vielen gefallen ist schlimm. Schiller.

Tout âme qui lira ce livre en deviendra meilleure, et pourra dire: J'ai senti entrer en moi une vertu. Eugène Pallaton.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 16 дня, 1860 года.

Цензоръ *А. Драшусовъ.*

ГЛАВА I.

Павлуша продолжалъ не ходить въ классъ, праздничные дни проводилъ съ пріятелями своими, Телипаками, сыновьями лохвицкаго протоіерея. Старшій Телипака любилъ очень читать гражданскія книги; меньшой все время клеилъ ящички, переплеталъ и обрѣзывалъ тетрадки.

Старшій Телипака снабжалъ Бродницкаго Ринальдомъ-Ринальдини, Эльмондой, Полночнымъ колоколомъ и Подземельемъ Мадзини; меньшой—ящиками и тетрадками. Бродницкій получилъ такую охоту къ чтенію, что въ квартирѣ постоянно читалъ книги, бывшія любимѣйшимъ чтеніемъ избранныхъ семинаристовъ, хранившихъ запрещенное чтеніе въ самыхъ секретныхъ мѣстахъ.

Вторая половина академическаго года шла для Павлуши гораздо быстрѣе. Онъ не осмотрѣлся, какъ и свѣтлый праздникъ приблизился.

При мягкой теплотѣ весенняго солнца показа-

лись на горахъ проталины. Молоденькая травка щетиной выползала изъ земли. Надъ ровной степью въ воздушной вышинѣ запѣли жаворонки. Распустилась ракита, зацвѣлъ шелягъ, порвался съ опушки лѣса, захлопавъ крыльями, испуганный вальдшнепъ. Весна стояла днемъ краснà.

Въ среду на Страстной недѣлѣ явился Омелько за панычами. Въ Чистый четвергъ, съ восходомъ солнца, панычи выѣхали изъ Переяславля въ Раковую-Балку.

По обѣимъ сторонамъ большой дороги видна была дѣятельность въ полномъ разгарѣ.

Проснувшіеся съ весной земледѣльцы торопились бросать зерна въ отдохнувшую и жадную землю. Надъ этой сырой, свѣжевспаханной землей однообразно плавалъ волнистый миражъ.

Довольная пріѣздомъ Павлуша, тетушка приказала Омельку поднесть рюмку водки.

Дядюшка, увидѣвъ domine, былъ озадаченъ, попятился назадъ и, взглянувъ не тетушку, догадался, что учитель явился на праздники по ея распоряженію. Нечего было дѣлать. Рабъ женщинъ, дядюшка обнялъ domine крѣпко и поцѣловалъ.

— Есмь нынѣ, сказалъ Лука Ивановичъ, весьма доволенъ пріѣздомъ вашимъ. Это важное обстоятельство моего удовольствія будетъ вамъ объяснено въ свое время.

— Хотите, можетъ-быть, сказала тетушка учи-

телю, чего-нибудь покушать? Пожалуйте въ столовую, дитя тамъ давно уже кушаетъ!

— Ex oculos domine вижу, заговорилъ дядюшка,—что онъ жаждетъ услышать отъ меня нѣчто, интересъ несказанный имѣющее. Какъ же пища пойдетъ на умъ? Выпить съ domine, мы выпьемъ, а поэтому прикажите подать въ гостиную грушовки. Пойдемъ, domine, отозвался дядюшка къ Солопіевскому, который-было струсилъ прежде (чувствовалъ вѣрно грѣшки зъ собою), а послѣ оправился. Войдя въ гостиную, Лука Ивановичъ и domine сѣли на длинный диванъ. Дядюшка первый началъ говорить:

— Ульяна Осиповна секретно, года три уже заботится о пріисканіи, увеличеніи, удлинненіи и утолщеніи нѣкоей вещи, для дѣланія дыръ служащей, свердломъ въ просторѣчіи именуемой. Я это узналъ.

Грушовку, отличавшуюся тѣмъ, что сухія фунтовыя груши наливались французской водкой, принесли и поставили передъ дядюшкой.

— Распорядитесь, domine, налить, а я стану продолжать разсказъ.

Domine очень ловко налилъ двѣ рюмки золотистой влаги и подалъ одну рюмку дядюшкѣ, а другую взялъ себѣ.

— Напитокъ сей приличенъ сегоднешнему дню, сказалъ дядюшка, пробуя и высказывая, что онъ съ утра не отказывалъ себѣ въ ястіи и питіи.

— Отмѣннаго качества и вкуса, прибавилъ domine, пробуя грушовку, вещь сія.

— Провѣдавъ хлопоты Ульяны Осиповны, я тайно началъ разузнавать, шепталъ дядюшка на ухо domine, для чего ей нужно такое орудіе? Ей, женщинѣ, нѣсколько лѣтъ въ замужествѣ обрѣтающейся и не имѣющей свойствъ, приличныхъ недоросткамъ, кои играютъ въ куклы. Что же я узнаю? Всѣ говорятъ, какъ въ барабанъ бьютъ, что въ нѣкоторыхъ предметахъ и урочищахъ Раковой-Балки, зарыты драгоцѣнные клады. Ими-то жена моя хотѣла воспользоваться и для розысканія тѣхъ кладовъ разрытіемъ и буравленіемъ велѣла увеличить длину мельничнаго палечника, которымъ на кулаки дыры сверлятъ!

— Удивительный нектаръ сей напитокъ, ворчалъ domine, прихлебывая изъ рюмки густую, какъ прованское масло, грушовку.

— Да, точно, шепталъ дядюшка и продолжалъ: Ульяна Осиповна позвала Омелько, какъ самаго смѣлаго въ дворнѣ человѣка, ключницу и еще двухъ человѣкъ, вооружила ихъ заступами, и отправилась съ ними тайно, безъ моего вѣдома, откапывать клады. Омелько отошелъ шаговъ триста, на первомъ курганѣ присѣлъ и, поговоривъ съ другими, началъ копать. Копали до свѣта и ничего не нашли! Оттуда, возвращаясь, взошли на другой холмъ, барыня же, не дождавшись этого, извѣстно женщина, съ ключницей ушла домой. Омелько взойдя на

другой холмъ, началъ копать, и не прошло трехъ минутъ, какъ изъ земли выскочило жеребя, бѣлизны снѣгу подобной. Вотъ что!

Дядюшка вопросительно глядѣлъ на domine.

— Омелько крестится, уходитъ; но жеребя его преслѣдуетъ, останавливаетъ и бьетъ Омелько неоднократно задними ногами въ грудь. Барыня моя, какъ узнала это, то ту же самую минуту сказала, что это были деньги, что нужно ей непремѣнно буравъ, чтобы прежде попробовать мѣсто, а послѣ уже, когда буравъ наткнется въ землѣ на что-нибудь металлическое, раскапывать то мѣсто. Какъ вы полагаете, domine, добавилъ дядюшка и можно ли намъ допустить вѣрованіе, что въ землѣ можно найдти спрятанныя сокровища?

Domine прошелся по комнатѣ и, собравшись съ мыслями, сталъ противъ дядюшки.

— Нѣтъ сомнѣнія, началъ учитель, что въ глубокой древности, во времена набѣговъ лютыхъ завоевателей, каковы: Атилла, Чингисъ-Ханъ, Батый, Тамерланъ, и другихъ варваровъ, люди, жившіе въ тѣ сугубо-кровавыя времена, закапывали все, что́ было драгоцѣннѣйшаго у нихъ, въ землю, какъ надежнѣйшую сокровищницу и хранительницу. Если допустимъ, что въ тѣ времена, отдаленныя отъ насъ столѣтіями, были въ употребленіи знаки, деньгами именовавшіеся, то изъ сего заключить можно, что тѣ знаки, будучи изъ металловъ, сопротивляющихся нѣкоторое время разрушенію, могли быть скрываемы въ нѣдра земныя.

Довольный собою domine прошелся еще разъ по комнатѣ и сѣлъ возлѣ дядюшки.

— Optime, сказалъ Лука Ивановичъ, и, наливъ опять рюмки, продолжалъ: вы domine гораздо позже меня учились и, какъ вижу, по-прилежнѣй. Скажите же мнѣ: не значится ли въ бытописаніяхъ, что деньги тѣ, которыя отъ набѣговъ варваровъ были зарыты въ землю со вторника Страстной седмицы до Ѳоминой недѣли, присутствіе свое въ нѣдрахъ земли оказываютъ разными образами?

— Какъ это такъ?

— А вотъ какъ: если зарыто золото, то на томъ мѣстѣ иногда выскакиваетъ рыжая корова, серебро высказывается бѣлою лошадью, мѣдь—бурой свиньей, желѣзо—поросенкомъ, и такъ далѣе.

— Достойно сіе удивленія.... началъ было domine, но Лука Иваиовичъ продолжалъ:

— Говорятъ, будто-бы на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ зарыты клады, каждую весну, въ ночную пору, видны огни, свѣчи горящія.

Domine молчалъ.

— Доказываетъ ли исторія, своими примѣрами, что горѣніе сихъ свѣщей указываетъ мѣсто, гдѣ должно искать кладъ?

— Настояще вамъ объяснить сего не могу, выразился учитель тихо. Проходили мы исторію, продолжалъ учитель, краткую—древнихъ и среднихъ вѣковъ и то поверхностно. Если же я коечто изъ новой исторіи смыслю, то сему обязанъ

самъ себѣ, своей охотѣ и любознанію, за которое чуть не былъ исключенъ изъ семинаріи.

— Чѣмъ же новая исторія провинилась, что̀ за чтеніе ея чуть васъ не исключили?

— Изъ нѣкоторыхъ происшествій въ оной, самыя главныя выставлены на позорище свѣта неблагопріятными и зловредными; но мы, разобравъ хорошенько послѣдствія тѣхъ происшествій, сообразили, что народъ, въ сознаніи требованій разсудка, творилъ ихъ. Вслѣдствіе этого и заключили: что тѣ великіе народы достойны суть удивленія.

— Ни средней, ни древней исторіи, ни даже новой я не знаю; но съ Ларіономъ Дащевскимъ рѣшусь искать кладовъ. У него и у меня рѣшимости и смѣлости достанетъ! Ларіонъ произнесетъ заклинаніе при появленіи призрака словами: аминь, аминь, разсыпься! Неугодно ли и вамъ, domine, сопутствовать?

— Охотно буду вашимъ спутникомъ, сказалъ domine,—только позвольте мнѣ себя подкрѣпить пищею.

— Народъ! закричалъ дядюшка,—подать намъ сюда водку и закуску.

На голосъ дядюшки явилась водка въ трехъ графинахъ, осетрина свѣжая, пирожки съ визигой и мягкій хлѣбъ.

Лакомый domine мигомъ очистилъ тарелки. Дядюшка тоже не отставалъ отъ учителя и быстро пи-

халъ въ свой ротъ жирные куски осетрины. Утершись салфеткой, Лука Ивановичъ выпилъ рюмку калгановки и, быстро вставъ съ мѣста, посмотрѣлъ въ окно.

— Какая ночь! сказалъ дядюшка, смотря въ окно. Такъ темно, что ровно ничего не видно, даже въ комнатѣ страшно.

— Природа сочувствуетъ памяти прошедшихъ страданій Господа, сказалъ набожно domine, и до нынѣ не можетъ быть радостной свѣтомъ въ ночь чтенія страстей Спасителя.

— Точно такъ. Я съ вами согласенъ, сказалъ Лука Ивановичъ и, подошедши къ столу, выпилъ еще рюмку какой-то настойки.

— Что же я дѣлаю? спохватившись, произнесъ дядюшка. Время идетъ быстро; вотъ-вотъ зазвонятъ, а Ларіонъ Дащевскій до сихъ поръ не является. Эй, народъ! послать за Ларіономъ, чтобы явился сію минуту. Искать клады нужно до того времени, пока не ударятъ въ большой колоколъ.

Ларіонъ Дащевскій, лѣтъ тридцать тому назадъ, былъ исключенъ изъ инфимы и съ того времени въ безбрачномъ состояніи путешествовалъ изъ одного села въ другое, занимая при церквахъ мѣсто пономаря. Болѣе одного года онъ нигдѣ не могъ пробыть. Въ Раковую же Балку поступилъ онъ на мѣсто звонаря прошлый годъ, передъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенья.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! послышалось у дверей гостиной.

— Аминь! сказалъ довольный дядюшка и отворилъ дверь Ларіону.

Низенькій, сгорбленный человѣкъ, съ густой косматой бородой, въ которой просвѣчивалась сѣдина, съ маленькими, хитрыми глазами и низкими поклонами, сталъ у порога.

— За чѣмъ возблаговолили меня, добродію, потребовать предъ лицо ваше?

— А ты и забылъ? Идемъ клады отыскивать; сказалъ дядюшка, вытаскивая изъ-подъ дивана буравъ, аршинъ пяти въ длину.—Годится сіе оружіе! спросилъ звонаря дядюшка, суя ему въ руки тяжелый круглякъ желѣза.

— Годится, добродію, отозвался Ларіонъ, ощупывая рукой острый конецъ бурава.—Но сего одного мало.... сказалъ Ларіонъ, хитро улыбнувшись.

— Что же еще нужно? спросилъ недовольный дядюшка.

— При добываніи кладовъ, отвѣчалъ Ларіонъ, необходимо имѣть съ собой сосуды, виномъ и елеемъ наполненные. Вино слѣдуетъ пить для прогнанія страха, а елей, присутствіемъ своимъ, уменьшаетъ бѣсовское навожденіе. Такъ-то, добродію!

— Прикажите, Ульяна Осиповна,—сказалъ дядюшка, отворяя дверь въ диванную, наполнить одну бутылку водкой, а другую олеей.

— Стеклянный сосудъ, поспѣшилъ отозваться Ларіонъ, притягиваетъ бѣсовъ.—Для вина нужно деревянное вмѣстилище.

— Гдѣ же я тебѣ возьму деревянный сосудъ? спросилъ горячо дядюшка,—у меня его нѣтъ.

— Отыщется боченокъ ведра въ два, даже и въ три не мѣшаетъ.

— Кто же его понесетъ за нами?

— Я имѣю крѣпость мышцъ и утробы; возмогу понесть его на моихъ раменахъ. Еще нужно свой бѣлаго льнянаго холста.

— Я зналъ, что этотъ пьяница, ворчала тетушка въ другой комнатѣ,—доберется до холстовъ. На что тебѣ холстъ? спросила тетушка заклинателя кладовъ, войдя и посмотрѣвъ на него сердито.

— Добродійко! сказалъ Ларіонъ, униженно кланяясь,—прійдется намъ, быть-можетъ, спускаться въ глубину земную подъ небесной широтой.

— Не отложить ли намъ эти поиски до завтрешняго дня? сказалъ дядюшка.—Скоро пора прійдетъ идти въ церковь.

— Не опоздайте, сказала тетушка, подавая штуку холста Ларіону. Смотрите, если сегодня вы не пойдете, завтра вамъ помѣшаютъ.

— Кто мнѣ помѣшаетъ?

— Чаричинка обѣщала къ праздникамъ пріѣхать.—Будетъ или не будетъ, ожидать нужно.

— Пойдемъ, domine, сказалъ дядюшка, приглашая Солопіевскаго съ собой.

— Добродію, ворчалъ на ухо дядюшкѣ Ларіонъ, не нужно скубента; онъ есть любомудръ, и что болѣе всего, онъ и неопытенъ въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Звонарь схватилъ подъ одну руку боченокъ, подъ другую холстъ и пошелъ впередъ. За нимъ потащился дядюшка съ буравомъ на плечѣ и съ бутылкой постнаго масла въ рукахъ.

За дядюшкой шелъ Омелько съ заступомъ; за Омелькомъ тащился Савка съ лопатой.

— Я-то его одного здѣсь не оставлю, ворчалъ подъ носъ дядюшка, думая о domine. Послушайте, domine, сказалъ онъ, остановясь у крыльца: мы съ Ларіономъ пойдемъ впередъ, и вы слѣдуйте за нами издали и наблюдайте, чтобы Омелько и Степанъ къ намъ не приближались. Пусть тогда они поспѣшатъ явиться, когда мы ихъ начнемъ звать. Сказавъ это, дядюшка началъ шагать широкими ступнями, въ надеждѣ не отстать отъ побѣжавшаго рысью Ларіона.

— Не ходите, domine, сказала тетушка, дернувъ учителя за полу сюртука; пусть они одни ищутъ кладовъ. Въ такую темную ночь мнѣ одной въ домѣ съ дитямъ, которое уснуло, страшно. Вы знаете, что въ эту ночь воры заправляются на весь годъ?

— Не знаю сего.

— А я такъ знаю, и какъ себѣ хотите, а не пущу васъ отъ себя ни на одинъ шагъ.—Боюсь.

Domine сѣлъ на ступенькахъ крыльца рядомъ съ тетушкой.

— Охъ! охъ! охъ! началъ вздыхать domine и задумался.

— Отчего вы вздыхаете? спросила тетушка учителя.—Не влюбились вы тамъ въ Переяславлѣ въ кого-нибудь?

— Я? нѣтъ. Грущу о томъ, что невозможно мнѣ навсегда остаться при вашемъ домѣ наставникомъ любимаго мною Павлуши.

— Да кто же вамъ въ этомъ помѣшаетъ?

— Конечно, никто; но прежде сего нужно испросить увольненіе изъ семинаріи и даже изъ духовнаго званія.

— Ну такъ испросите.

— Сіе будетъ очень дорого стоить.

— Пустяки, и ста рублей я для Павлуши не пожалѣю.

Обрадованный domine поцѣловалъ благодѣтельствовавшую ему руку тетушки и благодарилъ ее за все то добро, которое дѣлаетъ она ему, бѣдному и неизвѣстному сиротѣ.

Разговоры въ этомъ родѣ продолжались, пока не умолкли среди безмолвной тишины весенней ночи.

— Совершишася! вскричалъ Ларіонъ, вскочивъ, какъ бѣшеный, на крыльцо и испугавъ своимъ появленіемъ тетушку. Ключница, встревоженная кри-

комъ звонаря, выбѣжала на крыльцо со свѣчкой и стала, разинувъ свой широкій ротъ.

— Что такое? спросила тетушка, опустя со страху руки.

Со-вер-ши-ша-ся, повторилъ Ларіонъ,—чудо веліе. Добродій оставленъ мною на мѣстѣ злачнѣ; поверзенъ бысть въ страхъ лютый!

— Что онъ говоритъ, вскричала тетушка, хватаясь за domine,—я боюсь....

— Земля разверзошася, продолжалъ громко Ларіонъ;—явился чудовище взоромъ нелѣпо; угрожаше насъ единою изъ пастей своихъ сожравъ поглотить!

— Ахъ! Какъ же мнѣ страшно! шептала тетушка.

— Страхъ іудейскій насъ обуялъ, продолжалъ Ларіонъ,—мы съ добродіемъ упали на землю, закрывъ очеса наши. Въ это же самое время сосуды и холстъ были невидимою силою отъ насъ похищены.

— Гдѣ же Лука Ивановичъ? спросила тетушка, суетясь.

— Добродій здравъ; но тѣломъ немощенъ, отвѣтилъ звонарь,—чаетъ присылки за нимъ жеребяти съ возницею и колесницею.

— Посылайте за Лукой Ивановичемъ экипажъ, сказалъ тихо domine тетушкѣ,—отъ испуга онъ идти не можетъ. Fraudum artifex! сказалъ гнѣвно Солопіевскій, погрозивъ кулакомъ Ларіону.

Ларіонъ, какъ будто бы ногу сломалъ,—умолкъ и исчезъ.—Въ большой колоколъ начали звонить медленно, а послѣ чаще и чаще.

Тетушка отправила лошадь за мужемъ; а сама отъ нетерпѣнія, свойственнаго тогдашнимъ и нынѣшнимъ хорошенькимъ женщинамъ, бросилась на встрѣчу мужа черезъ темный, какъ бездонный погребъ, садъ.

Domine, узнавъ геройство тетушки, бросился ее догонять и только среди саду настигъ ее и по усиленной прсcьбѣ вернулъ ее домой, гдѣ Павлуша проснувшись началъ безпокоиться, что его одного оставили въ пустомъ домѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ повозка застучала и остановилась возлѣ крыльца.

— Уже и пріѣхали? говорилъ весело дядюшка кучеру,—ведите же меня въ домъ.... въ повозкѣ такъ лежать пріятно, что и вставать не хочется. Развѣ люди меня вынутъ и понесутъ. Я знаю, что я есмь homo!

Люди вынули дядюшку изъ повозки, взвели на крыльцо и ввели въ его комнату.

Тетушка, увидя дядюшку, покачала головой и сказала тихо: вотъ такъ-то вы, Лука Ивановичъ, кладовъ искали!

— Ваши выдумки! Ваши выдумки! ворчалъ дядюшка, усаживаясь на диванъ.—Тогда послали меня, чертъ знаетъ зачѣмъ, къ маршалу; теперь при-

нудили клады искать. Ведите меня спать; я по трудамъ долженъ отдохнуть.

— Ложитесь; это будетъ гораздо лучше, сказала тетушка.

— Unde venis, domine? спросилъ Лука Ивановичъ, увидя учителя, собиравшагося ускользнуть отъ вниманія дядюшки. Вы, Уліана Осиповна, продолжалъ дядюшка, остановясь среди комнаты,—не повѣрите, какую я питаю любовь къ этому человѣку.—Подойдите ко мнѣ, reverenderissime, я васъ, облобызаю! Лука Ивановичъ повисъ на шею domine. Пойдемъ спать со мной, domine, при обычномъ охраненіи дверей.—Чувствую, что я нынѣ вполнѣ homo.

— Ей-Богу, онъ меня ненавидитъ, шепталъ domine, неохотно слѣдуя за дядюшкой: теперь оказываетъ знаки дружества, а при первомъ случаѣ, боюсь, чтобы меня не унизилъ сѣченіемъ лозами.

— Да дайте ему время хотя поужинать, сказала тетушка, взглянувъ на domine.

— Nihil.... пустое, ворчалъ Лука Ивановичъ,—мы должны заняться философіей. Солопіевскій волей или неволей, а долженъ былъ подражать желаніямъ дядюшки, который безъ всякой совѣсти опоражнивалъ бутылки, принося жертвы Вакху.

Проспавши очень покойно цѣлую ночь, новые друзья, проснувшись, одѣлись и вышли вдвоемъ на воздухъ. Веселый восходъ солнца привлекъ ихъ вниманіе, и они сѣли тутъ же на скамейкѣ на

крыльцо любоваться великолѣпной картиной весенняго утра.

Дядюшка говорилъ очень много, скучая, что до сихъ поръ не подаютъ самовара; Солопіевскій замѣтно давалъ знать дядюшкѣ, что онъ хочетъ что-то сказать и никакъ не рѣшается

— Вижу, сказалъ наконецъ дядюшка учителю, что у васъ, domine, есть что-то тайное въ мысляхъ. Или сознаться въ преступленіи, какое тяготитъ вашу душу, вы не рѣшаетесь; или хотите предпринять противъ меня опять какой-нибудь тайный умыселъ.

— Ни то, ни другое, сказалъ Солопіевскій, добродушно улыбнувшись, есмь благодаренъ за благодѣянія, не восхощу разумѣти....

— Полно ужь и не оправдывайтесь; что было, то протекло, а все лучше скажите, чего вамъ отъ меня захотѣлось?

— Любя Павлушу, началъ domine,—я готовъ посвятить ему жизнь мою и остаться при немъ наставникомъ, бросивъ семинарію переселиться къ вамъ на многіе годы моей молодости.—Для пользованія......

— Вотъ какъ! вскричалъ дядюшка и туже минуту захохотавъ, приказалъ просить къ себѣ тетушку.

Ульяна Осиповна скоро явилась; дядюшка пожелавъ добраго утра и поцѣловавъ ея руку, продолжалъ хохотать.

— Что съ вами, Лука Ивановичъ? спросила серьезно тетушка,—не пришла ли пора?...

— Нѣтъ, нѣтъ, сего не говорите! сказалъ, переставъ смѣяться дядюшка;—а вотъ что̀ смѣху достойно есть: domine желаетъ остаться у насъ въ деревнѣ домашнимъ учителемъ.... Чи до дила?

— Почему ему и не хотѣть? сказала важно тетушка, развѣ вы какой-нибудь панокъ? Развѣ у васъ не больше ста душъ?

— Да, оно, конечно, такъ, сказалъ Лука Ивановичъ, но domine долженъ прежде всего получить увольненіе изъ семинаріи.

— Соблаговолите написать отъ себя письмо ректору, отцу архимандриту, и дѣло будетъ скоро сдѣлано, сказалъ въ радости Солопіевскій. — Ректоръ, получа отъ васъ письмо, будетъ радъ....

— Я знаю, что будетъ радъ, говорилъ дядюшка, и хотя для меня трудъ велій писать письма къ знатнымъ лицамъ, но рѣшусь. Будьте покойны, domine, я васъ изъ семинаріи извлеку.

— Я посвящу вамъ всю жизнь мою, сказалъ domine, кланяясь.

Дядюшка притворялся; семинариста онъ ненавидѣлъ, но боялся высказать это передъ женой. Самъ Богъ посылаетъ рѣдкій случай, думалъ дядюшка, избавиться отъ этого казуса. Станемъ же поступать при погубленіи его благоразумно. Вопервыхъ, нужно сочинить краснорѣчивое письмо, во-вторыхъ, послать богатый подарокъ отцу

архимандриту, въ-третьихъ устроить такъ, чтобы Солопіевскаго исключили изъ семинаріи, да послали куда-нибудь въ заточеніе, на край свѣта, въ Кабеляки или даже и Константиноградъ. Вотъ куда! Вѣдь какая даль? Константиноградъ.... это отъ Переяславля верстъ безъ малаго 200.

Дядюшка только послѣ чаю принялся за письмо и началъ писать начерно, поправлять, переписывать наново и опять вычеркивать излишнее и прибавлять? Тяжелая работа Луки Ивановича продолжалась около восьми дней. Письмо было запечатано и отдано domine.

— Смотрите же, domine, говорила дружески тетушка учителю, чтобы вы, поѣхавши, вели себя въ Переяславлѣ благородно. Живите, въ ожиданіи увольненія, въ самомъ монастырѣ у отца Іеронима, которому я перешлю за это коверчикъ своей фабрики и сушеныхъ карасей. Омелько передастъ ему лично. Іеронимъ вѣрно не откажетъ отвесть вамъ уголокъ въ его комнатахъ. Наиболѣе, продолжала тетушка тономъ наставницы, — остерегайтесь, domine, сближенія съ молодыми женщинами; онѣ васъ могутъ погубить такъ же точно, какъ погубила Луку Ивановича Настасія Афанасіевна.

— Какъ! та представленная на портретѣ дама, которая въ кладовой надъ бочкой водки пригвозденною къ стѣнѣ обретается? Какимъ образомъ она погубила Луку Ивановича?

— Это въ первый годъ нашего супружества случилось. Она причаровала Луку Ивановича, и онъ изъ настоящаго мужчины сдѣлался бабой.... никуда негодящей, тьфу... тьфу... тьфу....

Тетушка плюнула и утерла платкомъ свой малиновый ротикъ, лукаво улыбнувшись и взглянувъ ласково на domine.

Тетушка, сдѣлавъ еще кое-какія наставленія domine и давъ ему сто руб. ассигнаціями, на парѣ лошадей съ Омелькомъ отправила въ Переяславль.

Дядюшка самъ отдалъ письмо Омельку для передачи ректору и вмѣстѣ съ письмомъ послалъ что-то завернутое и зашитое въ простыню, приказавъ не измять и еще болѣе беречь, чтобы кто дорогой не укралъ посылки.

Пріѣхавъ въ Переяславль, Солопіевскій явился къ отцу Іерониму, который съ радостію отвелъ ему комнату съ однимъ окошечкомъ, затѣняемымъ густыми вѣтвями только что распустившагося орѣха. Въ комнатѣ былъ угольничекъ, скамья служила кроватью, толстый отрубокъ сосновой колодки служилъ стуломъ. Величина комнаты была немного больше шкапа съ гардеропомъ богатой барышни. Въ ней нужно было или сидѣть, или стоять, или лежать. Ходить было негдѣ.

— Поѣзжайте, Омельку! сказалъ domine кучеру, его привезшему,—домой, да скажите господамъ, что я кланяюсь и благодарю ихъ усердно и что

черезъ двѣ недѣли непремѣнно буду въ Раковую-Балку съ увольненіемъ.

Омёлько выкормилъ лошадей, запрегъ ихъ и не медля выѣхалъ, оставя domine въ монастырской келіи ожидать приказаній отца архимандрита.

Domine, растворя окно, сѣлъ у него, грустно опершись лѣвой рукой о подоконникъ.

На дворѣ монастырскомъ было тихо. Солопіевскій, не переставая думать, сохранялъ принятое у окна положеніе.

— Здороовъ! гаркнулъ надъ самымъ ухомъ domine знакомый голосъ Коноплянки.

— Вы, Коноплянка, сказалъ озадаченный domine, до сихъ поръ еще здѣсь?

— А гдѣ же мнѣ быть? Радъ бы всей душой вырваться, но консисторія не умолима: требуетъ въ невинности моей ручательствъ за подписомъ извѣстнаго князя Хованскаго. Двадцать пять руб. бы только, тихо произнесъ Коноплянка, и я водворенъ на жительство. Ты, брате мой, продолжалъ, возвышая голосъ, Коноплянка, попалъ въ глубину счастія, помоги же мнѣ около двухъ лѣтъ бѣдствующему за грѣхи мои. Зри... сказалъ Коноплянка, распахивая полы верхней одежды. Подъ ними ничего, кромѣ явныхъ признакомъ нищенства, не было. Солопіевскій отворотился и полѣзъ въ боковой карманъ своего сюртука. Вынувъ откуда

пучекъ бумажекъ, отыскалъ между ними бѣлую и подалъ Коноплянкѣ.

Коноплянка разсыпался въ благодарностяхъ.

— Полно, Коноплянка! шепталъ Солопіевскій, Бога одного благодарите.

Нѣсколько минутъ длилось модчаніе. Солопіевскій передалъ Коноплянкѣ намѣреніе уводниться изъ семинаріи.

— И прекрасно будетъ ваше дѣло, сказалъ Коноплянка, если бы вы знали, что теперь дѣлается въ семинаріи? прибавилъ онъ шопотомъ Солопіевскому.

— А что такое могло дѣлаться? спросилъ domine Коноплянку.

— Заговоръ... тайное общество... шепталъ эпитемикъ, оно собирается по ночамъ, продолжалъ еще тише Коноплянка, и многихъ приводитъ въ ужасъ своимъ существованіемъ.

— Кто же участвуетъ въ составлленіи сего заговора?

— Истинно не знаю; но около десяти часовъ вечера ступайте въ новооткрытый черберкъ (на Кіевской улицѣ, направо у угла ограды архіерейскаго сада), тамъ увидите главныхъ заговорщиковъ.

— Ни одного вы не знаете?

— Нѣкоторыхъ знаю. Именно знаю: Арфаксадскаго, Шарпанину, Гарбузовскаго, меньшаго

Телепаку, Скубкевича, Качубанова, Мармуляре и даже извѣстнаго Штиховца.

— А сія птица Штиховецъ, спросилъ оборотясь къ Коноплянкѣ domine, съ котораго времени появился здѣсь? Его прежде не было.

— Въ страстный четвертокъ явился. Воду прошелъ, яко сушу. Онъ изъ рязанской семинаріи переведенъ въ переяславльскую. Язычникъ, брате мой! Шесть лѣтъ сидѣлъ въ одной поэзіи. Что я говорю сидѣлъ? Отлучался эти шесть лѣтъ. Служилъ въ уральскомъ войскѣ кашеваромъ, на Волгѣ, извѣстной рѣкѣ, разбойничалъ съ гайдамаками, юнкеромъ выпущенъ въ оставку изъ инвалидной команды. Послѣ всего этого, по сильнѣйшей просьбѣ важныхъ лицъ, принятъ былъ въ семинарію; но переведенъ сюда съ аттестаціей, которая гласитъ, что поведенія онъ сомнительнаго и состоитъ по наукамъ въ третьемъ разрядѣ предпослѣднимъ по списку.

— Хорошъ долженъ быть этотъ Штиховецъ,— отозвался domine.

— Передъ открытіемъ классовъ явился прямо къ ректору яко благъ, тако нагъ.

— Что же ему ректоръ сказалъ?

— Испугался, увидя что Штиховецъ явился въ одеждѣ нищаго, въ лаптяхъ, вмѣсто сапоговъ. Ректоръ вздумалъ было его пугнуть: лозъ, говоритъ, лооозъ....

— Что же Штиховецъ?

— Штиховецъ упалъ на колѣни и, вынувъ изъ-за пазухи желета письмо, подалъ его ректору. Ректоръ, прочитавъ письмо, сдѣлался очень мягкимъ, дали Штиховцу записку, и его помѣстили въ казенный домъ на полное содержаніе.

— Вотъ какъ.

— Да. Еще сего мало. По лѣтамъ, ректоръ приказалъ помѣстить его въ первой курсъ философіи.— Приняли. Явился, брате мой, на Ѳоминой въ среду въ классъ, да прямо, никому не сказавши, въ боковомъ карманѣ принесъ съ собой разбойниковъ и закрутилъ головы обоимъ курсамъ

— Что вы, Коноплянка? Возможно ли въ карманахъ двухъ принесть разбойниковъ? Побойтесь Бога!

— Да, конечно, каковы разбойники, началъ оговариваться Коноплянка,—сіи состоятъ въ книгѣ довольно порядочной толщины. .. писаны нѣмецкимъ языкомъ. Штиховецъ ихъ такъ и рѣжетъ на память... Послѣ этого пошли у семинаристовъ толки, собранія и составился копмлотъ.

— Ай да Штиховецъ, такого у насъ человѣка никогда не было.

— И я не знаю. Этотъ Штиховецъ на второй лекціи вступилъ въ разговоры съ профессоромъ, на самомъ чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Что же вышло изъ сего?

— Профессоръ, услышавши, покраснѣлъ, какъ ракъ: пыкъ, мыкъ, а ни вправо, а ни влѣво

ему бѣдному. Кричи погибаю, и никто тебя не спасетъ! Штиховецъ увидѣлъ, что профессоръ струсилъ, да къ нему: по-калмыцки, по-татарски... и заговорилъ на такомъ языкѣ, что не только мы, но и онъ самъ врядъ ли былъ въ состояніи понять то, что говорилъ. А профессоръ, вы знаете, умный, Московскія Газеты самъ получаетъ!

— Но въ чемъ состоитъ комплотъ? спросилъ domine Коноплянку, видимо имъ заинтересованный.

— Нити копмлота въ рукахъ многихъ лицъ; но концы сихъ нитей держитъ одно лицо, и оното приводитъ ихъ въ необходимое ему движеніе, приближая такимъ образомъ все къ самому центру комплота.

— Странно, какъ не узнать, шепталъ Солопіевскій,—какая цѣль сихъ совѣщаній тайныхъ?

— Они хотятъ совершить сколь тайное, столь и великое дѣло. Дѣло это никто ранѣе исполненія открыть не можетъ. Ступайте къ нимъ, и я увѣренъ, что васъ примутъ въ свое общество заговорщики съ радостію.

— Я боюсь заговоровъ и, при моемъ желаніи уволиться изъ семинаріи, не буду впутывать себя въ тайныя дѣла.

— Но, по крайней мѣрѣ, въ гербергъ вы пойдете?

— Не раньше 11 часовъ ночи пойду, ибо отецъ

Іеронимъ взялъ меня въ строгій присмотръ и не велѣлъ никуда, особенно ночью, отлучаться.

Поблагодаривъ domine за его великодушную помощь, Коноплянка быстро поворотился и пролетѣлъ по знакомымъ ему узкимъ переходамъ. Въ продолженіи всего разговора domine съ несчастнымъ Коноплянкою, какой-то слѣпой, человѣкъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, въ изношеномъ черномъ подряснике, подпоясанный грубымъ ремнемъ съ желѣзной пряжкой, съ огромнымъ кускомъ хлѣба въ рукахъ, притая дыханіе, приложилъ лѣвое ухо къ тонкой перегородкѣ стѣны комнаты, занимаемой Солопіевскимъ, жадно слушалъ все, что два знакомые говорили. Когда Коноплянка вышелъ, слѣпой тоже оставилъ свой постъ и, какъ зрячій, прошелъ по корридору и скрылся въ низенькую дверь темнаго чуланчика.

Это былъ Іеремія, ночной стражъ монастыря, сильнѣйшій изъ всѣхъ прислужниковъ архіерейскаго дома и монастырскаго двора. Около девяти часовъ вечера огоньки, сверкавшіе въ узкихъ окнахъ жилыхъ покоевъ монастырскихъ, угасли. Сдѣлалось тихо, и только Іеремія одинъ, проходя часто по разнымъ направленіемъ, показывалъ, что есть люди, еще бодрствующіе.

Domine трепеталъ и завидовалъ положенію свободныхъ студентовъ, которые вѣроятно собрались уже въ гербергѣ и гуляютъ по-своему. Солопіевскій подождалъ еще часъ, и убѣдясь, что согля-

датая нѣтъ, тихо вылѣзъ въ узкое окно; безъ всякой помѣхи пришелъ къ монастырской брамѣ, ловко пролѣзъ подъ воротню и вышелъ на улицу.

Domine взялъ направо и, доходя до угла старой теплой церкви, взялъ еще направо и остановился противъ угла ограды архіерейскаго сада.

Наравнѣ съ этомъ угломъ стоялъ на другой улицѣ длинненькій, выстроенный глаголемъ, домикъ. Не больше трехъ оконъ выходило на улицу; прочія глядѣли на дворъ, заваленный навозомъ, дровами и разбитыми бочками.

Надъ нагнувшимся старымъ фронтономъ, болталась на толстой палкѣ изъ листоваго желѣза вывѣска. На ней на красномъ полѣ бѣлыми словами написанно было: Гербергъ.

Чрезъ неопрятное, полуистлѣвшее крыльцо вошелъ domine въ сѣни. Ощупью отыскалъ дверь и вошелъ въ комнату, наполненную семинаристами. Сидѣли они очень скромно и шептались, посматривая въ окна и вокругъ себя.

Выше другихъ сидѣлъ самъ Штиховецъ, ежеминутно подавая жестами своихъ рукъ знаки нѣкоторымъ студентамъ.

Тѣ, къ кому относились эти жесты, туже секунду вставали и, поклонясь Штиховцу, уходили. Новопребывшіе тоже знаками подавали Штиховцу извѣстіе и томъ, что внѣ герберга въ это время должно происходитъ. Изъ знакомыхъ Солопіев-

скаго ни одинъ не смѣлъ съ нимъ при Штиховцѣ заговорить. Солопіевскій изъ гордости тоже не подходилъ къ нимъ и глядѣлъ на ихъ затѣи очень равнодушно, пока Манжевскій, быстро вбѣжавъ, не подалъ знакъ Штиховцу.

Штиховецъ вскочилъ, ему растворили дверь въ сѣни и проводили далеко по улицѣ.

Въ опустѣвшей комнатѣ Солопіевскій былъ одинъ душою.

Спросивъ себѣ двѣ бутылки выморозокъ, онъ началъ пить ихъ съ наслажденіемъ. Осушивши двѣ, domine спросилъ третью и выпилъ ее залпомъ.

Расплатившись съ заспанной еврейкой, Солопіевскій бросился бѣжать, собираясь такъ же ловко пролѣзть въ монастырскую ограду, какъ удалось ему оттуда вылѣзть.

Domine стоялъ уже у самой брамы. Осмотрѣвшись вокругъ, онъ взглянулъ вверхъ, прилегъ на землю, осторожно просунувъ голову подъ ворота, и началъ подаваться корпусомъ впередъ.

Domine пролѣзъ уже до половины, поднялся на рукахъ, и хотѣлъ вытащить оставшіяся на улицѣ ноги, какъ въ этомъ вздумалъ ему помѣшать кто-то съ улицы, начавъ за ноги тащить domine назадъ. Этимъ неудача domine не кончилась. Почувствовалъ скоро бѣдный Солопіевскій, что это невидимое существо вяжетъ ему руки веревкой за спину и, окончивъ это, связываетъ обѣ его ноги.

Все это произошло мгновенно въ темнотѣ и тишинѣ.

Тотъ, кто такъ ловко связалъ domine, принялся еще ловче обыскивать его карманы и вынулъ все, что тамъ ни находилось. Послѣднее обстоятельство заставило domine кричать, показавшись ему весьма не благовиднымъ. Не успѣлъ Солопіевскій разинуть рта, какъ пола его сюртука отлетѣла, и этой полой ротъ domine, осмѣлившійся было звать на помощь, былъ туго завязанъ.

Солопіевскій по неволѣ присмирѣлъ и откладывалъ своемщеніе; не надолго: но тотъ же, кто его ограбилъ, не удовлетворился сдѣланнымъ и просунулъ domine въ такой узкой интервалъ воротъ, что бѣдный domine ни туда, ни сюда безъ посторонней помощи двинуться не могъ.

Онъ слышалъ, какъ ограбившій его человѣкъ сначала перелѣзъ черезъ монастырскую ограду и, тихо опустясь на землю, удалился.

Большихъ усилій стоило Солопіевскому скинуть со рта повязку. Ему, бѣдному, даже жарко сдѣлалось. Domine трудно было дышать и онъ принялся размышлять на свободѣ и чистомъ воздухѣ о томъ, что его послѣ всего этого ожидало?

Свѣжій утренній холодъ заставилъ domine продрогнуть. Отдаленный смѣшанный говоръ, шопотъ скакавшихъ по городской площади лошадей, привлекли вниманіе domine. Въ толпѣ онъ слышалъ знакомые голоса Мармуляре и Скубкевича. Соло-

піевскій досадовалъ, что связанный въ теснотѣ подъ воротами, могъ созерцать пустой дворъ монастыря, а того, что̀ дѣлалось позади его, бѣдный страдалецъ видѣть не могъ. Шумящая толпа равнялась съ domine, голоса возвышались, шумъ увеличивался.

— Дорофей Герасимовичъ! сказалъ возлѣ domine громко незнакомый ему человѣкъ, пожалуйте сюда, вотъ и еще одинъ. Угораздило же его, продолжалъ тотъ же самый человѣкъ,—залѣзть подъ ворота....

— Да этотъ, кажется, связанъ, отвѣчалъ Дорофей Герасимовичъ, квартальный надзиратель,—тащи его сюда, Локотѣевъ, и Локотѣевъ принялся тащить измученнаго domine.

Самъ Локотѣевъ не могъ успѣть въ освобожденіи domine, ему помогли другіе конвойные.

Не успѣлъ осмотрѣться Солопіевскій, какъ очутился среди толпы заговорщиковъ, окруженныхъ объѣздчиками, полицейскими, и искалѣченными инвалидными солдатами.

Заговоръ, такъ долго таившійся, приведенъ былъ въ исполненіе, но не увѣнчался совершеннымъ успѣхомъ.

Толпа подъ предводительствомъ Штиковца, по прибытіи его въ семинарію ему подчинившаяся, а до его появленія управляемая атаманомъ Манжевскимъ, попалась въ руки объѣздчиковъ. Виновные схвачены, и цѣль ихъ заговора, такъ дол-

го колебавшая семинарскіе умы, была обнаружена. Она состояла въ томъ, чтобы втащить въ городъ девятиведерный боченокъ вольной водки!

Коварный Запухлевичъ въ то самое время, когда заговорщиковъ схватили, бросился въ сундукъ Штиховца. Извлекъ оттуда изодранныхъ «Разбойниковъ» Шиллера, «Свѣтлану» Жуковскаго, писанную на сѣрой бумагѣ, и связавъ ихъ сахарной веревочкой, торжественно понесъ къ инспектору впереди схваченныхъ и препровожденныхъ къ нему же семинаристовъ.

—

ГЛАВА II.

Какъ вы себѣ хотите, говорила тетушка дядюшкѣ,—а я не дамъ денегъ засѣдателю.

— Развѣ вы хотите, чтобы у насъ въ домѣ была секуція?

— Боже сохрани! вскричала тетушка,—подпрыгнувъ на мѣстѣ отъ испуга,—что за секуція такая? спросила она послѣ у дядюшки.

— Вотъ коммиссаръ тихонько подъѣдетъ къ крыльцу, отвязавъ прежде звонокъ, началъ дядюшка, послѣ войдетъ къ намъ въ комнату, я его попрошу закусить, а онъ вздохнетъ да и скажетъ: не мнѣ теперь увасъ ѣсть и пить, а вотъ кому! Да и покажетъ при этомъ на полдесятка инвалидныхъ солдатъ, съ ружьями и въ сапогахъ, пріѣхавшихъ съ нимъ на двухъ обывательскихъ подводахъ. Ихъ-то онъ, солдатъ, поставитъ въ нашемъ домѣ на квартирѣ, взберутся они къ вамъ на диванъ, грязью выпачкаютъ вамъ полъ, накурятъ

бакуномъ, станутъ пить, танцовать, кричать, стучать.... словомъ, исполнять секуцію, до уплаты взыскиваемыхъ денегъ.

— Я крупы не боюсь!

— Станутъ они требовать закуски, повидали, смородиновки, водки сладкой, слоеныхъ пироговъ, а вы и подавай имъ, да еще съ поклономъ.

— Если вы, Лука Ивановичъ, говорите правду, такъ это чортъ знаетъ что такое.

— Извѣстно, коммиссаръ не въ состояніи взыскать самъ; долженъ ставить сикуцію. Коммиссаръ это важная должность.

— Что мнѣ онъ вашъ коммиссаръ?

— Какъ что? Да вы знаете, если онъ примется по-своему, такъ вы отъ него спроста не отдѣлаетесь. Но пока еще исправникъ явится, засѣдатель вѣрно втащитъ къ намъ секуцію потребуетъ денегъ.

— А я ему, ей-Богу, дулю дамъ!

— А вотъ, попробуйте только.

— Ну, что онъ мнѣ сдѣлаетъ? спросила тетушка, топнувъ ногой, обутой въ довольно хорошенькую ботинку.

— Конечно ничего, человѣкъ онъ уже дуже подтоптаный, да ве-таки худо, вѣдь онъ засѣдатель....

— Вы же прежде говорили, что жидамъ нужно платить?

— Да онъ и отдастъ жидамъ.

— Нѣтъ! Ей-Богу, нѣтъ; онъ ихъ переполовинитъ.

— Это уже его дѣло, а не наше.

— Отчего же это такъ?

— Нужно же засѣдателю съ кого-нибудь сорвать. Жалованья ему ни копѣйки не отпускается; знаютъ, что доходы ему и безъ жалованія будутъ, такъ казна своимъ жалованіемъ засѣдателя и не балуетъ, пусть человѣкъ живится. Вѣдь онъ же изъ одной чести служить не будетъ, даромъ, что его дворянство выбрало.

— На что такого выбирать?

— Жаль, что васъ не спросили, кого нужно выбрать, отвѣчалъ ироночески дядюшка. Увидѣвъ, что тетушка недовольна Лука Ивановичъ перемѣнилъ тонъ и продолжалъ: волей дворянства выбранъ, а дворянство вещь важная, голова изъ тысячи головъ.

— Головы? возразила тетушка со смѣхомъ, а, однакожь, эти головы, большею частію ничего не дѣлаютъ, а только лежатъ, какъ вы лежите, да объѣдаются соусами порядочно.

— Васъ не урезонишь, не уговоришь. Послушайте меня, ради чудотворцевъ кіевскихъ и печерскихъ: отправьте деньги засѣдателю, хотя чрезъ Позывайленка, онъ же просился ѣхать въ базаръ и я ему сіе позволилъ.

— Такъ и быть, заплачу этотъ разъ, а ужь больше не надѣйтесь, чтобы я платила.

Лука Ивановичъ, довольный, отправился бродить по хозяйству, и хотя онъ ничего не замѣчалъ, но засматривалъ въ курятникъ и въ гусятникъ, во всѣ мышьи норы.

Тетушка отправилась въ ледникъ съ ключницей.

— Нѣтъ, domine, сказала тихо тетушка ключницѣ,—гуляетъ дитя безъ его, вѣрно domine не увольнили изъ училища.

— А развѣ и онъ, этакій здравый, еще самъ учится? спросила ключница, закрывая ротъ.

— А учится, отвѣчала тетушка.

— Мабуть хочетъ поразумнишать, сказала женщина, очень довольная своимъ заключеніемъ.

— А можетъ-быть domine пропалъ гдѣ-нибудь, замѣтила тетушка.

— Може й пропавъ! сказала ключница.

— Тебѣ его не жаль.

— Да вже то не жаль.

— Отъ такъ! Развѣ ты его любишь.

— Что наша любовь? Кого паны наши любятъ того й мы любимъ.

Дядюшка, уставъ засматривать во всѣ углы, сѣлъ возлѣ кладовой на бревнѣ, копалъ землю палкой и швырнулъ уже раза три кирпичемъ въ стадо воробьевъ, собиравшихся на сухомъ хворостѣ.

— Забавляетесь себѣ, Лука Ивановичъ, а не подумаете, что учителя до сихъ поръ нѣтъ. Дитя,

я думаю, вдвое забыло больше того, чему выучилось. Пора, давно пора учителю возвратиться изъ Переяславля.

— Его тамъ задержали и вѣрно къ намъ не пустятъ, весело сказалъ дадюшка и побрелъ за женой въ домъ.

— Что же мы дѣлать будемъ безъ учителя?

— Да оставьте эту семинарію въ покоѣ, онъ для насъ не годится.

— Развѣ я не знаю, годится ли онъ или нѣтъ? Оставьте! въ этихъ дѣлахъ вы лучше молчите.

— Ахъ! Онъ есть пьяница.

— Голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ. Поѣзжайте въ Переяславль, да привезите его сюда. Ему вѣрно нужна ваша помощь и защита.

— Еще для такого, какъ онъ, буду я ѣздить. Пустое. Обративъ взоръ на хозяйство, вижу, что оно приходитъ въ упадокъ: мерзость и запустѣніе являютъ свои слѣды: спирту персиковаго вовсе нѣтъ.

— Поѣзжайте за domine, а я безъ васъ велю сдѣлать ведра три отличнаго миндальнаго спирту.

— У меня, кромѣ этой, совершенно излишней поѣздки, есть другая, необходимѣйшая и ближайшая, да и то другой мѣсяцъ проходитъ, а я все откладываю.

— Какая же тамъ поѣздка?

— Третій мѣсяцъ пошелъ, какъ я получилъ съ почты объявленіе, въ которомъ значится, что изъ

Петербурга пришло письмо на мое имя, да не простое, а страховое.

— Страховое? Всесвятые чудотворцы печерскіе, вскричала тетушка. Отъ кого же бы это? Вы не догадываетесь?

— Не знаю. А, можетъ-быть, это отъ братьевъ моихъ.

— Нѣтъ, не думаю. Кириллъ Максимовичъ третій годъ, какъ поѣхалъ на теплыя воды....

— Отто.... на теплыя воды! Совсѣмъ нѣтъ,—за границу.

— Ну все равно, что за границу, что на теплыя воды или въ чужіе края.

— Нѣтъ, онъ въ Персидскомъ царствѣ находится.

— Пусть и въ Персидскомъ,—сказала разсердясь тетушка,—а Трофимъ Ивановичъ, продолжала она, что-то къ вамъ давно не пишетъ. Туряютъ его бѣднаго съ одного мѣста на другое. Попадается подъ судъ очень часто и не успѣетъ отписаться, какъ опять влѣзетъ по уши въ дѣло. Ему времени нѣтъ къ вамъ писать.

— Можетъ-быть и такъ.

— Повѣрьте, что такъ. Онъ вамъ, Лука Ивановичъ, родной братъ, но извините, слышно, что онъ великой руки мошенникъ и не избѣжитъ Сибири и глядите, чтобы его живаго туда уже давно не отправили.

— Такъ скоро грамотнаго дворянина не сошлютъ. Поведеніе его довольно странно. Копію съ завѣщанія отца послалъ я ему и не получилъ отвѣта. Его Стогища грабятъ прикащики, да и Копустянку обираетъ мошенникъ Дзюбанка. Я писалъ объ этомъ Кириллу Максимовичу, но не получилъ отвѣта. Его не было въ Петербургѣ, пошло письмо вѣрно розыскивать его по всему свѣту.

— Годъ цѣлый проходитъ, свѣтъ вѣдь очень великъ. А великъ, Лука Ивановичъ?

— Что, кто великъ?

— Свѣтъ.

— Конечно великъ. Бросили братья свои имѣнія на Божію волю.

— Не нуждаются, значитъ, въ доходахъ.

— Конечно. На что имъ доходы?

— Я подозрѣваю, сказала тетушка, не отъ domine ли это письмо? Не удралъ ли онъ туда съ генеральшей, да какъ попробовалъ, что худо въ столицѣ жить, давай писать къ намъ, чтобы его, дурня, выручили.

Дядюшка засмѣялся.

— Что вы, Лука Ивановичъ, хохочете?

— Какъ не хохотать? Вѣдь двухъ мѣсяцевъ нѣтъ, какъ domine отъ насъ уѣхалъ.

— А, вы знаете! Какъ нѣтъ? Въ середу пошелъ четвертый мѣсяцъ.

Дядюшка началъ считать по сгибамъ пальцевъ и замолчалъ.

— А что?

— Точно ваша правда. Четвертый мѣсяцъ, какъ уѣхалъ.

— Ну, не хотите ѣхать въ городъ за письмомъ, пошлите Омелька.

— Этакой мордѣ и выдадутъ!

— Отчего?

— Нужно ему на полученіе написать довѣріе на объявленіи, приложить гербъ печати, подписаться, и тогда должны будутъ выдать.

— Ну, напишите. Гдѣ объявленіе? Вы же славитесь бойкостію писать. Сочините-ка да и пошлите. Вы какъ захотите—славно сочините. Помните письмо къ генералу, какое фатили?

— Сочинить-то для меня легко, да какъ сдѣлаешь ошибку, слово лишнее поставишь и выйдетъ чертъ знаетъ что̀. Притомъ я знаю, что около года уже и чернилъ у насъ нѣтъ, нужно ихъ сдѣлать, а это не все ровно, что кашу варить. Кашу и дуракъ сваритъ, было бъ изъ-за чего.

— Пустое, сказала тетушка, я ужь—когда на то пойдетъ, достану вамъ сію минуту чернила. Пошлю къ отцу Петру, пусть онъ дастъ намъ взаймы половинку чернильницы, а мы сдѣлаемъ и отдадимъ ему, ну хоть полную.

— Боже! какъ занимать такіе пустяки, да еще у священника? я рѣшусь лучше на этой недѣлѣ самъ ѣхать.

—Прошу же васъ не откладывать. Пойдетъ дождь, станетъ грязно, вы и не поѣдете, а лучше я велю вамъ запрягать.

Дядюшка противился желанію тетушки и молчалъ.

— Ей! люди! кто тамъ? Велите Омельку запрячь въ бричку четыре лошади. Панъ ѣдетъ сію минуту на почту. Вы, Лука Ивановичъ, сказала тетушка, закусите хорошенько дома, а я буду ждать, десять верстъ не ближній путь, а вамъ, въ городъ ѣхавши, я дала себѣ обѣщаніе никогда ни съѣстнаго, ни питейнаго не давать.

Пока дядюшка закусывалъ, экипажъ былъ поданъ. Тетушка торопила мужа одѣваться, проводила его до брички и велѣла Омельку не зѣвать а везть барина скоро, чтобы къ обѣду не опоздалъ. Сначала мысли толпою тѣснились въ голову дядюшки. Бѣдная голова отяжелѣла, склонилась на грудь и спокойно заснула, посвистывая носомъ не очень пріятно. Пріѣхавъ въ городъ, Омелько, зазѣвавшись, зацѣпилъ осью своей брички столикъ на базарѣ. Торговки закричали хоромъ и дядюшка, пробудившись, увидѣлъ, что онъ пріѣхалъ въ городъ.

Нужно было узнать, гдѣ находится почта.

Прохожій мѣщанинъ на вопросъ кучера, молча указалъ угольный домъ.

— Ну, поѣзжай туда, сказалъ дядюшка, прячась въ бричку.

Оказалось, что почта эта конная, а не письменная.

— Ага, вамъ нужна почтовая контора? спросилъ какой-то судовикъ, улыбнувшись. Поѣзжайте прямо по улицѣ и спросите за мостомъ: гдѣ почтовая контора?—Вамъ всякая баба укажетъ.

— Пошелъ, Омелько, сказалъ дядюшка, и Омелько привезъ дядюшку въ контору, гдѣ еще такъ недавно терзали дядюшку управляющіе откупомъ.

— Ну, это бѣда, просто несчастіе! ворчалъ Лука Ивановичъ, проклятая почта, какъ нарочно отъ меня прячется. Лучше уже поѣду домой, да пришлю Омелька; онъ справится.

Омелько, между тѣмъ, распросивъ у прохожаго солдата и быстро поворотивъ бричку, сталъ противъ почтовой конторы.

— Вотъ это она, сказалъ кучеръ, и орелъ прибитъ надъ дверью. День былъ пріемный и маленькая комнатка едва вмѣщала толпу разнаго народа смотрящаго съ нетерпѣніемъ и страхомъ на толстаго, сѣдаго и украшеннаго орденами почтмейстера. Почтмейстеръ, сидя у стола, считалъ деньги, клалъ ихъ привычной рукой въ конверты, печаталъ и, помѣтивъ, отдавалъ помощнику. Помощникъ съ энергіей записывалъ въ книгу и медленно выдавалъ квитанціи. Лука Ивановичъ, войдя на порогъ, увидѣлъ, что къ почтмейстеру ему не дотобраться, возвратился въ бричку. Поговоривъ съ

Омелькомъ о пользѣ почтъ и о вредѣ, происходящемъ отъ питейныхъ откуповъ, Лука Ивановичъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что большая часть людей вышла изъ почтовой конторы и потому рѣшился самъ вторично туда отправиться.

Подавъ свое объявленіе худащавому и прокопченому сургучнымъ запахомъ почталіону, дядюшка скоро получилъ письмо и, расписавшись въ книгѣ, вышелъ въ большой радости на дворъ, сѣлъ въ экипажъ и велѣлъ гнать лошадей во весь духъ.

Дядюшка, взявъ письмо въ руки, задавалъ себѣ вопросъ, отъ кого могло бы оно быть.

Красная печать, въ рубль серебра величиною, съ орденами, пугала дядюшку и своей красотой лишала смѣлости разломать ее безъ поврежденія.— Не отъ Трофима ли Ивановича, думалъ Лука Ивановичь, переворачивая письмо и въ пятый разъ читая надпись. Долго молчалъ братъ, думалъ дядюшка, но, вѣрно, пришлось уже ему очень круто, и онъ возжелалъ испросить моего совѣта, какъ ему, бѣдному, жить на свѣтѣ Божіемъ? Если все то, что́ говорятъ, правда, то ему истинно должно быть не хорошо.

Холоднаго дядюшку подстрекнуло семинарское любопытство. Онъ велѣлъ Омельку остановиться.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, дядюшка спросилъ у кучера ножъ.

Омелько удивился, не давалъ долго ножа, наконецъ, узнавши для чего ножъ, подалъ его барину.

Баринъ осторожно разрѣзалъ конвертъ, вынулъ письмо и положилъ конвертъ въ боковой карманъ.

Лука Ивановичъ вышелъ изъ брички, сѣлъ подъ деревомъ и началъ внимательно читать посланіе. На холоднымъ лицѣ дядюшки мелькало множество впечатлѣній, вызванныхъ всѣмъ тѣмъ, что́ содержало письмо. Добрыхъ полчаса читалъ Лука Ивановичъ мелкое письмо и, прочитавши, началъ считать на пальцахъ что-то очень долго.

— Пошелъ же, закричалъ дядюшка, вскочивъ въ экипажъ и, положивъ письмо въ карманъ, придерживалъ его рукой, удостовѣряясь очень часто, не потерялъ ли онъ его изъ кармана.

Тетушка давно уже высматривала дядюшку; глаза ея горѣли невиносимымъ любопытствомъ. На мѣстѣ не могла устоять тетушка, когда увидѣла экипажъ и Луку Ивановича, безъ страха сидящаго въ глубинѣ брички. Не успѣлъ дядюшка остановиться, вылѣзть, какъ Ульяна Осиповна закидала его вопросами: Есть страховое письмо? на почтѣ взяли? изъ Петербурга? отъ кого? отъ domine? Я это напередъ знала.

— Выходите же, да читайте скорѣй, да внятно, чтобы я могла понять съ одного разу. Дядюшка вылѣзъ изъ брички и вошелъ въ домъ.

— Покажите, покажите, ворчала тетушка, забѣгая со всѣхъ сторонъ, гдѣ письмо? у васъ въ шапкѣ, и тетушка сдернула съ мужа рогатую шапку. Въ шапкѣ нѣтъ. Гдѣ же оно? въ карманѣ? Въ какомъ?

и тетушка вытащила изъ задняго кармана дядюшки платокъ.

— Дайте же, ради Творца, срокъ! письмо не отъ domine.

— Отъ кого же? тихо спросила тетушка.

— Отъ моего брата, Кирилла Ивановича, отъ надворнаго совѣтника и отъ св. Анны кавалера, получившаго орденъ на солнцѣ.

— Покажите же мнѣ, гдѣ оно?

— А вотъ оно, возьмите, сказалъ дядюшка, усмѣхаясь и подавая письмо. Это все равно, если бы мнѣ дали веретено въ руки, не зналъ бы что съ нимъ дѣлать; такъ точно и ей письмо.... Грамотнымъ быть важное преимущество.

— Странно, сказалъ тетушка, письмо одно, а отъ трехъ особъ.

— Какъ отъ трехъ особъ?

— А какъ же иначе? отъ брата одно, отъ надворнаго другое, а отъ св. Анны кавалера третье.

— Цуръ дурня, полушутливо сказалъ дядюшка, оно все одно и то же лицо, но въ трехъ наградами отличенныхъ образахъ.

— Вы бы такъ давно сказали. Читайте же!

Сѣвъ у стола, дядюшка разгладилъ рукой письмо, кашлянулъ, утерся платкомъ и, удостовѣрясь во вниманіи тетушки, началъ:

«Любезнѣйшій братецъ, Лука Ивановичъ! Извините меня, что въ послѣднее время я долго не могъ къ вамъ писать.—Одно то, что занятъ былъ служ-

бой, а другое не желалъ васъ утруждать отвѣтами, на которые вы очень скупы. Не болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ возвратился я изъ Персіи, гдѣ занималъ мѣсто при нашемъ уполномоченномъ. Я получилъ Анны 2-й степени, также награжденъ орденомъ Льва и Солнца, служу, можно сказать, счастливо; но здоровье мое плохо....»

— Умретъ, непремѣнно умретъ, сказала тетушка.

— Ну, ну, не терпится вамъ.

— Читайте же.

— Плохо, однакожь о начало поправляться, продолжалъ дядюшка, съ тѣхъ поръ, какъ я женился».

— Нужно! нужно было ему жениться! шептала тетушка.

— Медики совѣтуютъ мнѣ, для укрѣпленія здоровья, ѣхать въ Малороссію, пожить годокъ и даже другой. Посовѣтовавшись съ женой, мы рѣшились оставить Петербургъ для Пожарищъ. Надѣюсь, что вы встрѣтите меня, какъ роднаго брата, и мою Амалію Францевну почтите своимъ родственнымъ расположеніемъ, какое она постарается въ послѣдствіи у васъ заслужить. Прошу васъ, принять ее въ свою семью, какъ жену брата, васъ любящаго. Этимъ вы сдѣлаете для меня несказанное одолженіе. Братъ нашъ Трофимъ Ивановичъ то тонетъ, то выплываетъ и почти цѣлую жизнь свою на службѣ борется съ препятствіями, затрудняющими его служебный путь. Мнѣ брата очень жаль. Обстоя-

тельства, самыя трудныя заставили его продать мнѣ Стогища, и, не смотря на это брату очень трудно попасть на ту дорогу, которая прежде широко раскрывалась передъ нимъ. Онъ давно уже женатъ, имѣетъ трехъ дѣтей.

— Жаль, говоритъ, брата, сказала тетушка; а Стогища у него купилъ. Я и не знала, что Трофимъ женатъ!

— Онъ женился гораздо раньше меня, да скрывалъ это отъ батюшки: боялся.

— Мы, продолжалъ читать дядюшка, скоро къ вамъ будемъ. Еще раньше этого письма я послалъ въ свою деревнѣ Ивана съ вещами и мебелью. Не поставьте, братецъ, себѣ въ трудъ распорядиться, чтобы вещи снесли въ домъ, а мебель поставили въ комнатахъ; да чтобы и комнаты кое-какъ убрали къ нашему пріѣзду.

— Не видали! Вотъ чего захотѣлъ! Стогища за взятки купилъ, а мы еще будемъ разставлять ему мебели.

— Молчите, ради святыхъ чудотворцевъ печерскихъ!

— Еще и молчать? не буду.

— «За ваше вниманіе, продолжалъ дядюшка къ намъ, петербургскимъ жильцамъ, за вашъ родственный пріемъ, мы, сколько силы позволятъ, не упустимъ изъявить свою искреннѣйшую признательность. Позвольте, любезный братецъ, надѣяться, что просьба моя будетъ принята вами съ

родственнымъ вниманіемъ. Прошу вѣрить моему глубокому уваженію и совершенной преданности. При засвидѣтельствованіи вамъ и всему почтенѣйшему семейству вашему моего совершеннаго почтенія, остаюсь всегда преданный вамъ братъ Кириллъ Бродницкій».

— Вотъ этотъ такъ выслужился! вскричала тетушка,—вѣрно дралъ съ живыхъ и мертвыхъ. Почему вы не пошли на службу?

— Я могу быть полезенъ и здѣсь, сказалъ дядюшка,—а братъ мой взятокъ не бралъ. Все, что̀ онъ имѣетъ, получилъ отъ милостей самого государя. Нѣсколько разъ царь давалъ ему по полуторы тысячъ червонцевъ.—Въ иностранной коллегіи взятокъ не берутъ. Это не губернское мѣсто, да и не повѣтовое. Нужно, продолжалъ дядюшка, перемѣня тонъ,—ему отвѣчать. Сяду и съ сегодняшняго дня начну сочинять отвѣтъ, чтобы къ тому воскресенію поспѣлъ на почту.

— Не позволю вамъ писать, бумаги не дамъ. Спрячу сургучъ и печать.—Не нужно писать.

— Онъ есть братъ мой.

— Женился? Отрѣзанный отъ хлѣба кусокъ.

— Да какъ же это̀ можно?

— Любопытно знать: кто такая его жена? Знатнаго ли она роду и имѣетъ ли крестьянъ?

— Этого братъ не пишетъ; а я думаю должна быть не абыяка. Имя рѣдкое, необыкновенное и нѣмецкое происхожденіе имѣетъ.

— Такъ она Нѣмка?

— Должно быть, что такъ.

— Ну, если такъ, то я напередъ знаю, что у ней не только крестьянъ, но и ничего нѣтъ—гòла! Тѣ Нѣмцы, которые потихоньку живутъ въ своей землѣ, бываютъ съ достаткомъ; но тѣ, которые къ намъ лѣзутъ, голи!

— Подумайте хорошенько! Вамъ вѣрно представляются Чесарцы, которые съ шахвами за плечами, да съ выгранами въ зубахъ, приходятъ сюда продавать комаровое сало?

— Что тутъ думать? Гола!—Я ее знать не хочу. Не такого роду, какъ я.

— Она есть нынѣ жена брата.

— Гола! Нѣмцы къ намъ лѣзутъ, чтобы поживиться. У нихъ земля бѣдная, да и ту вершками мѣряютъ! Тетушка хохотала, при одной мысли, что Кириллъ Ивановичъ женатъ на Нѣмкѣ.

Дядюшка давно уже дулся, и ссора готова была ежеминутно вспыхнуть, еслибы новое обстоятельство не помѣшало ей возгорѣться.

Вбѣжалъ Савка и доложилъ, что изъ Пожарищъ пріѣхалъ прикащикъ Семенъ Дзюбанка.

— Вѣрно, что-нибудь ему экстренно нужно, ворчала тетушка,—давно онъ намъ глазъ своихъ не казалъ. Позвать его сюда сію минуту.

Раскраснѣвшійся Семенъ, съ мокрымъ чубомъ и въ необыкнóвенномъ состояніи духа, переступилъ порогъ комнаты, гдѣ были дядюшка и те-

тушка и, не поднимая глазъ, очень низко поклонился, ставъ у дверей.

— Здравствуй, Семене, сказала тетушка,—а что ты, Семене, скажешь намъ хорошаго?

— Усе добре та и не трохы.

— Ну, говори же скорѣй.

— Кто его знаетъ какъ и говорить, сказалъ Семенъ и, вздохнувши, взглянулъ на потолокъ.

Можетъ быть, случай какой случился? сказала тетушка, зная, что Семенъ попусту не явится.

— Та такый случай, что мы изъ роду не бачили.

— Что же же тамъ такое? говори, пожалуста, Семене, передъ господами, сказала тетушка.

— Да изъ самисенькаго Петербурга звощики привезли небели, ящики съ посудою, сундуки съ добромъ при самому Иванци.

— Вотъ такъ, сказалъ дядюшка, опоздаю съ письмомъ къ брату.

— Нечего же и торопиться, проговорила тетушка.

— Гдѣ прикажите тую небель дивать? Иванька говоритъ, что васъ просилъ его панъ Кириллъ Ивановичъ въ письмѣ, распорядиться, гдѣ что поставить. Такъ говорилъ Дзюбанка Лукѣ Ивавовичу.

— Спроси у самого премудраго Иваньки, сказала тетушка сердито,—мы въ чужія дѣла не входимъ.

— Да не повѣрите, баринъ, сказалъ Дзюбанка,

что къ Иванькѣ и подступить страшно,—не подумаешь, что онъ сынъ Кавбасихи.

— Какъ? спросила тетушка.

— Такъ, отвѣчалъ Семенъ.

— Что, онъ выросъ? Поздоровѣлъ?

— Трохи до стели не достанетъ, билый, щекы якъ намалевани. Жилеты на ему жовти, гузики срибни, а чоботы рыплять та вылыскуются!

— Ну, что же онъ тебѣ сказалъ?

— Богъ-дай не казать, сказалъ Дзюбанка, вы, говоритъ, дядюшка, здѣсь всѣ мужики.

— Что̀ жь ты ему на это? зменьшывся?

— Какъ, говорю, хыба у насъ и панивъ нема? Что, говоритъ, ваши паны? Мугва, каже, простыня каже, каже говòрить, хуже мужиковъ ваши паны!

— А не далъ же ты ему за эту мову по потылици?

— Можно ли мнѣ то ему дать? Тутъ остерегаешься, чтобы тебя не вчыстывъ! Говорю ему: спрятать небель на горище, потому что въ горницахъ, кое гдѣ шибки выпали; такъ дорогія штуки лучше поставить въ спряту. Что вы станете дѣлать? Дурень вы, дядюшка, сказалъ мнѣ Ковбасенко, говоритъ—покои господскія допустилъ до того, что они хуже загоновъ.

— Оно-таки и правда, Дзюбанко, сказалъ Лука Ивановичъ, что ты малое смотрѣніе за господскимъ добромъ имѣешь.

— Ну, что же дальше Иванька, сказала Семену

тетушка, не обращая вниманія на то, что̀ проговорилъ дядюшка.

— Говоритъ: трескаете вы цѣлый день галушки да гречаники, оттого говоритъ и лѣнтяи вы такіе, что въ цѣломъ мірѣ подобныхъ нѣтъ. Вотъ какой Ковбасенко!

— Не посмотрѣла бы я на его жилетъ съ гузиками, да просто взяла бы его за честную гриву.

— Крій Боже! При часахъ ходитъ. Сдѣлаетъ шагъ та и зыркъ на часы, казавъ по сонцю нужно вывирять.—Отъ така бида склалась!

— Ну, а за свою панію молодую, ничего не говорилъ?

— Говорилъ, что пани такъ хороша якъ той анголь!

— Хороша! вскричала тетушка и, подпрыгнувъ на мѣстѣ, два раза обернулась на одной ногѣ и покраснѣла отъ досады до бѣлковъ глазъ.

— Прехороша, продолжалъ Семенъ, така высока, кучерява и къ тому чорнобрыкувата.

— А много у ней мужиковъ есть? спросила важно тетушка,—есть ли у ней душъ сто или двѣсти?

— Вотъ чего не знаю, такъ не знаю, сказалъ Семенъ, покрутивъ головою. Это значило, что онъ еще хотѣлъ что-то сказать. Тетушка догадалась и еще начала распрашивать Семена.

— Говори, Семене! не бойся, говори спросила

тетушка, живо затронутая красотой жены Кирилла Ивановича.

— Сказалъ бы, да боюсь, не дай Богъ, кто нибудь донесетъ, то при первомъ наборѣ мнѣ лобъ забрѣютъ, даромъ що лѣтъ сорокъ живу на свѣтѣ.

— Иди съ нами сюда, сказала тетушка, приглашая Семена слѣдовать за нею. Мы съ Лукой Ивановичемъ только вдвоемъ будемъ тебя слушать.

Тетушка съ дядюшкой пошли впередъ. Семенъ Дзюбанка выступалъ за ними, охая и оглядываясь. Всѣ трое вошли въ диванную. Семенъ притворилъ дверь въ залъ и удостовѣрился, что любителей подслушивать здѣсь нѣтъ.

— Пани, говорятъ, чуть ли не изъ мѣщанъ да не изъ простыхъ, а изъ нѣмецкихъ.... изъ аптечныхъ..

Тетушка поперхнулась, желая удержать смѣхъ, который наконецъ преодолѣлъ усиліе и огласилъ диванную. Лука Ивановичъ, услыша это, сталъ среди комнаты, какъ вкопаный въ землю.

— А чы чулы? вскричала тетушка, на комъ женатъ вашъ надворный кавалеръ св. Анны. Га? На комъ? Скажи, ты мнѣ, Семене! Жениться? На ней. Могъ ли жениться Кириллъ Ивановичъ.

— Богъ его святой знаетъ, отвѣчалъ Семенъ. Вѣрно съ великаго ума, размыркувавъ, что и нѣмкеня, и туркеня, и дворянка, и мѣщанка всѣ равны передъ Богомъ....

— Нѣтъ! не то! вскричавъ это, Уліана Оси-

повна заходила по комнатѣ и сказала:—онъ сошелъ съ ума, я по письму это видѣла, что тамъ не достаетъ чего-то. Вѣрно мать этой барыни продаетъ бублики на базарѣ. Мѣщанка! О, Господи!

— Оставьте, отозвался наконецъ дядюшка, пусть она и продаетъ, вѣдь не мы покупаемъ.

Несмотря на униженный тонъ дядюшки, видно было, что онъ послѣднимъ извѣстіемъ очень сконфузился.

— Такъ неужели, Лука Ивановичъ, начала тетушка,—вы меня, столбовую дворянку, сравните съ той, которая по базарамъ съѣстной провизіей торгуетъ? А вы не забыли изъ какого я роду?

— Знаю, что изъ самого сердитаго, отвѣчалъ дядюшка. Отецъ вашъ былъ запаленый; а братья настоящіе головорѣзы и отъ этого слизли.

— Вотъ когда нанесли вы мнѣ жестокое огорченіе, вскричала тетушка. Я не сержусь, съ этого дня не подходите вы ко мнѣ, не дамъ вамъ себя даже понюхать. Вы.... меня день ото дня ужь знаете, какъ жестоко обижаете!

Тетушка, не смотря на оскорбленіе, запавшее ей глубоко въ сердце, отправила Семена, сказавъ ему, что разумный Ванька можетъ смотрѣть на свои часы и можетъ въ это время заняться разстановкой мебелей. Луку же Ивановича, къ такой черной работѣ не отпуститъ потому, что онъ есть помѣщикъ и дворянинъ.

Уже дней нѣсколько ходилъ дядюшка за Улья-

ной Осиповной; но она сдерживала слово и на два шага его къ себѣ не подпускала.

Другой бы плюнулъ на это и пошелъ себѣ; но дядюшка былъ однимъ изъ множества мужей, ему подобныхъ. У себя въ домѣ, въ довольствѣ, богатствѣ, такое обращеніе тетушки было для него хуже разоренія отъ огня, воды, и даже португальскаго землетрясенія. Казалось бы, пусть молчитъ жена, и я буду молчать. Нѣтъ же, вотъ такъ и шевелитъ тебя перваго желаніе, чтобы заговорить съ ней, надувшейся и глядящей на тебя косо. Эта слабость, получаемая мужьями на другой день женитьбы, рѣдко не остается имъ усвоенною до послѣдняго дня жизни.

О петербургскихъ родственникахъ нельзя было говорить, и они мало-по-малу исчезли изъ мыслей дядюшки и тетушки.

Дядюшка такъ грустилъ о ссорѣ съ женой, что днемъ не пилъ вина ни одной капли, а ночью не могъ заснуть, пока не выпивалъ штофа полынной или деревіевки.

Тетушка уже начинала отвѣчать дядюшкѣ, но всегда коротко, на его самый длинный вопросъ. Дядюшка садился уже ближе къ ней и ходилъ по комнатамъ тихо, какъ котъ, возвратившійся въ домъ изъ саду, гдѣ ловля птичекъ ему удалась.

Тетушка даже обѣдала вмѣстѣ съ дядюшкой, но мучила его рыбьимъ молчаніемъ.

Часовъ въ девять утра прискакалъ охляпь, верховой изъ Пожарищъ. Верховой былъ сынъ ключника Опанаса Перепички, рябой какъ рѣшето и кривой на лѣвой глазъ.

Привязавъ уставшую лошадь возлѣ коновяза, Никита медленно пошелъ въ кухню, поздоровался съ кухнянами, закурилъ трубку и, сѣвъ на лавкѣ, началъ разсказывать зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

Съ первыхъ словъ Перепички, половина служителей бросилась изъ кухни вонъ и, толкая одинъ другаго, столпилась въ дѣвичей господскаго дома.

— Что случилось? спросили разомъ въ одинъ голосъ дядюшка и тетушка.

— Петербургскіе проѣхали въ Пожарища, можно было разобрать изъ дюжины голосовъ, торопившихся скорѣе сообщить эту новость господамъ.

Тетушка послала звать къ себѣ Никиту.

Никита Перепичка, услыщавъ, что его требуютъ, съ досадой вырвалъ чубучекъ изъ зубовъ, плюнулъ въ сторону и неохотно побрелъ къ барынѣ. На самомъ крыльцѣ встрѣтила Перепичку тетушка.

— А, здравствуй! Ну, прiихалы?

— Прiихалы, отвѣчалъ Никита, низко кланяясь.

— Чымъ прiихалы?

— Киньми прiихалы.

— Въ чимъ пріихалы?

— Въ одежи.—Звисно въ одіяніи.

— Тю! Та чымъ? Возкомъ или кибиткою московскою, лычаною?

— Будками, хорошими будками.

— Повстью обитыми, рядномъ дегтенымъ обшитими?

— Ни, ременякою, черною ажъ полыскуется. Мусяжовими цвяшками прехороше цвяхованою. Тутъ викно и тутъ викно и запынала шовкови.

— А внутри ты былъ?

— Внутри сукно кармазинъ и китыци. Хотѣлъ было туда я съ ногами влѣзть хоть посидѣть, да....

— Почему же ты не влѣзъ?

— Испугался, наемный лакей лежалъ и какъ крикнетъ: ты, говоритъ, хохолъ! Пойшовъ вонъ, еще говоритъ меня украдешь!

— Скажи же, кто тебя сюда послалъ?

— Самъ панъ.

— Что же онъ велѣлъ сказать?

— Такъ и такъ, говоритъ: скажи, что мы позавчера пріѣхали, а сегодня будемъ къ нимъ на обѣдъ.

— Мати моя, Пресвятая Владичица! Ахтырская и Каплуновская! Не будетъ этого. Никогда, пока живу, сказала тетушка и, обратясь къ Никитѣ, прибавила: ну, разскажи, какая у васъ пани?

— Такая, какъ и слѣдуетъ быть паніи.

— А якъ вона ходитъ?.

— Звисно такъ, якъ и мы вси, отвѣчалъ Никита,—ногами ходитъ.

— Тю! перервала Никиту тетушка, въ чемъ она ходитъ?

— Въ чемъ? Въ черевичкахъ маленькихъ.

— Эй, Никито! не бреши! Гдѣ ты могъ видѣть ея ноги?

— Ступни бачывъ по песку, возлѣ рундука. Дитски ноги!

— Ну, если, Лука Ивановичъ, вы этому вѣрите, такъ я не знаю.

— Не вѣрю я этому, сказалъ дядюшка довольный, что тетушка первая къ нему отозвалась. — Не можетъ быть, чтобы нога ея была меньше вашей.

— Однакожь не о черевичкахъ тебя я спрашивала, а о платьѣ—въ какомъ эта пани ваша ходитъ?

— Платье просто сяетъ! На голови соломянный бриль съ стричками и квитками.

— А хороша? скажи мнѣ правду, Никита!

— Та такъ, що я зроду ще не бачывъ.

— Ну, такъ просто сказали, что будутъ?

— Такъ и сказали.

— Подожди же ты здѣсь, сказала тетушка Перепичкѣ, а я тебя сію минуту отправлю.

Тетушка ушла къ Лукѣ Ивановичу, а Перепичкѣ подали, по приказанію тетушки, водки такъ

щедро, что онъ, выпивъ послѣднюю чарку, сказалъ: годи!

— Ну, Лука Ивановичъ, сказала тетушка,—что̀ дѣлать, вѣдь они будутъ къ намъ.

— Когда будутъ, то надобно мнѣ бриться, сказалъ дядюшка, поглаживая бороду, небритую во все время неудовольствій, длившихся въ семействѣ. Савко! Давай сюда бриться!

— Брейтесь вы, хоть цѣлый день, сказала тететушка, а я у себя въ домѣ ни за что̀ на свѣтѣ не прійму жену вашего брата.

— Почему это такъ?

— Потому что она не дворянка и не знатнаго роду, просто какая-то Нѣмка.

— Это ничего, ворчалъ дядюшка, скобля бороду, наслѣдственной запорожской бритвой, длиною въ три четверти, такъ усердно, что невольныя слезы лились изъ его глазъ частыми струями.

— Сдѣлайте такъ, чтобы они у насъ не были, помирюсь съ вами и позволю подойдти къ рукѣ.

— Опомнитесь! Какъ можно это сдѣлать?

— Окончите ваше занятіе и пишите имъ отказъ.

—Имъ отказать? Ни за что̀ въ свѣтѣ. Брату съ женой... Нѣтъ! Этого уже, какъ вамъ угодно, а не будетъ. Дядюшка осторожно вытеръ бритву и, закуся нижнюю губу, продолжалъ съ ожесточеніемъ скоблить лѣвую сторону бороды.

Тетушка хотѣла поставить на своемъ:—откажите, твердила она.

— Невозможно, онъ есть братъ мой. Оставьте ваши требованія, или я отхвачу себѣ половину бороды; бритва какъ огонь... братъ пріѣхалъ изъ столицы.

— Велика важность!

— Не мало прошло времени, какъ мы съ нимъ разстались, мальчишкой маленькимъ его отвезли въ Петербургъ.

— Ну, выбрились?

— Слава Всевышнему, благополучно, нигдѣ себя не поранилъ.

— Ну садитесь же у стола, да пишите отказъ.

— Да это будетъ грубо.

— Пустое... я желаю.

— Я... вы знаете, привыкъ писать одни учтивыя письма! а это что будетъ? И начать таковаго не въ состояніи.

— Дядюшка утерся полотенцемъ, потеръ бороду рукой, глядя въ зеркало Савка отодвинулъ столъ, на которомъ лежали иструменты брадобритія или, лучше сказать, добровольной пытки.

— Мати моя, Пресвятая Владичице! вскричала тетушка, подавая на столъ принадлежности письма, пишите,—не то я знаю, что сдѣлать!

— Что вы сдѣлаете? ворчалъ дядюшка, взявъ

перо въ руки и углубляясь въ думу надъ листомъ почтовой бумаги.

— Пишите же, вскричала тетушка, стукнувъ кулакомъ по бумагѣ, или я васъ сегодня брошу! Послѣднія слова произносились въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и ужасали дядюшку больше громоваго удара.

— Когда уже такъ, сказалъ онъ, омочивъ перо въ чернильницу, говорите что писать, рука не повинуется мнѣ излагать неучтивыя рѣчи брату, который меня любитъ, и тому, который присылалъ мнѣ подарки, дабы я его вспоминалъ.

— Пишите, какъ слѣдуетъ, такъ и вотъ этакъ: желалъ бы видѣть васъ, любезный братецъ; но такъ, пишите, какъ вы братецъ, женились не на дворянкѣ, то знакомиться съ нею не слѣдуетъ. Моя жена, пишите, есть происхожденіемъ изъ знатнаго роду, а ваша есть....

— Ну, что же она есть?

— Это уже его дѣло, онъ самъ разберетъ какъ слѣдуетъ. Да! вотъ что́ припишите: такъ какъ вы, братецъ, женились безъ моего согласія, то вотъ вамъ и наука, чтобы вы примѣчали на будущее время. Теперь печайтайте!

— Да сургучу....

— На что тутъ сургучь? Умѣла бы я писать, я бы ему накатала такое письмо, что онъ всю жизнь свою насъ не вздумалъ бы посѣтить.

— Скажите, Ульяна Осиповна, спросилъ дядюшка жену, отдавая ей письмо, отчего вы убѣгаете хорошихъ знакомствъ?

— Нѣтъ, сказала тетушка,—скажите лучше вы мнѣ, отчего вы предпочитаете напиться пьянымъ и лежать въ темной комнатѣ? Дядюшка, разгнѣванный принужденіемъ писать вздорное письмо къ брату, засопѣлъ и, вставъ съ мѣста, заходилъ по комнатѣ.

— Скажу вамъ, отчего я пью. — Слушаете же и не сердитесь: вы, жена моя, характеромъ своимъ гораздо хуже Василиска.

— А что это за Василискъ такой?

— Василискъ, библейскій звѣрь, его взглядъ единый убиваетъ жизнь всякаго животнаго.

— Больше ничего? Я думала гораздо хуже. — Сказавъ это, тетушка мило засмѣялась и вышла. Это ей очень шло—она была прехорошенькая. Дядюшка долго обдумывалъ свое глупое положеніе; послѣ, надвинувъ шапку, гордо пошелъ въ буфетъ. Открывъ шкапъ, дядюшка сталъ между двумя полками дверей и слышно было продолжительное столкновеніе водочнаго графина съ стаканомъ. Дядюшка хозяйничалъ въ буфетѣ, пока голосъ тетушки не заставилъ его оставить свои тайныя занятія.

— Видно, видно, Лука Ивановичъ, что вы подходили къ шкапу хозяйничать и даже пофилософ-

ствовать.... Я перенесу все это въ другое болѣе надежное мѣсто.—Вотъ вамъ что!

— Всесвятые и преподобные мученики! закричалъ дядюшка, разгоряченный виномъ,—и въ семъ невинномъ занятіи вы меня, мужа вашего, стѣсняете!

— Это невинное занятіе погубитъ васъ очень скоро.

— Вы, вы Ульяна Осиповна, злы и даже къ коварству способны.

— Какъ? вскричала тетушка.

— Вы... поссорить меня съ братомъ вздумали.... съ братомъ, который....

— Женатъ на Нѣмкѣ... она не дворянка.

— Неправда, неправда, говорю вамъ, кричалъ дядюшка,—братъ, соединясь съ нею, сообщилъ ей свое дворянство... и не только дворянство, но и все свое достоинство.

— Мѣщанка, вѣкъ будетъ мѣщанкой.... булки продавала бы на базарѣ—вотъ ея дѣло, а не лѣзть въ родство съ знатной особой....

— Неправда ваша, ложь... истинная клевета.... закричалъ дядюшка и заплакалъ, увидѣвъ, что судокъ съ водками перенесенъ въ надежнѣйшее и подручное тетушкѣ хранилище.

Тетушка вышла на дворъ.

— Меня обидѣли вѣчно и потомственно, ворчалъ дядюшка и пошелъ въ залъ.

Письмо было отдано Перепичкѣ.

Перепичка проскакалъ безъ отдыха пять верстъ. Сдѣлалось ему жарко и голова его, отуманенная винными парами, начала само собою кружиться.

— Що воно за бисъ, ворчалъ Никита, качаясь на лошади, чы воно одъ вѣтру, чы одъ сонця, а щось мени дуже погано! Бывало выпьешь осьмуху ничого; и другу—ничого; и третю—ничого и четверту—ничого; а тутъ свитъ банькою кажется... Треба коняку попасты.... ворчалъ Никита и едва не упалъ съ лошади. Разсудивъ еще, что трудно ему будетъ влѣзть па лошадь, онъ рѣшился спутать ее и прилечь на мягкой и душистой травѣ спочить, послѣ далекой дороги.

На синѣющемся голубомъ небѣ не видно было ни облачка. Вдали на дорогѣ показались два высокіе человѣка. Въ рукахъ ихъ были длинныя палки; за плечами котомки. Когда они подошли поближе, можно было увидѣть, что эти два здоровяка были русскіе щетинники съ связками ситъ, поясковъ, мѣдныхъ перстней, оловянныхъ крестиковъ и сережекъ.

Это были тѣ нехитрые торговцы, которые, за фунтъ спинковой щетины, охотно давали сережки въ пятакъ мѣдью; а за фунтъ пуху давали дюжину иголокъ, обходя самые степные хуторки Малороссіи. Рыжій щетинникъ, увидя спящаго Никиту, долго разговаривалъ съ своимъ товарищемъ. Слѣдствія долгаго разговора скоро начали оказываться. Никиту, мертвецки пьянаго, торговцы раздѣли до

того состоянія въ какомъ онъ появился на свѣтъ Божій. Все это дѣлали они съ вѣрой, спасти человѣка, заснувшаго въ такую жару, въ тяжелой одеждѣ. Оставивъ Никиту совершенно голаго, торговцы подошли къ лошади. Обрѣзавъ ей гриву и хвостъ, распутавъ ноги, пустили ее съ поднятой рѣпицей. Понеслась, раздувая ноздри, испуганная лошадь въ далекую, гладкую, какъ столъ, зеленую степь.

Добрые люди, припрятавъ все, что имъ такъ легко досталось, своротили съ дороги, спустились въ оврагъ и больше уже не показывались.

Въ это время дядюшка, еле живой, сидѣлъ съ тетушкой и Павлушей за обѣдомъ. Имъ подавали уже третье блюдо. Лука Ивановичъ молчалъ, его сильно начало было разбирать, но грушовка и три добрыя рюмки калгановки возстановили ровновѣсіе. Такъ точно французскій коньякъ помогаетъ выпившему три бутылки редерера.

— Щось іиде.... сказала ключница, вбѣжавъ въ залъ.

— Откуда?

— Ни бы то съ Пожарищъ.

— Вотъ бѣда! Можетъ быть они? вскричала тетушка, и съ Павлушей бросилась къ окну.

— Карета, ей-Богу, карета, кричала тетушка, такая же точно, какъ я видѣла на ярмаркѣ въ Ромнахъ. Большущая...

Изъ кухни, людской и дворовыхъ службъ вы-

сыпали люди и, сложа руки, смотрѣли на большой экипажъ, подъѣзжавшій все ближе и ближе.

— Что дѣлать? спросила тетушка дядюшку, который сидѣлъ, словно, правовѣрный мосульманинъ, выкурившій тройную порцію опіуму.

На дворѣ послышался стукъ; изъ саду прибѣжали двѣ дѣвушки докладывать, что экипажъ поворотилъ уже къ нимъ въ самый дворъ.

— Это къ намъ, отозвался Степанъ.

— Гдѣ? Куда? Почемъ ты это знаешь? Кто тебѣ сказалъ? Господи! Что мнѣ дѣлать, шептала тетушка тихо и чуть не плакала,—а этотъ, сказала она, взглянувъ на мужа,—сидитъ себѣ и ничего не думаетъ.

— Нѣтъ, я думаю, отвѣчалъ дядюшка—и думаю, что я есть homo!

— Стыдъ! Стыдъ! Вѣрно письмо не дошло къ нимъ. Обѣдъ у насъ препоганый, Лука Ивановичъ съ мѣста не встанетъ, прійдется мнѣ лечь въ кровать и хоть давно не болѣла, а теперь сдѣлаюсь крѣпко больна.

— Уже на дворѣ, закричалъ Кузьма надъ ухомъ тетушки.

— У самого крыльца! не успѣлъ выговорить Савка, опрокидывая себѣ на голову соусникъ съ зразами, разбивъ его въ куски и падая на полъ, удержавъ однакожь соусную крышку въ рукѣ.

— Каналья! крикнула тетушка, ударивъ Савку по затылку; сама же быстро оглянувшись, махну-

ла рукой и, вбѣжавъ въ спальню, заперла за собой дверь. Во всемъ домѣ, какъ во время внезапнаго пожара, охватившаго жилище со всѣхъ сторонъ, поднялась суматоха.

— Изъ Петербурга.... это изъ Петербурга, шептала ключница.

— Вотъ, и отъ, оттъ.... поворотили.... уходите, что вы тутъ рты разинули? кричалъ Степанъ горничнымъ дѣвушкамъ.

═

ГЛАВА III.

Суматоха и торопливость комнатной прислуги Луки Ивановича произошла отъ остановившейся у крыльца дома кареты. Рѣдкость тогдашняго времени—карета высочайшая, горшкообразная, въ видѣ шахматной доски расписанная, съ спускавшимися снутри семью ступеньками, обитыми варшавскимъ ковромъ, заставила всю дворню разинуть широкіе рты отъ удивленія.

Лука Ивановичъ, услыша клокотанье колесъ заграничнаго экипажа, собралъ всѣ свои наличныя силы и, при искреннемъ желаніи встать и броситься изъ залы въ спальню для объявленія о случившемся женѣ, не тронулся съ мѣста.

Дядюшка покачалъ въ отчаяніи головой. Злополучный хозяинъ понималъ свое неловкое положеніе, бормоталъ подъ носъ запорожскія ругательства и оставался на стулѣ, какъ приколоченный гвоздемъ.

— Вотъ когда male, вымолвилъ со вздохомъ Лука Ивановичъ, такъ ужь такъ male, что и выдумать выраженія на сіе не могу, просто pessime! Дѣлать нечего, сказалъ гораздо тише дядюшка, когда братъ пріѣхалъ изъ Петербурга, проси его, сюда, Степане!

Сконфузившійся слуга вышелъ. Съ стукомъ и скрипомъ распахнулись обѣ половинки дверей и Кириллъ Ивановичъ съ женой вошелъ въ залъ.

— Гдѣ же братъ мой, Лука Ивановичъ? прошепталъ петербургскій гость, растерявшись и разглядывая сидящаго у стола господина въ рогатой шапкѣ и шелковомъ шлафрокѣ. Этотъ господинъ съ раскраснѣвшимся лицомъ еще болѣе почувствовалъ свое безвыходно глупое положеніе и молчалъ, сидя важно.

— Баринъ, баринъ дома? спросилъ Кириллъ Ивановичъ, обратясь къ лакею. Петербургскій гость не довѣрялъ самъ себѣ: брата ли онъ видитъ, чучело ли, взятое съ коноплянника, гдѣ оно съ начала весны отгоняло воробьевъ. Лука Ивановичъ наконецъ усталъ сохранять молчаніе, началъ чмыхать носомъ и значительно раздвигать крылышки носовыхъ ноздрей.

— Это сами они, нашъ баринъ, прошепталъ Степанъ.

— Это вы, братецъ Лука Ивановичъ! Позвольте васъ обнять родственно. Такъ давно съ вами разстался, что съ великимъ трудомъ могу припо-

мнить.... Но, не обезпокоилъ ли я васъ? спросилъ озабоченный петербургскій гость.

— Конечно ничего, nihil, ворчалъ Лука Ивановичъ, вы мнѣ не помѣшали. Взглядываясь въ жену брата, бывшую вполнѣ красавицей, Лука Ивановичъ произнесъ: я есмь точно братъ вашъ.

— Позвольте же, братецъ, началъ Кириллъ Ивановичъ, представить вамъ жену мою и покорнѣйше просить васъ, принять ее въ число родныхъ. При послѣднихъ словахъ Кириллъ Ивановичъ приблизился къ брату, подвелъ жену и съ нею вмѣстѣ почтительно поклонился.

— Optime! проворчалъ хозяинъ и, поднявшись со стула, возымѣлъ смѣлость приблизиться къ Амаліи Францовнѣ. Приближеніе къ Амаліи Францовнѣ Луки Ивановича имѣло цѣль изъявить глубокое почтеніе, т. е. поцѣловать ея руку. Схватясь лѣвой рукой за столъ, дядюшка ловилъ правою рукой Амалію Францовну за складки платья и за все, что ни попадалось ему подъ руку. Скромная нѣмка не могла понять, что нужно было Лукѣ Ивановичу, поворачивалась передъ нимъ на всѣ стороны, пока хозяину не удалось достигнуть своего желанія.

— Вы, любезный братецъ, началъ Кириллъ Ивановичъ, усаживаясь,—кажется, не такъ-то здоровы. Не помѣшалъ ли я вамъ въ чемъ и не обезпокоилъ ли я васъ? Скажите, прошу васъ объ этомъ. Съ роднымъ братомъ не слѣдуетъ церемониться. Мы

на одну минуту пріѣхали. Весьма радъ, что съ вами свидѣлся. Позвольте....

— О нѣтъ, останьтесь, сказалъ Лука Ивановичъ.

— Въ другое время постараемся свидѣтельствовать вамъ наше родственное почтеніе. Петербургскій гость уже бралъ Амалію Францовну подъ руку и искоса посматривалъ на дверь; но Лука Ивановичъ обнялъ брата, обѣими руками прижалъ его къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

— Не уѣзжайте, крикнулъ громко Лука Ивановичъ. Я слабъ нынѣ на ноги. Не могу одѣться. Жена моя явится сію минуту и все вамъ по пунктамъ объяснитъ.

— Доставьте, братецъ, полное удовольствіе познакомиться съ Уліаной Осиповной.

— Непремѣнно. Я спѣшу въ спальню, поторопиться одѣваться и выйдти къ вамъ. Излишній туалетъ при семъ случаѣ не подобаетъ, мы родные. Вы прибыли изъ столицы, а мы? Мы изъ деревни почти никуда не выѣзжали. Прошу васъ, братецъ, продолжалъ сдѣлавшійся словоохотнымъ хозяинъ, не скучать. Я ухожу на самое короткое время и, возвратясь, докажу вамъ и въ особенности супругѣ вашей, что я homo.

—Скажите, пожалуйста, братецъ, гдѣ теперь сынъ покойника брата Максима Ивановича, Павелъ? Живетъ онъ у васъ въ домѣ? Долженъ быть большой мальчикъ. Не отдали ли вы его въ учебное заведеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь. Онъ живетъ нынѣ дома. Отличныхъ правилъ мальчикъ. Вы увидите, какое отличное начало получилъ онъ въ наукахъ. Сколько подаетъ надеждъ на будущее время сдѣлаться важнымъ лицомъ, только я одинъ могу разумѣть. Не скучайте, братецъ. Прошу васъ, съ достойнѣйшею супругою вашею, въ гостиную;—а я пока то или другое.... скоро возвращусь.

Гости ушли въ указанную дядюшкой комнату. Лука Ивановичъ при помощи лакея побрелъ мелкими шагами въ спальню.

— Несчастный братъ, сказалъ тихо, вздыхая Кириллъ Ивановичъ, видно казнь Божья, давящая своею тяжестью нашу фамилію за грѣхи прародителей, явилась на немъ.

— Мы пріѣхали гораздо раньше, нежели Лука Ивановичъ узналъ, что мы намѣрены у него быть сегодня, кажется, что онъ насъ не ожидалъ сегодня.

— Весьма можетъ быть, сказалъ Кириллъ Ивановичъ и призадумался. Десятилѣтнимъ мальчикомъ я его оставилъ въ Рѣшетиловкѣ, продолжалъ Кириллъ Ивановичъ, а теперь въ этомъ разрушающемся человѣкѣ едва-едва могу признать брата. Встрѣча эта меня много опечалила. Существуетъ еще удальство въ Малороссіи—пить мировую чашу. Это называется козачествомъ, запорожщиною, лицерствомъ, тѣми же самими, которые не знаютъ лучшаго наслажденія, какъ бражничество такое,

которое каждаго изъ своихъ адептовъ обращаетъ въ четвероногое животное.

Кириллъ Ивановичъ былъ очень сконфуженъ передъ своей женой, молодой и прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ женщиной. Женщина эта очень хорошо понимала положеніе мужа и не могла никакъ скрыть къ нему своего участія.

Уліана Осиповна съ пріѣзда гостей бросилась ничкомъ на постель и лежала тамъ безъ движенья до входа Луки Ивановича. Просьбы Луки Ивановича, окачивавшаго свою голову холодной водой, лестныя его обѣщанья, согласье исполнять всѣ желанія тетушки, заставили Уліану Осиповну подняться съ постели и гордо съ недовольной миной явиться въ гостиную.

Кириллъ Ивановичъ при первомъ появленіи тетушки завоевалъ мгновенно ея расположенность. Завоеваніе вниманія тетушки было сдѣлано тѣми средствами, на которыя петербургскій гость, по своей солидности, вовсе не расчитывалъ.

Не успѣла Уліана Осиповна перешагнуть черезъ порогъ гостиной, какъ Кириллъ Ивановичъ въ новомъ вицъ-мундирѣ, въ бѣломъ галстукѣ, украшенномъ анненской лентой съ орденомъ, ниже котораго на зеленой лентѣ сіялъ орденъ Льва и Солнца, привсталъ съ дивана и вмѣстѣ съ женой встрѣтилъ тетушку внимательнымъ взглядомъ и поклономъ.

Такой чести не воображала Уліана Осиповна

и стала въ тупикъ, опустя руки, не зная, что́ ей дѣлать и что́ говорить.

Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ тетушкѣ и поцѣловалъ ея руку. Послѣ этого представилъ ей свою жену, разсыпался въ учтивостяхъ и просилъ Уліану Осиповну обласкать Амалію Францовну какъ родную и оказать ей родственную пріязнь.
— Покорнѣйше прошу садиться, пролепетала Ульяна Осиповна въ самомъ ласковомъ тонѣ. Усѣвшись возлѣ Амаліи Францовны, тетушка съ любопытствомъ глядѣла на нее прямо въ глаза, и видно было, что она противъ своихъ правилъ восхищается красотой хорошенькой дамочки.

Амалія Францовна очень скоро очаровала Ульяну Осиповну своею любезностью. Находчивая гостья при первыхъ словахъ Ульяны Осиповны замѣтила, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и завязала самый неистощимый разговоръ о домашнемъ хозяйствѣ, соленьи огурцовъ, арбузовъ, грушъ и проч., предоставя хозяйкѣ блеснуть спеціальными свѣдѣніями по этой прозаической части, произведенія которой нравятся не только важнымъ историкамъ и философамъ, но и парящимъ за облаками поэтамъ. Наговорившись досыта, Ульяна Осиповна хотѣла уйдти распорядиться обѣдомъ для рѣдкихъ необыкновенныхъ и учтивыхъ гостей; но Лука Ивановичъ продолжалъ обливаться холодной водой. Онъ не воображалъ, что явится чрезъ нѣсколько лѣтъ Присницъ съ введеніемъ той методы, которую

онъ самъ употребляетъ довольно часто безъ объявленій о пользахъ обливаній.

Послѣ обливаній начался продолжительный туалетъ. Послѣ туалета дядюшка потребовалъ гофманскихъ капель. Разсердясь, что ихъ не нашли, онъ велѣлъ подать спиртъ и, съ досады, выпилъ залпомъ пивной стаканъ. Ульяна Осиповна терзалась, что Лука Ивановичъ долго не выходитъ. Отлучиться она отъ такихъ любезныхъ родственниковъ не хотѣла, а между тѣмъ чувствовала, что безъ ее будень (пудингъ) кухарка испортитъ, что у кухарки есть замашка, манеръ унизить хозяевъ передъ гостями, что ее нужно передъ обѣдомъ побить.

Запятнатъ свою репутацію неудачнымъ соусомъ, заслуживъ это отъ Амаліи Францовны справедливо, считала тетушка величайшей для себя непріятностію.

Чего добраго, шептала тетушка, черезъ одну кухарку подумаетъ Амалія Францовна, что я на словахъ якъ на гусляхъ, а на дѣлѣ якъ на болабайкѣ! Пойду и вцѣплюсь ей прямо въ волосы, что бы знала какъ готовить. При своемъ мужѣ кухарѣ, готовила же отлично; а безъ него, такъ я сама должна идти ей разсказывать.

Тетушка кипѣла гнѣвомъ.

Съ мокрой головой, ведя за руку оробѣвшаго Павлушу, показался Лука Ивановичъ и, остановясь на порогѣ, выбралъ мѣсто, гдѣ бы ему усѣсться,

оправился и сѣлъ на ближайшемъ стулѣ. Тетушка рысью бросилась изъ гостиной и пролетѣла черезъ дворъ въ кухню, принеся съ собой матеріалы для рыданій и проклятій.

— Это есть племянникъ нашъ Павлуша, сказалъ Лука Ивановичъ, указавъ на стоявшаго съ потупленнымъ взглядомъ мальчика брату Кириллу Ивановичу.

— Премиленькій мальчикъ, сказала Амалія Францовна, подошла къ Павлушѣ, обласкала его и поцѣловала въ голову.

— Ну, я думалъ, началъ КириллъИвановичъ, притягивая Павлушу къ себѣ, что онъ гораздо больше.

— Онъ конечно еще младъ; но въ наукахъ достаточный успѣхъ оказалъ.

— И прекрасно, прекрасно, сказалъ лаская Павлушу Кириллъ Ивановичъ, кто тебя, дружокъ мой, училъ дома?

— Domine Солопіевскій.

— Солопіевскій? Должно-быть, семинаристъ.

— Философъ на второмъ курсѣ переяславской семинаріи.

— А. . . сказалъ, искривясь, Лука Ивановичъ; это семинарія....

— Семинаристъ. Ну, скажите, пожалуйте, братецъ, неужели и теперь берутъ дворяне въ дома учителями семинаристовъ?

— Конечно берутъ, отъ невозможности въ такую низкую должность сыскать порядочнаго человѣка.

— Мнѣ кажется, что должность учителя важна и почтенна, сказалъ улыбнувшись Кириллъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, братецъ, я этого не думаю; посмотрите, кто порядочный пойдетъ въ учителя? Я взялъ первый разъ на каникулы эту семинарію и чрезъ четыре недѣли чуть его не высѣкъ. Все было готово, но я опомнился. Проѣхавъ же въ Переяславь послѣ каникулъ, обрадовался; ибо тотъ самый Солопіевскій, котораго я было хотѣлъ обидѣть, помогъ мнѣ во всѣхъ дѣйствіяхъ при опредѣленіи Павлуши въ семинарію. Сколько трудовъ я принялъ! Господи!

— Такъ Павлуша семинаристъ?

— Семинаристъ-граматикъ! произнесъ гордо Лука Ивановичъ.

— Но Нѣжинъ? Скажите, отчего вы не отдали Павлушу въ Нѣжинъ?

— Развѣ близкій путь? 180 верстъ, да и плата въ городѣ чужой губерніи будетъ несравненно дороже. Доходы же теперь такіе, что и сказать страшно. Представьте: за четверть ржи девяносто копѣекъ, что равняется девятнадцати пятакамъ *).

— Гдѣ же учитель Павлуши?

— А, уѣхалъ въ Переяславль получить увольненіе на тотъ конецъ, чтобы и освободившись заняться въ моемъ домѣ Павлушей и преподать ему еще нѣкоторыя новыя науки.

*) Около 27 коп. сер.

— Онъ скоро возвратится?

— Нѣтъ, тутъ Лука Ивановичъ нагнулся къ брату и шопотомъ, слышнымъ даже въ другой комнатѣ, произнесъ: не воротится эта семинарія, я устроилъ дѣло такъ, что его сошлютъ оттуда на край свѣта.

— Какъ же Павлуша останется?

— А какъ? Я самъ стану его учить. Не даромъ же меня учили: припомню, что̀ зналъ, достану книгъ, и увидите, что выучу его многому получше любаго учителя.

— Научишь ты его, думалъ Кириллъ Ивановичъ и прибавилъ вслухъ: жаль мальчика, кажется, онъ съ толкомъ и изъ него вышло бы что-нибудь порядочное, ежели бы попался онъ прежде въ руки человѣку достойному и способному образовывать юношей. Петербургскіе гости болѣе и болѣе обласкивали Павлушу и поминутно увеличивали къ нему родственныя ласки. Осмысленное выраженіе острыхъ глазъ робкаго Павлуши говорило много въ пользу его—дикаго питомца семинаріи.

— Вы, милостивая государыня, любезнѣйшая сестрица, обратился Лука Ивановичъ къ петербургской гостьѣ, проэкзаминуйте-ка немножко Павлушу. Спросите его хоть о томъ предметѣ, за который первые человѣки были изгнаны изъ Едема. Онъ право хватитъ! Хвати Павлуша съ объясненіями! Амалія Францовна улыбнулась, взглянула на своего мужа, который очень равнодушно вер-

тѣлъ круглую цимермановскую шляпу въ рукахъ и не отвѣтилъ Лукѣ Ивановичу ни слова.

— Вы, братецъ, какъ истинный Малороссъ, любите, кажется, пошутить.

— Отчасти. Не конфузьтесь, любезнѣйшая сестрица, спросите его о семъ или другомъ въ родѣ этого предмета, право онъ хватитъ. Павлуша улыбался и уже не такъ робко смотрѣлъ въ прекрасные сѣверные глаза тетушки. Ожидалъ онъ отъ нея вопроса и готовился отвѣчать. Человѣкъ доложилъ, что кушанье на столѣ. Ульяна Осиповна просила пожаловать кушать, извиняясь, что она не ожидала такихъ дорогихъ гостей, а угоститъ ихъ, чѣмъ Богъ пошлетъ.

Кушанье смѣнялось кушаньемъ и конца имъ не было.

При всякомъ новомъ блюдѣ Ульяна Осиповна наблюдала, какое впечатлѣніе производило оно своимъ появленіемъ.

Обѣдъ, страшившій своею безконечностію гостей, къ ихъ удовольствію кончился.

Петербургскіе родственники въ простотѣ своей думали, что насильственное кормленіе обѣдомъ окончилось, но они жестоко ошиблись. Гости, вставъ изъ-за стола, отправились съ хозяевами въ гостиную. Среди гостинной ломился столъ подъ бременемъ сладостной ноши. Всѣхъ лакомствъ должны были гости отвѣдать хорошенько и объявить о нихъ Ульянѣ Осиповнѣ свое мнѣніе. Петербургскіе го-

спода ѣли, боясь за свое здоровье, и принуждены были еще выпить по чашкѣ кофею съ густыми, какъ сметана, пѣнками, наложенными собственноручно Ульяною Осиповною каждому гостю порознь.

Такое угощеніе походило на умыслъ: уморить гостей индижестіей. Малина въ сахарѣ, кіевскіе цукаты и домашніе маковики съ жареными вергунами и орѣшками съ бузиной, вареной въ меду, не должны были лишиться вниманія гостей. Гости хотя съ усиліемъ съ ихъ стороны, но къ удовольствію хозяевъ всего отвѣдали.

Только передъ заходомъ солнечнымъ гости, начиненные яствами и закусками, выбрались изъ Раковой-Балки, соболѣзнуя о грустномъ обычаѣ цѣлый день ѣсть и запихивать кушаньями гостей, хотя бы, они были сыты. Прощаясь, петербургскіе гости просили пожаловать къ нимъ дядюшку съ тетушкой въ Пожарища послѣ-завтра.

Не успѣли гости выѣхать за ворота, какъ Уліана Осиповна вбѣжала въ комнату Луки Ивановича, стала передъ нимъ Бобелиной и закричала: осрамили вы меня! Обезчестили меня, передъ такимъ важнымъ родствомъ, пришлось мнѣ, по вашей милости, у сирка очей позычать!

— Satis! Довольно, сказалъ тихо дядюшка и собирался уйдти изъ спальни; но въ такихъ случаяхъ отъ тетушки трудно было отдѣлаться. Она загородила дядюшкѣ дорогу.

— Пустите меня, сказалъ съ неудовольствіемъ Лука Ивановичъ, я занятъ важными дѣлами.

— Какими тамъ дѣлами?

— Важными. Думаю о братѣ и о его женѣ, которая ни чуть не хуже нашихъ знатныхъ барынь.

— Да, говорятъ она мѣщанка, пусть такъ; но сравнится ли съ нею столбовая дворянка? Амалія Францовна умна, ласкова, разговорчива. Куда годятся наши? Годи!

— Я думаю, что и въ самой столицѣ, мѣстѣ, чудесъ и великолѣпія преисполненномъ, такихъ особъ, какъ сія, мало отыщется. Это сказать бѣла, какъ снѣгъ, и щеки роза.... чистѣйшая!

— А что вы думаете? Вѣрно теперь такой тамъ нѣтъ? Воскликнутъ всѣ наши о ея дивной красотѣ, и гордая жена маршала, женщина красоты тоже замѣчательной, должна отстать далеко отъ сей дѣвицы, поятой въ супружество братомъ моимъ Кирилломъ Ивановичемъ.

— А видѣли ли вы маршальшу?

— Она есть божественна.... Узрѣлъ ее мелькнувшую чрезъ другую комнату. Платье ея, легкости воздухоподобной, зашумѣло. Я туда; но она исчезла, оставя послѣ себя запахъ гофманскихъ капель, да не тѣхъ, которыя разносятъ чесарцы, а такія точно, какъ, помните, Порховнячка для васъ привозила изъ лубянской аптеки.

— Такъ. То были духи, а не капли. Скажите мнѣ, правда ли, спросила тетушка таинственно, что маршалъ нашъ, говорятъ, голомозый?

— Не знаю. Волосъ на головѣ у него много.

— Да онъ въ парикѣ.

— Да нуте бо....

— Ей-Богу, говорятъ жена не скоро узнала, что онъ въ парикѣ, заплакала и просила показать голову.

— Ну, что же?

— Долго не соглашался, но тронулся слезами жены. Вѣдь слезы, да еще хорошенькой женщины, хоть кого разжалобятъ. Снялъ передъ ней парикъ и сталъ на колѣни. Смотри, говоритъ, когда хотѣла видѣть! Вотъ, говоритъ, какой я въ натурѣ! Жена плюнула въ сторону, сказала нѣсколько словъ по нѣмецки да со смѣху повалилась на диванъ.

— Это штука! Какъ же я то этого не замѣтилъ? Но впрочемъ, лысая голова не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ умнымъ?

— Конечно. Замѣтьте, умныя головы почти всѣ лысыя, а вотъ у кого волосъ много, вотъ какъ у васъ, напримѣръ.... то и выходитъ.... О чемъ это вы думаете?

— О женѣ брата. Вотъ такую бы мнѣ поять въ супружество, проговорилъ дядюшка и вспомнилъ, что Уліана Осиповна ему этого ни подъ какимъ видомъ не спуститъ.

— Шкода, Лука Ивановичъ, отвѣтила тетушка, вы даже такой, какъ я, недостойны.

— Почему?

— И будто вы сами не знаете этого? Вамъ бы все пить, чтобъ и минуты не быть трезвымъ. Я не помню, когда вы бываете трезвы? Когда вы похожи на порядочнаго мужа?

— Теперь не то время. Прежде сего пользовался я благополучіемъ, и неоднократно убѣждалъ васъ, что есмь homo; теперь совсѣмъ другое, не здывуйте! Доказать этого не имѣю способовъ.

— Прошу васъ, Лука Ивановичъ, ложитесь пораньше спать. Не пейте по крайней мѣрѣ завтра цѣлый день; а послѣ-завтра непремѣнно поѣдемъ къ брату. Пусть хоть одинъ разъ я за васъ не стану страдать и терзаться.

— Хорошо. Но каково то они насъ пріймутъ послѣ полученія письма, написаннаго мною подъ вашу диктовку?

— Ахъ! вскричала тетушка, всесвятые чудотворцы печерскіе! Забыла же я про это проклятое письмо! Что̀ будетъ, когда эти достойные люди прочтутъ!... Что я, сумасшедшая, сдѣлала?

— Перепичка вернувся назадъ, произнесла радостно ключница, услыша безпокойство барыни.

— Изъ Пожарищъ?

— Нѣтъ. Онъ туда не доѣхалъ.

— Какъ? вскричали дядюшка съ тетушкой вмѣстѣ.

— Такъ, говоритъ, что его въ дорогѣ разбой ограбывъ. Голисенькій пришелъ сюда, какъ только что стемнѣло.

— Голисенькій? спросила радостно тетушка и, перекрестясь, возгласила очень набожно: благодарю тебя, Мати моя Владычице! Вѣрно записку принесъ онъ назадъ.

— Нѣтъ, потерялъ дорогой, говоритъ, проситъ, чтобы другую дали.

— Другой ненужно. Пріищите же вы мнѣ сію минуту платье для Никиты; пусть онъ въ немъ дойдетъ домой, а изъ дому, чтобы возвратилъ тому, у кого будетъ зазычено.

Ключница ушла и господа скоро сѣли ужинать. Окна, выходившія въ садъ, были растворены. Пріятная прохлада вѣяла послѣ жаркаго дня въ окна. Тетушка нѣсколько разъ начинала говорить съ дядюшкой, но тотъ молчалъ или смѣялся совершенно ни къ селу ни къ городу.

— Что вы такъ странно смѣетесь, спросила Луку Ивановича тетушка и тогда только примѣтила, что онъ ничего не ѣлъ, а украдкой смотрѣлъ въ окно и жестами съ кѣмъ-то переговаривался.

Къ концу ужина глаза дядюшки налились кровью, онъ схватывался со стула, вздрагивалъ и порывался уйдти въ спальню; но тетушка его удерживала.

Ульяна Осиповна не понимала, что съ нимъ происходило. Предлагала она ему выпить мятной водки съ перцемъ и прованскимъ масломъ; но дя-

дюшка странно захохоталъ, всталъ изъ-за стола и убѣжалъ въ спальню.

— Вѣрно возвратилась прошлогодняя болѣзнь, произнесла тетушка и пошла тоже за Лукой Ивановичемъ въ спальню.

Тетушка полагала, что болѣзнь Луки Ивановича не серьезная, тѣмъ болѣе, что она проходила черезъ нѣсколько дней и возвращалась черезъ годъ; три раза уже Лука Ивановичъ ей подвергался.

— Ничего, ничего, шептала тетушка, подуруете и перестанете! Ложитесь-ка спать! Ошиблась на этотъ разъ тетушка. Больной дрожалъ въ постелѣ, и холодный потъ струился по его красному, раздувшемуся лицу.

Смутные признаки продолжали носиться передъ дядюшкой, заставляли его метаться въ постелѣ, прятать голову подъ подушку и произносить невнятныя слова, мольбы, просьбы и проклятія.

Короче сказать: Лука Ивановичъ допился до чертиковъ. Въ этотъ разъ они явственно ему представлялись. Еще за ужиномъ эти господа привѣтливо манили въ садъ дядюшку, показывая ему бутыль величиной съ сельскую колокольню и рюмку съ колоколъ.

Смекнулъ Лука Ивановичъ, что старые знакомые не даромъ въ этотъ разъ приглашаютъ его въ окно и убрался изъ-за ужина въ спальню.

Теперь, прошу покорно, разрѣшить мнѣ, отчего человѣку высшаго образованія и самому грубому

невѣждѣ, спившемуся скруга, грезятся непремѣнно чертки и по одиночкѣ, и даже группами, какихъ не поставилъ бы самый лучшій хореграфъ большой парижской оперы?

Почему люди, спившіеся, не бредятъ другими явленіями, сопровождающими разстроенное воображеніе горячечнаго? Видятъ они всѣ чертиковъ и непремѣнно въ такомъ видѣ, въ какомъ представляетъ ихъ людское повѣрье.

Я зналъ кандидата правъ, занимавшаго шестилѣтіе мѣсто предсѣдателя уголовной палаты; слушалъ профессора, читавшаго нравственную философію и увлекавшаго чтеніемъ всю аудиторію. Видѣлъ секретаря градской думы и учился ружейнымъ пріемамъ у младшаго вахмистра 2-го эскадрона полка, въ которомъ имѣлъ честь служить. Всѣ эти четыре лица были страшные пьяницы и допивались нѣсколько разъ до чертиковъ. Они въ припадкахъ то ловили ихъ руками, то прогоняли ихъ отъ себя; вели даже съ ними пріятные разговоры, ужасались ихъ, и были въ болѣзни равно страшны и жалки.

Въ этотъ разъ Лука Ивановичъ наполнилъ домъ ужасомъ. Собирался дядюшка куда-то уходить, и Ульяна Осиповна должна была призвать людей, чтобы держать дядюшку на кровати. Больной представлялъ, что черти хотятъ протянуть его сквозь потолокъ, утопить, и въ той самой бутылкѣ, какую ему въ окно показывали.

Докторъ для дядюшки сдѣлался очень необходимъ, хотя Лука Ивановичъ, отъ своего рожденія, лѣкарства ни одного разу не принималъ и ни одинъ докторъ къ нему никогда не дотрогивался.

За докторомъ послали дрожки; но пока человѣкъ отыскалъ его въ городѣ, пока докторъ собрался ѣхать, пока доѣхалъ да вошолъ къ паціенту въ комнату, глаза дядюшки смотрѣли уже въ одну точку, лицо посинѣло. Дыханіе сдѣлалось тяжелое и прерывистое.

— Эге! сказалъ себѣ подъ носъ докторъ, вотъ какой больной человѣкъ. А подайте-ка мнѣ скорѣй мой сундучекъ.

Сундучекъ, снятый съ дрожекъ, принесли осторожно. Ключница поставила его на столъ среди залы. Докторъ повынималъ изъ него все, что тамъ было и взялъ въ руки старую въ черномъ кожаномъ переплетѣ книгу. Очень спокойно усѣлся докторъ у окна и началъ перелистывать книгу, разсматривать и прочитывать кое-какія статьи. Нѣсколько минутъ внимательнаго чтенія пробудили уснувшія познанія уѣзднаго врача. Какъ обваренный кипяткомъ, вскочилъ онъ и закричалъ, ударивъ себя кулакомъ въ лобъ: Ахъ! я скотина! Ему нужна венесенція! Бубликовъ! Бубликовъ! кричалъ докторъ, выбѣжавъ на крыльцо, и заспанный фельдшеръ явился.

— Сію минуту венесенцію. Докторъ съ фельдшеромъ вошли въ спальню.

— Сударыня! сказалъ докторъ, вашему супругу нужно кровь открыть. Докторъ былъ убѣжденъ, что кровопусканіе теперь никакой пользы не принесетъ; но чтобы даромъ не проѣздиться, онъ рѣшился на венесекцію.

— Не опасно ли будетъ кровопусканіе? спросила Ульяна Осиповна. — Лука Ивановичъ никогда въ жизни себѣ крови не открывалъ.

— Нѣтъ, не опасно, сказалъ съ приличной улыбкой докторъ тетушкѣ, — а ты, шепнулъ онъ Бубликову, дѣлай свое.

Бубликовъ мигомъ перевязалъ руку дядюшки покромкой изъ краснаго сукна и заржавленнымъ ланцетомъ началъ щелкать такъ, что въ другой комнатѣ было слышно. Кровь не показывалась.

— Охъ! вскричала тетушка, закрывая бѣлымъ платкомъ глаза и опускаясь въ кресло: ему больно! больно! Охъ! больно!

— Сударыня, не безпокойтесь, началъ опять съ той же улыбкой докторъ, ему теперь ни мало не чувствительно, слѣдовательно и не больно. Правду сказать, супругъ вашъ находится въ такомъ положеніи, что знанія наши, какъ ни обширны, какъ ни богаты, а въ отношеніи настоящаго остаются большею частію бѣдны и немощны.

Тетушка рыдала, закрывъ глаза.

— Бубликовъ! Довольно. Ну-ка еще изъ лѣвой руки.

Бубликовъ началъ щелкать въ жилу лѣвой руки.

Кровь не показывалась.

— Возвратить Луку Ивановича, продолжалъ докторъ надъ самымъ ухомъ тетушки, къ отправленію жизненнаго процесса не только немножко трудно, даже не совсѣмъ возможно.

— Ахъ! я несчастная! не пугайте меня.

— Ничего-съ. Нервы супруга вашего, это правда, нѣсколько минутъ назадъ, были еше въ нѣкоторой возможности оказывать процессъ начинающагося омертвѣнія; нынѣ же самый искусный врачъ ничего не поможетъ. Бубликовъ, довольно, сказалъ громко докторъ усердному фельдшеру и продолжалъ надъ ухомъ тетушки:—какъ ни драгоцѣнна бываетъ намъ жизнь другихъ, а своя въ особенности драгоцѣннѣе чужой, но бываютъ минуты, въ которыя мы должны разстаться не только съ драгоцѣнными намъ особами, но даже и сами съ собою.

— Ахъ! сказала тетушка и продолжала рыдать,— помогите ему, ради Творца!

— Невозможно , сказалъ докторъ,—мое знаніе воскресить его не можетъ; короче сказать, около получаса, какъ онъ находится въ мертвенномъ состояніи.

— Умеръ! закричала Уліана Осиповна и ту же минуту вытерла свои глаза.

Плачъ не помогъ бы ей воскресить мужа; присутствіе духа нужно было сохранить при распо-

ряженіяхъ; поэтому тетушка рѣшилась побѣдить печаль свою и не плакать.

Пока Лука Ивановичъ жилъ, тетушка жалѣла его и даже любила по привычкѣ; но его смерть пробудила Ульяну Осиповну къ другимъ желаніямъ и она успокоилась, поддерживая только въ необходимыя минуты печальное состояніе духа.

Докторъ уѣхалъ.

Незамѣтно прошелъ день. Вечеромъ просили Кирилла Ивановича пожаловать завтра на выносъ тѣла.

Дришпаниха, не умирающая амфибія, и еще три старыхъ дѣвицы, въ родѣ воронъ, сидящихъ на крышахъ городскихъ боенъ, по первому извѣстію явились порядковать. Въ два часа было сшито тетушкѣ траурное платье и чепецъ.

Передъ выносомъ тѣла явился утѣшать тетушку Кириллъ Ивановичъ съ женой. Послѣ обѣдни и панихиды въ церкви, Луку Ивановича похоронили въ углу церковнаго цвѣнтаря близъ могилъ: Ивана Ивановича Довбни и Максима Ивановича.

Поминки были богаты ястіемъ и питьемъ, священство явилось чуть ли не съ половины цѣлаго полсвѣта. Послѣ поминовенія оно все уѣхало на повозкахъ, наполненными кнышами, пирогами и всѣми возможными благами міра сего.

—

ГЛАВА IV.

Девять недѣль прошло со дня смерти Луки Ивановича, и тетушка опять собиралась поминать дядюшку, потому что ключница докладывала ей о снахъ, повторившихся двѣ ночи сряду.

Снилось ключницѣ, будто бы Лука Ивановичъ, живинькій, приходилъ къ ней въ кладовую и сказалъ, что пить ему на томъ свѣтѣ довольно, а вотъ покушать тамъ совсѣмъ нечего. Вслѣдствіе этого знаменательнаго многимъ сна, хотя обѣдъ предполагали сдѣлать въ скоромный день, а послали къ Днѣпру за свѣжей рыбой. Лука Ивановичъ любилъ очень рыбу и былъ во многомъ на нея похожъ, только разительно отличался тѣмъ, что вмѣсто воды пилъ водку. Въ продолженіи девяти недѣль тетушка, каждый вечеръ и каждое утро, въ сопровожденіи ключницы ходила на кладбище и, помолившись на могилѣ мужа, выслушивала всѣ сплетни, какія разсказывала ей ключница.

У тетушки, кромѣ пріятнаго личика и привлекательнаго сложенія, было еще кое что не вредное—денежки.

Денежки очень пригодились молоденькой вдовушкѣ, способной сдѣлать еще порядочную партію.

Только та была бѣда, что Ульяна Осиповна затруднялась взять деньги изъ кладовой, куда запрятала цѣлыя кипы ассигнацій, завернувъ ихъ прежде въ сахарную бумагу и связавъ веревочками изъ валу.

Въ самую темную ночь отправилась тетушка, подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ, въ кладовую. Ключница не оставляла барыни даже на минуту одной, и послѣдовала за ней.

— Охъ! ключи свои я забыла, сказала тетушка женщинѣ, бѣги—пошукай хорошенько.

Пока ключница искала по всему дому ключей, тетушка вынула изъ сундука тысячъ двадцать пять, напихала ими свои два глубокіе кармана и, заперевъ кладовую, возвратилась въ домъ.

— Дуря! сказала смѣясь тетушка ключницѣ. —Ключи оставались въ карманѣ у меня, а ты ихъ искала въ горницахъ.

— То такъ и буде, сказала, улыбаясь, ключница.

— Ну ляжемъ же теперь спать спокойно.

— Тай ляжемъ.

Тетушка никогда еще такъ покойно не спала, какъ соснула теперь. Она чувствовала свою сво-

боду, имѣла порядочныя деньги, была здорова, свѣжа и очень недурна собой.

Лука Ивановичъ мало заботился о состояніи жены своей, на случай если ему прійдется раньше ея умереть; тетушка же полагала, что дядюшка проживетъ Маѳусаиловы лѣта, да еще честнымъ образомъ и ее похоронитъ; не смотря на все это, тетушка глядѣла въ будущее и благополучіемъ своего состоянія обязана себѣ одной. Что она имѣла въ своихъ рукахъ значительныя деньги, никто этого не зналъ. Предлогъ же выказать свою бѣдность предъ Кирилломъ Ивановичемъ былъ явный. Вдова—ни роду ни племени.

— Я буду вѣчно несчастна, сказала Уліана Осиповна Кириллу Ивановичу,—ежели вы не позволите мнѣ взять кое-какой движимости. Она моя вся. Лука Ивановичъ, женившись на мнѣ и видя, что дѣтей у насъ быть не можетъ, все свое скотоводство подарилъ мнѣ.

— Я не буду препятствовать, сказалъ Кириллъ Ивановичъ,—брать все то, что Лукою Ивановичемъ при жизни своей подарено.

Тетушка прослезилась и обняла Кирилла Ивановича. Спустя недѣлю продала она лошадей, воловъ, коровъ и овецъ. Капиталъ ея увеличился еще десятью тысячами руб.

Поцѣловавъ Павлушу въ голову, Ульяна Осиповна передала его въ руки Кириллу Ивановичу, а сама въ экипажѣ, съ дорогимъ баульчикомъ въ

ногахъ, поѣхала въ Кіевъ на постоянное жительство, умолять кіевскихъ чудотворцевъ о упокоеніи души раба Божія Луки.

Полу-разграбленная Раковая-Балка поступила въ опекунское завѣдываніе Кирилла Ивановича. Павлуша жилъ съ отъѣзда Ульяны Осиповны въ Пажарищахъ къ большой радости Кирилла Ивановича и Амаліи Францовны.

Пріѣхавши въ Кіевъ, Ульяна Осиповна наняла хорошенькую квартиру, попріодѣлась, стала усердно поклоняться кіевскимъ чудотворцамъ, служить акафисты, молебны, раздавать нищимъ милостыну, и Господь обрадовалъ ее толпой искателей. Было ихъ у ней чуть-ли не двѣ дюжины; но больше всѣхъ понравился ей совѣтникъ гражданской палаты, подававшій умные совѣты, кому слѣдовало, какъ побольше брать съ челобитчиковъ денегъ да прятать въ дѣлахъ концы такъ, чтобы и самый умный стряпчій не прицѣпился.

Для Павлуши въ домѣ Кирилла Ивановича открылся новый свѣтъ. Амалія Францовна, жена безгнѣвная, хозяйка рѣдкая, почти не разлучаясь съ племянникомъ, проводила съ нимъ цѣлый день и развивала его ребяческія понятія.

Трудно было узнать Павлушу: такъ онъ измѣнился въ обществѣ образованныхъ супруговъ, занимавшихся имъ, какъ собственнымъ сыномъ. Сирота, выросшій въ грубомъ семействѣ, начавшій учиться въ школѣ, гдѣ царствовала схоластика объ

руку съ грубымъ невѣжествомъ, въ домѣ дяди Кириллы Ивановича переродился душой отъ попеченія, пониманія, любви и желанія вкоренить добрыя начала вмѣсто прежнихъ, завязывавшихъ глаза и уши на всю жизнь.

Разоренныя Пожарища, бывшія нѣсколько лѣтъ въ рукахъ прикащиковъ, спавшихъ и гулявшихъ вмѣстѣ съ крестьянами, воспрянули къ жизни, дарованной имъ новымъ дѣятелемъ. Въ самое короткое время приняли они новое устройство и отчетливое управленіе.

Старый домъ, размытый непогодами и разнолзшійся, какъ раздавленная черепаха, палъ подъ быстрыми, купленными ударами русскихъ плотниковъ.

Къ осени, какъ изъ земли выросло господское помѣщеніе. Дикая роща превратиласъ въ англійскій садъ. Тѣнистый ручеекъ, слезившій полстолѣтія, закипѣлъ свѣтлой струей по углубленному руслу. Берега его засвѣжѣли бархатной травой. Во всю ширину двора вытянулся рядъ службъ. Крестьянскія избы, стоявшія какъ попало, стали порядкомъ. Гумны господскія загромоздились скирдами хлѣба, скотный дворъ отличными породами. Трудъ и дѣятельность возбудили въ крестьянахъ новыя силы, а съ этимъ новыя потребности. Поняли крестьяне скоро старанія владѣльца, знали, что они ведутъ къ хорошимъ результатамъ и радовались улучшившемуся ихъ положенію. Пожа-

рища для тѣхъ, кто бывалъ въ Германіи, напоминали собой одну изъ деревенекъ, на правомъ берегу Рейна, по дорогѣ изъ Праги въ Дрезденъ. Уютно, удобно, чисто и безъ особенныхъ затѣй, (за которыя часто вносится полъ жизни процентовъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ), были обстроены Пожарища. Хозяйство шло въ нихъ безъ отягощенія крестьянъ, безъ дернорѣзокъ, корнерѣзокъ, крышъ и надписей, бывающихъ большею частію на пустыхъ амбарахъ; безъ экономической конторы, безъ дюжины наемныхъ писарей и тѣхъ затѣй, которыми такъ краснорѣчиво угощаютъ насъ господа, читающіе публичныя лекціи агрономіи, преисполненной теоріи, пройденной ими въ тиши кабинетной. Слѣпцы! При всходахъ яроваго хлѣба они не отличатъ ячменя отъ пшеницы! Старые хозяева удивлялись, какимъ образомъ петербургскіе жители, пріѣхавши въ Малороссію, такъ быстро перещеголяли ихъ устройствомъ хозяйства.

Между тѣмъ Кириллъ Ивановичъ не забывалъ о воспитаніи племянника, который поступилъ подъ надзоръ Француженки, не молодой и вертлявой, но пожилой и такой, которая имѣла свой характеръ и правила.

Изъ Дерпта выписали учителя въ лицѣ двадцати пяти-лѣтняго кандидата правъ, Отто Адамовича Фейхте.

Серьезный Нѣмецъ принялся за Павлушу и началъ развивать его способности очень быстро.

Этотъ учитель самое короткое время посвящалъ отдыху, отправляясь на охоту съ ружьемъ и любимцемъ своимъ цвей-носомъ Гекторомъ въ ближайшій лѣсъ или на болото, покрытое дупелинами кочкарниками, большую же часть дня занимался съ Павлушей.

Рѣдко возвращался Фейхте безъ ягдташа, наполненнаго дичью. Въ праздничные дни Кантъ и Гегель составляли его любимое чтеніе, ложась спать послѣ ужина, онъ долго не выпускалъ изъ рукъ Новелиса. Самую нѣжную привязанность питалъ Фейхте къ своей старушкѣ-матери; писалъ онъ къ ней еженедѣльно и часто ее вспоминалъ. Фейхте былъ постоянно серіозенъ, и Павлушѣ одному случалось примѣтить тѣнь улыбки на рыцарскомъ профилѣ учителя только тогда, когда онъ, довольный своимъ Гекторомъ, убивалъ изъ-подъ его мертвой стойки безъ промаха дюжину вальдшнеповъ.

Какая величайшая разница между исчезнувшимъ domine и Фейхте! Павлуша не желалъ вспоминать Солопіевскаго, чтобы въ мысляхъ не равнять его съ ученымъ, нравственнымъ и серьезнымъ Нѣмцемъ, и представить въ дурномъ видѣ domine.

Кириллъ Ивановичъ поддерживалъ знакомство съ сосѣдями и сдѣлалъ визитъ маршалу.

Маршалъ былъ уже не тотъ, къ которому ѣздилъ Лука Ивановичъ благодарить за медаль, а другой, извѣстный въ цѣлой губерніи тѣмъ, что, бывъ избранъ въ повѣтовые маршалы, явился къ военному губернатору съ двумя дрофами въ рукахъ и произнесъ: кланяюсь вамъ, ваше сіятельство, дрохвичами!

Губернаторъ улыбнулся добродушію маршала и послѣ этого называлъ его при своей семьѣ не иначе какъ: un homme à l'outarde. Маршалъ, сохранивъ запорожскія привычки, развивалъ ихъ при аплодисментахъ нѣсколькихъ бѣдняковъ, проживавшихъ у него на хлѣбахъ и на неудовольствіяхъ и составлявшихъ каждое трехлѣтіе нужный при избраніи его въ маршалы баластъ. Кирилла Ивановича встрѣтилъ маршалъ среди залы. Узнавъ, что гость бригадиръ, хозяинъ разсыпался въ учтивостяхъ, усадилъ дядюшку на первое мѣсто, и началъ передъ нимъ ругать губернію и пачкать уѣздъ.

Исполнивъ это довольно отчетливо, маршалъ добрался до сосѣдей и не оставилъ почти ни одного изъ нихъ въ покоѣ. Того назвалъ голымъ, другаго босымъ, третьяго дурнемъ, четвертаго піяницей и ябедой. Выше всѣхъ по достоинствамъ поставилъ маршалъ Кирилла Ивановича и пилъ за обѣдомъ его здоровье. Явная лесть хозяина заставила гостя скорѣе уѣхать домой, и дядюшка, простясь съ маршаломъ, убрался. Одѣваясь въ пе-

редней Кириллъ Ивановичъ слышалъ, какъ тотъ же самый маршалъ осуждалъ его передъ тѣмъ гостемъ, котораго выставилъ прежде дядюшкѣ личнымъ дворяниномъ, взяточникомъ и ябедникомъ!

Нѣкоторые изъ сосѣдей, расточавшихъ все вниманіе къ Кириллу Ивановичу, стали безъ всякихъ церемоній просить у него денегъ взаймы и, не получа, перестали бывать въ Пожарищахъ.

Другіе, въ дружескихъ разговорахъ съ дядюшкой, просили его признаться: съ кого онъ бралъ взятки? гдѣ погрѣлъ руки казенными денежками?

На лицѣ Кирилла Ивановича появлялось негодованіе: но онъ старался его маскировать и хотя стоило ему это большихъ трудовъ; но словоохотные гости не могли проникнуть мысли дядюшки.

— На что же вы и учились, сказалъ самый близкій сосѣдъ дядюшки, какъ не на то, чтобы получить мѣсто да брать съ просителей взяточки? Своему сыну я и теперь твержу, прибавилъ другой, служи усердно въ повѣтовомъ судѣ, пока я выхлопочу для тебя мѣсто секретаря уголовной палаты. Тамъ иногда одного разбойника выпутаешь изъ бѣды, да возьмешь за это такую сумму, отъ которой сдѣлаешь добро и себѣ и многимъ! Горько было бы жить Кириллу Ивановичу на родинѣ, если бы не было съ нимъ Амаліи Францовны. Въ большей части своихъ сосѣдей онъ не нашелъ тѣхъ Малороссовъ, которые слывутъ добряками, простяками и самыми сносными

людьми въ общежитіи. Въ далекѣ отъ шумнаго свѣта, Кириллъ Ивановичъ узнавалъ о его жизни и дѣяніяхъ изъ журналовъ и газетъ, начавшихъ въ это время умножаться.

Амалія Францовна по тогдашнему могла почесться замѣчательной піанисткой. Худощавый англинскій рояль на тоненькихъ ножкахъ появился въ повѣтѣ первымъ и, какъ вещь не виданная, приводилъ въ удивленіе нѣкоторыхъ господъ, бывавшихъ въ Пожарищахъ.

Послѣ роялей въ Малороссіи является шампанское и гонитъ изъ порядочныхъ домовъ донскіе выморозки вмѣстѣ съ пальбою изъ мужчирей.

Рояль Амаліи Францовны не рѣдко подъ ея быстрыми пальчиками издавалъ звуки, полные мелодіи.

Павлуша плѣнился этими звуками, и его охотно начали учить музыкѣ, орудію, способному высоко дѣйствовать не только на мягкую чувствительную душу, но и не на столь нѣжную и доступную отъ божественныхъ звуковъ пріидти въ нѣмое безотчетное удовольствіе. Павлушѣ такъ хорошо было въ домѣ дядюшки, что онъ боялся, не произошло бы какой перемѣны въ судьбѣ его, и не извѣдываетъ ли онъ лучшую жизнь для того, чтобы, простясь съ ней, вздохнуть и сказать: прошедшее было блаженствомъ, видѣннымъ мною будто бы во снѣ; а вотъ нагая дѣйствительность, отъ которой стынетъ кровь и нѣмѣетъ самое пылкое воображеніе.

Семейное счастіе Кирилла Ивановича текло не останавливаясь быть утѣшительнымъ. Тотъ не позавидывалъ бы ихъ домашнему благополучію, кто не слѣдилъ за днями ихъ патріархальной жизни. Согласіе въ такомъ родѣ рѣдко можетъ повторяться.

Супруги любили смиренно одинъ другаго, кромѣ любви, ихъ связывали узы самой тѣсной дружбы. Они считали то время лучшимъ, которое проводили вмѣстѣ. Дѣлились они впечатлѣніями, мыслями, сужденіями и тѣми удовольствіями, которыя не выходили изъ ихъ семейнаго кружка. Такую чету нужно было увидѣть самому холодному мыслителю, отъявленному эгоисту, даже анахорету, и тѣ не устрашились бы тѣсныхъ рамъ супружества и, выбравъ достойную спутницу жизни, забыло бы съ нею цѣлый міръ и ровными шагами пошли по раскинувшейся широко предъ ними дорогѣ къ достиженію счастія. Дядюшка отъ природы надѣленъ былъ прекрасными душевными качествами.

Бывши холостякомъ, онъ не рѣдко удалялся отъ сближенія съ женщинами и все время посвящалъ службѣ и серіознымъ занятіямъ. Сердце дядюшки были склонно къ добродѣтели; но любви, лучшаго чувства, дарованнаго Создателемъ человѣку, оно не чувствовало. Дядюшкѣ не приходило даже никогда въ голову, что онъ можетъ жениться.

Не такъ случилось.

Казалось, самое незначительное обстоятельство, нечаянная встрѣча въ минуту неудовольствія, и Кириллъ Ивановичъ сдѣлался счастливѣйшимъ, изъ небольшей касты мужей, супругомъ.

Вы, кажется, недовольны, что я скуплюсь выводить на арену супружества жизнь, окруженную самыми лучшими цвѣтами, а при удобномъ случаѣ, очень щедръ на терніе, чисто неизбѣжное на пути двухъ, по доброй волей соединившихся существъ.

Вы готовы уже назвать меня клеветникомъ и представить мнѣ въ примѣръ: Marcie, Кузину Аничку, знакомую вашей сосѣды дорогую, интересную подругу вашу Nastasie и даже ихъ нѣжныхъ побѣдателей и побѣжденныхъ: André, Paul, Коко, Ваничку, Сержа, Петра Ивановича и другихъ.

Быть можетъ, эти супружества недавно состоялись, быть можетъ и давно; но кто знаетъ ихъ закуливныя тайны? Вѣрно не вы, а вѣдь есть такіе спеціалисты, которые знаютъ всю подноготную. Счастіе нѣкоторыхъ вашихъ знакомыхъ и пріятельницъ есть счастіе салонное, которое говоритъ: глядите, какъ мы другъ друга любимъ, какъ намъ хорошо! Вотъ и вы, если составите партіи, и вамъ тоже будетъ хорошо.

Вы скромны, благовоспитаны; но сердце ваше не камень и порой твердитъ оно вамъ: вотъ–вотъ встрѣтить ты того, кто судьбою опредѣленъ, въ

нѣкоторомъ родѣ, стать съ тобою передъ престоломъ Всевышняго и дать клятву въ вѣчной любви.

Приходитъ время—вы замужемъ. Взгляните вокругъ себя, и если вашъ мужъ не такой, какъ мой дядюшка, то вамъ сдѣлается грустно, но вы такъ умны, такъ благовоспитаны, что не скажете этого ни мужу, ни, тѣмъ болѣе, постороннему лицу. Съ мужчиной бываетъ почти тоже. Затѣявъ жениться, онъ не рѣдко напередъ рисуетъ картины своего будущаго семейнаго счастія самыми лучшими красками и, женившись, видитъ, какъ онѣ блѣднѣютъ и даже совсѣмъ исчезаютъ, оставя одинъ контуръ жалкой и неутѣшной дѣйствительности.

Такимъ супругамъ одно гостинное счастье остается минутнымъ утѣшеніемъ. Оно маскируетъ ихъ домашнюю жизнь, которая есть адъ—не Данте адъ, а просто страданіе съ примѣсью множества кводлибетовъ и разнохарактерныхъ девертисментовъ. Мистеріи эти часто разыгрываются двумя лицами неутомимо и постоянно, пока одинъ, уставъ въ борьбѣ, сходитъ въ могилу, а другой, какъ гамлетовскій Фортенбрасъ, видя торжество смерти, оставляетъ поле битвы за собой и велитъ опустить занавѣсъ.

Если бы люди жили во истину словъ Евангелія, да взяли бы другое направленіе, да женились въ тѣ лѣта, когда холодный разсудокъ заставляетъ разсмотрѣть предметъ съ разныхъ точекъ, тогда бы многіе изъ насъ, женясь, испытали блаженство въ

сей жизни, да за добрыя дѣла удостоились бы наслѣдовать его и за гробомъ.

Кириллъ Ивановичъ лишился одного изъ пріятелей своихъ и долженъ былъ занять его мѣсто.

Новый начальникъ отдѣленія не сошелся какъ-то въ мнѣніяхъ съ дядюшкой, и это заставило Кирилла Ивановича призадуматься. Кириллъ Ивановичъ рѣшился выйдти въ отставку. Это не выходило у него изъ головы въ продолженіи цѣлой недѣли. Не оставляя служебныхъ занятій, дядюшка ходилъ аккуратно въ департаментъ и встрѣтилъ одинъ разъ въ зеленомъ платьицѣ, бѣлой шляпкѣ и такомъ же передничкѣ дѣвушку. Серіозный взглядъ Кирилла Ивановича невольно упалъ на невинное личико дѣвочки, и глаза дядюшки въ эту минуту выразили что-то такое, чего имъ никогда не случалось выражать.

Кириллъ Ивановичъ даже пріостановился на протуарѣ и только чрезъ нѣсколько секундъ двинулся впередъ, и пошелъ въ департаментъ. По одеждѣ можно было заключить, что дѣвушка эта пансіонерка. Она шла, и за ней прихрамывала на лѣвую ногу съ аспидной доской, висящей на шнуркѣ за спиной, рыжая, старая и очень не хорошая чухонка. Эта чухонка регулярно провожала дѣвочку въ классъ и приходила за ней проводить домой. Эта некрасивая женщина разводила сердито косыми глазами и будто бы что вкусное жевала въ своемъ рту.

Частыя встрѣчи Кирилла Ивановича съ пансіонеркой произвели на него какое-то пріятное вліяніе. Не смотря на то, что Кириллъ Ивановичъ собирался оставить службу, онъ до сихъ поръ не подавалъ въ отставку и радовался тотъ день, въ который удавалось ему повстрѣчать дѣвочку.

Дядюшка любилъ, не зная и не подозрѣвая этого. Онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Въ продолженіи недѣли не встрѣчая интереснаго личика, дядюшка замѣтилъ, что сердечное горе сто разъ хуже служебнаго. Горе это, подкравшееся нечаянно, начало давить дядюшку еще больше, когда новый начальникъ окружилъ себя фалангой льстецовъ, баловней счастія и другими подобными любимцами, началъ щедро надѣлять ихъ своими милостями, а трудолюбиваго Кирилла Ивановича оставилъ совершенно въ тѣни.

Прошеніе объ отставкѣ было готово у дядюшки. Нужно было повременить, чтобы подать его при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ. Дядюшка продолжалъ ревностно служить, но пансіонерка не выходила у него изъ головы съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ее рѣже встрѣчать. Заложа руки въ карманы узкаго и длиннаго сюртука, словомъ такого, какой изображался на модныхъ картинкахъ покойника Московскаго Телеграфа, Кириллъ Ивановичъ шелъ по тротуару въ извѣстный ему часъ, надѣясь повстрѣчать дѣвочку и въ этотъ разъ непремѣнно узнать, кто она и гдѣ живетъ.

Въ минуту встрѣчи, взволнованный дядюшка забывалъ о предположенномъ, и откладывалъ все это до другаго случая. И опять встрѣча, и опять та же неудача. Кириллъ Ивановичъ, при всей своей солидности, вдругъ почувствовалъ робость, какъ юноша.

Дѣло, интересовавшее дядюшку, не шло впередъ. Въ одно утро Кириллъ Ивановичъ, въ довольно хорошемъ расположеніи духа, повстрѣчалъ пансіонерку. Пропустя дѣвочку впередъ, онъ загородилъ дорогу чухонкѣ, подалъ ей полуимперіалъ и спросилъ: кто такая ее барышня и гдѣ она живетъ? Чухонка покраснѣла и выпучила глаза. Монета, брошенная ей, зазвенѣла по мостовой и чухонка закричала на всю улицу: ты пошла вонъ... тебѣ ненужна! Для Кирилла Ивановича было̀ довольно.

Неудавшійся распросъ, публичный афронтъ среди улицы, заставили дядюшку прійдти въ себя. Не бывъ ни прапорщикомъ, ни коллежскимъ регистраторомъ, въ эту минуту Кириллъ Ивановичъ припомнилъ, живо, что онъ человѣкъ солидный, чиновный и долженъ для спасенія своей репутаціи бросить мелкую страстишку, заронившуюся въ его сердце. Чтобы перестать встрѣчаться, дядя предположилъ ходить въ департаментъ по другой дорогѣ, но ходилъ все по прежней и къ довершенію неудовольствія, ни одного разу не встрѣчалъ той, о которой думалъ. Дядя проклиналъ

ребячество и не свойственное его лѣтамъ увлеченіе; освободиться же отъ него никакъ не могъ. Годъ, проведенный Кирилломъ Ивановичемъ за границей, прошелъ быстро. Дядюшка возвратился въ Петербургъ, украшенный Львомъ и Солнцемъ.

Будущее ему улыбалось, поговаривали о назначеніи его консуломъ въ очень хорошее мѣсто.

Дядюшка опять занялся службой. Встрѣча съ дѣвушкой не возобновлялась, и цѣлый Петербургъ для Кирилла Ивановича казался пустымъ и мрачнымъ. Одиночество Кириллу Ивановичу сдѣлалось невыносимо. Повстрѣчай дядюшка предметъ своей страсти гдѣ нибудь въ порядочномъ домѣ, то вздохи его не долго бы продолжались. Онъ сдѣлалъ бы предложеніе, женился бы или получилъ отказъ. Послѣднее сомнительно. Всѣ видѣли, что Кириллъ Ивановичъ на хорошей дорогѣ и перспектива самая блистательная видна ему на дальнемъ разстояніи.

Ни разспросы, ни розысканія не помогали; дѣвушка какъ въ воду канула, оставивъ Кирилла Ивановича въ грустномъ состояніи.

═

ГЛАВА V

Часовъ въ девять утра, у особеннаго подъѣзда къ квартирѣ дядюшки остановилась дорожная бричка. Пыль, пробившая ее насквозь, рессоры, укрученныя веревками и на березовыхъ подпоркахъ, доказывали, что экипажъ этотъ сдѣлалъ порядочный путь и явился у подъѣзда столичной квартиры не иначе, какъ выѣхавъ мѣсяца два изъ самаго глухаго мѣста пространной Россіи. Господинъ, довольно объемистой корпуленціи, лежалъ въ глубинѣ брички, окруженный подушками, и гордо разговаривалъ съ насмѣшливымъ дворникомъ, настоящимъ ярославцемъ.

— Такъ воны значитъ дома.

— Дома. Да не про васъ.

— Какъ не про меня?

— Да нешто онъ съ такими знается?

— Да я, дурню его близкій родичъ!

Дворникъ догадался, что пріѣхавшій панъ съ

лакеемъ были хохлы чистѣйшей крови (pur sang). Поэтому-то самому онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на звѣрей, только что снятыхъ съ палубы новоприбывшаго парохода.

— Такъ ты не хочешь доложить барину о моемъ пріѣздѣ, я пошлю своего хлопця, онъ мигомъ сбигаетъ на верхъ и кому нужно доложить. А збигаешъ, хамо?

— Чомъ не збигать. Тилько що высоко дуже.

— Ну ступай же да скажи....

— Какъ-же! Такъ вотъ и стану васъ пускать. Сказано тебѣ не шутя—баринъ почиваетъ. Да что баринъ? Камердинеръ его еще не просыпался. Въ дворѣ, кромѣ меня да жучки, всѣ спятъ. Понимаешь ты? Аль нѣтъ?

— Хлопче! ступай въ двиръ!

Хлопецъ одѣтъ былъ въ толстѣйшій сѣрый казакинъ и юхтовые чоботы. При большимъ ростѣ, хлопецъ щеголялъ здоровьемъ, еще нигдѣ не издержаннымъ.

Онъ бросился отворять калитку.

— Эй, хохолъ! отозвался сердито дворникъ, не ходи, безъ шутокъ тебѣ говорю: баринъ не велѣлъ ни души пускать раньше 11 часовъ.

— Кажу тоби, геть, боляпиу..... ворчалъ хлопецъ.

— Да мы съ далекой дороги, возразилъ баринъ дворнику.

Шумъ началъ возрастатъ и разбудилъ камерди-

нера. Камердинеръ, досадуя, что его утренній сонъ прерванъ, протеръ глаза и, высунувъ заспанное лицо въ окно, искривился, когда узналъ отъ дворника, что пріѣхалъ какой-то родственникъ барина изъ самой Малороссіи. Камердинеръ тотчасъ одѣлся и доложилъ только что проснувшемуся дядюшкѣ.

Дядюшка вообразилъ себѣ ту же минуту, что Лука Ивановичъ, долго не отвѣчая ему на письма, рѣшился пріѣхать въ Петербургъ самъ, и поэтому поторопилъ камердинера ввесть гостя, какъ можно скорѣе, къ нему въ кабинетъ. Видѣть брата, съ которымъ лѣтъ тридцать не видѣлся, было пріятно Кириллу Ивановичу. Сколько ни старался дядя припомнить черты лица брата Луки Ивановича, никакъ не могъ, а при всемъ томъ обрадовался несказанно, готовясь броситься въ его объятія.

— Пожалуйте, сударь! сказалъ учтиво камердинеръ, подойдя къ бричкѣ, баринъ васъ покорно проситъ пожаловать къ нимъ въ кабинетъ!—Сказавши это, человѣкъ растворилъ дверь, ведущую на лѣстницу, устланную зеленымъ сукномъ.

— Ну хлопче! отозвался, остановясь на лѣстницѣ пріѣзжій къ своему лакею, хоть домъ сей и каменный и бачь яке туть лыхо діется (при этомъ пріѣзжій указалъ на сукно на которомъ стоялъ), а я все таки останавлюсь и буду въ немъ жить.

Таскай же сюда чамайданы и подушки вслѣдъ за мной!

— Чую! сказалъ лакей и съ площадки, которою оканчивалась лѣстница, ведущая во второй этажъ, сбѣжалъ внизъ и полѣзъ въ бричку исполнять распоряженія своего господина.

Кириллъ Ивановичъ окончательно увѣрился въ посѣщеніи, которое предпринялъ Лука Ивановичъ съ цѣлью увидѣться съ братьями. Дядюшка ждалъ появленія брата, готовъ былъ уронить нѣсколько слезъ радостнаго свиданья съ тѣмъ, кого совершенно не могъ припомнить.

— Ну, поцѣлуемся, крикнулъ пріѣзжій, взойдя въ комнату Кирилла Ивановича, и тогда скажу я вамъ, кто я таковъ.

Схвативши дядюшку въ широкія объятія, гость помедвѣжьи жалъ его къ себѣ и цѣловалъ такъ, какъ цѣлуютъ женщину.

Кириллъ Иваноничъ краснѣлъ, конфузился и не зналъ, что сказать. Сомнѣваясь на счетъ предполагаемаго посѣщенія, дядя не предполагалъ, чтобы братъ его Лука Ивановичъ походилъ на ввалившагося господина.

— Ну, любезнѣйшій родственникъ, началъ гость, хотя вы и холосты, а квартира у васъ хоть куда. На полу ковры, на стѣнахъ картины, а зеркалъ столько, что боишься, какъ бы, отойдя отъ одного, не ткнуть головою въ другое.

Кириллъ Ивановичъ молчалъ, но старался, чтобы

лицо его не выражало холодности къ прибывшему родственнику.

— А комнатъ у васъ, я думаю, штукъ пять наберется. Просторно для одной души. Для меня вѣрно тоже одну уступите?

Кириллъ Ивановичъ готовъ уже былъ согласиться, но родственникъ продолжалъ:

— Я на чужой сторонѣ. Дома у меня то же самое разореніе, какое я принялъ послѣ батюшки. Позвы въ продолженіи 28 лѣтъ одолѣли меня совершенно. Докажу я моимъ противникамъ, что я правъ, хотя останусь безъ единственныхъ сапоговъ. Ну, можно ли мнѣ у васъ остановиться мѣсяца на три, не больше?

— Право, я не знаю... Позвольте прежде увѣриться... впрочемъ вы меня ни мало не стѣсните, я готовъ дать вамъ одну комнату, поспѣшилъ сказать дядя.

—Вы, значитъ, не только истинный родственникъ, но и благодѣтель, что весьма рѣдко бываетъ!

— Не угодно ли вамъ присѣсть вотъ здѣсь, и мы поговоримъ о родствѣ. Вы изволите говорить.... что....

—Да.—Мебель, любезнѣйшій родственникъ, у васъ такая, что боишься сѣсть, чтобы ее не выпачкать, или и совсѣмъ не изломать.

Между тѣмъ, какъ господа разговаривали, лакей пріѣзжаго натаскалъ полную переднюю вещей, и приказавъ закатить бричку въ сарай, расположился,

сидя на чемоданѣ, ѣсть кусокъ чернаго хлѣба.— Кириллъ Ивановичъ указалъ человѣку комнату для помѣщенія, возлѣ передней. Гость, увидѣвъ съ какимъ радушіемъ Кириллъ Ивановичъ отдаетъ ему комнату, счелъ нужнымъ объясниться.

— Настала пора мнѣ отрекомендаваться, сказалъ пріѣзжій и очень близко подошелъ къ Кириллу Ивановичу. Не знаете? спросилъ онъ дядюшку, пристально смотря ему въ глаза, не знаете, продолжалъ онъ, поварачиваясь то спиною, то бокомъ и принимая разныя положенія.

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ тихо Кириллъ Ивановичъ.

— А вотъ я объясню: помѣщикъ, коллежскій секретарь Петръ Петровичъ Козубнякъ изъ Гологобугра. Въ семи верстахъ отъ Раковой-Балки. Кириллъ Ивановичъ обрадовался, что этотъ господинъ не братъ его и принялъ серіозной видъ.

— Очень хорошо, началъ смѣло и равнодушно Кириллъ Ивановичъ, позвольте же мнѣ наконецъ узнать: какой вы мнѣ родственникъ?

— Спрошу васъ прежде: знаете ли вы Матрену Карповну?

— Какую Матрену Карповну?

— Матрены Карповны не знаете? Погребнячки?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ вотъ въ чемъ все наше родство: Погребнячка есть мнѣ племянница. Двоюродный братъ третьяго мужа этой родственницы имѣетъ

дядю Семена Семеновича Горильтычнаго (который умеръ вдовцомъ). Старшая дочь его Катерина Семеновна была замужемъ за отставнымъ корнетомъ Перепелятниковичемъ. Сынъ Перепелятниковича былъ женатъ на... Да неужели вы не знаете?

— Не вѣдаю, отвѣчалъ серьозно дядюшка.

— Мое дѣло объяснить. Коллежскій секретарь Перпелятниковичь былъ женатъ на родной теткѣ Уліаны Осиповны. — Вы сію послѣднюю вѣрно знаете?

— Знаю,—это жена брата Лука Ивановича.

— Ну такъ дѣло разъяснится. Погребнячка есть моя племяница; и я нахожусь вамъ родственникомъ. Родство это дальнее а не близкое. Вслѣдствіе этого, позвольте еще разъ васъ обнять.

Кириллъ Ивановичъ при всей солидности своей съ трудомъ удерживалъ смѣхъ, припоминая степени нормандско-малороссійскаго родства.

— Какъ же здоровье брата Луки Ивановича и его супруги?

— Слава Всевышнему они здоровы. Въ іюлѣ будетъ три года, какъ я посѣщалъ ихъ съ цѣлью взять письмо къ вамъ (и взялъ)—я его отыщу въ шкатулочкѣ. Оно не много залежалось. Я жилъ въ губернскомъ городѣ, три года письмо отъ Луки Ивановича; взялъ и бережно держалъ при себѣ.

Выслушавъ наконецъ рѣшеніе, подписалъ неудовольствіе и прямо хочу апелевать въ Сенатъ. Для этого собственно я сюда пріѣхалъ. Ни про-

куроръ, ни губернскій стряпчій, ни самъ губернаторъ не пощадятся мною. Я имъ всѣмъ докажу, что значитъ: присовокупивъ.

Тутъ, съ яицъ Леды, гость началъ разсказывать исторію и философію своего процесса. Кириллъ Ивановичъ слушая, придумывалъ средства учтиво отдѣлаться отъ родственника.

Гость не умолкалъ и, выбившись изъ силъ, краснорѣчивымъ молчаніемъ окончилъ свое повѣствованіе. Но сколько онъ поднялъ бѣдъ? Сослалъ въ Сибирь чуть ли не дюжину чиновниковъ. Продалъ ихъ имѣнія, получилъ деньги, устроилъ свои дѣла отлично, женился другой разъ и въ силу милостиваго рѣшенія Сената: искать за убытки на той и другой сторонѣ, завелъ для развлеченія новый процессъ, переѣхалъ съ женой въ губернскій городъ жить, отдалъ дѣтей въ гимназію и проч.

— Дѣло ваше, сказалъ Кириллъ Ивановичъ, когда гость умолкъ, правое; но какъ и въ правомъ дѣлѣ нужно хлопотать и принимать у себя людей, которые могутъ дать правому дѣлу ходъ, то не угодно ли вамъ, мой почтеннѣйшій родственникъ, переѣхать на особую квартиру, которую я договорилъ для себя; но раньше четырехъ мѣсяцевъ переѣхать на нее не могу.

— Вы хотите, чтобы я платилъ? У меня, вѣдь, вы знаете....

— Боже меня сохрани! Съ роднаго брать? Никогда. Вы будете имѣть квартиру прекрасную без-

платно. Прошу васъ, со мною ни мало не церемониться.

— Когда же я могу ее занять?

— Завтра же, завтра. Я долженъ объ этомъ переговорить съ управляющимъ домомъ.

— Вы истинный благодѣтель и родственникъ, — сказалъ гость и вздохнулъ очень набожно.

Кириллъ Ивановичъ любилъ дѣлать добро. Въ тихомолку онъ помогалъ бѣднымъ, и никто, даже они сами не знали своего благодѣтеля.

Попроси этотъ родственникъ при первой же встрѣчѣ у Кирилла Ивановича денегъ, ну хоть пять сотъ руб. на первый разъ, дядюшка навѣрное не отказалъ бы ему и далъ ихъ въ ту же минуту, не спрося даже, можетъ ли ихъ получить обратно. Такой былъ человѣкъ дядюшка Кириллъ Ивановичъ.

—

ГЛАВА VI.

Еще не разсвѣло порядочно, а Кириллъ Ивановичъ давно уже хлопоталъ о квартирѣ. На договоренномъ еще вчера извощикѣ, дядюшка, въ камлотовой старенькой шинелишкѣ, объѣздилъ нѣсколько улицъ, зашелъ въ нѣсколько квартиръ, осматривалъ ихъ, спрашивалъ цѣну и не находилъ удобными. Такое помѣщеніе, какое нужно было приготовить для родственника, не давалось Кириллу Ивановичу. Теряя уже свое малороссійское терпѣніе и надежды, дядя остановился у сѣроватаго населеннаго четырехъ-этажнаго дома, гдѣ отдавалось три комнаты въ наемъ.

Кириллъ Ивановичъ, вставши съ дрожекъ, вошелъ въ чистый корридоръ, усыпанный пескомъ. Не успѣлъ дядюшка сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ впередъ, какъ не него бросились цѣлая дюжина собачонокъ. Лай, пискъ, визгъ раздался. Кухарка, въ бѣломъ чепцѣ и фартукѣ, выбѣжала изъ кухни

встрѣчать Кирилла Ивановича, собачки умолкли и, завилявъ хвостами, начали облизываться, посматривая на кухарку, какъ на нѣчто имъ любезное.

Кухарка провела Кирилла Ивановича къ хозяевамъ. Въ сѣняхъ, въ которыя вошелъ дядюшка, пахло кофеемъ. Дядюшка не успѣлъ хорошенько утвердиться на порогѣ одной ногой, какъ остановился будто прикованный къ мѣсту, пораженный неожиданною картиной.

У круглаго стола, блиставшаго политурой, въ старыхъ кожанныхъ креслахъ, въ фланелевой фуфайкѣ и въ вязаномъ колпакѣ, держа чертовъ хвостикъ въ зубахъ, торчалъ старичекъ Нѣмецъ. Чортовымъ хвостикомъ называются форфоровыя трубки (съ роговыми чубучками), на которыхъ красуются или Каролинхены съ красными руками, или Блюхеры въ треугольныхъ шляпахъ. Среди стола возвышался чуть ли не ведерный кофейникъ. За кофейникомъ сидѣла, намазывая методически бутербродъ, та самая пансіонерка, которую Кириллъ Ивановичъ увидѣть совершенно отчаявался.

Разговоры съ Нѣмцемъ, который куритъ, бываютъ весьма коротки.

Услышавши, что нужно было Кириллу Ивановичу, Нѣмецъ всталъ и, не выпуская изъ рта трубки, провелъ дядюшку корридорчикомъ въ комнаты, которыя отдавались въ наемъ.

Три хорошенькія комнатки блистали чистотой.

Окна ихъ выходили въ крошечный цвѣтничекъ. Простенькая мебель наполняла эти клѣтки.

Кириллъ Ивановичъ тутъ же сошелся съ Нѣмцемъ и заплатилъ за три мѣсяца впередъ. Нѣмецъ, не говоря ни слова, дотронулся до своего колпака рукой, въ знакъ уваженія къ Кириллѣ Ивановичу, сосчиталъ деньги, положилъ ихъ въ боковой карманъ фуфайки, спросилъ чинъ и фамилію дядюшки и вышелъ на нѣсколько минутъ изъ комнаты, чтобы возвратиться и подать Кириллѣ Ивановичу росписку въ полученіи денегъ. На роспискѣ, твердымъ и красивымъ почеркомъ, хозяинъ подписался: коллесни ассесоры Карлъ Марія Лейхтъ.

— Вы вѣроятно служили? спросилъ дядюшка хозяина.

— 46 лѣтъ я былъ честнымъ аптекаремъ и получалъ чины: каллесны, губерпска, титулярны и наконецъ асселорны—при отставкѣ получилъ.

Желая разговориться съ скупымъ на слова Нѣмцемъ, Кириллъ Ивановичъ объяснилъ ему, что квартиру онъ нанялъ не для себя, а для одного пріѣзжаго изъ Малороссіи родственника, человѣка одинокаго и скромнаго.

— Хорошо. Все это возможно, сказалъ Нѣмецъ и, отворя дверь передъ Кирилломъ Ивановичемъ, снялъ колпакъ, желая дать знать дядюшкѣ, что пора ему оставить хозяина на свободѣ допивать кофей, который, можетъ-быть, уже простылъ.

Дядюшка вышелъ, сказавъ что постоялецъ явит-

ся послѣ него скоро. Блондинки не увидалъ Кириллъ Ивановичъ, а чухонка, проскользнувшая въ садикъ, та самая, которая выбила изъ рукъ дядюшки золотой, послужила доказательствомъ, что дядюшка не ошибался, и видѣлъ ту самую особу которую встрѣчалъ.

Дядюшка, взойдя къ себѣ въ комнату, увидѣлъ, что родственникъ его брѣется бритвой очень похожей на ножъ, которымъ рубятъ сахаръ.

— Квартира для васъ готова.

— Угум....

— Прекрасная, чистая и хозяинъ хорошій человѣкъ. Я васъ самъ непремѣнно провожу туда. Далеконько въ концѣ Гороховой, но за то препріятная квартира.

— Видно, сказалъ гость, окончивъ бритье,—что вы рѣдкій родственникъ. Напьемся прежде чаю, хватимъ по пуншу или по два—да тогда и поѣдемъ. На тощій желудокъ нападаетъ простуда!

— Хорошо, отвѣчалъ весело дядюшка, и приказалъ подавать чай.

— Ты, Крывошапка, началъ гость, обратясь къ своему лакею,—собирайся. Послѣ чаю переѣдемъ на другую квартиру.

Покуда пріискали лошадей и запрягли ихъ въ бричку, да посадили родственника Кириллы Ивановича, выѣхали изъ воротъ; дядя, увидя, что бричка медленно тащитъ родственника со двора, поѣхалъ впередъ.

Подъѣхали къ новому помѣщенію.

Дядюшка, вставъ съ дрожекъ, вошелъ въ квартиру Нѣмца; но его не засталъ дома, а кухарка сказала, что дочь Карла Ивановича, его приметъ сію минуту.

Увидѣвъ блондинку возлѣ себя, Кириллъ Ивановичъ забылъ располагавшагося въ квартирѣ родича, и все время посвятилъ на разговоры съ прехорошенькой дочкой аптекаря.

Дядюшка узналъ отъ Нѣмочки, что она не имѣетъ матери, что въ пансіонѣ осталось ей быть до конца іюня, что она любитъ очень нѣжно своего папахена и проводитъ съ нимъ постоянно воскресные и праздничные дни.

Кириллъ Ивановичъ познакомясь съ m-lle Лейхтъ, представилъ ей своего земляка, расположившагося, какъ у себя, и приготовившагося идти въ сенатъ.

— Ну, скажите, нравится ли вамъ эта квартира?

— Отчего же нѣтъ? Квартира хороша была бы даже, когда бы я за нее платилъ, а какъ, благодаря щедротамъ вашимъ, я ничего не плачу, то и считаю великимъ счастіемъ, квартировать въ такомъ пріятномъ домѣ.

— Какъ вы находите дочь хозяина?

— Да я и не подумалъ бы о женщинѣ, еслибы не увидѣлъ этого ангела! Такъ вотъ тебя и привлекаетъ!

— Что̀ жь? Женитесь. Да, я васъ не спросилъ, женаты ли вы, имѣете ли семейство?

— Былъ я женатъ лѣтъ 20 тому назадъ, семейства не имѣю и состою въ спискахъ вдовцовъ, однимъ изъ самыхъ сомнительныхъ кандидатовъ ко вторичному вступленію въ законный бракъ. Правду сказать, не думаю жениться.

— Ну, разсмотрѣли вы хозяйскую дочь? Не дурна очень, можетъ-быть, она заставитъ васъ раздуматься и. . . .

— Э, нѣтъ! Вопервыхъ, я по-нѣмецки не знаю. Вовторыхъ, ежели бы и пришлось свататься, нужно представитъ документъ, какого она происхожденія, какой фамиліи? Имѣетъ ли знатное родство? Имѣетъ ли связи, полезныя къ благопріятному окончанію начатыхъ дѣлъ?

— Вы вотъ какъ?

— А такъ. Засторчить голову дворянскую не слѣдуетъ, чортъ знаетъ для кого. Петербургъ, говорятъ, хитрая штука. Тутъ у васъ не рѣдко и прачку въ шляпкахъ да въ шелкахъ поймаешь, а иногда и того хуже. Я, кромѣ того что дворянинъ, я помѣщикъ. Заключите же изъ этого, что мнѣ съ сапожниками знакомиться и дружиться не приходится. Хороша хозяйская дочь, но я все-таки съ нею ни слова не заговорю, и вамъ, какъ доброму родственнику, не посовѣтую.

— Да, хозяинъ вашъ коллежскій ассессоръ, сказалъ дядюшка,—дочь его можетъ ѣздить въ ка-

ретѣ съ форейторомъ одна; тѣмъ болѣе съ отцомъ, который получилъ штабъ-офицерское званіе на государственной коронной службѣ.

— Чи то можно? спросилъ спохватясь родичъ, торопясь пригладить свои волосы на головѣ и стараясь выгладить измятые рукава своего сюртука.

— Точно такъ, вотъ вамъ росписка въ полученіи денегъ.

— Э.... сказалъ родичъ, коль скоро Нѣмецъ, да еще штабъ-офицеръ, то за нашего брата дочки не выдастъ. Не выдастъ, каналія.... Я это знаю. Ну, желалъ бы я еще полюбопытствовать—много ли за ней приданаго?

— А вотъ познакомтесь съ Нѣмцемъ да въ разговорахъ съ нимъ спросите объ этомъ, сказалъ дядюшка, весело улыбнувшись.

— И полно! Куда намъ? Смотри пожалуста, коллежскій ассессоръ. Ну и то правда, что у насъ это рѣдкость; а въ столицѣ, можетъ-быть, ихъ на каждой улицѣ по сотнѣ.

—

ГЛАВА VII.

Кириллъ Ивановичъ хотя не могъ помочь родственнику въ дѣлахъ, однакоже каждое воскресенье посѣщалъ его и приносилъ не одни словесные совѣты, а такія матеріальныя средства, которыя двигаютъ дѣяніями людей такъ же точно какъ мечь и копье.

При этихъ посѣщеніяхъ Кириллъ Ивановичъ сблизился съ Лейхтомъ на столько, что въ одно дождливое утро сдѣлалъ ему предложеніе на счетъ дочери.

Нѣмецъ молча и, не перемѣняя своей солидности, выслушалъ предложеніе. На лицѣ Нѣмца не изобразилось того, что̀ онъ мыслилъ. Лейхтъ курилъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, пока не выкурилъ всей трубки.

Дядюшкѣ было очень не ловко; онъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, даже вспотѣлъ и утирался уже раза три платкомъ.

Нѣмецъ перемѣнилъ трубку, наложилъ ее табакомъ, вырубилъ огня и, закуривши, сѣлъ на прежнее мѣсто. Онъ началъ глядѣть на Кирилла Ивановича.

Терпѣливо ожидалъ дядюшка, что́ скажетъ ему коллежскій асессоръ; но Нѣмецъ все молчалъ и былъ сколько холоденъ, столько и серіозенъ.

И третья трубка выкурена также исправно, какъ двѣ первыхъ.

Желая, сколько-нибудь, занять себя и боясь прочитать въ оловянныхъ глазахъ хозяина рѣшительный отказъ, Кириллъ Ивановичъ всталъ съ мѣста и, отворотясь, началъ разсматривать старинныя гравюры окрестностей Дрездена.

Прошло еще полчаса и дядюшка, потерявъ возможность терпѣть, взялъ шляпу и хотѣлъ проститься съ несноснымъ старикомъ; но Нѣмецъ подвинулъ къ себѣ кресло и знакомъ просилъ дядюшку сѣсть возлѣ него.

Это маловажное, повидимому, обстоятельство обрадовало Кирилла Ивановича, и онъ съ радостію сѣлъ на указанномъ ему мѣстѣ.

Лейхтъ докурилъ четвертую трубку вычистилъ остатки перегорѣлой залы въ песочницу и бережно повѣсилъ трубку на стѣнку въ ряду съ другими тамъ красовавшимся.

— Когда дочь моя выйдетъ домой изъ пансіона, я буду ей сказать.

— Въ такомъ случаѣ, вы позволите мнѣ дождаться здѣсь ея прихода.

— Какъ дождаться? спросилъ Нѣмецъ, собираясь курить.

— Я подожду здѣсь, отвѣтилъ робко дядюшка.

— А обѣдать? спросилъ Лейхтъ у дядюшки.

— Обѣдать? пожалуй я готовъ у васъ отобѣдать.

— И это будетъ каждый разъ? спросилъ Нѣмецъ, возвыся голосъ.

— Какъ это каждый разъ? спросилъ Кириллъ Ивановичъ у Лейхта.

— Такъ. До каникулы еще осталось три недѣли. Обѣдать каждый разъ нѣтъ совсѣмъ хорошо.

— Я полагалъ, сказалъ дядюшка, — что вы подождете сегодняшняго ея возвращенія.

— О нѣтъ, нѣтъ! Сто тысячъ разъ нѣтъ! Она учится и будетъ еще учиться три недѣли. Послѣ ее будутъ examеniren и послѣ всего этого она сыграетъ на экзаменъ Stück Weber.

— Такъ вы се спросите?

— Послѣ полученія хорошій аттестатъ.

Кириллъ Ивановичъ подалъ Нѣмцу руку и, довольный собой, отправился въ свою квартиру.

Не проходило ни одного праздника, ни одного воскреснаго дня, чтобы Кириллъ Ивановичъ хотя на часокъ не побывалъ у Нѣмца и не восхищался расцвѣтавшей дѣвушкой.

Ml. Лейхтъ, по приказанію отца, не одинъ разъ угощала дядюшку кофеемъ, который казался волшебно-прекраснымъ питіемъ. По наивному обращенію дочери Лейхта съ дядюшкой, можно было видѣть что папахенъ держалъ свое слово, и дочери, на счетъ предложенія Кирилла Ивановича, не подалъ даже легкаго намека. Въ день, назначенный для экзамена, рыжая чухонка принесла Кириллу Ивановичу билетъ и передала желаніе Лейхта, чтобы дядюшка по приглашенію пожаловалъ къ 3 часамъ въ пансіонъ на публичное испытаніе. Кириллъ Ивановичъ сказалъ что будетъ.

Рыжая, передавая Нѣмцу отвѣтъ дядюшки, застала его уже съ утра занятаго туалетомъ.—Батистовый галстукъ, неукоризненной бѣлизны, затруднялъ очень Лейхта. Хотѣлось ему повязать шею и, не измявши платка, онъ не могъ этого сдѣлать. Въ такимъ трудномъ обстоятельствахъ пригласили сосѣдку—сестру жестяника, старую дѣвушку Августу Адамовну, которая очень искусно повязала галстукъ Нѣмцу и получила благодарность, сопровожденную пріятной улыбкой.

Часа въ два Лейхтъ надѣлъ бѣлый желетъ и въ три онъ натянулъ (узкій, съ полами въ видѣ ножницъ) коричневаго цвѣта фракъ, съ бѣлыми бронзовыми пуговками. Схвативъ шляпу, перчатки и камышевую палку съ собачьей головой, Лейхтъ сталъ противъ зеркала, повернулся кругомъ на сухихъ ножкахъ и въ два прыжка очутился на ули-

цѣ. Дорогу избралъ онъ самую ближайшую къ тому дому, гдѣ готовилась къ выпуску его единственная дочь.

Въ залѣ, изъ посѣтителей, еще никого не было. Францъ Адамовичъ думалъ, что онъ явился первымъ и былъ даже доволенъ этимъ случаемъ. Пробираясь между рядами креселъ, подошелъ къ нему робко и неловко высокій молодой человѣкъ, поклонился и осторожно пожалъ Лейхту руку.

Это былъ высокій, неуклюжій, перегнувшійся на сторону Нѣмецъ, Отто Ивановичъ Кнехтъ-Гаупхтъ, единственный сынъ колбасника, который этимъ безгрѣшнымъ ремесломъ нажилъ деньги и на нихъ выстроилъ трехъ-этажный домъ.

Отто Ивановичъ пустился съ Лейхтомъ въ разговоры. Серіозныя слова Отто Ивановича, среди залы, вылетали будто бы изъ горла, стянутаго пеньковой веревкой.

Лейхтъ по своему обыкновенію молчалъ, слушалъ и во все время одинъ разъ позволилъ себѣ сказать: ja.

Мало-по-малу залъ наполнился: папахенами, мутами, родными, ихъ знакомыми и наконецъ любителями просвѣщенія и обожателями цвѣтовъ, готовыхъ развернуть свою красоту, и для того припрятываемыхъ въ уединеньи, чтобы внезапнымъ появленіемъ украсить общество. Такъ украшаютъ цвѣтникъ весеннимъ утромъ новые, только что распустившіеся цвѣты.

Экзаменъ шелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Амалія Лейхтъ, къ радости опоздавшаго Кирилла Ивановича, была первая по красотѣ, наукамъ и искусствамъ.

Когда Амалія Лейхтъ встала изъ-за рояля, окончивъ блистательно Stük Weber, одно важное лицо подошло къ ней и поздравило ее съ истиннымъ талантомъ, который подаетъ надежду обширно развиться. Амалія Лейхтъ съ достоинствомъ присѣла и, не чувствуя, что она есть царица всего экзамена, скромно отправилась на свое мѣсто.

Отто Ивановичъ по окончаніи игры Амаліи Лейхтъ вздумалъ было аплодировать, но коллежскій ассессоръ, дернулъ его за фалды фрака и пріостановилъ неумѣстный восторгъ, сурово взглянувъ на сына колбасника. Самъ Лейхтъ отъ обилія чувствъ радости чуть могъ усидѣть на мѣстѣ.

На другой день, часовъ въ 12, Кириллъ Ивановичъ пріѣхалъ къ Лейхту и не засталъ его дома. Амалія Францовна оставалась одна дома и на ней прекрасно сидѣло розовое платье. Само Провидѣніе указало дядюшкѣ случай находиться наединѣ съ дѣвицей Лейхтъ первый разъ послѣ того, какъ онъ ей сдѣлалъ предложеніе.

Подъ гнетомъ солидности дядюшки таился жаръ, который и давалъ себя невольно чувствовать даже наивной и скромной дѣвушкѣ.

Семнадцати-лѣтняя, высокая и стройная Амалія Францовна поддерживала очарованіе дядюшки.

Онъ приходилъ въ восторгъ при взглядѣ на нее оттого, что любилъ въ первый разъ. Любилъ онъ, не говоря объ этомъ любимой особѣ до надоѣдливости, какъ многіе это дѣлаютъ. Были минуты, когда серіозныя лѣта дядюшки служили живымъ противодѣйствіемъ чувствъ задушевныхъ, и отъ этого Кириллъ Ивановичъ чувствовалъ всю неловкость, шаткость своего положенія, хотя каждый часъ слышалась во всѣхъ фибрахъ его тѣла мелодія какой-то заоблачной музыки.

Внезанно вышедшій Францъ Адамовичъ увидѣлъ замѣшательство Кирилла Ивановича и выслалъ дочь, подъ ничтожнымъ предлогомъ, въ другую комнату.

— Вы, началъ Нѣмецъ, подойдя къ дядюшкѣ, ей ничего не сказывали въ мое отсутствіе.

— Безъ вашего позволенія ничего не смѣлъ сказать Амаліи Францовнѣ, отвѣчалъ дядюшка.

— Ну это есть очень хорошо,—сказалъ Нѣмецъ, весело потирая руки, я согласенъ на ваше предложеніе и буду сказать дочери, когда ей исполнится 18 лѣтъ.

— Когда же это будетъ?

— На 2-е сентября сего года. Сколько Кириллъ Ивяновичъ не досадывалъ, но боялся показать Нѣмцу свое неудовольствіе, чтобы не оскорбить его, какъ видно человѣка своенравнаго. Дя-

дюшка, посидѣвъ часъ, простился и хотѣлъ уйдти. Лейхтъ положилъ руку на его плечо и сказалъ:

— Вы хотите женой непремѣнно Нѣмку? Не у меня одного есть дочь; въ Петербургѣ нѣмцевъ есть очень много, а нѣмокъ еще больше. Я знаю одну нѣмку Юлію, она есть очень хороша собой,...

— Помилуйте, Францъ Адамовичъ, я люблю вашу дочь, и на ней одной рѣшусь жениться. На что мнѣ эта Юлія?

— Имѣйте, батюшка, терпѣніе и получайте ее себѣ. До того времени я васъ прошу порѣже прихаживать. А Юлію все вамъ совѣтую посмотрѣть на третій разъ, мой родственникъ Шульцъ, тамъ бываетъ съ Гофманомъ и Тиѣhе. Кириллъ Ивановичъ простился съ нѣмцемъ и до 3-го сентября къ нему не являлся; а въ этотъ день опять пришелъ и просилъ папахена рѣшительно отвѣчать ему.

— Хорошо есть, сказалъ нѣмецъ; но старая Катеринхенъ, которая Малюшку нянчила, третьяго дня умерла. Нужно подождать три мѣсяца.

— Любя столько Амалію Францовну, я готовъ исполнить желаніе ваше; но позвольте мнѣ надѣяться быть принятымъ у васъ на правахъ жениха. Я почти не вижу Amaлiи!

— Это есть безполезно и несогласно съ моимъ намѣреніемъ. Дѣвушка черезъ это кокетство получаетъ. Не такъ я ее воспитываю. Подождите.

— Нечего дѣлать—подожду, и Кирилла Ивано-

вичъ, примирясь съ нѣмцемъ и его несносными правилами, ушелъ; но, по прошествіи новаго срока, опять явился.

— Вотъ еще что, сказалъ нѣмецъ, пожавъ руку дядюшки: въ Ригѣ есть у меня племянница Августа Кнопфъ. Она одна можетъ замѣнить, хотя немножко, дочь мою. Августа скоро пріѣдетъ, и если окажется способна, отдаю вамъ дочь мою, а если нѣтъ....

— Тогда?

— Тогда нужно подождать изъ Ганновера, моей двоюродной сестры, вдовы одного честнаго шорныхъ дѣлъ мастера, которая есть очень хорошая дама и можетъ, хотя въ немногихъ случахъ, тоже замѣнить мнѣ Малюшку.

— Подожду, сказалъ, горько улыбнувшись, дядюшка.

— Но годъ есть къ подожданію.

— И годъ буду ждать.

— Можетъ быть и два года.

— И два года буду ждать, сказалъ дядюшка и прибавилъ, что онъ и цѣлую жизнь не женится, если сватовство его на Ml. Лейхтъ не состоится.

— А, батюшка, вы значитъ ее очень любите?

— Очень.

— И она стóитъ любви. Она лучше Юліи.

— И это знаю.

— А къ Юліи вы, съ Гофманомъ и Шульцомъ, не ходили?

— Нѣтъ.

— Ну, если такъ, то я согласенъ мою Амалію выдать за васъ теперь же.

Нѣмецъ позвалъ дочь и подвелъ ее къ Кириллу Ивановичу, который, не помня себя отъ радости, цѣловалъ руки конфузив шейся нѣмочки и душилъ въ объятіяхъ стараго нѣмца.

— Позвольте! Остаться въ двоемъ на часъ вамъ можно; я долженъ писать письмо къ Отто Ивановичу Кнехтъ Гаупхту. Три года сватается онъ на дочери моей; но она за него не согласна идти, а за васъ желаетъ выйдти.

Сказавъ это, нѣмецъ ушелъ. День этотъ для дядюшки былъ лучшимъ днемъ его жизни.

Чрезъ недѣлю Кириллъ Ивановичъ позаботился привесть квартиру въ состояніе, приличное семейному человѣку, и чрезъ три дня послѣ этого онъ былъ женатъ на достойной Амаліи Францовнѣ.

Не желая разлучать молодую жену съ старикомъ-отцомъ, Кириллъ Ивановичъ рѣшился служить и около двухъ лѣтъ пробылъ въ Петербургѣ. Здоровье его въ эту пору начало разстроиваться. Медики совѣтовали ему ѣхать въ Малороссію; но онъ не объявлялъ этого женѣ. Недолго таилась это передъ нею. Доктора объявили Амаліи Францовнѣ, что жизнь Кириллы Ивановича зависитъ отъ перемѣны климата. Амалія Францовна упросила мужа ѣхать съ нею въ Малороссію. Въ отставку не выпускали Кирилла Ивановича, онъ

былъ полезный чиновникъ; ему позволяли ѣхать въ Малороссію, на два года съ сохраненіемъ мѣста, службы и жалованья, какое онъ получалъ въ должности. Сколь ни дрогоцѣненъ былъ тетушкѣ старикъ отецъ, но добрая дочь рѣшилась разстаться съ нимъ, чтобы поддержать колеблющееся здоровье добраго и нѣжнаго мужа.

Дядюшка стоилъ такой жены, какая ему досталась; но мало ли есть людей достойнѣйшихъ, которые проходятъ тернистый путь супружества и влачатъ свои оковы до глубокой старости, привыкнувъ тянуть раменами своими бѣдствія неудачнаго выбора. Состоятъ эти бѣдняки въ безвыходной упряжкѣ. День и ночь тащутъ на себѣ сварливую половину, словно бочку съ свекловичнымъ пескомъ россійской фабрикаціи.

Кириллъ Ивановичъ зналъ, что по завѣщанію отца достались ему Пожарища, что пріобрѣлъ онъ отъ брата Трофима Ивановича Стогища, что въ этихъ двухъ деревняхъ болѣе 300 душъ, съ порядочнымъ количествомъ земли; но устройство этихъ имѣній было ему неизвѣстно. Доходовъ онъ тоже не получалъ, предоставляя ихъ въ пользу обѣднѣвшихъ крестьянъ, на покупку хлѣба въ неурожайные годы и на пріобрѣтеніе скота въ замѣну погибшаго отъ падежей. Прикащики грабили имѣніе, разоряли крестьянъ и пьянствовали да занимались на господскія деньги чумачествомъ. Кириллъ Ивановичъ ужаснулся, появившись въ имѣніи и съ

ревностію, свойственною его характеру, принялся искоренять зло и водворять порядокъ. Не долго тяготило Кирилла Ивановича печальное состояніе брата.

Благодѣтельная смерть устроила дѣло къ лучшему. Павлушу взялъ Кириллъ Ивановичъ и, не имѣя дѣтей, считалъ его роднымъ сыномъ. Въ два года совершенно новой жизни этотъ мальчикъ видимо развился.

Сѣмена добра вкоренились глубоко въ его будущность и готовился изъ него порядочный человѣкъ на поприщѣ жизни.

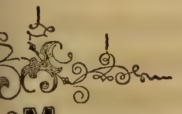
Слѣды прежняго воспитанія испарились отъ другаго общества, въ которомъ Бродницкій находился, но въ немъ было какое-то недовѣріе къ своему благополучію. О будущемъ онъ никогда не мечталъ и рѣшился напередъ выдерживать безъ ропота удары судьбы, если таковые для испытанія его твердости передъ нимъ возродятся.

Еще рано было ему располагать будущими преимуществами службы, какими онъ по происхожденію, воспитанію и доброй нравственности могъ пользоваться. Врожденная ненависть къ тому, чтобы кланяться, изгибаться, раболѣпствовать, представляла ему путь службы, усѣянный препятствіями, для него непроходимыми. Дружеское обращеніе Фейхте, его полезные совѣты, сдѣлали много добра молодому Бродницкому.

Болѣе четырехъ лѣтъ прожилъ Фейхте въ домѣ

Кирилла Ивановича. Совѣстливо передавалъ онъ свои свѣдѣнія Павлушѣ и подвинулъ его далеко впередъ. Наконецъ пришло время Фейхте проститься съ любимымъ имъ воспитанникомъ. Причины на это были очень важны. Старушка мать умоляла сына пріѣхать домой и жениться на двоюродной сестрѣ Эммѣ Карловнѣ. Серьезной Фейхте въ минуту откровенности сказалъ дядюшкѣ, что онъ до сихъ поръ къ кузинѣ своей не чувствовалъ никакого особеннаго влеченія, исключая родственной привязанности. Полагая волю матери имъ любимой закономъ, Фейхте со слезами простился съ дядюшкой и Амаліей Францовной, прижалъ къ своей груди Павлушу, подарилъ ему компактное изданіе Новелиса и съ трубкой въ зубахъ сѣлъ въ экипажъ. Въ ногахъ Фейхте помѣстился песъ, привязанный къ нему вѣрностію. Экипажъ тронулся и доставилъ Фейхте до первой станціи по бѣлорусскому тракту. По этому тракту, въ тогдашнее время, такъ трудно было ѣздить по причинѣ дурныхъ дорогъ, мостовъ и гатей, что человѣкъ, одинъ туда разъ прокатившись, готовъ былъ лучше выдержать лихорадку три мѣсяца, лишь бы не скакать по бревнамъ, древеснымъ корнямъ и другимъ удовольствіямъ.

—

ГЛАВА VIII.

Матеріалы для сплетней цѣлаго околодка явились съ отъѣздомъ учителя-студента. Амалія Францовна, перлъ изъ женъ, упавшій съ небесъ для поддержанія вѣрованія человѣчества въ возможность супружескаго счастія, подвергалась пересудамъ и клеветамъ.

Сколько есть несчастныхъ женщинъ, это испытывающихъ! Низкія сплетни не доходили до непорочнаго слуха Амаліи Францовны, да если бы и дошли, то мало могли ее трогать. Мужу очевидны были добродѣтели жены, жена могла служить образцомъ твердаго характера и, не бывъ ни въ чемъ виновной, навѣрно расхохоталась бы. Вѣдь за одну правду сердятся. Было же дѣло людямъ къ Кириллу Ивановичу и Амаліи Францовнѣ! Они сами никуда не выходили, въ домѣ у нихъ не были, а точили языки, притупившіеся отъ недостатка новостей. Одни говорили, что чахо-

точный Кириллъ Ивановичъ приревновалъ нѣмца къ женѣ и прогналъ его; другіе провозглашали совсѣмъ не то и увѣряли, что Амалія Францовна сама прогнала нѣмца, надоѣвъ, дожидая напрасно смерти Кирилла Ивановича, чтобы заранѣе оскомы себѣ не набивать. Въ эти времена у людей, въ обладаніе которыхъ достались лучшія степи дѣвственныхъ полей Малороссіи, деревни, населенныя крестьянами, добродѣтели не были развиты въ такой степени, какъ у тѣхъ, кто былъ въ ихъ зависимости. Паны, вмѣсто того, чтобы научать, просвѣщать, образовать грубое человѣчество вытащить его изъ глубины невѣжества и умыть ему глаза для прозрѣнія свѣта божескаго и человѣческаго, попирали его желѣзными ногами и необузданной волей во прахъ ничтожества. Наслаждаясь животными, одуряющими голову удовольствіями, они полагали, что плаваютъ въ океанѣ блаженства. Панство это не хотѣло бросить взглядъ участія на судьбу работающаго для него человѣка; носило оно гордо свою голову, задирало носъ и не подозрѣвало, что голова эта, хотя и здоровая, но набита сухой кострицей, доставшейся еще отъ предковъ по наслѣдству. Ключница изъ Раковой-Балки отправилась въ свободное время на богомолье пѣшкомъ въ Кіевъ; за упраздненіемъ ея мѣста, лучшаго употребленія времени она никакъ не могла выдумать. Раструсивъ мошну, набитую крадеными у господъ гривенниками, по церквамъ и монастырямъ,

помолясь за спасеніе и здравіе своей души, ключница вздумала навѣстить прежнюю свою барыню. Чуть не треть города обходила она, и никто не зналъ паніи изъ Раковой-Балки. На другой день старуха принялась съ утра искать Ульяну Осиповну, и часовъ въ двѣнадцать, неутомимая баба, попала прямо на дворъ двухъ-этажнаго дома, занимаемаго совѣтникомъ.

Ходила отставная ключница вокругъ этого дома, выкрашеннаго розовой краской, и кое-какъ, по черной лѣстницѣ, взобралась во второй этажъ и вошла въ дѣвичью.

Барыня выглянула въ дверь и ахнула отъ удовольствія, увидавъ бывшую ей вѣрной слугой старуху.

— Это ты? Давно изъ дому?

— Да третій тыждень, сударынька, отвѣчала ключница, цѣлуя руку тетушки.

— Ну, разсказывай, что̀ дѣлается въ Раковой-Балкѣ? Что въ Пожарищахъ: здоровы ли Кириллъ Ивановичъ и его нѣмкеня? что Павлуша, растетъ и весело ли ему въ домѣ дядюшки?

Проводя гостью по комнатамъ до самой спальни, тетушка закидала бѣдную ключницу вопросами. Деревенская баба молчала, подвигалась робко впередъ, озадаченная великолѣпіемъ, чистотой, картинами, позолотой, фарфорами и зеркалами. Пораженная богатствомъ, старуха медленно подви-

галась впередъ, и то не иначе, какъ крестясь и оглядываясь, почти на каждомъ шагу.

Вошедши въ спальню, украшенную малиновымъ пологомъ, зеленымъ, во всю комнату, ковромъ, тысячью бронзовыхъ и фарфоровыхъ бездѣлушекъ, разставленныхъ на столѣ, этажеркахъ и карнизахъ печи, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что такъ дешево приходится однимъ и стóитъ тяжкихъ трудовъ другимъ, тетушка завязала самый задушевный разговоръ съ ключницей. Первое, что̀ сообщила Ульяна Осиповна старухѣ, относилось на счетъ совѣтника, который былъ вовсе не такой, какъ—царство его душѣ! Лука Ивановичъ. Ульяна Осиповна сообщила, что совѣтникъ этотъ жестоко и неожиданно ее обманулъ, выжалъ изъ нея всѣ деньги и оставилъ ее безъ гроша.—Бывало прежде, продолжала тетушка, онъ самъ мнѣ кланяется и все ручку цѣлуетъ; а теперь я безъ него шагу не могу сдѣлать. Ворочаетъ мною, какъ своей крестьянкой. Не рада я, но должна переносить.

— Онъ! моя ма̀тинко! проголосила ключница, покачавъ глиняной головой, колыбъ вы знали свою годы̀ночку лыху! Отаку свою до̀леньку безчастную....

— Мало! Недавно только пересталъ меня мучить. Говоритъ: поклониться не умѣешь; платья надѣть не умѣешь. Возьметъ къ себѣ въ кабинетъ, да и начнетъ учить цѣлую ночь!

— Охъ мени лышычько.

— Взглянуть, говоритъ, на людей не умѣешь! Учись, говоритъ, всему, а не то, говоритъ, я тебѣ дамъ.... да и покажетъ мнѣ кулачище.... понимаешь: отто-бъ то уже быть.... мене быть! У тетушки навернулись слезы.

— Ахъ! горенько мени на свити, — вдохнувъ, прошептала ключница. Лучше бъ вы на вдовиномъ стольцѣ *) остались да въ Раковой-Балкѣ.

— Не то, говоритъ: не вижу, чтобы ты когда нибудь читала книгу. Порядочная женщина, говоритъ, должна читать, а не сидѣть гавою (вороною), ротъ разинувши. Такъ и сказалъ. Я, конечно, по старой привычкѣ, плюнула да и сказала на прямикъ, что читать не умѣю. Что жь ты думаешь? Тетушка встала и сложила руки.

— Охъ! Святые чудотворцы печерскіе!...

— Ну? Не знаешь, говоритъ, читать? Какъ стукнетъ онъ ногой, да какъ крикнетъ: Возможно ли? Безграмотная! Я такъ и умерла на мѣстѣ, и конечно духу у меня не стало! О, говоритъ, ты у меня будешь читать; я найду тебѣ учителя, постой, найду!

— Э! таки онъ зналъ, что domine нужно для васъ.... Може найшовся той самый що у насъ бувъ? спросила веселымъ тономъ ключница.

---

*) Часть имѣнія, которою вдова могла пользоваться до выхода замужъ.

— Какое! Я сама ожидала учителя, а онъ притащилъ старую барышню, злую, какъ немочь, худую, съ руками такими, какъ вороньи когти. Ну и говоритъ ей: вотъ вамъ ученица, не смотрите, что она моя жена, обходитесь съ нею, какъ съ ребенкомъ; возьмитесь за нее, да хорошенько! я вамъ, говоритъ, кромѣ жалованья буду дарить платья, тамъ платки и пр.

— Охъ, мени лишенько!

— Взялась она точно хорошо. Было всего—разсказывать стыжусь. Въ три мѣсяца я читать и писать выучилась. По цѣлымъ ночамъ сидѣла за книгой.

— И умѣете уже?

— Какую угодно книгу отъ доски до доски прочитаю.

— Ахъ! моя Владычице!... Говорятъ, сударинька, вы и танцовать учились.

— Ну да. Тогда только позволилъ выходить изъ дому, когда прошла я всѣ танцы, да выучилась хорошенько кланяться Вотъ какъ!

— Отто! Такъ и присидаете? Ажъ чудно....

— Передѣлалъ меня совсѣмъ. Связалъ мнѣ руки. Въ домѣ есть одна служанка, одинъ лакей, одинъ поваръ, кучеръ одинъ, а его жена прачка. И знаешь ли ты що? Не смѣй ударить ни души!

— Якъ же воно можно, чтобы кого-нибудь изъ домашнихъ да не ударить? На то слуга, чтобы ее быть. На то и панъ, чтобъ быть слугу!

— Ну не позволилъ, а прійдетъ иногда охота, зачешутся руки, дѣвчонку маленькую хотѣла имѣть, чтобъ хоть по губамъ можно было ее отшлепать или руки ей до красна понабивать. Нѣтъ, ни за-что не позволилъ! Богъ съ нимъ, надоѣлъ онъ мнѣ. Ну что, есть у Павлуши domine?

— Былъ три года, да недавно уѣхалъ. Хорошій нѣмецъ былъ. Никто не знаетъ отчего онъ уѣхалъ. Коней дали ему до Стагорьи.

— Помыркувавъ себѣ по-нѣмецки да й поѣхалъ. Добре що коней ему дали, а то бы онъ удравъ пѣшкы безъ замишки. Нѣмцы, вѣдь ты знаешь, всѣ они разсчетливы нанимать лошадей; а ногъ своихъ никогда не жалѣютъ. Старою коляскою его отправили?

— Нѣтъ новою.

— Какъ-то ему тамъ сидѣлось? Вѣрно задомъ сѣлъ на передъ. Ульяна Осиповна, сказавъ это, засмѣялась.

— Можетъ быть и такъ, сказала ключница. Нѣмецъ, сударыня, продолжала старуха, зроду не ѣздивъ коляскою. Нѣмцы всѣ почти любятъ бидою бигать. Вѣдь у нихъ, сударинька, говорятъ и пановъ нѣтъ?

— А, конечно нѣтъ.

— То-то хорошая сторона, мабуть, эта Нѣмещина. Тамъ, вѣрно, всякій нѣмецъ самъ себѣ панъ.

Тетушка призадумалась немного. Ей теперь странны были подобныя разсужденія простой бабы.

Всѣ рѣчи старухи казались тетушкѣ глупыми. Она смѣняла вопросы одни другими.

— Ну, что Павлуша! учится?

— Учится.

— Ему, я думаю, лѣтъ шестнадцать будетъ?

— Та будетъ.

— Что же пожарищанскіе господа съ нимъ думаютъ сдѣлать.

— Въ панціонъ отдать хотятъ.

— А тамъ, какъ возьмутъ его съ пансіона, куда хотятъ отдать?

— На службу въ судовики, сдѣлаютъ его подсудкомъ, коммиссаромъ сдѣлаютъ.

— Начто? Развѣ ему жить будетъ нечѣмъ?

— Извѣстно для того, чтобы гостинцовъ бралъ побольше. Надоѣло имъ, вѣрно, покупать чай и сахаръ. Вотъ и хотятъ Павлушу выучить та ъ, чтобъ онъ прямо изъ училища сѣлъ за красное сукно; а тамъ уже извѣстно, всего добра надорютъ челобитчики. Всего пришлютъ ему: коровъ живыхъ, кабановъ битыхъ, водки, холста и кормленыхъ индюковъ.

— Ахъ! какая ты дуря! шептала тетушка, смѣясь наивности своей собесѣдницы,—ей-Богу, дуря! продолжала тетушка. Нужно Павлушѣ прежде въ канцеляріяхъ пописать нѣсколько лѣтъ, да еще чинъ или два получить, да вы дти въ отставку, да попасть по желанію дворянь за красный столъ подсудкомъ или засѣдателемъ.... Ну, разскажи мнѣ

лучше, какой собою былъ нѣмецъ, который училъ Павлушу? Вѣрно препоганый!

— Нѣтъ, судариныка, паны, какіе его видѣли, всѣ хвалили. Намъ казался онъ не хорошимъ. Мы любимъ чарнявыхъ, а онъ былъ биляненькій. Патли якъ ленъ, очи чорни, лице довгосте и биле якъ наперъ.

— А усы у него были? спросила тетушка.

— Нѣтъ. Одинъ пушочекъ молоденькій якъ на жерделяхъ. Самъ же высокаго роста и ходитъ тихо все съ книгой въ рукахъ.

— Видно разумный?

— Крый Боже! Тамъ такый, разумный, все молчитъ. Повѣрите ли? Ни на одну женщину, ни на одну дѣвочку не взглянетъ.

— Вотъ этотъ, сказала радостно тетушка, долженъ быть хорошій нѣмецъ! Да, правду ли ты говоришь? Есть ли на свѣтѣ такіе мужчины? Они всѣ препогани....

— Такой былъ, что все читаетъ книгу хоть ты тутъ передъ нимъ, что хочь дѣлай. Да! вы, сударыня, знаете Оленку Явдошчычнину?

— Знаю. Она хорошенькая была собой.

— Очи такъ и ходятъ у ней! Сдѣлалась кругленькою, какъ точеною. Амалія Францовна взяла ее къ себѣ въ комнаты. Платье дала, черевички, намысто. Да что все это? Постель дала ей, одѣяло, простыню. Сдѣлалась Оленька настоящей панноч-

кой. Выросла, похорошѣла, хоть перещикнуть идé й гнеться.

— Ну, ну, сказала тетушка,—такъ она сдѣлалась хорошенькой?

— Такою доладнею, такою, что и трудно узнать.

— Ну, что же нѣмецъ, видѣлъ ее?

— Видѣлъ и ничего, а за то бывало она такъ, мимо его и прошмыгнéтъ! Шасть.... да еще трошки зарегочется и оглянется назадъ. Нѣмецъ не подыметъ глазъ, все будетъ читать или думать.

— Вижу, что нѣмецъ хорошій, это уже не то, что наше domine!

— Да и Оленка не даромъ глядѣла на биляваго нѣмца; любила она его и плакала, что тотъ на нее и не взглянетъ ласково!

— А я бы ее за патли.... ворчала тетушка.

— Куда ее вамъ, сударинька, за патли? Все на кохвахъ сидитъ. Знаете, вотъ одинъ разъ какой случай былъ: только что всѣ въ домѣ улеглись спать, Оленька изъ своей комнаты тихонько вышла, да какъ....

Раскраснѣвшаяся прачка въ сподницѣ, подвязаной чуть ли не выше колѣнъ, съ мокрыми руками вбѣжала въ комнату тетушки и шопотомъ, въ которомъ слышна была робость, произнесла: баринъ идутъ!

— Вотъ какъ я заговорилась, вскричала тетушка и, схвативъ первую попавшуюся ей въ руки

книгу, сѣла живописно въ большое кресло и, не закрывая книги, шепнула своей гостьѣ: — ты, пожалуста, уходи! мой мужъ идетъ. Послѣ приход.... поговорить.... Не.... туд....

Перепугавшаяся старуха поблѣднѣла, какъ известь. Бросившись отъ тетушки, она чуть не наткнулась на г. совѣтника, похожаго, какъ двѣ капли воды, на перольтовскаго Огра, который, входя въ свой домъ, въ такихъ случаяхъ говорилъ: Je sens la chair fraiche!

Старуха попала въ кабинетъ совѣтника и молилась, чтобы Господь указалъ ей путь, по которому она можетъ благополучно выбраться на улицу. Со страху она отворила дверь шкапа и бросилась въ сторону.

— Эге! ге! ге, ге, закричалъ совѣтникъ, увидя старуху, собиравшуюся отворить шкапную дверь, полагая что она выходитъ въ сѣни.—Старуха! ты кто такая? Тебѣ зачѣмъ заглядывать въ мой шкапъ? Не воровка ли ты? Пожалуй сюда! Скажи ка, кто ты такая!

— Это, другъ мой, сказала нѣжно, обратясь къ мужу, тетушка, — ключница, служившая мнѣ при жизни перваго мужа.

— А, это ваша гостья? сказалъ насмѣшливый совѣтникъ, я не зналъ этого. Вы бы позвали къ себѣ всѣхъ, которые мимо ходятъ съ тыквами да бураками.... Хорошее общество!... Нужна эта баба вамъ, нужна очень! А ты, сказалъ совѣтникъ, дро-

жавшей, какъ въ лихорадкѣ, бабѣ, ступай отъ сюда вонъ, да не являйся другой разъ; а появишься съ своими сплетнями, отошлю въ часть; тамъ тебя славно выпорютъ розгачами. Ну, возьми себѣ гривенникъ, сказалъ совѣтникъ, суя въ руку бабы монету, да уходи прочь. Вотъ тебѣ дорога на лѣстницу, третья дверь направо. Пооошла же.... пооошла....

Какъ собака, попавшаяся въ чужую конюшню и прибитая жестокими кучерами, выползла ключница изъ квартиры совѣтника на улицу. Она отъ испуга упала на тротуарѣ, щупала себя за носъ, пробовала кашлянуть и считала, что тутъ ее параличъ хватитъ.

Ключница, почувствовавъ, что жизнь къ ней возвращается, страхъ проходитъ, силы позволяютъ приподняться,—пошевелилась на мѣстѣ, встала и пошла, не оглядываясь, впередъ. Сжавъ въ кулакѣ гривенникъ, она отдала его первому бѣдняку, прося его, чтобы онъ молилъ за упокой раба Божіяго Терентія, такъ звали совѣтника. Слѣпой, спрятавъ монету, тутъ же началъ причитывать и бить поклоны за упокой.

— Дай ему Господи! ворчала ключница, отойдя отъ дому совѣтника, не дожить до завтрашняго дня. Какъ онъ меня, бѣдную, обидилъ! Я отдала его милостину другому; а тотъ праведнѣе меня, услышитъ его Господь!—Не доживетъ Терентій до завтра. Ой, дай же то Господи! Проговоря

это, старуха присоединилась къ толпѣ богомолокъ, спускавшихся къ Днѣпру и собравшихся въ обратный путь.

Два горя сложились вмѣстѣ, чтобы больше опечалить Павлушу. Не успѣлъ онъ отереть прощальныхъ слезъ, какими провожалъ друга-наставника, какъ долженъ былъ разстаться съ Амаліей Францовной—самой нѣжной изъ женщинъ, которыхъ святой Промыслъ посылаетъ утѣшеніемъ въ жизни круглыхъ сиротъ.

Бродницкій, опечаленный, простился со всѣмъ, что было ему дорого, и уѣхалъ въ городъ отдаленный, гдѣ онъ долженъ былъ попасть въ новое общество, несогласное быть можетъ, ни съ его чувствами, ни съ его духовнымъ настроеніемъ. Кириллъ Ивановичъ, совершенно неожиданно, въ директорѣ встрѣтилъ одного изъ своихъ товарищей. Этотъ человѣкъ обрадовался встрѣчѣ, принялъ Кирилла Ивановича съ радостію и тутъ же присовѣтывалъ ему помѣстить племянника въ только-что открытый по его старанію вольный пансіонъ.

Директоръ увѣрился въ добрыхъ качествахъ mr. Патанте, въ его строгой нравственности и въ душевномъ желаніи поселить въ юныхъ сердцахъ воспитанниковъ тѣ добродѣтели, которыя столько необходимы въ жизни домашней и служеніи родинѣ и человѣчеству.

Три дня провелъ Павлуша въ квартирѣ Кирил-

ла Ивановича и со слезами проводилъ своего благодѣтеля за городъ.

Остался Павлуша одинъ среди толпы незнакомыхъ ему лицъ. Патанте просилъ старшихъ пансіонеровъ обласкать новичка, гувернеровъ позвалъ къ себѣ и поручилъ имъ испытать его свѣдѣнія.

Чрезъ нѣсколько дней Бродницкій выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ высшій классъ гимназіи. Домъ, занимаемый пансіономъ, стоялъ въ концѣ города и былъ окруженъ тѣнистымъ садомъ.

Воспитанники въ праздничный день, при хорошей погодѣ, могли вдоволь подышать свѣжимъ воздухомъ и поиграть при бдительномъ надзорѣ двухъ гувернеровъ.

Содержатель пансіона, старичекъ-Французъ, кавалеръ Почетнаго Легіона, отличался отъ своихъ собратій, открывавшихъ въ то блаженное время пансіоны въ Россіи, высшимъ образованіемъ.

Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ онъ читалъ въ Парижской политехнической школѣ исторію военнаго искусства и высшую геодезію, бывъ прежде профессоромъ философіи въ l'Académie de Paris, гдѣ лекціи читаются слушателямъ безъ взиманія съ нихъ за ихъ любознательность презрѣнныхъ металловъ.

Все это не мѣшало Патанте быть превосходнымъ піанистомъ и бойцомъ на рапирахъ.

Патанте заслужилъ уваженіе и любовь своихъ

сослуживцевъ, и его превосходительство не рѣдко жаловалъ къ нему, гордясь его дружбой. Пансіонеры, безъ сомнѣнія, обожали своего содержателя. Онъ такъ умѣлъ привлечь ихъ сердца, что пансіонеры любили его, какъ роднаго, какъ друга, и обращались съ нимъ, какъ съ добрымъ отцомъ.

Жена его, черноокая уроженка Марсели, сохранившая еще и въ пятьдесятъ лѣтъ черты смуглой красоты уроженокъ южной Франціи, много помогала мужу въ хозяйственномъ управленіи пансіономъ.

Пансіонеры, гувернеры и сама Патанте съ женой составляли одну семью.

Старушка такъ была внимательна къ дѣтямъ совершенно для нея чуждымъ, что нужно было пожалѣть о ней. Природа не дала ей счастія быть матерью, а такая мать, какъ она, была-бы образцомъ для тѣхъ, кои слегка воспитываютъ свое семейство, съ желаніемъ поскорѣй его пристроить подальше.

Бродницкій скоро подружился съ товарищами. Ему было легко припоминать все пройденное и усовершенствовать себя въ любимѣйшемъ его искусствѣ, музыкѣ. Учитель музыки ежедневно посѣщалъ заведеніе, и самъ Патанте старался развить вкусъ къ музыкѣ, этому дару, доступному чудной гармоніей, восхищать образованный слухъ и трогать до умиленія самыхъ дикихъ людей. Въ общественныхъ заведеніяхъ рѣдко можно встрѣтить дѣтей, получившихъ дома хорошія въ наукахъ поз-

нанія. Бродницкій по своимъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ подъ руководствомъ ученаго Дерптца, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ въ гимназіи и старательно занимался расширить свои познанія приватнымъ слушаніемъ цѣлаго курса русской словесности.

Другіе изъ его товарищей въ первые годы дѣтства и отрочества жили дома, какъ кочни капусты. До вступленія въ школу они ни о чемъ, кромѣ дѣтскихъ игръ, понятія не имѣли, и дикимъ показался имъ учитель-экзаменаторъ, забрасывая ихъ вопросами такими, которыхъ они никогда и ни отъ кого не слышали. Исподволь начинаютъ ихъ учить; зубрятъ они на память сочетаніе словъ, механически удерживаютъ въ памяти безъ разсужденія, какъ это было? отчего было? нужно ли его знать? и проч.

Педагогу предоставили слѣпые родители произволъ обрывать или оставлять побѣги нѣжнаго растенія, и тотъ грубою рукой отсѣкаетъ иногда то, что должно бы лелѣять и принесть плодъ, полезный человѣчеству. Истинная вѣра и добрая нравственность считались въ пансіонѣ дорогими качествами, и на основаніи этого, обращеніе съ воспитанниками было кротко, возвышенно и благородно. Науки преподавались разумно, увлекательно. Педантизма и схоластики, враговъ юности, никто не зналъ, и гувернеры, люди учтивые и благовоспитанные, слѣдовали въ развитіи позна-

ній собственному разумѣнію, болѣе нежели правиламъ педагогики.

Не раздавалось въ этомъ пансіонѣ злаго крика, площадной брани, угрозъ и милыхъ изреченій. Грубый тонъ, свойственный такому же точно человѣку, былъ совершенно изгнанъ. Тѣлесное наказаніе, унижающее человѣка, равняющее его съ безсмысленнымъ животнымъ, бывшее подъ тотъ часъ въ большомъ ходу, почти вездѣ въ низшихъ школахъ, здѣсь совершенно запрещалось. Неисправимыхъ словами отсылали просто къ родителямъ,—чтобы они не были примѣромъ соблазна своимъ товарищамъ. Mr. Патанте провинившагося бралъ въ свой кабинетъ, держалъ его тамъ не рѣдко сутки и въ тишинѣ дѣлалъ ему такіе выговоры, что бѣдный воспитанникъ рѣдко попадался ему другой разъ.

Къ Бродницкому привязался самыми нѣжными узами дружбы Вася Янскій. Однихъ лѣтъ съ нимъ, этотъ молодой человѣкъ отличался характеромъ, совершенно противоположнымъ характеру Бродницкаго. Павлуша былъ дѣвичьей скромности; Вася же любилъ пошалить и не было той глупости, которую онъ не привелъ бы въ исполненіе. Его, бѣднаго, уже два раза отсылали къ родителямъ; но родители усиленными просьбами заставили Янскаго оставить до первыхъ шалостей.

Отличныя способности, доброта и успѣхи въ наукахъ мирили mr. Патанте съ Янскимъ, кото-

рый всѣми мѣрами старался исправиться и обѣщался, изъ дружбы къ Бродницкому, сдѣлаться гораздо скромнѣе.

Этотъ Вася былъ настоящій gamin de Paris, по выраженію mr. Патанте, соболѣзновавшаго о родителяхъ, такъ избаловавшихъ Янскаго.

Родители Янскаго жили всего въ пяти верстахъ отъ города, и какъ онъ хорошо учился, то передъ каждымъ праздникомъ брали его домой.

По просьбѣ старика Янскаго, Патанте отпускалъ съ Васей въ деревню Бродницкаго, тѣмъ охотнѣе, что Бродницкій могъ быть живой порукой въ поведеніи своего товарища.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ пансіонѣ Бродницкимъ, какимъ пріятнымъ показалось ему доброе семейство товарища. Ласки и радушіе родныхъ Янскаго возвратили Бродницкому на нѣсколько минутъ воспоминаніе того времени, которое провелъ онъ въ домѣ Кирилла Ивановича, подъ попечительствомъ Амаліи Францовны.

Почти каждую субботу, возвращаясь изъ гимназіи передъ вечеромъ въ пансіонъ, два юные пріятеля спѣшили удостовѣриться: стоятъ ли у сарая желтыя дрожки, запряженныя тройкой рыжихъ лошадокъ?

Пріятели почти никогда не ошибались. Дрожки и тройка лошадей съ длинными гривами спокойно ждали ихъ возвращеніи изъ гимназіи.

Янскій громко выказывалъ свою радость; Бродницкій молчалъ, не перемѣнялъ даже походки; но въ задумчивомъ его лицѣ, покрывавшемся на одно мгновеніе румянцомъ, было что-то особенное.

—

ГЛАВА VIII.

Существовать одними надеждами довольно печально. Бродницкій мечталъ, желалъ, начиналъ уже мыслить о будущемъ и былъ изъ огромнѣйшаго числа тѣхъ людей, для которыхъ будущее носитъ неопредѣленныя черты, а настоящее почти полно безвыходной тоски.

Деревню Янскихъ могъ замѣтить, при выѣздѣ изъ города, самый равнодушный проѣзжій и даже тотъ, кто холодно смотритъ на веселые пейзажи нашихъ малороссійскихъ деревень, такъ часто попадающіеся возлѣ большихъ и проселочныхъ дорогъ. Деревня Янскихъ тянулась у подошвы возвышенія, закудрявѣвшаго зелеными побѣгами орѣшника. Чистая, какъ стекло, рѣка, перерѣзывала Раздолье, такъ называлась деревня, на двѣ части. Мостикъ, перекинутый черезъ рѣчку, велъ прямо въ господскій дворъ. Длинный и низкій домъ съ службами весело глядѣлъ фронтомъ оконъ на подъѣз-

жавшаго и, казалось, приглашалъ поскорѣе войдти въ него.

Садовое крыльцо, сложенное изъ почернѣвшихъ дубовыхъ брусьевъ, выходило широкой терасой въ густой, самой природой воздѣланный садъ.

Искусство и руки человѣка мало заботились украшать это тихое убѣжище.

Единственная прямая аллея доходила до крошечной, бѣдной и уединенной церкви, обросшей кустами и, какъ бы сказать, берегущей двѣ могилы съ однимъ каменнымъ крестомъ, увитымъ дикимъ виноградникомъ. Низенькій заборъ, мѣстами, обросъ мохомъ и кое-гдѣ обвалился. Двѣ старыя березы будто-бы съ обгорѣлой корой прикрывали восточныя двери въ церковь.

Бродницкій часто, съ книгой, просиживалъ въ этомъ саду, недалеко отъ церкви, цѣлые часы. Изъ девяти оконъ передняго фасада господскаго дома видѣнъ былъ городъ, разсѣянный по уступамъ горы. Крыша дома, занимаемаго пансіономъ, выглядывала изъ-за старой почернѣвшей ратуши. Эта крыша, не смотря на свой веселый зеленый цвѣтъ, напоминала пансіонерамъ ихъ обязанности и была не совсѣмъ пріятной ихъ взорамъ. Всѣми силами старались пансіонеры не смотрѣть на видъ города. Изъ деревни видъ этотъ казался имъ отвратительнымъ и только по пріѣздѣ въ пансіонъ, занимаясь, они забывали то впечатлѣніе, какое дѣлалъ на нихъ городъ, рисуясь передъ окнами дома Янскихъ.

Семейство Федора Петровича Янскаго, артиллериста, временъ Очаковскихъ и покореній Крыма, было не большое. Самъ онъ жиденькій старикашка, съ вьющимися сѣдыми волосами, небольшаго роста, съ морщинистымъ лицомъ, орлинымъ носомъ и бородой, прятавшейся въ бѣлый батистовый галстухъ, носилъ съ гордостію званіе главы семейства. Жену его звали Варварой Андреевной. Она принадлежала къ числу тѣхъ добрыхъ твореній, которыхъ, живя сто лѣтъ въ домѣ, не услышишь, или тѣхъ женъ, у которыхъ, если голова не болитъ, то болятъ зубы.

Кроткая эта женщина заслуживала любовь домашнихъ и умѣла даже чужихъ заставить уважать не только себя, но и своего Амишку, преуродливаго, презлаго и навѣрное старѣйшаго своихъ одноплеменниковъ. Правду сказать, что эту собачку стоило давно уже повѣсить; но его честили, какъ самаго почтеннаго родственника и члена семейства. Старшая дочь Янскихъ, Анна Федоровна, вышла было замужъ за драгунскаго штабсъ-капитана Хохрековскаго. У этого господина считалось передъ свадьбой 896 душъ въ Могилевской губерніи, поселенныхъ въ непроходимыхъ лѣсахъ: послѣ женидьбы же оказалось всего 18 душъ, размѣщенныхъ на 35 десятинахъ истребленнаго лѣса. Старые пни и кое-гдѣ вѣтка березы, изломанная бродячимъ скотомъ, показывали признаки бывшаго лѣса. На кучахъ голаго песка стояло нѣ-

сколько избушекъ, сѣрыхъ, бѣдныхъ, грязныхъ и съ дырявыми крышами. Подальше другихъ стоялъ домикъ, занесенный до разбитыхъ оконъ пескомъ; этотъ-то домикъ, безъ кола и двора, былъ жилищемъ Хохряковскаго. Карету и лошадей, на которыхъ пріѣхали молодые супруги, негдѣ было поставить. Штабсъ-капитанъ свисталъ, просилъ чаю у жены, а двѣ дѣвушки, данныя въ приданое Аннѣ Федоровнѣ, рыдали, видя бѣдность въ какую попала ихъ милая барышня.

Карету господа продали съ лошадьми и начали жить скромно, пока не пріѣхалъ управляющій г. Ухлопова. Управляющій доложилъ свистящему штабсъ-капитану, что имѣніе, Сѣрые Кобцы, куплено съ публичныхъ торговъ, и онъ по довѣренности г. Ухлопова пріѣхалъ просить Хохряковскаго потрудиться выѣхать изъ Сѣрыхъ-Кобцовъ, уже съ полгода принадлежащихъ его вѣрителю. Трудно сдѣлалось Хохряковскому, онъ переконфузился и, вышедши въ чужой лѣсъ съ ружьемъ на охоту, прострѣлилъ себѣ сердце и тѣмъ возвратилъ Анну Федоровну снова въ родительскія объятія.

Претерпѣнное Анной Федоровной бѣдствіе пронеслось надъ нею тяжелымъ сномъ, и прежняя ея красота возвратилась. За этой вдовушкой слѣдовалъ Basil Янскій, товарищъ и другъ Бродницкаго. Ни отецъ, ни мать этому баловню ни въ чемъ не отказывали. Онъ пользовался всѣми благами,

кладовыхъ, кладовенекъ, чуланчиковъ, шкаповъ и шкапчиковъ. Кумиромъ всего семейства была меньшая въ семействѣ дочь Любочка.

Ей казалось не болѣе пятнадцати лѣтъ. Эту хорошенькую дѣвочку любили не только тѣ, кто ее окружалъ, но и всѣ тѣ, которые случайно ее не болѣе одного разу видѣли. Такова была Любочка.

У Ѳедора Петровича было болѣе 200 душъ крестьянъ, облагороженныхъ въ кредитномъ установленіи. Кромѣ этого долги, рекомендующія всегда человѣка честнымъ гражданиномъ, у Ѳедора Петровича никогда не переводились. Не грустилъ объ этомъ добрый старичекъ, а грустилъ тогда, когда у него не было гостей.

Можно было назвать его вполнѣ хлѣбосоломъ. Это существительное рѣдко въ разговорахъ о комъ-нибудь изъ нынѣшнихъ жителей Малороссіи употребляется. Оно какъ-то странно звучитъ въ ушахъ нашихъ.

Янскій жилъ просто и товсто. Роскошничать онъ конечно не отказывался; но средства его были довольно стѣснены. Тратить много онъ не имѣлъ привычки и поэтому, платя аккуратно проценты, откладывалъ уплату капиталовъ до будущаго благопріятнаго времени.

— Вотъ, дастъ Богъ, твердилъ Янскій, обстоятельства мои поправятся; смушка и шерсть вздорожаетъ; прійдетъ кавалерія квартировать на Орель,

сѣно все раскупятъ; и я съ долгами въ одинъ годъ квитъ.

Смушки и шерсть оставались въ одной цѣнѣ, кавалерія не являлась, а тутъ подходили Любочкины имянины. Нужно было устроить ихъ и, пшеница, сандомирка продана была жидамъ. Жиды пріѣхали, понюхали ее, пожевали во рту, набрали въ четверти и отвезли на крупчатку, за 80 верстъ взяли на пудѣ по 30 пользы.

Именины Любочки праздновались съ музыкой, иллюминаціей и стрѣльбой изъ мужчирей. Эта пальба теперь почти выводится.

Япскій около 50 лѣтъ жилъ въ отставкѣ и, несмотря на свою старость, ходилъ не только бодро, но и съ разными выкрутасами и вывертами, увѣряя, что такая походка была въ большой модѣ между высшими лицами столицы и даже придворными въ то время, когда онъ служилъ въ Петербургѣ.

Старику не возможно было не вѣрить; и соглашаться съ нимъ во всемъ рѣшались многіе, чтобы этимъ доставить ему утѣшеніе.

Федоръ Петровичъ постоянно носилъ бархатные сапоги, халатъ же надѣвалъ только тогда, когда чувствовалъ себя больнымъ.

Въ торжественные дни выходилъ онъ къ гостямъ не иначе, какъ въ тонкомъ синемъ сюртукѣ съ золочеными пуговицами, бѣломъ жилетѣ и узкихъ, какъ ножницы, панталонахъ.

Въ именины жены, Анеты или Любочки являлся Янскій постоянно во фракѣ, чулкахъ и башмакахъ. Галстухъ его въ это время закрывалъ уши до половины и препятствовалъ Федору Петровичу ворочать головой.

Какъ въ рамахъ изъ крѣпкаго дерева, мучился Янскій отъ утра до проводовъ гостей и нимало не показывалъ, какъ его женируетъ этикетъ и неудобный костюмъ.

Танцы бывали въ домѣ Янскихъ довольно часто подъ музыку, чаще же всего подъ фортепіано.

Тогдашніе танцы отличались скромностію движеній, плавностію и деликатнымъ обращеніемъ съ дамами. Не было этихъ оре-буръ, въ которыхъ кавалеръ, какъ сорвавшійся съ цѣпи шакалъ, бросается на свою жертву, схватываетъ ея и, закуся нижнюю губу, летитъ съ ней съ одного конца залы въ другой, чтобы внезапно остановить и въ противоположную сторону завертѣть даму до того, что бѣдному мужу тошно сдѣлается! Ѣздить въ тарантасѣ и танцовать съ оре-бурами совершенно все равно и подлежитъ уничтоженію.

Въ то время только что вводился новый танецъ и этотъ танецъ былъ: французскій кадриль.

Подъ музыку, очень не сложную, въ родѣ тютюльминовскаго экосеза, танцовали первую и третію фигуры; подъ другую музыку, съ тактомъ, гораздо ускореннымъ, танцовали остальныя фигуры, всегда среди толпы зрителей.

Въ деревняхъ, когда бывали въ гостяхъ молодые люди, вечеръ посвящался танцамъ. Старики и не танцующіе играли въ бостонъ, вистъ. Федоръ Петровичъ у себя въ домѣ садился въ партію съ его превосходительствомъ и сердился, если за весь вечеръ не удалось ему быть выбраннымъ въ котиліонѣ.

Но это бывало рѣдко. Всегда почти къ концу котиліона подлетала къ Федору Петровичу царица вечера и просила хозяина сдѣлать съ ней одинъ туръ вальса.

Янскій приходилъ въ восторгъ, отговаривался и бросалъ карты. Шаркнувъ сухой, какъ кость, ножкой, Янскій схватывалъ даму и быстро пробѣгалъ съ нею комнаты, ведущія въ залъ. Искривясь латинскимъ S, Федоръ Петровичъ три раза легкимъ вѣтеркомъ облеталъ залу.

Послѣ такого подвига входилъ онъ въ кабинетъ, извинялся за отлучку и, какъ ни въ чемъ не бывало, садился продолжать игру. При всѣхъ странностяхъ, Янскій велъ очень строгую жизнь. Пищу предпочиталъ растительную предъ другою, не пилъ ничего спиртуознаго, днемъ безпрестанно былъ въ движеніи и до маститой старости даже среди молодежи могъ щегольнуть своею бодростію.

Любитель чистоты, Янскій имѣлъ нѣкоторыя причуды.

Самый опрятный лакей не смѣлъ ему не только

подать что-нибудь; но и подойдти близко къ барину страшился.

Оригинальныя странности имѣлъ Янскій. Служили ему во всякое время двѣ молодыя дѣвушки. Онѣ одѣты всегда были чисто, опрятно, хотя и не щеголевато. Подходить къ барину онѣ иначе не смѣли, какъ съ веселымъ улыбающимся взоромъ и по первому звонку должны были обѣ являться.

Сосѣди бывали довольно часто у стариковъ Янскихъ и, изъ уваженія къ ихъ лѣтамъ, не считались съ ними визитами. Угощеніе въ домѣ Янскихъ не блистало севрскими фарфорами, аршинными стерлядями и саженными осетрами. За то посмотрѣлъ бы иной баринъ, индѣйскимъ пѣтухомъ держащій зобъ свой, какъ гости веселились въ простомъ, но въ высшей степени пріятномъ домѣ Янскихъ. Какъ эти почтенные люди умѣли встрѣтить, занять, проводить гостей и расположить уже ихъ къ себѣ на всегда съ самой хорошей стороны. Правду сказать, что передъ баломъ они никому визитовъ не дѣлали, кавалеровъ, высунувъ языкъ, не искали; но и не думали такъ, какъ иные себѣ разсуждаютъ, при догорающихъ свѣчахъ люстръ:

— Пора бы вамъ уже убираться домой, вотъ, вотъ скоро начнетъ разсвѣтать. Скучно какъ! Я васъ накормилъ, напоилъ, далъ случай потанцовать, полюбезничать. Чего же вамъ больше отъ меня хочется? Смерть какъ они мнѣ надоѣли. Легъ

бы спать скорѣй. Право, я знаю одного этакого господина; и всѣ тѣ, которые его знаютъ, согласятся со мною, что онъ, вовсе не краснорѣчивъ и по разнымъ причинамъ не скажетъ этого, а вѣрно подумаетъ все то, что я выше сказалъ или что нибудь къ этому подходящее.

Тартюфъ! Тартюфъ! Вотъ ему настоящая кличка.

Въ хорошую осеннюю погоду Янскій приглашалъ любителей на охоту съ гончими; или отправлялся съ ними въ наѣздку съ добрыми крымскими борзыми. Самъ преисправно сидѣлъ верхомъ; но не на лошади, а на бѣгункахъ.

Надоѣстъ ему охота, затѣетъ пелеринажъ съ дамами и дѣвицами въ монастырь верстъ за 8; катанье по рѣкѣ устроитъ въ лодкахъ, рыбную ловлю. Зимой же непремѣнно долженъ былъ состояться спектакль у него въ домѣ. Театръ болѣе всего веселилъ старичка.

Во всѣхъ удовольствіяхъ Янскій былъ распорядителемъ въ спектаклѣ и на репетиціяхъ режисеромъ. Придерживаясь классической декламаціи, онъ читалъ наизусть цѣлыя сцены изъ Расиновыхъ трагедій, въ примѣръ, какъ должно читать стихи на сценѣ.

Правда, что одинъ разъ взглянуть на распоряженія Янскаго въ спектаклѣ, да еще услышать на репетиціяхъ его декламацію съ дикими жестами, то и самому солидному человѣку большой трудъ будетъ предстоять удержаться отъ хохота. На

праздникахъ Рождества у него было постоянно три вечера, въ которые онъ давалъ спектакли, состоящіе изъ комедій—водевилей К. Шаховскаго, Хмельницкаго и маленькихъ драмъ Августа Фонъ-Коцебу. Къ спектаклямъ Basil приглашалъ, кромѣ Бродницкаго, взятаго имъ домой на всѣ праздники, Колобовича и еще трехъ или четырехъ пансіонеровъ.

Basil съ Колобовичемъ рѣдко появлялись въ комнатахъ, кромѣ обѣда и ужина, ихъ никто въ комнатахъ не видѣлъ.

Удовольствіе этихъ двухъ господъ состояло въ катаніяхъ, прогулкахъ, бѣганьи и изученіи нравовъ, обычаевъ, свадебныхъ обрядовъ простаго народа.

Въ то самое время, когда Янскій и Колобовичъ, неугомонные странствователи, ломали плетни и взбирались на высокіе сугробы снѣга, Бродницкій предпочиталъ сидѣть дома въ маленькой гостиной и читать чуть ли не въ седьмой разъ въ слухъ книгу между двумя лицами, слушавшими его чтеніе со вниманіемъ.

Книга эта была безсмертное сочиненіе Кампе: Новый Робинзонъ, служащій къ увеселенію и наставленію дѣтей.

Съ одной стороны Бродницкаго сидѣла мама Любочки съ зубами, подвязанными платкомъ; съ другой стороны склоняла свою кудрявую головку блѣдненькая Любочка и часто прерывала чтеніе

самыми наивными вопросами. Хорошенькая, какъ цвѣтокъ, вдовушка, самый нѣжный и только что сорванный, сидѣла въ другой комнатѣ и, склонясь надъ пяльцами, шила для своего папа сапоги. Злой Ховейко (Амишка тожъ) лежалъ у ногъ старухи Янской и дополнялъ картину изъ комнатной жизни.

Федоръ Петровичъ суетился во флигелѣ. Кузнецъ писалъ декораціи и нѣсколько бабъ сшивали холстъ для передней занавѣсы.

Любочка вступила уже въ тотъ возрастъ, въ который дѣвочку не плѣняетъ ни кукла, ни игрушка; но ей все еще жаль разстаться съ тѣми предметами, которые такъ недавно, такъ мило, служили ей забавой гдѣ нибудь въ уголку комнаты, между ширмой и рабочимъ столомъ. Еще съ прошлаго года Любочка играла въ куклы рѣдко; но съ удовольствіемъ и непремѣнно одна. Ей стыдно было говорить съ куклами, взглянувъ на свой ростъ.

Если бы велѣно было дѣвочки строгимъ учителемъ или гувернанткой бросить куклы, она не уронила бы слезы и въ первый день разлуки съ ними утѣшалась бы надеждой позабыть ихъ навсегда; но возвратясь въ свою комнатку, навѣрно произвела бы куколку изъ косыночки и, поговоривъ съ нею, положила бы ее, какъ сокровище, въ такое мѣсто, гдѣ гувернантка вѣрно никогда бы ее не отыскала.

Любочка, не смотря на свой ростъ и начинав-

шія обрисовываться формы роскошнаго сложенія, продолжала заплетать волосы въ двѣ косы и носить короткіе штанишки.

Взглянувши на это, можно было сказать, что это одинъ изъ роскошныхъ бутоновъ, готовыхъ всякую минуту распуститься. Глаза Любочки были сѣры; но прекрасны, какъ брилліанты. Въ нихъ просвѣчивалась ея прекрасная душа и покоилось чувство, готовое встрепенуться и Богъ его знаетъ когда установиться.

Самыя высокія мысли питалъ Бродницкій къ Любочкѣ. Кто въ состояніи былъ выразить словами чувства Бродницкаго, когда онъ, задумавшись, глядѣлъ на эту дѣвочку, глядѣлъ тогда, когда она, склонясь, смотрѣла въ сторону, не зная, что на нее глядятъ. Короткое время этихъ юныхъ лѣтъ оставило въ памяти Бродницкаго глубокіе слѣды.

— Если бы я могъ видѣть эту дѣвочку всегда; мнѣ не оставалось бы болѣе ничего желать въ этой жизни, сказалъ одинъ разъ Колобовичу Бродницкій.

— Ты мнѣ, братъ, этого не говори, сказалъ Колобовичъ, я вѣдь все разболтаю. Иди-ка посмотри, какого мы добра въ свою комнату нанесли!

Комната, точно, наполнена была костюмами, книгами, мебелью и бутафорными принадлежностями.

Не кому было высказать того, что чувствовалъ Бродницкій; онъ затаилъ это все и былъ счастливъ надеждой на быстрое время, которое

навѣрно сдѣлаетъ въ его положеніи хотя какую нибудь перемѣну.

Любочкѣ было всего 15 лѣтъ, Бродницкому только 18 лѣтъ. Впечатлѣніе, произведенное Любочкой на Бродницкаго, крѣпло съ каждымъ днемъ, пока не взволновалось новымъ горемъ, разразившимся зловѣщимъ ураганомъ надъ его скромнымъ бытіемъ.

Совершенно неожиданно вошла въ Малороссію конно-егерская дивизія и расквартировалась. Штабъ перваго полка помѣстился въ самомъ городѣ; эскадроны заняли уѣздъ.

Не одному изъ мѣстныхъ кавалеровъ пришлось вздыхать о преимуществѣ, какое дано будетъ кавалерамъ, пристукивающимъ звонкими шпорами. Поговаривали, что дворянство предположило устроить въ городѣ собраніе. Полковой командиръ былъ человѣкъ богатый, жилъ en garçon и каждый праздникъ вечеромъ у его квартиры гремѣли трубачи. Не трескучіе звуки Верди, не величественные аккорды Маейербера, даже не прекрасныя мелодіи маэстро Россини, трогали слухъ толпы, гулявшей по бульвару. Нѣтъ. Музыка этихъ господъ, овладѣвшихъ въ послѣдствіи вниманіемъ просвѣщенныхъ ушей, не могла столько тронуть толпу (если бы даже и была исполняема), какъ трогалъ французскій кадриль Титова, живая польская мазурка и котиліонъ на мотивы пѣсни: Я жду тебя!

Конные егеря, сознавая свои преимущества, гремѣли саблями, посматривая гордо на тихіе, чрезвычайно кургузые фраки тогдашняго времени. Къ Янскимъ наплывали гг. офицеры съ полковникомъ и даже безъ него. Чаще всѣхъ началъ являться прапорщикъ Омаровъ. Высокій и стройный юноша то и дѣло щеголялъ новыми экипажами, очень дорогими лошадьми и кучерами въ бархатахъ. Бродницкому стоило увидѣть одинъ разъ, какъ этотъ уроженецъ Тамбовской губерніи упрашивалъ Любочку учиться верховой ѣздѣ, какъ подводилъ къ ней поласкать своего кургузаго Лорда, и онъ рѣшился выдержать свой характеръ. Болѣе всего боялся онъ, чтобы разгорѣвшееся чувство не предало его въ глазахъ Омарова и не выставило его смѣшнымъ. Подъ предлогомъ занятій уроками и намѣреніемъ поступить въ университетъ, Бродницкій пересталъ ѣздить къ Янскимъ. Basil бралъ съ собой Колобовича и вдвоемъ гарцовали на коняхъ богача Омарова два пансіонера каждое воскресенье.

Изъ этого непріятнаго состоянія вывела Бродницкаго внезапная смерть Кирилла Ивановича.

Амалія Францовна трогательно описывала Бродницкому постигшее ее горе, просила не унывать, обѣщала еще болѣе любить его и надѣяться, что онъ сдастъ экзаменъ и увидиться съ нею въ Петербургѣ, куда она ѣдетъ. Тетушка прибавила, что если Бродницкій желаетъ поступить на служ-

бу, то она его опредѣлитъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, которымъ командуетъ ея родственникъ.

Бродницкій тутъ же рѣшился отвѣчать тетушкѣ и просилъ у нея позволенія, послѣ экзамена, явиться къ ней въ Петербургъ въ готовности поступить на службу.

Пожарища, Стогища, Штинованевка и Раковая-Балка по смерти Кирилла Ивановича поступили къ новому опекуну. Сыну Трофима Ивановича Александру было уже двадцать лѣтъ. Онъ могъ принять часть имѣнія подъ свое попечительство; сестры его были еще несовершенныхъ лѣтъ и по этому въ имѣніе прислалъ повѣреннаго Клевакина. Клевакинъ, проѣзжая черезъ городъ, навѣстилъ Бродницкаго и подалъ ему отъ Александра Трофимовича письмо.

— У меня еще есть братъ и двѣ сестры, сказалъ Бродницкій, они пріймутъ участіе въ потери невозвратной. Такъ это справедливо, продолжалъ Бродницкій, обратясь къ Клевакину, что Трофимъ Ивановичъ и его жена умерли?

— Слава Богу, проговорилъ тихо Клевакинъ, что они умерли. Жизнь ихъ не представляла имъ ничего утѣшительнаго.

— Какъ? спросилъ встревожившійся невольно Бродницкій.

— Они утратили право гражданства между людьми, еще до смерти.

— Я васъ не понимаю, сказалъ сконфуженный Бродницкій.

— Жажда къ пріобрѣтенію и другіе поступки погубили ихъ и повлекли за собою заслуженное показаніе. Они оба умерли въ острогѣ послѣ приговора, состоявшагося надъ ними и лишавшаго ихъ правъ состоянія съ ссылкой въ Сибирь.

Бродницкій молчалъ.

— Такіе родители, истинная кара небесъ.

Клевакинъ простился съ Бродницкимъ и уѣхалъ въ Пожарища. Имѣніе временно было раздѣлено. Стогщица и Пожарища достались наслѣдникамъ Трофима Ивановича; Штихованова и Раковая-Балка съ хуторами поступила на часть Павла Бродницкаго. Опекуномъ, еще раньше пріѣзда Клевакина, назначенъ былъ отставной подполковникъ Федоръ Федоровичъ Дзядровичъ.

Примѣрной честности человѣкъ, жившій лѣтъ пятнадцать въ отставкѣ пансіономъ, говоритъ, что онъ оставилъ жену въ Пензенской губерніи, но навѣрное этого никто не зналъ. Получивъ назначеніе, Дзядровичъ встревожился, вытащилъ мундиръ изъ чемодана, и шляпу изъ лубочной коробки и, заткнувъ шпажонку, выбѣжалъ на дворъ. Сѣвъ на старые дрожки, онъ полетѣлъ къ маршалу.

— Какъ угодно, понимаете, я не могу быть опекуномъ, сказалъ Дзядровичъ, отвѣтственность по управленію, упущенія, неаккуратность съ моей стороны, и честное мое имя подвергнется осуж-

денію. Я сорокъ пять лѣтъ служилъ въ одномъ баталіонѣ.... Маршалъ, зная Дзядровича, усиленно просилъ его принять имѣніе и не отпустилъ отъ себя, пока тотъ не далъ ему слова взяться за трудную обязанность.

Дзядровичъ прежде всего съѣздилъ въ городъ, повидался съ Бродницкимъ, и возвратясь, не отлагая принялъ имѣніе. Прошло нѣсколько недѣль и отъ Александра Трофимовича явился Клевакинъ. Клевакинъ увидѣлъ въ Дзядровичѣ рѣдкаго хозяина и примѣрной честности человѣка, рекомендовалъ его съ естафетой Бродницкому, какъ лицо, на которое можно во всемъ положиться. Въ ожиданіи отвѣта прошло нѣсколько недѣль; наконецъ Александръ Бродницкій отвѣчалъ Клевакину, что жалѣетъ душевно о невозможности оставить имѣніе въ управленіи Дзядровича и посылаетъ управителя г. Иванова. Съ этимъ вмѣстѣ Бродницкій просилъ Дзядровича, до пріѣзда этого человѣка, управлять имѣніемъ какъ и прежде. Это письмо двѣ недѣли лежало на почтѣ и его случайно отыскали между объявленіями.

Павлуша готовился къ выпуску. Экзаменъ онъ окончилъ и увѣдомлялъ Дзядровича, что пока онъ пришлетъ за нимъ экипажъ, аттестатъ будетъ уже въ его рукахъ.

Дзядровичъ послалъ за Павлушей свою коляску съ деньщикомъ, не захотѣвшимъ разстаться съ Дзядровичемъ и по полученіи чистой отставки. Явив-

шемся въ послѣдствіи доживать при отставномъ баталіонномъ командирѣ вѣкъ.

— Смотри Ферапонтовъ, сказалъ Дзядровичъ лысому саженному и здоровому, какъ слонъ, деньщику, чтобы ты благополучно доставилъ ко мнѣ Павла Максимовича.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! гаркнулъ старый слуга.

— Пом-ни! налѣво кру-гомъ! маршъ!

Ферапонтовъ поворотился и топнулъ правой ногой такъ, что стаканы, стоявшіе на доскѣ въ шкапу, зазвенѣли.

—

ГЛАВА IX.

Темнымъ и дождливымъ сентябрскимъ вечеромъ, подъѣхала къ флигелю въ Пожарищахъ рогожаная кибитка. Эта кибитка походила на тѣ импровизированныя русскимъ извощичьимъ умомъ фургоны, въ какихъ антрепренеры провинцальныхъ театровъ возятъ своихъ леди Макбетъ, Инесъ и Офелій съ одной ярмарки на другую. Въ кибитку эту запряжено было три сильныя извозчичьихъ лошади. Изъ брички, съ помощію ключника, вылѣзъ мужчина небольшаго роста, лѣтъ шестидесяти пяти, блѣдный, худой, со впалыми глазами и съ лицомъ, очень похожимъ на зимовавшій за печкой лимонъ. За старикомъ вылѣзла женщина. Она казалась гораздо старѣе своего спутника. Съ выстриженными низко на головѣ волосами, съ лицомъ въ морщинахъ, съ щеками ввалившимися, она отличалась блещущими лихорадочнымъ свѣтомъ глазами, дико и боязливо блуждавшими въ

своихъ орбитахъ. Это посѣрѣвшее лицо могло встревожить человѣка, одареннаго даже сильными нервами. Прахомъ вѣяло отъ этой женщины, засѣвшей въ темномъ углу комнаты, съ опущенной на грудь головою. Спутникъ ея суетился, какъ у себя. Внесъ самъ портфель, клеенчатый чемоданчикъ, старую шкатулку, бутылку и шпагу въ суконномъ чехлѣ. Не обращая вниманія на вопросительныя лица прислуги, пріѣзжій приказалъ затопить каминъ, поставить самоваръ и позвать къ нему деревенскаго старосту.

Ожидая прихода старосты, пріѣзжій подходилъ разъ пять къ тусклому зеркалу, вытащилъ изъ жилетнаго кармана складной гребень, и причесывалъ имъ волосы очень осторожно.

— Какъ здѣсь сыро, сказалъ онъ, обратясь къ ключнику, точно въ могилѣ, и быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ, потирая свои худыя и пожелтѣвшія руки. Не прошло и пяти минутъ, какъ самоваръ заигралъ на дубовой скамейкѣ, а въ большомъ каминѣ гоготали и трещали березовыя дрова. Дзюбанка долго въ сѣняхъ охарашивался, приглаживалъ свой чубъ, кашлялъ, вздыхалъ и, тихо отворя дверь, вошелъ въ комнату, гдѣ старичекъ наливалъ уже себѣ чай.

— Ты староста? спросилъ пріѣзжій, подойдя близко къ Дзюбанкѣ.

— Та я, пане, отвѣтилъ Дзюбанка съ поклономъ и вздохомъ.

— Знаешь ли ты грамотѣ?

— Ни, крывъ Бигъ, не зажываемо....

— Все равно. Слушай! Вотъ довѣренность, выданная мною твоимъ владѣльцемъ на управленіе Пожарищами. Старичекъ разскрылъ портфель, досталъ оттуда бумагу и показалъ ее Дзюбанкѣ. Понимаешь ли ты?

— Понимаемо, шепталъ чуть слышно Дзюбанка, стало быть, вы будете у насъ управителемъ? Быть стало я....

— Да, управителемъ, прервалъ Дзюбанку старичекъ, я отставной чиновникъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ.

— Чую.

— А вотъ это со мной родная сестра Матренушка, слѣпая отъ роду и слабоумная.... Богъ съ ней.... сказалъ Ивановъ, указавъ на печальную женщину.

— Та й Богъ съ ними.... шепнулъ Дзюбанка, сдвинувъ плечами.

— Скажи мнѣ, пожалуста, здѣсь ли г. Клевакинъ?

— Здѣсь, тутъ, тутечка, отвѣтилъ быстро Дзюбанка, и Дзядровичъ здѣсь.

— Кто же это такой Дзядровичъ?

— Ихъ подполковникомъ зовутъ.

— Чѣмъ же онъ занимается въ Пожарищахъ?

— Они опекуномъ въ Раковой-Балкѣ и здѣсь у насъ тоже.

— Ааа.... хорошо. Ну, ступай и скажи, что я не могу къ нимъ сегодня явиться, усталъ съ дороги; а завтра буду у нихъ. Понялъ ли?

— Понялъ.

— Ну, что же ты сталъ, да еще ротъ разинулъ? Живо.... хохолъ.... Дзюбанка сконфузился и чуть не ударился лбомъ о притолку. Не было хлопоту, ворчалъ онъ, такъ вотъ тебѣ управитель нуженъ! А мизерне, а худе, продолжалъ Дзюбанка, да такъ тебе очима й свердлыть.... Цуръ тоби, осына, печенее кошея! Силь тоби въ вичи, а пичина въ зубы! Назвалъ меня хохломъ? Боюсь, чтобы пристритъ меня не напавъ.... Перепичка догналъ входившаго на крыльцо большаго дома Дзюбанку и подалъ ему пакетъ отъ управителя для передачи г. Клевакину. Дзюбанка осторожно передалъ пакетъ лакею. Клевакинъ съ Дзядровичемъ сидѣли въ диванной. Первый читалъ газету въ слухъ, послѣдній слушалъ, куря трубку и думая совсѣмъ о другомъ. Лакей вошелъ и подалъ пакетъ Клевакину.

— Отъ кого это? спросилъ Клевакинъ, распечатывая.

— Отъ управителя, только что пріѣхавшаго изъ Петербурга.

— Да гдѣ же онъ?

— Остановился во флигелѣ.

— И просивъ извиненія, что не можегъ явиться,

добавилъ Дзюбанка, разстворя половинку дверей и высунувъ оттуда свою голову.

— Это письмо, а вотъ и довѣренность отъ Александра Трофимовича, сказалъ Клевакинъ, отдавая Дзядровичу прочитанныя имъ наскоро бумаги.

Дзядровичь сморщился, читалъ долго и отдалъ бумаги опять Клевакину.

— А вотъ и документы, ворчалъ Клевакинъ, читая засаленный и распадающійся на сгибахъ указъ объ отставкѣ Иванова.

— Конечно я недолго управлялъ, шепталъ Дзядровичъ, прійдется сдавать имѣніе, понимаете? Я боюсь, чтобы этотъ господинъ не сдѣлалъ мнѣ какой нибудь непріятности. Вѣрно найдетъ упущенія. Я сдалъ ему все въ такомъ точно видѣ, какъ принялъ послѣ смерти Кирилла Ивановича.

— Этотъ Ивановъ, началъ Клевакинъ, говоря объ управителѣ, долженъ быть нашъ братъ, коренной Русакъ. Разсмотритъ онъ имѣніе, увидитъ вашихъ хохловъ, да чего добраго, откажется совершенно отъ управленія, не понимая вашего степнаго хозяйства.

— Э! Уже воны сюда ѣхавши разсматривали, отозвался изъ-за дверей Дзюбанка, отыскивая Пожарища, они побывали въ Стогищахъ, Штиховакѣ, Раковой-Балкѣ и во всѣхъ нашихъ хуторахъ отъ Пекарщины до Козынаго-Бока. Взды-

хали и покручивали головой, что такое имѣніе не въ однѣхъ рукахъ.

— Такъ и есть, сказалъ Дзядровичъ. Вотъ увидите, добавилъ онъ Клевакину, лишь только Ивановъ вступитъ въ управленіе, то его и въ двадцать лѣтъ не вытурятъ. Онъ изъ военныхъ?

— Какое? Смотрителемъ полугошпиталя былъ 16 лѣтъ. Подъ судомъ находился лѣтъ десять и отставленъ отъ службы впредь никуда не принимать.

— Изъ этихъ гошпитальныхъ экономовъ, хорошіе люди попадаются. Подлинно сказать: Александръ Трофимовичъ зналъ кому довѣрить имѣніе! Позвольте, я вамъ скажу, что эти люди сплошъ да рядомъ казенными халатами торгуютъ, бѣлье гошпитальное переводятъ и одинъ больше другаго мошенничаютъ. Въ такомъ родѣ продолжалъ Дзядровичъ разговоръ, пока Клевакинъ пожелалъ ему доброй ночи и ушелъ въ свою комнату.

Было поздно. Во флигелѣ горѣла свѣча до утра; и ставни, выходившія на дворъ, остались запертыми. Говорили, что пріѣхавшая съ Ивановымъ женщина не могла глядѣть на свѣтъ, все пряталась по угламъ. Ивановъ окружалъ попеченіемъ несчастную, какъ сострадательный братъ и человѣкъ. Только на другой день въ сумерки явился въ домъ къ Клевакину управитель. Представивъ себя Дзядровичу и Клевакину, Ивановъ упомянулъ о его давнишнемъ знакомствѣ съ Трофимомъ Иванови-

чемъ и тутъ же разсыпался въ благодарностяхъ Александру Трофимовичу, который далъ ему у себя въ деревнѣ убѣжище и должность. Управитель говорилъ осторожно; казалось, хотѣлъ онъ узнать, съ какими людьми прійдется ему имѣть дѣло. Не прошло и полчаса, какъ управитель достигнулъ своего желанія. Онъ насквозь видѣлъ Дзядровича и Клевакина. Одежда управителя носила печать бѣдности, аккуратности, чистоты и хорошаго вкуса. Голова покрывалась старенькимъ паричкомъ. Манеры Иванова и всѣ вообще движенія были неукоризненны, ловки и приличны. Одни глаза, глубоко запавшія, не могли останавливатся долго на одномъ предметѣ, а блуждали довольно часто по сторонамъ, будто стараясь отыскать спрятавшійся отъ ихъ предметъ. Съ первыхъ словъ Ивановъ овладѣлъ вниманіемъ Клевакина. Тотъ развѣсилъ уши и восхищался агрономическими познаніями Иванова и новыми способами, тутъ же проектированными, довесть имѣніе до блистательнаго состоянія. Клевакинъ управлялъ въ Рязанской губерніи оброчными крестьянами; считалъ себя агрономомъ, но, увидѣвъ въ Ивановѣ человѣка, далеко съ высшими въ хозяйствѣ знаніями, нежели онъ, свелъ разговоръ на судопроизводство. Пустился Клевакинъ разсказывать дѣла, самыя запутанныя, самыя сложныя и, несмотря на все это, выигранныя имъ въ пользу своихъ вѣрителей.

Ивановъ покачалъ головой и развернулъ тутъ же цѣлый архивъ юриспруденціи. Клевакинъ восхищался его опытностію, удивлялся его огромнымъ познаніямъ и раболѣпно слушалъ каждое его слово, сожалѣя что этихъ словъ не возможно было глотать. Ивановъ ораторствовалъ, представъ живымъ указателемъ не только судопроизводства, но и всѣхъ пріемовъ, уклоненій, тонкостей и даже орагинальныхъ способовъ достигнуть желаемаго результата и дать такое направленіе дѣлу, какое доведетъ окончаніе его къ предназначенной цѣли.

Клевакинъ согласился, что голова Иванова и сарбонская академія синонимы. Удивлялся Клевакинъ, какимъ образомъ человѣкъ, съ такими обширными знаніями, довольствовался скромной должностію смотрителя военнаго полу-гошпиталя? Дзядровичъ во все время не сказалъ ни одного слова. Онъ курилъ трубку и, затягиваясь по-гренадерски, пускалъ густой дымъ сквозь посѣдѣвшіе усы. Ивановъ нѣсколько разъ принимался вовлечь въ общій разговоръ Дзядровича; но тотъ коротко и холодно ему отвѣчалъ и оканчивалъ просьбой принять у него, какъ можно скорѣе, имѣніе. Въ нѣсколько дней имѣніе было передано г. Иванову съ книгами, вѣдомостями и деньгами. Не замедлилъ пріѣхать изъ города Павелъ Максимовичъ и развлекъ немного Дзядровича, не сошедшагося въ мысляхъ съ Ивановымъ.

— Намъ здѣсь дѣлать больше нечего, сказалъ

опекунъ Павлушѣ, поѣдемъ въ Раковую-Балку ожидать извѣстія отъ Амаліи Францовны.

— Но братъ Александръ, сказалъ тихо Бродницкій Дзядровичу, писалъ ко мнѣ, чтобы я занялъ въ Пожарищахъ ту самую комнату, въ которой жилъ прежде, если желаю доказать ему братскую любовь. Ивановъ, сидя въ другомъ концѣ комнаты и разговаривая съ Клевакинымъ, слышалъ все и, подойдя къ Бродницкому, вкрадчиво сказалъ.

— Вы, навѣрное, меня не захотите обидѣть. Отъѣздъ вашъ изъ Пожарищъ можетъ быть сочтенъ моимъ вѣрителемъ причиной моего къ вамъ невниманія. Покорно васъ прошу остаться и жить, какъ въ своемъ собственномъ домѣ. Вы столько будете снисходительны, что не захотите бѣднаго старика лишить покойнаго мѣста! Послѣ всего сказаннаго, Ивановъ разговорился съ Павлушей и привлекъ его на свою сторону.

Оставшагося въ Пожарищахъ Бродницкаго, Ивановъ окружилъ всѣми удобствами жизни, обѣщавъ предупреждать его малѣйшія желанія. Ивановъ заставлялъ опекуна не одинъ разъ крутить свои усы, слушая какія басни онъ распускаетъ при молодомъ и довѣрчивомъ Павлушѣ.

Бродницкій, уходя спать, зашелъ на нѣсколько минутъ въ Дзядровичу.

— Понимаешь? Этотъ старый крючекъ, ворчалъ раздѣваясь Дзядровичъ, не даромъ такъ подъ тебя подсыпается! Поѣдемъ лучше въ Раковую-Балку...

— Нѣтъ, позвольте мнѣ дождаться пріѣзда изъ Петербурга брата. Я увижусь съ нимъ и тогда охотно переѣду.

Простые, но опытные глаза Дзядровича замѣтили во взглядахъ Иванова самое злое выраженіе; въ сухихъ прилипшихъ къ челюстямъ губамъ коварство, а въ ухваткахъ что-то странное, занятое въ дурномъ обществѣ и нѣсколько разъ обнаруживавшееся, противъ воли Иванова, ту же секунду оправлявшагося. Павлуша этого не замѣчалъ. Онъ упивался вольными рѣчами Иванова и соболѣзновалъ о томъ пути, который пройденъ несчастнымъ управителемъ рядомъ съ лишеніями и неумолимою бѣдностію, такъ жестоко бичующею самые желѣзные характеры.

— Брось, Павлуша, шепталъ Дзядровичъ, покуривая трубку, брось этого стараго пройдоху. Уста его лживы; наведутъ тебя на пагубу. Ну, хоть одинъ разъ, взгляни на него повнимательнѣе! Вѣдь это, другъ мой, сатана въ образѣ человѣка! Ну, позволь. Вглядись-ка въ его лицо, увидишь на немъ борозды, проведенныя пагубными страстями. Поѣдемъ, я отвезу тебя въ Раковую-Балку.

— Не только я самъ хочу остаться, но и васъ прошу побыть дня три, чтобы вы узнали покороче г. Иванова и перемѣнили о немъ свое мнѣніе.

— Ужь я не перемѣню! Я видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ принималъ отъ меня ассигнаціи, какъ считалъ, какъ онъ ихъ разглаживалъ. Я видѣлъ, повторяю тебѣ, что деньги кумиръ этого человѣка; а для кого деньги все, тотъ уже не можетъ ужиться со мной.... Понимаешь: я сорокъ пять лѣтъ прослужилъ въ одномъ полку и въ одномъ баталіонѣ. Перевелось у насъ много такихъ господъ, о которыхъ и подумать совѣстно. Взгляну на Иванова и припомню одного сахара-медовича.

— Сахара-медовича? сказалъ Бродницкій; престранная фамилія!

— Какое? Его фамилія была Ослятниковъ—изъ 24-го егерскаго полка, стоявшаго въ 1817 году на Волыни; Ослятникова перевели къ намъ. Красавецъ былъ офицерина! Да что? Въ касинахъ и редутахъ въ мазуркѣ онъ первый танцоръ. Понимаешь, въ Польшѣ-то? Поляки такъ и вызвѣрются и ахнутъ, что москаль хорошо пляшетъ ихъ родной танецъ—да еще, съ первой красавицей Ручецкой.... вдовушка была. Да что толковать? Ослятниковъ въ разговорахъ очаровывалъ не только ее, хорошенькую Костусю, но и саму полковницу нашу Прасковью Ивановну. Въ карты Ослятниковъ отца роднаго не щадилъ. Этакого бестію то и дѣло изъ роты въ роту переводили. Вездѣ и всѣмъ надоѣлъ страшно. Упекли его въ швальню. Изъ швальни отправили въ хлѣбопеки; оттуда командировали въ лѣса, уголье жечь и наконецъ тур-

нули верстъ за 300, въ военно-судную коммиссію. Возвратился и нимало не исправился: тамъ займетъ, тамъ просто возьметъ, тамъ сплутуетъ, тамъ надуетъ. Офицерина вышелъ съ него страмъ, поношеніе. Понимаешь—дрянь. Куда дѣвать? Въ инвалидъ. Такъ и рѣшили. Что-же ты думаешь?— Прибывши на мѣсто, въ три дня познакомился съ жителями и принялся за продѣлки: городничаго обыгралъ въ штосъ; занялъ у хозяйки своей квартиры денегъ; заложилъ чужіе часы; пріобрѣлъ подложный документъ и увезъ ночью меньшую дочь Протоіерея. Разъ только увидѣлъ бѣдняжку. Понимаешь.... сказалъ, что любитъ....

— Что-же онъ, увезши дочь протоіерея, исправился? спросилъ пресеріозно Павлуша.

— Какое? Попался въ городкѣ, проѣхавши верстъ четыреста не дальше. Это, говоритъ, моя жена, понимаешь? Рекомендую, говоритъ, вамъ мою жену.... а та думаетъ, какая я, чертъ меня возьми, жена, да въ слезы!... Ну, извѣстно, этакой бестія ласкалъ ее изрѣдка, а потасовку-то и день и ночь приводилъ въ дѣйствіе. Словомъ любилъ и покинулъ. Жениться, значитъ, атанде-съ. Кому какая надобность? Пріѣхалъ въ городъ съ дамой помѣщикомъ, покупаю, говоритъ, въ вашемъ уѣздѣ имѣніе. Проигравшись партіонному офицеру, Ослятниковъ долженъ былъ уйдти изъ города; а бѣдная-то жертва, понимаешь, жертва, отдавшаяся ему прежде побѣга на закланіе, осталось одна. Ко-

нечно, голодъ не свой братъ; все открылось.—Мошенникъ, кричитъ среди улицы жертва, такъ и такъ, говоритъ, онъ меня свелъ съума, говоритъ. Тутъ партіонный офицеръ присталъ къ ней: вы-съ, сударыня-съ, избрали недостойнаго кавалера-съ; а неугодно ли вамъ удостовѣриться, что есть хорошіе люди на свѣтѣ и довѣрить себя мнѣ? — Нѣтъ.... говоритъ. Одно, понимаешь, стыдъ; а другое, что офицеръ былъ не хорошъ собой: длинный и лицо похожее на сапожную колодку. Городничій и инвалидная команда приняли участіе въ отысканіи бѣглеца. Ну, знаешь, полиція одна власть, а инвалидная команда, хотя и поломанная, но все-таки власть другая. Всѣхъ небывшихъ въ караулѣ разослали, и голубчика очень скоро схватили.

— Что́-же послѣ съ нимъ случилось?

— Судили и велѣно его разжаловать въ солдаты безъ выслуги да и послать въ дальнѣйшіе сибирскіе баталіоны. Пошелъ по владимірской дорожкѣ, и слышно, въ больницѣ тобольскаго острога умеръ и путь нечестиваго погибъ!

— Хорошъ вашъ Ослятниковъ, но я его на одну доску не поставлю съ Ивановымъ, человѣкомъ почтеннымъ и образованнымъ.

— Ну, вглядись еще хотя разъ въ лицо этого человѣка. Понимаешь? Настоящій сатана! Думаетъ одно, а говоритъ другое; а желаетъ, ей-Богу, третіе. Пальцы-то у него какіе? Гибкіе, короткіе и обтянутые сухой кожей. Понимаешь?

У этого человѣка не безъ пятенъ на совѣсти, если она когда нибудь въ его душѣ жила.

Павлушѣ не удалось перемѣнить мнѣніе Дзядровича объ Ивановѣ. Онъ ненавидѣлъ его и послѣ сдачи имѣнія уѣхалъ въ Раковую-Балку, заклиная Павлушу избѣгать частыхъ свиданій съ Ивановымъ. Дня три пробылъ Павлуша въ Пожарищахъ и вздумалъ поохотиться. Къ удовольствію Павлуши Ивановъ оказался страстнымъ охотникомъ, и они отправились въ лодкѣ плесами, пробиваясь изрѣдка тростникомъ гнилой рѣки. Тучи утокъ подымались среди крику крячковъ, вившихся и полыхавшихся надъ охотниками. Успѣха имъ не было. Утки не подпускали къ себѣ на дистанцію, и когда начало темнѣть, Ивановъ неловкимъ поворотомъ быстро опрокинулъ лодку. Павлуша нырнулъ и не потерялъ присутствія разсудка для того, чтобы съ бѣдой по поламъ добраться до перваго куста. Павлуша выкарабкался, Ивановъ былъ уже на берегу и кричалъ изъ всей мочи, что Бродницкій тонетъ. Павлуша, не подозрѣвая того, что Ивановъ его уже увидѣлъ, началъ отзываться и топкимъ болотомъ насилу добрался до берега. Охота, чуть не стоившая жизни Павлушѣ, и вечерняя свѣжесть такъ подѣйствовали на него, что Бродницкій, возвратясь домой, перемѣнилъ бѣлье и долженъ былъ лечь въ постель. Чай не согрѣлъ Бродницкаго; онъ безпокойно провелъ ночь, и къ свѣту явились у него признаки простудной горячки.

Дали знать Дзядровичу, и тотъ явился къ обѣду. Увидѣвши больнаго, онъ на тѣхъ же самыхъ лошадяхъ послалъ въ городъ за докторомъ. Дзядровичъ сидѣлъ возлѣ лежавшаго въ бреду Бродницкаго. Къ вечеру явился докторъ и нашелъ развившуюся горячку, дѣйствительно простудной; но вовсе не опасной. Сдѣлавъ что̀ было можно, докторъ прописалъ лекарство и поспѣшилъ возвратиться въ городъ. Часовъ въ 10 Павлушѣ сдѣлалось лучше, и Дзядровичъ, обрадованный счастливой перемѣной, тихонько ушелъ въ кабинетъ. Закуря трубку, онъ легъ на обитомъ зеленымъ сафьяномъ диванѣ и, схватя первую, попавшуюся ему подъ руку книгу (Расчеты о прогонахъ), началъ ее внимательно читать. Лѣта, тревога и поздній часъ клонили Дзядровича ко сну, но онъ крѣпился. Книга первая выпала изъ его рукъ; за книгой упала трубка, и старикъ, положа руку подъ голову, тихо заснулъ. Бѣготня по корридору и смѣшанный шумъ нѣсколькихъ голосовъ разбудили Дзядровича. Схватясь съ дивана, онъ уронилъ столъ съ нагорѣвшей свѣчой. Въ кабинетѣ сдѣлалось темно, и окна освѣтило зарево отдаленнаго пожара.

— Кажется, въ Пекарщинѣ пожаръ! сказалъ громко Дзядровичъ, подходя къ окну. Выбѣжавъ въ корридоръ, Дзядровичъ спросилъ у перваго, попавшагося ему въ темнотѣ человѣка, гдѣ пожаръ?

— Да, говорятъ, чуть лышъ не въ Пекарщинѣ,

отвѣтилъ Дзюбанка, какъ изъ земли выросшій передъ Дзядровичемъ. Пекарщина была однимъ изъ лучшихъ хуторовъ Раково-Балкскихъ.

— Дайте мнѣ лошадь! закричалъ Дзядровичъ и безъ сѣдла поскакалъ въ Пекарщину. Люди въ Пожарищахъ высыпали изъ избъ глядѣть на зарево, и имъ скоро пришлось у себя потрудиться. Сушня, стоявшая вдали отъ гумна, вспыхнула. Вѣтеръ поднялся, и все, что было въ состояніи заливать пожаръ, бросилось туда съ водой, баграми и крюками. Господскій дворъ въ Пожарищахъ опустѣлъ. Ивановъ явился на пожаръ уже тогда, когда сушня была разломана и отъ пожара остался слабый дымокъ. Поблагодаривъ людей за усердіе, онъ приказалъ попотчивать ихъ виномъ, а самъ возвратился къ себѣ во флигель.

— О уже якъ соби хочете, сказалъ запыхавшійся Дзюбанка, взойдя за Ивановымъ въ его комнату, а паныча Павлуши нѣтъ въ комнатѣ; да и окно въ садъ выломано!

— Быть не можетъ! вскричалъ Ивановъ и съ Дзюбанкой бросился въ домъ. Павлуши и не было на кровати; окно нашли они дѣйствительно выломаннымъ и бросились въ садъ искать горячешнаго. Деревня цѣлая опять встревожилась. Всѣ бросились искать исчезнувшаго паныча. Передъ разсвѣтомъ Ивановъ хлопоталъ возлѣ рыбаковъ, закидывавшихъ въ рѣкѣ неводъ. И солнце взошло—искали Павлушу, и всѣ старанія отыскать остались напрасны.

Дзядровичъ, какъ помѣшанный, ходилъ по пустымъ покоямъ.

— Понимаете ли, сударь! кричалъ онъ холодному Иванову, кто дастъ отвѣтъ въ погибели Бродницкаго? Вы досмотрѣли его! Ну что скажетъ опека? Богъ съ нею; пока я отрапортую это.... Да какъ и рапортовать?—Я увѣренъ, что сердце мое истлѣетъ. Досмотрѣлъ ты, старый дуракъ; дитя, начальствомъ тебѣ ввѣренное. Лучше бы мнѣ самому умереть! Лицо старика глядѣло сурово, онъ молчалъ и, соскочивши съ мѣста, ударилъ кулакомъ по столу.

— Искать! Еще искать! кричалъ Дзядровичъ, сбѣжавъ съ крыльца и опустясь на нижнюю ступень. На черномъ дворѣ слышались крики. Толпа людей бѣжала изъ воротъ на дворъ. Дзядровичъ, закрывъ лицо руками, ничего не видѣлъ и не слышалъ—такъ глубоко былъ онъ тронутъ несчастнымъ случаемъ. Толпа бѣжала, приближалась, говоръ дѣлался слышнѣе. Впереди всѣхъ два человѣка несли что-то бѣлое.

— Чи чуете, знайшли.... закричалъ Дзюбанка надъ самымъ ухомъ Дзядровича.

— Нашли? спросилъ старикъ, не вѣря, ты не обманываешъ меня....

— Онъ несутъ....

— Мертваго?—Онъ не живой?

— Тилько що жывый да теплый!

— Давайте его сюда, закричалъ Дзядровичъ, брасаясь на встрѣчу людямъ. Павлушу принесли въ комнату и положили опять на постель.

— Коляску, закричалъ Дзядровичъ, я увезу его въ городъ. Не оставлю здѣсь! Чрезъ нѣсколько минутъ Бродницкій, окутанный одѣялами и шинелями, съ Дзядровичемъ въ коляскѣ уѣхалъ въ городъ. Несчастнаго Павлушу уже было отчаялись сыскать, какъ увидѣли его на днѣ стараго колодца. Павлуша былъ закутанъ въ простыню и не долетѣлъ до воды, а увязъ между обломками разрушившагося сруба. Пріѣхавши въ городъ, Павлушу внесли въ комнату и положили на постель. Онъ, не раскрывая глазъ, стоналъ. Пока явился полковой докторъ, Бродницкій умолкъ и немного заснулъ. Опекунъ сидѣлъ и не сводилъ съ него внимательныхъ глазъ.

— Помогите, докторъ, началъ тихо Дзядровичь, нужно вамъ его вылечить; ему жизнь нужна; онъ ею еще не пользовался. Только что изъ школы.

Докторъ, молча подошелъ и взялъ Бродницкаго за руку.

Дзядровичъ тихо объяснилъ врачу причину болѣзни и даже не упустилъ разсказать послѣдствія ея.

— На счетъ паденія въ колодецъ не безпокойтесь. Онъ счастливо упалъ, и я вижу, что благодѣтельный переломъ совершается. Увѣряю васъ,

что силы природы восторжествуютъ надъ болѣзнію. Онъ будетъ здоровъ.

— Благодарю васъ за надежды, которыя вы подаете, сказалъ опекунъ и сунулъ въ руку доктору двѣ измятыхъ бѣлыхъ ассигнацій.

Ну, хотя для порядка пропишите ему лекарство, прибавилъ Дзядровичъ, пихая въ руку доктора деньги. Я ему не дамъ лекарства, пусть постоитъ оно на столѣ возлѣ его кровати. Понимаете, каждый часъ буду по ложкѣ этого лѣкарства выливать за окно. На другіе сутки, пропишите другое и понимаете, совсѣмъ другое, даже цвѣта другаго и съ тѣмъ я буду дѣлать все то же самое, что и съ первымъ.

— Денегъ.... я не возьму сказалъ докторъ; лекарства не пропишу и еще вамъ повторю: гдѣ могущество природы взялось преодолѣть болѣзнь, тамъ наши рецепты недѣйствительны и могутъ скорѣе убить больнаго, нежели помочь ему.

— О, какъ это хорошо, какъ удивительно, шепталъ Дзядровичъ, что вы не берете денегъ.... это рѣдкость. Понимаете, прошу васъ, извинить меня, я не зналъ этого.... и первый разъ встрѣчаю доктора, который не беретъ денегъ.

— Я беру деньги охотно, сказалъ докторъ и заставилъ Дзядровича вздрогнуть, но тогда, когда поставлю паціента на ноги; раньше же этого я ни за что не возьму.

— И это хорошо, очень хорошо, сказалъ Дзядровичъ, и дѣлаетъ вамъ большую честь.

— Конечно. Но не я одинъ такой въ Россіи, еще подобныхъ найдется нѣсколько человѣкъ.

— Понимаете: нужно желать, чтобы такихъ людей было, какъ можно больше въ утѣшеніе страждущаго человѣчества. Такъ вы увѣрены, что Бродницкій выздоровѣетъ?

— Увѣряю васъ моею честію. Взгляните, на лицѣ его показался цвѣтъ возраждающагося здоровья. Дыханіе больнаго и сонъ покойны. Чрезъ двѣ недѣли онъ будетъ здоровъ. Я обязываюсь навѣщать его въ продолженіи двухъ недѣль ежедневно по три раза. Прощайте до вечера!

— Но за визитъ возьмите, прошу васъ докторъ....

— Не возьму, позвольте мнѣ быть свободнымъ располагать собою по собственнымъ моимъ убѣжденіямъ.

— Но послѣ счастливаго окончанія болѣзни я могу вамъ предложить....

— Очень, очень можете.

— Ну эти я спрячу, понимаете, для васъ. А можетъ быть, вы не берете по стольку.

— Отчего же нѣтъ? Правда; съ бѣдныхъ я ничего не беру, а съ богатыхъ, такъ вотъ съ нихъ уже награждаю себя и беру сколько захватить можно.... конечно, я стараюсь взять побольше.

— О.... да какой же вы проказникъ, докторъ

ворчалъ Дзядровичъ, вы вѣрно шутите, окончилъ опекунъ, видимо уязвленный въ своихъ расчетахъ. Паціентъ вашъ, сказалъ провожая доктора Дзядровичъ, человѣкъ не богатый; онъ круглый сирота, а я только.... докторъ, не оглядываясь, ушелъ.

— Ну, этотъ великодушный врачъ, кажется, обдеретъ насъ порядкомъ, ворчалъ Дзядровичъ, входя въ комнату, но какая надобность, я ему могу еще руб. пятнадцать прибавить.

Ни слова о пріятности платить за выздоровленіе; но общество наше не лишено и такихъ господъ, которые за смерть не рѣдко подаютъ доктору деньги съ печалью, сквозь которую улыбается радость.

Опекунъ, сколько нужно ни было его присутствіе въ Раковой-Балкѣ, не рѣшался оставлять Павлушу одного и жилъ рядомъ съ нимъ въ другой комнатѣ. Докторъ аккуратно ходилъ и здоровье паціента видимо поправлялось. Дней черезъ 15 Павлуша сидѣлъ на постели, прохаживаяся по комнатѣ одинъ и часто размышлялъ о ходѣ своей болѣзни. Страннымъ считалъ онъ одно, какимъ образомъ онъ могъ очутиться въ глубокомъ колодцѣ сажень пятдесятъ отъ дома. Дзядровичъ, какъ добрый отецъ, радовался выздоровленію Павлуши. Онъ чаще курилъ трубку и даже напѣвалъ иногда подъ носъ такую арію, которую бы и знаменитый Херубини, славный авторъ Двухдневнаго приключенія, въ рядъ ли положилъ бы на музыку нот-

ными знаками. Это дисгармоническое курныканіе имѣло таинственный смыслъ радости, какою упивался старый служака.

Амалія Францовна не заставила долго ждать и прислала на имя Дзядровича деньги. Тетушка просила его раздать половину денегъ прислугѣ, находившейся при Кариллѣ Ивановичѣ, а другую половину отдать въ банкъ и проценты съ этого капитала ежегодно обращать въ пользу священника деревни Пожарищъ на улучшеніе его состоянія въ такой мѣрѣ, чтобы священникъ не только не нуждался, при своихъ полевыхъ работахъ, просить помощи у крестьянъ, а даже, чтобы за христіянскія требы не искалъ никакихъ возмездій. Тетушка увѣдомляла Дзядровича, что Бродницкій зачисленъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ юнкеромъ и просила Дзядровича, если здоровье Павлуши укрѣпилось, выслать его въ полкъ, какъ можно скорѣе. Свое нѣмецкое происхожденіе высказала тетушка невольно, приславъ картинку форменной обмундировки конно-гренадерскаго юнкера и приборъ какого не возможно было найдти въ провинціи. Дзядровичъ о всемъ этомъ молчалъ, между тѣмъ, заказалъ для Бродницкаго военное платье и въ три дня оно было готово. Докторъ пришелъ и поздравилъ Павлушу съ выздоровленіемъ, позволивъ ему выходить на воздухъ. Утро это, какъ нарочно, было веселое, свѣжее, теплое. Осень блистала въ своей

срединѣ красными днями, желая оставить о себѣ пріятное воспоминаніе.

Бродницкій только что проснулся.

— Вставай, сказалъ ему Дзядровичъ. Понимаешь? продолжалъ опекунъ, нужно ѣхать въ Петербургъ; уже болѣе 8 дней, какъ ты зачисленъ на службу въ конные гренадеры. Бродницкій всталъ, вошелъ въ другую комнату и увидѣлъ мундиръ со всѣми принадлежностями, лежащій на столѣ.

Возлѣ стола, перекосясь и сохраняя серіозный видъ, стоялъ Тарасъ Жовтякъ, держа въ рукахъ платьяную щетку и метелку. Онъ былъ неловокъ до неуклюжести; но добрый характеръ и поведеніе заставило Дзядревича предпочесть Тараса другимъ и назначить въ лакеи къ Бродницкому.

Въ присутствіи Дзядровича Павлуша умылся и съ помощію Жовтяка, преуморительно исполнявшаго приказанія Дзядровича, былъ одѣтъ въ мундиръ.

— Понялъ? сказалъ Бродницкому Дзядровичъ, взгляни же теперъ въ зеркало, узнаешь ли ты себя? Въ глазахъ Бродницкаго сіяло удовольствіе, щеки его вспыхнули, и онъ съ высокими чувствами благодарности за попеченіе бросился къ Дзядровичу на шею. Дзядровичъ поцѣловалъ Павлушу, взглянулъ на него, хотѣлъ что-то сказать; но бросился набивать трубку и запѣлъ ему одному извѣстную арію.

Кто стоялъ одной ногой въ гробу, тотъ, избавившись отъ несчастія попасть въ гробъ съ го-

ловою, почувствуетъ, что жизнь наша, какова бы она ни была, сто разъ лучше славной смерти.

Уже Дзядровичъ выкурилъ три трубки, а Павлуша все молча ходилъ по комнатѣ. Мысли его были не здѣсь. Имъ живо представлялся домъ Янскихъ, высокіе тополи сада, окно, выходившее въ садъ, и возлѣ этого окна Любочка, задумчивая и прекрасная дѣвушка.

— Понимаешь? сказалъ Павлушѣ Дзядровичъ. Я знаю о чемъ ты призадумался. Меня старика не проведешь..... Бродницкій вспыхнулъ и, какъ дѣвушка, опустилъ глаза, подумавъ, что опекунъ проникнулъ его тайну, глубоко спрятанную.

— Тебѣ хочется выпить шампанскаго? Не такъ ли? Пожалуй, можно; но мы еще и чаю не пили. За завтракомъ можно будетъ спрыснуть эполеты.... Не такъ ли, г. юнкеръ?

— Такъ, шепталъ Бродницкій, но ему вовсе не вина хотѣлось. Видѣть Любочку и въ ея глазахъ торжествовать нѣмымъ молчаніемъ праздникъ выздоровленія, — вотъ чего хотѣлось скромному и доброму Павлушѣ. Правда, что никто бы ему въ этомъ не попрепятствовалъ; но Павелъ Максимычъ зналъ одно: конные егеря не только не вышли изъ Малороссіи, а къ нимъ присоединились еще двѣ кавалерійскихъ дивизіи, и это собраніе блестящихъ войскъ дебютировало великолѣпными маневрами въ ожиданіи смотра. Кватированіе войскъ обдавало холодомъ первую любовь Бродницкаго.

Дзядровичъ черезъ три дня поторопилъ Павла Максимовича выѣхать въ Петербугъ. Чрезъ недѣлю Бродницкій собрался ѣхать. Ему было грустно и тяжело.

Часто въ юности западетъ тебѣ въ сердце чувство любви къ женщинѣ, и это чувство не скоро покинетъ тебя; когда же къ достиженію предмета любви твоей выростутъ препятствія, тогда ты, другъ мой, рискнешь переплыть океанъ, чтобы достигнуть обладанія предметомъ или потерять жизнь, не обѣщающую тебѣ ни одной улыбки. Чѣмъ скорѣе нужно было выѣзжать, тѣмъ Дзядровичъ больше возился съ Жовтякомъ и сдѣлалъ его гораздо расторопнѣе. Выстриженный низко, выправленный и затянутый въ узкую куртку, Тарасъ сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ и въ отсутствіе господъ придавалъ себѣ особенное значеніе. Съ пресеріознымъ видомъ Тарасъ выходилъ на заднее крыльцо каждое утро. Окружая себя колодками, сапогами, вѣшалками, тертымъ кирпичемъ и прочими принадлежностями, упражнялся онъ, покривя ротъ на бокъ, въ чисткѣ пуговицъ, шпоръ платья и сапогъ.

— Бачь, що робыть Жовтякъ, сказалъ одинъ разъ, проходя мимо его Дзюбанка, пріѣхавшій изъ Пожарищъ.

— Справляю царскую службу, отвѣтилъ со вздохомъ Жовтякъ, а вы, дѣдушка, такы скыньте шапку..... бо бачыте ось мундиры и вся амуниція.

— Чы скинуть то й скынуть, сказалъ Дзюбан-

ка, сдвинувъ плечами, а ты мнѣ скажи небожику: кто тебе такъ обчикмасывъ и до чого стрыгты чоловика такъ, якъ москаля?

— Командиръ выливъ.

— На що?

— На те щобъ скубты було низащо.

— Ну, а по потылицѣ будетъ тебя почищать?

— На то есть царска служба.

— Э! Якъ я бачу, то ты Жовтяче, сказалъ опять Дзюбанка, недавно на службѣ, а порозумнишавъ и сробывся языкатымъ.

Дорожную коляску подкатили къ крыльцу и стали запрягать лошадей. Дзядровичъ самъ распоряжался укладкой вещей и при себѣ заставилъ Жовтяка выносить и укладывать чемоданы.

Дзядровичъ вышелъ изъ экипажа и отправился, оглядываясь и отдавая приказанія въ дворѣ. Жовтякъ чуть не плакалъ, укладывая ящики и съ тайнымъ желаніемъ промедлить хотя одну излишнюю секунду. Одно и тоже дѣлалъ онъ по нѣсколько разъ.

Деревенскія родственницы нанесли Жовтяку: паляницъ, пироговъ, блиновъ и сала. Всю эту дорожнюю провизію пихали бабы Жовтяку въ руки. Эти трудолюбивыя люди не знали да и долго еще не будутъ знать, что дѣлается дальше ихъ носа.

— А що, Тарасе, спросила одна старая баба, сморкнувъ носомъ, мабуть оце гонютъ васъ далеко?

— Въ походъ, ворчалъ Жовтякъ, вынимая колодку съ сапогомъ изъ одного кармана и пихая ее

въ другой. Теплыми слезами заливался бѣдный Тарасъ.

— Подъ когожъ, Тарасочку, васъ гонютъ? Чы пидъ Татарына? Чы пидъ Шведа.

— Може й пидъ Шведа, сказалъ тихо Жовтякъ, но таперича не могимъ узнать; а какъ пріидешь на квартеру, куда скажутъ командирушки, туда й пойдешъ!

— И Господи! Кто оцю войну выдумавъ? На що война, на що ота ризанына? Ну, нехай же вамъ Богъ помогае!—Прощавайте!

— Про-ща-вай-тее!—шепталъ Жовтякъ, боясь оглянуться. Женщина отошла.

— Чуете, титко Мортохо! рѣшился сказать Жовтякъ, оглянувшись и глотая слезы. Скажить, продолжалъ онъ возвратившейся старухѣ, скажить Оксанци, нехай вона хать дивится, какъ мы съ бариномъ выѣдемъ на гору... та скажить ей, що я ее дуже... дуже... кохаю! Да скажить чымъ буду дальше отъ нее, тѣмъ больше буду думать о ней и больше любить.... а ѣду далеко... далеко въ городъ, въ конецъ моря, въ самисенькій Санктпетербурхъ!—Ось куды!

Появленіе Павлуши съ Дзядровичемъ прервало теплую, душевную исповѣдь Жовтяка.

— Господь благословитъ тебя, другъ мой, поѣзжай. Будь честенъ, добръ, трудолюбивъ, послушенъ начальству. Больше же всего убѣгай дурныхъ знакомствъ..... Нагнувшись къ Павлушѣ,

сходившему съ крыльца, Дзядровичъ прошепталъ: не будь подле...... передъ мужьями, оставь ихъ въ покоѣ; у нихъ и безъ этого есть много печалей....

Крупная слеза задрожала на рѣсницѣ Дзядровича и скатилась по его сѣдымъ усамъ. Видно было, что кое-кому знакомая драма пролетѣла въ мысляхъ старика и, напомнивъ ему прошедшее, потрясла все существо его.

Бродницкій сѣлъ въ коляску рядомъ съ Тарасомъ, который, снявъ фуражку, крестился и кланялся на всѣ стороны. Лошади тронули и быстро помчали экипажъ до города, гдѣ Бродницкій взялъ почтовыхъ лошадей. Баринъ и слуга почти что молчали до Орла, хотя сидѣли близко одинъ возлѣ другаго. Баринъ и слуга имѣли совершенно разныя положенія въ свѣтѣ; но причина ихъ безмолвія, кажется, была одна и та же. И барину, и его слугѣ тяжело приходилось проститься съ родиной и летѣть на сѣверъ далекій и холодный. У Бродницкаго не выходила изъ мыслей Любочка; у Жовтяка Оксана—коренастая, грубая и съ пламеннымъ взоромъ дѣвушка, которую Жовтякъ точно такъ же любилъ, какъ и господа любятъ своихъ нѣжныхъ, томныхъ, блѣднолицыхъ и статныхъ красавицъ. Какъ ни говори, а Жовтякъ, съ своей крѣпостной зависимостію, былъ въ любви счастливѣе Бродницкаго, облеченнаго дворянскою свободою.

МЕМУАРЫ
О
ДЯДЮШКАХЪ
И
ТЕТУШКАХЪ.

А. Е. Ващенко-Захарченко.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.

Контрагентство по торговлѣ произведеніями
печати на станц. ж. д.

Qu'on vante avec transport les vertus de sa nation, mais qu'on ne soit pas aveugle sur ses vices. **M. Helvetius.**

Kannst du nicht Allen gefallen durch deine That und dein Kunstwerk,
Mach es Einigen recht; Vielen gefallen ist schlimm. **Schiller.**

Tout âme qui lira ce livre en deviendra meilleure, et pourra dire: J'ai senti entrer en moi une vertu. **Eugène Pallaton.**

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 16 дня, 1860 года.

Цензоръ *А. Драшусовъ.*

ГЛАВА X.

Вотъ и дохожу я въ самое сердце разсказа и поэтому благодарю тебя, читатель, за вниманіе, которымъ подарилъ ты повѣствованіе не о герояхъ, но объ очень обыкновенныхъ смертныхъ.

Недалеко отъ Тулы, извѣстной тогда ружьями, не попадающими въ цѣль, Бродницкаго ночью застала гроза. Вѣтеръ свѣжѣлъ, дождь постоянно лился и дорога обратилась въ сплошную массу густой грязи. Яркая молнія, не переставая, освѣщала печальную дорогу и косыя дождевыя капли сверкали электрическимъ свѣтомъ. Кое-какъ добрался Бродницкій до убогой станціи, и у самаго крыльца, передняя ось въ коляскѣ кракнула. Нужно было покориться участи, ниспосланной злою судьбою, и ночевать, пока починятъ экипажъ.

Комнатка на станціи была теплая, маленькая. По стѣнамъ висѣли картины, какими нерѣдко украшаютъ стѣны станцій. Розовые, мѣстами отстав-

шіе отъ стѣнъ обои довершали убранство комнатки.

Бродницкій, присѣвъ съ ногами въ углу дивана, обитаго пестрымъ ситцемъ, пилъ чай медленно и боялся ходить по загрязненному, мѣстами прогнившему полу. Жовтякъ подалъ самоваръ, и въ углу наслаждался надеждой выпить стаканъ чаю; но его хлопоты прерваны были появленіемъ высокаго молодаго человѣка, который, съ шумомъ разстворивъ дверь, швырнулъ прежде съ ногъ колоши, а послѣ вошелъ самъ, бросивъ съ плечъ на полъ военную шинель.

Бродницкій вздрогнулъ. Передъ нимъ стоялъ Омаровъ.

— Наплевать.... рѣзкимъ голосомъ произнесъ Омаровъ, оглядываясь на робкаго смотрителя. На.... Станція ваша какая-то нора.... право.... поневолѣ долженъ извиняться передъ кѣмъ нибудь.... Извините-съ, окончилъ Омаровъ, оборотясь къ Бродницкому.

— Ничего-съ, отвѣчалъ Бродницкій довольно сухо.

— Ты что за розиня? спросилъ Омировъ Жовтяка, уплетавшаго за обѣ щеки орловскій калачъ.

— Я не розиня, а Жовтякъ.

— Хохолъ? Какими судьбами? съ хохотомъ закричалъ Омаровъ, таща упиравшагося Тараса за собою.

— Прошу васъ, сказалъ Бродницкій, оставить моего человѣка въ покоѣ, онъ пьетъ чай.

— А.... это вашъ человѣкъ? У васъ есть человѣкъ? Извините, я не зналъ, г. юнкеръ.... но позвольте, кажется, я васъ видѣлъ гдѣ-то? Непремѣнно? Помогите моей слабой памяти.... Да! точно. Я васъ видѣлъ въ домѣ Янскихъ? О нѣтъ; то была какая-то длинная гимназія съ лицомъ, извините, рыцаря печальнаго образа....

— Я васъ узналъ, сказалъ Бродницкій, краснѣя и блѣднѣя.

— Очень радъ, дайте вашу руку, и будемъ по откровеннѣй.... Вы меня видѣли у Янскихъ.

— Въ то время, когда вы гарцовали на своемъ кургузомъ конѣ и посвящали въ искусство наѣздничества Любочку.

— Любочку? Да, да. А вѣдь Любочка хорошенькая дѣвчонка!

— Дѣвчонка, шепталъ Бродницкій, жалѣя, что онъ не можетъ перервать этого чопорнаго франта на двѣ равныя части и вышвырнуть въ сѣни.

— Вы тоже въ гвардію....

— Да въ гвардію.

— Я въ гусары; по мнѣ наплевать.

Окончивъ эту фразу, Омаровъ бросился на диванъ и козлинымъ голосомъ запѣлъ французскій романсъ, безбожно коверкая языкъ Вольтера и переставляя цѣлые стихи по своему произволу.

— Нужно намъ быть откровенными. Мы люди военные.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Извините-съ, сказалъ Бродницкому Омаровъ, скорѣе я къ вашимъ услугамъ. Любочка вамъ нравилась.... дѣвчонка, простушечка, недурна собой....

— Дѣвчонка? вопросительно и громко сказалъ Бродницкій, желая, какъ можно смягчить грубый тонъ и подавить оскорбленіе, готовое обнаружиться.—Дѣвчонка, вы говорите.... Я просилъ бы васъ не выражаться такъ о ней и быть поразборчивѣе въ вашихъ фразахъ.... Не только за нее, но и за каждаго члена ихъ семейства я готовъ....

— Ха! ха! ха! Вы кажется не на шутку въ нее врѣзались и готовы объ этомъ важномъ случаѣ кричать не только на станціи, но и на улицѣ? Добрые люди! Глядите на меня, я только, что изъ школы, гдѣ меня драли розгами и уже влюбленъ! Молодо, зелено, незрѣло.... да и мелко плаваетъ! Проучить бы нужно порядкомъ; но мнѣ наплевать....

Бродницкій, слушая все это, блѣднѣлъ, краснѣлъ и далъ замѣтить свое тревожное состояніе Омарову, который послѣднія слова произнесъ съ насмѣшкой, но чуть слышно.

Бродницкій, поднявшись съ дивана, сжалъ кулаки и съ навернувшимися отъ обиды на глазахъ

слезами гордо измѣрилъ взгзядомъ Омарова и не сказалъ ни слова.

— Ванюшка! Терентій! Мальчуганъ! завизжалъ Омаровъ, отступая къ дверямъ, въ которыхъ показалось его лакейство. — Нѣтъ ли у смотрителя другой комнаты? Здѣсь очень жарко.

— Никакъ нѣтъ-съ. Кухня одна-съ. Тамъ еще жарче и полно ямщиковъ. Ѣдятъ лукъ и капусту-съ. Духота-съ!

— Ага! ворчалъ Омаровъ, обратясь къ Бродницкому, вы вотъ какъ? А la чортъ меня побери? Славно! Рано, сударь.... рано.... вы мнѣ мораль хотѣли прочитать? Да васъ, сударь, юношу этакого, можно хорошенько проучить....

— Еще одно слово, и я ни на что не посмотрю, шепталъ Бродницкій надъ самымъ ухомъ Омарова.

— Ванюшка! закричалъ Омаровъ, веди меня въ кухню, я обожаю русскій народъ съ капустой, съ его лукомъ.... пойдемъ! Омаровъ въ сопровожденіи своихъ слугъ вышелъ.

И этакого бездушнаго франта, быть можетъ, она, чистый ангелъ невинности, предпочла мнѣ—мальчишкѣ съ чистой, дѣвственной любовью? Есть ли послѣ этого правда на землѣ? Есть ли невольное стремленіе двухъ существъ составить одно гармоническое цѣлое, недѣлимое, и достигнуть блаженства?

Гдѣ же хранится назначеніе, кому и что должно достаться?—Мы жалкіе слѣпцы....

Тянутся мои мемуары долго; но о Трофимѣ Ивановичѣ и его супругѣ до сихъ поръ говорилъ я мало, хотя этотъ человѣкъ долженъ играть значительную роль и быть виновникомъ конца длиннаго, быть можетъ, прискучившаго разсказа.

По слухамъ, пронесшимся мгновенно, это супружество года два тому назадъ выбыло изъ числа живущихъ; но я считаю обязанностію прослѣдить и довесть до конца ихъ жизнь и ихъ дѣянія.

Трофима Ивановича съ Кирилломъ Ивановичемъ увезли изъ Рѣшетиловки въ Петербургъ. Это было давно.

Взялся доставить ихъ въ столицу пріятель Ивана Ивановича, полтавскій возный Хвиртка.

Хвиртка ѣхалъ по своимъ дѣламъ, тянувшимся лѣтъ двадцат шесть, съ сосѣдомъ Дрыгайломъ за обиду, нанесенную послѣднимъ первому: непристойнымъ обращеніемъ съ кобылой Хвиртки, зашедшей къ Дрыгайлу въ садъ и принужденной дозволить Дрыгайлу посмѣяніе, состоявшее во первыхъ въ секретномъ дѣлѣ, а во вторыхъ въ публичномъ оскорбленіи, въ прицѣпленномъ къ хвосту кобылы живомъ котѣ. Хвиртка 64 дня тащился въ Петербургъ, и на 65-й день предсталъ предъ ясныя очи вельможи, съ двумя толстыми и краснощекими хохленками.

Вельможа, увидѣвъ дѣтей, спросилъ у Хвиртки

чьи они?—Ивана Ивановича Довбни-Бродницкаго, произнесъ смѣло полтавскій возный и подалъ вельможѣ, дувшему губы, документы и письмо стараго Довбни.

— Ааа.... сказалъ вельможа и отдалъ дѣтей на руки дворецкаго. Вельможа, полулежа на штофномъ диванѣ, сдѣлалъ знакъ возному удалиться; но тотъ не хотѣлъ понять этого, началъ излагать свою тяжбу и просилъ у вельможи помощи въ побѣдѣ надъ Дрыгайломъ.

— По лицу твоему видно, сказалъ вельможа возному, что вашецъ долженъ быть съ давныхъ поръ и даже по предкамъ ябедникъ? — А? Признайся. Правда?

Возный словно ногу сломалъ; поворотился и отъ стыда не зналъ куда ему выйдти. Спустясь съ лѣстницы, онъ плюнулъ и произнесъ нѣсколько желаній и просьбъ къ Богу, вовсе нелестныхъ для вельможи.

Два хохленка родились въ одномъ домѣ, воспитывались въ одной семьѣ и имѣли совершенно различные характеры и наклонности.

Кирилко отличался отъ своихъ братьевъ простотой, добродушіемъ и яснымъ взоромъ, въ которомъ такъ и выражались кротость и доброта!

Трофимецъ даже наружностью рѣзко отличался отъ старшаго брата. Глаза его были сѣры, глядѣли волчьими, проницательно; лицо продолговато,

блѣдно и съ носомъ, какой дается однимъ хищнымъ птицамъ.

Онъ игралъ одинъ потому, что, забавляясь съ другими всегда старался захватить себѣ игрушку, присвоить, отнять и, если по силамъ, то и прибить противника. Трофимецъ на рукахъ кормилицы не началъ лепетать первыя слова, такъ нерѣдко ребенками произносимыя: мама, баба; нѣтъ, Трофимецъ началъ кричать явственно: дай! дай! дай!

Старуха, присматривавшая за дѣтьми, нерѣдко говорила: Ей-Богу, дытына жадна; не даромъ вона такъ крычыть, тхны та роды! Одминокъ, щобъ ты окочурилось.

— А що ты тамъ примѣрно, заговоритъ бывало сотникъ Иванъ Ивановичъ, изъ другаго покоя, услышавъ слова старухи, баба ворчишь?

— Паночку, любую Трохимцемъ, така доладня та прехороша дытыночка, якъ ясная зирочка!—Ой чукъ, чукъ, чукъ! Отвѣчаетъ баба, взявъ отъ кормилицы дитя на свои руки и, начавъ его качать, цѣлуетъ.

Дѣтей, пріѣхавшихъ въ столицу, помѣстили въ шляхетный корпусъ протекціей вельможи. Суровая жизнь между чужими не сблизила братьевъ. Кирилко все время проводилъ за книгой и только посредствомъ этого могъ сравняться съ быстрымъ Трофимцемъ, который сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ. Черезъ годъ Трофи-

мецъ считался первымъ, черезъ два года сдѣланъ былъ старшимъ, превзойдя всѣхъ въ наукѣ угождать начальству.

Въ тогдашнее время плохо кормили и еще плоше одѣвали воспитанниковъ. На Трофимцѣ это нимало не отражалось. Всегда сытъ, всегда одѣтъ въ собственной мундиръ, всегда съ деньгами, всегда наводившій ужасъ на самыхъ богатыхъ воспитанниковъ, Трофимецъ, умѣлъ съ нихъ, безъ зазрѣнія совѣсти, вымагать деньги и подарочки, подвергая за ихъ проказы какого нибудь бѣдняка истязанію.

Пристрастіе Трофимца было такъ коварно, что онъ за самую малость прикапывался къ тихому Кирилку и велъ его въ больницу, гдѣ жестокій капитанъ сѣкъ приведеннаго саженными форменными розгами безъ всякой пощады и сожалѣнія.

За оторванную пуговицу, за подкладку, выказавшую свои дыры изъ распоратаго рукава, сѣкли одинаково жестоко.

Кирилко, испытавъ одинъ разъ наказаніе, просился перевода въ другое отдѣленіе и такимъ образомъ, перешедши, избавился отъ когтей меньшаго братца.

При выпускѣ изъ заведенія братья не сказали другъ другу ни слова и разошлись въ разныя стороны. Черезъ мѣсяцъ встрѣтились они совершенно неожиданно на службѣ въ азіатскомъ де-

партаментѣ. По отличному знанью западныхъ языковъ ихъ выпустили въ иностранную коллегію.

— Обнимемъ другъ друга, сказалъ Кириллъ Ивановичъ Трофиму Ивановичу, я забылъ прошлое. Мы уже не дѣти.

— Иди своей дорогой, ворчалъ, какъ разъяренный тигръ, Трофимъ Ивановичъ, и не встрѣчайся со мной на пути. Опрокину и скомкаю тебя.....

Кириллъ Ивановичъ сконфузился и, отвернувшись отъ брата, молилъ Бога, чтобы Онъ направилъ его на путь добра и внушилъ бы ему родственныя чувства.

Чрезъ недѣлю Трофимъ Ивановичъ былъ переведенъ въ министерство юстиціи. Пока Кириллъ Ивановичъ добросовѣстно трудился, никѣмъ не обласканный, Трофимъ Ивановичъ уже далъ себя замѣтить начальству, заставилъ представить къ наградѣ и сдѣлался помощникомъ столоначальника. Возненавидѣли его сверстники.

Трофимъ Ивановичъ въ концѣ перваго года, оставилъ ихъ далеко за собою. Желаніе быть богатымъ, во что бы то ни стало, сдѣлалось жаждой дядюшки, мученіемъ его и день и ночь, и вчера, и сегодня, и завтра! Трофимъ Ивановичъ употреблялъ всѣ средства къ полученію денегъ и не рѣдко успѣвалъ въ этомъ.

Черезъ три года къ нему являлись просители по самымъ важнымъ дѣламъ.

Онъ пріобрѣлъ такой вѣсъ, что даже хлопоталъ

въ другихъ министерствахъ и достигалъ всегда своей цѣли, получивъ деньги. Одному состоятельному князю, бывшему у Трофима Ивановича по дѣламъ и скупившемуся дать излишнюю тысячу, Бродницкій сказалъ безъ церемоніи:

— Я бѣденъ; хотя у отца есть состояньице, принадлежащее къ раздѣлу на три части, но часть моя такъ незначительна, что ее и получать не стòитъ. Поэтому, ваше сіятельство, не жалѣйте денегъ за мои труды, иначе я вамъ все испорчу....

Челобитчикъ за такую откровенность щедро расплачивался. Трофимъ Ивановичъ изъ полученныхъ денегъ отдѣлялъ себѣ половину; — другая часть шла высшимъ начальникамъ. Удивительный тактъ былъ въ манерѣ Бродницкаго, когда онъ, сидя въ департаментѣ, за столомъ занимался.

— Позвольте спросить, говорилъ обыкновенно проситель, подходя къ Трофиму Ивановичу, можно ли мнѣ узнать.... Трофимъ Ивановичъ не давалъ просителю кончить и продолжалъ: очень можно узнать все, чтò вамъ угодно, но никакъ не здѣсь, а у меня въ квартирѣ, вотъ тамъ-то, вотъ въ такое-то время.

Другаго просителя онъ окидывалъ холоднымъ взоромъ, отправлялъ его ждать въ пріемной и оставлялъ его на свободѣ сожалѣть о бѣдности—самой плохой вывѣскѣ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

Третьяго встрѣчалъ, какъ самаго лучшаго прія-

теля: цѣловалъ, обнималъ, жалъ руки, предлагалъ стулъ, свой экипажъ и летѣлъ самъ исполнять какія-бы ни были возложенныя на него порученія. Такой человѣкъ, какъ Трофимъ Ивановичъ, выдвигался впереди тружениковъ и сталъ замѣтенъ высшему начальству. Чины, ордена поощряли дядюшку, который жаждалъ денегъ. Кириллъ Ивановичъ, напротивъ, довольствовался однимъ жалованіемъ. Скромная квартира, кухмистерскій столъ, тюфячекъ на сосновой кровати возлѣ сырой и заплеснѣвшей стѣны и крашеный столъ съ французскими книгами, составляли обстановку его тихаго жилища. Нуждался онъ во многомъ; но терпѣлъ, ожидая награды, которая и воспослѣдовала, принеся ему 1000 руб. единовременной милости. Трофимъ Ивановичъ по обстоятельствамъ, открывшимъ его смѣлыя дѣйствія, чуть не увлекъ многихъ въ погибель и вслѣдствіе этого долженъ былъ оставить лестную должность въ столицѣ и искать мѣста въ провинціи. Почтеннаго дядюшку упрятали было подъ судъ; но онъ избавился уплатой наложенной на него контрибуціи.

Выѣхать изъ Петербурга желалъ Трофимъ Ивановичъ такъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Денегъ у него осталось мало. Единственное средство зацѣпить изрядный кушъ считалъ дядюшка женидьбу. Жениться и какъ можно скорѣе выѣхать въ провинцію и изгладить въ начальникахъ мысль о его смѣлыхъ и безсовѣстныхъ поступкахъ, на-

полняли все помышленіе Трофима Ивановича. На Петербургской Сторонѣ, въ стареньком сѣреньком домишкѣ, квартировалъ Шерстянниковъ, бригадиръ, отставленный отъ службы за злоупотребленія на золотыхъ пріискахъ, гдѣ бригадиръ этотъ служилъ въ главѣ начальствующихъ. Хотя его злоупотребленія и не были обнаружены, но по всѣмъ даннымъ, бригадиръ не даромъ состоялъ, какъ подозрѣваемый въ преступленіи, подъ строгимъ наблюденіемъ полиціи. Увѣряли всѣ, что у него есть, покрайней мѣрѣ, 400,000. р. Сумма громадная по тогдашнему. У Шерстянникова жила дѣвушка лѣтъ двадцати. Она была его единственной наслѣдницей. Шерстянникова звала дѣвушка батюшкой, а онъ ее дочкой. Случилось такъ, что Трофимъ Ивановичъ познакомился съ бригадиромъ, увидѣлъ его дочку и этого было довольно для дядюшки, чтобы создать планъ овладѣнія тысячами дряхлаго старикашки, которому, между прочимъ, нельзя было отгадать, сколько лѣтъ? Онъ очень былъ похожъ на дубовый пень, который стоитъ на косогорѣ и, хотя съ обнаженной корой, но непоколебимъ, когда вокругъ его деревья въ полномъ цвѣтѣ падаютъ.

— Аникій Ивановичъ! сказалъ одинъ разъ дядюшка бригадиру, у васъ есть дочка.

— Хе, хе, хе, есть, отвѣчалъ бригадиръ, раскрывая табакерку, искусно сдѣланную изъ карельской березы.

— Что же вы смѣетесь?

— Неужели же стану плакать?

— А вотъ, пора бы вамъ выдать ея замужъ. Вы человѣкъ старый....

— Готовъ, да гдѣ же возьмешь жениха, шепталъ бригадиръ, поправляя синій колпакъ на своей лысой головѣ.

— Жениховъ для такихъ невѣстъ есть много. Ну вотъ хоть и я, отдайте за меня Дашеньку, я женюсь на ней съ удовольствіемъ.

— Хе, хе, хе, пожалуй, отвѣчалъ бригадиръ, вы можетъ быть насчетъ приданаго.... думаете....

— Да конечно, но впрочемъ я и самъ въ состояніи содержать такую жену.

— Очень похвально.

— Я знаю, что у васъ, почтеннѣйшій Аникій Ивановичъ, есть тысячъ триста, признайтесь! Скажите-ка, будущій родитель?

— Хе, хе, хе, вы считали ихъ?

— Считать не считалъ; но все лестно знать.... Жениться на дочери такого человѣка.... пріятно; получить хотя что нибудь.... очень не вредно.

— Хе, хе, хе, не что нибудь, а все, что̀ только у меня есть, достанется ей послѣ моей смерти.

— Объ этомъ я ни слова. Развѣ я ищу приданаго? Полноте!

— Такъ я васъ благословлю.

Дядюшка обнялъ старика и поцѣловалъ руку Дашеньки, которая сама себѣ не вѣрила, что вы-

ходитъ за чиновника, имѣющаго орденъ на шеѣ и пару красивыхъ лошадей въ дрожкахъ.

Дѣло, по которому дядюшка долженъ былъ оставить службу въ Петербургѣ, возвратили для переслѣдыванія, и тутъ дядюшка опять засыпалъ золотомъ глаза слѣдователю, усыпилъ совѣсть судей и выпутался, оставивъ сомнѣніе въ прежней репутаціи.

— Женюсь и выжму у этого старикашки деньги, говорилъ самъ себѣ дядюшка, употреблю всѣ средства къ достиженію богатства, — и буду богатъ.... богатъ.... Дядюшка, предположивъ исполненіе какого нибудь дѣла, шелъ навстрѣчу къ нему быстрыми шагами. Достигнуть богатства было его любимой мечтой. Въ самой скромной церкви, при трехъ свѣчахъ, Трофимъ Ивановичъ вѣнчался. Кромѣ причетниковъ и четырехъ свидѣтелей, въ церкви никого не было.

Послѣ вѣнчанія Трофимъ Ивановичъ съ женой поѣхалъ къ Аникію Ивановичу, который встрѣтилъ дядюшку довольно холодно и удивилъ тѣмъ, что даже не переодѣлся къ встрѣчѣ молодыхъ, а вышелъ къ нимъ въ колпакѣ и халатѣ.

— Ну вотъ ты, душенька, и замужемъ.... проговорилъ тихо бригадиръ. Чрезъ нѣсколько минутъ дядюшка увезъ жену къ себѣ на квартиру въ одномъ вѣнчальномъ платьѣ.

— Когда же твой батюшка снабдитъ насъ денежками.

— Я не знаю, отвѣтила тихо молодая тетушка.

— Ты же, мой ангелъ, должна знать, ворчалъ дядюшка, согласись, что нужно же дать приданое за дочерью.

— Такъ вы, значитъ, не по любви на мнѣ женились?—Трофимъ Ивановичъ сатанински захохоталъ.

— Этого чувства, началъ дядюшка, удѣла душъ слабыхъ, я не зналъ да и знать, пока живу, не буду. Неужели ты думала, что я, увидѣвъ тебя всего два раза, могъ влюбиться?

— Не знаю, отвѣчала сухо новая тетушка, мнѣ казалось, продолжала она, что заслуживая взаимность гораздо красивѣйшихъ и достойнѣйшихъ нежели вы особъ, я могла надѣяться на вашу любовь.

— Не подозрѣвалъ я этого, сказалъ дядюшка, иронически улыбнувшись и стараясь припомнить сказанное женой.

— Можете узнать. Это очень просто совершалось.

— Мало интересуюсь.

— Скажите же, будьте столько добры, на кой чертъ, вы на мнѣ женились? съ злостію спросила новая тетушка.

— Чтобы взять деньги у вашего родителя да и васъ къ нимъ въ придачу, вотъ, мой ангелъ, для чего.

Тетушка засмѣялась.

— Желаніе ваше очень благородно, похвально; но жаль, что вы въ немъ не вполнѣ успѣли.

— Какъ не вполнѣ?

— Да такъ. Меня вы взяли, и можете мною пользоваться; а денегъ же не получите. Я отъ него, за все время, гроша не получила. Скупъ, страшно скупъ.

— Да кто же васъ содержалъ?

— Добрые люди. Въ особенности благодѣтельствовалъ мнѣ одинъ штабъ-ротмистръ, хотя изъ московскихъ купцовъ происхожденіемъ, но человѣкъ вполнѣ благородный, я присматривала иногда за его хозяйствомъ. Нельзя иначе было, рядомъ съ нами стоялъ. Дядюшка ахнулъ. Онъ былъ женатъ на особѣ довольно подозрительной.

— Такъ ты.... задыхаясь произнесъ дядюшка, бывъ не въ состояніи болѣе удержать себя.

— Довольно, произнесла тихо тетушка, не срамите себя при людяхъ. Кажется, мы уже пріѣхали.

— И ты рѣшилась за меня выйдти? шепталъ дядюшка, входя въ переднюю своей квартиры.

— Рѣшилась потому, что штабъ-ротмистръ женился. Другіе же были не такъ великодушны, и я начинала уже терпѣть нужду. Чуть-чуть въ экономки не пошла къ другому.

Дядюшка отъ злости скрипѣлъ зубами, лихорадка била его. Онъ втолкнулъ жену въ растворенную дверь спальни. Войдя въ кабинетъ, дядюшка швырнулъ шляпу въ уголъ, разодравъ пер-

чатки и, давъ камердинеру снять съ себя щегольской фракъ, бросился въ кресло. Опершись руками о столъ, Трофимъ Ивановичъ задумался и до полуночи не шевелился.

— Долго ли я буду ждать тебя? спросила тетушка, выглядывая въ одной рубахѣ изъ дверей спальни. Иди же спать, продолжала она довольно серьезно, не смѣши людей, я не привыкла ложиться одна. Сказавъ это, тетушка удалилась торжественно въ свою спальню. Она ни мало не тревожилась положеніемъ дядюшки.

— Несчастіе меня преслѣдуетъ; и во что бы то ни стало я восторжествую надъ нимъ, силой моей желѣзной воли. Раздѣвай меня! сказалъ Бродницкій камердинеру весело и съ совершенно беззаботнымъ лицомъ и, надѣвъ шелковый халатъ, быстро пошелъ къ тетушкѣ въ ея комнату.

Утромъ дядюшка вышелъ съ красными глазами. Подойдя къ конторкѣ, онъ отперъ ящикъ и сосчиталъ свои деньги. Ихъ было всего навсего пять тысячъ.

Выѣхать изъ столицы и поработать въ провинціи, для поддержанія себя, сдѣлалось дядюшкѣ необходимостію.

Въ десять часовъ утра онъ отправился къ тестю въ сѣренькій домикъ на Петербургскую сторону. Вставъ съ дрожекъ, дядюшка проскользнулъ въ калитку двора, мелькнулъ на лѣстницѣ и вошелъ къ бригадиру.

Тесть преспокойно сидѣлъ въ халатѣ и колпакѣ. Онъ оборотился и преравнодушно взглянулъ на зятя, вошедшаго съ шумомъ.

— Какую ты выдалъ дочь за меня? спросилъ шопотомъ дядюшка, заперевъ на крючокъ толстую дверь и устремивъ на тестя испытующій взглядъ.

— Хе, хе, хе, отозвался старикъ, понюхавъ двойной призъ табаку.

— Смѣяться тебѣ, мой милый, нечего, возразилъ сердито дядюшка, ты лучше дай мнѣ въ руки ея приданое.

— Хе, хе, хе, какую дичь? какое приданое? спросилъ улыбаясь старичекъ.

— Бригадиръ! ты не шути со мной. Кончимъ разомъ да и разстанемся.

— Я живу остатками, ворчалъ бригадиръ, рублей триста есть, да что въ нихъ тебѣ? Вѣдь ты въ состояніи содержать жену?

— Послѣднее слово, сказалъ тихо дядюшка, нагнувшись къ старику, ты не дашь денегъ?

— Не дамъ. Умру.... тогда возьмешь.

Тутъ дядюшка треснулъ кулакомъ въ лобъ старика очень сильно и кромѣ этого, укусивъ его до крови зубами за плечо, злобно засмѣялся. Дядюшка былъ страшенъ въ эту минуту! Старикъ, выпучивъ оловянные глаза, сморщился и, покачнувшись на креслѣ, потерявъ сознаніе, упалъ на полъ. Шкатулка старика стояла возлѣ него. Ключи висѣли за поясомъ халата.

Дядюшка безтрепетною рукой взялъ ключи, отперъ шкатулку и вынулъ пукъ старыхъ ассигнацій. Сосчиталъ онъ ихъ и вышло всего навсего 285 руб. Тутъ же лежало нѣсколько мелкихъ денегъ, середина ящика занята была мѣдью. Монетой оказалось 15 руб.

— Старикъ велъ исправно контроль, ворчалъ дядюшка, положа деньги на прежнее мѣсто. Видно, что у него больше этого денегъ нѣтъ! А впрочемъ, кто знаетъ?

Взглянувъ еще разъ па старика, не подававшаго признаковъ жизни, дядюшка заткнулъ ему опять за поясъ ключи, потрясъ его очень сильно за воротникъ халата и, видя, что бригадиръ зашевелился, быстро ушелъ, напѣвая: «На толь, чтобы печали»....

— Вонъ изъ Петербурга, закричалъ дядюшка у себя въ квартирѣ, здѣсь намъ дѣлать больше нечего.

— Не къ любовницѣ ли ты ѣздилъ? спросила дядюшку новая тетушка.

Тотъ выпучилъ на нее глаза и сказалъ:

— Я былъ у твоего родителя.

— Ну, что же онъ? Распорядился прислать еще вчера съ кухаркой въ узелкѣ мои тряпки съ ночными чепцами и порыжѣвшимъ манто изъ старой фланелишки. Ну, что онъ дѣлаетъ?

— Дрыхнетъ.... ворчалъ дядюшка, я его такъ

огорчилъ, продолжалъ дядюшка женѣ, такъ что онъ врядъ ли подымется.

— И прекрасно сдѣлалъ.

— Какъ прекрасно? И тебѣ его не жаль?

— Да развѣ онъ мой отецъ?

— А чей же, позволь узнать?

— А кто его знаетъ, можетъ быть чей-нибудь; а я знаю, что не мой. Я жила у него подъ именемъ дочери. Вѣдь его зовутъ Аникей, а моего отца звали Яковомъ.

— Такъ значитъ вы Дарья Яковлевна.

— Такъ точно, къ вашимъ услугамъ.

Волей или неволей, но дядюшка смирился передъ ударомъ рока. Попріодѣвъ жену, дядюшка распродалъ мебели, экипажи, лошадей и на почтовыхъ выѣхалъ совѣтникомъ въ одну уголовную палату средней Россіи. Дѣла его потекли обыкновеннымъ порядкомъ. Чрезъ мѣсяцъ дядюшка увидѣлъ, что жена у него фурія и что фортуна опять къ нему сдѣлалась ласкова. Губернаторъ, предсѣдатель, прокуроръ искали дружбы дядюшкиной и очень скоро попали къ нему въ лапы. Въ два года Бродницкій такъ отличился на службѣ, что губернаторъ выхлопоталъ для дядюшки высшую должность (чтобы отъ него избавиться), но дядюшка, поблагодаривъ начальника, остался скромнымъ совѣтникомъ, ворочать цѣлой губерніей и брать въ карманы гораздо больше, нежели ему по мѣсту слѣдовало.

Такому геніальному изобрѣтателю брать взятки невольно старшіе и младшіе чины должны были покланяться.

Бригадиръ, оставленный дядюшкой въ безчувственномъ состояніи, пробудился на другой день и живо припомнилъ, кто его такъ жестоко обидѣлъ. Въ продолженіи недѣли лежалъ онъ въ постелѣ, пилъ воду, ѣлъ ржаные сухари и наконецъ въ одно холодное утро вскочилъ съ постели, выбрился, умылся, надѣлъ мундиръ, трех-угольную шляпу, прецѣпилъ шпажонку и, схвативши камышевую трость съ рыжымъ кожанымъ темлякомъ, выбѣжалъ на улицу. Холодный вѣтеръ гналъ его впередъ, пока бригадиръ изъ Владимірской улицы не вышелъ на Невскій проспектъ. Тутъ онъ прибавилъ ходу и перелетѣлъ Аничковскій мостъ. Очутясь на Адмиралтейской площади, старичекъ долго смотрѣлъ на шпицъ адмиралтейства. Оттуда бросился къ Сенату и три раза обошелъ памятникъ Петра Великаго. Отъ памятника, придерживая шпагу, бросился онъ въ квартиру зятя. Зять квартировалъ въ Большой Садовой. Тамъ жили уже другіе постояльцы. Отъ дворника узналъ бригадиръ, что дядюшка недавно выѣхалъ изъ Петербурга.

— Струсилъ, меня струсилъ, закричалъ бригадиръ и въ радости возвратился въ свою комнату, стерегомую старой кухаркой, походившей на Цербера и, не смотря на это, бывшей въ замужествѣ за безногимъ отставнымъ солдатомъ.

Нѣсколько лѣтъ прошло, и дядюшка, уѣхавшій въ глубину Россіи, твердо сидѣлъ на занятомъ имъ мѣстѣ. Чины, ордена, благодарности шли ему своимъ порядкомъ. У него былъ уже сынъ и двѣ дочери. Пріѣздъ новаго губернатора, человѣка строгаго и неподкупнаго, заставилъ дядюшку быть поосторожнѣе. Онъ отослалъ въ кредитное установленіе на имя каждаго изъ своихъ дѣтей по 30,000 ассигнаціями и съ этимъ вмѣстѣ отправилъ дѣтей воспитываться въ Петербургъ, на проценты изъ этихъ денегъ. Не успѣлъ дядюшка оправиться отъ ущерба капитала, какъ губернаторъ потребовалъ его къ себѣ и учтиво предложилъ дядюшкѣ переводъ.

Дядюшка распросилъ въ чемъ дѣло, и молча согласился.

На новомъ мѣстѣ дядюшка пробылъ только три года и попался подъ уголовный судъ. Сколько ни старался онъ оправдаться, успѣть въ этомъ не могъ; недостатокъ денегъ былъ главной причиной неудачи. Трофима Ивановича обвинили и чуть живаго выпустили съ отмѣткой: впредь никуда не принимать. Во время слѣдствія и суда дядюшка обѣднѣлъ, продалъ вещи и даже излишнее платьѣ. Петербургъ еще подавалъ ему надежду получить хотя какое-нибудь мѣстечко. На одной лошадкѣ, съ женой, не отстававшей отъ дядюшки на пути жизни, терзавшей его, пустился Трофимъ Ивановичъ въ столицу, съ замараннымъ формулярнымъ спискомъ и съ горстью денегъ.

Три мѣсяца провелъ Бродницкій въ дорогѣ. Въ Петербургѣ остановился дядя на отдаленномъ и грязномъ постояломъ дворѣ. Денегъ у него не было ни гроша. Лошадь съ упряжью и кибиткой продалъ дядюшка дворнику за 50 руб. асс. Съ пятидесятью руб., въ нагольномъ тулупѣ и старыхъ войлочныхъ сапогахъ, трудно было дядюшкѣ показаться въ домъ того, кто могъ бы еще вытащить его изъ грязи. Внезапная болѣзнь Доротеи Яковлевны приковала дядюшку къ квартирѣ. Докторъ, лѣкарство, пища и другіе расходы заставили дядюшку голодать возлѣ выздоравливавшей жены и въ этомъ несчастномъ состояніи воображеніе его озарила радостная мысль.

— У меня есть братъ.... есть какое-то имѣньице въ Малороссіи.... Продамъ имѣніе брату и увижу опять свѣтъ дневной. Напрасно я желалъ пріобрѣсть денегъ, чтобы взять въ свои руки цѣлостно отцовское добро! Напрасно!

Кириллъ Ивановичъ остолбенѣлъ, увидѣвъ роднаго брата въ тулубѣ, грязныхъ сапогахъ, небритаго, и какъ кость, худаго.

— Узналъ меня? спросилъ Трофимъ Ивановичъ брата, удостовѣрясь, что никого другаго съ нимъ въ комнатѣ не было. Кириллъ Ивановичъ бросился къ нему на шею и зарыдалъ.

— Ты такой же, какъ и прежде, сказалъ грубо Трофимъ Ивановичъ, взгляни на меня, и увидишь, что слезами горю не пособишь.

— Вотъ все, что я въ настоящую минуту имѣю, сказалъ тихо Кириллъ Ивановичъ, подавая брату вынутыя имъ изъ бумажника деньги.

— Ну, хорошо и это на первый разъ, сказалъ Трофимъ Ивановичъ, садясь на диванъ.

— Гдѣ же ты теперь живешь? Гдѣ твои дѣти?

— Послѣ объ этомъ, а ты лучше скажи: изъ чего состоитъ то имѣньице, которое мнѣ по завѣщанію отца назначено. Въ чаду надеждъ я не заботился о немъ.

— Ты не знаешь? Стогища тебѣ достались всѣ.

— Да изъ чего они состоятъ? Хуторокъ?

— Цѣлая деревенька. Въ ней полтораста душъ и двѣ тысячи десятинъ земли.

— Ну, это хоть и въ Малороссіи, а все же стòитъ тысячъ двадцать пять.

— Стòитъ. Поѣзжай и возьми въ свои руки, вѣрно нуждаться ни въ чемъ не будешь.

— Нѣтъ, Богъ съ ними съ Стогищами. Я долженъ возстановить свою репутацію, долженъ получить опять на службѣ мѣсто. Долженъ работать, а не сидѣть въ какомъ-нибудь хуторкѣ среди хохловъ и скирдъ хлѣба. Я продаю Стогища. Покупай. Дай мнѣ за нихъ 20,000 р.

— Опомнись, чтò ты дѣлаешь? У тебя есть дѣти.

— Они богаче меня. Я ихъ обезпечилъ, и пока не устрою своего положенія, стыжусь ихъ видѣть.

— Завтра я дамъ тебѣ тысячу руб., только не продавай родительскаго наслѣдія. Сохрани его дѣтямъ.

— Продамъ въ другія руки; я не способенъ жить въ деревнѣ. Мнѣ назначено поприще гораздо обширнѣе.

— У меня нѣтъ столько денегъ, чтобы купить Стогища.

— Дай половину, остальное подожду лѣтъ пять. Да ты можешь занять.... какой вздоръ! заложить души можешь.

— Развѣ что такъ. Я согласенъ, сказалъ Кириллъ Ивановичъ, завтра ты получишь отъ меня всѣ деньги.

— Ну, до свиданья, сказалъ Трофимъ Ивановичъ, спѣшу къ больной женѣ. Выздоравливаетъ и ужасъ сколько ѣстъ. Я представляю, что подумаетъ харчевникъ, когда я подамъ ему пяти-рублевую ассигнацію? Гривенникъ бывало дашь и то разъ пять броситъ его на прилавокъ, чтобы не взять олова за серебро. Вотъ моя репутація. Старый жилетъ заложилъ; платье жены продалъ; ботинки ея продалъ на Щукиномъ дворѣ. Вчера намъ не на что было хлѣба купить.

— Несчастный братъ! Неужели ты забылъ, что у тебя есть состояніе?

— Въ водоворотѣ всѣхъ неудовольствій я совершенно позабылъ объ немъ.... Да оставь, пожалуйста, эти іереміады! Къ чему слезы? Орденъ у

тебя на шеѣ, а ты слезы распустилъ. Полнс, у меня ихъ два, и я стыжусь на тулубѣ ихъ носить. Завтра я къ тебѣ явлюсь уже въ другомъ видѣ. Прощай.

Дядюшка взглянулъ въ окно на ушедшаго брата и еще разъ утеръ слезы и глубоко вздохнулъ.

Трофимъ Ивановичъ сѣлъ на перваго извощика и полетѣлъ къ себѣ на квартиру. Жену онъ перевезъ въ лучшее помѣщеніе и на другой день явился къ брату въ каретѣ. На немъ былъ кургузый модный фракъ, бѣлый жилетъ и два ордена на шеѣ. Борода прекрасно выбрита, волосы завиты, напомажены, и грубыя руки дядюшки скрылись подъ французскими перчатками.

— Ѣдемъ совершать купчую.

— Ѣдемъ, сказалъ Кириллъ Ивановичъ, подавая брату нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Цѣлый мѣсяцъ прожилъ Трофимъ Ивановичъ въ Петербургѣ. Возобновилъ знакомство, выхлопоталъ должность и, вручивъ брату купчую, уѣхалъ съ женой въ каретѣ. Его назначили прокуроромъ въ одну сѣверную губернію восточной Россіи. Доротея Яковлевна, сжатая болѣзнію, совершенно утратила остатки своихъ прелестей. Худоба ея бросилась непріятно въ глаза. Волосы ея выпали, зубы искрошились, и отъ нея вѣяло злостью, раздражительностію и еще больше ревностію, качествомъ, подмывающимъ корни супружескаго довѣрія.

— За лучшее благополучіе почелъ бы я себѣ, шепталъ Трофимъ Ивановичъ, если бы моя милая Доротея отправилась ad patres, а то докторъ объявилъ, что организмъ ея крѣпокъ, какъ сталь.

— Что же дѣлать? Надобно терпѣть. Богъ соединилъ, одна смерть разлучитъ. Станемъ жить и украшать свое бытіе, хотя минутными радостями.

ГЛАВА XI.

Дядюшка, принявъ должность, прокурорствовалъ на славу. Все, что служило въ гражданской службѣ, кланялось ему и руководствовалось его совѣтами. Онъ щеголялъ бобрами, лошадьми и экипажами. Его, какъ чиновника съ отличными свѣдѣніями, посылали изъ одного конца Россіи въ другой, производить важныя разслѣдованія, и онъ возстановилъ свою репутацію, дослужась до статскаго совѣтника.

У Доротеи Яковлевны, вслѣдствіе приступовъ бѣшеной ревности, явилась охота къ жестокому обращенію съ женской прислугой. Наемныя дѣвушки и женщины больше трехъ дней не могли прослужить въ ея домѣ.

Какой-то помѣщикъ за добрыя совѣты подарилъ Трофиму Ивановичу семью крестьянъ. Ихъ привезли въ городъ и отдали Трофиму Ивановичу. Старуха, съ пятнадцати-лѣтнею дочерью и

племянникомъ, парнемъ лѣтъ двадцати восьми, поступили въ должность, какъ только успѣли выйдти изъ телѣги.

Старуху взяли въ горничныя, дочь отдали въ магазинъ учиться шить, парень сдѣлался кучеромъ.

Старуха горничная постоянно завязывала платкомъ избитое лицо. Терпѣла она два года и умерла въ кухнѣ, забравшись на печь въ темный уголокъ.

Дѣвушку, дочь старухи, взяли изъ магазина. Она великодушно покорилась своей незавидной участи, служа исправно недоступной и злой до неукротимости госпожѣ.

Стройная фигурка дѣвочки, густые волосы и русская свѣжесть молодаго лица выводили старую барыню изъ терпѣнія, когда, сидя передъ зеркаломъ, она видѣла, рядомъ съ своимъ поблекшимъ лицомъ, только что разцвѣтшій бутонъ пышнаго цвѣтка.

Съ каждымъ днемъ ненависть тетушки росла исполински къ невинному крѣпостному созданію. Защита дядюшки послужила еще къ большему раздраженію сварливой супруги.

— Не защищай любовницы! ворчала тетушка, у тебя есть жена. Дядюшка молчалъ.

Въ одномъ легкомъ платьицѣ, въ корридорѣ, вымощеномъ кирпичомъ, безъ всякой подстилки, среди бѣготни и крику крысъ, съ распухшими отъ

постоянныхъ слезъ глазами, дрожала въ холодѣ и темнотѣ бѣдная жертва, у дверей спальни госпожи своей.

Сонъ страдалицы былъ безпокоенъ отъ того, что дневная дѣйствительность тяготила ее. Будущее грезилось ей въ страшныхъ картинахъ, и несчастная не одинъ разъ вскакивала, протирая глаза и опускаясь на полъ.

Въ отсутствіе Трофима Ивановича завязывалась малая война между могущественной госпожой и безотвѣтной служанкой.

Неосторожный ударъ каминными щипцами въ голову избавилъ бѣдное твореніе отъ тяжелой жизни. Шатаясь, бросилась служанка въ корридоръ и тамъ, мертвая, упала на кирпичный полъ.

Доротея Яковлевна, ожидая мужа, раза три удостовѣрилась не оживетъ ли ея горничная, но ударъ былъ вѣренъ.

— Змѣя притворилась, шептала тетушка.

Нѣтъ, гдѣ тутъ было притворяться? Сердце ея давно перестало биться.

Въ нетерпѣніи, что мужъ долго не возвращается, тетушка покрыла черной шалью голову и, сѣвъ возлѣ окна, начала кусать до крови, остатками зубовъ, свои ногти. Тетушка походила очень въ эту минуту на кошку-тигра. Вечеръ блѣднѣлъ. Въ комнатахъ было тихо, темно и грустно. Въ корридорѣ было гораздо грустнѣе. Тамъ на полу лежалъ трупъ дѣвушки, уликой обдуманной злости!

— Дядюшка возвратился, и новая ссора закипѣла.

— Я убила твою красавицу.... убила.... шептала тетушка, сверкая глазами, взгляни на нея.... она такъ же свѣжа и такъ же хороша, какъ прежде, но не дышетъ! Дядюшка съ ужасомъ отшатнулся назадъ отъ словъ, сильно его встревожившихъ.

— Кара Небесъ. Онъ насъ преслѣдуетъ, шепталъ Трофимъ Ивановичъ. Я много зла сдѣлалъ, и оттого справедливо гонимъ судьбой.

Трофимъ Ивановичъ быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ.

— Le crime n'est pas durable dans la nature, чувствую, что попадусь когда нибудь; но пока живу, буду противиться и выплыву успѣшно изъ океана бѣдствій. Никто этого, сказалъ дядюшка, указавъ на дверь корридора, не видалъ?

— Никто,—отвѣчала спокойно жена.

— Но люди? Гдѣ же они?

— Я ихъ всѣхъ разослала искать служанку, сказавъ, что она меня обокрала и ушла.

— Дипломатически. А вотъ идетъ Семенъ....

Слуга подалъ двѣ свѣчи.

— Не видѣлъ ты ее?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Семенъ вышелъ и подалъ самоваръ. Господа преспокойно сѣли кушать чай.

— И кухарка, и кучеръ возвратились,—сказалъ слуга.

— Ну что же?

И они тоже не видѣли. Можетъ быть, она въ комнатахъ спряталась. Прикажите-съ—поищемъ.

— Нѣтъ, не нужно, вскричала тетушка, я сама видѣла, какъ она бросилась бѣжать изъ комнатъ и пробѣжала въ калитку.

— Господи, въ такой морозъ, окоченѣетъ гдѣ нибудь.... ворчалъ лакей, уходя въ буфетъ.

Кухарку снова услали къ модисткѣ и приказали ей дожидать тамъ до развѣта, не появиться ли туда бѣжавшая? Семена отправили съ объявленіемъ въ полицію, чтобы онъ ожидалъ до завтра прихода частнаго пристава и ему лично подалъ объявленіе. Кучера отослалъ дядюшка въ деревню, верстъ за пятнадцать, подъ предлогомъ узнать, не тамъ ли у родныхъ скрылись бѣжавшая. Въ дворѣ сдѣлалось пусто. Стукъ лошадей въ конюшнѣ давалъ знать, что въ дворѣ есть живыя существа, но эти невинныя и благородныя созданія не могли свидѣтельствовать словомъ о недостойныхъ дѣяніяхъ людей.

Въ полночь дядюшка съ помощею тетушки завернулъ трупъ дѣвушки въ старое фланелевое одѣяло и поставилъ его въ углу корридора за ширмой, не далеко отъ дверей выхода, на заднее крыльцо.

Дядюшка, взявъ потайной фонарь, пробрался съ нимъ въ конюшню. Чрезъ четверть часа дядюшка

разстворилъ ворота на улицу и, подъѣхавъ самъ въ саняхъ къ заднему крыльцу, привязалъ возжами лошадь къ колоннѣ стараго досчатаго навѣса.

Войдя въ корридоръ при помощи Доротеи Яковлевны, дядюшка вытащилъ трупъ и бросилъ его въ сани.

Лошадь захрапѣла, поднялась на дыбы, рванула; навѣсъ крыльца затрещалъ и обрушился среди ночной тишины; но дядюшка ловко схватилъ возжи, направилъ лошадь въ ворота и она, закусивъ удила, понесла его по улицамъ, задѣвая санями за столбы и за углы домовъ на поворотахъ. Рискуя каждую секунду быть опрокинутымъ и изувѣченнымъ, дядюшка не трусилъ, хотя руки его окостенѣли и не было у него силъ справиться съ взбѣсившеюся лошадью, до этого времени смиренно возившею воду. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, лошадь бросилась въ сторону и попала между двухъ рядовъ каменныхъ и деревянныхъ лавокъ. Дядюшка старался заворотить упрямое животное, но гужъ съ лѣвой стороны лопнулъ и лошадь остановилась. Съ полдюжины цѣнныхъ собакъ у лавокъ подняли бѣготню, лай и вой. По скрипучему снѣгу раздались частые шаги ночныхъ старожей. Съ четырехъ сторонъ окружили дядюшку блюстители товаровъ и начали разговарить, видя распрягшуюся лошадь.

— Гляди-ко, дядя Филимонъ, куда его, шель-

меца, нелегкая затащила, вскричалъ одинъ сторожъ, постукивая дубиной въ землю, чай не даромъ сюда забрался. Ужь не жуликъ ли московскій?

— Ты господинъ честной, сказалъ тонкимъ голосомъ Филимонъ, подойдя съ боку саней, не знаешь, что проѣзду сюда нѣту-те?

— Онъ лѣшаго, знать, повстрѣчалъ на перекресткѣ, настоящимъ медвѣдемъ заревѣлъ третій сторожъ, и тотъ его завелъ сюда....

— Ну, ребята, сказалъ скороговоркой низенькій съ жидинькою бородою человѣкъ, онъ-то и самъ на лѣшаго похожъ. При этомъ жидкобородый приставилъ къ самому носу дядюшки тусклый фонарь,—да и рожа-то у него срамная, на выходца съ того свѣта похожъ. Ну, мой милый, не поживиться ли ты товаромъ захотѣлъ, да нарочно сюда пожаловалъ.

— Ооохъ.... Господи! зѣвалъ еще одинъ сторожъ, пробудясь отъ шуму, на ступенькахъ ближнихъ лавокъ, въ такую ночь, говорилъ онъ, злые люди, слышь ты, на разбой ходятъ. Прости ихъ Господи: Ооохъ! окончивъ рѣчь, сторожъ опять началъ зѣвать, и крестить разинутый имъ на четверть ротъ.

— А что ты везешь? спросилъ одинъ ихъ окружившихъ дядюшку, садясь на облучекъ саней, — ты здѣшній?

— Нѣту-те, я не здѣшній, сказалъ ласково дядюшка, я Волдыровскій-Чухваровскій.

— Ооонъ, отозвался лѣнтяй, лежа на тѣхъ же самыхъ ступенькахъ, кто это Чухваровскій? Мы и сами Чухваровскіе. Какъ прозываешься? Чей ты? Ооохъ, Господи! Прости мои согрѣшенія лютыя....

Лѣнтяй поднялся съ мѣста и подошелъ къ дядюшкѣ.

— Я, ребятушки, недавно съ полкомъ пришолъ въ Чухварово, стою съ барчукомъ возлѣ церкви въ новой избѣ, съ красными окнами на улицу.

— Значитъ, кватируете у косаго Заикина.

— Да, точно—хозяинъ косой и заикается. Должно быть тамъ.

— Косой-то онъ вовсе не косой и тѣмъ паче не заика; а такъ прозывается по уличному. Настоящая его фамилія Ѳоминъ, просто Ѳоминъ.

— Ну точно такъ и есть Ѳоминъ.

— Что же ты этто везешь? спросилъ молодой сторожъ, дотрогиваясь дубиной до фланелеваго одѣяла.

— Эхъ, почтенный, сказалъ громко дядюшка, не тронь—этто стекло-фрусталь и саксонъ-фарфоръ отъ самого вице-губернатора.

— Куда-же ты его везешь?

— Да къ нему въ деревню.

— Развѣ ты его знаешь?

— Да вѣдь онъ родной дядя нашему-то барчуку.

— Ну это особь статья, — завизжалъ жидкобородый.—Филимонъ! помоги-ка съ ребятами запречь лошадь, да выпроводите его на большую улицу. Перебьетъ посуду — отвѣчать станемъ, она вице-губернаторская.

— И впрямь, отозвался опять лѣнтяй сторожъ, ложась. Господи! прости мои лютыя согрѣшенія! продолжалъ онъ, зѣвая и крестя глотку, ежеминутно готовую разорваться.

— Ну.... ходитъ, сказалъ приземистый человѣкъ, толкнувъ лошадьноскомъ сопога подъ брюхо.

Лошадь рванулась,—ее удержали.

— Стой, каторжная! заревѣлъ медвѣдь и, схвативъ лошадь подъ устцы, оборотилъ ее съ санями кругомъ и вывелъ на большую улицу; сколько ни старалась лошадь освободиться, пугаемая воемъ собакъ, но желѣзная рука русскаго человѣка не позволила ей своевольничать.

Сабаки чуяли мертвеца и выли хоромъ.

— Эхъ, Филимонъ! сказалъ сторожъ, выведя на улицу дядюшку съ лошадью, пустили мы его отъ себя, кажись неладно что-то! Слышь—ты собаки воютъ, словно покойника чуютъ. У него клажа должна быть что-то не совсѣмъ честная....

— Э! хорошо, что убрался, еще съ старымъ чертомъ бѣду наживемъ.

— Какъ бѣду наживемъ?

— Да такъ.... схватятъ тебя да и пойдутъ водить, пытать, да перепрашивать.

— Лучше всего: знать не знаю, вѣдать невѣдаю.

— Наше дѣло стеречь купеческій товаръ.... вотъ наше дѣло.... товаръ купеческій сберегать.... Вонъ энто-то и есть настоящее наше дѣло.... дѣло наше настоящее есть!

Употребляя всѣ силы, какія оставались у дядюшки, онъ пріостановилъ лошадь среди моста. Широкая промоина саженяхъ въ четырехъ привѣтливо чернѣла, подавая пріятныя надежды дядюшкѣ, поглотить безъ возврата все то, что̀ онъ туда ни броситъ.

Дядюшка всталъ, привязалъ лошадь къ периламъ, и только что взялся за трупъ — тройка лошадей проскакала мимо его съ ямщикомъ и двумя почталіонами; за ними другая и третья тройка пробѣжали на рысяхъ. Верховой проѣхалъ шагомъ и за нимъ потянулся нитью извощичій обозъ. Съ остановкой двигались извозчики, и дядюшка первый разъ въ жизни трепеталъ скораго разсвѣта. Ему предстояло искать мѣста понадежнѣе и не столь открытаго взору людей.

Дядюшка, выѣхавъ изъ города, погналъ лошадь по берегу рѣки и хотѣлъ бросить трупъ въ первую прорубь; но и тамъ ему помѣшали два ры-

бака, не позволивъ даже приблизиться къ проруби отъ опасенія неудачи въ тонѣ.

Солнце готовилось показаться на пояснѣвшемъ востокѣ, и Трофимъ Ивановичъ, возвратясь домой, спряталъ трупъ дѣвушки въ каретный сарай отъ котораго ключъ держалъ у себя. Развязка съ несчастною служанкой отложена было до слѣдующей ночи.

— Ну, куда ты ее дѣвалъ? спросила Доротея ласково дядюшку.

— Куда дѣвалъ? отвѣтилъ дядюшка, я привезъ ее домой. Не могъ избавиться....

— Куда-же ты ее дѣвалъ? Я не хочу, чтобы она была въ корридорѣ. Долго ли она была тамъ, а оставила слѣды, которые я мыла, выстругивала ножемъ и ничто не помогло,—они видны.

— Я ее на дворѣ припряталъ, а ночью вывезу опять и, брошу среди дороги за городомъ.

Люди, посланные въ разныя мѣста, возвратились.

— Не видѣли и не слышали о служанкѣ ничего. Вотъ что они отвѣчали молчаливымъ господамъ.

Дюдюшка не отходилъ цѣлый день отъ окна и все глядѣлъ на сарай, ожидая съ нетерпѣніемъ ночи.

День шелъ для дядюшки и тетушки такъ долго; какъ идетъ ночь для больнаго, страдающаго тяжелымъ недугомъ. Солнце начало опускаться за высокія строенія. Дядюшка повеселѣлъ; но не на

долго. Хозяинъ двора, приземистый купчикъ въ волчьей шубѣ, козыркомъ, запряженнымъ круглою, какъ бочка, вороною лошадью, остановился среди двора и вылѣзъ изъ саней вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ.

Разсуждали они долго, размахивая руками; хозяинъ даже подходилъ къ воротамъ сарая и мѣрилъ ихъ къ совершенному ужасу дядюшки. Стоило только взглянуть въ щель или попробовать растворить дверь, преступленіе ту же минуту обнаружилось бы; но Всесильный терпѣлъ. Разсказывая съ жестами еще кое-что архитектору, хозяинъ полѣзъ самъ по лѣстницѣ на чердакъ сарая, и остановясь у подшивки, пригласилъ туда взобраться архитектора. Не успѣлъ архитекторъ влѣзть до половины, какъ лѣстница обрушилась. Хозяинъ и архитекторъ полетѣли внизъ и, отдѣлавшись легкими ушибами, уѣхали домой, продолжая горячо разговаривать. Вечерѣло. Дядюшка радостно поглядывалъ въ окно, выдумавъ предлогъ куда людей послать, чтобъ дворъ опять не имѣлъ свидѣтелей.

Тощая, способная пробраться въ щель, собака прогрызла дыру подъ воротами сарая и къ ужасу дядюшки начала тащить кусокъ окровавленнаго одѣяла, стараясь влезть въ сарай. Дядюшка, выбѣжавъ съ палкой на дворъ, прогналъ собаку. Не успѣлъ онъ возвратиться въ кабинетъ, какъ явились еще двѣ собаки и начали осаждать дверь сарая до схватки между собой. Тощая пролѣзла

до половины и, разглядѣвъ добычу, помахивала хвостомъ. Двѣ новоприбывшія сидѣли молча, и оскаля зубы, не позволяли одна другой принимать участіе въ дѣйствіяхъ пролѣзшей до половины. Дядюшка, вооружась палкой, выгонялъ постоянно собакъ, которыя подняли въ дворѣ лай, кусаясь, въ кровавой схваткѣ до костей. Эти непріятныя занятія г. прокурора продолжались до полуночи.

Въ полночь, дядюшка пошелъ въ комнаты и скоро возвратился оттуда въ сопровожденіи Доротеи Яковлевны.

Прокуроръ тихо пробрался въ сарай; тетушка ожидала его возвращенія на крыльцѣ. Закутавшись въ черную шаль, она сѣла на тумбу зловѣщимъ призракомъ.

Трофимъ Ивановичъ пробылъ въ сараѣ нѣсколько минутъ и быстро оттуда вылѣзъ въ окно, выходившее изъ фронтона на лѣстницу и, спустившись по ней, сѣлъ возлѣ молчаливой жены.

Мужъ и жена ждали чего-то новаго. Сквозь щели дверей сарая блеснулъ огонь. Дымъ вырвался изъ-подъ крыши. Мгновенно загудѣлъ огонь, огненные языки замелькали, освѣтивъ дворъ. Крыша затрещала, начала чернѣть, коробиться и горѣть во многихъ мѣстахъ.

Строеніе мигомъ вспыхнуло. Набатъ на колокольнѣ ближайшей церкви встревожилъ городъ тогда, когда дворъ квартиры дядюшки пылалъ огнемъ, неприступнымъ безъ моря воды.

Цѣлая улица, прилегавшая по вѣтру къ квартирѣ прокурора, вспыхнула, и къ свѣту осталось отъ ней пепелище. По слѣдствію открылось, что пожаръ начался съ дома купца 2-й гильдіи Арефія Иванова Закалюкина, занимаемаго г. прокуроромъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Трофимомъ Ивановичемъ Довбней-Бродницкимъ.

Полиція перерыла пепелище и не безъ пользы. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ сарай, найдены окровавленныя лохмотья фланелеваго одѣяла и явные остатки прокурорской горничной.

Новоприбывшій въ городъ частный приставъ захотѣлъ показать свои способности и докапываться до чего ему нужно, до чего и не нужно. Цѣлую недѣлю производилось разслѣдованіе.

Рядскіе сторожа узнали въ лицо дядюшку и уличили, что онъ везъ что-то завернутое въ одѣяло.

Сопротивлялся долго дядюшка, покамѣстъ невидѣнные имъ свидѣтели не раскрыли всего, не только это дѣло, но и другія не менѣе важныя дѣла, за которыя слѣдовало предать уголовному суду дядюшку. Трофима Ивановича отставили отъ должности, взяли подъ присмотръ полиціи и, черезъ недѣлю, съ женой, посадили въ губернскій острогъ, довольно красиво и просто созданный.

Желѣзныя ворота растворились передъ супругами. Какъ только смотритель выдалъ росписку въ пріемѣ арестантовъ, то разлучилъ дядюшку съ

женой (посадивъ ее въ женское отдѣленіе). Трофимъ Ивановичъ первый день предался грусти, которая начала его давить жестокимъ образомъ.

Года три производилось судопроизводство надъ заключенными супругами. Трофимъ Ивановичъ скучалъ, зная, что его съ женой сошлютъ въ Сибирь. Предполагаемое имъ путешествіе считалъ дядюшка нѣкоторымъ удовольствіемъ.

— Я перемѣню климатъ и поздоровѣю, ворчалъ дядюшка, здѣсь худо было бы мнѣ жить, я бѣденъ и надежды поправиться не предвижу.

Къ дядюшкѣ долетѣла отрадная вѣсть, что скоро послѣдуетъ рѣшеніе его участи, хотя жилище Трофима Ивановича было съ крѣпкими затворами. Дядюшка составилъ уже планъ жизни въ Азіатской Россіи, воображая себя на лыжахъ, съ длинной винтовкой за плечами. О женѣ, которая тоже туда ссылалась, Трофимъ Ивановичъ думалъ, что она не дойдетъ и до Казани, а умретъ. Будетъ мнѣ, старику, худо.... ворчалъ Трофимъ Ивановичъ,—да дѣлать нечего, по дѣламъ вору мука!

И съ этой печальной надеждой дядюшка, справедливо гонимый Провидѣніемъ, собирался расправить, скомканные бурями, паруса и предоставить ихъ на волю холоднымъ вѣтрамъ, лишь бы разстаться съ душной и сырой камерой, изъ которой виденъ былъ клочекъ неба; да хотя въ далекой Сибири пожить не на привязи. Трофимъ Ивановичъ смирился, онъ не желалъ богатства. Въ это

самое время прошелъ слухъ о смерти Кириллы Ивановича, умершаго не оставивъ никакихъ распоряженій на счетъ наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго имѣнія.

— Ну, если такъ, сказалъ дядюшка, то я не хотѣлъ бы ѣхать или идти въ Сибирь, а попытаюсь еще, нельзя ли какъ нибудь смягчить свое положеніе, не то замедлить или.... нѣтъ.... Позовите-ка мнѣ господина надзирателя тюремнаго замка! У дѣтей моихъ опять будетъ сто пятьдесятъ душъ. Быть не можетъ! Деньги оставилъ намъ любезнѣйшій братецъ! Ну, что же? Я сказалъ смотрителя.... послать ко мнѣ....

— Идетъ, вотъ идетъ, послышался голосъ сквозь рѣшетку, и ключъ въ дверяхъ быстро, знакомой съ дѣломъ рукой, поворотился.

— Что вамъ угодно? спросилъ смотритель у дядюшки.

— Угодно, чтобы меня выслушали.

— Извольте.

— Ну, вотъ что я вамъ, сударь, скажу, шепнулъ дядюшка, и засыпалъ смотрителя словами, которые тотъ глоталъ развѣся уши, потирая руки и глупо улыбаясь.

Дядюшка даже сунулъ въ руку смотрителя бѣлую ассигнацію; и это было больше ничего, какъ средство улучшить физическое содержаніе себя и несчастной жены; больше ничего. Желаніе дядюш-

ки исполнилось смотрителемъ, посѣщавшемъ его ежедневно два раза.

Трофимъ Ивановичъ видимо покорялся своей незавидной участи и, казалось, скучалъ, что его не зовутъ слушать рѣшеніе.

Смотритель съ нѣкотораго времени позволялъ дядюшкѣ видѣться съ тетушкой, они проводили цѣлыя ночи вмѣстѣ.

Доротея Яковлевна, послѣ двухъ или трехъ свиданій съ мужемъ, заболѣла.

Докторъ, взглянувъ на больную, вздохнулъ, сморщился и объявилъ тихо смотрителю, что у ней тюремная злокачественно-заразительная лихорадка. Смотритель ахнулъ, бросился за флакономъ съ уксусомъ. Пробѣгая корридоръ, онъ заглянулъ въ дверь къ пріятелю своему Трофиму Ивановичу и, покраснѣвъ до ушей, въ ужасѣ отскочилъ назадъ.

Съ дядюшкой происходили страшныя конвульсіи. Онъ почернѣлъ. Докторъ распорядился, мужа и жену, заболѣвшихъ одинакою болѣзнію, помѣстили вмѣстѣ, назначивъ ухаживать за ними самаго дряхлаго госпитальнаго служителя.

Вечеромъ докторъ видѣлъ больныхъ сквозь рѣшетку и оттуда подалъ служителю собственной рукой микстуру и порошки. Супруги обнаружили передъ докторомъ совершенный упадокъ силъ и онъ велѣлъ приготовить, какъ можно скорѣе, два гроба.

Ночью было слышно еще нѣсколько прощальныхъ словъ Трофима Ивановича къ женѣ, но женщина эта гораздо раньше дядюшки перестала стонать. Передъ свѣтомъ явился священникъ; но служитель объявилъ, что съ двухъ часовъ по полуночи, прокуроръ съ женою перестали дышать.

Докторъ, узнавши это, велѣлъ окурить корридоры и камеры уксусомъ и самъ, нюхая платокъ, омоченный въ какую-то вонючую жидкость, надѣлъ перчатки и, боясь, чтобы умершіе его не укусили, подержалъ ихъ за пульсы, пожевалъ въ своемъ рту что-то, сдвинулъ плечами и велѣлъ служителямъ, ту же секунду, умершихъ положить въ гроба, съ простынями, въ колпакахъ и халатахъ, остерегаясь до тѣлъ ихъ дотрогиваться.

Два сосновыхъ, плохо сколоченныхъ гроба были принесены.

Умершихъ, схвативъ съ простынями, въ нихъ уложили.

Крышка въ гробѣ дядюшкиномъ долго не приставала.

Гробъ его былъ узокъ.

Докторъ приказалъ приколотить крышку гвоздями.

Тутъ же въ стѣнѣ случился костыль; его вырвали и воткнули въ крышу, возлѣ праваго плеча дядюшки.

Плотникъ раза три стукнулъ топоромъ, и крыша больше уже не подымалась.

Служители схватили оба гроба и мигомъ спустили ихъ съ лѣстницы, вышли оттуда и пронесли черезъ дворъ въ подвалъ, гдѣ уже находились три покойника. Земныя странствія преступной четы кончились. Дѣла ихъ велѣно предать волѣ Божіей,— нѣсть же числа Его милостямъ.

Смотритель съ докторомъ умылись казеннымъ уксусомъ и въ продолженіи двухъ дней при встрѣчѣ брали одинъ другаго за пульсъ для удостовѣренія: не заразились ли они? Черезъ годъ смотритель оставилъ службу и выстроилъ въ предмѣстіи города домикъ, поселился въ немъ, а докторъ, изъ любви къ наукамъ, подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Вѣну слушать анатомію. Въ продолженіи цѣлаго курса, докторъ посѣщалъ лекціи, работалъ въ анатомическомъ театрѣ преусердно и получилъ дипломъ мозольнаго оператора въ концѣ курса. Доволенъ бывъ своими успѣхами, онъ не возвратился въ Россію, а остался за границей. Александръ Трофимовичъ въ это время состоялъ на службѣ въ Петербургѣ и, получа извѣстіе, оплакалъ кончину родителей. Братъ не счелъ надобностію печалить сестеръ, и безъ того инстинктивно догадывавшихся, что ихъ родители не даромъ перестали писать къ нимъ и вѣрно судьба ихъ рѣшилась. Александръ Бродницкій ни мало не походилъ на своего батюшку; сестры его были настоящіе ангелы по красотѣ и кротости характеровъ. Служилъ Бродницкій въ канцеляріи военна-

го губернатора. Товарищи любили скромнаго и добраго Александра Бродницкаго. Вся его нѣжность и любовь выказывалась къ сестрамъ, которыя скоро уже должны были окончить воспитаніе.

Смерть дяди Кирилла Ивановича подала Бродницкому мысль уѣхать съ сестрами въ Малороссію, чтобы на первый разъ доставить имъ пріятное развлеченіе. Маршалъ того уѣзда, гдѣ было имѣніе Бродницкихъ, вызывалъ Александра Трофимовича для принятія наслѣдства; Александръ Трофимовичъ не могъ оставить сестеръ, привыкшихъ видѣться съ нимъ каждый воскресный день и праздникъ.

Правитель канцеляріи, любившій Бродницкаго и знавшій его дѣла, совѣтовалъ ему дать довѣренность одному отставному чиновнику Клевакину и, уполномочивъ его, принять наслѣдство, послать въ Малороссію съ тѣмъ, чтобы онъ привелъ въ извѣстность имѣніе, оставилъ его въ управленіи полковника Дзядровича, опекуна, извѣстнаго своей честностію и безкорыстіемъ.

Бродницкій такъ и сдѣлалъ. Клевакинъ выѣхалъ въ Малороссію чрезъ нѣсколько дней. Бродницкій въ это же время командированъ былъ начальникомъ по какимъ-то дѣламъ въ Ораніенбаумъ. Пробылъ онъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ. Возвратясь, Бродницкій посѣтилъ сестеръ, соскучившихся долгимъ его отсутствіемъ. Пока Бродницкій проживалъ въ Ораніенбаумѣ, почти что каждый вечеръ приходили въ

его квартиру двѣ незнакомыя особы; они интересовались узнать: возвратился ли Бродницкій и просили человѣка доложить барину, что они имѣютъ крайнюю надобность съ нимъ видѣться.

Особы эти носили на себѣ печать лишеній, несчастій и ударовъ немилосердной судьбы. Ихъ изношенныя платья покрыты были заплатами.

Бродницкій, узнавъ о лицахъ, являвшихся къ нему, велѣлъ допустить ихъ къ себѣ, какъ только они прійдутъ.

Съ этой цѣлью сострадательный молодой человѣкъ два дня не выходилъ изъ дому, и каждый вечеръ ожидалъ незнакомыхъ и интересовавшихъ его посѣтителей. Эти незнакомые съ нимъ люди поселили въ душѣ его непонятную тревогу. Три дня прошло, а просители, можетъ-быть, несчастнѣйшіе изъ людей, не показывались. На четвертый вечеръ Александръ Трофимовичъ терялъ надежду ихъ увидѣть и старался забыть тяготившее его чувство. Онъ хотѣлъ выйдти изъ квартиры и, стоя у стола, надѣвалъ перчатки.

— Пришли-съ, сказалъ тихо человѣкъ, войдя въ кабинетъ молодаго барина.

Бродницкій вздрогнулъ и съ невольнымъ трепетомъ велѣлъ ихъ ввесть въ залъ.

Человѣкъ ввелъ просителей въ переднюю, отворилъ имъ дверь въ залъ, а самъ ушелъ.

Бродницкій, взявъ свѣчу въ руку, поторопился встрѣтить гостей; они робко стояли въ темномъ

углу комнаты. Бродницкій подошелъ къ нимъ со свѣчой поближе и отшатнулся назадъ.

Онъ разглядѣлъ гостей, уронилъ свѣчу и самъ, лишившись чувствъ, повалился на полъ.

Просители бросились къ молодому человѣку, звали его по имени, терли ему виски и шептали сквозь слезы какія-то слова.

Александръ Трофимовичъ опомнился, провелъ себя по лбу рукой, произнесъ: Боже мой, что это со мною дѣлается.... васъ ли я вижу? Нѣт...

— Насъ, сказалъ старикъ и силился приподнять Бродницкаго въ то время, когда женщина сопровождавшая старика, молча покрывала поцѣлуями Бродницкаго и плакала слезами нѣмой горести или радости.

Всѣ трое перешли въ кабинетъ, и Александръ Трофимовичъ далъ старикамъ денегъ.

— Деньги вздоръ, сказалъ старикъ; а я просилъ тебя о болѣе важнѣйшемъ....

— Завтра въ девять часовъ вечера я самъ явлюсь въ вашу квартиру и отдамъ вамъ то, чего вы просите.

Тутъ старикъ долго и серіозно говорилъ съ молчаливымъ Бродницкимъ, развалясь на креслахъ, приставленныхъ къ столу. Старуха схватила на столѣ медаліонъ съ портретами двухъ сестеръ Бродницкаго и глазами просила у его, позволить ей взять эту вещь. Бродницкій, ни слова не

сказавъ старухѣ, отдалъ медаліонъ и съ жалостію смотрѣлъ на этотъ остовъ, покрытый морщиноватою, сѣрою, увядшею кожей.

Старуха, поигравъ медаліономъ у свѣчи, спрятала его на изсохшей, пожелтѣвшей груди и, запахнувшись полами коричневаго салопа, тянула старика изъ комнаты, показывая знаками, что ей больше ничего не нужно.

Старики съ радостнымъ выраженіемъ на изнуренныхъ и блѣдныхъ лицахъ бросились изъ комнаты и быстро побѣжали по тротуару.

Бродницкій, успокоенный, сталъ на колѣни и долго молился Творцу—Утѣшителю всѣхъ скорбящихъ и удрученныхъ тяжкими печалями.

Эти два существа, посѣщавшія часто квартиру Бродницкаго и видѣвшіяся съ нимъ одинъ разъ, исчезли, будто-бы сквозь землю провалились.

О поѣздкѣ въ Малороссію Бродницкій не только пересталъ говорить сестрамъ, но даже отговаривалъ ихъ отъ этого, желая, чтобы онѣ остались въ Петербургѣ при немъ или при Амаліи Францовнѣ, которая и тутъ своимъ попеченіемъ къ сиротамъ, совершенно ей чуждымъ, высказала рѣдкія качества добра. Александръ Трофимовичъ сталъ задумываться. Всѣ, кто любилъ его, не могли разгадать причины его грусти.

Появленіе двухъ странныхъ просителей такъ на него подѣйствовало.

Павелъ Максимовичъ прибылъ въ Петербургъ. Тетушка встрѣтила его, какъ и ожидать было можно, съ радостію. Мужъ ея, генералъ съ аршинными усищами, обросшій бакенбардами, встрѣтилъ юнкера ласково и просилъ быть съ нимъ безъ чиновъ.

Въ этомъ же домѣ, который занимала Амалія Францовна, Бродницкій обнялъ въ первый разъ двоюроднаго брата Александра и познакомился съ двумя премиленькими кузинами. Александръ Трофимовичъ скоро сошелся съ Павломъ Максимовичемъ и характеромъ и наклонностями и даже образомъ мыслей. Они полюбили другъ друга, и если бы не Амалія Францовна удержала Павлушу при себѣ, то Александръ Трофимовичъ упросилъ бы брата занять въ его квартирѣ лучшія комнаты и быть, какъ дома.

Три мѣсяца, проведенные братьями вмѣстѣ, подѣйствовали благодѣтельно на Александра Трофимовича; онъ началъ разсѣяваться. Выѣзжая въ общество, Павлуша успѣлъ поэтически описать деревенскія красоты Пожарищъ, климатъ Малороссіи, ея свѣтлыя небеса и вишневые сады. На слѣдующую весну рѣшился Александръ Трофимовичъ ѣхать домой съ сестрами, чтобы провесть въ Пожарищахъ лучшее время года.

Зима тянулась долго, хотя въ развлеченіяхъ братьямъ Бродницкимъ не было недостатка. Военная служба мало занимала Павлушу; но онъ

не пропускалъ ученій, смотровъ и довольно ловко ѣздилъ на собственной лошади.

При всѣхъ выгодахъ службы, подъ крылышкомъ тетушки и, подъ начальствомъ ея супруга, Бродницкій скучалъ въ столицѣ. Конные-егеря, слышно стало, выступили изъ Малороссіи въ Россію. Любочка, по извѣстіямъ, была еще свободна и очень похорошѣла. Это, повидимому простое обстоятельство недовало Павлушѣ покоя. Ждалъ онъ случая видѣть Любочку, какъ высшаго блаженства въ жизни и будучи отъ природы миролюбивымъ, не располагалъ долго служить, боясь попасть въ обязанность пролить безвинную кровь безъ всякой со стороны его надобности.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Бродницкій надѣлъ эполеты. Мужъ Амаліи Францовны получилъ драгунскую бригаду и долженъ былъ ѣхать съ женой въ Бессарабію, гдѣ квартировала драгунская дивизія. Бродницкій съ радостію согласился на переводъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ бригады мужа тетушки. Въ ожиданіи перевода Павелъ Максимовичъ выхлопоталъ отпускъ на 28 дней и уѣхалъ съ Жовтякомъ въ Малороссію. Сѣвши въ экипажъ, Павелъ Максимовичъ раздѣлялъ вполнѣ чувства радости своего слуги. Да и какъ было не радоваться? Они ѣхали домой.

ГЛАВА XII.

Много натерпѣлись горя въ дорогѣ, пока дотащились въ Раковую-Балку молодой офицеръ съ своимъ слугой. На вольныхъ лошадяхъ съ ближайшей станціи въѣхали они на дворъ, по густой грязи, въ самую полночь. Во флигелькѣ, занимаемомъ Дзядровичемъ, изъ окна виднѣлся дрожащій свѣтъ большой свѣчи. На дворѣ было тихо, на рѣкѣ отзывалась серебрянымъ голосомъ лыска.

— Видно не спитъ нашъ старикъ, сказалъ Жовтяку Бродницкій, смотря на флигелекъ.

— Може воны вмерлы, сказалъ весело Жовтякъ.

— Дурню! Что ты выдумываешь.

— Ось побачыте, сказалъ Жовтянъ, выпрыгивая у подъѣзда изъ коляски и отворяя дверцу барину, не даромъ, продолжалъ онъ, снилось мнѣ, что мы съ вами сидѣли на печи и ѣли гарбузъ *) съ макомъ!

---

*) Тыкву.

Дверь, выходившая изъ комнаты Дзядровича въ сѣни, была растворена. Въ этой комнатѣ на столѣ, покрытомъ старой простыней, лежалъ старикъ Дзядровичъ мертвый. Онъ былъ одѣтъ въ мундиръ съ эполетами. Ботфорты закрывали ему колѣни, а трехугольная шляпа съ перомъ насовывалась ему на глаза. Рябко, любимый покойникомъ дворовый песъ, лежалъ смирно въ ногахъ мертвеца и глядѣлъ тупо сѣрыми умными глазами. Штукъ пять бабъ на полу, среди комнаты, спали въ разныхъ положеніяхъ вокругъ опорожненныхъ бутылокъ водки.

— Оце такъ! шепталъ слуга, я и говорилъ, что сонъ поганый. Отъ воны и умерлы! Ну, вы, вставайте! ворчалъ Жовтякъ, расталкивая бабъ, баринъ пріѣхалъ! Не знаете? Пойшлы вонъ!

Проснувшіяся бабы испугались и бросились вонъ изъ комнаты. Бродницкій плакалъ о человѣкѣ, котораго онъ уважалъ и любилъ не меньше Кирилла Ивановича. Въ эту пору онъ почувствовалъ свое одиночество и употребилъ все стараніе отдать послѣдній долгъ Дзядровичу, такъ какъ велитъ наша святая церковь.

Около двухъ недѣль приводилъ въ порядокъ дѣла по хозяйству Бродницкій и, окончивъ успѣшно распоряженія, собрался ѣхать къ Янскимъ. Любочка не выходила у него изъ головы и изъ сердца, хотя оно занывало часто отъ несбывшихся ожиданій. Дорога казалась и продолжительной и

скучной. Часовъ въ 10 утра Бродницкій, съ неразлучнымъ Жовтякомъ, на почтовыхъ коняхъ въѣхалъ въ дворъ Янскихъ. Свѣжій снѣгъ усталъ бѣлой пеленой широкій дворъ и по немъ не было никакихъ слѣдовъ. Окны въ домѣ закрыты ставнями. Въ дворѣ не видно никакого движенія. Тихо и пусто кругомъ. Бродницкій, не выходя изъ экипажа, остановился у крыльца. Домъ былъ вездѣ запертъ. Изъ кухни, людской и даже изъ флигеля, ни одна душа не показывалась.

— Отъ тутъ, мабутъ всѣ уже поумиралы.... сказалъ Жовтякъ, бо не видно ни души.

— Что ты врешь....

— А даже вахмистръ 3-го скадрона Топчій Иванъ Хведоровичъ, разказывалы мнѣ, что появилась какая-то болисть, холера. Якъ укотыться въ семью: умретъ семья; якъ укотыться въ село: умре село! Чы въ городъ: умре й городъ!

— Да ты ступай на задній дворъ, можетъ-быть, тамъ найдешь кого-нибудь.

— Ну хоть и страшно, а пойду, сказалъ Жовтякъ и, выхвативши кнутъ у кучера, побѣжалъ на задній дворъ.

— А вотъ видишь ли, сказалъ Бродницкій ямщику, кажется, кто-то идетъ сюда съ Жовтякомъ.

— Идетъ, точно кто-то идетъ.

— Это ты, Филиппъ?

— Я, сударь.

— Узналъ ты меня?

— Какъ же не узнать.

— Ну, вотъ же тебѣ на водку, сказалъ садовнику (Филиппъ былъ въ этой должности) Бродницкій,—теперь, продолжалъ Павелъ Максимовичъ, скажи мнѣ, Филиппъ, куда дѣвались господа твои?

— Далеко.... предалеко уѣхали, ажъ въ столичный городъ Москву.

— Здоровы ли они?

— Богъ ихъ святый знае. Должны быть здоровы.

— Зачѣмъ же они поѣхали туда?

— А панычъ промотався, та й заболѣлъ тамъ; вотъ они й поіхалы.

— Всѣ поѣхали?

— Всѣ съ зятемъ.... Зять тамъ на службу поступаетъ.

— Такъ барышня замужемъ? чуть могъ выговорить Бродницкій, пораженный новостію, совершенно неожиданной.

— Нѣтъ.... не они вышли замужъ, а ихъ старшая сестрица.

Бродницкій ожилъ.

— Скоро ли возвратятся господа?

— Та должно быть скоро будутъ, писали, чтобы домъ протапливать, да прикащикъ запывъ и порядковъ никакихъ нѣтъ.

— Ну, благодарю тебя за пріятное о господахъ извѣстіе,—они будутъ, будутъ, ты точно это знаешь?

— Какъ же не знать? Я, вы сами изволите знать, съ пупку дворовый. Еще бы да не знать!

Бродницкій подалъ садовнику еще синюю ассигнацію и, довольный однимъ взглядомъ на то жилище, въ которомъ онъ видѣлъ Любочку, на тѣ высокіе тополи, которые издали привѣтствовали его появленіе своимъ качаніемъ, быстро уѣхалъ въ городъ.

Снѣга таяли. Воды разливались, съ земли повалилъ паръ; солнце прижаривало и дорога коегдѣ становилась непроходимою и самою трудною. Двадцать восемь дней быстро пролетѣли и Бродницкій, не заѣзжая домой, поѣхалъ прямо въ Петербургъ. Къ совершенному неудовольствію своему онъ не засталъ Амаліи Францовны. Она съ мужемъ уѣхала въ Бессарабію. Переводъ Бродницкому въ драгуны вышелъ, и это давало ему случай, на пути въ полкъ, еще разъ побывать дома и увидѣть во что бы то ни стало Любочку, возвратившуюся изъ Москвы. Не смотря на молодость Бродницкаго, у него была мысль: избѣгать всѣми силами ранней женитьбы и дождаться извѣстной поры владычества разума надъ побужденіями сердца. Обладать Любочкой, это правда, считалъ онъ началомъ своего благополучія, блистательной карьерой, отъ которой онъ требовалъ немногаго: семейнаго счастія съ избранной его сердцемъ, спокойствія душевнаго и независимости. У брата Александра Трофимовича встрѣтилъ Павелъ Максимовичъ одного

изъ своихъ товарищей по гвардіи. Тотъ только что возвратился изъ Москвы и въ разговорахъ, случайно, упомянулъ фамилію Янскаго.

— Вы знаете Янскихъ въ Москвѣ?

— Бывалъ у нихъ въ домѣ нѣсколько разъ, отвѣчалъ товарищъ Бродницкаго, и восхищался прекраснымъ созданіемъ—ихъ дочерью.

— Она хороша? спросилъ Бродницкій, притворяясь равнодушнымъ.

— Да, выходитъ, хороша, когда и въ Москвѣ (говорятъ, разсадникѣ прекраснаго пола), ее назвали перломъ Малороссіи. Дѣйствительно, названіе это къ ней пристало, какъ нельзя больше.

— Москва вѣрно моимъ землякамъ понравилась, они въ ней останутся?

— Нѣтъ, не думаю, сказалъ гвардеецъ. Вася Янскій разстроилъ состояніе, и безъ того довольно незначительное. Да, Желенъ всему виною. Знаете Желена?

— Знаю. Инженеръ путей сообщенія.

— Да. Онъ обыгралъ Василія Янскаго въ карты. Кажется, отъ него я слышалъ, что Янскіе уѣхали въ Малороссію, и скверная исторія вышла—отецъ не могъ заплатить за сына 3,000. Бѣдный Basil остался ожидать выкупа, сидя въ долговой тюрьмѣ. Послѣднее извѣстіе встревожило Бродницкаго не на шутку. Того же дня онъ выѣхалъ изъ Петербурга, давъ слово Александру Трофимовичу быть

по пріѣздѣ его съ сестрами въ Малороссію въ Пожарищахъ.

Въ Москвѣ остановился Бродницкій и отъ неизвѣстнаго послалъ Базилю Янскому 4,000 руб.

Черезъ два часа отправился самъ въ долговую тюрьму и, не доходя, встрѣтилъ Янскаго, который тутъ же бросился къ нему на шею.

— Какими судьбами, любезный другъ? Знаешь ли, вѣдь я только что выпущенъ изъ долговой тюрьмы!—Она меня освободила, и я иду благодарить . . . Родитель не могъ меня выкупить, удралъ въ Малоросію, рѣшетиловскихъ овецъ продать обѣщалъ и меня освободить . . . . Сиди, пока прійду опять!—сказалъ мнѣ родитель и удалился—вотъ когда я вполнѣ призналъ себя метафизикомъ.

— Кто же это она, твоя избавительница?

— Вдовушка-генеральша . . . . . Плѣнилась, братецъ, моей наружностью и прислала 4,000 руб.; тысячу сохраню на дорогу и завтра лечу въ объятія родителя, который уже, вѣрно, сбылъ отличное стадо.....

— Хочешь, я тебя доставлю домой? Ѣдемъ.... у меня есть мѣсто.... Неужели ты не захочешь сдѣлать другу удовольствіе? Подумай, съ какою радостію встрѣтятъ тебя родные!

— Все знаю, но не могу. Выслушай причины: я, сидя въ ямѣ, имѣлъ свободные часы сблизиться съ двумя существами прехорошенькими. Онѣ обѣ не

высокаго званія, просто—московскія бѣлошвейки. Знаешь ли, это сословіе для любви можно предпочесть прочимъ. — Эти двѣ бѣдняжки содержались за долги въ ямѣ; я ихъ выкупилъ и везу въ Харьковъ, къ родной тетушкѣ — содержательницѣ моднаго магазина.—Превесело намъ будетъ ѣхать на долгихъ.... на каждой станціи станешь ночевать. Прощай, другъ, спѣшу къ генеральшѣ. Нужно еще накупить охотничьихъ снарядовъ. Въ Малороссіи трудно имѣть хорошее ружье, тѣмъ болѣе яхташъ, патронташъ, собачку; все это пріобрѣту и мирнымъ помѣщикомъ заживу среди болотъ, побивая дупелей!—Увидишь моихъ: родителя, маменьку, сестрицу,—скажи имъ, что я ѣду одинъ въ ихъ родительскія объятія. О прочемъ ни слова. Прощай!

Бродницкій пожалѣлъ о другѣ дѣтскихъ лѣтъ и выѣхалъ изъ Москвы прямо къ Янскимъ.—Дѣла Янскихъ поразстроились. Доходы съ деревень уменьшились, а тутъ еще Базиль, любимѣйшій сынъ, понадѣлалъ долговъ и вышелъ въ отставку. Не бывъ въ средствахъ возвратиться домой, онъ умолялъ родителей пріѣхать проститься съ нимъ, страдающимъ на одрѣ тяжкой болѣзни, или прислать 12,000 руб. ассигнаціями.

Старикъ кое-какъ собралъ 10,000 руб. и, взявъ семейство съ собой, пріѣхалъ въ Москву прямо на квартиру болящаго.

У болящаго засталъ родитель веселую компанію, праздновавшую рожденіе хозяина, метавшаго

отлично штосъ въ квартирѣ очень хорошей и меблированной со вкусомъ.

Колода картъ выпала изъ рукъ Базиля, когда родитель вошелъ къ нему. Гости встали съ мѣстъ, увидя почтенное семейство, озабоченное пріѣздомъ въ такую даль къ больному и заставшее Базиля не только здоровымъ, но и занимающимся тѣмъ, чѣмъ у Пушкина они, занимались въ ненастные дни.

Родитель, пожуря любимаго сына, какъ водится, простилъ его. Мать съ Любочкой осмотрѣли квартиру Базиля и нашли ее очень хорошенькой. Гости, посѣщавшіе Базиля часто, стали являться рѣже. Вмѣсто ихъ Янскій возобновилъ знакомство съ стариками, своими сослуживцами, и попалъ въ лучшее общество столицы.

Ѳедоръ Петровичъ скоро увидѣлъ, что въ столицѣ ему трудно поддерживать знакомство. Долги Базиля превышали средства уплаты. Янскій, узнавъ, что сынка арестуютъ, отправился домой, чтобы изъ дому прислать деньги и выкупить честь сына.

Любочка своею красотою блеснула и закатилась на московскомъ небосклонѣ свѣтлымъ метеоромъ. Старикъ Янскій, возвратясь изъ Москвы, принялъ мѣры, какія только возможны были, къ скорому полученію денегъ.—Конскій заводъ, дикій и степной, изъ 200 головъ, былъ проданъ роменскимъ барышникамъ.—Решетиловскія овцы, сѣрыя и черныя, послѣдовали за лошадьми. Скотъ тоже не

долго оставался въ загонахъ. Вырученныя за движимость деньги отослалъ старикъ Янскій въ Москву зятю, для уплаты за Базиля. Исполнивши это, старичекъ сдѣлался покойнѣе и даже шутилъ нѣсколько разъ съ Любочкой на счетъ Базиля, который, проскучавъ въ московской ямѣ, поисправится и будетъ расчетливѣе.

Все въ домѣ приняло прежній порядокъ. Для поддержанія средствъ существовать по прежнему, нужно было занимать деньги, и старикъ Янскій, гдѣ только можно было позаимствоваться, занималъ. Въ отдаленномъ отъ шума кабинетѣ, при двухъ свѣчахъ, старикъ Янскій читалъ адмирала Шишкова. Покуривая только что прославившійся табакъ Жукова, онъ ожидалъ вечерняго чая. У крыльца застучалъ экипажъ. Человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Бродницкаго.

— Проси его сюда, онъ у насъ свой. Пожалуйте, пожалуйте! кричалъ старичекъ, увидя идущаго къ нему Бродницкаго.

Поздоровавшись, Бродницкій передалъ поклонъ Базиля и сказалъ, что Базиль долженъ быть непремѣнно на дняхъ домой.

— Вы не были у Анеты?

— Нѣтъ, не имѣлъ удовольствія.

— Жаль, она здѣсь вышла за конноегерскаго подполковника Гундергуца,—славный Нѣмецъ! Настоящій! По-русски только и знаетъ, что мой, твой, хорошо, собакъ, картофель и еще нѣсколько словъ.

Но голова преумная. Онъ плацъ-маіоромъ въ Москву назначенъ и тамъ уже съ годъ какъ служитъ.

— Очень жаль, что я не зналъ этого.

— Ну, что? какъ же вы жили въ Петербургѣ? Это на васъ драгунскій сюртукъ; я слышалъ, что вы въ гвардіи были.

— Былъ и въ гвардіи, но по приглашенію тетушки перешелъ въ драгуны къ ея мужу въ бригаду.

— Вѣрно, у него адъютантомъ будете?

— Нѣтъ, не думаю, нужно прежде года три пробыть офицеромъ, иначе не возьмутъ въ адъютанты. Каково же вы проводили время въ Москвѣ? спросилъ Бродницкій, интересуясь знать о семействѣ Янскаго, до сихъ поръ не подавшаго о себѣ слуху гостю, столь интересовавшемуся видѣть Любочку.

— Да, въ Москвѣ-то провелъ время не худо, сказалъ старикъ со вздохомъ, а вотъ здѣсь въ имѣніи произошло много потерь и неудачъ.

— Какъ такъ?

— Неурожаи отъ засухи, подтопъ луговъ отъ дождей, падежъ скота, овецъ и епидемическія болѣзни лошадей разорили все мое хозяйство. Живу и лѣзу въ долгъ. Всѣ эти обстоятельства стѣснили положеніе наше въ обществѣ. Старикъ всталъ и прошелъ по комнатѣ. Видно было, что онъ не въ духѣ.

Внезапное появленіе Любочки обрадовало Бродницкаго. Они ли это? Наружность ея такъ пере-

мѣнилась, что цѣнители изящнаго Москвы бѣлокаменной не даромъ назвали Любочку перломъ Малороссіи, славной не переводящимися красавицами пребрежій Сулы, Псела, Крапивны, Супоя и Ворсклы. Какъ небо, глубоки ихъ глаза, какъ бархатъ мягокъ и нѣженъ ихъ взоръ при пламени очей, занятомъ у стройныхъ дочерей востока. Не вѣрите? Пріѣзжайте, и я вамъ покажу ихъ. Вы сомнѣваетесь въ истинѣ словъ моихъ; для меня будетъ весьма пріятно доказать, что я совершенно не лгу, хотя на этотъ разъ.

Довольно странно, что въ одной нашей женщинѣ природа сохранила оригинальную красоту славянскаго племени. Изъ любви къ величайшему своему произведенію, та же самая природа лишила красоты нашего мужчину, давъ ему мужество и другія не менѣе важныя человѣческія достоинства. Взгляните вокругъ себя. Лица вашихъ знакомыхъ, большею частію носятъ на себѣ черты племенъ номадныхъ. Послѣ давняго очищенія отъ татарскихъ набѣговъ, въ физіономіяхъ этихъ мужчинъ мало осталось славянскаго типа, а встрѣчаются такія лица, что просто взглянешь и ахнешь, произнеся: какихъ физіономій не воспроизвела матушка природа въ нашей плодовитой Малороссіи!

Бродницкій поцѣловалъ руку старушки Янской и, по особенной смѣлости только что произведеннаго прапорщика, рискнулъ поцѣловать ручку Любочки.

Это удовольствіе сошло довольно пріятно, какъ всегда пріятенъ успѣхъ начинающему, что бы то ни было.

Въ обращеніи Любочка все та же. Такъ же мила, ласкова, разговорчива, добра и внимательна. Избытокъ нѣжныхъ чувствъ едва высказывается въ ея брилліантовыхъ и свѣтлыхъ, какъ воды Днѣпра, глазахъ. За старухой Бродницкой показалась еще какая-то надутая физіономія въ артиллерійскомъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ усами, торчащими свободной щетиной.

— Рекомендую вамъ моего пріятеля, сказалъ Янскій, Заранчинскаго.

— Штабсъ-капитанъ артилеріи Заранчинскій.

— Прапорщикъ Павелъ Бродницкій. Суровый артиллеристъ и драгунъ пожали другъ другу руку и разошлись довольно холодно въ разныя стороны. Артиллеристъ, сѣвъ въ уголку, закурилъ трубку, развалясь на диванѣ, стоявшемъ въ альковѣ.

— Какъ онъ нехорошъ, шепталъ Бродницкій и, подойдя къ Любочкѣ, сказалъ, это я говорю о господинѣ, который вотъ тамъ сидитъ.... Кто онъ, скажите?

Любочка особенно улыбнулась и сказала: молчите, это кредиторъ папа. Бродницкій нѣсколько разъ выходилъ за Любочкой въ другія комнаты; но Заренчковскій, какъ нарочно, появлялся за нимъ въ слѣдъ и не отставалъ отъ драгуна ни на одинъ шагъ.

Въ головѣ Бродницкаго сложилось самое простое признаніе въ чувствахъ Любочкѣ; но на то, чтобы его высказать, не доставало случая. Нѣтъ теперь такихъ кавалеровъ, и юность лишена эпизодовъ романтизма! Въ гостиной раскрыли рояль, и Любочка просила Бродницкаго сыграть, зная, что Павелъ Максимовичъ любитъ музыку. Бродницкій не заставилъ себя упрашивать и блеснулъ Фильдомъ, справедливо славившемся искусной игрой. Почти все время, какое Бродницкій прожилъ въ Петербургѣ, Фильдъ давалъ ему уроки. Несносный артиллеристъ не думалъ уходить и тутъ же сидѣлъ, куря трубку съ непозволительно толстымъ и длиннымъ въ родѣ каретнаго дышла чубукомъ. Чѣмъ больше вглядывался Бродницкій въ гостя, тѣмъ гость казался ему противнѣе. Звали артиллериста Юріемъ Юріевичемъ, и это удивительно шло къ его банальному лицу. Играя лучшія новыя піесы, Бродницкій улеталъ въ область музыкальныхъ наслажденій на мгновеніе; непріятность въ образѣ Юрія Юріевича препятствовала Бродницкому оставаться вдвоемъ съ Любочкой. Къ счастію старикъ Янскій, вѣроятно не даромъ, прислалъ просить къ себѣ Юрія Юрьевича; артиллеристъ неохотно поплелся, гремя шпорами, перекачиваясь и оглядываясь на оставшагося съ Любочкой Бродницкаго. Лишь только звукъ удалявшихся шпоръ Юрія Юрьевича пересталъ быть слышимъ, молодые люди взглянули другъ на друга и,

какъ ни старались, скрыть волненіе чувствъ своихъ не могли. Они обнаружились краснорѣчивой секундой молчанія. Въ такихъ случаяхъ женщина гораздо находчивѣе мужчины.

— Припомните, сказала Любочка, доставая между кипой нотъ старую тетрадь буряковаго цвѣта, Милый мой сердечный другъ, играйте—я вамъ спою. Я этой пѣсни давно не пѣла, лѣнь акомпаниментъ выучить.

— А... знаю, это Кавоса...

Бродницкій, засучивъ немного обшлага щегольскаго сюртука, началъ играть акомпаниментъ. Первые такты прошли, и Любочка, безъ натяжекъ, безъ претензій на итальянское часто злоупотребляемое и подобное крику кошки, которой придавили дверями хвостъ, пѣніе, серебреннымъ голоскомъ пропѣла большую половину любимой тогда пѣсни Кавоса.

— Довольно! Довольно сказалъ въ восторгѣ Бродницкій. Схвативъ Любочку за обѣ руки, онъ покрылъ ихъ поцѣлуями. Скажите, продолжалъ Бродницкій, кто это у васъ, этотъ артиллерійскій офицеръ? онъ вашъ родственникъ? Вѣрно родственникъ, или одинъ изъ давнишнихъ знакомыхъ Ѳедора Ѳедоровича. Я такъ полагаю, продолжалъ Бродницкій, держа за руки Любочку.

— Нѣтъ, сказала со вздохомъ Любочка.

— А, такъ это претендентъ на вашу руку,

вкрадчиво произнесъ Бродницкій, принимаясь фантазировать блестящими гаммами и пасажами.

Любочка молчала.

— Должно-быть, онъ больше нежели обыкновенный гость, думалъ Бродницкій. Если этотъ господинъ сдѣлалъ предложеніе, если Ѳедоръ Ѳедоровичъ согласился, тогда я останусь самымъ жалкимъ изъ всѣхъ животныхъ, созданныхъ Господомъ и Его премудростію. Постараюсь узнать всю истину; не поѣду, пока во всемъ не удостовѣрюсь.

— О чемъ вы думаете? пренаивно спросила Любочка.

— Все о немъ, объ этомъ Юріѣ Юрьевичѣ. Ради Бога, скажите, отъ чего этотъ господинъ у васъ ведетъ себя такъ, какъ дома? Ужь не женихъ ли онъ вашъ? Не скрывайте отъ меня этого, я по прежнимъ къ вашему семейству отношеніямъ имѣю право просить васъ быть пооткровеннѣе.

Любочка вздохнула и на глазахъ ея навернулись невольныя слезы.

— Я навѣрно не знаю, но догадываюсь, что папа далъ уже ему слово....

— И вы будете согласны? спросилъ Бродницкій въ то время, когда его руки извлекали аккорды, раздирающіе сердце и потрясающіе, какъ отдаленный раскатъ грома бѣдный резонансъ рояля.

— Я не въ состояніи, сказала Любочка, —измѣнить слово, данное отцу; тому отцу, котораго люб-

лю больше самой себя. Я знаю, что все уже кончено и чрезъ три мѣсяца назначена наша свадьба.

— И вы такъ равнодушно говорите объ этомъ, Любочка? Мнѣ это говорите?

— Что же дѣлать? я привыкла уже къ мысли принадлежать ему.... зная, что дѣлаю угодное родителямъ.

— О, какъ больно мнѣ слышать это, сказалъ Бродницкій,—я дорожилъ, какъ высшимъ благомъ, вашей свободой и вѣрилъ, какъ въ святыню... вѣрилъ тому, что сердце ваше сочувствуетъ моему, жившему однѣми надеждами свидѣться, сказать и услыхать, что вы согласны быть моею...

Любочка молчала; но слезы готовы были политься изъ влажныхъ глазъ ея.

— Вы выйдите замужъ, началъ опять Бродницкій, а я, посвятившій лучшія минуты моего существованія на то, чтобы представить передъ собой, хотя на мгновеніе, вашъ образъ, чтобы припомнить звуки вашего голоса, долетавшіе до моего сердца, и гордо надѣяться, что мнѣ счастливцу, быть-можетъ, одному суждено цѣлую жизнь пройдти рука объ руку съ вами. А вы.... обдали меня такимъ холодомъ! Сердце Бродницкаго разрывалось. Любочка съ трудомъ удерживала слезы.

— Прошу васъ объ одномъ, сказала она,—забудьте не только меня, но и все то, что мы здѣсь говорили. Дѣтство наше прошло и грустно вспо-

мнить, что оставили мы его не для радости, а для жертвы злымъ обстоятельствамъ.

— Я не зналъ еще сколько васъ люблю, сказалъ тихо Бродницкій.

— Пеняйте на себя. Вы медлили высказаться,— я же ни какъ не думала, чтобы въ мужчинѣ могло такъ долго сохраниться чувство любви первой юности. Я думала, что оно въ одной только женщинѣ долго жить можетъ. Юрій Юріевичъ человѣкъ очень добрый, онъ сдѣлалъ много добра моему отцу въ минуту самую тяжелую. Насъ бы.... давно здѣсь не было....

— Никогда, клянусь вамъ, не забуду этого съ вами свиданія и докажу вамъ, какъ долго можетъ быть привязанъ человѣкъ къ той, которую полюбилъ первый разъ въ жизни.

Сколько не скрывала своего волненія Любочка, но ей было тяжело, грудь ея высоко подымалась, она боязливо посматривала на дверь, въ которую ушелъ ея женихъ.

— Это такой ударъ, котораго я не предвидѣлъ въ слѣпомъ заблужденіи. Хоть пожалѣйте обо мнѣ, Любочка! Не проходитъ года, чтобы несчастіе не преслѣдовало меня. Оно гонится за мною и, того гляди, что настигнетъ. Прощайте! Больше мы уже навѣрное съ вами не увидимся!

Бродницкій холодно поклонился и хотѣлъ идти; но Любочка остановила его.

— Я просила васъ забыть меня? Нѣтъ, хотя изрѣдка, но вспомните ту, которая васъ никогда не забудетъ.

Любочка заплакала и опустилась на диванъ.

Бродницкій страстно и пламенно цѣловалъ ея обнаженныя руки, ея трепещущую грудь. Любочка, съ закрывшимися глазами, почти перестала дышать. Голова Бродницкаго давно лежала на ея колѣняхъ.

— Пора проститься, сказалъ онъ тихо,—я не желаю, чтобы вы себя больше тревожили. Прощайте!

Затаивъ самую пламенную любовь подъ гнетомъ холодной воли, Бродницкій старался казаться равнодушнымъ. Онъ простился съ Янскими того же вечера и, сколько тѣ его не удерживали, уѣхалъ въ Раковую-Балку.

По пріѣздѣ домой, Бродницкій узналъ, что петербургскіе господа пріѣхали въ Пожарища и присылали просить его къ себѣ. Извѣстіе это способствовало Бродницкому переломить себя и сдѣлаться спокойнѣе. Онъ отправился къ брату въ Пожарища, гдѣ не былъ послѣ выздоровленія ни одного разу.

Дѣла, затѣянныя управляющимъ Ивановымъ, принудили Александра Трофимовича вступить на службу въ своемъ губернскомъ городѣ. Изъ Петербурга перевели его легко въ канцелярію военнаго губернатора. Славное было тогда время! Считаюсь на службѣ, а живу въ деревнѣ, не зная,

не вѣдая, что дѣлается въ канцеляріи и кто за меня пишетъ или переписываетъ. Прошло это время; теперь только и есть одно такое мѣстечко: канцелярія уѣзднаго предводителя дворянства. Хочешь получить чинъ легко? Опредѣлись, и навѣрно, не только не бравши въ ней пера въ руки, но даже не зная, въ какой части города эта канцелярія находится, получишь чинъ.

Считается чиновниковъ въ этой пріятной канцеляріи постоянно много, а работаютъ не болѣе двухъ. Больше этого и не нужно. Гдѣ же другіе господа, которыхъ представляютъ къ чинамъ? Сидятъ дома, бахвалютъ по уѣзду да объѣдаются, часто даже ведутъ жизнь анахорета. А чинъ имъ подай. Для чего? Этого я не знаю, да и они, я думаю, тоже не знаютъ. Этакіе байбаки. Спать послѣ обѣда, вотъ это имъ подавай, да разсказывать, что отъ нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ вѣетъ большею частію неподдѣльной скукой. Ну вотъ подите! Иванъ Ивановичъ затѣялъ цѣлую дюжину тяжбъ и навелъ страхъ на сосѣдей. Каждое дѣло, которое начиналъ Ивановъ, рѣшалось непремѣнно въ его пользу. Всѣ губернскіе власти ему поклонялись, какъ человѣку свѣдущему и тому, кто при всѣхъ краснорѣчивыхъ доказательствахъ своихъ правъ не жалѣлъ прилагать письма Хованскаго.

Болѣе ста душъ людей, бѣжавшихъ въ разныя времена изъ экономій Бродницкихъ, Иванъ Ива-

повичъ отыскалъ въ привольныхъ степяхъ Херсонеса у хозяевъ, которые имѣли привычку работать бѣглыми, давая имъ третью часть платы, а иногда и никакой. Начались съ этихъ господъ овцеводовъ и скотоводовъ взысканія за привладѣніе, и тѣ, страшась бѣды, были рады уплатить четвертую часть тотъ же часъ, лишь бы избавиться отъ чистаго разоренія, въ послѣдствіи ихъ ожидавшаго.

Братья свидѣлись въ Пожарищахъ, и дружба ихъ еще больше укрѣпилась.

Ивана Ивановича не было видно; онъ безпрестанно отлучался въ городъ и бралъ съ собой сестру, нѣмую и вѣчно печальную.

Еще развлекало братьевъ пріятное сосѣдство двухъ молодыхъ людей, Прибѣльскаго и Щурикова. Оба они только что окончили Харьковскій университетъ и собирались на службу, но не рѣшались куда поступить, зная что отечество пока и безъ нихъ обойтиться можетъ. У дѣвицъ Бродницкихъ была компаніонка, пріѣхавшая изъ Петербурга. Это была женщина не первой молодости, солидная, умная и оставившая мѣсто классной дамы въ Смольномъ монастырѣ единственно отъ того, что лишилась мужа, чиновника морскаго министерства, умершаго съ полгода тому назадъ.

Елизавета Марковна охотно возложила на себя обязанности матери, и дѣти платили ей самой родственной привязанностію.

Частыя свиданія двухъ молодыхъ сосѣдей съ Бродницкими имѣли еще скрытую цѣль. Два сосѣда не могли быть равнодушными, видя часто дѣвицъ Бродницкихъ; они позабыли о службѣ, радуясь, что Господь благословилъ ихъ состояніемъ и избыткомъ благъ земныхъ, состоявшихъ въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и порядочномъ капиталѣ, доставшемся имъ обоимъ при раздѣлѣ одного имущества.

— Слушай, Вася, говорилъ Щуриковъ Прибѣльскому, ложась съ нимъ въ одной комнатѣ въ домѣ Бродницкихъ и укрываясь шелковымъ одѣяломъ, какое великолѣпіе! Какое бѣлье! Какой пухъ! Насъ, право, за жениховъ принимаютъ. Правда? Скажи же!

Прибѣльскій, одаренный отъ природы скромностію, скупился на слова и говорилъ въ большой только необходимости.

— Ну, и пусть принимаютъ.

— Знаешь ли что? Мнѣ Лиза очень нравится. Но я ея боюсь больше нежели того профессора, который намъ читалъ Исторію Римскаго законодательства.

— Можетъ быть, еще больше нежели того, который спросилъ тебя объ обязанностяхъ оберъ-секретаря....

— И не только я на этотъ вопросъ, но и не одинъ изъ насъ не могъ отвѣтствовать. Ну, прочь

университетъ, сказалъ Щуриковъ,—мнѣ и теперь грустно вспомнить, какъ мы бывало голодаемъ на своемъ содержаніи. Бѣдность. Квартира отвратительная. Я часто, бывало, сплю на одноиъ тёсѣ сосновой кровати. Укрываюсь единственной шинелью. Спалось сладко. Это правда. Встанешь, бывало, волосы растрепаны, холодъ пройметъ тебя до костей. Печеный картофель и стаканъ воды, вотъ тебѣ что на завтракъ. Отъ сна, возставъ, начиналась ссора съ хозяиномъ за неуплату въ срокъ денегъ, за столъ и квартиру. Было такое время, что въ мѣсяцъ пять квартиръ перемѣнишь.... Прошло! Ты заснулъ?

— Нѣтъ, продолжай, я слушаю.

— Ну теперь-то дѣла наши хороши, только вотъ эта любовь привязалась и страшитъ хуже всѣхъ законовъ гражданскихъ и межевыхъ. Эта институтриса что-то на меня косится и ни одной секунды не позволяетъ пробыть съ Лизочкой. Я чувствую, что эта Лизочка меня скоро погубитъ. Дѣвица, ты меня погубишь! Чтобы все покончить разомъ, женюсь на ней, если выйдетъ; а если нѣтъ?....

— Хочешь, я за тебя сдѣлаю предложеніе, сказалъ Прибѣльскій своему товарищу.

— Полно, ты шутишь?

— Я никогда не шутилъ.

— Другъ! Вотъ истиный другъ, вскричалъ Щу-

риковъ, вскочивъ съ постели и бросившись душить въ обятіяхъ Прибѣльскаго.

— Оставь.... ты помѣшаешь мнѣ заснуть. Я привыкъ въ деревнѣ засыпать въ половинѣ 11-го.

— Скажешь? завтра скажешь? допрашивался Щуриковъ, тормоша Прибѣльскаго.

— Скажу и за себя, и за тебя.... произнесъ Прибѣльскій, отворачиваясь къ стѣнѣ и кутаясь въ одѣяло.

— Полно.... развѣ и тебѣ Лиза нравится?

— Нѣтъ, мнѣ Леля нравится.

— Вотъ, всѣ тебя называли дикаремъ, а и у тебя есть сердце, способное на нѣжныя чувства. Да скажи, не шутишь ли ты? Мнѣ что-то не вѣрится.

— Не шучу.... недѣлю тому назадъ, я сказалъ Лелѣ, что люблю ее..... проворчалъ Прибѣльскій.

— Ай-да дикарь! Ну, не ожидалъ я отъ тебя такой выходки. Другъ мой, выслушай меня! Если намъ откажутъ.... что тогда будетъ?

— Что тогда будетъ?... ворчалъ Прибѣльскій засыпая, я буду держать экзаменъ на магистра.... а ты оставь меня въ покоѣ.... пробило двѣнадцать часовъ....

Прибѣльскій спалъ.

Щуриковъ, не обращая вниманія на свой ночной костюмъ, прошелся разъ пять по комнатѣ, выкурилъ ходя двѣ трубки, подбѣжалъ къ зеркалу, поправилъ волосы и, сдѣлавъ три отчаянные

антраша, поклонился спящему товарищу, потушилъ свѣчу и, вздохнувъ глубоко, утонулъ въ мягкой постелѣ. Прибѣльскій сдѣлалъ предложеніе на другой день брату за сестеръ; тотъ сообщилъ это Павлу Максимовичу.

Елизавета Марковна приглашена была братьями Бродницкими на совѣтъ и дѣло рѣшилось того же дня къ общей радости. Свадьбу назначили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и счастливцы-женихи уѣхали домой въ полномъ удовольствіи.

— Знаешь что, Вася, сказалъ Щуриковъ, выѣхавъ со двора Бродницкихъ, я ожидаю столько удовольствія въ женатой жизни, что мнѣ какъ-то не хочется идти на службу.

— И я не пойду, если женитьба будетъ такъ пріятна, какъ кажется, даже дессертаціи оканчивать не буду; въ противномъ же случаѣ займусь государственными повинностями, финансами и употреблю на изученіе ихъ всю жизнь.... Видно, что эти оба господина не чувствовали призванія свыше къ службѣ. Господь проститъ ихъ смиренномудріе. Предоставили они вакантныя мѣста бѣднякамъ истиннымъ труженикамъ въ этомъ мірѣ, искать службы и надѣяться, хоть подъ старость, въ почестяхъ и съ пансіономъ умереть скромно въ квартирѣ съ окнами, заклеенными сахарной бумагой.

Эштафетъ на имя Павла Бродницкаго заставилъ его оставить Пожарища и проститься съ добрыми

родными. Мужъ Амаліи Францовны увѣдомилъ, что драгунскому офицеру нужно явиться и что для него очистилось мѣсто полковаго квартирмейстра, если онъ поспѣшитъ прибытіемъ въ непродолжительное время.

Пока Бродницкій ѣхалъ въ полкъ, въ домѣ Янскихъ, по настойчивому требованію Юрія Юрьевича, готовились къ свадьбѣ.

Такая перемѣна произошла отъ явившагося къ жениху съ бумагами молодаго человѣка. Цѣлую ночь, запершись въ комнатѣ, сидѣлъ съ нимъ Юрій Юрьевичъ, говорилъ тихо; далъ ему письмо и шкатулку, наполненную бумагами. Полученныя отъ молодаго человѣка письма женихъ сжегъ въ каминѣ и по обгорѣвшимъ остаткамъ этихъ писемъ видно было, что письма, полученныя Юріемъ Юрьевичемъ, были писаны не буквами, но іероглифами.

Женихъ цѣлую ночь не спалъ, прислушивался, глядѣлъ въ окно и сдѣлался тревожнымъ и задумчивымъ. Люди примѣтили, что онъ нѣсколько ночей уже не раздѣвается, а ложится въ платьѣ и не спитъ по цѣлымъ часамъ.

Дѣвичникъ, при большомъ съѣздѣ гостей и при громѣ музыки, походилъ на какое-то печальное торжество. Заренчковскій молчалъ; невѣста старалась казаться веселой въ то время, когда невольно слезы навертывались на ея прекрасныхъ глазахъ. Ни невѣста, ни женихъ за весь вечеръ

слова другъ другу не сказали. Онъ, простясь съ нею, легъ спать съ шаферомъ и равнодушно слушалъ его болтовню, куря трубку и думая о завтрашнемъ днѣ, въ который слѣпая судьба назначила ему, какъ алчному крокодилу, поглотить прекрасное существо, горящее любовью совсѣмъ къ другому.

Гости весело расположились на квартирахъ у крестьянъ, ожидая пировать еще цѣлые сутки. Юрій Юрьевичь дождался, пока болтливый шаферъ заснулъ и, надѣвъ старое платье, положилъ въ сюртукъ пачку ассигнацій и легъ на постель въ сапогахъ, картузѣ и старенькой шенели.

Лакей Юрія Юрьевича цѣлую ночь приготовлялъ къ вѣнцу новый мундиръ съ эполетами, саблю съ золотой портупеей и шляпу съ бѣлымъ роскошнымъ султаномъ.

Въ полночь настала тишина. Почти всѣ, исключая поваровъ, отдыхали, ожидая блестящаго собранія, которое обѣщались украсить своимъ присутствіемъ самъ губернаторъ и нѣкоторыя лица, имѣющія вѣсъ въ губернскомъ городѣ.

ГЛАВА XIII.

Я надѣюсь, сказалъ явившемуся въ полкъ Бродницкому командиръ, что вы останетесь при штабѣ. Кипитанъ Чириковъ и маіоръ Дебравонъ рекомендовали васъ съ хорошей стороны товарищамъ, и они предположили выбрать васъ въ должность при штабѣ. Бродницкій, обласканный полковникомъ, спѣшилъ ему откланяться. Командиръ полка прибавилъ, что онъ проситъ Бродницкаго ежедневно ходить къ нему обѣдать, а въ четвергъ пригласилъ ѣхать Бродницкаго къ помѣщику Распундаки.—Славный Молдованъ, сказалъ полковникъ, его жена очень не дурна, а племянница еще лучше, настоящая фата метитика!

Бродницкій не находилъ словъ благодарности за ласковый пріемъ и поспѣшилъ возвратиться въ отведенную ему избу недалеко отъ квартиры командира лейбъ-эскадрона, капитана Чирикова, переведеннего изъ лейбъ-гренадеръ, почти вмѣстѣ съ Бродницкимъ и въ тотъ же самый полкъ.

Пока баринъ являлся къ командиру, Жовтякъ хлопоталъ за убранствомъ квартиры.

Чистый глиняный полъ устлалъ Жовтякъ сѣрымъ сукномъ. Столъ накрылъ китайской салфеткой, поставилъ на немъ круглое на подставкѣ зеркало и разложилъ тоалетные, бритвенный и письменный приборы. Несессеръ раскрылъ, заправилъ двѣ восковыя свѣчи въ серебренные подсвѣчники и тутъ же помѣстилъ граненаго хрусталя водородное огниво, красивую курильницу и съ полдюжины книгъ въ богатыхъ переплетахъ. На стѣнѣ повѣсилъ персидскій коверъ и къ ковру поставилъ кровать, украсивъ въ заведенномъ порядкѣ стѣну надъ кроватью: ружьями, пистолетами, ятаганами и дорогими кинжалами.

Уголъ возлѣ единственныхъ дверей занялъ Жовтякъ трубками съ янтарными мундштуками и шитыми золотомъ чехлами. Тутъ же на столѣ поставилъ ящикъ съ табакомъ и нѣсколько коробочекъ съ сигарами. Одной голой стѣны въ квартирѣ не было. Ковры украшали избу отъ потолка до полу. Ходъ на печь завѣсилъ Жовтякъ тоже ковромъ, за нимъ на печи устроилъ походный буфетъ, недоступный постороннему глазу, но я не удержусь, чтобы не сказать, что̀ тамъ находилось и въ какомъ порядкѣ.

Рядомъ съ серебрянымъ кофейникомъ лежалъ пузырь съ одесской ваксой, полголовы сахару висѣло на гвоздѣ, вбитомъ въ потолокъ, рядомъ съ

окорокомъ вестфальской ветчины; рогожаной кулекъ изъ нижняго угла выказывалъ мокко, которое сыпалось на четверть круга голландскаго сыра, плачущаго о своемъ вкусѣ свѣтлыми и солеными слезами. Сухой балыкъ торчалъ въ кожаномъ мѣшкѣ, изъ котораго недавно вышелъ табакъ. Боченокъ рому стоялъ надъ деревянной чашкой. Изъ нижней втулки боченка капалъ пахучій нектаръ въ подставленное блюдо. Желая, чтобы въ блюдѣ ромъ не подвергался выдыханію, Жовтякъ каждый разъ макалъ туда кусокъ сахару и, улыбаясь добродушно, клалъ тотъ сахаръ себѣ въ широкій ротъ. Ящикъ макароновъ привлекалъ стаю мухъ. На немъ лежалъ хлѣбъ и сахаръ въ изодранной бумагѣ. Тарелки и дорожная посуда разбросаны были съ кострюлями по всей печи. Расхожее стекло и чайный приборъ покрывался полотенцемъ сомнительнаго цвѣта.

Жовтякъ уже разъ пять пробовалъ ромъ, раскрывалъ окны и двери и наконецъ, удостовѣрившись въ чистотѣ воздуха, принялся курить духами, разжегши чугунную плитку въ хозяйской печи. Самоваръ давно кипѣлъ въ уголку, ожидая барина. Стаканъ разъ пять мылся и вытирался чистой салфеткой.

Баринъ все еще не приходилъ, Жовтякъ отъ скуки выпилъ рюмку водки и послѣ закусилъ кускомъ сахара, напоеннаго ромомъ.

— Раздѣвай меня, сказалъ войдя въ комнату

Бродницкій, халатъ и торжковскіе сапоги.... да отвори окно.... чаю и трубку!

Быстро и молча исполнялъ Жовтякъ все, что баринъ ему ни приказывалъ.

У маленькаго окна расположился Бродницкій пить чай. Солнце опускалось за гору, покрытую густыми виноградниками, какъ волнами зелени. У подошвы горы стоялъ большой сарай, занятый лошадьми 3-го полувзвода. На заборѣ, примыкающемъ къ сараю, сидѣлъ верхомъ человѣкъ въ лейбикѣ и фуражкѣ. Руки его казались связанными за спиной. Противъ сидѣвшаго, согнувшись верхомъ на заборѣ, высокаго драгуна, стояла строгая и усатая фигура, сохраняя унтеръ-офицерскую позитуру, съ кордой подъ мышкой лѣвой руки, отставивъ правую ногу впередъ. Подбоченясь правой рукой, усатая фигура въ носъ читала наставленія наказанному драгуну.

— Такъ что же изъ сего слѣдуетъ? смѣлымъ голосомъ возразилъ сидѣвшій на заборѣ, сія женщина, продолжалъ онъ возвыся голосъ, ложь изрыгала, а я, по юности моей и страсти къ женщинамъ, повѣрилъ. За сіе нынѣ сѣдохъ на дскахъ съ великимъ сокрушеніемъ размышляю о вожделенномъ часѣ, когда возблаговолятъ выпустить меня изъ сей юдоли плача житейскаго.

— Да ты, братъ, говори яснѣе, заревѣла фигура съ усами, тутъ братъ, по книжному не разумѣютъ. Кто тебя пойметъ? Да самъ скадронный

командиръ, даромъ що съ гвардіи перевелся, тебя не пойметъ!

— Не рѣдко попадался я въ горькихъ приключеніяхъ, содѣянныхъ мною; но всегда употреблялъ силу краснорѣчія; посему и нынѣ возглаголю къ тебѣ, стояй во славѣ предъ мною: но что повелѣлъ ты возсѣсть мнѣ на дскахъ, связа вервіемъ мои руци?

Жовтякъ давно стоялъ тамъ, гдѣ происходилъ разговоръ и внималъ ему, разиня ротъ.

— Придилився? спросилъ оратора унтеръ-офицеръ, видно Малороссъ, такъ и терпи. За терпѣніе Богъ даетъ тебѣ спасеніе. Довольный собой унтеръ-офицеръ взялъ корду подъ правую мышку и, отодвинувъ правую ногу назадъ, выдвинулъ лѣвую впередъ.

— Аще кто своей волей воспріялъ желаніе служить, да еще при взлезаніи на жеребя, оказываетъ робость также, получаетъ, стоя подъ ружьемъ, временное отъ страха косоплечіе, таковый да возвратится вспять!

— Такъ возвратится.... Вотъ тебѣ скажу: завтра у насъ пѣшій строй. Только будешь дурно маршировать, такъ тебѣ крестъ во всю спину крейдай, або мѣломъ черкну. Это не пѣшее по конному.

— Для чего же?

— Вахмистръ послѣ ученья всѣхъ, у кого найдетъ кресты, палками вздуетъ.

— Сего со мною не случится. Есть чадо духовное и званія idem.

— Скажи, что тебя заставило опредѣлиться въ полкъ? Ѣлъ бы пироги, кныши, да сидѣлъ у себя дома на печкѣ.

— Вопервыхъ любовь завлекла меня; а вовторыхъ отъ юности моея въ первый разъ узрѣлъ блескъ воинскаго оружія, услышалъ топотъ коней и бряцаніе доспѣховъ; а какъ возыграли въ трубы, ударили въ тимпаны доброгласны и въ кимвали сладкозвучны, потрясеся духъ мой, вскочихъ, какъ юный осленокъ, проникъ въ канцелярію и рѣшилъ судьбу мою вступленіемъ въ христолюбивое воинство!

— Ну вотъ тебѣ и воинство, сказалъ унтеръофицеръ.

— Скажи мнѣ: существовали ли подобные наказанія въ Македоніи, Персіи и у древнихъ Эллиновъ, которые во всемъ премудрости искали?

Чѣмъ больше Бродницкій вслушивался въ голосъ сидѣвшаго на заборѣ драгуна, тѣмъ болѣе этотъ голосъ казался ему знакомымъ. Жовтякъ между тѣмъ возвратился и хохоталъ во все горло, схватываясь за животъ.

— Чего ты, дурню, хохочешь, спросилъ Бродницкій у своего лакея, бѣги узнай, кто это сидитъ на заборѣ?

Жовтякъ пересталъ смѣяться; но слова не могъ

выговорить и только крутилъ головою, закрывая ротъ рукой.

— Ступай же....

— Отто, началъ Жовтякъ, переставъ хохотать, стоитъ мундиръ-офицеръ Свистилка изъ Опошни, писаривъ двоюродный дядько; а отто на баркани сидить.... позвольте барынъ.... не выдержу.... зарегочусь!

— Говори же кто? сказалъ притворно строго Бродницкій.

— Не угадаете.... ей-Богу ни.... а! вскричалъ Жовтякъ, взглянувъ въ окно и грозя кулакомъ, добавилъ: ты мене колинкомъ?... Чернецкаго хлиба? Служи же Богу и государю. Отъ тоби!

— Жовтякъ.... Тарасъ! Ты перестань шутить со мною; я вѣдь, знаешь, разсержусь.... что ты думаешь? Говори, кто это такой?

— Ей-Богу это наше домине! то самое домине, спектарь, учитель, тотъ, что привезли изъ Переяслава. Еще онъ мнѣ бывало скубки и клесачки даетъ!

Бродницкій не обманулся, это былъ точно domine Солопіевскій.

— Ступай, Жовтякъ, туда и скажи Свистилкѣ, чтобы онъ ко мнѣ явился съ Солопіевскимъ.

— Слушаю-съ.

Жовтякъ пустился бѣжать къ сараю. Унтеръ-офицеръ приказалъ Солопіевскому слѣзть съ забора, примѣтивъ, что новоприбывшій офицеръ дав-

но смотритъ изъ окна на происходившую возлѣ конюшни военную сцену.

Свистилка, приказалъ Солопіевскому оправиться, застегнуться и повелъ его къ квартирѣ Бродницкаго.

Жовтякъ отворилъ дверь и скоро у порога Бродницкаго комнаты вытянулся въ струнку Свистилка. За нимъ жалко, перекосясь, притаился domine Солопіевскій.

— Дома капитанъ? спросилъ Бродницкій Свистилку.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

— Гдѣ же онъ?

— Уѣхали въ 4-й эскадронъ.

— А маіоръ де-Бравонъ дома?

— Дома-съ, ваше благородіе.

— Ступай и скажи маіору, что я къ нему сію минуту буду и проси, чтобы безъ меня къ полковому командиру не ходилъ.

— Слушаю-съ, ваше благородіе!

Свистилка, женировавшій жестоко domine, поворотясь, звякнулъ шпорами и вышелъ.

— Ко мнѣ, мой распрекрасный domine, вскричалъ Бродницкій, цѣлуя потерявшагося при видѣ офицерскихъ ласкъ Солопіевскаго. Вы ли это?

— Я! Но не въ силахъ словъ произнесть, зря питомца моего возвеличена офицерскимъ достоинствомъ!

— Полно, domine, идите сюда, садитесь; да разскажите, какимъ образомъ вы попали въ драгуны?

— Прикажите осмотрѣть въ сѣняхъ, ушелъ ли нечестивый фараонъ Свистилка. Коня и всадника вверже въ море....

— Да его нѣтъ тамъ.

— И тѣни Свистилки боюсь, не только образа.

— Жовтякъ! Ушелъ Свистилка?

— Ушелъ-съ.

Domine, отворя осторожно дверь, осмотрѣлъ всѣ углы и тогда сдѣлался свободнѣе.

— Есмь нынѣ ободренъ, сказалъ domine, садясь на кончикѣ складнаго тульскаго стула; но духъ сего вассилиска витаетъ надъ главою моею!

— Успокойтесь, мой domine, распрекраснѣйшій, пока я въ полку, васъ никто не обидитъ.

— Дерзаю начать краткое повѣтствованіе тѣмъ, что, получивъ вожделенное увольненіе изъ семинаріи, хотѣлъ возвратиться въ Раковую-Балку, эдемъ удовольствій, но татемъ ночнымъ бѣ ограбленъ подъ брамой переяславльскаго монастыря.

— Ну, domine, продолжайте, сказалъ Бродницкій, готовясь слушать. Тарасъ, дай domine трубку, сказалъ прапорщикъ, интересуясь знать случай, заставившій учителя добровольно прицѣпить себѣ саблю.

— И водку, прибавилъ тѣмъ же тономъ, обратясь къ Тарасу, Солопіевскій, водку подай.

— Ну и водку, если хотите и чаю.

— И пуншу, опять прибавилъ, оживавшій Солопіевскій.

— Ну, Тарасъ, приготовь закусить domine колбасъ, сыру, я самъ никогда не ужинаю.

— Божіимъ попущеніемъ, проходилъ полкъ драгуновъ и остановленъ былъ на нѣсколько времени въ Переяславлѣ квартировать. Я познакомился съ старшимъ полковымъ писаремъ Подпильниковымъ, а въ послѣдствіи съ его хозяйкой, женщиной красоты библейскихъ женщинъ!—Сія полковая дама любила кое-какія невинныя игры; въ нихъ съ нею я почти ежедневно упражнялся. Разсказывая это, domine выпилъ двѣ рюмки водки, закусилъ и принялся за ароматическій пуншъ, шевеля крылышками ноздрей своихъ.

— Драгунамъ назначили походъ. Я конечно въ плачъ. Женщина сія, увидѣвъ мое огорченіе, сказала: почто сокрушаешься?—Ты молодъ и пригожъ собой. Иди въ нашъ полкъ на службу, за одинъ, говоритъ, ростъ твой, попадешь въ офицеры; а тамъ, какъ ты получишь офицерскій чинъ, я выйду за тебя замужъ, и ты будешь бравымъ офицеромъ; а я чрезъ соединеніе съ тобою сдѣлаюсь офицершей.

— Что же вы, domine, послѣ этого?

— Поразмысливъ, согласился. Готовъ, говорю, идти въ полкъ, чтобы съ тобой не разлучаться. Скажи же, говоритъ, Кикѣ, пусть тебѣ прошеніе изготовитъ. Я думалъ, что это за Кика такая, а

она звала такъ, отъ чрезвычайной нѣжности, Подпильникова. Я конечно къ нему, объяснилъ ту минуту мое желаніе; писарь проворно вынулъ заранѣе приготовленное прошеніе, далъ мнѣ его подписать и къ вечеру меня зачислили въ полкъ на службу, обрѣзали весьма низко мнѣ волосы, натянули на плечи мундиръ и когда взглянулъ я на себя въ зеркало, то рѣшительно сомнѣвался, я ли это?

— Такъ перемѣнило васъ военное платье.

— Ступить не могу, тамъ давитъ, а тамъ по цѣлому трещитъ. Я того же вечера къ писарю, чай пить, говорю, пришелъ; весьма доволенъ скорымъ исполненіемъ моего пламеннаго желанія пришелъ, говорю, съ удовольствіемъ къ вамъ пуншику откушать.

— Не туда, говоритъ Кика, вы сударь попали. Вотъ вамъ куда слѣдуетъ явиться,—да мнѣ и тыкнулъ подъ самый носъ бумагу. Я къ свѣчѣ, читаю: зачисляется впредь до разсмотрѣнія документовъ такой-то Солопіевскій, которому съ полученія сего и отправиться въ 6-й эскадронъ!—Походъ завтра, а эскадронъ стоитъ въ 50 верстахъ; къ свѣту должно было мнѣ поспѣшить туда или погибнуть. А опа-то, Аксинія, хохочетъ въ другой комнатѣ!

— Что же вы, domine? спросилъ съ участіемъ Бродницкій.

— Съ обратными лошадьми, да съ женщиной, поспѣшавшей на базаръ, дотащился, когда эскадронъ стоялъ на плацу. Я къ штабсъ-капитану, строгій такой, что ужасъ. Изъ низкаго званья происхожденіемъ, невнятныя слова ежечасно произноситъ, напр., вахенбургъ, стойка, аптиллерія, парокъ, сумбурдинація и жорнеръ.

— Изъ какихъ званій? спросилъ онъ меня, вызвѣрясь, куря трубку.

— Изъ духовныхъ, окончивъ курсъ....

— Грамотѣ русской умѣешь?

— Умѣю не только русской, но и латинской, греческой, французской, евр....

— Безъ разговоровъ, гласомъ веліемъ возопилъ штабсъ-капитанъ: ступай, продолжалъ онъ, въ вахенбургъ, и будешь состоять при эскадронной канцеляріи и кузницѣ.

— Я вышелъ. Въ канцеляріи на походѣ письменнаго дѣла не было, меня командировали въ кузницу, гдѣ я цѣлый походъ упражнялся въ дѣлѣ не очень низкомъ, а именно: дулъ кузнечными мѣхами, воспѣвая псалмы Давида.

Старикъ кузнецъ нашелъ во мнѣ способность къ сему низкому ремеслу и по командѣ доложилъ штабсъ-капитану о оставленіи меня при кузницѣ въ ученикахъ. Потащили меня къ эскадронному командиру.

— Не могу, в. б., принять столь недостойнаго моему званію занятія, Цыклопамъ свойственнаго,

поелику.... Молчать! заревѣлъ начальникъ, приказано, и ты долженъ слушать! тутъ штабсъ-капитанъ такъ топнулъ ногой, что квартира наполнилась пылью, и онъ, вытращивъ на меня глаза, не сходилъ съ мѣста.

Молчу и дрожу, боюсь, чтобы не приказалъ меня передъ окошкомъ палками отдуть, — безъ лишнихъ распросовъ. Штабсъ-капитанъ смягчился.

— Во первыхъ не робѣй, сказалъ онъ мнѣ, пожирая меня глазами, вовторыхъ, ничего въ волнахъ не видно, а въ третьихъ, налѣво кругомъ маршъ!—Я такъ быстро поворотился, что опомнился уже въ сѣняхъ.

Дивизіонеръ нашъ просилъ меня, по неспособности къ фронту, какъ краснописца, зачислить въ полковую канцелярію.

— И вы тамъ были?

— Былъ. Ахъ! Я и упустилъ вамъ сообщить, что въ то время, когда я находился въ кузницѣ, старшаго писаря Подпильникова произвели въ 14-й классъ и назначили въ пѣхотный полкъ аудиторомъ.

Что же вы думаете? Пилъ два мѣсяца сряду, купилъ халатъ и длинный чубукъ, а чтобы меня отбить отъ охоты служить: женился на обожаемой мною Аксиньи, женщинѣ красоты рѣдкой!

— Обманулъ онъ васъ, сказалъ Бродницкій.

— Жестоко. Садитесь переписать вотъ этотъ рапортъ, сказалъ мнѣ очень учтиво адъютантъ, когда я поступилъ въ полковую канцелярію. Я началъ переписывать и, видя, что рапортъ къ генералу очень просто написанъ, гдѣ можно было употребилъ силу духовнаго краснорѣчія, вставилъ нѣсколько стиховъ изъ Виргилія, подходившихъ къ смыслу рапорта и подалъ адъютанту; а написалъ, какъ напечаталъ.

Вечеромъ полковникъ подписалъ рапортъ этотъ въ числѣ прочихъ бумагъ, ночью съ почтовымъ отправили въ дивизію, а черезъ день меня посадили на гауптвахту на хлѣбъ и воду, съ намѣреніемъ уморить меня въ продолженіи трехъ сутокъ голодомъ;—но я питался отъ крупицъ стола полковника секретно и подаваемыхъ мнѣ дѣвушкой, находившейся при домѣ командира въ услуженьи.

— Послѣ же что̀ съ вами случилось?

— Отправленъ въ лейбъ-эскадронъ, гдѣ и до днесь имѣю честь подъ командою Свистилки находиться. Не знаю, какимъ бы образомъ мнѣ выйдти въ отставку.

— Развѣ съ вами дурно обращаются?

— Нѣтъ... тѣлеснаго наказанія на рамена мои не пріялъ, но грубыя слова поражаютъ слухъ мой при каждомъ разѣ, когда я ѣзжу на акордѣ, въ положеніи очень неловкомъ....

— Какъ? въ какомъ положеніи?

— Для твердой посадки и выправки, Свистилка продѣвалъ мнѣ за спиной толстую палку, на оной сгибалъ руки мои и такимъ образомъ, безъ поводьевъ, заставлялъ отъѣздить на акордѣ... Утроба моя отъ сего потрясеся.... зрѣніе померкне, и только въ тѣ поры жестокій Свистилка освобождаетъ меня отъ этой, несвойственной духовному званью ѣзды.

— Употреблю всевозможное средство, чтобы освободить васъ...... ожидайте моего возвращенія, я иду къ полковнику.

— О, Господи! ворчалъ domine, избавь меня отъ сей службы, посвящу остатокъ дней своихъ на святое исполненіе той обязанности, въ которую, исправленіемъ моимъ, удостоюсь быть посвященнымъ.

Domine былъ жалокъ, слезы навертывались на его глазахъ.

— Полно, domine, успокойтесь, васъ должны непремѣнно выпустить... оставайтесь здѣсь и закусите хорошенько.

— Жовтякъ! одѣваться, дай мнѣ шинель, саблю и вицкиверъ.

Бродницкій, одѣвшись, накинулъ шинель и вышелъ.

— Faaamulus!—началъ domine, сѣвъ на лавку и заболтавъ ногами, ты есть лапуза и кромѣ всего этого хохолъ.

— Хыба развѣ вы меня не познали? Омелька кучера знаете? При этомъ Жовтякъ сѣлъ рядомъ съ domine и точно такъ же началъ болтать ногами.

— Емеліана... зналъ... зналъ.

— То жъ мій дядько въ другыхъ....

— Ага... не есть ли ты тотъ самый, котораго я неоднократно бивалъ для своего удовольствія и твоего желанія.

— Еже-жъ. А тое... Парасочку знали?

— Парасковію? зналъ, очень зналъ, гдѣ она теперь? Вѣрно замужъ выйшла.

— Нѣтъ, бѣдная, пидъ млыномъ утопылась, чтобы не достаться Порховнячкѣ.

— Жаль Парасочки, что же Лука Ивиновичъ! Вѣрно лютовавъ, онъ не любитъ этого....

— Ему было не до того?

— Какъ, и слова не сказалъ?

— Ничогисенько.

— Ой, брешешь, да еще здорово, Жовтяче!

— Воны умерлы.

— Лука Ивановичъ умеръ? И давно?

— Давненько. И Кирилло Ивановичъ умеръ, сказалъ Жовтякъ и, подумавъ, прибавилъ, и Трофимъ Ивановичъ умерлы, да еще не просто, а въ тюрязи.

— Этихъ двухъ я не зналъ. Гдѣ же нынѣ Уліяна Осиповна вдовица?

— Десь въ Кіевѣ замужъ вышла. Я было самъ хотѣлъ жениться на Парасочкѣ та ба.

— Отчего же ты не женился?

— Господы! яка смугна вона зробилось! тотъ день когда вы ушли. Позеленила, стрыжена то погана.

— Хулу глаголешь. Не напоминай мнѣ ее, иначе я тебя побью. Domine вздохнулъ тяжко.

— Не боюсь.

— Побью и не просто, а по военному обычаю и по пріемамъ.

— Какъ это по пріемамъ? спросилъ весело Жовтякъ у domine.

— А такъ: разъ, два! Разъ, два, три! Вотъ попробую. Хочешь?

— Не хочу.

— Пожалуста, Тарасъ, позволь я тебя побью! Какъ служу, никого пальцемъ не тронулъ, а всякой норовитъ, какъ бы ко мнѣ съ кулачищами подобраться!

— Нехай апослѣ, сказалъ Жовтякъ, отодвигаясь отъ Солопіевскаго.

— Такъ Лука Ивановичъ окончилъ жизнь свою.

— Окончилъ. Похоронили, крестъ малеванный червоный поставили.

— Да упокоитъ Господь его съ миромъ, да вознесется его добрая душа въ горняя, проговорилъ Солопіевскій,—да и выпьемъ мы въ память его добродѣтелей!

— Выпить такъ и выпить, сказалъ Жовтякъ и полѣзъ чуть ли не пятый разъ на печку съ того времени, какъ Бродницкій ушелъ.

— Скажи мнѣ, Тарасъ, отчего ты такъ часто туда лазишь?

— До барильця заглядываю, чи не дуже течетъ.

— А чѣмъ наполненно вмѣсгилище сосуда?

— Ромомъ.

— Ну-ка и я взгляну, сказалъ domine и полѣзъ за Жовтякомъ на печь.

— Натекло двѣ чарки, да я дудкою очеретяною выпилъ, проговорилъ Жовтякъ, утираясь рукавомъ.

— Ну да и какое у васъ изобиліе плодовъ земныхъ!... Сподоби мя́, Тарасъ, сладко произнесъ domine, разводя отъ удовольствія ноздрями, вкусить питія, ромомъ называемаго. Давно не ощущалъ....

— Сейчасъ, сказалъ Жовтякъ и подалъ флаконъ рому и двѣ рюмки.

— Выпьемъ за царство души, сказалъ Солопіевскій, и наливъ обѣ рюмки, выпилъ ихъ поспѣшно одну за другой.

— А я же якъ выпью, проговорилъ Тарасъ, протягивая руку къ рому.

— Satis! сказалъ Солопіевскій, оттолкнувъ руку Тараса, — помни, продолжалъ онъ, что ты есть serva, famulus idem, лакуза, а по нашему, по военному: гусь свиньѣ не товарищъ.

— Себѣ то по вашему я гусь?

— Нѣтъ, не ты есть гусь; а я одинъ себя самого разумѣю подъ именемъ сего водянаго обитателя! И, имѣя крайнее желаніе тебя побить, нахожу теперь причины: неуваженіе къ покойному господину, дерзость въ словахъ противъ меня, шутливый тонъ и обращеніе со мною, якобы съ равнымъ тебѣ. Итакъ, Жовтякъ, прошу тебя снесть терпѣливо....

ГЛАВА XIV.

Появленіе Бродницкаго спасло Жовтяка отъ рукъ domine, который съ удовольствіемъ собирался побить немножко Тараса, бывъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Поздравляю васъ, мой прекрасный domine, сказалъ, раздѣваясь Бродницкій, прошеніе, поданное вами, штабъ полка возвращаетъ съ отмѣткой: по непредставленію документовъ о вашемъ происхожденіи. Вы свободны. Можете сію минуту отправляться на всѣ четыре стороны и избрать какой вамъ угодно родъ службы.

— Свободенъ есмь—ingenus! сказалъ радостно Солопіевскій и поклонился Бродницкому, какъ прямому виновнику его радости.

— Куда же вы теперь располагаете отправиться?

— На родину, сказалъ тихо Солопіевскій.

— Вотъ вамъ сто рублей, сказалъ Бродницкій Солопіевскому,—поѣзжайте домой, а если вы захотите жить въ Раковой-Балкѣ, то ежегодно я обязываюсь вамъ давать постольку же, кромѣ полнаго содержанія.

— Великодушно благодарю за сіе; но будущее въ руцѣ Господней. Нынѣ, сказалъ серіозно Солопіевскій, припрятывая деньги, хочу предпринять великій подвигъ. Укротить свой нравъ и вступить въ законный бракъ.

— А послѣ этого что будетъ?

— Послѣ, какъ подобаетъ человѣку моего происхожденія, дерзну вступить въ санъ, коего собраты мои съ дней юности жаждутъ.

— Ну, если такъ, то вотъ вамъ еще сто руб.

— Не деньги мнѣ нужны, сказалъ тихо Солопіевскій, а необходимо пара лошадей съ возницею и колесницею, дабы возница, держа бразды, могъ проѣхать со мною по всей эпархіи.

— Это что еще за путешествіе? спросилъ Бродницкій, невольно усмѣхнувшись, — къ чему оно вамъ послужитъ?

— Ко многому, наиболѣе же къ отысканію юницы, угодной лѣпотою моему смиренному, по полученіи увольненія изъ военной службы, сердцу.

— Но для этого и 200 руб. мало.

— Нѣтъ. Сихъ денегъ достаточно будетъ мнѣ для достиженія желаннаго конца. Дорожные расходы ни гроша стоять не будутъ.

— Какъ, вы полагаете?

— Путешествуя отъ iерея до протоiерея, или же отъ сего послѣднято къ первому, можно изъѣздить обширную Россiю. Въ домахъ этихъ, пастырствующихъ, найду вездѣ кусокъ хлѣба для себя и возницы; зелiе злачно и златые класы овса обрѣту безплатно тамъ же для жеребятъ.

— Я дамъ вамъ письмо къ управляющему объ этомъ. Когда вы явитесь въ Раковую-Балку, въ тотъ же день для васъ все, что̀ нужно, управитель приготовитъ.

Солопiевскiй низко поклонился. Утвердившись въ предпринятой къ исполненiю мысли, domine совершенно измѣнился. Странно было видѣть драгуна въ лейбикѣ, возвратившаго себѣ тѣ прiемы, съ какими онъ первоначально появился въ Раковую-Балку.

На другой день Солопiевскiй купилъ у Свистилки лошадку съ повозкой, сдалъ свой мундиръ и другiя вещи въ цейхъ-гаузъ и въ фризовой шенели заѣхалъ проститься съ Бродницкимъ. Жовтякъ не былъ злопамятенъ. Онъ вынесъ Солопiевскому на дорогу хлѣбъ, балыкъ и цѣлую бутылку рому.

— Всякое даянiе благо и всякъ даръ совершенъ, ворчалъ серiозно Солопiевскiй, укладывая въ пароколесницу провизiю.—Благодарю тебя, Тарасъ!

— Чи не побачите тамъ Оксанки... шепталъ

Жовтякъ, подавая domine что-то завернутое въ бумажку, отдайте ей это отъ меня.

— При мысляхъ духовныхъ, мой добрый Тарасе, не подобаетъ мнѣ зрѣть свѣтскихъ женщинъ. Онѣ и нынѣ возмутятъ мой духъ! Прости, не могу исполнить твоего порученія.

Солопіевскій перекрестился, сѣлъ и поѣхалъ на родину безъ оглядки. Не пропустилъ онъ ни однаго священническаго дома, попадавшагося ему по пути; хотя на одинъ часъ, а заѣзжалъ онъ до тѣхъ поръ, пока добрался до Раковой-Балки.

Остановился domine у священника, отца Петра, почтеннаго старичка. Письмо отъ Бродницкаго отправилъ къ управителю. Управителя не было дома. Солопіевскій поѣхалъ въ Пожарища прямо въ дворъ отца Карпа; отца Карпа не засталъ domine у себя; жена его тоже куда-то уѣхала. Все это Солопіевскій слышалъ отъ церковнаго старосты, въ это же время изъ окна дома священника выглянуло румяное личико и засмѣялось.

Это юное и свѣжее личико заинтересовало domine; но онъ боялся спросить прямо у старосты, кто это, а началъ стороною распрашивать и могъ изъ слышаннаго предположить, что дочь отца Карпа находится дома.

Управитель, получа письмо, отправилъ Солопіевскаго въ кибиткѣ на парѣ изрядныхъ лошадокъ. Солопіевскій, выѣхавъ изъ Пожарищъ, мѣсяца полтора колесилъ по эпархіи. Много видѣлъ онъ дѣ-

вицъ, по лѣтамъ ему приличныхъ и такихъ, которыя имѣли у себя привлекательныя качества, но ни на одной изъ нихъ свататься domine не рѣшался.

Его что-то тянуло въ Пожарища.

Въ одномъ селѣ обрелъ онъ такую дѣвицу, которая съ большимъ искусствомъ играла на гитарѣ и пѣла пѣсни. Эта послѣдняя поразила Солопіевскаго страстными, черными какъ ачатъ, глазами.

— Хороша, шепталъ себѣ подъ носъ Солопіевскій, но напоминаетъ собою плящущую Иродіаду.... Удалюсь отъ ней, боюсь увлечься.... какая-то невѣдомая сила тащитъ меня къ ней, а разсудокъ говоритъ: удались! Повинуясь разсудку, Солопіевскій рано уѣхалъ, боясь даже проститься. Желая посѣтить еще южный уѣздъ, оставшійся у него позади, Солопіевскій своротилъ верстъ тридцать въ сторону и очутился неожиданно въ Пожарищахъ.

На этотъ разъ отецъ Карпъ былъ у себя, и Солопіевскій, увидя его дочь (ту, которую онъ, еще при первомъ посѣщеніи мелькомъ замѣтилъ), рѣшилъ судьбу свою, сдѣлалъ предложеніи отцу на счетъ руки дочери. Отецъ Карпъ принялъ съ радостію слова Солопіевскаго. На другой день кончили все, и отецъ Карпъ съ нареченнымъ женихомъ уѣхали въ Переяславль за благословеніемъ. Ефросинія Карповна, румяная и полненькая дѣвушка, не могла прямо взглянуть на своего жениха, такъ она была

робка и дика. Солопіевскій самъ не могъ тоже на нее смотрѣть и дождался, пока Ефросинія Карповна стала подъ вѣнецъ съ нимъ, при стеченіи родныхъ и пріятелей почтеннаго отца Карпа.

Медовой мѣсяцъ прошелъ; Солопіевскій уже не брилъ бороды, не обрѣзывалъ волосъ и проводилъ часы за утренними и вечерними молитвами. Тесть поѣхалъ съ Солопіевскимъ въ Переяславль и скоро возвратился одинъ, радостно сказалъ женѣ и дочери, что благія надежды на счетъ оставленнаго во градѣ, осуществятся чрезъ протеченіе двухъ мѣсяцевъ.

Пока рѣшалась судьба domine, Бродницкій пріобрѣлъ въ полку любовь товарищей. Два раза онъ ѣздилъ къ тетушкѣ, которая не переставала обращаться съ нимъ по родственному.

Не одинъ разъ Бродницкій съ полковникомъ бывалъ у Распундаки, и дѣвица сколько ни кокетничала, а не вывела изъ задумчивости солиднаго Бродницкаго. Грустное состояніе Бродницкаго имѣло губительное вліяніе на его здоровье. Онъ, не прослужа года, рѣшился подать въ отставку.

Полковому командиру не хотѣлось лишить общество полка хорошаго товарища, и онъ предложилъ Бродницкому, для возстановленія здоровья, ѣхать въ Одессу, давъ ему безсрочную командировку наблюдать за постройкой вещей, заказанныхъ на полкъ.

Молодымъ и богатымъ офицерамъ, подобныя

командировки очень съ руки; Бродницкій же отправился въ Одессу довольно равнодушно.

Не имѣя знакомыхъ въ городѣ, Бродницкій скучалъ среди шумной толпы народа, гораздо больше нежели въ полку. Здоровье его совершенно разстроилось. Пробывъ въ квартирѣ дня три, онъ дошелъ до такого состоянія, что совѣтъ медика сталъ ему необходимъ.

Онъ послалъ за докторомъ, какой въ то время славился въ Одессѣ.

Было около двѣнадцати часовъ и у квартиры Бродницкаго остановилась докторская каретка, запряженная парой гнѣдыхъ коней. Шарообразный докторъ, одѣтый въ черный фракъ и круглую шляпу, опираясь на палку съ золотымъ яблокомъ, быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и, войдя въ комнату, остановился, растопыря руки передъ Бродницкимъ, сидѣвшимъ съ ногами на своей кроватѣ.

— Это вы, Павелъ Максимовичъ?

— Я.... а вы Вуковскій?

— Обнимемся, другъ мой, я тотъ же для тебя Докса, какимъ былъ въ Переяславской семинаріи.

Бродницкій всталъ быстро и обнялъ стараго знакомаго.

— Какими судьбами ты здѣсь? спросилъ Бродницкій Доксу.

— По счастію. Я недавно здѣсь, и окончивъ курсъ въ Московской академіи докторомъ, нигдѣ не пользовался такой репутаціей, какъ въ этомъ городѣ.

— Мой Докса, чадо семинаріи, первый докторъ въ Одессѣ!

— Пустое! Не первый, а быть можетъ послѣдній; но счастливѣйшій изъ своихъ собратовъ, могущихъ быть по образованію своему мужами науки, не то, что мы грѣшные!

— Я такъ радъ встрѣчѣ съ тобой, что чувствую себя несравненно лучше.

— А для меня это такой подарокъ, который ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнится. Я не встрѣчалъ до̀ сихъ поръ человѣка, съ которымъ могъ бы припомнить все то, что̀ такъ забавляло насъ въ семинаріи! На первый же разъ сообщу тебѣ мое крайнее положеніе.... какъ другу... При всемъ томъ, что ты видишь, я бѣднякъ и несчастнѣе меня нѣтъ человѣка въ моемъ званіи....

— Мой кошелекъ къ твоимъ услугамъ, сказалъ Бродницкій, не зная, что Докса явился къ нему въ собственный каретѣ, запряженой орловскими рысаками.

— Ты мнѣ предлагаешь деньги? Благодарю. Не взялъ бы я у тебя ихъ, еслибы имѣлъ нужду. Денегъ у меня есть довольно и онѣ проклятыя въ моихъ глазахъ: прахъ и тлѣнь!—Онѣ чистая ничтожность, когда не заставляютъ внять моимъ слезамъ ту, которую я люблю безнадежно. На что̀ мнѣ деньги?

— Мой милый Докса, неужели ты такъ влюбленъ?

— Бѣшено, другъ мой, неистово, какъ и слѣ-

дуетъ любить тому, кто въ пылу молодости не извѣдалъ сердечныхъ волненій.

— Тебѣ уже за тридцать лѣтъ?

— Давно перешло.

— Женись. Такому человѣку, какъ ты, вѣрно не откажутъ.

— Родители такъ; но дочка..... о сколько я провелъ безсонныхъ ночей!—Вниманіемъ моимъ, искусствомъ, могу сказать, воздвигъ съ одра смерти ту, отъ которой отказались всѣ наши медики, которую приговорили было къ смерти и она, выздоровѣвъ, мнѣ преучтиво отказала!

Докса замолчалъ.

— Успокойся, я тоже столько мучусь, сколько и ты, сказалъ Бродницкій, но Докса стучалъ пальцами по своей трости и ничего не слышалъ.

— Я не красивъ, это правда, началъ докторъ, но это не мѣшаетъ мнѣ, ничуть, быть добрымъ человѣкомъ и сдѣлать жену счастливой. Сдѣлай одолженіе, взгляни на предметъ моей страсти, пожалѣй меня бѣдняка..... Даешь слово? Я сегодня вечеромъ за тобой заѣду и представлю тебя въ домѣ, какъ друга... ты ее увидишь....

— Но Докса, Богъ съ тобой, гдѣ мнѣ дѣлать визиты? Я болѣлъ, да и первый разъ явиться вечеромъ, ужь извини, не рѣшусь.

— Пустое, ты ни мало не болѣнъ. Прогулка по взморью, купанье въ Лиманѣ, обѣдъ у Оттона, съ двумя бутылками клико и ананаснымъ компо-

томъ, да рюмка мараскена послѣ обѣда, вотъ и все лѣченіе. А если ты прибавишь къ этому чай у меня, а вечеръ у моего Лаврикаки, гдѣ увидишь Евпраксію, то ты въ одну недѣлю будешь здоровѣе любаго здѣшняго носильщика.

— Я согласенъ на такое лѣченіе; но явиться въ первый разъ вечеромъ въ незнакомый домъ, безъ предварительнаго визита, какъ-то странно будетъ.

— Ни мало не странно. Христофоръ Лаврикаки, вдовецъ, человѣкъ простой, хотя у него есть около полумилліона въ маслинахъ, перцѣ, кофе, провансскомъ маслѣ и прочей еписеріи. У него одна дочь Евпраксія, и чертъ возьми его капиталы, или пусть они ему останутся, лишь бы Евпраксія принадлежала мнѣ!

— Но и мое положеніе не лучше твоего, сказалъ Бродницкій.

— Какъ? И тебѣ отказали? Молодому красивому кавалеристу, быть не можетъ! Но гдѣ же у нихъ глаза-то были?

— Почти что отказали. Тутъ Бродницкій разсказалъ Вуковскому о Любочкѣ, которая вѣроятно давно уже вышла замужъ за Юрія Юріевича.

Вуковскій, утѣшивъ паціента, уѣхалъ обѣдать и не забылъ явиться въ назначенный часъ къ Бродницкому.

Сѣвъ въ карету, они поѣхали къ Лаврикакѣ.

Старикъ съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой привѣтливо встрѣтилъ гостей, усадилъ ихъ на низень-

комъ красномъ диванѣ и ту же минуту самъ подалъ имъ трубки съ саженными чубуками и мундштуками, инкрюстированными емалью и золотомъ.

Молодая и красивая женщина, на серебрѣ подала шербетъ, цукаты и китайское варенье.

Евпраксія только что вошла и Бродницкій удивился типической красотѣ, свойственной однимъ дочерямъ древней Эллады.

Стройная, какъ пальма востока, съ прекрасными формами античной статуи; бѣла, какъ мраморъ каррарскій — такова была Евпраксія. Блѣдный свѣтъ лампы, при пунцовыхъ обояхъ гостиной, возвышалъ еще больше красоту прекрасной Гречанки. Съ появленіемъ Евпраксіи, Докса сдѣлался блѣденъ и молчаливъ.

Бродницкій игралъ почти что цѣлый часъ на фортепіано. Евпраксія, облокотясь на инструментъ, слушила его игру съ удовольствіемъ. Она старалась быть внимательной къ Бродницкому и говорила съ нимъ такъ мило, что онъ удивлялся ея любезности, простотѣ воспитанія и согласился, что дѣвица въ такомъ родѣ не одному Доксѣ можетъ понравиться, а многихъ заставить любить себя.

Когда гости простились, Лаврикаки не отступно просилъ ихъ бывать у него почаще и былъ столько находчивъ и любезенъ, что благодарилъ Вуковскаго за доставленное ему удовольствіе знакомствомъ съ Бродницкимъ.

— Вы, мой милый Докса, всегда такъ съ Евпраксіей обращаетесь?

— Иначе не могу. Самъ не знаю что̀ со мной дѣлается, когда я бываю у Лаврикаки. Цѣлые часы провожу дома въ размышленіяхъ, чѣмъ бы начать съ ней разговоръ, найду наконецъ; являюсь въ домъ, вижу старика, говорю съ нимъ, а въ мысляхъ одна Евпраксія и планы разговоровъ. Какъ только войдетъ, взглянетъ, такъ языкъ мой и откажется служить выраженіемъ того, что̀ бѣдное сердце и нѣжная душа моя чувствуютъ.

— Ну, вотъ моя квартира, сказалъ Бродницкій, пожавъ руку доктору, прощай.

— Извини, я у тебя дня два не буду, сказалъ Вуковскій, за мной прислали эштафетъ; ѣду верстъ за триста. Начинай завтра лѣченіе.

— Хорошо, отозвался Бродницкій и, взбѣжавъ на лѣстницу, вошелъ въ свою комнату.

Послѣ вечера, проведеннаго Бродницкимъ въ гостяхъ, онъ спалъ цѣлую ночь самымъ покойнымъ сномъ. Проснулся въ девять часовъ утра.

Въ одиннадцать ему захотѣлось выйдти погулять; но на полчаса его задержалъ Лаврикаки, явившійся съ визитомъ. По всему видно было, что этотъ человѣкъ искалъ сближенія съ Бродницкимъ.

Три дня не было Вуковскаго; на четвертый, еще Бродницкій спалъ, какъ докторъ вбѣжалъ къ нему въ спальню и разбудилъ его.

— Тебѣ долго спать вредно, сказалъ Вуковскій довольно весело. Вчера я пріѣхалъ въ 8 часовъ вечера и прямо вышелъ изъ экипажа возлѣ дома Лаврикаки. Извини, что не навѣстилъ тебя раньше. За то же и не жалѣю объ этомъ вечерѣ.

— Вотъ какъ!

— Представь, я никогда не думалъ..... Христофоръ еще не показывался, а Екпраксія первая явилась. Сѣла возлѣ меня, цѣлый вечеръ не сводила съ меня своихъ бархатныхъ очей, разговаривала, и ты не повѣришь, кормила меня изъ своихъ рукъ вареньемъ! Что съ нею сдѣлалось? Не понимаю. Возвратясь домой, я глядѣлъ на свое лицо въ зеркало—все такое же. Представь: отцу слова не дала сказать со мною и, наконецъ, какая свобода въ обращеніи со мной! Подумай, не смѣйте, говоритъ, мнѣ показываться къ намъ въ домъ безъ вашего друга, блѣднаго офицера, приходите съ нимъ почаще; игра, говоритъ, его мнѣ очень нравится. Сегодня, дорогой Павелъ Максимовичъ, вечерокъ проведемъ у нихъ? Не такъ ли?

— Хорошо, но я чувствую какую-то усталость.

— Пустое, выпей бутылки двѣ карлсбадской воды. Однакожь, прощай. Я буду. Теперь спѣшу на практику.... Да! вотъ вопросъ: отчего Евпраксія сдѣлалась такъ внимательна ко мнѣ? Одумалась? Вѣроятно я ей началъ нравится. Ну, что твой знаменитый Солопіевскій? Бродницкій разсказалъ

все что зналъ о domine. Вуковскій смѣялся долго, и быстро убѣжалъ изъ комнаты.

Еще и свѣчей не подали, а Докса явился къ Бродницкому. Докторъ былъ въ бѣломъ галстукѣ, и дорогой солитеръ блисталъ искрами на его короткомъ и толстомъ указательномъ пальцѣ.

Вуковскій торопилъ Бродницкаго ѣхать, но тотъ удержалъ Доксу до семи часовъ и насилу могъ поспѣшить за нимъ до экипажа. И опять Евпраксія съ новымъ удовольствіемъ встрѣтила гостей, пожала восторженному Вуковскому руку и усадила его на цѣлый вечеръ продолжать партію въ шахматы съ отцомъ своимъ, начатую ими чуть ли не девятый мѣсяцъ тому назадъ.

Сама Евпраксія не отходила отъ Бродницкаго. Докса вертѣлся на стулѣ, морщился, онъ не видѣлъ Евпраксіи и проигралъ партію.

Лаврикаки съ восторгомъ вскочилъ съ мѣста, получилъ отъ Вуковскаго 25 руб. ассигнаціями и велѣлъ подать шампанскаго. Какъ ни заходилъ Докса возлѣ Евпраксіи, не удалось ему слова съ ней промолвить.

Грекъ усадилъ доктора опять за новую партію и съ первыхъ ходовъ сдѣлалъ шахъ королю. Партія и эта была проиграна. Грекъ просилъ гостей пить шампанское и принудилъ Евпраксію выпить бокалъ за здоровье искуснаго игрока, потерявшаго съ нимъ двѣ партіи.

Вуковскій съ жаромъ поцѣловалъ руку Евпрак-

сіи и, выѣхавъ отъ Лаврикаки, молчалъ, не зная какъ истолковать это.

— Цѣлый вечеръ Евпраксія провела съ тобой, сказалъ онъ Бродницкому, я сидѣлъ какъ на иголкахъ, ревность грызла меня, я готовъ былъ поддаться, еслибы пари стоило 10,000. Проигралъ и не жалѣю. Отецъ, видно, заботится сблизить меня съ дочерью. Выискалъ же предлогъ заставить меня поцѣловать ея руку. О, Евпраксія, Евпраксія! Ты меня съ ума сведешь!

Бродницкій вышелъ изъ экипажа у своей квартиры, а Докса въ странномъ состояніи духа поѣхалъ домой. Черезъ день, а много уже какъ черезъ два дня, Вуковскій и Бродницкій бывали у Лаврикаки. Случалось, что Докса, проводя вечеръ въ домѣ Христофора, отъ пары ласковыхъ словъ Евпраксіи, отъ ея мимолѣтнаго взгляда, случайно съ нимъ встрѣтившагося, готовъ былъ плясать сутки, забывая все на свѣтѣ. Было и то, что Докса отъ невниманія гордой красавицы просиживалъ по двое сутокъ у себя дома, пренебрегая блистательною практикою.

— Ѣдемъ къ Лаврикакѣ, сказалъ одинъ разъ Докса, вбѣжавъ весело въ комнату Бродницкаго.

— Зачѣмъ?

— Пять дней, какъ мы у нихъ не были. Сегодня встрѣтилъ я ее въ Пале-Роялѣ. Хотѣлъ было пробраться; нѣтъ же—замѣтила. Что это значитъ, сказала она мнѣ, топнувъ ножкой, а ножка-то

крошечная, вы насъ вздумали совершенно оставить? Непремѣнно пріѣзжайте сегодня, да скажите, чтобы Бродницкій привезъ Шуберта. И при этомъ погрозила мнѣ пальчикомъ. Господи! что за пальчикъ! Скажи пожалуста, что это еще за Шубертъ такой?

— Музыкантъ.... композиторъ....

— Ну, Богъ съ нимъ. Ѣдемъ же. Такъ вотъ у меня во всѣхъ жилахъ и слышится какая-то музыка.... Ахъ! пошли наши подружки....

Вуковскій остановился и плюнулъ.

— Что съ тобою? спросилъ Бродницкій.

— Чертъ знаетъ, что такое мерещится. Ѣдемъ.

И опять вечеръ у Лаврикаки проведенъ; и опять Вуковскій цѣлые сутки ходилъ задумавшись.

Онъ игралъ все время въ шахматы. Съ Евпраксіей трехъ словъ не сказалъ.

Въ Одессу пріѣхала Амалія Францовна не надолго и это отвлекло Бродницкаго отъ Лаврикаки. Вуковскаго увезли лѣчить кишиневскаго губернатора. Дней двѣнадцать Докса не возвращался.

— Вчера только пріѣхалъ и провелъ вечеръ у Лаврикаки, закричалъ Вуковскій, вбѣжавъ въ комнату Бродницкаго. Было превесело. Евпраксія спрятала нѣсколько шахматовъ. Отецъ ихъ искалъ, а мы, между тѣмъ, разговаривали. Послушай, ты, мой другъ, поѣдемъ сегодня къ нимъ. Мнѣ очень дурно. Нужно кончить. Пусть рѣшительно мнѣ она откажетъ, или за меня выходитъ. Дальше я

не вынесу. Одинъ день со мною ласкова, любезна' другой день не подходи, даже не взглянетъ на тебя! Что же это такое? скажи ты мнѣ пожалуста?

— Въ такомъ случаѣ я буду лишній, поѣзжай самъ, спроси рѣшительно, чего ты можешь отъ нея ожидать?

— Добрый совѣтъ, добрый совѣтъ, дружескій совѣтъ.... сію минуту ѣду.... ожидай моего возвращенія

Вуковскій улетѣлъ.

Въ десять часовъ по полудни Вуковскій возвратился къ Бродницкому, но въ какомъ видѣ? Блѣдный, разстроенный, въ измятомъ платьѣ, безъ шляпы и палки, въ сапогахъ, выпачканныхъ въ грязи. Онъ не сѣлъ въ ожидавшій его экипажъ, а побѣжалъ впередъ такъ шибко по тротуару, что сбилъ съ ногъ нѣсколько особъ, попавшихся ему на встрѣчу, и что лошади на силу могли настигнуть Вуковскаго близь квартиры Бродницкаго. Въ такомъ экзальтированномъ состояніи онъ находился.

— Что съ тобой, спросилъ Бродницкій, закрывая книгу и подходя къ Доксѣ, лица на тебѣ нѣтъ; откуда ты явился? Ужь не случилось ли съ тобой какой бѣды?

— Представь, моя исторія съ Евпраксіей кончена, произнесъ Докса, ломая руки и не находя мѣста гдѣ бы присѣсть.

Ты, значитъ, отъ нея отказываешься?

— Я не отказываюсь, но что въ томъ пользы? Она любитъ другаго. Сама призналась мнѣ въ этомъ.... Вотъ, любезный другъ, новѣйшіе-то Греки что дѣлаютъ! О, Ѳемистоклъ!

— Кого же это другаго? Вѣрно какого нибудь черномазаго уроженца Таганрога.

— Нѣтъ. Она тебя любитъ....

Вукозскій отворотился, началъ какую-то плясовую пѣсню, но скоро опомнился и пересталъ.

— Пропадай древняя Грецiя! Ни въ Элладѣ, ни въ Эпирѣ, ни въ Ѳесаліи не было дѣвы, подобной красоты. Неее—было!

— Ты вѣрно шутишь, сказалъ задумавшійся Бродницкій, неужели точно она меня любитъ?

Вуковскій смотрѣлъ совершенно въ противоположную сторону и, отворотясь въ уголъ, засмѣялся дикимъ хохотомъ. Ну, ну, послѣ, послѣ, сказалъ Вуковскій и, опомнясь, закричалъ: не повѣришь другъ, мнѣ чортъ знаетъ что мерещится.

— Полно, опомнись, сказалъ Бродницкій, взявъ Доксу за руку, въ твои лѣта стыдно ребячиться.

— Ну слушай же, сказалъ тихо Вуковскій Бродницкому, если ты мнѣ другъ, если Господь надѣлилъ тебя въ эти лѣта разумомъ, противящимся велѣнію страстей, и тебѣ всѣ женщины на свѣтѣ равны, женись на Евпраксіи. Она тебя любитъ. Увезешь ее въ деревню. Родина твоя и моя въ одномъ округѣ. Стану жить вблизи отъ васъ и радоваться счастіемъ Евпраксіи, дѣлая добро

человѣчеству въ глуши степей, лишенному тѣхъ людей, которые знаніемъ своимъ нерѣдко спасаютъ тяжко больныхъ отъ смерти. И какъ у нашихъ у воротъ..... и какъ у нашихъ..... у вор..... Что это со мною дѣлается? сказалъ , вскочивши Вуковскій, и выпилъ залпомъ два стакана зельцерской воды.

Лицо Доксы каждую минуту дѣлалось краснѣе и краснѣе.

— Я жилъ, трудился для Евпраксіи, которая вдали тяжкаго пути свѣтилась мнѣ звѣздой сладкихъ надеждъ. Я спасалъ сотни, тысячи, пораженныхъ эпидемическими болѣзнями. Вотъ чего дождался!

— Я тоже люблю, сказалъ Бродницкій, ты ошибаешься, думая что у меня нѣтъ этой животной наклонности.

— Кого любишь? Ее любишь? спросилъ Докса, и глаза его налились кровью.

— Нѣтъ не ея. Моя страсть живетъ со мною, хотя предметъ ея принадлежитъ другому счастливцу. Да за всѣ сокровища міра не въ состояніи я измѣнить ей и полюбить другую.

— А, сказалъ Вуковскій, я очень радъ, что и ты не можешь хвастать предо мною своими удачами. Есть, правда, такія минуты, въ которыя тоска моя блѣднѣетъ; но это съ тѣмъ, чтобы послѣ точить мое сердце и подрывать мое существо-

ваніе. Ну дай же мнѣ слово, сказалъ Докса, быть со мною у Лаврикаки.

— Зачѣмъ?

— Да точно, что же я ей скажу?

— Скажи, что я уѣхалъ въ полкъ и невозвращусь.

— Во саду ли въ огородѣ собака гуляла. Она росту.... Ну, эта пѣсня ни разу мнѣ не лѣзла въ голову, а теперь такъ.... Что со мной дѣлается. Не могу понять!

— Ты долженъ быть разстроенъ, сказалъ Бродницкій.

— Нѣтъ, я очень хорошо себя помню, не знаю только, долго ли это сознаніе продолжится? Евпраксія ждетъ отъ меня отвѣта, напишу ей сію минуту, что ты уѣхалъ.... кровь пустить нужно мнѣ.... и не возвращаться уже никогда въ Одессу. Отправь это, продолжалъ Докса, подавая Бродницкому бумажку. На ней четко значилось: Бродницкій уѣхалъ въ полкъ, чтобы никогда уже невозвращаться.

Вашъ на всегда

Вуковскій.

— Между тѣмъ я въ самомъ дѣлѣ уѣду завтра.

— Пожалуста, заѣзжай ко мнѣ проститься. О, я знаю эти симптоны.... Домой, домой, кричалъ Вуковскій своему кучеру, сѣвъ въ карету.

— Поѣзжай, сію минуту къ Скатанъ, Кгрекуру,

постучи къ Борисову, сказалъ Вуковскій своему кучеру, привези ихъ ко мнѣ, скажи имъ, что я очень болѣнъ. А деревня отъ села.... Ну, кажется, я не дождусь.... Эй! товарищи! поспѣшите на помощь къ своему собрату. Нѣтъ, не пройдетъ это такъ.... Макаръ! Макаръ! перевяжи мнѣ руку вотъ здѣсь.... подай сюда готовальню.... тарелку.... столикъ....

— Что вы, батюшка, собираетесь себѣ дѣлать? робко спросилъ слуга.

— Молчи, дуракъ, если хочешь, чтобы я остался съ умомъ!

Слуга придвинулъ столъ и подалъ готовальню.

— А деревня отъ села, запѣвалъ, улыбаясь, Вуковскій, и кровь брызнула у него изъ руки, проколотой искусно ланцетомъ.

— А что это? Что съ вами, вскричалъ Борисовъ, глядя на Макара и схватывая Вуковскаго за руку.

— Приливъ крови къ мозгу, полечите меня— какъ хотите, я совершенно ослабѣлъ. Кгрекуръ явился, и три доктора, извѣстныхъ въ Одессѣ, принялись за Вуковскаго. Онъ близокъ былъ къ помѣшательству. Кровопусканіе ему повторили и другія самыя сильныя средства пошли въ ходъ. Вуковскій стоналъ. Бродницкій собрался ѣхать и вошелъ въ соборъ, помолиться. Евпраксія выходя изъ церкви, повстрѣчалась съ нимъ, вскрикнула и, закрывъ лице вуалемъ, упала на руки отцу.

При помощи другихъ, Евраксію посадили въ экипажъ; безъ чувствъ привезли домой бѣдную дѣвушку. Дали знать въ квартиру Вуковскаго. Онъ самъ былъ болѣнъ. Скатанъ одинъ уѣхалъ и ту же минуту прислалъ за Борисовымъ. Цѣлый день пробыли они возлѣ больной и, возвратясь къ Вуковскому, видя что онъ спитъ покойно, начали говорить о безнадежности дочери Ливрикаки. Бродницкій тутъ же вздрогнулъ и вздохнулъ глубоко.

— Что? что? вскричалъ Вуковскій, она больна и безнадежно? Одѣваться.... Одѣваться, я спасу ея....

— Себя погубишь.... сказалъ Кгрекуръ.

— Нимало. Я здоровъ. Эй! Человѣкъ! Бродницкій, и ты здѣсь... вѣрно ты будешь причиной смерти этого земнаго ангела. Что вы на меня глядите! Я здоровъ, совершенно здоровъ, когда та, которую я обожаю, умираетъ.... Ѣду.... ну прощай, другъ, если ты дѣйствительно.... или лучше, уѣзжай, грѣхъ обманывать тѣхъ, кто насъ любитъ.... Кгрекуръ, хочешь со мной ѣхать къ Лаврикаки?

— Поѣзжай съ нимъ, шепталъ Борисовъ, не знаешь еще чѣмъ его болѣзнь кончится.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, я спасу ее. Вуковскій съ Грекуромъ выѣхали, Бродницкій тоже чрезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ въ полкъ, пораженный тѣмъ, что случилось въ его глазахъ. Кгрекуръ удостовѣрился дорогой, что Вуковскій совершенно здоровъ и поэтому удивлялся силѣ воли человѣ-

ка, бывшаго совершенно больнымъ и отъ однихъ словъ объ отчаянной болѣзни Евпраксіи пробудившагося съ возобновленными силами.

— Ведите меня къ Евпраксіи,—сказалъ Вуковскій, войдя въ гостиную. Кгрекуръ ввелъ его и самъ вышелъ. Евпраксія, блѣднѣе мрамора и такъ же холодна, какъ онъ, лежала въ своей комнатѣ. Лампада горѣла въ углу на столичкѣ передъ ликомъ Божіей Матери. У изголовья умирающей дочери сидѣлъ отецъ, какъ будто вылитый изъ бронзы. Печаль его доказывалась тѣмъ, что онъ не могъ плакать.

— Поздно, произнесъ Вуковскій, взявъ Евпраксію за холодную руку. Земля не есть жилище ангеловъ, добавилъ онъ, обратясь къ старику. Отецъ, пріими послѣдній вздохъ твоей дочери, она не жилица.... Старикъ Христофоръ упалъ на грудь Евпраксіи; Вуковскій прилпнулъ лицомъ къ ея обнаженнымъ ногамъ. Скоро Евпраксія смѣжила глаза и перестала дышать. Вуковскій отрѣзалъ локонъ ея волосъ, омочилъ ихъ слезами и положилъ къ себѣ въ боковой карманъ. Отецъ снялъ съ груди дочери брилліантовый крестикъ и отдалъ его Вуковскому,

---

ГЛАВА XV.

Не прошло и шести недѣль со смерти Евпраксіи, какъ Христофоръ продалъ домъ, магазины и богатые склады товаровъ. Въ самомъ грубомъ одѣяніи, съ посохомъ палигрима, онъ на первомъ суднѣ отправился къ юговосточнымъ берегамъ Средеземнаго моря въ Палестину, чтобы у гроба Господня провесть остатокъ дней и молиться за дочь, такъ рано его покинувшую. Вуковскій объявилъ, что Одесса ему надоѣла въ послѣднее время.

— Счастье мое схоронено, и я больше здѣсь не останусь, сказалъ Вуковскій на прощальномъ обѣдѣ, который давали ему друзья и почитатели его искусства, ѣду въ Малороссію съ тѣмъ, чтобы сюда уже не возвращаться. Вуковскій продалъ все, что было у него излишняго, и уѣхалъ домой въ скромной бричкѣ къ родной сестрѣ, бывшей давно уже замужемъ. По пріѣздѣ въ полкъ, Бродницкій получилъ письмо отъ брата изъ Пожарищъ.

Письмо имѣло цѣлію пригласить Бродницкаго на семейный скромный праздникъ. Бракосочетаніе двухъ сестеръ назначалось 10-го іюля въ 6 часовъ пополудни, въ Пожарищахъ. Бродницкому совѣстно стало утруждать полковаго командира новымъ отпускомъ, и Павелъ Максимовичъ рѣшился уже не ѣхать на свадьбу; но бригадный командиръ, приглашенный съ Амаліей Францовной въ посаженые, не могъ тоже никакъ ѣхать. Онъ упросилъ полковника отпустить Бродницкаго одного, чтобы тотъ на словахъ подтвердилъ невозможность отлучиться какъ ему, такъ и тетушкѣ, въ Малороссію, объясненную въ эстафетѣ на имя Александра Трофимовича, отправленную по полученіи отъ него приглашенія. Бродницкій рѣшился ѣхать, хотя зловѣщіе слухи носились о неслыханной до того болѣзни, уже показавшейся въ юго-восточныхъ губерніяхъ Россіи и несшейся, какъ вихрь, на встрѣчу безпечному человѣчеству. Убѣдились люди, что болѣзнь развивается въ широкихъ размѣрахъ и вострепетали внезапной смерти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроились карантины. Газеты и журналы, для приданія себѣ болѣе занимательности, храбро прикололись концами ножей, окурились сѣрой и обрызгались хлорновой водой. Удушливая жара длилась.

Іюльская вьюга заволокла матовымъ покровомъ поблѣднѣвшее солнце. Невидно было клочка облака на ясномъ сводѣ небесномъ. Въ воздухѣ

сдѣлалось тихо, парно и млосно. Сухая трав: хрустѣла подъ стопой одинокаго путника, возвра щающагося съ плохихъ заработковъ. Воды в ручьяхъ, рѣчкахъ, озерахъ и колодцахъ начали изсякать и уменьшаться ежедневно. Песокъ разгорячался днемъ, какъ раскаленный кирпичъ, и по немъ невозможно было идти босыми ногами! Въ самыхъ многолюдныхъ и богатыхъ селахъ не слышно было говора, а пѣсенъ и подавно. Колокола̀ постоянно звонили, и народъ свыкся съ ихъ печальнымъ гуломъ. Звонили они не въ честь торжества торжествъ, а трепещущія руки, схвативъ на колокольнѣ веревки, быстро приводили ихъ въ сотрясеніе, давая звономъ міру знать, что неумолимая смерть торжествуетъ надъ преставившимися. Гнѣвъ Небесъ посѣтилъ Малороссію; первая холера показалась и смела съ лица земли не одну тысячу людей, не разбирая: пора ли имъ было покоиться, или еще рано? Въ самую страдную пору страшнымъ повѣтріемъ разлилась болѣзнь надъ испуганнымъ народомъ и разила его, отуманеннаго неожиданностію, безпощадно.

Еслибы по за-околицей села на парѣ тощихъ воловъ не пробирался возъ съ полдюжиной гробовъ, наскоро сколоченныхъ, и прохожій съ котомкой за плечами не сворачивалъ съ дороги, крестясь и боязливо ускоряя шаги, то можно было подумать, что во всемъ селѣ живой души не осталось. Впереди воза, робко поглядывая вокругъ себя; опи-

раясь на посохъ, спѣшитъ молодой священникъ. Уши его заткнуты ватой, ротъ завязанъ грязнымъ бумажнымъ платкомъ. У носа держитъ онъ открытую склянку съ уксусомъ, и молитъ онъ Господа за свои грѣхи, такъ же усердно, какъ и за прегрѣшенія паствы.

Молчаливо скромный кортежъ огибаетъ царыну и скрывается въ густотѣ березъ, опустившихъ завядшіе листья надъ высокими свѣжими могилами.

Еще недавно въ этомъ самомъ селѣ въ базарные дни кипѣла жизнь, говоръ грохоталъ водопадомъ; на улицахъ рѣзвились ребятишки возлѣ стариковъ, на прызбѣ пріютившихся взглянуть на ясный день, покурить люльку. Теперь же половина избъ обратилась въ пустки. Стоятъ эти пустки безъ оконъ съ дверями настежь; свиститъ порой палючій вѣтеръ въ вынутыя окна молчаливаго жилья. Запыленныя стѣны, безмолвствуя, ждутъ жильцовъ и не дождутся. Въ самомъ началѣ холеры жильцы уѣхали къ роднымъ къ пріятелямъ туда, гдѣ не слышно было болѣзни, и не спаслись. Смерть и тамъ ихъ сыскала! Возлѣ трехъ въѣздовъ въ село, теплая вѣра и страхъ наглой смерти воздвигнули высокіе кресты. Курища изъ вѣничковъ, шкуратковъ, шкалярущъ и шерсти дымятся, наполняя село удушливымъ смрадомъ.

Въ поляхъ созрѣвшій хлѣбъ поклякъ, спутался и прилегъ къ землѣ. Травы давно отцвѣли, почернѣли и стоятъ нескошенными. Кое-гдѣ на дале-

комъ горизонтѣ видны полуразбитыя копны хлѣба скотомъ, привольно безъ пастуховъ бродившимъ. Особнякомъ, возлѣ проѣзжей дороги стоитъ ветхій деньми храмъ Божій. Западныя его двери растворены, у мѣстныхъ иконъ, дрожащимъ свѣтомъ, пылаютъ праздничные ставники. Въ церкви ни души. Возлѣ калитки цвынтара, въ саженѣ отъ раскрытыхъ церковныхъ дверей, на колѣняхъ стоитъ дряхлый старецъ пономарь.

Волосы на головѣ и бородѣ его пожелтѣли, станъ подъ бременемъ лѣтъ согнулся.

Старецъ тихимъ голосомъ наизусть читаетъ акаѳистъ Заступницѣ усердной и, проливая слезы, кладетъ земные поклоны.

Молитвы, обѣты, приношенія, чистыя слезы усердія не смягчаютъ небесной кары.

Что̀ дѣлалось въ селахъ?

Какъ скоро человѣкъ заболѣвалъ, окружающіе его безъ жалости оставляли. Кровныя связи, пріязнь, родство, все это забывалось; заболѣвшій долженъ былъ умирать въ одиночествѣ. Если ему, оставленному, приходилось почувствовать облегченіе, напрасно усиливался онъ отыскать мутнымъ взоромъ, существо, которое-бы подало ему руку помощи, подняло бы его съ тяжкаго ложа скорби. Никого онъ не видѣлъ, и голоса людей рѣдко долетали до него готоваго разстаться съ жизнію. Въ чувствахъ, потерявъ силы физическія, слабой рукой крестился страдалецъ и закрывалъ глаза въ

послѣдній разъ. Другой, въ предсмертной агоніи, скрипѣлъ зубами, проклиная человѣчество и минуту своего рожденія. Большая половина людей оставила жилища, ушла въ лѣса и болота, бывшіе лѣтомъ до того времени непроходимыми; другіе люди укрывались въ глубокихъ оврагахъ, пещерахъ и погребахъ, вырытыхъ у подошвы горъ.

Въ однихъ городахъ люди еще шевелились. По мостовымъ стучали фуры въ родѣ майданныхъ попелюховъ. На нихъ сидѣли большею частію пьяныя лица въ платьѣ, вымазанномъ смолой. Они останавливались передъ воротами домовъ и, по указаніямъ бодрствующей полиціи, выносили изъ домовъ гроба и на рысяхъ вывозили ихъ за городъ на кладбища.

На кладбищахъ поселились сотни могильщиковъ; тамъ они, предвидя потребность, рыли могилы и продавали ихъ тому, кто платилъ повыгоднѣе. По дюжинѣ труповъ опускали въ одну яму, и цѣлые дни занятіе это почти не прерывалось. Находились между привезенными тѣлами и такія, которыя были безъ гробовъ. Были не рѣдко и такія, которыя, упавъ на кучу тѣлъ, пробуждались, раскрывали тяжелыя вѣки, вздыхали и смотрѣли вверхъ на могильщиковъ, стараясь сдѣлать усиленныя движенія руками. Никто не слышалъ ихъ вздоховъ, не видѣлъ блѣднаго взора и не обращалъ вниманія на жестъ рукой.

Прибывшихъ съ транспортомъ безъ гробовъ кидали въ могилу и быстро заравнивали ее землей. Въ сторонѣ отъ кладбища, полупьяныя женщины готовили кушанье (рабочимъ) могильщикамъ, которые день усердно работали, а ночью предавались оргіямъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ больше имѣлось въ виду практики. Смерть какъ нарочно щадила ихъ! Полиція въ городахъ истребляла арбузы, дыни и садовые фрукты, не внемля отчаянному крику смѣлыхъ торговокъ. Кабаки днемъ закрывались, а ночью въ нихъ появлялись толпою записные гуляки. Нерѣдко изъ этихъ кабаковъ съ хохотомъ выбрасывали въ сосѣдній дворъ или на улицу мертваго. Утромъ разслѣдыванія о найденномъ мертвомъ тѣлѣ не было. Первый проѣзжій транспортъ подхватывалъ его и везъ съ другими на кладбище. Холерная пора была рѣдкимъ и удобнымъ временемъ привесть въ исполненіе темный замыслъ, таившійся въ глубинѣ ненавистнаго, оскорбленнаго и корыстнаго сердца. Человѣкъ въ конвульсіяхъ умиралъ мгновенно. Никто этому не удивлялся; врачи пожимали плечами, полиція заботилась поскорѣе очистить городъ отъ тѣлъ. Какъ же доктора поправили свои обстоятельства въ это время! Аптекари, продавая мятныя капли, выстроили на чистый барышъ каменные дома. Смутное время текло медленно, и люди наконецъ сдѣлались равнодушнѣе. Холодно взирали они на текущую жизнь, не зная долго ли имъ придется ею поль-

зоваться? Колокольный звонъ, ежечасно смущавшій живущихъ, былъ запрещенъ. Самые поѣзды съ мертвецами направлялись по уединеннымъ улицамъ.

Бродницкій въ это время изъ спокойной стороны подвигался въ ту, которая бѣдствовала. Осталось ему проѣхать не болѣе 220 верстъ и быть въ Пожарищахъ на свадьбѣ. Въ дали почтовой дороги виднѣлась уединенная станція. Доѣхали. На этой станціи было пусто. Въ почтовомъ дворѣ не находилось ни одной лошади, ни одной повозки. Ямщикъ почесалъ въ затылкѣ и удивился, что третьяго дня на этой самой станціи находилась исправная перемѣна, а теперь ни ямщиковъ, ни лошадей нѣтъ. Жовтякъ отправился на станцію рекогносцировать и, войдя въ растворенныя сѣни, заглянулъ въ комнату. Никого не было видно. Заглянувъ въ другую, онъ попятился, покраснѣлъ и началъ креститься.

— Что тамъ такое, спросилъ его Павелъ Максимовичъ, покуривая спокойно трубку.

— Не пытайтс; цуръ ему! отвѣчалъ Жовтякъ, помахивая руками, ажъ трое мертвяцивъ лежатъ, одинъ на кровати, другой на столѣ, а третій середъ хаты. Семьею какъ жили, такъ и умерли.... У ямщика поднялись волосы на головѣ отъ страха и шапка его свалилась на землю.

— Эй! гей! гей! гей! ей! кричалъ человѣкъ, лежа на высокомъ курганѣ.

— Чого ты, репетуешъ? тю! тю! тю! дур-ный! отвѣчалъ ему Жовтякъ.

— Не тамъ почта, продолжалъ орать лежавшій.

— А гдѣ же?

— Ось, ось, ось, ажъ осьдечки! У самому яру.

— Что это за знакъ, сказалъ ямщикъ, какъ далеко и, увидѣвъ заходящее солнце, поторопился заворотить экипажъ и по чуть пробитому слѣду кованыхъ колесъ поѣхалъ впередъ къ оврагу.

Подъѣхавъ къ оврагу, ямщикъ всталъ и началъ осторожно сводить лошадей подъ гору.

Нужно было обогнуть мысъ, и тутъ открылся оврагъ еще гораздо глубже перваго.

На самомъ днѣ оврага, возлѣ густыхъ кустовъ дикаго орѣшника, блестѣлъ веселый огонекъ, кудрявая струя дыма подымалась вверхъ. Въ сторонѣ паслись почтовыя лошади возлѣ нѣсколькихъ телѣгъ. Шалашъ, устроенный изъ вѣтвей, срубленныхъ съ листьями, былъ видно импровизированнымъ убѣжищемъ смотрителя станціи и помѣщалъ въ нѣдрахъ своихъ столъ съ книгою, припечатанной къ столу. Сюда перевели станцію по распоряженію почтмейстера, послѣдовавшему вчера съ присланнымъ новымъ смотрителемъ.

— Лошадей, пожалуста, велите запрягать, сказалъ Бродницкій, и Жовтякъ подалъ смотрителю подорожную.

Смотритель молча зажегъ огарокъ, сѣвъ у

стола, и прочитавъ быстро подорожную, положилъ ее развернутую въ книгу.

— Совѣтывалъ бы я вамъ, ваше благородіе, началъ смотритель, обращаясь къ Бродницкому, повременить у меня маленько. Право, лучше повременить.

— Отчего? тихо спросилъ Бродницкій.

— Помилуйте! Неволя одна ѣздитъ, вы по своей надобности? Теперь даже корреспонденціи никакой нѣтъ.

— Велите запречь, мнѣ ѣхать очень нужно, проговорилъ Бродницкій и сѣлъ на толстомъ березовомъ пнѣ возлѣ огня.

— Вы въ Полтавскую губернію?

— Да, въ Полтавскую.

— Лучше повременить, право, лучше повременить.... Боже храни, что тамъ происходитъ, Боже храни.... у насъ это еще ничего.... умерло все семейство смотрителя по пріѣздѣ его изъ Полтавской губерніи. Надо повременить... повременить надо. Смотритель переминался, потиралъ руки,— онъ былъ таки порядочно пьянъ.

— А я все-таки поѣду, ворчалъ Бродницкій, любуясь гримасами смотрителя.

— Нѣтъ, повременить лучше, ворчалъ смотритель. Перевалитесь только за Днѣпръ.... туда только. Господи! Боже храни! Тамъ вы такую непріятность увидите, какая и въ Москвѣ за царя Бориса случилась... ага...

— Мнѣ не страшно этого, сказалъ Бродницкій, желая поддержать разговоръ.

— Не страшно? Эхъ, не говорите такъ... Боже храни! Чего вамъ больше? Вотъ священство духовное... въ одномъ селѣ трое ихъ въ два дня умерло, а вѣдь эти особы рѣдко, рѣдко и очень рѣдко умираютъ; а тутъ трое въ два дни... ага! Они-то любятъ другихъ хоронить, а тутъ и нѣтъ.... Ступай.... А вы повремените! Одинъ-то изъ нихъ бѣжалъ въ пасеку и тамъ, что вы думаете,— тамъ?

— Ничего не думаю.

— Ничего? Нѣтъ, ни ничего, а тамъ умеръ! Вотъ какъ. Ты другихъ хоронилъ? Нѣѣтъ.... Самъ, самъ умирай.... Воотъ тебѣ.... Нѣтъ пардону.

Было поздно и темно, Бродницкій захотѣлъ ночевать и сообщилъ свою мысль обрадовавшемуся смотрителю.

— Прекрасно, сказалъ смотритель, славный у васъ экипажъ дорожный! Послѣ этого, нагнувшись къ самому уху Бродницкаго, шопотомъ спросилъ: дамъ съ вами нѣтъ? Скажите, прошу васъ, нѣтъ?

— А вамъ на что это? спросилъ съ улыбкой Бродницкій.

— Ничего, я такъ.... отвѣчалъ смотритель, а мнѣ можно посмотрѣть въ экипажъ? Можно?

— Нѣтъ, прошу васъ этого не дѣлать.

— Я такъ, шепнулъ смотритель, скажите, благодѣтель, вѣрно съ вами есть женщина?

— На что вамъ это знать?

— Она не жена вамъ? Вѣрно не жена.... Позвольте хоть взглянуть. Я только такъ взгляну....

— Ни за что, сказалъ Бродницкій, притворяясь сердитымъ.

— Я, какъ увидѣлъ экипажъ дорожный, большой, сейчасъ догадался, что у васъ есть дамы.... позвольте....

— На что вамъ.... право, вы престранный человѣкъ!

— Помилуйте! ничуть, сказалъ смотритель. Я 25 лѣтъ женатъ; дѣтей, а ни, ни, ни единаго.... жена, эти 25 лѣтъ меня отъ себя на аршинъ не отпускаетъ. Харя, такая харя, Боже храни! Ревнива.... ревнива.... даже.... что даже и къ тому ревнуетъ, что только въ свѣтѣ принадлежитъ женскому полу. Это первая моя отлучка.... хочу взглянуть на женщину.... ей-Богу отмолодѣю.... я такъ.... 25 лѣтъ въ мученіи жизнь провожу. Былъ случай.... Позволите?

— Позволю, у меня нѣтъ никакой женщины,— глядите, коль не вѣрите.

— Ну такъ и глядѣть не стòитъ, сказалъ грустно смотритель, а люблю, люблю женскій полъ чрезвычайно.... Боже храни, какъ я этотъ женскій полъ люблю.

Смотритель замоталъ головой и сталъ плакать.

— Прикажите-ка самоваръ....

— Самоваръ? Сію секунду. Тишка! живо.... живо.... Вотъ постой, я тебѣ дамъ.... живо у-у-у-у.... чертенокъ ты этакой. А женщинъ все-таки буду любить.... ворчалъ смотритель, плача. Ямщикъ, чуть ли не въ сажень ростомъ, съ выпачканымъ лицомъ, бросился вытряхивать самоваръ, другой ямщикъ принесъ изъ ручейка воды; Жовтякъ набросалъ угольевъ въ трубу, и самоваръ, поставленный на траву, скоро заигралъ свои варіаціи на извѣстную тему. Бродницкій пилъ чай, а смотрителя пригласилъ выкушать стаканъ пуншу.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ смотритель, взявъ отъ Жовтяка стаканъ, а повременить все лучше, видѣли, что въ станціонномъ домѣ происходитъ? Ага.... а вѣдь не ѣдетъ хоронить.... а тамъ три умерло.... туда.... ихъ три.... А! ты другихъ хоронилъ? Тебя тоже туда, и подѣломъ.... А я женщинъ до смерти буду любить. Покорнѣйше благодарю, сказалъ смотритель, отдавая стаканъ Жовтяку, а женщинъ.... люблю.... бу....

Слезы не дали ему кончить фразы.

— Свѣжо становится, сказалъ Бродницкій слезливому смотрителю, не угодно ли вамъ еще стаканчикъ?

— Съ удовольствіемъ. Вы очень ласковы.... А на счетъ женщины? Скажите.... Только бы въ щелочку взглянуть, какъ онѣ тамъ, женщины эти,

сидятъ. И одна? Позвольте.... Или у васъ ее нѣтъ? спросилъ смотритель, утирая глаза.

— Скажите, пожалуста, съ чего вы взяли, что со мной есть женщина?

— Вотъ видите, прошлый годъ на моей станціи, вотъ точно такой молодой офицеръ и съ такимъ точно воротникомъ, какъ у васъ, пріѣхалъ и остановился. Ну, я думаю, пусть остановился, почтовые дворы для того устроены, чтобы проѣзжіе по подорожнымъ въ нихъ останавливались. Такъ? Вѣдь такъ?

Бродяцкій молчалъ.

— Я васъ имѣю честь спросить объ этомъ?

— Такъ.

— То-то что такъ. Пантелей Васильичъ, это такъ меня зовутъ, сказалъ смотритель,—Пантелей Васильичъ, говоритъ мнѣ староста надъ ямщиками, руссакъ, борода клиномъ, говоритъ: загляните, говоритъ, въ коляску. Такъ просто и сказалъ. Я туда. Господи! Двѣ, ей-Богу двѣ.... и смѣются, а я на нихъ гляжу.... Боже храни! Что за красавицы! Одна бѣлая, бѣлая, какъ молоко — брюнетъ.... Другая съ загарцомъ, цыганочка — блондинъ! Господи! и теперь гляжу. Какія хорошенькія! А этотъ.... этотъ.... староста.... борода клиномъ.... къ моей женѣ, глядите, говоритъ, Мавра Панкратьевна, это такъ зовутъ мою жену, что вашъ Пантелей дѣлаетъ. Она туда.... Господи! что было! Боже храни. Ну! буду помнить.... А скажите,

нѣтъ ли съ вами хоть одной? Я, право, только взгляну.... Вотъ что, у того офицера былъ точно такой покойный экипажъ. На что, говорю вамъ, ваше благородіе, такой крытый, выгодный экипажъ? А онъ, знаете, что отвѣчалъ? Этакихъ, говоритъ, возить, т. е. женщинъ. Господи! долженъ быть пройдоха.... Да и гдѣ достать? Гдѣ достать? Позвольте.... одна блондинка, брюнетъ, рисованая! Другая, съ загарцемъ, чистый блондинъ.... Буду помнить. А меня жена, сударь, каждую ночь вотъ какъ мучитъ!

Бродницкій предоставилъ въ распоряженіе словоохотнаго смотрителя бутылку, чай и сахаръ. Цѣлую ночь онъ провозился—плакалъ, рыдалъ и не умолкалъ ни на минуту. Съ разсвѣтомъ лошадей запрягли, Бродницкій вышелъ на гору пѣшкомъ и, сѣвъ въ экипажъ, шибко проѣхалъ до слѣдующей станціи.

Экипажъ остановился у крыльца. Еврей, содержатель станціи, выглянувъ въ окно, закричалъ: ай! вей! и спрятался за перегородку, гдѣ визжали жиденки.

— Иване, Иване, цуесъ, Иване! отозвался изъ-за перегородки Еврей, спытай чи похавалы смотрителя на Будіевской станціи.

— Ни, не похавалы, отозвался писарь, записывая буквами, величиною съ курицу, подорожную.

— А чи тамъ никто больше не умеръ?

— Уся семья умерла.... отвѣчалъ коротко писарь, продолжая писать.

— Рухля.... Рухля.... закричалъ Еврей и прибавилъ къ этому словъ пятнадцать на своемъ до крайности миломъ нарѣчіи.

На печкѣ послышалось: Іохъ! и жидовка спряталась въ подушки, охая и всхлипывая.

— Боится чортова жидова, ворчалъ писарь, и принялся чинить перо.

Лошадей запрягали.

Прогоны взялъ Еврей въ чашку, выполосканную уксусомъ и просунутую въ дыру между печью и дверями.

— Мухерей—месъ.... замурчалъ Еврей, и деньги застучали, падая въ сундукъ.

На печкѣ послышалось всхлыпаванье, ноги въ бѣлыхъ чулкахъ съ синими стрѣлками показались и опять спрятались.

— Знаете что, баринъ, сказалъ Жовтякъ Бродницкому, останемся здѣсь на недѣлю, не хай народъ у насъ трохы понагыне, тогда и мы поѣдемъ.

Бродницкій улыбнулся, сѣлъ и велѣлъ ѣхать. Остановились возлѣ станціи, стоявшей среди большаго села.

Смотритель, блѣдный молодой человѣкъ, вышелъ на встрѣчу пріѣзжимъ съ робостію.

— Переведена Будіевская станція въ Довгій Оврагъ, сказалъ шопотомъ смотритель.

— Перевели.

— У нашего смотрителя жена заболѣла.... Въ селѣ дня три, какъ люди болѣютъ....

— Душъ пять поховалы.

Все это разговаривали ямщики, распрягая лошадей усталыхъ и впрягая свѣжихъ.

— Смотрителю жаль потерять жену, онъ полгода какъ женатъ, жена не успѣла ему надоѣсть.

— Господи, переведутъ ли меня въ другое мѣсто? шепталъ смотритель.

На обшивкахъ оконъ внутри дома станціи и на дверяхъ прилѣплены билетики съ надписью: Христосъ съ нами уставися тойжде и во вѣки. На мѣсто почтовыхъ установленій вставленъ тропарь св. Антипу.

— Тикаймо, сказалъ тихо Бродницкому Жовтякъ, — ямщикъ сказалъ, что жена смотрителя умерла.

Точно. Бѣдный смотритель ломалъ руки и не зналъ, что ему дѣлать.

— Ну, дождался перемѣщенія, вопилъ онъ. — Только что успѣли запрячь лошадей, Бродницкій сѣлъ и уѣхалъ.

Онъ замѣтилъ, что люди неизвѣстно для чего увеличивали смертность и говорили о свирѣпствованіи болѣзни тамъ, гдѣ она еще и не являлась.

ГЛАВА VIII.

Бродницкій переправился уже на ту сторону Днѣпра и съ радостію слышалъ, что моръ сдѣлался гораздо слабѣе, послѣ бури съ громомъ и дождемъ, освѣжившей отощавшую землю.

Бродницкаго везли очень быстро. Онъ не жалѣлъ денегъ и на послѣдней станціи договорилъ лошадей прямо въ Пожарища. Это было, какъ разъ, 10 іюля, въ день назначенный для свадьбы. Чтобы поскорѣе поспѣть, ямщикъ, по указаніямъ Жовтяка, ѣхалъ проселками и кое-гдѣ полемъ. Путали они долго. Пожарища были у нихъ передъ глазами, но попасть въ нихъ не было возможности. Бродницкій ужасно досадывалъ, зная что къ вѣнчанью онъ опоздаетъ. Только передъ заходомъ солнца Бродницкій дотащился на измученныхъ лошаденкахъ въ Пожарища. Народъ, издали завидѣвъ коляску и почтовыхъ коней, бросился уходить по избамъ и запирать окна и двери.

— Постривайте дядьку Свиридоне Павловичу! кричалъ Жовтякъ, увидя своротившаго и перепрыгнувшаго загату мужика.—Чи паны перевинчались? Свиридонъ Павловичъ, подобравъ полы сиряка, улепетывалъ отъ нихъ, не оглядываясь.

Во всякомъ случаѣ Бродницкому не ловко было явиться въ дорожномъ платьѣ; онъ долженъ былъ разузнать и, если новобрачные не возвратились изъ церкви, то могъ ѣхать прямо въ домъ. У самаго сада, возлѣ мостика, перекинутаго черезъ ручеекъ, мужикъ бросился уходить, завидѣвъ проѣзжихъ.

— Чого вы тикаете? сказалъ ласково Жовтякъ, спрыгнувъ съ козелъ и перебѣжавъ мужику дорогу.

— Щебъ не тикать! сказалъ мужикъ, остановленный Жовтякомъ, — адже вы ѣдете по почти, кажуть же, що зараза прійшла по почти!

— Брехня, брехня, ворчалъ Жовтякъ.

— Въ письми препычатана и якъ вырвалась изъ письма, то только: пурхъ, пурхъ! по свиту и разлетилась.

— А что, господа ваши въ церкви? спросилъ подъѣхавъ къ мужику Бродницкій—или дома еще?

— Идте соби съ Богомъ во дворъ. Вамъ все скажутъ, а я сказавъ бы, такъ онъ жинка давно на мене очи вылупыла....

— Эй! Романе, кричала худощавая женщина, выглядывая съ осторожностью въ окно. — Идыжъ

кажу въ хату, бо ей же ты, Господи, не пущу! Годи съ подорожными людьми базикать, нанесешь биды въ хату.

Романъ, услышавъ первыя слова жены, поворотился и бѣгомъ очутился у дверей своей хаты. Въ мгновеніе дверь разстворилась и, проглотивъ Романа, задвинута была тяжелымъ засовомъ. Экипажъ двинулся рысью и бойко подкатилъ къ крыльцу. При въѣздѣ во дворъ увидѣли, что господъ дома нѣтъ. Ставни въ домѣ и двери были заперты. Подъѣхавъ ближе, Бродницкій увидѣлъ, что и входныя двери заперты замками и на крыльцѣ у колонны сидитъ старая Уська.

— Господа уѣхали изъ дому въ городъ? спросилъ Бродницкій.—Давно они уѣхали, продолжалъ Бродницкій, не вставая съ мѣста.

— Уѣхали отвѣчала старуха, да не по той дорогѣ, мои милыя барышни, шептала старая ключница, утирая слезы.

— Что онѣ обѣ вышли замужъ? когда?

— Охъ, сказала старуха, и не говорите, легко имъ лежать да землю держать! *)

— Умерли? съ ужасомъ вскричалъ Павелъ Максимовичъ.

— А то жъ й ни? Три дня тому назадъ.

— Обѣ умерли?

---

*) Есть повѣрье, что земля держится на мертвецахъ, иначе китъ-рыба хвостомъ своимъ ее опрокинетъ.

— Оби, одна безъ другой онѣ жить не могли.

Бродницкій невольно, вмѣсто свадьбы, чуть не засталъ похоронъ.

— Пережъ старшая барышня умерла, а меньшая сама прилегла возлѣ ихъ. Хотѣла доказать, что это не зараза. Старшая умерла и меньшая прижалась къ ней, недолго дышала. Александръ Трофимовичъ пріѣхалъ изъ города и не застали сестрицъ въ живыхъ.

— Несчастные женихи, гдѣ же они были?

— Щуриковъ умеръ съ мѣсяцъ тому назадъ, а Прибѣльскій пріѣзжалъ на похороны, самъ въ гробъ клалъ баришенъ и очень плакалъ.

— А Иванъ Ивановичъ?

— Сказано плакали, плакали, какъ родной отецъ. На что уже сестра ихъ нѣмая, та просто хотѣла упасть на гроба въ могилу и просила знаками, чтобы ее похоронили. Иванъ Ивановичъ въ силу оттащилъ ее отъ ямы.... День и ночь реветъ у себя на мезонинѣ. Ее тамъ запираютъ.

— Но братъ Александръ Трофимовичъ гдѣ теперь?

— Они въ городѣ живутъ и каждый день присылаютъ извѣстіе, что здоровы. Сегодня или завтра должны быть домой, мы ждемъ ихъ каждый часъ. Иванъ Ивановичъ писалъ имъ, что у насъ уже нѣтъ болѣзни, такъ же точно, какъ и въ городѣ.

— А Иванъ Ивановичъ дома?

— Дома, да вамъ лучше отопремъ домъ. Управитель заперся во флигелѣ и ни души къ себѣ не допускаетъ. Ѣсть, пить подаютъ ему въ оконную форточку. Дай Господи, чтобы поскорѣй паничь Александръ Трофимовичъ пріѣхали.

— А что?

— Свiй ридный панъ. Все лучше нежели управитель.

— Ну что же у васъ въ Пожарищахъ, болѣзнь есть?

— Крывъ Бигъ, народъ было замытывся, умерло душъ пятнадцать той утихло. Въ Раковой-Балкѣ говорятъ народъ такъ и котится.

— Мрутъ?

— Страхъ какъ мрутъ.

— Ѣду въ Раковую-Балку, сказалъ Бродницкій, глядя на поблѣднѣвшаго Жовтяка,—мнѣ нужно показать народу, что они болѣютъ и умираютъ отъ предубѣжденія о неизбѣжности смерти. Иванъ Ивановичъ, какъ услышалъ, что Бродницкій собирается ѣхать въ свою деревню, ту же минуту высказалъ свое опасаніе на счетъ болѣзни и прислалъ ключи отъ дому и отъ всего, что̀ могло быть Бродницкому необходимо, прося не уѣзжать и дождаться Александра Трофимовича, чтобы хотя сколько нибудь облегчить его тяжкую печаль, возбужденную скорою смертію двухъ любимыхъ сестеръ.

Боковыя двери отперли. Изъ пустаго дома повѣяло холодомъ; но все показывало, что люди здѣсь жили и будто бы ушли на нѣсколько часовъ, чтобы возвратиться и приняться за прерваное занятіе. Въ кабинетѣ на столѣ лежали книги. Двѣ изъ нихъ открытыя показывали, что Бродницкій сличалъ переводы съ подлинниками. Тутъ же брошена была женская работа и измятый батистовый платокъ. На кушеткѣ лежала подушка, шитая шелками, и къ ней прислонился чубукъ съ опрокинутой на полъ трубкой. Часы шли исправно на каминѣ, возлѣ тройныхъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ съ полусгорѣвшими свѣчами.

Иванъ Ивановичъ просилъ Бродницкаго занять комнату, примыкавшую къ кабинету и выходившую окномъ въ садъ. Изъ окна видъ въ садъ былъ очень не веселъ. Дорожки почти всѣ заросли сорной травой, гадючникъ и дикій хмѣль увили рѣшетку своими побѣгами. По шалашу садовника, укрытому старой соломой, бѣжала веселенькая зелень дикаго винограда и фестонами падала до земли. За этимъ шалашемъ было темно отъ деревьевъ, глохнувшихъ въ темнотѣ безъ благодѣтельнаго луча солнца, освѣщающаго вершины и рѣдко дарящаго свѣтъ свой корнямъ.

Жовтякъ, при помощи ямщика, сносилъ вещи въ отведенную Бродницкому квартиру и глядѣлъ какъ-то невесело. Вѣрно онъ жалѣлъ, что баринъ не поѣхалъ въ Раковую-Балку, гдѣ живетъ вся род-

ня Тараса, а главное она, та, которую Тарасъ любитъ. Нѣтъ, не отъ этого кривится Тарасъ. Смерть заглянула ему въ очи въ темномъ корридорѣ. Чемоданчикъ съ вещами выпалъ у Тараса изъ рукъ, и онъ, позеленѣвъ, упалъ на полъ.

— Ратуйте мене.... завопилъ Жовтякъ, ажь ось колы пропаду!

Сода, мятная вода, припарки, треніе перчиковкой, всѣ сподручныя средства употреблялъ Павелъ Максимовичъ и никакой помощи не могъ оказать Жовтяку.

— Уходите, баринъ, шепталъ онъ, ей-Богу съ меня перейдетъ на васъ!

Бѣдный Тарасъ умеръ въ то время, когда Бродницкій теръ ему животъ. Дрогнули опять люди и смутились. Жовтяка изъ корридора вытащили и на тележкѣ отвезли на кладбище, пока гробъ ему сдѣлаютъ. Больше другихъ около Жовтяка хлопотала Уська.

Возвратясь въ людскую, и она застонала, и черезъ два часа бѣдную старуху отвезли на кладбище въ каплицу, куда складывали умершихъ. До слуха Бродницкаго, вышедшаго на садовое крыльцо, долетали рыданія и завыванія сестры Иванова. Ему сдѣлалось грустно, и нельзя было ничего лучшаго придумать, какъ перейдти и сѣсть на подъѣздномъ крыльцѣ. Голосъ издали, лай собакъ, огонекъ, стукъ колесъ по твердой дорогѣ заставляли Бродницкаго думать, что братъ спѣшитъ изъ го-

рода въ Пожарище. Ужинать Павелъ Максимовичъ не захотѣлъ; заснуть до разсвѣта не могъ и, вставши съ постели, почувствовалъ дрожь, пробѣжавшую по его тѣлу. Чрезъ минуту лицо его разгорѣлось, носъ похолодѣлъ и потъ выступилъ па его лбу. Бродницкій, взглянувъ на себя въ зеркало, раздѣлся и равнодушно легъ умирать.

Болѣзнь пріѣхавшаго барина разнеслась по селу, струсившему отъ возвратовъ смерти, случившейся надъ Жовтяковъ и Уськой.

Отъ Павла Максимовича всѣ бѣжали.

Цѣлый день онъ пролежалъ одинъ, не бывъ въ силахъ выйдти, или позвать человѣка.

Былъ большой просторъ Бродницкому стонать и метаться въ пустомъ домѣ.

Жажда палила огнемъ его внутренность. Языкъ казался кускомъ войлока, исколотаго иглами. Въ изнеможеніи лежалъ Бродницкій, глотая вѣтерокъ, струившійся изъ полуоткрытаго окна.

Только въ полночь бѣдный молодой человѣкъ пришелъ въ себя и подумалъ о томъ, что всѣ его оставили. Понять, отчего это случилось, онъ никакъ не могъ и думалъ, что въ дворѣ уже ни одной души живой не осталось. Луна ярко свѣтила, выплывъ изъ-за свинцоваго облака.

Бродницкій силился встать и не могъ сдѣлать даже легонькаго движенія. Члены его тѣла были тяжелы и не слушались приказаній головы.

Въ кустахъ послышался шорохъ. Сухой бурь-

янъ захрустѣлъ. Частые и осторожные шаги начали приближаться къ окну.

— Благодѣтельная душа, подумалъ Бродницкій, спѣшитъ ко мнѣ на помощь. Въ окно заглянуло блѣдное лицо, съ глазами, сверкающими изъ глубокихъ глазныхъ ямъ.

Это былъ Иванъ Ивановичъ.

— Воды, воды, шепталъ Бродницкій, замирающимъ голосомъ. Лицо спряталось. Луна опять скрылась за тучей и вокругъ ложа смерти воцарилась глубокая тишина.

— Воды, прошепталъ больной еще слабѣйшимъ голосомъ и послѣдній вздохъ страдальца умолкъ, замирая въ могильной тишинѣ.

Бродницкій надѣяся, что Иванъ Ивановичъ пришлетъ ему воды.

Мысленно желалъ Бродницкій, хотя ложку влаги, освѣжить запекшіяся уста и молилъ Бога продлить жизнь его до той секунды, когда онъ омочитъ сухія и горячія уста на одно мгновеніе.

Показался опять въ окнѣ человѣкъ и больной узналъ въ немъ Ивана Ивановича.

Точно Ивановъ, держа въ рукахъ жаровню, влѣзъ въ комнату.

Подошелъ Ивановъ къ печкѣ, открылъ дверцу и, сунувъ туда жаровню, набросалъ сальныхъ огарковъ.

Послѣ этого заперъ дверцу и, злобно улыбнувшись, пробрался къ окну, выпрыгнулъ изъ него на

землю, притворилъ рамы, ставню и убрался въ свою берлогу, никѣмъ не видимый.

Бродницкій очень скоро лишился чувствъ. Въ темнотѣ, безъ свидѣтелей, долженъ былъ умереть Бродницкій. Стальная рука желѣзнымъ молотомъ застучала въ его виски, горы ворочались передъ его глазами и угрожали задавить его прерывающееся дыханіе.

Ночь была темна.

На кладбище, между рядами крестовъ, задрожалъ огонекъ и мелькнулъ черезъ проспектную садовую дорогу.

Черезъ клумбы сада пробирались къ дому три человѣка, четвертый указывалъ имъ дорогу, закрывъ фонарь полою своей одежды.

Три человѣка остановились у заколоченнаго окна комнаты, гдѣ умиралъ Павелъ Максимовичъ.

Сильная рука стучала въ ставню.

— Вы здѣсь, Павелъ Максимовичъ?

Отвѣта изъ комнаты не было.

— Угаромъ несетъ отъ этого окна, проговорилъ мужчина въ длинномъ плащѣ.

— Выломаю ставню. Я есмь почти что верховный членъ деревенскаго сословія.

Схвативъ ставню сильными руками, человѣкъ, проговорившій это, мгновенно сорвалъ ее съ петель. Стекла зазвенѣли и изъ комнаты пахнулъ удушливый чадъ. Три человѣка были уже возлѣ Бродницкаго.

Дзюбанка показался въ окнѣ съ фонаремъ.

— Мертвъ есть! Закричалъ самый высокій человѣкъ, приставивъ къ лицу Бродницкаго фонарь, взятый имъ у Дзюбанки Я начну читать потребные молитвы, продолжалъ онъ, пусть покоится съ миромъ рабъ Божій Павелъ.

— Такъ воны умерлы? спросилъ старый Дзюбанка.

Никто ему не отвѣтилъ.

— Таковыхъ бо есть Царство Небесное, продолжалъ первый, осѣняя Бронидницкаго крестомъ и приложивъ его къ помертвѣвшимъ устамъ страдальца.

— Молитва твоя нужна ему, сказалъ низенькій и толстый человѣкъ, бросившій свой плащъ на полъ, а я знаю, что и медицина не безполезна. Тащи кроват на свѣжій воздухъ! Заревѣлъ толстякъ, и кровать вытащили въ корридоръ. Окно, выходившее на терассу, разбили.

— Господь спасетъ его немощна, шепталъ первый, бросаясь на колѣни передъ образомъ.

— И да поможетъ моему знанію.

Медицина начала показывать свое могущество предъ слѣпцами.

Нѣсколько человѣкъ явились помогать Бродницкому, лишенному чувствъ и сознанія.

Не успѣлъ лучъ солнца пробраться въ комнату больнаго, какъ онъ открылъ глаза, пришелъ въ чувство и сильно потряслись всѣ фибры его су-

ществованія при видѣ лицъ знакомыхъ и нежданныхъ.

Вуковскій безъ галстуха, въ одномъ жилетѣ, продолжалъ тереть больному грудь. Солопіевскій съ крестомъ молился передъ образомъ; а управитель, прибывшій изъ Раковой-Балки, приготовлялъ составленную Вуковскимъ микстуру и эмульсію. Дѣло вотъ какъ произошло.

Сметливый Дзюбанка, ненавидя въ душѣ строгаго Иванова, слѣдилъ за нимъ, когда Бродницкій заболѣлъ. Узнавъ, что Ивановъ строго приказалъ никому изъ людей дворовыхъ не являться къ заболѣвшему, Дзюбанка верхомъ отправился къ Солопіевскому, только что возвратившемуся изъ Переславля. Солопіевскій, взявъ другихъ лошадей, полетѣлъ на повозкѣ къ Вуковскому, привезъ его и черезъ садъ съ Дзюбанкой, прибывшимъ вмѣстѣ съ вызваннымъ имъ Раково-Балкскимъ управителемъ, взяли приступомъ комнату, гдѣ мучился Бродницкій, и къ счастію не потеряли времени возвратить больнаго къ жизни.

Бродницкій находился въ состояніи, не подававшемъ окружающимъ его никакой опасности на счетъ дурнаго окончанія болѣзни.

Въ полдень Вуковскій изъ своихъ рукъ кормилъ Бродницкаго бульеномъ. Больнаго съ кроватью перенесли въ большую залъ, освѣжаемую чистымъ воздухомъ.

Павелъ Максимовичъ обрадовался, видя предан-

ное участіе людей, къ нему близкихъ. Недоставало одного брата Саши. Верховой съ письмомъ прискакалъ прямо къ флигелю.

Окны сумрачнаго жилища мгновенно растворились.

Ивановъ прочиталъ половину письма, страшно вскрикнулъ, разорвалъ на себѣ платье и грянулся на полъ.

Вѣсть, что Александръ Трофимовичъ, собравшись выѣзжать изъ города, заболѣлъ и умеръ, быстро разнеслась по двору и достигла слуха Павла Максимовича.

Онъ началъ плакать.

Вуковскій и Солопіевскій старались уговорить Бродницкаго, выставляя ложнымъ это извѣстіе.

— Ни одного, ни одного, послышался дикій крикъ на терассѣ мезонина, смертію дѣтей нащихъ казнены мы за все то, что сдѣлали! Это вопила мать ихъ. Выбѣжавъ на терассу, она бросилась внизъ головой и упавъ умерла, сжимая руками на груди письмо, присланное Ивановымъ.

— Сіе время чудесъ преисполненно, сказалъ тихо Солопіевскій: въ оное и нѣмые возглаголили!

Иванова подняли съ полу и положили на кожаный диванъ.

Онъ молчалъ и злобно посмотрѣлъ вокругъ себя. Грудь его высоко подымалась, на лбу выступилъ предсмертный потъ.

— Возложи печаль твою на Господа и Тотъ спасетъ тя во дни скорби и печали.

— Поздно, отвѣтилъ Солопіевскому Ивановъ довольно твердо, я столько согрѣшилъ, что не смѣю молиться и принесть покаяніе....

— Нечестивый возникаетъ яко злакъ и хотя цвѣтетъ нѣкое время, то для того, чтобы исчезнуть на вѣки!

— Будетъ съ меня довольно, выговорилъ твердо Ивановъ, и крикъ вырвался изъ его груди, такой, что у присутствовавшихъ поднялись отъ ужаса волосы.

— Воны умерлы, сказалъ Дзюбанка, подойдя къ трупу, холодѣвшему въ присутствіи всѣхъ.

Вуковскій, явясь съ Солопіевскимъ, видѣлъ, что силы человѣческія слабы помочь тому, кто добровольно, силой одного желанія, парализировалъ свою трудную жизнь на цѣлую вѣчность.

— Смиримся, сказалъ Вуковскій, уходя изъ флигеля съ Солопіевскимъ. Видно, продолжалъ докторъ, что есть Тотъ, кто правитъ всѣми, не спрашивая ни у кого совѣтовъ! Солопіевскій вздохнулъ.

По приказанію Бродницкаго, управитель уѣхалъ въ городъ распоряжаться похоронами Александра Трофимовича.

На другой день, въ двѣнадцать часовъ пополуночи, два гроба вынесли изъ флигеля.

Священство, въ траурномъ облаченіи, со свѣчами,

провожало покойниковъ на вѣчное жилище. Народъ боязливо шелъ по сторонамъ. На кладбище началась маленькая литія, и Солопіевскій, по окончаніи литіи, началъ экспромтомъ говорить рѣчь, прославляя добродѣтели умершихъ. Въ это время возлѣ крыльца остановилось двѣ тройки измученныхъ лошадей. Изъ первой повозки выпрыгнулъ земскій исправникъ въ мундирѣ, полицейскій слѣдственный приставъ и жандармъ. Изъ другой вышелъ, отряхивая съ себя пыль, стряпчій. Засѣдатель, оправляя воротникъ долго мялся; а писецъ, похожій на истоптанный башмакъ, морщился. Тихо всходили гости на крыльцо. Исправникъ, крошечнаго роста, съ длинными усами и съ выраженіемъ притворно строгимъ, взлетѣлъ въ комнату и, потряхивая чернымъ султаномъ своей шляпы, среди озадаченныхъ его появленіемъ людей, проскользнулъ въ залъ, гдѣ сидѣлъ Бродницкій, окутанный одѣялами.

Исправникъ дернулъ себя за лѣвый усъ и, придавъ строгое выраженіе своему лицу, спросилъ у Бродницкаго.

— Вы г. Бродницкій?

— Точно такъ, отвѣчалъ слабымъ голосомъ Павелъ Максимовичъ.

Исправникъ дернулъ себя опять за усъ и, увидѣвъ, что временное отдѣленіе глядитъ на его храбрыя дѣйствія изъ дверей, продолжалъ:

— До свѣдѣнія высшаго начальства дошло, что въ протеченіи нѣсколькихъ лѣтъ укрывается въ деревнѣ Пожарищахъ, бывшій до приговора суда, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Трофимъ Ивановъ сынъ Бродницкій съ женою своею Даріею Яковлевою, подъ присвоеннымъ куплею документовъ именемъ и прозваніемъ: отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Ивановича Ивáнова, показанный съ женою умершимъ при содержаніи въ губернскомъ тюремномъ замкѣ, а между тѣмъ оттуда выпущенный.

Всѣ остолбенѣли.

Временное отдѣленіе выступило впередъ, и стряпчій глазами давалъ знать исправнику, что онъ не все еще сказалъ. Исправникъ съ видимой досадой еще дергнулъ себя за усъ и продолжалъ.

— Мы командированы сюда по предписанію высшаго начальства и должны объявить вамъ о немедленной выдачѣ въ руки правосудія вышереченнаго Иванова съ его женой для вторичнаго преданія и поступленія съ ними по всей строгости законовъ.

— Судъ Божій свершился надъ ними, слабымъ голосомъ сказалъ Бродницкій, вчера они оба скончались и сегодня тѣла ихъ только что вынесли на кладбище предать землѣ.

— Не хоронить.... закричалъ исправникъ, и жандармы бросились туда вмѣстѣ съ приставомъ уголовныхъ дѣлъ. Стряпчій, засѣдатель и исправникъ

пошли по ближайшей дорогѣ черезъ садъ. Появленіемъ исправника и членовъ временнаго отдѣленія краснорѣчіе Солопіевскаго было прервано на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ не затруднялся вычислять добрыя дѣла умершихъ.

— Исполнена ли надгробная литія? спросилъ исправникъ, подходя къ протоіерею и снявъ треуголку.

— Исполнена, сказали въ одинъ голосъ три священника.

— Открыть гроба! сказалъ исправникъ, и крышки съ гробовъ подняли.

— Представьте, сказалъ исправникъ стряпчему, увидя лицо Иванова, эту самую личность я видѣлъ играющею въ вистъ, три мѣсяца тому назадъ, за однимъ столомъ съ губернаторомъ. И что всего обиднѣе для меня, то это то, что я долженъ былъ пробыть въ передней, пока его превосходительство выслушаетъ отъ этого господина натацію за всѣ ошибки его превосходительства въ продолженіи третьего робера!

— Надобно удостовѣриться, сказалъ исправнику стряпчій шепотомъ, есть ли знакъ на лѣвомъ плечѣ у сего покойника?

— Какой знакъ? спросилъ исправникъ, дернувъ себя за усъ.

— Дѣло вы читали?

— Читалъ.

— Припомните: когда докторъ тюремнаго замка, въ тайной стачкѣ съ смотрителемъ онаго, захотѣли выпустить Бродницкаго и его жену, то изъ нихъ докторъ предложилъ преступникамъ притвориться умершими. По учиненіи ими сего въ намѣреніи скрыться, смотритель и докторъ при себѣ велѣли ихъ положить въ гроба.

— Помнится мнѣ что-то, сказалъ исправникъ.

— Да, продолжалъ стряпчій, и когда крышка на преступникѣ, притворившемся мертвымъ, не приставала плотно съ лѣваго угла гроба, то ее велѣли приколотить гвоздемъ.

— И гвоздь, попавъ вкось, пришелся въ лѣвое плечо преступнику, что однакожь не заставило его подать признакъ жизни.... Помню!

— Жена преступника придавлена была крышкой гроба такъ, что лишилась употребленія языка....

— А самъ преступникъ, обливаясь кровію тихо лежалъ въ гробу....

— Пока ихъ оттуда не вынули.

— Разстегнуть верхнее платье, рубаху и удостовѣриться въ сказанномъ необходимо, замѣтилъ слѣдственный приставъ. Немного ниже плечнаго сочлененія примѣтна была рана.

— Это онъ! сказалъ исправникъ и отошелъ въ сторону. Теперь можно, прибавилъ исправникъ къ людямъ, предать тѣла этихъ несчастныхъ землѣ.

— А дѣло ихъ, подхватилъ стряпчій исправнику, предадимъ волѣ Господней. Жаль! этотъ человѣкъ для достиженія богатства чего не дѣлалъ? Временное отдѣленіе отправилось опять въ домъ. Стряпчій продолжалъ экстрактъ, почерпнутый имъ изъ дѣла.

— Изъ острога эти два существа отправились на одной лошадкѣ въ Петербургъ, имѣя у себя документы, купленные для нихъ смотрителемъ. Въ Петербургѣ служилъ въ то время сынъ ихъ, нынѣ болящій.

— А такъ и онъ виноменъ? Я было совершенно упустилъ это изъ виду. Хорошо. Продолжайте.

— Сынъ, увидѣвъ родителей, считавшихся умершими, отъ испуга чуть не умеръ; желая спасти себя отъ позора, далъ отцу довѣренность на управленіе имѣніемъ въ Малороссіи.

— Не отдѣлается и онъ, бѣдняжка, сказалъ исправникъ, дергая себя за лѣвый усъ.

— Отецъ пріѣхалъ въ Пожарища, подъ именемъ Иванова, скрывался долго, наконецъ видя, что ему бояться нечего, началъ выѣзжать, весть дѣла и скажу откровенно, что въ немъ заключались обширные эрудическія познанія.

— Жаль мнѣ молодаго человѣка; но надобно поступить съ нимъ по всей строгости законовъ, сказалъ исправникъ. А какъ вы думаете, Ѳома Федоровичъ, вѣдь наслѣднику за это будетъ порядочное что нибудь? сказалъ онъ тихо стряпчему.

— Конечно. Какъ поведемъ дѣло. Ѳемида слѣпа, иногда не того бьетъ, кто виновенъ; а того, кто неловко подойдетъ къ ней.

— Вы наслѣдникъ сему имѣнію, спросилъ строго исправникъ, подойдя къ Бродницкому.

— Я.

— Для чего вы, знавъ, что родитель вашъ, явясь къ вамъ подъ ложнымъ именемъ, просилъ довѣренности, оную ему выдали и тѣмъ скрыли преступника отъ заслуженнаго имъ наказанія.

— Я этого совершенно не зналъ, сказалъ спокойно Бродницкій. Исправникъ обратился къ стряпчему съ вопросительнымъ взглядомъ. Тотъ пожалъ плечами и отворотился въ сторону. Исправникъ дернулъ себя за усъ, увидѣлъ, что стряпчій сосчитываетъ, сколько ему прійдется взять за хорошій совѣтъ и счастливое окончаніе дѣла.

— Да, помилуйте, вопилъ исправнпкъ, кто же это зналъ?

— Зналъ это мой двоюродный братъ Александръ Бродницкій, сынъ умершаго.

— Такъ вы?

— Я только племянникъ умершаго—Павелъ.

— Гдѣ же находится упомянутый Александръ Бродницкій?

— Третьяго дня умеръ отъ холеры.

— Такъ вы вслѣдствіе этого и сказали, что Пожарища вамъ принадлежатъ?

— Такъ точно.

— Раковая-Балка, Стогища и Штиховановка, тоже ваши?

— Мои.

— Итакъ, имѣю честь васъ поздравить съ наслѣдствомъ, пока я буду имѣть удовольствіе съ временнымъ отдѣленіемъ ввесть васъ во владѣніе.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ Бродницкій.

Вуковскій просилъ всѣхъ въ другую комнату, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ.

Временное отдѣленіе послѣ обѣда уѣхало, не солоно хлебавъ.

Исправникъ одинъ остался, и его полюбилъ очень Бродницкій, какъ простаго, добраго и благороднаго чиновника, не напрасно выбраннаго въ эту должность дворянствомъ. Поздно исправникъ выѣхалъ и очень извинялся въ безпокойствѣ, нанесенномъ больному Бродницкому его внезапнымъ появленіемъ.

— Налагаю на себя постъ по четвергамъ, сказалъ Солопіевскій,—за ложь, произнесенную публично въ надгробномъ словѣ надъ великими грѣшниками. Господь да проститъ имъ всѣ согрѣшенія.

— Для чего же ты взялся говорить рѣчь? спросилъ Вуковскій.

— Жажда, свойственная тому, кто только что вступилъ на поприще, томила меня. Я никогда не произносилъ надгробныхъ рѣчей, а видя случай удобный, не могъ удержаться.

Неотлучно Вуковскій находился возлѣ Бродницкаго и его попеченіемъ и бдительностію молодой человѣкъ возстановилъ свое здоровье. Нужно было ѣхать въ полкъ. Управленіе по экономіи поручилъ Бродницкій эконому.

— Человѣкъ, которому вы дали довѣріе есть честности рѣдкой, сказалъ Солопіевскій,—а какъ онъ есть католикъ и при томъ польской націи, которая происходитъ отъ одного славянскаго племени съ нами; то ему невозможно поручить смотрѣніе за однимъ веществомъ, котораго находится великое обиліе въ господскомъ погребу.

— Это вѣрно за виномъ, сказалъ смѣясь Вуковскій.

— Такъ точно за симъ напиткомъ, веселящимъ человѣка, сказалъ тихо Солопіевскій.

— Отъ чего же нельзя? спросилъ Бродницкій.

— Славянское племя, большую наклонность имѣетъ къ употребленію винограднаго сока, въ вино искуствомъ винодѣловъ превращаемаго.

— Такъ кому же поручить это можно? спросилъ Бродницкій.

— Мнѣ, сказалъ Солопіевскій, какъ извѣстному своею трезвостію человѣку.

— Ну, быть по вашему. Возьмите ключи отъ погреба въ свои руки.

— И отъ книгохранилища, сказалъ Солопіевскій.

— Оно для васъ будетъ всегда открыто, такъ же какъ и мое сердце.

— Благодарю васъ, Павелъ Миксимовичъ, сказалъ Солопіевскій и, обнявъ Бродницкаго, поцѣловалъ его въ плечо.

По выслушаніи молебна и молитвы, благословляющей путь, Бродницкій, Вуковскій и Солопіевскій возвратились въ домъ. Послѣ обѣда Бродницкій вошелъ съ другомъ своимъ Вуковскимъ на крыльцо; управитель и дворовые люди проводили глазами уѣзжающаго господина.

— Господь благословитъ путь вамъ, сказалъ Солопіевскій, подходя къ опущенному окну кареты.

— Прощайте и пишите ко мнѣ въ полкъ,— сказалъ Бродницкій.

— Не премину. Еще одна просьба: если Свистилка вышелъ въ отставку, скажите ему, что я простилъ его и пригласите сего человѣка явиться ко мнѣ. Нынѣ, возница мой вверзъ меня въ родъ львиный. Желаю Свистилкѣ поручить смотрѣніе за конями моими и другими скотами, живущими въ дворѣ и домѣ моемъ. Скажите ему, что тотъ кого онъ обижалъ, строгъ съ нимъ не будетъ. По мнѣ: смиряйся! вознесенъ будеши.

— Трогай, сказалъ Вуковскій, нетерпѣливо шевелясь на мѣстѣ.

— Позвольте еще одна просьба: винная жидкость, съ признаками окисленія, можетъ ли быть мною изрѣдка употребляема?

— Даже и безъ окисленія, сказалъ съ улыбкой Бродницкій бывшему драгуну.

— Въ поддержаніе силъ болящаго человѣчества тоже?

— Сколько будетъ нужно.

— Ну, на это рейнвейнъ.... сказалъ Вуковскій,— а впрочемъ для нашего мужика родной напитокъ полезнѣе.

— Добрый путь! Господь сподобитъ васъ благополучно достигнуть до мѣста вами назначеннаго.

—Владѣлецъ уѣхалъ, сказалъ управитель,—и мнѣ очень жаль, что онъ такъ мало время пробылъ дома послѣ выздоровленія. Не знаю чѣмъ и прогнать свою грусть, сказалъ управитель, подходя къ погребу объ руку съ Солопіевскимъ.

— Не войдти ли намъ въ хранилище нектаровъ драгоцѣнныхъ?

— Войдемъ, — сказалъ очень равнодушно экономъ.

— Нѣтъ, отложимъ сіе до другаго времени. Завтра пятокъ, и мнѣ нужно быть въ храмѣ Божіемъ.

Солопіевскій простился съ управляющимъ и ушелъ домой очень доволенъ тѣмъ, что въ наклонности Славянина онъ не ошибся. Вуковскій плакалъ, завидя шпицъ Одесскаго собора, сребрившійся въ вышинѣ. Бродницкій развлекалъ Вуковскаго и тотъ далъ ему честное слово изгнать изъ памяти своей Евпраксію навсегда.

Бродницкій остановился у Оттона, Вуковскій занялъ новую кватиру. На другой же день онъ съ ревніемъ принялся за практику, летѣвшую къ нему на встрѣчу.

Возвратясь отъ Вуковскаго вечеромъ, Бродницкій повстрѣчалъ въ корридорѣ возлѣ общей залы, какъ будтобы знакомое лицо.

Онъ остановился на минуту и хотѣлъ идти.

— Не узналъ? Ты не узналъ меня?—Очень знакомое лицо, а голосъ еще больше напомнилъ Бродницкому прошлое время; но онъ никакъ не могъ припомнить, кто это стоитъ передъ нимъ съ головой лысой, какъ билліардный шаръ и съ бородкой, чортовымъ жаломъ выросшей.

Молодой человѣкъ подошелъ еще ближе. При свѣтѣ лампъ въ корридорѣ Бродницкій разсматривалъ изношенный, но опрятный костюмъ молодаго старика.

— Извините, никакъ не припомню гдѣ имѣлъ я удовольствіе васъ встрѣтить, сказалъ Бродницкій, взявшись за ручку двери.

— Но не ужели не узнаешь? спросилъ лысый, покручивая свои усы, торачщіе á la Rembrandt. Базиля Янскаго не узнаешь?

— Сюда, любезный другъ, вотъ случай, сказалъ Бродницкій, таща его за собой въ комнату.

— Ты въ Одессѣ?

— Я ѣду въ полкъ, сказалъ Бродницкій; но ка-

кимъ образомъ ты, изъ Москвы, очутился здѣсь— я не понимаю.

— Очень просто. Я одесскій житель.

— Но твои родители?

— Тоже здѣсь.

— А кто же въ деревнѣ?

— Въ деревнѣ? Въ какой деревнѣ?

— Да въ вашей.

— У насъ нѣтъ болѣе деревни. Ее продали съ публичнаго торгу.

— Что же твои родители?

— Живутъ изъ процентовъ маленькаго капитала, положеннаго ими въ коммерческій банкъ. Плохо живутъ. Меня изъ Москвы взяли. Какая здѣсь скука, да еще безъ денегъ...

— Гдѣ же Любочка?

— Любочка? И она тоже здѣсь.

— Съ мужемъ?

— Съ какимъ мужемъ? Вотъ новость!

— А съ Юріемъ Юріевичемъ.

— Старая пѣсня.

— Какъ?

— Эта свадьба не состоялась.

— Ты шутишъ?

— Вотъ еще вздумалъ бы я шутить, поселившись въ Одессѣ.

— Такъ Любочка свободна? спросилъ Бродницкій, не вѣря себѣ.

— Какъ нельзя больше.

— И я могу ее видѣть.

— Сколько тебѣ угодно. Отчего же нѣтъ?

— Позволь же обниму тебя за радостное, неожиданное извѣстіе.

— Обнимай сколько хочешь, ворчалъ Базиль,— вели ты даже подать закусить, я буду радъ—давно я не закусывалъ у Оттона.....

— Сдѣлай одолженіе, прикажи и подадутъ, сказалъ Бродницкій, задыхаясь отъ радости.

— Эй, человѣкъ! поди сюда.

— Можно видѣть теперь родителей?

— Нѣтъ, на дачу Ланжерона уѣхали.

— Съ кѣмъ?

— Одни, не безпокойся. Ни мы ни у кого, ни у насъ никто. Живемъ довольно гордо.

— Скоро ли они возвратятся?

— Черезъ часъ я тебя представлю. Повѣритъ ли Любочка, что ты передъ ней явился такимъ же точно, какимъ съ нею разстался?

— Я ее увѣрю.

Съ любовію и наслажденіемъ выпилъ стаканъ вина Базиль, и преисправно началъ кушать.

— Невѣроятно, я не могу прійдти въ себя, сказалъ Бродницкій, какимъ образомъ свадьба Любочки разстроилась? Разскажи мнѣ, ради Бога.

— Вели подать сыру и анчоусовъ.

— Сыру и анчоусовъ, сказалъ Бродницкій 'лакею.

— Вотъ какъ, сказалъ Базиль, посматривая на

дверь и обнимая обѣими руками стаканъ, до половины выпитый.

Сыръ и анчоусы подали.

— Ну-съ, началъ Базиль, закусывая:—Юрій Юрьевичъ былъ замѣшанъ въ одномъ тайномъ дѣлѣ. Его обличили въ перепискѣ съ многими участниками этого дѣла. Передъ свадьбой ему дали знать, что правительство распорядилось арестовать всѣхъ его пріятелей. Юрій Юрьевичъ поторопился жениться и наканунѣ вѣнчанья, въ ночь послѣ дѣвичника, его схватилъ жандармскій штабсъ-капитанъ. Спасибо ему за одно. Изъ учтивости къ гостямъ и къ родителямъ, онъ его похитилъ такъ тайно, что отсутствіе жениха замѣтили всѣ тогда, когда вышли уже въ залъ и собрались ѣхать къ вѣнцу.

— Гдѣ же онъ дѣвался?

— Умеръ въ дорогѣ, возвращаясь изъ Петербурга и не доѣхавъ до Тюменя.

— Идемъ, сказалъ Бродницкій, взглянувъ на часы.

— Сію секунду, отвѣчалъ Базиль съ полнымъ ртомъ, допивая послѣдній стаканъ шампанскаго.

Черезъ часъ молчаливый Бродницкій держалъ руку Любочки, хотя блѣдной, похудавшей, но все такъ же прекрасной, какъ и прежде.

Родители того же вечера благословили Любочку и назвали сыномъ Бродницкаго. Черезъ мѣсяцъ Бродницкій женился. Еще двѣ недѣли провели

Янскіе и Бродницкій въ Одессѣ и выѣхали тремя экипажами въ Малороссію. Везъ Бродницкій въ свое жилище ту, которая одна была въ силахъ заставить его еще болѣе любить жизнь. Онъ предположилъ оставить службу и въ деревнѣ захотѣлъ наслаждаться счастіемъ, вдали отъ шума и людей, отнимающихъ у молодыхъ супруговъ большую часть короткихъ минутъ радостей и удовольствій. Бродницкій вполнѣ достигъ желаннаго. Вы ему завидуете? По мнѣ не стоитъ. Неужели не явится у него новыхъ требованій? Неужели не станетъ томить его жажда достиженія чего-нибудь другаго?

Если нѣтъ, то ему прійдется точно также, какъ и многимъ, положить въ гробъ лучшую игрушку, забавляющую человѣка на печальномъ пути жизни. Безъ этой игрушки монотоненъ и однообразенъ будетъ его вѣкъ, и среди грудъ золота ему скучно будетъ маяться на бѣломъ свѣтѣ.

КОНЕЦЪ 4-й И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
312	16	и	мать и
313	2	вечерю	вечерею
320	25	противкиповъ	противниковъ
327	19	день	скучный день
328	1	гирѣли	горѣли
335	25	брашной	брамой
341	9	что	и
344	21	отозвала	отозвался
351	17	встваряете	вытворяете
359	20	поѣздѣ	поѣздкѣ
364	10	мѣста	губернскія мѣста
368	8	де	да
372	2	372	
373	3	373 и т. д. до стр. 387-й	

Часть III.

88	25	полсвѣта	повѣта
38	26	пополненными.	пополненныхъ.
89	6	живинькій	живисенькій
100	8	чисто.	часто.
100	12	Moѵcie	Marie
102	18	протуарѣ	тротуарѣ
105	18	ни	не въ
107	8	хамо	Хóмо?
107	25	боляниу	бо ляпну
112	26	Ивановича;	Ивановича
—	24	городѣ,	три года,
175	4	мною	мнѣ
—	16	слѣпая	нѣмая

Часть IV.

204	20	плаваетъ!	плаваешъ!
219	12	дичь?	дочь?
226	23	продалъ	промѣнялъ
236	3	онъ,	о охъ!
239	26	долго;	долго
264	11	въ Петербургѣ,	въ Москвѣ,

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читать:*
312	16	и	мать и
313	2	вечерю	вечерею
320	25	противкиповъ	противниковъ
327	19	день	скучный день
328	1	гирѣли	горѣли
335	25	брашной	брамой
341	9	что	и
344	21	отозвала	отозвался
351	17	встваряете	вытворяете
359	20	поѣздѣ	поѣздкѣ
364	10	мѣста	губернскія мѣста
368	8	де	да
372	2	372	
373	3	373 и т. д. до стр. 387-й	

Часть III.

88	25	полсвѣта	повѣта
38	26	пополненными.	пополненныхъ.
89	6	живинькій	живисенькій
100	8	чисто.	часто.
100	12	Movcie	Marie
102	18	протуарѣ	тротуарѣ
105	18	ни	не въ
107	8	хамо	Хóмо?
107	25	боляниу	бо ляпну
112	26	Ивановича;	Ивановича
—	24	городѣ,	три года,
175	4	мною	мнѣ
—	16	слѣпая	нѣмая

Часть IV.

204	20	плаваетъ!	плаваешь!
219	12	дичь?	дочь?
226	23	продалъ	промѣнялъ
236	3	онъ,	о охъ!
239	26	долго;	долго
264	11	въ Петербургѣ,	въ Москвѣ,

Мало Г. Викторинъ. Ц. 1 р 50 k.
М. В Правила распредѣленія рабочаго времени Ц. 3 k.
Малышевъ. Стихотворенія, книга 1-я Ц. 50 k.
" " 2-я. Ц. 50 k.
Матерсъ. Слѣпое правосудіе. Ц. 75 k.
Михайлова. Алчущіе. Ц. 2 р.
" Адамъ Адамычъ. Ц. 1 р. 25 k
" Бездомники. Ц. 2 р.
" Милые бездѣльники. Ц. 1 р. 25 k.
Малышевъ. Владиміръ Бѣльскій. Ц. 1 р.
Марковъ. Курскіе порубежники. Ц 1 р. 50 k.
Мясоѣдовъ. Безъ заглавія. Ц. 75 k.
" Мигъ любви. Ц. 50 k.
Немировичъ-Данченко. Не у себя. Ц. 40 k.
" Разошлись. Ц. 1 р.
" Сполохи. Ц. 1 р.
" Слезы. Ц. 1 р.
" Воскресшія были. Ц. 1 р.
" Дора. Ц. 1 р.
" Незамѣтные герои Ц. 1 р.
" На литературныхъ хлѣбахъ. Ц. 1 р 25 k.
Николаевъ. Очерки соврем. беллетристики. Ц. 75 k.
" Тургеневъ. Ц. 1 р.
Павлищевъ. Воспоминаніе объ А. С. Пушкинѣ. Ц. 2 р.
Пруссъ. Слимакъ и нѣмцы. Ц. 50 k.
Прево М. Таинственный садъ. Ц. 1 р.
Саліасъ. Былые гусары. Ц. 1 р.
" Барыни-крестьянки Ц. 2 р.
" Бригадирская внучка Ц. 1 р. 50 k.
" Вѣдунья. Ц 1 р 50 k.
" Донскіе гишпанцы. Ц. 1 р.
" Заира. Ц 1 р. 50 k.
" Искра Божія. Ц. 2 р.
" Крутоярская царевна. Ц. 1 р. 50 k.
" Пятое колесо. Ц. 1 р. 50 k.
" Самозванка, въ 2-хъ томахъ. Ц. 3 р.
" Тьма. Ц. 1 р.
Случевскій. Троице-Сергіева Лавра. Ц. 25 k.
" Внизъ по Волгѣ. Ц. 25 k.
" Историческое значеніе св. Сергія. Ц. 25 k.
" Книжка моихъ старшихъ дѣтей, въ 15 выпус. Ц. 10 k. выпускъ.
Стринбергъ Скандинавскія повѣсти. Ц. 75 k.
Сенкевичъ Камо грядеши? Ц. 2 р.
" Безъ догмата. Ц. 2 р.
Толстой. Плоды просвѣщенія и Смерть Ивана Ильича. Ц. 40 k.
" Хозяинъ и работникъ. Ц. 25 k.
Тихомировъ. Борьба вѣка Ц. 40 k.
" Демократія соціальная и либер Ц. 60 k.
" Духовенство и общество Ц. 20 k.
Туръ Е. Повѣсти и разсказы, 4 тома. Ц. 3 р.
Троллопъ. Какъ мы теперь живемъ. Ц. 3 р.

